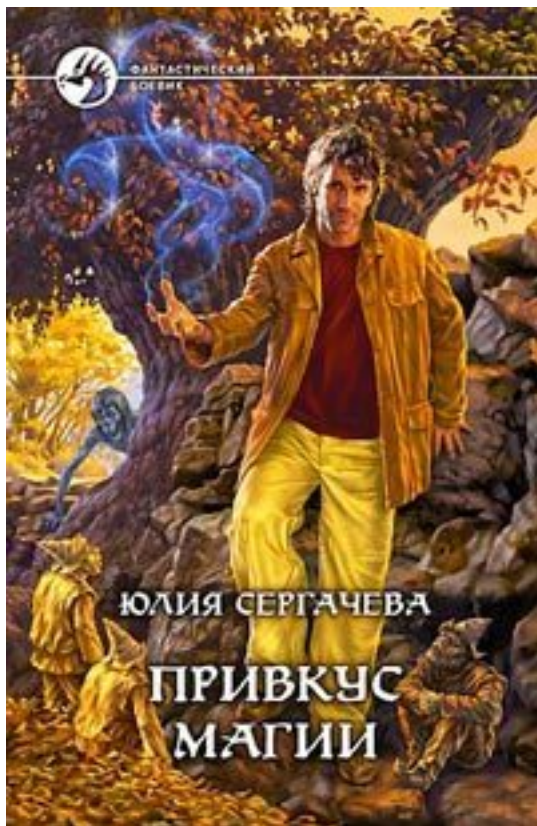

Фантастический
Состиздат

ЮЛИЯ СЕРГАЧЕВА

ПРИВКУС
МАГИИ

Юлия Сергачева

Привкус магии

<http://lib.aldebaran.ru>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160684

Сергачева Ю. Ю. Привкус магии: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.;

2007

ISBN 5-93556-903-5

Аннотация

В мире, поделенном между Белыми и Черными магами, нелегко жить тому, кого угораздило прослыть магом Черно-Белым.хлопот не оберешься. А тут жизнь и вовсе превратилась в гонку на выживание, с тех пор как... Да, в общем, неважно, с какого момента. Важно, что теперь герою, как и шахматной пешке, необходимо пересечь черно-белое поле вовсе не для того, чтобы превратиться в фигуру. Нужно бежать со всех ног, чтобы к концу игры просто остаться самим собой.

Содержание

Когда-то в Белых пределах...	5
1	9
2	30
3	42
4	66
Когда-то в Белых пределах...	72
5	78
6	109
7	159
8	214
9	263
10	276
11	329
12	361
13	411
14	475
Когда-то в Черных пределах...	493
15	501
16	530
17	602
18	652
19	693
20	729

Когда-то в Белых пределах...

747

21

751

22

792

Юлия Сергачева

Привкус магии

Когда-то в Белых пределах...

Машина, хоть и догорала уже, полыхала ярко, зрелищно и безнадежно. Проступал черный остов сквозь трепещущие оранжевые лепестки огня. Даже со стороны было ясно, что никто из находившихся внутри салона не мог уцелеть.

Прибывшие пожарники заливали машину пеной лишь для того, чтобы пламя не разошлось окрест.

Сумрачный и бородатый, как отшельник, некромант поводил раскрытыми ладонями вокруг сгоревшего автомобиля, вынюхивая остаточные эманации. Морщился от жара, кривил губы...

– Что там? – спросил Жан, закуривая. Не любил он такие случаи, когда приходишь слишком поздно и уже ничего исправить нельзя, будь ты хоть трижды чародеем.

– Любопытно, – безо всякого любопытства в голосе ответил некромант, шурясь на огонь. С кончиков его пальцев струилось зыбкое сероватое сияние.

– Что любопытно? – переспросил Жан, поймав себя на том, что и в его голосе ни капли интереса, а лишь усталая обязательность.

– Крепкий некрообраз, – ответил бородач, потирая кончики пальцев, и сероватое сияние ссыпалось с них как чешуя. – Погибших двое, хотя в машине было три человека. Муж, жена и ребенок лет шести. Вел машину мужчина. До момента гибели женщина спала. Ребенок сидел на заднем сиденье.

– И что в этом любопытного?

– Водитель был магом. И его жена тоже...

– Маги? – поразился Жан. – Как тогда такое могло случиться?

– По словам мальчишек, что тут неподалеку околачивались, – вмешался прислушивавшийся к разговору полицейский, – все произошло очень быстро. Здесь участок пустынный, место... – Он замялся неловко, но продолжил: – ...Вроде как недоброе считается, из-за Башни... – кивнул он в сторону.

Жан послушно посмотрел. Ничего особенного там не было, только далеко, в стороне от дороги, угловато торчали руины. Может, и Башня.

Некромант брезгливо дернул уголком бесцветных губ и щелкнул портсигаром. Но еще до того как он успел отвести взгляд, Жан впервые заметил в его тусклых глазах искру интереса. К развалинам? Или к чему-то, что сам Жан упустил из виду?

Полицейский, убедившись, что нужного впечатления не достиг, поторопился закончить:

– К тому же все разгоняются здесь, чтобы побыстрее к озе-

ру попасть. Они, наверное, тоже... А тут, как назло, на дороге прямо перед машиной выскочил пацан... Ну водитель, видимо, и отвернул резко, да неловко, прямо вон... туда. – Полицейский вздохнул.

– Он же маг! – воскликнул изумленно Жан. – И его жена тоже. Неужели ничего не смогли предпринять?

– Видите ли... – раздумчиво сказал некромант, раскуривая длинную бурую сигарету. – Даже маг – это всего лишь человек. И в доли мгновения может принять только одно решение. На большее он неспособен. Или мог спасти себя и свою семью, но тогда на пацана на дороге не хватило бы времени, и машина снесла бы его. Или водитель мог просто вывернуть руль, как самый обычный... то есть как нормальный человек, не желающий сбить ребенка...

– И убить себя и тех, кто был с ним рядом?

– Наверное, не думал, что машину так занесет. Дорога не просохла... – Некромант странно поморщился, будто недовольный вкусом своей сигареты, и закончил безразлично: – Водитель просто был хорошим человеком, а уже потом магом. И действовал по-человечески.

– А женщина?

– Женщина не успела проснуться.

– Вы сказали, что был еще ребенок.

– Был. Но среди погибших его нет. Либо отец успел выбросить его из машины невесть куда. Либо он вылетел от удара и, пока спасатели добирались до места аварии, убрел ку-

да-нибудь. В шоке. Но маловероятно, что он мог уйти далеко, даже если почти не пострадал. А я, во всяком случае, в радиусе тысячи шагов, сейчас его не чувствую... Спасателям даже в голову не пришло, что кто-то мог уцелеть в таком огне... Распорядитесь, пусть объявят розыск.

– Что значит – выбросил? Куда? Это невозможно! – возмутился Жан.

Некромант усмехнулся:

– Все возможно, молодой человек. Пути мертвых идут по изнанке нашего мира.

– Что это должно означать? – не без раздражения осведомился Жан.

Некромант лишь рассеянно разогнал ладонью дым от сигареты. Ничего объяснять он явно не собирался. А может, это он так пошутил. У некромантов странное чувство юмора, это все знают.

Жан окинул взглядом жидкую рощицу возле дороги. Зевак было не так много, только те, кто успел примчаться из соседнего поселка, да пара случайных проезжих с шоссе. Возле обочины перешептывалась стайка притихших подростков. Чуть в стороне, возле полицейских, стояла бледная, растрепанная женщина, стискивающая руками плечи шуплого пацана с удочкой. И неотрывно смотрела на горящую машину.

1

...Следы и впрямь были – бесформенные отпечатки, покрытые невесомым, белесым игольчатым мхом, пятнали выщербленный, замусоренный пол и стены, а совсем свежие трепетали в воздухе, как снежные оттиски. Случайное прикосновение к ним вызывало озноб и смутный страх.

Впрочем, притаившееся под притолокой существо безобидно и беспомощно, как всякая иллюзия, утратившая свою силу.

Через щели неплотно сомкнутых оконных ставень сочился тусклый, стеклянистый свет, наполнявший дом пепельными тенями. Каждый шаг отзывался скрипом половиц и шорохом испугнутых мышей под досками.

Сущность в углу шевельнулась. Повела безглазой мордочкой, еще не лишившейся очертания женского лика. Сущность оголодала и истончилась. Вряд ли ей удавалось подпитываться свежими эмоциями в последнее время. Еще год-другой и она развеялась бы сама собой.

Прищурившись, я рассматривал ее, испытывая одновременно жалость и раздражение.

Жалость вызвало само существо – едва уловимая, мелко дрожащая субстанция, пытавшаяся спрятаться в паутине. Не призрак даже, а так – воспоминание, чье-то зыбкое видение, аморфное и безмозглое, только и способное, что реагировать

на призыв и рождают миражи. Видно, в доме кто-то долго и безнадежно тосковал по ушедшему. Так долго, что породил это унылое создание, оставшееся даже после исчезновения своего творца, как забытая болонка после смерти старушки. Никчемное и беспокойное.

Раздражение вызывали те, кто приволок меня сюда. Есть, в конце концов, предел и моему терпению. В следующий раз они заставят меня выскрести плесень из колб захудалого алхимика. Чем не вариант рационального использования доставшегося им высококлассного мага?

Тварь встрепенулась, почуяв всплеск эмоций, заинтересованно обернулась и заструилась по стене, оставляя следы. Те самые, прикосновение к которым, даже невидимым, вызывает в людях озноб и немотивированную тревогу, отпугивающую практически всех от брошенных домов.

Я краешком глаза следил за движением тени. Она повисла рядом, а через мгновение заметалась растерянно. И без того едва обозначенные черты женского лица окончательно исказились и утратили всякую привлекательность. Жадно разевая ротик, тень бестолково и тупо, как муха о стекло, билась о непреодолимую для нее преграду.

Люди, сумрачно подумал я, наблюдая за терзаниями бедной твари, во имя всех своих богов, не вкладывайте в иллюзии столько собственных жизненных сил. Потратьте их с пользой для тех, кто живет рядом во плоти...

Ну если меня потянуло на назидательные сентенции – то

дело совсем дрянь...

Мысленно накрыв трепыхавшуюся тень, словно бабочку – ладонью, я обратил ее в сгусток блеклого пламени, очистив от всей личностной шелухи, а затем рассеял теперь уже безымянную и бездумную сущность в тенях от мебели, в тусклом блеске стеклянного крошева на полу, в танце пылинок в воздухе...

Отныне пустой дом, лишенный призрака, станет гнить быстро и необратимо.

– Уже все? – послышался от дверей несколько напряженный голос.

– Я еще собирался тут подмести, – сухо сообщил я, оборачиваясь к вошедшему.

– Простите? – Никош немедленно обеспокоился, как и всегда в тех случаях, когда не знал, каким образом реагировать на мои действия или слова.

Звали его Риво Никош. Этот чернявый господин с глубокими двусторонними залысинами желтоватого оттенка чрезвычайно походил на мелкого лесного ужа и внешним видом и повадками – вертлявостью, мгновенно сменявшейся оцепенелостью, и необъяснимым пристрастием к молоку. А еще тем, что он изо всех сил старался прикинуться опасной змеей, скрывая свою безобидную суть.

На самом деле змеей или, скорее, питоном был его непосредственный начальник – Танас Бложев, но личного участия в выездных мероприятиях он, естественно, не прини-

мал.

Никош озирался опасливо и настороженно, стараясь одновременно удержать в поле зрения всю комнату целиком. Призраков, даже самых безвредных, он смертельно боялся, как некоторые боятся мышей – безосновательно, инстинктивно и от всей души.

– Все, – утешил я его. – Дом пуст.

– Вот и хорошо, – с искренним облегчением отозвался Никош. – Пора уже и возвращаться.

Теперь, обретя новую цель, он оживился и воспрянул. Для представителя одной из старых магических школ Риво Никош слишком уж недолюбливал все связанное с магией, предпочитая дела простые и понятные. Впрочем, и колдун-то он числился слабеньким, на грани средней руки иллюзиониста, зато администратором слыл отменным, за что, надо полагать, и был ценим.

После полумрака и пыльной затхлости жилья воздух снаружи казался нестерпимо чистым, а свет – резким. Я, щурясь и вдыхая жгучую прохладу, остановился на пороге.

– Задержались мы сегодня, – укоризненно бормотал Никош, протискиваясь мимо и изо всех сил стараясь не задеть меня даже краем своего пальто.

Ночь давно сдала свои позиции, но над городом все еще стлались зябкие, сероватые сумерки, вяло перетекающие в такой же студеной и сумрачный осенний день. Снег слегка припорошил тронутую морозцем землю, скрывая грязь и

бронзово-рыжую листву, устилавшую невыметенные дорожки возле старого дома. Дом выглядел бы даже привлекательным в такой оправе, если бы не выбитые стекла и покосившиеся ставни на окнах. Тот, кто строил его здесь, сознательно искал уединения и покоя. И поселил сначала в своем сердце, а потом и в своем доме иную, призрачную жизнь.

И былой хозяин дома вряд ли обрадовался бы вторжению в его владения такого количества посторонних.

Три легковые машины плюс фургон смешали снежное покрывало с землей.

Все четыре машины дорогие и в меру неприметные, неброских цветов. Все до единой собраны без применения привычных в этих краях магических технологий. И могу поспорить, что на каждой детали, даже самой крошечной, стоит специальная маркировка.

Возле фургона курили четверо хмурых техников в комбинезонах без опознавательных знаков. Никош пояснил, что в фургоне перевозили некое дополнительное оборудование. Мне лично за неделю нашего общения этого оборудования видеть не доводилось, поскольку необходимости в его использовании ни разу не возникало, поэтому приходилось верить Никошу на слово. Практически все время парни из фургона сосредоточенно травили себя сигаретами возле своей повозки.

У второй машины тоже обычно бесцельно маячили тройцы периодически меняющихся людей. Молодые парни и ино-

гда девушки. Рабочие маги. Собственно, те самые, кому и положено заниматься мелочью вроде давешнего призрака. Хотя в данном случае справились бы и подмастерья. Дежурная троица также держалась поодаль и от техников отличалась только тем, что предпочитала сигаретам бесконечный кофе из термоса.

Зато пассажира третьей или, вернее, первой машины я не видел ни разу, но ощущал его присутствие за затемненными стеклами ежесекундно. Мужчина это был или женщина, молодой или старый, оставалось только догадываться. Единственное, что я знал наверняка, – этот человек был Белым магом, сильным настолько, что если бы магия излучала свет и тепло, то машина, в которой он находился, сияла бы ослепительно и дышала гибельным жаром. А если бы в его автомобиле имелись хоть какие-то, пусть даже намертво заговоренные, магические детали – машина рассыпалась бы в считанные секунды.

Маг никогда ни во что не вмешивался, стойко перенося рутину, недостойную его квалификации. Однако если все остальные после первых дней настороженности постепенно принялись скучать, то невидимый маг к происходящему интереса не утратил и уровень внимания не ослабил даже к концу недели. Только объектом его наблюдений являлись, безусловно, не пыльные тени и призраки.

Наверное, он мог бы скрыть свое присутствие, но не стал этого делать. Своего рода предупреждение или простая лю-

безность? Во всяком случае, без особых оснований дразнить его мне не хотелось.

Никош обычно ездил в машине с магом-невидимкой и, наверное, изрядно страдал от его присутствия. Выбираясь каждый раз из салона, он выглядел больным и осунувшимся. Магия такой мощности способна физически угнетать всех находящихся рядом.

В четвертом автомобиле размещался я в компании Луки. Кроме того, к каждой машине прилагался водитель.

Зачем вся эта разнокалиберная компания таскается по объектам, где и одному делать нечего? Помогать по мере сил? Учиться? Наблюдать? Нет, наблюдал здесь только невидимый маг. Все остальные бездельничали и маялись со скуки. И я их отлично понимал.

...Лука, опиравшийся на перила веранды, только чудом не обвалившись под его изрядным весом, тоже грел ладони о неизменную чашку с кофе. В здешних северных широтах он выглядел странно и неуместно – громадный, широкоплечий, слегка сутулый, темнокожий настолько, что казался отлитым из нефти, и при этом желтоглазый, как хищная кошка. Впрочем, на кошку, даже дикую и большую, он не походил. Скорее на медведя. Пластиковый стаканчик в его руке смахивал на яичную скорлупку.

Наше с Никошем появление внесло оживление в ряды приунывших соратников. Техники резво и без сожаления раздавили недокуренные сигареты и попрыгали в фур-

гон. Маги захлопали дверцами своей машины, выплескивая недопитый кофе из окошек. Дружно заурчали все моторы. И через полминуты вереница машин, развернувшись и споро подтянув хвост из отстающих, понеслась по шоссе, постепенно вливаясь во все уплотняющийся поток городского транспорта.

Одиночные домики и облетевшие сады частного сектора сменялись многоэтажными прямоугольными и одинаковыми, словно калька друг с друга, термитниками спальных районов. Затем пространство резко сократилось, исчезли пустыри, уступая место втиснутым в каждый свободный метр застройкам, иногда причудливым и любопытным, иногда официальным и мрачным. Заволновался свет в стеклянных витринах, зарябило в глазах от вывесок и реклам. А улицы, еще недавно практически пустые и безмолвные, затопили потоки спешащих людей.

Над толпами, как взвесь брызг над бурной речкой, стлалась смутная пелена, иногда рождающая просверки огоньков, похожие на электрические разряды, – видно, не все горожане утром поднимались в хорошем настроении.

Далеко в центре города маячил белый шпиль дворца Белой Королевы, различимый в любую погоду и с любой обзорной точки. Словно исполинская игла, воткнутая в мерно покачивающееся, низкое перламутровое небо. Пока не взошло солнце, шпиль тускл, как молоком облит, но потом за-

сверкает.

Машина плавно сбавила ход на перекрестке, центром которого являлся бронзовый памятник человеку на вздыбленном коне. Удержать подобную композицию только мастерством скульптора было невозможно, и, присмотревшись, я различил сеть тускло тлеющих линий, стягивающих коня и всадника воедино. Ну а если присмотреться еще лучше, то можно заметить и грязноватый, буро-черный кокон негативной энергии, схожий с комком спутанных волос, оплетающий памятник.

– Это кто? – любопытствовал я.

Пространство между водительским сиденьем и пассажирами прошивали серебристые, чуть поблескивающие линии защитных знаков, смахивающие на морозные узоры. Но водителя это не утешало. В первые дни он вообще косился на нас так, словно в салоне ему приходилось перевозить голодных тигров, хотя потом вроде притерпелся.

Водитель, не оборачиваясь, взглянул в зеркальце и отозвался важно, как большинство местных жителей, когда речь заходила о достопримечательностях их родного города.

– Это памятник Каю Победителю. Он правил во время нашествия кочевников-ахара и ценой жизни своей семьи и всех своих богатств выкупил город у варваров.

В общем, можно было и не спрашивать. Победителей, как правило, ваяют на лошадях. Причем последних практически всегда заставляют стоять на двух копытах вместо свойствен-

ных им четырех.

– Отдал, значит, родственников на растерзание ради любимого города? – задумчиво повторил Лука, глядя снизу вверх на невозмутимого всадника. – А сам, понимаешь, на коне...

Водитель нахмурился. Умеренная доброжелательность, которую он начал испытывать за неделю наших ежедневных поездок, явно принялась стремительно испаряться, как сухой лед.

– Подобную жертву его заставили принести обстоятельства, и до конца своих дней он скорбел о смерти своей супруги.

– Что не помешало ему еще трижды, если я не ошибаюсь, жениться, – все тем же размышляющим тоном продолжил Лука.

Впрочем, как раз в этот момент машина тронулась с места, и дискуссия увяла в зародыше. К счастью, наверное, потому что водитель негодующе засопел.

В последние дни мы заканчивали значительно раньше, до рассвета, когда по пустым автострадам скользили разве что случайные одиночки, встречные светофоры сонно подмигивали желтыми циклопскими глазами. Тогда четыре автомобиля с мягким шорохом проносились по свободным дорогам, оставляя на едва присыпанном снежной крупой покрытии черные полосы.

Теперь же приходилось неспешно течь в тесном потоке и

стараться не потерять голову или хвост своего поезда. Разбуженный город навязывал собственные правила поведения. И знать не желал, что за пассажиров везут металлические коробки. Даже маги бессильны диктовать свою волю подобному исполину...

Досада водителя билась и рикошетила о защитный барьер, как мелкая щебенка, хотя внешне он оставался невозмутимым.

Машина в очередной раз затормозила у светофора, оказавшись в достаточно неудобном для маневра крайнем правом ряду. Зато отсюда можно было разглядывать людей и витрины, а не затемненные стекла и недовольные физиономии таких же коллег по несчастью.

Я лениво и без особого интереса скользил взглядом по рекламным щитам и вывескам. «Замок Чудес – новый сверхбольшой магазин на Проспекте!..» «Ускоренные курсы бытовой магии: шить, готовить, убирать, чинить, а также налаживать отношения...» «Персональная выставка Леаны Глетчер...» «Фирма «Стожар» представляет...»

Стоп! Шаг назад... Неяркая, но приметная черно-зеленая афиша, наклеенная на витрину художественного салона. Слишком далеко, чтобы прочесть что-то кроме заглавной надписи.

Машина тронулась, и мир снаружи снова потек мимо и назад.

Леана. Черное и зеленое. Нет, ошибиться невозможно...

– Спишь? – Лука тронул меня за плечо. – Приехали.

Проклятие, и впрямь задремал, погрузившись в воспоминания, будто столетний старец.

При дневном свете двухэтажный Павильон выглядел даже привлекательно, без той суровой строгости, которую придают ему сумерки или ночь. Днем видно, что темные камни покрыты ярко-зелеными кляксами мха, а хрупкие после заморозков, багряные виноградные листья живописно оплели часть фасада.

Первая машина с таинственным магом, как всегда, растаяла еще на подъезде к Павильону и не появится до вечера.

...Водопровод в этом доме под стать архитектуре – древний и архаичный, и, надо отдать должное здешним специалистам, следили за ним исправно. И все равно периодически из вычурного крана, сделанного в виде головы гидры, лилась жидкость, весьма напоминающая выделения, свойственные этому самому животному: смесь желчи с грязью. А ведь считается, что именно Белые маги искусны в овладении и использовании разного рода достижений инженерной мысли. Или это не относится к водопроводу?

В дверь постучали, и на пороге возник Лука с телефоном. Произнес губами: «Патрон!» – и скроил выразительную мину. К Корнилу Лука относился с благоговением.

– Доброе утро, – послышался знакомый голос, и перед моим внутренним взором проступило сухощавое, смуглое лицо

с пронзительными, не серыми даже, а ртутного оттенка глазами. – Надеюсь, я не помешал? Лука сказал, что вы только что вернулись.

– Да, минут десять назад.

– Труд во благо общества?

– Что-то вроде...

– Не могу не отметить отсутствие энтузиазма в твоём голосе.

Я вздохнул и проговорил с энтузиазмом:

– Мама и папа, заберите меня отсюда, пожалуйста. Я стану хорошим и послушным и всегда буду есть манную кашу.

– Гм, – хмыкнул Корнил, – поздновато для раскаяния, ты не находишь?

– Мера наказания слишком жестока для совершенного проступка.

– Очень тяжело? – удивился Корнил.

– Очень тоскливо. Они, похоже, намерены уморить нас бездельем.

– О твоей работе поступил положительный отзыв. В целом тобой довольны.

– Еще бы. Я гоняю затравленных призраков, мелкую нечисть и пауков по пыльным углам. С каждым днем все успешнее. В сопроводительных бумагах было что-нибудь сказано о степени моей квалификации?

– Более чем достаточно, смею тебя заверить. Боюсь, именно по этой причине тебя держат на коротком поводке. А если

ты выкинешь финт вроде недавнего? Однажды ты уже совершил если не глупость, то неосторожность, продемонстрировав свои возможности. Нет ничего удивительного, что тебе не доверяют.

– Разве между Белыми и Черными магами не налажено взаимовыгодное сотрудничество?

– По поводу взаимовыгоды с тобой бы поспорили обе стороны... Впрочем, ты прав. Черные оказывают содействие Белым и наоборот. За деньги, услуги и уступки. Ты же отбываешь наказание, – значит, мотивация у тебя совсем иная. А откуда им знать, какая именно?

– Отбыть оставшиеся двенадцать дней и не впасть в летаргию.

– Трой, для них твое поведение непредсказуемо. Ты не являешься их идейным сторонником, хотя мог бы по праву рождения, в то же время ты не являешься их противником, с которым заключено временное соглашение, как в тех случаях, когда Черных магов нанимают на работу Белые. Тебе знаком этот расклад с детства. Ты Черно-Белый, и это известно всем. Вдобавок ко всему, ты еще слишком молод, а, следовательно, втройне нестабилен. А многие старцы в Совете до сих пор искренне полагают, что объединение двух магий способно привести к безумию их носителя, и все ждут, когда это случится с тобой. Так что воздержись от провокаций и не давай никому повода объявить тебя сумасшедшим и угрозой для безопасности мира.

– И почему никому не приходит в голову рассматривать мою персону не как источник потенциальных вселенских разрушений? Я разве демонстрирую тягу к разрушительному поведению?

– А разве нет? В конце концов, твои нынешние наниматели знают тебя всего несколько дней. Дай им время.

– Если они будут заставлять меня ловить домовых, шанса узнать меня лучше у них все равно не будет, – недовольно проворчал я.

– Это вопрос доверия... И, честное слово, мне бы твои проблемы, – пробормотал с чувством Корнил. – Наслаждайся, пока можешь. – Он помолчал и все-таки спросил с неподдельным любопытством: – А как тебе там вообще? Это ведь могло быть твоим домом.

Я машинально пожал плечами, хотя знал, что собеседник меня не видит:

– Это определенно не то, что я хотел бы назвать своим домом.

– Что ж, желаю тебе приятно провести время в ссылке. И постарайся не усложнить ситуацию. Совет все еще сомневается, а верное ли решение было принято в твоем случае...

Корнил прав, я совершил глупость. Увлекся. Ущерб по мнению Трибунала был нанесен обеим сторонам равноценный. Но поскольку большую часть времени я провожу все-таки в сфере влияния Черных, отбывать наказание меня отправили к Белым. Белые сами должны были выбрать наибо-

лее приемлемый для них вариант использования моей силы. Но, похоже, они предпочли выбрать наименее продуктивный. Зато безопасный.

Вспомнив Двусторонний Совет, я невольно поежился. На основную часть заседания меня, конечно, не пригласили. Вызвали только выслушать вынесенный вердикт. И в своем решении Совет был как никогда един: виновен. Основной удар принял на себя Корнил, и, наверное, только его влияние охладило многих особенно ретивых сторонников Терминатора.

Шесть лет назад за гораздо менее серьезный проступок я получил вечную компанию в виде Луки со стороны Черных и уникальный браслет на запястье со стороны Белых. На этот раз я легко отделался. Они ведь до сих пор не знают точно, что именно произошло на Перегибе. А те трое, кто был там со мной, отделались штрафами и принудительной отработкой.

Я еще раз поморщился – воспоминания царапались...

Все было на самом деле не так уж страшно. Опасно? Возможно, как и всякий эксперимент. Зато интересно... нет, даже захватывающе. Пересеченная магия – это не для слабо-нервных...

Уверен, все прошло бы гладко, если бы не...

Для того чтобы удержать процесс под контролем и не отвлекаться, мне в помощь требовалось еще четыре мага. Хва-

тило бы и троих, но для пущей безопасности и стабильности хотелось все-таки четверых. Причем достаточно сильных и достаточно сумасшедших (чего уж греха таить). Троих я нашел среди друзей и знакомых. Двоих Черных – Ромара и Ингу (привычных к исходным силам), да к тому же я в основном вращался в кругу Черных. И одного Белого – Весиля, чтобы направить слепую силу в нужное русло. А кому еще это удастся лучше, чем Белым? Четвертого отыскать оказалось не так просто. Ближний круг знакомых был исчерпан (сильные и молодые маги все-таки на дороге не валяются), поэтому Ромар позвал своего приятеля, тоже из Черных. Сказал, что доверяет ему как себе.

Вот мы и ждали его, этого четвертого...

...Ночь наваливалась как бархатный занавес – пыльная, оглушающая, жаркая. Воздух слоился, оседая под тяжестью дыма и гари. Электричество, растворенное в нем, заставляло светиться контуры всех предметов. С моей обзорной точки можно было различить только напряженное, с закушенными губами лицо Инги. Вокруг нее плескалась мерцающая, переливающаяся от дымчато-розового до кроваво-красного аура. Ромара, который стоял чуть дальше, различить было уже невозможно, но я чувствовал его, как прочный фундамент – надежный, крепкий, способный удержать все и вся. Далекий Весиль вывязывал из волокон хаотично струящейся силы какие-то немыслимые смертоносные узоры. Физионо-

мия у него свирепая и довольная...

Время уходило. Я чувствовал это. Периметр провисал. Надо было с самого начала раскидать ключевые точки на троих, а не надеяться на кого-то еще... Нарастающее раздражение искало выхода.

Телефонный звонок буквально вспорол твердую и хрупкую, как перекаленное стекло, тишину. Полыхнули встревоженные огненные языки, и стало видно, как Ромар, скривившись от усилия, пытается одновременно удержать одной рукой струны, а другой – достать из кармана телефон. Что-то говорит, кивает...

– Трой! Герд просит еще минут десять. Он уже на подлете...

– Некогда, – сквозь зубы процедил я, давясь скопившимся раздражением.

– И что это его так задержало? – осведомляется Инга и смеется, расслышав ответ Ромара: – Ах девушка? Да, это серьезно... Трой, мы ждем?

– Нет, – отзываюсь я. И они оборачивают ко мне озадаченные лица. – Сами справимся. Трое для Периметра достаточно. Ром, бери на себя Воздух. Весиль, Инга, сходите ближе, построим треугольник...

Трудно сказать, что в тот момент мной руководило больше – азарт или все-таки досада.

И ночь расцвела огнями. Разорвалась, выпуская наружу безумные, губительно прекрасные волны иного света, раз-

бывающиеся о трепещущий Периметр. Смеялась восхищенная Инга, заворачиваясь в шлейф огненных струй как в палантин. Смыкались элементы, рождая фантастического облика химер. Энергия обрела достаточную плотность, чтобы можно было связать из нее *Узел Стихий*, а там, чем бес не шутит, закольцевать его, сотворив подобие *камня Мариса*...

Кажется, я слишком увлекся. Мне казалось, что запас прочности миропорядка должен быть выше. Миропорядок все-таки... Что ему забавы мага-одиночки, когда он выдержал напор Многоцветной Войны? Но, возможно, ткань Пространства порядком износилась с тех пор. В какой-то момент она не выдержала накала и треснула.

С изнанки на меня глянули Они. Ошеломляюще глянули.

Исступленно ругнувшись (багрово-черные сгустки проклятий тут же прожгли воздух), я стремительно свел края прорехи, поспешно заштопав ее распущенным Узлом. Оказавшийся ближе всех Весиль отпустил свой угол Периметра и поспешно спаял концы неразрываемым замком *единорога*. Как раз в этот момент Периметр перекосялся и пополз. И часть неусмиренных стихий вырвалась наружу...

Совет никогда не узнает о том, что произошло на самом деле. К счастью.

– Ужин? То есть завтрак? – предложил Лука, отбирая у меня уже замолчавший телефон.

– Здесь, – решил я. – Обойдусь без постных физиономий.

Он понимающе кивнул. На его долю выпадало ничуть не меньше.

Когда я сломил сопротивление местного водопровода, ужиназавтрак еще не подоспел и несколько выпавших свободных минут я решил потратить с пользой и не без приятности.

Повалился на кровать и подтянул поближе ноутбук. При всей здешней склонности к архаике доступ в Сеть у них имелся отменный. Адрес и телефон художницы Леаны Глетчер я добыл без особых усилий. Его, собственно, никто и не прятал. А по адресу Галереи вольных художников отыскалась и страничка, посвященная Леане. С не очень удачной фотографией.

Девушка на снимке была, безусловно, привлекательна. Только камера ни в малейшей степени не передала ни сияния огненных брызг в темно-каштановых волосах; ни завораживающего перелива оттенков в глазах – от бархатно-черного до карего с золотом; ни манеры сплетать пальцы в глубокой задумчивости.

«...Живопись Леаны Глетчер обладает невероятным магическим притяжением даже для самого неискущенного зрителя, и оттого ее выставки пользуются популярностью в любой среде, а сама Леана из юного дарования стремительно переросла во вполне состоявшуюся профессиональную художницу...»

Она носила в основном черное и зеленое всех степеней

насыщенности. И в картинах ее преобладали черные и зеленые цвета.

Я потянулся было к телефону, но опустил руку. Прошло почти два года. Слишком много для звонка: «Привет, как дела, вот приехал в ваш город...» Поколебавшись, я набрал несколько печатных строк и отправил сообщение по ее адресу.

2

Снова разбудил меня, как водится, Лука, взявший на себя в последние дни дополнительные обязанности.

– Подъем. Труба зовет свершать великие дела!

– Прищемить хвост очередному барабашке? – вяло отозвался я. – Не тянет на величие...

– Снобизм в благотворительности неуместен, – наставительно заметил ухмыляющийся Лука.

День снова сгинул бесследно. Окна затопила по-осеннему ранняя синеватая темнота. Определенная логика в ночных выездах, конечно, имелась – ночью активность потусторонней живности резко возрастает. Но я стал скучать по простому и ясному дневному свету.

Лениво скосив глаза на неслышно перемещающегося по комнате Луку, я заметил, что компьютер тщетно и, похоже, давно сигналил о поступившей почте. С поразившей даже меня самого прытью я перекатился к ноутбуку... и почти разочарованно вздохнул. Не то чтобы я рассчитывал на скорый ответ, но...

Во всяком случае, отправитель поступившего сообщения жил в Стограде, то есть на другом конце планеты, и звался Морфей Док. Точнее, это я знал, что живет он в Стограде. А письмо прибыло из пустыни Бао, где у меня сроду не было знакомых.

Побежали строчки: «Привет! Заказ сделан. Жди с вечерним вихрем. Черное – железо, красное – слово. Удачи!» Как всегда, коротко, и даже без шифровки неясно для непосвященного.

Машинально развеяв сообщение, я перебрался к окну, размещенному в эркере, и не без усилия распахнул одну из запечатанных на зиму створок. Студеный ветер заполоскал кисточки на портьерах и холодно лизнул кожу. Протянув руку, я выхватил из потока крошечный шарик.

Морфей, как и все жители Черных территорий, с большим удовольствием пользовался достижениями техники Белых. Но никогда не доверял ей действительно важные вещи, предпочитая древнюю и испытанную силу стихий.

Шарик я разломил в ванной, рассеянно прикинув, что, если бы Морфей вверил посылку стихии Воды со здешней системой водоснабжения, могли бы возникнуть проблемы. Мне на колени выпал, разворачиваясь, квадратик невесомой, но крепкой и упругой паутинной бумаги. На слегка сероватой поверхности аккуратно нарисована техническая схема. Часть чертежа была черной, часть – красной. Места особо важных сочленений и некоторые детали были вынесены отдельно и укрупнены.

– Отличная работа, – прошептал я. – Спасибо, Док.

Морфей Док родился в семье Черных магов, но собственной силой обладал незначительной и очень быстро осознал, что на данном поприще успеха не добьется при всем жела-

нии. И, будучи человеком амбициозным, он избрал другой путь. Умение совмещать магию с техникой позволило ему успешно действовать даже на поле Белых.

Он, как и я, слыл чужаком среди своих и среди чужих. Это нас и свело. Я никогда не видел его лично, но через Сеть мы общались часто. А познакомились на заочной математической олимпиаде.

Однажды я рискнул попросить его добыть мне кое-что, хранившееся в одном из самых охраняемых банков данных Белых. В общем, я не слишком рассчитывал, что он пойдет на это ради заглазного знакомого. А если и пойдет, то мало шансов, что справится.

Но он оказался лучше, чем я мог предположить.

– Вот теперь поиграем, – довольно пробормотал я, погладив пальцами браслет на левом запястье.

Браслет в виде змеи, перевившей запястье несколько раз, стилизованной настолько, что очертания ее едва угадывались, я получил несколько лет назад. В подарок. И с тех пор мечтал от него избавиться.

– Трой, время! – В дверь стукнули.

Запихав листок со схемой в карман, я едва сумел погасить слишком уж откровенную улыбку, норовившую растянуть рот от уха до уха.

Впрочем, достаточно было взглянуть на собравшихся в трапезной, как радость угасла сама собой, сменившись уже

привычным безразличием.

Вообще-то здесь было красиво. Круглое помещение с потолком-сводом и камином в центре. От него разбегаются лепестками тяжелые, строгие столы. Простенки между узкими окнами обшиты деревянными панелями с вырезанной «охранной цепью».

Вроде бы мрачно, но трапезная смахивает на карусель. Может, из-за того, что в самом широком стенном проеме висит здоровенный триптих: «Подвиги Люца Птицедрава». А Люца очень любят дети...

Только взрослых он, похоже, не радует. За столами разместились знакомые фигуры, как всегда перед выездом хмурые и раздражительные. Лишь Никош прихлебывал чай с молоком и несколько суетливо улыбался, стараясь создать гостиную атмосферу.

Да не больно-то и хотелось общаться.

Наученный предыдущим опытом, я вооружился книгой, одной из тех, что любезно собрал на полке в отведенной мне комнате неведомый доброжелатель. Очень тенденциозная подборка. Особенно мне понравилось репринтное издание «Штудии Черных дел», где мне рассказали, что «Черный маг суть зловерное и мерзкое существо, годное разве что для травли демонов...».

Правда, автора оправдывало то, что он родился семь-восемь веков назад. А может, ничто не оправдывало.

Вчера книга исчезла, и я взял другую. Но эта была прес-

ной.

– «...Очевидно одно – на сегодняшний момент Белая магия специализируется на созидании. Черная на разрушении. Белая структурирована и сложна, в ее основе разум и логика. Черная несколько хаотична и базируется на подсознании и чувствах...» – зачитал я вслух с выражением.

Лука, расположившийся напротив, вертел в здоровенных лапищах хрупкую старинную головоломку из кости, отыскивая очередное решение из трех тысяч возможных. Такие игрушки он откапывал в каждой антикварной лавке и потом часами не расставался с добычей.

Художественное чтение его не отвлекло, и он лишь неопределенно хмыкнул.

Я вздохнул и поднял глаза на панно, что висело прямо над столом. Копия старинной гравюры Леора Бо Зонтича «Золотое сечение». Человек в разрезе; внутренние органы тщательно выписаны и поделены на зоны влияния обеих магий. Мозг – белый, сердце – черное...

Очень способствует повышению аппетита.

То ли дело герой Люц... Пиршество цветов радует глаз. Правая часть триптиха изображала неубедительное с анатомической точки зрения рождение Люца от матери-лебедя и отца-ясеня. В центре Люц принимал деятельное участие в Великой битве на фоне далеких гор... Понятное дело, на стороне Белых. А слева уже седовласый Люц принимал некий сияющий жезл из рук Белой Королевы.

– Забавно... А у Корнилы в кабинете есть картина, где Птицедрев вручает свой меч шаману Хоуру.

– Легендарные герои годятся всем. Опять же предание одно, зато рассказчиков пруд пруди... – рассеянно заметил Лука и посоветовал, не отрываясь от своей игрушки: – Поешь, силы тебе понадобятся. Нервно сегодня. Я «линию вероятности» сложил. Так там одни узлы... Не иначе готовится пакость какая. – Он все же поднял на меня многозначительный взгляд.

И не ошибся. Пакость проявилась, стоило лишь выйти из трапезной.

– Вас хотел бы видеть господин Бложев, – вполголоса сообщила женщина, перехватив меня у выхода. Я ее уже видел мельком раньше. Если не ошибаюсь, она ассистент у вышеозначенного господина. И, если я правильно понимаю, она не человек, а одно из этих странных порождений Белой магии и новых технологий – получеловек-полумеханизм.

Я подумал было, что придется снова ехать в центр города, где располагалось представительство Белых в Звеннице вместе с дворцом Белой Королевы и где находился кабинет заместителя его главы и моего назначенного на время ссылки куратора Танаса Бложева. Но, как оказалось, господин куратор сам изволил прибыть сюда и оккупировать кабинет местного начальства.

Когда я вошел, Бложев с отвращением рассматривал

огромную, стилизованную под старину карту, украшавшую стену кабинета. По желтоватому пергаменту были раскиданы, словно бронзовые подковки, все ближайшие Врата. Увлеченность, с которой Бложев перебирал их взглядом, навела на подозрение о его страстном и немедленном желании бросить опостылевшую суету и сгинуть в горних высях.

Он соблаговолит неохотно взглянуть на меня только через несколько секунд. Округлое лицо господина куратора было достаточно подвижным, но глаза всегда оставались холодными. Безразличными на поверхности и затягивающими в смертоносный водоворот в глубине. Как омут в лесном озере. Ему даже не нужно было рождаться магом, чтобы производить на людей сильное впечатление.

– Прошу вас, – проговорил он, указывая на одно из пыльных кресел, стоявших вокруг древнего с виду стола, морщась, устроился в другом и без всяких предисловий сразу же перешел к делу: – Значит, вы недовольны представленной вам сферой деятельности... – Не вопрос, а утверждение.

Я, прищурившись, взглянул на куратора. Корнил не стал бы звонить поверх моей головы. Объяснением может быть только одно.

– Не могу припомнить, чтобы я говорил с вами на эту тему. Вы прослушиваете мой телефон?

– Неужели вас это удивляет? Вы бы поступили по-другому? – «...Окажись в вашем доме противник», повисло в воздухе несказанное.

Впрочем, ничего подобного вслух произнесено не было. Бложев выжидательно смотрел прямо на меня, и отчего-то в его глазах мне померещились вращающиеся волчки со спирально нанесенными полосками. Те, что вызывают гипнотический транс.

Выдержать непросто. Краткая пауза стремительно наливалась тяжестью, словно свинцом.

– Пока вы находитесь на нашей территории, мы вынуждены соблюдать меры безопасности, – счел-таки нужным продолжить Бложев. – У нас нет оснований вам доверять. Более того, однажды вы уже сделали выбор не в нашу пользу...

– Я был ребенком, – не выдержав, вставил я. – Выбор сделали за меня обстоятельства.

Он слегка повел бровью.

– Вы ведь не пытались использовать обстоятельства иначе, когда повзрослели? Впрочем, в данной ситуации это значения не имеет. Это вопрос доверия, как сказал ваш покровитель. Прошла неделя нашей совместной работы. О вас отзываются похвально. Теперь мы готовы уступить вашему желанию проявить себя в гораздо более сложной сфере...

Почему мне в его словах послышалась неявная угроза?

– ...подключим вас к группе доктора Ноты. – Начало фразы я прослушал и автоматически кивнул.

Никто не помнил, откуда появился этот Старик.

После Вьюжных войн тысячи бродяг, лишившихся родных и крова, ходили по дорогам, иногда оседали в пустовавших домах, коих тоже рассыпано было по миру великое множество. И никто не спрашивал имен пришельцев, если они не хотели говорить. Никому не было дела до чужих историй, когда своя собственная ужаснее и причудливее всего слышанного. И никто не возражал, что они заселяют брошенные дома, понимая, что хозяева их уже не вернутся...

Поселился Старик на окраине, возле леса, жил замкнуто, внимания не привлекал. Только однажды ночью поселок всполошил прибывший откуда-то всадник на взмыленном коне. Глаза породистого жеребца полыхали алым огнем, и вместо сбруи на нем топорцилась костяная броня. И всадник тот был облачен в костюм странный и по-своему страшный для тех, кто мог присутствовать при битве у Перехолмья...

Впрочем, в поселке таких не было.

Всадник провел несколько часов в доме Старика и отбыл ни с чем наутро. Даже случайным зевакам, решившимся одним глазком глянуть в окно, стало ясно, что угрюмый всадник разочарован. То ли просил о чем-то, да получил отказ. То ли звал, да не дозволялся. Так и уехал ни с чем.

А местные-то встрепенулись. Всадник показался внушительным гостем. И если Старик решился отослать его, знать, и сам он непрост... Поселяне переглядывались и снижали голос до едва различимого шепота: может, он важная шишка? Или даже из магов? Из ледяных или огневых... По послевоенному миру рассеялись немногие уцелевшие чародеи. Те, что спаслись в безумных войнах, где стихии схлестывались насмерть под властью магов. Не к ночи будь они все помянуты... Говорили, что кто-то мог и выжить.

Полны были людские души ненависти к магам, но, побурчав немного, поселяне пожалы плечами и разошлись по своим делам. С одной стороны, маги – это, конечно, проклятое племя. Но с другой стороны, сейчас, когда мир так неспокоен, собственный маг в поселке может и пользу принести... Да и что с ним сделаешь?

Да только дни текли за днями, складываясь в месяцы. Новые странные пришельцы в поселок не заглядывали. Старик жил как все, вел нехитрое хозяйство, пасеку построил... Наверное, и не маг он никакой вовсе.

Эхом ушедшей войны прокатился по миру Болотный мор. И снова дороги наполнились унылой чередой беженцев – людей с пустыми глазами обреченных, за которыми, наступая на пятки, шла цепкая смерть.

Поселок замкнулся, схлопнув створки дверей и окон, как моллюск в раковине, отторгая чужаков, не давая пристанища, чтобы не позволить трясуцей смерти свить ядовитые

гнезда под безопасными крышами. И долгими зимними вечерами жители поселка, замирая, слушали леденящий душу скрип снега во дворах и поскребывание бессильных пальцев в двери их домов.

Кого-то находили утром на обочине окоченевшим и быстро сжигали подальше от жилищ, но, по счастью, почти все путники проходили мимо. Кроме женщины с ребенком, которую болезнь изгрызла так, что она и на человека-то едва походила, но которая упрямо несла завернутого в чужое пальто ребенка. Мать не искала спасения для себя, она хотела всего лишь пристроить дитя. Она стучалась во все двери подряд. Открылась только последняя, в доме на отшибе, возле леса...

Наутро весь поселок собрался возле жилья Старика. Угрюмые, решительно настроенные люди с вилами и факелами окружили дом, подбадривая друг друга. Их можно было понять. Испуг за своих родных сделал даже покладистых поселян злобными и свирепыми. Все знали, что болотная смерть, задевши, уже не уходит. Пока не поздно, ее следовало гнать...

Старый дом, криво накрытый, как шапкой, скошенной крышей, глядел на воинственных поселян слегка насмешливо. А его хозяин, неслышно возникший в дверях, сухо сообщил, что женщина останется в его доме столько, сколько будет нужно, и шуметь под окнами дома, где спят больная и ребенок, не стоит...

Кто-то из особо догадливых почти сразу же сдал назад. Кто-то из особо распалившихся попытался было возражать. Кто-то даже рискнул припугнуть огнем...

Что было дальше, никто толком не помнит. Одни говорят, что ничего и не было. Что Старик только посмотрел – и всех как ветром сдуло. Другие твердят, что их и впрямь ветер нес до самого порога и не позволял выйти из дома несколько дней. А третьи рассказывают, как на их глазах замерзло пламя, превращаясь в снежную крупу, и как старое, кряжистое дерево возле Стариковой избы внезапно ожило и набросилось на незваных гостей, словно лютей зверь... Так или иначе, но женщина осталась в доме Старика, и присмиревший поселок уныло ждал своей участи, больше не предпринимая попыток изгнать заразу.

Через день женщина умерла. Через две недели, когда стало ясно, что Болотный мор обошел поселок стороной, хмурый Старик объявился на его улице, ведя за руку серьезную пятилетнюю девочку, и принялся стучать в дома. Как ее мать не так давно. Поселяне не решались оставить стук Старика без внимания, двери распахивались, но забрать девочку никто не согласился. Кто знает, возможно, Старик и мог бы принудить кого-нибудь принять малышку в семью, но отчего-то он не стал этого делать. И девочка поселилась у него в доме.

3

Полуразвалившееся здание на окраине города было окружено людьми и машинами. Издалека и под светом наставленных на него прожекторов силуэт постройки странно ломался. Склад или брошенная фабрика... Что-то казенное и опасно ветхое.

Кругом топорщился бурьян, не сломленный даже начавшимися заморозками, и невпопад росли косматые, отравленные металлом вязы. Кроме того, повсюду высились груды слежавшегося железа, так что проехать ближе оказалось невозможно и пришлось оставить машины на повороте вместе с другими, стоявшими здесь явно не один час. Только фургончик техников еще пытался протиснуться по свободному коридору к своему собрату, подогнанному почти вплотную к зданию.

Резко и сильно пахло электричеством, железом и кровью. В воздухе, несмотря на темноту, можно было рассмотреть стелющиеся, дымчато-черные и бурые волокна. Впереди от строения раздавались возбужденные голоса и периодически вспыхивали огни.

Лука повел носом:

– Дрянь какая, а!

Да, тут я был с ним согласен. В здании разместилось нечто мерзкое и мощное.

Трое выскочивших из своего автомобиля дежурных магов выглядели ошеломленными и встревоженными. Видимо, их не предупредили об изменениях в сегодняшнем распорядке. Зато Никош был в курсе и выглядел изнуренным и порядком напуганным.

– Не знаю... не знаю, зачем они это затеяли... – бормотал он, ни к кому конкретно не обращаясь. Ладонь его стискивала большой оберег, который он не постеснялся вытащить поверх своего пальто.

Даже невидимый маг изменил наконец вектор своего внимания. Впервые за время нашего заочного общения я почувствовал, как давление слегка сместилось, когда внимание мага в какой-то степени переключилось на происходящее возле здания.

Мы двинулись к источнику шума, лавируя между кучами мусора, и вскоре стало видно, что перед входом в дом мечутся неясные быстрые тени. Торчит диковинного вида, но активно задействованная аппаратура. Кто-то ныряет в разинутую пасть входной двери, а кто-то пятится от нее, прикрывая глаза.

И над всем этим кавардаком царит человек в распахнутой дохе, азартно жестикулирующий и надсаживающий глотку в отрывистых командах, словно сумасшедший дирижер. И, повинувшись взмахам его рук, то с одной стороны, то с другой люди принимаются бегать быстрее.

– Это... Это доктор Август Нота, – сообщил Никош пре-

рывающимся голосом.

В царившем вокруг бедламе вряд ли можно было различить, что говорит тебе даже стоящий рядом, но пресловутый доктор внезапно резко обернулся и свирепо уставился на нас из-за стеклянных круглых очков без оправы.

– Какого лешего вы сюда вперлись?.. – с негодованием рявкнул он.

Никош, подобрав полы пальто, протиснулся поближе и принялся взахлеб говорить, боязливо косясь через плечо. До нас доносились лишь огрызки ответных реплик доктора: «... распоряжение?.. обезумел... Этот молокосос?.. А-а, тот самый... Отлично! Может, окажется лучше недоумков, что вы дали мне раньше...»

Я не стал дожидаться его вердикта. Происходившее в здании отталкивало и одновременно манило. От запаха магии кружилась голова, как от избытка кислорода, но если кислород живителен, то заполнившая пространство вокруг эманация несла в себе зло и смерть. Гнилая магия. Перерожденная.

Сбросив куртку на снег, я поднырнул под провод, зудящий от напряжения и уползающий в одно из окон без стекла. Как раз в этот момент внутри здания что-то тяжело и гулко вздохнуло, и оттуда, как взрывной волной, вынесло клубы пыли, клочковатый мусор, а следом посыпались из окон и дверных проемов взъерошенные люди.

Все, кто стоял снаружи, отпрянули.

– Проклятье! – На меня буквально выпрыгнул парень с расцарапанным лицом и ошалелыми глазами. Даже мельком глянув на него, я бы опознал Черного мага. А сейчас он дышал силой, как раскаленная домна жаром.

– ...Куда?! – неистовствовал позади доктор Нота. – Опять упустили, криворукие?!

– Урод, – в сердцах бросил парень. – Сам пусть лезет, коли ему нейдется...

К нему приблизилась девушка, пытавшаяся стереть кровь, сочащуюся из пореза над глазом. Вся левая половина ее лица была в налипшей корке пыли.

– Этот кретин не понимает, что делает... – угрюмо сказала она, обращаясь к парню. – Там такой уровень, что за один раз не выцарапаешь! Да и нечего там ночью делать...

Они вдруг оба замолчали и уставились на меня.

– Ага... – произнес парень. – То-то я чую нечто знакомое.

Вит, – он протянул руку.

– Кора, – представилась девушка. – Мы из Семьи Джеулов.

– Эй, вы двое! – Доктор снова повысил голос до ультразвука. – Не умеете сами работать, помогите коллеге... Что за сброд присылают... – проскрежетал он тоном ниже. – Черные никогда не умели работать!

Вит с нескрываемым бешенством зыркнул в его сторону. По щекам прокатились тугие желваки.

– Что там внутри? – спросил я.

– Редкая пакость, – охотно отозвалась Кора. – Слишком много ненависти. Слишком много безумия и боли. Недомок, вообразивший себя черным колдуном. Для обретения силы кромсал людей. Пока его не нашли, успел прикончить пару десятков...

– Дом не почистили, и то, что осталось, проросло в нынешнюю тварь, – вмешался хмурый Вит. – Все бы ничего, и мы бы давно справились, да этому психу в очках хочется не уничтожить эту тварь, а загнать в клетку... Видишь, соорудили? – Он кивнул на странного вида конструкцию, висевшую внутри на замусоренном полу.

– Зачем ему это?

– Нам он не рассказывал. Проклятая тварь слишком активна и глубоко укоренилась. Здесь все пропитано ее присутствием. Этот доктор не понимает элементарных вещей...

– Например, того, что ночью эта дрянь втрое сильнее и, притащив сюда такую кучу перепуганного народа, он сам ее кормежкой обеспечил...

Внутри здания завывало.

– Раздразнили, – равнодушно констатировал Вит.

Я, пригнувшись под очередной связкой гудящих проводов (защитная маркировка от инферно уже наполовину выцвела), вошел в дверной проем. Сразу стало тише и темнее. Дымный, горький воздух неравномерно струился, лениво заполняя пустоты от распавшихся заклятий.

– Эй! – В дверь заглянула Кора. – Ты там под ноги смотри,

доски прогнили... Мы через пару минут следом.

Тварь засела слева, скорее всего в подвале. Они всегда лезут в подвал. Стены из красного и серого кирпича покрывали длинные черные потеки. «Соблюдай осторожность при движении транспорта...» – предупреждала облесшая надпись масляной краской. Пробитый мелкими кратерами пандус полого тек вниз. На нем, опасно накренившись, стояла тренога с неким жужжащим механизмом. Людей возле него не было, но зато валялась шапка с помпоном.

Сзади шумно засопели. Я недовольно обернулся и увидел одного из «своих» магов. Белый тревожно озирался. Расфокусированный *мальй щит* мутно мерцал вокруг него.

Переглянувшись, мы пошли дальше рядом. Почему бы и нет, в самом деле?

Широкий пандус нырял в громадный проем, недвусмысленно смахивающий на раскрытую пасть. Сильно воняло падалью, как настоящей, так и потусторонней. Выродившаяся магия разъедала реальность будто плесень. Кругом были разбросаны *манки*, половина раздавленных, но часть еще действовала. Ненароком наступив в один из них, я ощутил сладковатое, манящее предвкушение неведомой тайны там, внизу...

Ну правильно, обдирая прилипший к ботинку комок жвачки, подумал я. А как еще затанешь идиота в этот подвал? Только тягой к приключениям... На свою голову.

А потом мы его увидели...

На уровне верхнем – довольно небольшая человекообразная дымчатая сущность. Сгусток бурлящего сумрака, припавшего к стене. Можно различить выпученные зыркала на месте глаз.

На нижнем слое – чудовищных размеров тварь... Клещ размером с самосвал. Раздутый, мерно пульсирующий, распластавший тысячи тонких и толстых ножек по всему подвалу, а часть их пронизала перегородки...

– Вот пакость! – с омерзением выдохнул Белый маг над ухом.

Я вздрогнул. «Клещ» тоже. Пучки ножек текуче перелились к нам.

Все стены здесь были изрисованы рунами и знаками. Даже неверно написанные мерно пульсировали и все еще дышали силой. Остатки заклятий перевивали тварь, местами проникая в черную плоть, но их явно мало, и большая их часть свисает как оборванная цветная пряжа.

Заскучавшее чудовище распахнуло здоровенную пасть на брюхе и заорало. Мы разом пригнулись, прикрывая головы, но все равно показалось, что внутренности хорошенько выжали.

– ...Пробовали ставить на него *переплет*. – Невесть когда появившийся Вит щурился и наблюдал, как дымчатый сгусток скачет по потолку. – Но он его пробивает поверху... Эта тварь двойная, видишь? Сверху то, что осталось от маньяка, а вот снизу то, чем он накачан...

– Верхний очень пряткий, – пожаловалась Кора, подходя и плотнее заматывая шарф. Стало заметно холоднее, и ее дыхание белым облачком срывалось с губ и на миг зависало перед лицом.

– Сдается мне, что пошлем мы сейчас этого доктора с его гуманным отношением к монстрам куда подальше и запустим в пасть этой твари *жгучку*... – зловеще пообещал Вит. – И нам еще скажут спасибо.

– Но не заплатят, – строго напомнила Кора.

Вит вдруг осерчал и сказал, что именно он думает о деньгах и странных желаниях заказчиков. Кора демонстративно закрыла ладонями уши и закатила глаза.

– Можно сложить «кривой шестиугольник», – предложил я задумчиво.

Они перестали препираться и с дружным недоверием посмотрели на меня.

– Да ну... – Через некоторое время Вит в сомнении почесал ухо. – Вообще, конечно, здравая мысль... Белых можно подключить, раз уж они тут толкуются. Чего зазря ресурсу пропадать. Пусть и они поднапрягутся.

– Это для верхних углов нужны два Белых, – Кора озабоченно покачала головой, – а для нижних четыре Черных! А нас только трое.

– Я возьму два, – самоуверенно заявил я. И они снова уставились на меня с сомнением.

Обидеться, что ли?

– И *кривить* шестиугольник тоже ты будешь? А не надорвешься?

– Ну... – Теперь я задумался.

– Я могу, – вдруг вмешался молчаливый Белый, что стоял поодаль и делал вид, что не слушает. – Могу взять на себя нижний угол... – Он явно чувствовал себя под нашими перекрестными взглядами неуютно, но твердо пояснил: – Я немного знаком с «пересеченным» учением. Достаточно, чтобы держать угол...

– Ты смотри, какие Белые пошли! – восхитился Вит. – Ну раз так, зови коллег...

На выходе Белый замешкался и деликатно придержал меня за рукав:

– Только... Пусть это останется между нами. – Потоптался, шевельнул сросшимися на переносице бровями и добавил неуверенно: – Кстати, меня Романом зовут.

Я с любопытством на него покосился. Вообще-то заклятия из арсенала так называемой «пересеченной» магии никому не запрещаются. Полно случаев, когда Белым и Черным приходится сотрудничать. Но вот чтобы Белый брал на себя функции Черного...

– Они ведь догадаются.

– Не до того будет, – хмыкнул он.

А ведь верно. И в спокойной обстановке мало кто догадается, что это возможно. Наверное, поэтому я до сих пор считаюсь уникальным.

Через десять минут все было готово. Странные механизмы под нашим руководством (и аккомпанемент ядовитых комментариев доктора Ноты) прытко перетасили и расставили, половину приспособив для подпитки энергией нас самих. Загадочная штукавина из силовых линий (клетка для буйных! – горделиво и двусмысленно пояснил техник) переместилась к самому выходу. Тройка взбудораженных Белых магов (два в работе, один на всякий случай) и двое Черных заняли исходные позиции. Я выбрал подходящий ракурс, чтобы видеть всех разом. В помутневшем и словно сгустившемся от напряжения воздухе пролегли пока еще едва различимые синеватые контуры будущего «шестиугольника».

А точку искривления все равно пришлось создавать мне...

Зато командовал почему-то Вит:

– Раз! Два! Взяли...

Роман, раскинувший руки слева от меня, повернул голову и подмигнул. Синеватый контур налился лазурью, раскалился и раскрылся широкими светящимися плоскостями. Монстр заверещал...

До чего же тихо...

То есть люди продолжают перекликаться и ронять предметы, а машины ворочаться и взрывать, пытаюсь протиснуться половчее, да и пойманный монстр негодуяюще голосит, но исчезла мутная, зловещая оторопь. Распалось злое

колдовство, и даже косматые, изуродованные болезнями вязы повеселели.

– Силен! – Проходивший мимо Вит с уважением хлопнул меня по плечу. Физиономия его была наискось исполосована гарью.

Я криво улыбнулся. Еще мгновение назад мне казалось, что могу взлететь победно и ликующе, а теперь очень хотелось лечь. Один из техников Ноты, целеустремленно спешивший к своей машине, вдруг замешкался и резко изменил курс, обходя меня по широкой дуге.

В зеркало, что ли, глянуть?

Белые с отвращением соскребали с одежды черные, еще парящие пепельным дымком ошметки.

– Ничего, – ухмыльнулся слегка злорадно Вит. – Им тоже иногда не вредно перепачкаться. А то всю грязную работу сваливаете на нас.

– Кому чистый огонь, а кому и в золе весь век копать, – огрызнулась девушка из Белых.

Присказка была старая, но Вит побагровел. Измотанная Кора, вяло отмахнувшись, увела напарника.

– У тебя руки дрожат, – вдруг сказал Лука, всматриваясь.

– Пустяки...

– Выпей вот. – Дежурная чашка кофе в пластиковом стаканчике перекочевала в мою ладонь. Темная жидкость заплескалась так, что пришлось взять чашку обеими руками. В избыточном свете близкого прожектора светлый пластик

стал неестественно ярок, а кофе неприятно густым с виду. Словно кровь.

Не выдумывай! Ничем таким не пахнет... Но все равно замутило...

Тот, кто создает точку искривления в «шестиугольнике», пропускает через себя память пойманного в ловушку существа. До начала процесса я совсем забыл об этом.

– Ты пей!..

Горячая жидкость скользнула по языку. Горькая, с привкусом раскаленного золота, слишком обжигающая для кофе. Коньяк! От неожиданности я поперхнулся.

– Ага... – откашлявшись, пробормотал я. – Так вот откуда твое вечное спокойствие... – Мягкое тепло заструилось по жилам, толкнулось в голову.

Лука самодовольно ухмыльнулся, блеснув крупными, белоснежными зубами.

От клетки с плененным монстром неспешно приблизились Нота и Никош. То есть это Нота, брюзгливо оттопыривший губу, вышагивал важно, словно журавль. А нервничающий Никош юлил ужом следом.

– Что ж, – с некоторым неудовольствием произнес Нота, надменно глядя сверху вниз, – в целом я удовлетворен вашей работой. Хотел бы видеть вас завтра, у нас есть еще несколько интересных объектов...

Я молча передернул плечами.

Ну раз теперь мы дружная команда, можно поужинать в столовой. Может, теперь атмосфера будет поприятнее?

Зря я так решил...

Участвовавшая в приключении тройка была возбуждена сверх всякой меры и только что не искрилась. Видимо, раньше ничего подобного им видеть не приходилось то ли в силу неопытности, то ли по молодости, а то ли потому, что большая часть Белых магов вообще имеет весьма смутное представление о реальной жизни.

Они были наполнены впечатлениями по самую макушку и готовы были излить свои ощущения на всех, кто подвернется под руку.

– А как я через силки его растянул, а?.. А я думаю, все, пошел обрыв, нам не удержать, но тут этот Черный, молодец, перехватил... А угол как поползет!

Ну словно дети после зоопарка, честное слово.

Правда, Роман больше отмалчивался и скупно улыбался, когда к нему обращались. Раз или два я перехватывал его изучающий взгляд из-под насупленных бровей.

– Но кто мог подумать, что такая тварь засела практически в городе?.. – Негодование, в голосе вопрошавшего было вполне искренним. Кажется, ему и в голову не приходило, что вопрос следовало бы переадресовать.

Я с усилием потер глаза. Очень хотелось спать, но стоило сомкнуть веки, как в памяти всплывал коллаж чужих воспоминаний. Вот не зря Белые избегают такой работы. В прин-

ципе в меру сильный Белый маг может одолеть демона, но при этом демон словно волеет часть себя в Белого мага (запачкает, как они выражаются). Иногда это становится необратимо.

– Черная магия разрушительна по своей сути, это известно даже ребенку. Ее основа – хаос, неудивительно, что возникают подобные безумцы...

Я со стуком поставил стакан на стол:

– Этот безумец родился и вырос в вашем добропорядочном городе. Под неусыпным присмотром ваших пастырей и наставников. Он резал и убивал себе подобных, но к Черной или Белой магии это не имеет никакого отношения. Он был убийцей. И он был человеком. Не Черная магия оказала на него влияние. Он сам стал таким. По собственной воле.

Воцарилась долгая пауза. Потом девушка из Белых сердито нахмурилась и уверенно возразила:

– Он хотел получить силу Черного колдуна!

– Он мог захотеть стать и Белым, но действовал бы теми же самыми методами. А то, что зародилось после его смерти, вообще имело к нему лишь косвенное отношение и явилось следствием некомпетентности или скупости вашей же службы безопасности, сэкономившей на полноценной очистке территории...

Лука уставился на меня в изумлении. У него даже глаза округлились.

– Я вроде не так много тебе плеснул...

– Все равно среди Черных магов гораздо больше тех, кто опасен, – упрямо заявила девушка.

– Одни демоны чего стоят... – охотно поддержали ее.

– Некроманты...

– А животворы? Или, скажем, фениксы? – Лениво ухмыляющийся Лука внезапно включился в дискуссию.

– А при чем тут фениксы?!

– Ну чем не вампиры? Те хоть честно кровь сосут, а человек, взглянувший на феникса, больше ничего в жизни видеть не захочет, все для него станет пресным и унылым... Чем не кража души?

В ответ искреннее негодование:

– Да это нельзя сравнивать!..

Спор извернулся и укатился в абстрактные плоскости. Вспышка раздражения ушла в усталость как в песок. Они все еще говорили, когда я, оставив недоеденный ужин, двинулся к выходу.

Но вдруг замешкался, услышав:

– А кем, по-вашему, был Великий Маг? Черным или Белым?

– Он... Он был великим.

– Этого никто не знает.

– Есть только один способ это узнать, – торжественно заявил я. – Как там в сказке про Люца Птицедрева? Пойди туда, не знаю куда, и отыщи дверь, которой нет. А там вас поджидает Великий Маг, который исполнит самое заветное же-

вание... Вот только подвиги придется по пути совершать, – горько посетовал я.

Слушатели опять дружно примолкли. Похоже, у меня незаурядный талант производить неизгладимое впечатление на аудиторию. Или Лука и впрямь слишком много влил в кофе коньяку.

То-то дверь двоится, а фигура разъятого человека с панно ехидно прищурилась.

Дни и ночи сливались, а иногда, наоборот, дробились, когда, закончив очередное дело спозаранку, уже через несколько часов, вечером того же дня, мы отправлялись на выезд, тщетно пытаясь доспать в машине.

В какой-то момент исчез Белый маг из головного автомобиля. То ли темп не выдержал, то ли нашел занятие поинтересней, а возможно, руководство сочло, что я вполне безопасен и не нуждаюсь в контроле сверх обычного.

...Забывтый ноутбук так и лежал сиротливо на углу стола, куда я машинально отодвинул его, казалось, целую вечность назад. Когда же это было?

– Лук, – позвал я, – а который нынче день недели?

– Пятница, – подсказал Лука из соседней комнаты. Даже не видя его, я знал, что он неспешно крутит в руках головоломку, отыскивая две тысячи седьмое решение из трех тысяч возможных. Способствует концентрации сознания и позволяет расслабиться телу. Не все же на коньяк налегать...

– Пятница... – Я задумчиво откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову. – Ты что-нибудь слышал о намерении нашего руководства предоставить нам положенный по трудовому законодательству выходной?

– Ты хочешь выходной? – искренне удивился Лука. – Каждый выходной продлевает наше пребывание здесь. Ты ведь не думаешь, что их зачтут как отработанные дни?

– Гм. – Я был вынужден признать в его словах определенную логику.

Ноутбук обрадованно раззявил пасть, дождавшись внимания, как верный пес. Только что хвостом не вилял. Поспешно и слегка суетливо принялся разворачивать свои окна и подмигивать разнокалиберными значками. Гляди-ка, почта прибыла...

«Привет, Трой. В воскресенье, часов в пять вечера, в кафе возле Галереи вольных художников. Придешь? Лена».

Так. А вот теперь мне действительно нужен выходной.

...Я обидел ее. Да еще как!

Рыжая девчонка, одетая в зеленую водолазку и черные джинсы, как зачарованная наблюдала за игрой солнечных зайчиков в каменной чаше, выточенной бьющим из скалы родником. Парковый художник лишь слегка обработал окружающие родник камни, придав им очертания свернувшегося дракона. И солнечные блики на воде создавали иллюзию сверкающей чешуи.

Немногие это замечают. Но девчонка не могла не увидеть. Чуть в стороне, временно забытый, стоял раскрытый этюдник с незаконченной акварелью. В целом обычная для старого парка картинка. Сюда частенько навдываются студенты художественных училищ, да и просто романтические барышни, желающие увековечить очарование столетних дубов в своих легкомысленных акварельках...

Я почти прошел мимо. Бросил мимолетный взгляд, сделал шаг и остановился.

Рисунок, закрепленный на доске, был... необычным. Он, как и положено, изображал неизменные дубы, коими изобилует парк. Только эти дубы выглядели слегка странно. Как через экран, фокусирующий одни детали и размывающий другие. И то, что казалось привычным и скучным, внезапно обернулось пугающе-чудесным. Рисунок притягивал как магнит.

Я не сразу сообразил, что девчонка давно уже отвлеклась от созерцания родниковой воды и настороженно смотрит на меня, уже готовая на всякий случай обороняться. Как большинство прибывших издалека в большой город и не успевших освоиться здесь.

Но в карих глазищах сияли доверчивые золотые искры, будто отражения давешних зайчиков.

Ее звали Ленка. И поступала она отнюдь не в Художественный. Она училась на подготовительных курсах, но где именно, говорить отказывалась, делая таинственное лицо.

Мне уже тогда следовало догадаться, что это за курсы. Но, если честно, при встречах мы меньше всего говорили об учебе.

В конце концов, я ведь тоже ей солгал, что учусь на математическом. Просто чтобы сразу отбить желание задавать вопросы.

Ленка жила у тетки на утепленном чердаке старого дома. Тетка работала при Первой городской больнице интендантшей, была, в общем, особой вполне доброжелательной и вовсе не старалась выселить племянницу из комнат. Просто Ленкины работы могли разместиться только на огромном чердаке. Да и запах краски здесь не мешал никому.

Большая часть картин была привезена не из дома, а написана уже здесь. Ленка рисовала много и жадно. И то, что выходило на холстах, бумаге, иногда даже на стекле, было невероятным. Рисунки зачаровывали, хотя в них не содержалось ни капли магии. Волшебство, имеющееся в них, было иного порядка. И сила его была велика.

Я не понимал, как она это делает. Всего лишь пятна краски или карандашные штрихи...

У нее была картина, целиком выполненная только оттенками зеленого, – «Изумрудная змея в малахитовой пещере». Я мог рассматривать ее часами, если бы, конечно, сама художница не составляла успешную и, несомненно, более активную конкуренцию своим работам. Иногда, выуживая откуда-нибудь из-под топчана смятый лист, наскоро исчеркан-

ный пером, я задумчиво осведомлялся в пространство:

– А отчего ты все-таки не желаешь поступать в Художественный?

Ленка неопределенно хмыкала:

– Мой учитель рисования говорил, что я плохо работаю с цветом, искажаю перспективу и не умею верно передать настроение.

– Кретин твой учитель, – немедленно констатировал я.

– Он утверждал, что если что и спасет мои творения – так это толика настоящей магии...

– Втройне дурак твой учитель. Бездарность не спасет никакая магия, а настоящим вещам волшебство только помешает...

Ленка задумчиво улыбалась.

Мы бродили по окрестностям, не встречаясь ни с друзьями, ни со знакомыми. И в этом тоже была особая магия: беречь одиночество там, где полно людей. Чаще всего мы ходили на пристань или к Мемориалу.

– Тебе не страшно здесь? – спрашивал я, кутая озябшую девчонку в свою куртку. Она отрицательно качала головой, во все глаза уставившись на безликие, вытянутые тени, скользящие вдоль периметра Мемориала.

– Тут здорово... Кажется, что здесь время застыло. И что силы здесь так много, что можно ею заразиться.

– Не надо такой заразы, – серьезно возражал я, потому что шкурой чувствовал, как жадно дышат отравой прокля-

тые Стражи.

Хотя да, она была права. Время тогда и впрямь застывало. Особенно когда в промозглом сумраке чувствуешь лишь горячие, терпкие губы.

По вздыбленным камням Мемориала двигались страшные, размытые силуэты, опаляя жуткими, равнодушными взглядами. А луна над дальней, прихотливо изломанной горной грядой казалась прозрачной и льдистой.

– А кто они?

– Ты о ком? – Оторваться от нее было не так уж легко, но Ленка вертелась, заглядывая мне через плечо и широко распахивая зачарованные глаза. – А, эти... это Стражи.

– Я знаю, что Стражи. – Она обидчиво куснула меня за ухо, пощекотав теплым дыханием. – А откуда они появились?

– Ну ты даешь! – Я все-таки отвлекся. – Это же дети знают. Давным-давно схватились не на жизнь, а на смерть два могущественных мага. Видишь, аж камни спеклись... Как там в источнике? Мм... «земля кипела под ногами, небо плакало...». Потом победил Черный, стал основателем учения...

– А мне рассказывали, что победил Белый, – вставила ехидно Ленка.

– Это смотря кто рассказывает. В общем, Стражи остались с тех пор. Стеречь Мемориал... Одни говорят, что это души тех, кто уклонился от сражения, когда сторонники проигравшего мага сошлись с победителями...

– Бедняги...

Она явно расстроилась.

– Академик Берзонь считает, что никакие это не Стражи, а остаточные сущности, рожденные битвой, когда искажалась сама реальность. Своего рода стихия, или флюктуация... Флюктуацию тебе не жаль?

Попытка блеснуть эрудицией и отвлечь ее пропала втуне. Задумчивая Ленка меня не слышала.

– Вот так совершишь ошибку – и будешь до конца дней слоняться в темноте, – тихо сказала она наконец.

И на Мемориал мы ходить перестали. Оно и к лучшему. Все же Стражи жуть нагоняют.

Осень сменила зима, а затем весна. В мае Ленка казалась натянутой как струна. Близилась вступительные экзамены, и она заметно нервничала.

Мы случайно встретились в Академии, когда я в поисках знакомого спустился на этаж абитуриентов. Она обрадовалась, а меня будто иглой кольнуло дурное предчувствие.

Вообще-то при столичной Академии нет никаких подготовительных курсов. Это бессмысленно. Либо у тебя есть дар, либо нет. А на придуманные курсы берут всех подряд, лишь бы оплачивали счета.

Наверное, мне просто следовало подождать, пока Ленку срежут на первом же круге. Но она, чтобы оплатить экзамены на этих своих курсах, собиралась продать «Зеленого грифона», одно из немногих полотен, которым она дорожила.

Да и мне ехидный грифон очень нравился.

...Она не расстроилась, а разозлилась.

– Откуда тебе знать? Ты что, маг?

– В общем... да, маг. Лен, ты бы почувствовала это еще при нашей первой встрече, если бы обладала силой.

– А может... а может, ты сейчас врешь, как соврал, что ты математик?

Она поверила мне. Не хотела признавать, но верила, потому что уже давно где-то в глубине души знала правду. И смертельно боялась ее. А я извлек это все наружу. Ударил так, как не позволено близкому человеку.

– ...Они говорили, что в моих работах есть сила, – прошептала Ленка. – Я думала, что... – Она вдруг подняла на меня злые, сверкающие от непролитых слез глаза. – И ты знал? Все это время знал и ничего мне не сказал? Посмеивался втихомолку: вот, мол, дура... Как и все они, да?

– Ленка... – я оторопел от неожиданности, – что ты...

– Уйди, слышишь? Видеть тебя не хочу! Тебя и всех этих надутых и высокомерных...

Бессмысленно было оправдываться и протестовать. Она была так взвинчена, что пропускала любые слова мимо ушей. Она только что лишилась всего, чем жила последние годы, и что ей были пустые уговоры?

– Я все равно докажу! – бросила она яростно.

Вскочила и унеслась. И больше не звонила и не отвечала на звонки. От тетки я узнал, что она уехала в другой город.

Тетка смотрела на меня неприязненно и отвечала нехотя.

А если бы я смог объяснить Ленке, что сила, которую почувствовали в ее картинах зрители, действительно была? И сила эта велика и равноценна любой магии. Да и истоки ее там же.

Это что-нибудь изменило бы?

4

Никош перелистывал свой ежедневник из хорошей кожи и с золотым тиснением, но потрепанный и разлохмаченный от бесчисленных вкладышей.

– Как раз укладываемся, – с энтузиазмом заключил он. – Сегодня еще объект...

– Так, мелочевка, – лениво вставил Нота, наблюдая, как в клетке мечется очередная тварь. Он даже не морщился, когда она билась о прозрачную стенку и оказывалась от его лица буквально в полуметре.

– ...А завтра поутру повернем к Бурой Башне...

– Вот это действительно интересно, – степенно кивнул Нота, протирая лохматой полрой дохи очки. Отсутствие стекляшек на носу отнюдь не смягчило его сухое, брюзгливое лицо.

– Завтра я беру выходной, – твердо заявил я.

Никош поднял на меня недоверчивый и больной взгляд. Выглядел он в последние дни истерзанным, как его ежедневник. Осунулся, сбросил килограммов десять и приобрел привычку вздрагивать от резких звуков. Сейчас он смотрел на меня так, будто я своим внезапным капризом отдалил его освобождение от мучительных обязанностей лет на тысячу.

Нота тоже изволил обернуться. Физиономию его слегка тронуло досадливое неприятие. Так он смотрел на техников, недавно уронивших ящик с дорогостоящей аппаратурой.

– Нет, нет, – запротестовал Никош. – Это невозможно!

– Почему?

– Я не... не уполномочен решать такие вопро... Доложу руководству... – Трепет в голосе нарастал. Черты лица Никоша от тоскливой гримасы расплывались, как свечной воск. Залысины побледнели.

Нота брезгливо оттопырил губу, водрузил очки на нос и широкими шагами направился к пепелищу, где помощники уже закончили расчистку и выуживали из горячей золы чудом уцелевшее оборудование.

– Докладывайте, – разрешил я. И в свою очередь зашагал к машине.

Несчастный Никош потерянно остался на прежнем месте, в смятении чувств не замечая даже, что сидевшая в клетке тварь не сводит с него плотоядного взора.

Впрочем, обещание Никош сдержал. Причем успел пожаловаться прямо по телефону, потому что едва мы успели переступить порог Павильона, как передо мной возникла уже знакомая бесстрастная барышня и пригласила в также уже знакомый кабинет. Однако сам господин Бложев лично прибыть не изволил. Прислал свое изображение.

Его иллюзорный двойник выглядел слегка другим, поскольку представления людей о себе всегда отличаются от истинного. Но не сильно. С комплексом полноценности у его создателя было все в порядке.

– Добрый вечер, господин Стокол. – На этот раз Бложев решил начать с приветствия. – Полагаю, вы устали, поэтому не задержу вас надолго. Мне передали вашу просьбу...

– Просьбу? – не смог удержаться я.

– ...Но я вынужден вас огорчить. Предоставить вам выходной сейчас было бы неразумно и непрактично. Срок вашего пребывания здесь истекает, а поскольку ваша работа оказалась весьма результативна, за оставшееся время мы бы хотели использовать ваш ресурс в максимальном объеме...

– Погодите! Я обязан работать на износ? А что об этом скажет моя корпорация?

– После каждого объекта вам предоставляется время на отдых и восстановление сил. Разве нет? А не так давно вы жаловались на скуку...

– Даже рабам давали выходные. Я ведь могу отказаться работать.

– Это не в ваших интересах. Мы ведь тоже можем не засчитать вам отработку.

Мы молча уставились друг на друга. Затем Бложев вздохнул, не сдаваясь, но делая вид, что вынужден уступить.

– Объект, запланированный на завтра, представляет для наших исследователей особый интерес. Если вы закончите с ним в отведенное время, я готов предоставить вам выходной в понедельник... И компенсацию для корпорации.

В понедельник выходной меня не устраивал. Поэтому я предложил:

– Давайте договоримся по-другому. Вы предоставляете мне свободные сутки с того момента, как я заканчиваю завтрашние дела.

Он подумал, затем кивнул. И исчез, не соизволив попроситься.

– Ну как? – с неожиданной живостью осведомился Лука, едва прикрыл за собой дверь кабинета.

– Победа всегда за нами, – горделиво сообщил я, стараясь избавиться от неприятного привкуса, который снова остался после разговора с куратором. – В нелегкой битве завоеваны сутки тишины и покоя. А если получится, то и больше...

– И ты веришь, что они уступят?

Я пожал плечами. Уверенность испарялась как эфир.

– Патрон ведь велел тебе не светиться, – укоризненно сказал Лука.

Последнюю его реплику я проигнорировал. И без того было над чем подумать. А если Лука прав? С чего бы им действительно терять столько времени зря, когда до конца моей ссылки осталось буквально четыре дня?

Возможно, имеет смысл подстраховаться?

Я перевел взгляд на запястье, обвитое металлическим браслетом.

Псевдоживую змейку на руку, как и вполне живого Луку, я получил в безвозмездное пользование несколько лет назад после одного неприятного инцидента, когда вдруг оказалось,

что четырнадцатилетний Черно-Белый маг умеет такое, что изрядно напугало свидетелей произошедшего. Тогда снова заговорили о безумии, которое якобы сопровождает владеющих смешанной магией.

Короче, служба безопасности Двустороннего Совета озаботилась и создала страховые полисы в наиболее привычном для обеих магий виде. От Черных мне достался Лука, способный, как абсорбент – воду, поглощать чужую магию. Если бы я вдруг обезумел, то Лука, настроенный на стандартную формулу моей силы, почувствовал бы отклонение, послал бы в Совет тревожный сигнал и поглотил бы самый первый удар почти любой мощности, который бы я нанес. Это, конечно, убило бы его, но зато дало бы всем остальным время для подготовки контратаки. Как это свойственно Черным, в одной шкатулке содержалась вторая. За время, проведенное вместе, мы с Лукой успели вполне сдружиться. Если бы я пошел против Совета, то вынужден был бы убить друга.

Белые не усложняли себе задачу этическими соображениями. Вместо одушевленного напарника мне досталась змейка из стеклянного серебра. Обычное серебро не держало заклипания, а другие металлы показались создателям змейки то ли дорогими, то ли непрактичными. Змейка была хитроумной комбинацией из техники и магии, но цель ее создания была примерно такой же – дать тревожный сигнал, если мои параметры станут уж очень отличаться от эталонных, и поглотить первый удар.

В общем, вопрос о доверии при выделении мне подобных подарков не стоял.

Стоял вопрос, как от них избавиться...

Поэтому, вместо того чтобы спать и, по выражению Бложева, восстанавливать силы перед утренним мероприятием, я старательно изучал присланный с воздушной почтой чертеж. Глаза слезились, и чугунная голова упорно норовила приклеиться ухом к подушке, но дело того стоило.

Когда-то в Белых пределах...

Вера скованно замерла на краешке удобного кресла так, словно из него торчали стальные шипы.

– Ты должна увидеть ее, – настойчиво повторил Милан.

– Я не могу.

– Она твоя дочь.

– Ложь! – не выдержав, вскрикнула Вера.

– Что значит – ложь? – Угрюмый Милан подошел и нагнулся к ссутулившейся женщине, пытаясь заглянуть ей в лицо. – Ты ждала ее, ты носила ее, ты родила ее... разве не помнишь?

– Пытаюсь забыть как самый страшный кошмар. – Вера отстранилась от Милана, предпочитая чувствовать, как незримые стальные шипы пронзают ее спину, лишь бы не вдыхать исходящий от мужа знакомый запах – дорогой одеколон «Черный лед» и кофе. Он поглощал кофе литрами, когда нервничал.

И еще запах крови.

Я снова схожу с ума, решила она в глухом отчаянии. Зря я сюда вернулась. Мне казалось, что все забыто и прощено, но так только хуже. Будто с едва начавшей заживать раны сорвали струп.

– Ты родила ее, как ты можешь отказываться от нее? – Милан смотрел на нее в упор. – Разве может так поступать

мать?

– Замолчи!! – с надрывом выдохнула Вера, порываясь встать, но все еще нависающий Милан, даже не прикасаясь, давил будто свинцовая плита. У нее подогнулись ноги. – Я хорошая мать!.. Я могла бы стать хорошей матерью! – добавила она едва слышно и, снова набирая голос, закричала в лицо мужу: – Это ты! Ты во всем виноват! Ты и твои... Маги! – Она выплюнула последнее слово с торопливой ненавистью, будто боясь опалить губы.

Милан молча и тяжело глядел на нее.

– Это ты... – тише повторила она. – Вы забрали моего ребенка. Настоящего ребенка.

– Чушь, – так же негромко, утомленно произнес Милан, отводя взгляд в сторону. – Ты же знаешь. У тебя не было никакого ребенка, кроме той, что родилась.

– Он... Она... Я даже не знаю, кто мог бы родиться, но вы украли его... украли еще до рождения! И подменили этим чудовищем!

– Что ты выдумываешь? – Лицо Милана болезненно исказилось. Смесь жалости и раздражения. Так смотрят на безнадежно и отвратительно больных.

Он наконец отошел от жены, вернувшись снова к окну. Рыхлые бархатные портьеры частично скрыли его, а свет, льющийся через стекла, смазал особенности фигуры, превратив Милана в безликий силуэт. Так, очертания чужого человека. Ничего общего с тем Миланом, с которым Вера

была счастлива.

– Я не выдумываю! – твердо заявила она в спину незнакомцу. И услышала в своем голосе те же упрямые интонации, с которыми она тысячи раз повторяла это врачам в клинике. – Я помню... Помню кошмары, которые начались еще до того, как узнала о своей беременности. Нет, даже еще до того, как действительно понесла. Томительные, мутные, тяжелые предчувствия, которые по ночам обращались в безумные сны.

Тогда в их жизни появился этот странный знакомый Милана, якобы старый семейный врач. У него был неприятный, пристальный, словно проникающий взгляд... Вера не могла находиться с ним в одной комнате и нескольких минут, но этот «врач», как назло, всегда оказывался рядом. И ладно бы она заметила в его глазах хоть тень сладострастия... Но нет, наоборот, он глядел на нее пусто и равнодушно и в то же время изучающе. Его не интересовала она сама. Он искал что-то внутри ее...

– Он был магом, – произнесла Вера сквозь зубы. – Из этих мерзавцев, что видят плод еще до рождения.

– Ну и что? Я попросил его присмотреть за тобой, чтобы ребенок появился здоровым. Все так делают.

– Ты так хотел, чтобы у меня родился непростой ребенок! Ты всегда этого хотел! Ты так любишь быть не таким, как все, что пожертвовал нашим настоящим ребенком ради этого... этой!

Она не видела лица Милана, но чувствовала, что он брезгливо морщится. Он делал так каждый раз, даже во время ее беременности, когда она начинала говорить, что с ней что-то неладно.

– Вы подменили моего ребенка своим.

– Не смей меня, – сухо и скучно отозвался Милан. – Каким еще «своим»? К тебе никто не прикасался, ты сама носила ее и помнишь все...

Все. Особенно время, что она проводила во сне. И в том сне некие безликие фигуры, среди которых только угадывался Милан, вскрывали ее чрево, извлекая из него еще даже не зародыш, а неясную, теплую, родную сущность, и заменяли ее кем-то другим. Холодным, незнакомым, чужим.

Утром она просыпалась с криком, в поту, прижимая руки к округляющемуся животу. И вдруг стала осознавать, что там, внутри ее, и впрямь затаилось нечто чужое. Чужое настолько, что иначе как пауком она себе это чужое и не представляла. Паук внутри.

Однажды она попыталась его убить.

– Напрасно я вернулась, – произнесла Вера, поднимаясь из кресла. – Думаю, мне лучше уехать.

Милан в несколько длинных шагов пересек комнату, заступая дорогу:

– Подожди... Ты ее даже не видела. Она чудесная девочка. Умница и красавица... как ты.

– Не смей мне этого говорить!!

– Она похожа на тебя как две капли, – неумолимо продолжал Милан.

– Замолчи! – простонала Вера.

– Я сказал ей, что приехала мама.

– Что?.. – Вера в ужасе задохнулась. – Нет!.. Как ты мог?..

Ты не мог так поступить со мной... И с ней!

– Она ждет там, за дверью.

– Ты не посмеешь.

– Неужели тебе не хочется увидеть ее?

– Нет!

– Ты говоришь, что хорошая мать. Неужели ты решишься сбежать, не встретившись с дочерью?

– Ты... сволочь!

– Она очень хочет тебя увидеть. Я рассказывал ей о тебе только хорошее... В конце концов, просто посмотри на нее!

– Я... – Вера, словно надломившись, опустилась в кресло. Что-то пробивалось через лед, застывший в ее душе. Надежда? – Хорошо... Ладно.

...Высокая, как все в этом старинном богатом особняке, дверь распахнулась. На пороге стояла крошечная девочка лет четырех в розовом праздничном платье и розовых туфельках с ленточками. На светлых, уже слегка разлохмаченных волосах кривовато сидел бант.

Мгновение постояв, девочка побежала вперед, вдруг сбилась с шага и снова замерла шагах в десяти, глядя на сидящую в кресле бледную женщину с легкой застенчивостью

вперемешку с жадным, лукавым любопытством.

– Смотри, малышка, мама приехала, – сказал Милан.

Вера попыталась улыбнуться.

Девочка доверчиво улыбнулась в ответ. А потом, как все дети, пряча за простодушным хвастовством смущение, выпалила:

– Мама! Смотри, как я умею! Я бабочка!

Девочка, раскрыв руки, замахала. Вокруг розового платья потянулись и засверкали крошечные, переливающиеся огоньки, словно шлейф, украшенный россыпью бриллиантов. Волшебная бабочка затрепетала в полутемной комнате.

Вера почувствовала, как механическая улыбка сползает с ее губ. Сверкание бриллиантовых огоньков больно кололо глаза. И свет утекал стремительно и безостановочно, обращаясь в свою противоположность. Как в негативе. В центре сверкающей каплями росы паутины танцевал паук. Черный огромный паук.

Вера открыла рот и страшно закричала.

И в ответ так же отчаянно закричала испуганная девочка.

5

– ...Время! – Меня весьма немилосердно встряхивали за плечо.

– Не суетись, – пробурчал я, с изрядным усилием раздвигая веки. – Без меня все равно не начнут.

Лука изобразил на физиономии нечто непередаваемое, но однозначно неодобрительное и наконец оставил мое плечо в покое.

На этот раз ехали мы дольше обычного. Я даже успел урвать кусок недосмотренного сна.

...Сложно сказать, что это было такое. Руины некогда большого здания, о котором напоминали разве что смутные очертания, обозначенные вросшими в землю остатками стен. Если верить сохранившемуся названию, это была Башня. Возможно, что и бурая. Поверхность камней намекала на коричневато-красный цвет. Машинально выковырнув носком ботинка из земли твердый обломок, я обнаружил, что он вовсе не бурый, а охряный и на нем уцелел фрагмент знака Высшей Защиты.

Фон здесь был чудовищный. Однако наверху, среди камней, ни малейшей активности.

Я вопросительно посмотрел на ассистента. И он, боязливо косясь на руины, подсказал:

– Внизу. Там, внизу, есть уцелевшие помещения. Раньше

они были видны, но после землетрясения часть Башни ушла под землю...

Какие землетрясения могут быть на этой широте, подумалось мимоходом. Впрочем, озвучивать вопрос я не стал в связи с неактуальностью. Гораздо больше меня беспокоило другое.

– А что по этому поводу говорит инструкция по технике безопасности? – мрачно осведомился я. – Там, под землей, все давно прогнило, осыпалось и обвалилось.

– Нет, два этажа во вполне приличном состоянии. Раньше строили на века.

Ну раз так сказали, придется верить...

Встревоженный Лука заспорил с Нотой, но я не стал дожидаться. У меня есть дела поважнее.

Сразу же, стоило пересечь цепь лишаистых камней, оставшихся от лестницы, звуки извне утратили интенсивность. Зато стало слышно, как стучит, ласкаясь о кладку, сухой репейник, усеянный неожиданно яркими, крупными, колючими кулаками цветов. Словно ритм выбивает...

Стены без крыши поднялись, захватывая незваного гостя в каменную горсть. Еще не сомкнута, можно вскочить...

Я двинулся дальше. Ступени покорно свели вниз. Уже не шершаво-бурые, а гладкие, словно бронзовые. Они даже не искрошились от времени, а казались искусанными и искоренными. Сумрак, густой, синеватый, лениво покачивался, затекая в щели. Тени от огонька, что плыл над моей макуш-

кой, странно прыгали...

А потом внезапно, безо всякого перехода, сторожкая тишина подземелья разом обратилась в безумное кипение. Воздух содрогнулся, рождая невидимую, но осязаемую тварь. словно сгусток прозрачного огня. Дохнуло пьянящим жаром. Обдало тугой ненавистью...

Зажмурившись, я сначала ударил и лишь потом на обратной стороне век различил черный пузырь подземелья и гибко пляшущий багровый силуэт крылатого монстра. Правда, длинные крылья обкромсаны до узких лезвий. Он качнулся, принимая удар, опоясался соцветием прозрачных огненных языков. И в черноте помещения, как на негативе, проступили сотни человеческих скелетов, рассыпанных вдоль стен.

Сколько же их...

Прозрачный хлестнул серпом крыла. Ощерившись, я вслепую выпустил *вьюжный крест* и сцепленный с ним *чернопал*. Собственная наработка на стыке Белого и Черного. Никто больше так не умеет...

Ай да я! Тварь обомлела, замешкалась... Еще удар! Брызги камней обожгли кожу. Багровая тварь скрутилась и оцепенела, припав к стене в углу.

Отдачей меня швырнуло в сторону и вниз, через пролом. Я попытался зацепиться, но лишь ободрал локти и ладони и с грохотом ссыпался вниз, на этаж. Хорошо еще, что земли здесь скопилось прилично...

Обвалилась тишина. Сверху не доносилось ни звука.

И все?

Что-то было не так в этом безмолвии и пустоте... Я упал лишь на этаж, а казалось, что на все сто. Стало трудно дышать, вязкий воздух тек и пах металлом... Попытавшись двинуться, я лишь вяло заскреб руками по камням.

А потом...

Дрожь прошла по телу. Я замер, боясь вдохнуть. То, что издыхало сейчас наверху в углу, не имело никакого значения. Оно появилось много позже, когда сюда пришли новые люди, несущие свою свежую силу и странные идеи.

Но то, что сохранялось здесь до них, было иным.

Как ни странно, привкуса магии не имелось вовсе. Было что-то другое, мне незнакомое и несоизмеримо могучее. То ли живое, то ли нет... Страшное в своей силе. Если бы оно затеяло напасть на меня, я бы погиб среди этих невероятно древних камней. Но оно не собиралось нападать.

Отчего мне кажется, что тех, кто остался наверху, интересовала не тварь, что дышала силой и ненавистью, а вот это молчаливое существо? Даже тень существа. Отпечаток. Слепок с того, что жил здесь когда-то...

И через эту тень, как через призму, мир расслоился, рождая зыбкие образы. Отбрасывая новые тени. Нет, одну-единственную тень. Похожую на первую и противоположную ей, как зеркальное отражение. Смутное лицо. Яркие глаза... И сразу же неистовая боль чужого взгляда накрыла с головой океанским приливом...

Стало очень темно. Не знал, что бывает такая темнота...

Как я выбирался, помню смутно. Морозный воздух обжег, как глоток спирта, и приободрил. Даже колени перестали трястись.

– Что это? – свирепо осведомился я, уперев руки в боки, и требовательно воззрился на нетерпеливо сгрудившихся возле пролома людей. – Кто это там? Вы ведь знали, что оно там? И отправили меня туда одного!

– Вы видели? – жадно спросил в свою очередь Нота, возбужденный как никогда. – Я предполагал, что это возможно, но...

– Что вы предполагали?

Он осекся, явно сожалея о своей несдержанности. Все, кто был поблизости, наострили уши, ожидая продолжения, но доктор с неприятной миной на лице сварливо продолжил:

– Предполагал наличие на этом объекте сильной неучтенной сущности. Вы ведь ее обнаружили?

– Совершенно верно, – кивнул я, придавая собственной физиономии самое простецкое выражение. – Обнаружил и обезвредил. И на сегодня считаю свою миссию выполненной, а самого себя свободным.

– Что значит – обезвредили? – как мне показалось, слегка испугался внимательно прислушивавшийся к разговору Никош. – Это не...

– Он о стороже, – резко бросил доктор, отмахиваясь от Никоша.

Надо полагать, сторожем звалась несчастная тварь возле порога.

– Ваша миссия не может считаться выполненной. Вы не закончили задание.

– Чепуха. Вы говорили об одном существе на объекте. С ним покончено. Свою часть договора я выполнил. А если вы из каких-то своих соображений не включили в договор дополнительные обязательства, то виноваты сами.

– Так вы обнаружили там что-то или нет? – раздраженно осведомился доктор.

– Не вижу необходимости отвечать на ваши вопросы, – надменно ответил я. Хотел было задрать нос, но решил, что это уже перебор.

И так доктора, похоже, вот-вот хватит удар от ярости. А с чего, собственно, он так разволновался?

– Не дерзите мне! – взвизгнул Нота, взмахнув полами дохи. – Я не позволю вам покинуть объект, пока... – Он взбешенно обернулся к Никошу, который вот уже с минуту трусливо трогал его за рукав. – Что?!!

Никош торопливо зашептал, криво дергая ртом. Свирепый Нота одеревенел лицом.

– Хорош-шо, – прошипел он, сжеживая воздух, словно яд. – Рабочий день продолжается. Отдохнем. Но после перерыва продолжим...

И он победно зыркнул на меня, сверкнув очками.

Я так понимаю, что выходного мне не получить. Рабочий

день будет длиться до бесконечности... Что у них там за тайны, которые не позволяют внятно формулировать задания? Что же, как вы, так и я.

С демонстративно безразличным видом я сел в машину, оставив дверцу открытой. Сосредоточился на мгновение и указательным пальцем прижал головку стилизованной змеи на браслете. Короткий импульс – и змейка оцепенела.

На самом деле способ прикончить ее я узнал давно. Но если бы я убил этот полумеханизм, то предсказать реакцию его создателей было бы сложно, поэтому мне и понадобилась помощь Морфея, чтобы разобраться в конструкции данной твари, где магия смешалась с железом, как это водится у Белых. А зная ее точные схемы, можно было исказить заклятия и усыпить тварь на некоторое время, не повредив жизненно важных центров.

Теперь настала очередь Луки.

С Лукой даже проще. Не потому, что Черная магия слабее, а потому, что привычнее мне. Да и своего спутника я узнал за последние годы очень хорошо. Вплоть до самых уязвимых точек в броне. Например, он очень любит головоломки. Если переключить его внимание только на игрушку...

Я сложил пальцы кольцом и поймал взглядом Луку, прихлебывающего дежурный кофе в компании техников. Лука неловко повел шеей, будто собираясь оглянуться, но передумал. Отставил кружку, вынул из кармана головоломку.

Его самозащита не расценит это как угрозу. Лука часто

так делает. Правда, через несколько часов бедняга проголодается (я ощутил укол вины, но отмахнулся). Ничего, я ненадолго...

Для всех остальных я оставил *двойника*. Вряд ли здесь отыщется маг должного уровня, способный отличить подмену, а к вечеру я вернусь.

Двойник зевнул и приготовился дремать.

Я вылез из машины, набросив на себя флер невидимости. Теперь я стал каплей масла в воде. Вроде бы и рядом, но чужие взгляды безучастно скользили мимо, не цепляясь.

На шоссе я поймал попутную машину, едва только успел вскинуть руку, хотя в столь ранний час дорога не отличалась особым оживлением.

Все-таки надо отдать должное Белым – люди, проживающие в пределах их влияния, чувствуют себя в совершенной безопасности. Там, где я вырос, подбирать попутчика на обочине решаются далеко не все.

Дверца вишневого цвета фургончика распахнулась.

– Мне в Мечавку, – жизнерадостно сообщил упитанный усач, выглядывая оттуда. – Еду через центр. Идет?

В городе я ориентировался неважно, а от центра искать нужное место будет удобнее. Поэтому я согласился и погрузился в ароматы кофе и почему-то сена, царившие в салоне фургона.

– Машина, что ли, сломалась? – любопытствовал води-

тель, скосив на меня темно-карий круглый глаз.

– С чего вы взяли? – рассеянно удивился я.

– Так кто ж путешествует без вещей?

– А может, я живу здесь, в поселке. И в город решил заглянуть по делам, ненадолго, – сам не знаю зачем, предложил я версию.

– Да ну, что ж я, не знаю, что нет тут никаких поселков, – снисходительно отозвался водитель. – Тут, кроме Бурой Башни, сроду ничего не строили. Кто ж рядом поселится? Разве что нечисть какая... – Он вдруг задумался, пожевал губами, словно пробуя на вкус свою же собственную реплику, покосился на меня оценивающе, а потом расслабился и только что не махнул рукой: да ладно, мол, чего там.

– А что, Бурая Башня – местная достопримечательность?

– Век бы ее не видать. – Водитель боязливо скрестил пальцы. – Вроде колдун там жил в незапамятные времена. В город его, понятно, не пустили, так он в отместку возле дороги поселился. Чтобы, значит, прохожих людей отваживать, торговцев сбивать с пути, ну и пакостить помаленьку. Город, ясное дело, захирел. Болезни пошли, несчастья всякие. Горожане осерчали, собрались и пошли воевать колдуна. А тот устроил землетрясение, Башню свою под землю почти загнал, а сам сгинул вроде. Да только земля после него все одно отравлена... – Водитель снова подумал, а потом пожал плечами: – А может, и не так все там было. Эту байку мне сынишка на днях пересказал. Да мало ли что дети напле-

тут? – Водитель вдруг засмеялся: – А если честно, я вообще не знаю, что за Башня. Я-то сам не местный. А вот здешние любят пугнуть приезжих. Я когда со своей женой познакомился, она отсюда родом, так она мне такую страсть наплела, что я этой дорогой долго по ночам опасался ездить. Мало ли чего. Кто их разберет, этих магов? В моем родном городишке тоже жил один, так он...

В общем, водила мне достался словоохотливый, и на благодатную тему я его толкнул сам. Так что роптать было бессмысленно.

От лишнего барахла, и в том числе ненужных меток, следовало избавиться. Дезертировать со службы я, конечно, не намеревался, но меньше всего мне бы хотелось, чтобы в самый неудобный момент на моем пути возникли Псы или, скажем, Искалы Белых, Черных или прочих оранжевых. До вечера времени достаточно, и шанс, что меня хватятся, несмотря на принятые меры предосторожности, все равно остается.

Поэтому я сложил содержимое карманов в наскоро сотворенную капсулу, принявшую форму детского воздушного шарика. Шарик привязал к ветке ближайшего дерева, наложив простенькое, но никогда не подводившее заклятие. Теперь шарик никуда не денется и никому не придет в голову отвязать его. А когда понадобится, я смогу позвать его в любой момент, и ветер притащит все прямо в руки.

В универмаге на проспекте я приобрел комплект новой одежды. Переодеваться пришлось в платном туалете, который, к счастью, оказался автоматическим. Старую одежду я запихал в пакет и выбросил.

Жаль, конечно. Сшито на заказ и в единственном экземпляре. Но, даже бегло оглядев куртку, я вытащил два крючка. А что там еще было вплетено, вшито, вставлено? Не только Белыми. Не сомневаюсь, что еще на стадии изготовления ткани в ее рисунок или в волокна вплетали сторожкие нитки.

В автомате возле банка я снял все деньги с одной из кредиток.

Что ж, теперь можно и прогуляться.

Город присмотрелся, подумал, катая меня между улицами, как леденец между каменными щеками, и наконец проглотил. Тусклая невнятица чужой жизни развернулась, будто книжка, и нахлынули цвета, звуки, запахи и ощущения. Знакомые по сотням других городов и одновременно иные, с особым привкусом и оттенком.

Сюда не вступишь с ходу.

– Турист? – Очередной доброхот в экипировке из рекламных плакатов с пугающей пронизательностью заступил мне дорогу. – Тогда вам надо непременно посетить Зеленую Арену...

– Обязательно. – Я обогнул его по широкой дуге.

«...Арена полна чудес и сюрпризов! – продолжало интим-

но ворковать, казалось, прямо в самое ухо, хотя зазывала остался позади. – Непременно посетите! Вот отсюда поверните налево...»

Сладкий голос прицепился и полз следом.

Вот зараза! – оторопело констатировал я, выуживая один пестрый лист из нагрудного кармана куртки, а второй из кармана штанов. Ну как они туда попали? Этим пройдохам никакие чары не нужны...

«Налево! Мы ждем!» – прощально вздохнули рекламки, улетая в урну.

Соблазнительно, конечно, но налево мы точно не пойдем. Потому что как раз слева, возвышаясь даже над самыми высокими домами, маячит длинный хрустальный шпиль дворца Белой Королевы. Празднично переливается на солнце, неправдоподобно яркий, заметный отовсюду.

Можно не без успеха водить Белых за нос. Но прогуливаться вблизи обиталища древней колдуньи все равно, что дергать виверну за хвост. Или это во мне отголоски детских сказок говорят?

Впрочем, по слухам, если наступить на солнечный зайчик, что разбрызгивает шпиль дворца по площади, то можно загадать желание.

Я решительно повернулся и двинулся направо. Со своими желаниями я и сам справлюсь... Но все равно краем глаза то и дело ловил белое сверкание, словно под веко попала блестящая соринка. И царапала.

...Хотя считается, что на территориях Белых преобладают высокие технологии – следов стихийной «домашней» магии здесь было ничуть не меньше, чем в самых глухих Черных провинциях. Даже мельком оглядевшись, можно было заметить и молодого, но уже заметно осунувшегося мужчину, несущего на себе яркую, как пылающее клеймо, печать обратного зова. Или женщину, окруженную жемчужной дымкой завлекала, и детей с прицепленными мамиными оберегами.

Возле подземного перехода я машинально снял с волос пробежавшего мимо пацана порченую нить. Пацан шарахнулся и пару раз настороженно оглянулся.

– А вот кому печеных мышей! – громогласно осведомились на всю улицу.

Я споткнулся. Оказалось, что за мышей выдавали продолговатые пирожки с хвостами. Пахло соблазнительно.

– ...А говорили, что у них инструменты магические! – недовольно проворчала длинноволосая блондинка на каблучках, только что подошедшая к прилавку в компании подружки. – А они обычные. Мы зачем столько денег угрохали?

– Ничего ты не понимаешь, – рассеянно отозвалась коротко стриженная девушка в кожаной курточке, подцепляя за хвост одну «мышь». – Мне, пожалуйста, с томатом... На этот оркестр со всего мира приезжают ценители! Потому что игра у них волшебная.

– Лучше бы мы на Джигу Виртуоза сходили. У него скрип-

ка по-настоящему смеется и разговаривает. У нее даже лицо есть!

– У кого лицо?

– У скрипки!

– Какое еще лицо? Зачем лицо, если обычная скрипка может ТАК? Ты не слышала, что ли?

– А у меня слуха нет, – с достоинством возвестила блондинка. – Я с лицом хочу...

Подруга, впившись зубами в свежеприобретенный пирожок, вздернула брови.

Над зданием с колоннами, откуда все еще выходили люди, бежали строгие, без лишних завитушек, буквы: «Время волшебной музыки. Единственный концерт оркестра Бьюна Веретено». За основательной филармонией тянулся к облакам легкомысленный с виду многоэтажный дом, смахивающий на хрупкий витраж из стекла и дерева. Через деревянный каркас были пропущены магические стержни, заставляющие поверхности слегка мерцать. Ночью, наверное, красиво...

– Вот звону будет, коли брякнется! – восхищенно заметили рядом.

Я покосился на лысоватого мужика с потрепанной туристской картой в руках и огромным полупустым рюкзаком, парашютом повисшим за его плечами.

– Кто брякнется?

– Дом! – охотно подсказал турист. – Небось бесстрашные

люди в нем живут.

– Как это – брякнется? – с недоумением переспросил я.

– Ну магия исчезнет, и...

– Как магия может исчезнуть?

Он внимательнее взгляделся в меня и догадливо кивнул:

– А! Да ты небось сам из этих... Где уж тебе понять!

Я оскорбился.

Он доверительно потянулся ко мне, дурашливо приставив ладонь ко рту, и, ехидно кося желтоватыми выпуклыми глазенками, внушительно пробормотал вполголоса:

– Да будет вам известно, господин маг, безотказной не бывает даже магия. А как насчет случая в прошлом году? Бирюзовый-то мост упал? Как «слепой вихрь» прошел, так и бряк! Вот так-то вот! – А затем, не дожидаясь ответа, вежливо кивнул и двинулся прочь, сверяясь с картой. Солнце радостно бликовало на его лысой макушке.

Наверное, на площади дворца Белой Королевы у этого типа исполнятся все желания разом.

Центральные и главные улицы крупных городов похожи друг на друга, как бывают похожи люди, наполняющие эти улицы, – причесаны, украшены, ухожены. А за фасадами спрятана своя жизнь, со своими радостями и горестями. Как везде. И как только здесь.

Кое-где улочки были такими узкими, что жители стоящих друг против друга домов могли по утрам здороваться с сосе-

дями за руку. Сюда не протискивались машины, и поэтому мостовая сохранилась со старых времен, когда дорогу выкладывали многоугольниками из камня. Каждый камень звучал по-своему, и каждая улочка напевала прохожим собственную мелодию.

На тех улицах, что пошире, размещали мелкие магазинчики, торгующие в основном продуктами и сувенирами (от центра было не так далеко, как могло показаться). Еще здесь попадались крошечные кафе.

Я бы даже сказал, что слишком часто попадались... В последние час-другой мой нос все однозначнее выводил к очередному кафе или забегаловке, якобы неожиданно возникающим на пути.

Придется уступить.

Расположившись за столиком кафе снаружи, я принялся за еду, одновременно наблюдая за прохожими. Прямо напротив ютилась лавка, выдающая себя за антикварную, хотя даже беглого взгляда на выставленные на ее витрине вещи хватало, чтобы угадать наличие на них незаметных надписей: «Сделано в провинции Лонь» или что-нибудь в этом духе.

Посетителей в лавке хватало, и время от времени дверной колокольчик мелодично тренькал, выпуская очередного растяпу с горящими глазами, прижимающего к груди пакет с псевдотуарской вазой или почти подлинной статуэткой из кургана Белчуг.

– Ой, смотри, смотри!

Высокий темнокожий худощавый парень и хрупкая беленькая, как подснежник, девушка замедлили шаги перед витриной. Как и все туристы, они выглядели слегка нелепо и взбалмошно. В одной руке камера, в другой карта, на шее сумка с уже приобретенным барахлом. Не замечая никого вокруг, они улыбались друг другу. В общем, туристы как туристы. Явно из Черных территорий. Парень, вероятно, родился на западе, где преобладали такие темнокожие и светлоглазые дылды. А девочка, скорее всего, южанка. И оба наверняка из провинции, никто в метрополии уже не наденет куртку с такими дурацкими нашивками от сглаза.

Парень состроил гримасу, указывая на что-то лежащее на витрине, и девушка засмеялась. Звонко и беспечно. Эти двое были по уши поглощены друг другом, не видя, что привлекают внимание не только случайных безразличных прохожих.

Паренек сделал пару шагов в сторону, изготовив камеру, чтобы снять подружку на фоне разноцветной витрины. И поначалу не заметил, что девочка больше не смеется, а смотрит обеспокоенно за его спину. Лишь поймав в видеоискатель ее растерянное лицо, парень оглянулся, обнаружив позади пятерых разновеликих типов в темных куртках с пестрыми значками.

Ну понятно. Как же без местного колорита в лице стандартного набора уродов!

Узость здешних улиц позволяла слышать любой разговор на противоположной стороне дороги. Да и эти пятеро даже

не думали понижать голоса. Скорее напротив, всячески старались оказаться в центре внимания.

– Ну, ты, грязнорожий, чего проход перегородил приличным людям? Понаехали тут. Соскребай после них...

– А девочка-то ничего, умытая. Такой и мы не побрезгуем.

– Слышь, ты, чумазый, вали в сторону, пока дышишь...

Паренек с камерой выпрямился, глядя на обидчиков надменно и тревожно. Камеру он перехватил так, чтобы удобнее было бить. Жаль, что дорогущая игрушка весит гораздо меньше банального булыжника.

Девушка скользнула за его плечо, уцепившись за локоть, и потянула:

– Пойдем! Пойдем же...

Что паренек процедил сквозь зубы, не разобрать, но пятеро аборигенов вскинулись. Тот, что самый плечистый, выбросил руку, и камера едва не поменяла хозяина.

Законный владелец камеры потащил ее назад, но как раз в этот момент тип в грязной куртке, один из окруживших невезучую парочку, прихватил замешкавшуюся девушку за талию. Та вскрикнула. Ее кавалер, забыв о камере, резко развернулся. Если бы его глаза умели метать молнии, то нападавшим пришлось бы несладко. А так они лишь заухмылялись. Самый щуплый победно вскинул добытую камеру. Сработала вспышка, выпустив ослепительно сверкнувшую птицу.

Прохожие беспокойно скользили взглядами и быстро про-

ходили мимо с каменными лицами. Изнутри антикварной лавки выглядывали посетители, перемещаясь вдоль витрины и не решаясь выйти. Будто рыбины в аквариуме.

А еще говорят, что у Белых в городах тишь да гладь. Оно и понятно, если делать вид, что ничего не происходит...

Я аккуратно отодвинул свою тарелку локтем. Сотворив пять черных звездочек, положил их на левую ладонь, прищурился, беря всех пятерых недоумков в прицел, и методично щелкнул все звездочки каждому в лоб.

Реакция была мгновенной.

– Эй! – озадаченно воскликнул Плечистый. – А они-то где?

– ...! – Грязный нецензурно выругался. От брани декоративные выюнки над входом в лавку разом сморщились и опали. – Куда делись? Только что же тут стояли...

Его сосед тер глаза. Остальные принялись ошалело размахивать руками, словно пытаясь схватить воздух перед собой. Изрядно потускневшая, но все еще заметная птица-вспышка всполошенно отлетела вверх.

Парень и девочка мигом смекнули, что происходит, и не стали тратить время даром. Парень выхватил свою камеру у испуганно вякнувшего Щуплого и, увлекая подружку за руку, бросился наутек.

Я тоже не стал мешкать. Паутина сторожких заклинаний трепетала в воздухе. Они реагировали даже на мелкое колдовство. Сейчас сюда заявится кто-нибудь проверять, что

вызвало беспокойство Сети. А объясняться мне не хотелось.

Пятеро возле антикварной лавки уже пришли в себя и переругивались друг с другом. Мои черные звездочки плясали у них перед носами. Если заклинание не снимут, оно продержится пару дней. И на пару дней город может быть спокоен – новых объектов для своей травли эти уроды не заметят, даже если те станут танцевать прямо перед ними. К сожалению, более сильное заклятие требует изменения личности и вмешательства в суть человека. А на это у меня права нет.

А есть ли у тебя право вообще так поступать? – мелькнуло смутное раздражение где-то на изнанке подсознания. Это же нечестно... Ты маг, они – нет. Слишком легко совершать благородные поступки, когда это тебе ничего не стоит, верно?

Подумаешь!..

Остаток времени я потратил на бесцельное шатание по городу и к точке randevу явился в срок. Уже практически стемнело, а свет реклам, витрин и фонарей менял цвета до неузнаваемости. Кафе возле Галереи вольных художников напоминало стеклянный фонарь с прозрачными витражными узорами на стеклах, а люди, роившиеся возле него, словно насекомые, влетали внутрь, метались между стенками и вылетали обратно в выстуженные сумерки.

Леану я увидел первым. Она пришла на пару минут раньше и остановилась в дверях кафе, всматриваясь в лица. Жел-

тое стекло спутало гамму ее одежды, но не узнать ее было невозможно.

Я ускорил шаг, однако все равно не успел. Обменявшись парой слов с подошедшим официантом, Леана развернулась и вышла наружу, зябко поеживаясь в своем не по погоде тонком свитере.

– Ленка!

Она обернулась резко, словно готовясь отразить нападение. И выражение ее лица в отсветах фонарей показалось мне напряженным и испуганным. Впрочем, оно тут же смягчилось.

– Трой...

– Извини, я опоздал.

– Нет, это я поторопилась. Часы у меня, как всегда, спешат...

В подтверждение ее слов, перекрывая гул машин и голосов, донесся мелодичный перелив боя курантов, расположенных на башне через дорогу. Мы слушали его, вглядываясь друг в друга. Выжидающе, осторожно, будто пробуя тонкий лед.

Прошло два года. Срок небольшой и одновременно бесконечный.

Она укоротила свои длинные волосы, шея обнажилась, и оттого казалось, что осанка ее стала более горделивой и уверенной. А может, уверенности ей прибавили события, случившиеся за это время, когда из девчонки с красками

она превратилась в профессиональную и востребованную художницу.

– Я... я рада тебя снова видеть, – негромко произнесла Ленка. Ледок хрустнул и пошел трещинами. Плеснулась черная ледяная вода. Все еще ледяная.

Не все так просто.

– Лен...

– Погоди... – Она снова вздрогнула от холода. Тонкий свитерок и джинсы не грели. – Ты не против, если мы начнем официальную часть чуть позже? Минут через десять? Я не успела закончить одно срочное дело... Выскочила, чтобы тебя перехватить... – Она запнулась.

– Да, – с некоторым облегчением отозвался я. – Конечно.

– Это здесь же. В Галерее...

На дверях Галереи висело объявление: «Администрация приносит свои извинения, но в связи с подготовкой новой экспозиции Галерея временно закрыта. Ждем вас десятого числа».

Рыжеватая девушка возле входа надевала пальто. Глянула на меня с любопытством, едва заметно улыбнулась.

– Лен, тебя искал какой-то человек, – проговорила рыжая, набрасывая на шею полосатый шарф. – Я сказала, что ты будешь позже...

– Да, спасибо, – отозвалась Леана рассеянно.

– Он еще сказал...

– Саня, потом, – отмахнулась Леана, и рыжая Саня оза-

даченно вздернула брови и адресовала мне вопросительный взгляд.

В Галерее пахло деревом, скипидаром, красками и сандалом. Сверху доносился едва слышный разговор и смех, но Ленка повела меня в другую сторону. Через главный зал, освещенный лишь несколькими точечными источниками света. Почти все полотна на стенах накрывали чехлы, но даже по фрагментам я иногда угадывал давно знакомую «Летнюю рощу», или «Изумрудных стрекоз», или «Рыбу-ключ»... Старина «Зеленый грифон» презрительно щурился на стене напротив.

Привет, беззвучно сказал я ему. Грифон остался прежним. А Ленка изменилась. Но что в ней стало другим, кроме прически, мне еще предстояло узнать. Или не узнать...

- Ты так на меня смотришь...
- Просто вспоминаю, какая ты.
- Теперь я другая.
- Вижу.

Она незнакомым жестом отодвинула челку со лба. Косынка на шее шевельнулась, и под ней сверкнуло пурпурно-красным. Я пригляделся и озадачился.

Под косынкой у Ленки притаился простенький кулон – красный полудрагоценный камешек с заключенным в его сердцевине заклиниванием *защиты от проникновения*. В мысли ли, в чувства ли... Безделушка. Любой грамотный маг пробьет эту защиту как бумагу. Чтобы создать полноценную

завесу, требуется магия высшего уровня, и стоять такой оберег будет бешеных денег. Вряд ли это по карману пусть даже перспективной художнице. И взамен она купила этот кулон... Зачем?

Потому что не доверяет тебе. Или боится.

Очень весело.

Не выдержав, я взял ее за руку. Пальцы ее дрогнули, она застыла, распахнув глаза, и сразу же обмякла.

– Лен, это же я...

Мы ловили воспоминания друг друга как бабочек. Стараясь накрыть ладонью и не повредить, прислушиваясь к щекотным прикосновениям.

– А помнишь, как мы ездили на Ветродуй? – И в памяти распускалась изумрудная зелень весенних предгорий, и натянутая струна канатной дороги с сиденьями в виде разных птиц, отчего издалека казалось, что странная стая послушной вереницей летит к вершине.

– А помнишь, как мы бегали к Мемориалу? – И ночь обволакивала объятием – душным, пыльным и полным пряных летних запахов, хотя тогда уже стояла осень. Вздымались неестественно черные осколки камней. И скользили страшные тени внутри Периметра...

– А помнишь, как мы сняли комнату на побережье? – И снова весна, самый конец, звенящий, свежий, растрепанный и жизнерадостный. И какие-то сумасшедшие, исполнявшие немелодичные, но на редкость смешные куплеты на нашей

улице, которые веселили так, что даже мы ненадолго отвлекались друг от друга, от своего упоительного счастья...

Мы так много вспомнили, передавая прожитые дни друг другу как солнечных зайчиков. И, как солнечные зайчики, они ускользали мгновенно, бесследно, не успев согреть.

– Почему ты не сказал мне, что ты маг? – Словно наждаком провели.

Мы оба разом подобрались. Ленка смотрела выжидающе, положив подбородок на знакомо переплетенные пальцы, а я попытался объяснить то, что не смог тогда:

– Понимаешь... С тобой я не думал об этом. Наверное, впервые в жизни... Мне не нужно было быть магом, чтобы...

– Неправда. – Карие глаза потемнели. В них затаилось сомнение, как горечь в кофе. – Ты не можешь об этом забыть ни на минуту.

– С тобой могу... мог.

Она зажмурилась. Ресницы сомкнулись. И я вспомнил, как щекотали губы ее упругие, мокрые и соленые ресницы, когда она плакала. Ленка не отстранилась, когда я притянул ее к себе. Но хрупкие позвонки под тонким свитером обозначили дугу, готовую вот-вот распрямиться.

Снова одуряюще близко, как раньше. А запах ее волос остался прежним – легким, чистым, неуловимо цветочным. Только теперь к нему примешивался незнакомый темный аромат. Новые духи?

– Если бы ты тогда сразу сказал правду... – едва слышно

прошептала она, поднимая лицо, но не открывая глаз. – Все было бы по-другому...

Ее губы сомкнулись с моими, передавая странный горьковатый полынный привкус. Наше дыхание смешалось. А уже в следующее мгновение Ленка скользнула в сторону, высвобождаясь из объятий.

Удержать ее я не успел. На миг все вокруг словно заволокло черной дымкой, закружилась голова. Я поморщился, прижав пальцы к переносице, где запульсировала острая, ломкая боль. Полынный привкус стал резким и обжигающим.

– Ленка, что...

Дымка расплзлась медленно и неохотно, но восприятие оставалось нечетким и фрагментарным. Вот Ленка напряженно и пристально всматривается в мое лицо. Глаза у нее лихорадочно блестят, а губы шевелятся, но слова едва достигают сознания.

– ...Попробуй пожить как все... высокомерие и ложь...

– Не понимаю, – с усилием отзываюсь я, стараясь сфокусировать зрение.

– ...Чары. Не беспокойся, действие временно. Станешь как прежде. Но до этого попробуешь на вкус, каково это – родиться обычным...

Незнакомая злость искажает Ленкины черты до неузнаваемости. А губы ее обметаны черным пунктиром остаточного заклинания. Некрасиво. В опрокинутой чашке покачивается лужица не до конца пролившегося кофе. В нефтя-

ной жидкости пляшут огоньки отраженных ламп. Нестерпимо яркие. Ленкино лицо внезапно оказывается прямо передо мной. Глаза больные и встревоженные. В них отражаюсь я.

За Ленкиной спиной задвигались тени. Пугающе громадные, заслоняющие собой все вокруг. Руки у теней длинные и цепкие. Тени оттаскивают Ленку в сторону, и ее лицо из недоумевающего становится просто испуганным.

– ...Не так! Вы же сказали, что просто... – кричит она отчаянно.

Звуки глохнут, завязнув в мороке.

Я пытаюсь встать, но безуспешно. Свет меркнет. На этот раз надолго.

...Когти у боли как мечи кочевников-ахара – изогнутые, с зубринами, и каждый зубец черен от яда. Боль насадила на свои когти, пронзив плечи и спину, и соскочить с них невысказанно.

Руки заломлены назад и вверх. Плечи вывернуты, и позвоночник изогнут. Боль струится через него.

Ошеломление так велико, что постепенно восприятие притупляется. Нет, практически отмирает. Я камень. Мертвый, непоколебимый, вечный. Боль закогтила край сознания, но она на периферии. А я – по другую сторону...

В сводчатом зале свет мешается с мраком, рождая уродливые, замысловатые тени. Тьма здесь преобладает, но ее пожирают огоньки десятков черных и белых свечей. Желтое,

липкое мерцание свечей едва разбавлено белесым холодом, льющимся из крошечных окошек под сводом зала...

Усилие, потраченное на взгляд вверх, оказывается слишком велико. Веки тяжелые и шершавые, царапают глазные яблоки. Шею прошивает раскаленная игла. Проще смотреть вниз...

Пол выложен плитками, чей узор давно затерт. В центре зала на полу мелом начерчена неправильная фигура. Углы и окружности пересекают друг друга. Сероватый мел сверкает как расплавленное серебро. Вокруг чертежа толпятся силуэты в балахонах с капюшонами. Человек двадцать. Страх и ожидание расстилаются над ними зыбким облаком. Больше страха, чем ожидания. Облако прошито его бурыми нитями.

Люди в балахонах покачиваются и тянут на одной ноте закливание. Ими руководит некто в центре, тоже упрятанный за плащ, капюшон и маску. В прорезях маски его глаза лихорадочно сияют. Он обходит нарисованную на полу фигуру по периметру, иногда посыпая ее пылью из резной чаши. Пыль клубится в нагретом и плотном воздухе.

– ...Приходи... о, возьми силу жертвы... о, верни нам силу жертвы... надели нас могуществом...

Бормотание заунывно и монотонно. Жгучие и вязкие испарения забивают глотку, липнут к коже и растекаются по ней кислотой...

– А-а! – выдыхает нестройный хор.

Трепещущие языки свечек дружно вытягиваются вверх.

Люди по команде главного начинают неуклюжими волчками вращаться. Насыщенный воздух заколыхался. Потянуло смесью запахов: дым, нагретый камень и металл. Пыль и благовония. Вонь человеческого пота и духов...

Один из волчков совсем рядом – от него несет ужасом, а запах пота мешается с ароматом дорогого мужского одеколona и табака. А от женщины рядом с ним пахнет проточной водой... Она мельком поправляет выбившуюся из-под капюшона обесцвеченную прядь – пальцы ее сухие и немолодые, на среднем остро блеснул камень в перстне...

А та, что слева, пахнет дурманом, как полуденный луг. И страха она не ощущает. Только предвкушение и шквальный восторг от происходящего...

Они кружатся, теряя равновесие и все больше втягиваясь в безумный танец. И не замечают, что воздух в центре нарисованной на полу фигуры сгустился и насытился угрозой. Запах озона пронзает тяжелую атмосферу. И напряжение растекается вокруг, заставляя даже камни содрогаться...

Я за барьером. Я пуст и равнодушен. Но я чувю, как наливаеся жаром пространство. И люди цепенеют и останавливаются. Плечи их пригибаются от невыносимой тяжести, и кто-то явственно сипло стонет, падая на колени.

– Повелитель! – хрипит главный. – О повелитель... – Чаша с пылью или порошком выпадает из его руки и, громко звеня, катится к центру зала. Возле меловых линий, ярко вспыхнувших, чаша останавливается, будто наткнувшись на

незримый барьер, и уже в следующий миг растекается лужицей расплавленного металла. – Он пришел! – ликующе вещает предводитель, хотя голос его срывается и дрожит от испуга.

Остальные, похоже, не разделяют его восторга. Они боязливо отступают к стенам.

То, что возникло в центре нарисованной мелом фигуры, еще неотчетливо. Очертания проступают медленно, как при проявке старинной фотографии. Но уже устрашают.

Тварь шевелится и внезапно, будто только сейчас обнаружив рядом присутствие других, одним текучим движением перемещается влево. К предводителю. Тот отшатывается и закрывается полой плаща. И орет отчаянно:

– Туда! Туда! Он там!

Бесформенная голова поворачивается ко мне. Глаз у нее нет, но взгляд пронзителен и напорист.

Тварь скользит в мою сторону. Воздух расступается и ломко шуршит. Я словно нанизан на проникающий взор монстра. Уклониться невозможно!

Она безумно голодна. Голод гонит ее вперед, и тварь не замечает таких пустяков, как защитные линии, нарисованные на полу. Меловые черты стираются. Плоть твари дымится, обугливаясь, но ей это безразлично. Безглазая морда замирает прямо перед моим лицом, жадно принюхиваясь. Сосущее нетерпение твари схоже с разверстой в вакуум дырой.

Такого беспросветного ужаса мне никогда не доводилось

испытывать. Не потому, что страшусь за свою жизнь... Потому, что, если эта тварь доберется до меня, жизнь мне больше не понадобится.

Я задергался в путах, наплевав на боль и достоинство. Прочь!!

Бесполезно... Я, обессилив, замираю. Тварь смотрит...

...И вдруг отпускает. Обшарив все уголки моего сознания, она разочарованно отворачивается. Ярость взрывается в ней. Обманутая тварь обиженно кричит.

Посыпались камни. Огни свечей заметались. Люди заверещали, бросаясь к выходу и сдирая свои нелепые маски и плащи, от жара прилипающие к телу. Обнаженная кожа прямо на глазах покрывается пузырями.

А я даже бежать не смогу, хотя раскаленный воздух кровявит скулы.

Впрочем, они бы не успели.

Успел кто-то еще. Пространство вдруг выстыло. Температура мгновенно упала ниже нуля. Дуновение ледяного ветра всколыхнуло воздух и погасило оставшиеся свечи. Тварь завизжала и раскололась на неровные мерзлые куски. Остатки мелового чертежа на полу разнесло поземкой...

Морозный воздух напитан магией.

Веревки, которыми я привязан, обретают жизнь и начинают двигаться, словно змеи, распутывая свои витки. Когда последняя соскальзывает, я оседаю на пол, вдыхаю обжигающий холод и снова проваливаюсь в небытие.

6

Оказывается, в некоторых обстоятельствах даже промерзший пол – высшая степень комфорта. Только дрожь мешает наслаждаться им вечно...

Прямо перед носом на каменной плитке растеклась расплавленная черная клякса парафиновой свечи. Парафин затек в узор плитки и поседел от изморози. А чуть правее и дальше тускло поблескивает металлический кругляш. Монетка? Значок? Еще дальше лежит что-то бесформенно-черное... Нет, не тело. Всего лишь скомканный плащ.

До чего все же холодно... И света мало. Вместо зыбкого, подвижного огненного моря сверху льется слабенький поток, такой же выстуженный, как и все вокруг.

Я поднял голову. Позвоночник и плечи пронзила знакомая боль, но теперь она стала терпимой. Несколько движений – и она разойдется окончательно.

Сводчатый зал почернел, стены покрылись копотью неравномерно, словно незримые чудовища отбрасывали на них фантастические тени. И поверх темных пятен поблескивал крупитчатый иней. Повсюду на полу валялись полуистлевшие тряпки и исковерканные маски.

Машинально нагнувшись, я поднял металлический кругляш с обрывком цепочки. Какой-то памятный знак. Золотой или позолоченный. Чеканка строгими буквами: «Почетный

член Совета меценатов города...»

Ну и ну...

Позади меня высилось сооружение, напоминавшее изуродованное тяжкой болезнью мертвое дерево. С кривых веток свисали веревки. Это, значит, к нему меня привязали, когда приволокли сюда... Вчера? Или позавчера?..

Я привычно поднес запястье к глазам и запоздало спохватился, что от часов избавился еще в самом начале своего приключения. Несколько секунд туповато созерцал пустую руку, а затем так же тупо перевел взгляд на вторую, где тоже не хватало чего-то важного... Да, конечно! А где же змейка? В памяти всплыло воспоминание – веревки ползут словно змеи. Заклинание, распускающее путы. Оно вполне могло подействовать и на дезактивированный браслет...

Поискав глазами, я нашел змейку на полу. Ай-яй-яй... Металлическое тельце безжизненно перевило пальцы. Что-то царапнуло мизинец. Перевернув стилизованную мордочку, я с недоумением обнаружил острый шип, выскочивший из пасти змейки. На конце шипа застыла молочного оттенка замерзшая капля.

Вот так сюрприз! А зверюшка-то с зубами!

Сверху донесся шорох. Под сводом залы маячили то ли окна, то ли отдушины, и их на секунду заслонила мелькнувшая тень. Слишком высоко, отсюда не разглядеть, кто там мог быть. Вскользь глянув еще раз на браслет, я подавил инстинктивный порыв просто раздавить его и сунул в карман.

Разберемся. Кругу Черных понадобятся доказательства. Мы еще поговорим о доверии.

Я криво ухмыльнулся.

Злость, дремавшая где-то под утомлением и болью, наконец пробудилась и толчками, как кровь из разорванной артерии, принялась выплескиваться наружу. Нет! Подумать только – меня, взрослого человека, не последнего мага, как какую-то жертвенную овцу принесли на заклание! И кому? Второсортному демону! Пожирателю!

В центре зала все еще сохранялся смутный контур нарисованной мелом фигуры на полу. У одного из ее углов лежал полубогоревший том. На черной кожаной обложке надпись, стилизованная под старинный шрифт: «Овладение силой».

В древности был такой ритуал Передачи Могущества. Когда вызывали демона – Пожирателя. Тот высасывал силу и кровь у мага и передавал ее немагу. Если мне не изменяет память, во всех книгах утверждается, что первая часть ритуала обычно проходит без затруднений. Пожиратели всегда голодны и откликаются даже на безграмотно проведенные вызовы. А вот расставаться с только что поглощенным могуществом они не спешат... Чаще всего ритуалы завершались чудовищными пожарами. А о том, что кому-то удавалось получить силу подобным образом, ходят только легенды.

Но для магов это всегда заканчивается смертью. Сила магов настолько переплетена с их сутью, что после нападения Пожирателя личность мага полностью разрушается.

Проклятие!

Или везение? Ленка, лишившая меня магической силы, случайно спасла мне жизнь. Пожиратель не учуял во мне мага, а простые люди ему безразличны.

Я стиснул зубы, переживая горячую вспышку внутри. Эх, Ленка, что же ты наделала... Знала, что творишь?

Гнев ушел, впитавшись в усталость, как вода в песок. Губы еще горчили, храня привкус зелья, и только. И раздражало ощущение дыры внутри. Тянущей пустоты. Но оно пройдет... Надеюсь.

А вот кто были эти уроды в плащах? Впрочем, предположить нетрудно. Пусть полиция Белых этим занимается. Мне лично домой пора.

Стуча зубами от, казалось, все усиливающегося холода, я побрел к выходу. Хорошо, хоть догола не раздели. Одежда прежняя, только куртка осталась в Галерее. Но все равно зябко.

Остаточная чужая магия все еще висела в пространстве, как висит в воздухе сигаретный дым в тесной комнате. Я «принюхался», пытаюсь угадать обладателя силы, но за ночь характерные метки уже успели улетучиться, а то, что осталось, было безликим и аморфным. Наверное, среди этих безмозглых олухов, позарившихся на чужую силу, нашелся настоящий маг, который вмешался, пока не стало поздно. Или пока Пожиратель вместо меня не отыскиал его самого...

За проломом в стене колыхалась нефтяная темнота. При-

шлось ориентироваться на ошупь, угадывая направление. Шершавые поверхности, углы... Только бы не какие-нибудь провалы!

Простенькое заклинание может разжечь огонь без спичек. Им владеют даже младенцы, нервируя мамаш. И сейчас, увы, совершенно не владею я. Не говоря уже про ночное зрение...

Вроде пустая комната. Ага, вот, кажется, проход.

Кто-то не поленился забаррикадировать его снаружи, но в спешке преграду соорудил хлипкую, и я почти без усилий опрокинул ее. Тьма слегка разредилась. Обозначился коридор, дальний конец которого был отчетливо светлее.

Я вздрогнул, услышав посторонний и неуместный в этих развалинах звук. Звук повторился. Я сбавил шаг, поколебавшись, вернулся назад и дернул ручку утопленной в нише двери.

Дверь послушно поддалась, и звук усилился. Вне всякого сомнения, это трезвонил мобильный телефон.

Помещение оказалось достаточно обширным и, как и водится в здешних традициях, неосвещенным. Скучного света из коридора хватило, чтобы различить некие растопыренные конструкции, напоминающие вешалки в гардеробе. Собственно, это они и были. Часть повалена, а на тех, что еще стояли, потерянно поникли пальто и плащи. Их владельцы бежали так быстро, что не успели захватить барахло. И не рискнули вернуться позднее.

Понятно. Мне здесь делать нечего, поэтому... Хотя постоите. А не одолжить ли мне у одного из этих идиотов верхнюю одежду? И заодно телефон.

Как раз в этот момент назойливо голосивший мобильник наконец умолк. Вот и ищи его теперь по чужим карманам!

Звук доносился слева, и я, чертыхнувшись, снова погрузился в темноту, спотыкаясь о поваленные вешалки. И тут же почуял присутствие.

Пусть колдовать я пока не могу, но нюх не потерял. Что-то жило там, во мраке. Давнее, но не древнее. Голодное, как все они, но не опасное. Правее... Нет, левее... Дальше... Пальцы наткнулись на шершавую стену – и сразу же кончики обожгло льдом.

Ну надо же! Призрак в гардеробе! Не иначе как слуга, придушенный ворохом шуб, не найдет себе покоя...

Телефон заверещал совсем рядом и так внезапно, что я вздрогнул, ругнулся и сунул руку в карман ближайшего пальто. И попал. Вместе с телефоном посыпалась на пол всякая мелочь.

– Слушаю!!! – рявкнул я, не сдержавшись. На том конце стихло даже дыхание. Кто-то помолчал несколько секунд, затем аккуратно отключился, так и не издав ни звука. Ну и пропади пропадом. Мне все равно не до бесед с посторонними.

Сделав шаг к выходу, я наступил на нечто маленькое и твердое. Подобрал, не задумываясь, и приятно удивился,

рассмотрев в ладони массивную и дорогую с виду зажигалку. Ага! Очень кстати...

Огонек послушно затрепетал, согревая ладони. Помещение, казавшееся таинственным, сразу же сузилось и упростилось. Вычурные вешалки, замусоренный пол, мебельные углы... На уголке старинного, изгрызенного жучком столика косо стоит медный подсвечник на пять свечей. Свечи сгорели наполовину, но и того, что осталось, мне хватает.

От света пяти свечей пространство снова расширилось. Из темноты выступили дальние стены, обитые все еще целыми дубовыми панелями, и потолок, затянутый паутиной. На одной из стен сохранилось резное деревянное панно, потемневшее от времени. Как раз там и сгустилась *тьень*.

В общем-то мне и дела не было до призрака. Тем более что и не призрак это был вовсе, а заурядная Тень-на-стене. Беспокойная, но безобидная. Однако сказалась привычка последних дней. Разобрав нагромождения мебели перед панно и раскидав ногами тряпье, я подобрался поближе, принюхиваясь и подслеповато присматриваясь, как крот на грядке. Пустота внутри меня ныла, как лунка от выдернутого зуба, но все равно кое-что я почуял. Пожалуй, даже острее, чем обычно.

Тень шевельнулась и растеклась, обретая человеческие очертания. Трещинки на дереве становились отчетливее и глубже по его контуру. Будто художник небрежными и грубыми штрихами наметил силуэт – некто среднего роста, в

непривычной одежде...

Я раскрыл ладонь и осторожно прикоснулся. Будто руку в прорубь опустил. Пальцы сразу же онемели, и восприятие наполнила круговерть чужого воспоминания.

«Кто? – жадно вопрошала тень. – Кто? Кто?! Кто?!!!»

...Свет и голоса. Яркие огни – электрические, не свечи, значит, было это совсем недавно. Послышался смех – не веселый, нет. Какой-то неестественный, слишком взвинченный, нервный. Замелькали лица – искаженные, карикатурные... Костюмы полувековой давности...

Его наняли относить вещи. Только носить вещи. И вовремя уйти, получив хорошие деньги. Для бедного студента это были очень приличные деньги. Так уже случалось раньше. Но на этот раз он, дурак, не ушел, как было велено. Он спрятался за вешалками...

Говорили, что ночами здесь проходят оргии и развлечения не для чужих глаз. Он охотно верил в это, потому что иногда, возвращаясь по утрам, чтобы прибраться, находил под старыми вешалками предметы пикантные и неожиданные. Ему-то и хотелось всего лишь посмотреть...

Но даже это не удалось.

Они появились внезапно. Выросли над ним в этих своих черных плащах, длинные и одинаковые, как персты судьбы. Сомкнули кольцо, уже не скрывая своих лиц – возбужденные тем, что творилось за стенами гардеробной, и встревоженные тем, что он мог увидеть. А он узнавал их – сокурсников

из богатых семей. Своего преподавателя. Его голубоглазую дочь-скромницу. Под распустившимися завязками плаща ее нежная, молочная кожа шла багровыми пятнами...

Шнурок захлестнул горло, и сверкающие огни стали пурпурными, а затем черными...

...Я шарахнулся назад, со всхлипом втягивая воздух. Глотку свело конвульсией. Перед глазами плыли радужные и черные круги. Вот почему близкий контакт с призраками опасен для впечатлительных натур.

Не повезло тебе, парень. Оказался некстати в ненужном месте. Похоже, в здешнем доме уже не первый десяток лет развлекаются по ночам.

– Но почему Тень-на-стене? – подумал я вслух. – Его же задушили...

«Замуровали в стену, – внезапно отозвался он. – Здесь, в камни, за дерево...»

Я прищурился, рассматривая панно на стене. Контур с обозначенными древесными трещинками шевельнулся и повернулся в профиль. На месте глаза сидел здоровенный паук.

Обычно тени не говорят. Собственно, даже призраки обычно не говорят. Они не люди, при всей их внешней пугающей схожести. Иногда они, как заведенные пластинки, повторяют некие фразы. Иногда люди слышат нечто мало-вразумительное и сами мысленно достраивают осмысленные предложения, не осознавая того. И сейчас я слышал не го-

лос. Просто ощущение. Но и этого для тени было слишком много.

– Свое имя помнишь? – осторожно спросил я.

«Ноилл».

– Хочешь уйти?

«Да... Нет... Не знаю...»

Жаль бедолагу. Столько лет промаяться в гардеробе...

– Извини, Ноилл. Я сейчас немного занят, но потом вернусь или пришлю кого-нибудь...

Тень понуро колыхалась, переливаясь по трещинкам.

Встряхнувшись, словно пес, и почти воочию увидев, как слетают с меня черные маслянистые брызги, я зашагал к выходу. От холода зуб на зуб не попадал, однако чужое пальто я решился надеть, только когда стало совсем невыносимо. Теплее стало, но комфортнее – нет. Скорее напротив, стало неприятно и неловко.

Давненько мне не приходилось носить чужих вещей. С тех пор как я перестал быть беспризорником...

Впрочем, чем выше я поднимался и чем дальше уходил от жертвенного зала, тем быстрее мороз отступал. А выбравшись наружу, в обычный осенний день, я буквально задохнулся теплым, сырым воздухом. Сияло прямо-таки ослепительное солнце, вызолотившее ветви деревьев, тусклую опавшую листву на земле, каменные стены старого дома...

Нет, с некоторым замешательством констатировал я, узрев серый клочок уцелевшего в тени снега. Это не весна

пришла, пока я валялся там, внизу. Это просто по сравнению с магической стужей, воцарившейся в недрах домины, даже холодный ветерок наверху кажется жарким, пустынным су-ховеем.

Судя по солнцу, едва перевалило за полдень.

Осмотревшись, я убедился, во-первых, что дом стоит в центре довольно обширного, но, судя по всему, давно брошенного владения. А во-вторых, что выбираться отсюда мне придется пешком, поскольку никаких транспортных средств не наблюдалось. Как и вообще людей.

Может, мне померещилось там, внизу, что я видел тень в окошке? Или зверь какой-нибудь пробежал...

Покинутый дом высился за спиной стилой громадиной, и даже солнечный свет не прибавил его серым стенам привлекательности. Кладка потемнела от времени и позеленела от мха. Прямо над створками парадного входа выпучился потрескавшийся каменный вензель. Приглядевшись, можно было разобрать некие геральдические фигуры – что-то с крыльями...

Кофе бы, тоскливо подумал я. И бутерброд величиной с этот дом.

Есть хотелось неимоверно.

Вздыхнув, я снова вытащил телефон. Инстинктивный порыв горожанина вызвать такси я тут же подавил. Куда это, интересно, я намерен вызвать машину, если понятия не

имею, где нахожусь? Поэтому я набрал другой номер. Своего собственного мобильного.

Связь держалась вполне прилично, значит, владение располагалось не на краю цивилизации. И то хорошо. А вот то, что аккумулятор у телефона практически разрядился, – это плохо. Крошечные элементы в кристалле еле мерцали. Может, поискать еще один среди брошенных вещей?.. Нет, пожалуй. Туда я больше не вернусь.

Абонент среагировал мгновенно. В руках телефон постоянно держал, что ли? Гудок прервался, но ответом мне было выжидательное молчание. А чего еще ожидать, если звонишь сам себе?

– Лук, – позвал я, – у меня проблемы?

– Еще какие, – немедленно отозвался знакомый голос. – Где ты?

– Понятия не имею, – честно сознался я. – Где-то за городом...

– Ты цел? Помощь нужна? Я приеду:

– Я действительно не знаю, где нахожусь. Тут только старинный дом. И никого, чтобы спросить дорогу.

– Подробнее.

– Это при личной встрече. Долгая история.

– Советую появиться как можно быстрее. Иначе эту историю тебе придется рассказывать другим... Если вообще успеешь сказать хоть слово.

– Погоди... Так серьезно?

– Попробуй поиграть, если хочешь.

Я мысленно представил, как он пожимает плечами с самым постным выражением физиономии.

– Значит, можно считать, что наш контракт расторгнут, к взаимному удовольствию. Что ж, тогда возвращаться не имеет смысла... – Я покусал губы в раздумье и спросил: – Ты уйти можешь?

– Я им безразличен.

– Тогда забери меня отсюда. Поищи через мой компьютер... – я прищурился на солнце, прикидывая, – где-то к западу от города, вряд ли далеко. Скорее всего, частное владение. Очень старый дом. На фасаде герб, похоже на змею с крыльями. Да, и еще телефон проследи, я выключать его не буду, но он скоро выдохнется. Разберешься?

– Я сообразительный. Но зачем такие сложности, если тебе достаточно просто послать мне *вестника* или поставить *огонек*?

– А вот это совсем непросто, – возразил я мрачно. – Все, жду.

Огонек ему. Или вестника. Ха! Если бы я был в привычной форме, мне бы никакие вестники не понадобились.

Беспокойство, заглушённое решением насущных проблем, снова закопошилось. Пустота, поселившаяся во мне, болезненно тянула. А вдруг это навсегда? А вдруг снадобье оказалось неправильным или слишком сильным и покалечило меня на всю оставшуюся жизнь... Она мне нужна, такая

жизнь?

Глупости, громыхнул металлом голос рассудка. Если бы это навсегда, ты был бы уже мертв. Еще никому не удавалось разделить мага и его силу.

Слабое утешение, но...

Припекало. Солнце высушило камни, и из свинцово-серых они стали белесыми. Я неспешно озирался, предполагая, что времени у меня вдосталь, пока Лука и иже с ним разбираются с предоставленной скудной информацией, а значит, можно прогуляться. Телефон я оставил в одной из каменных чаш возле лестницы. На всякий случай.

Парк, окружавший старый дом, давно одичал и зарос до непроходимости. Воздух пах сыростью и тлением. И что-то еще висело в нем – неприятное, горьковатое, неживое...

На ступенях валялась одинокая перчатка из дорогой кожи. Я наступил на нее, спускаясь. Затем, не особенно торопясь, обошел дом по периметру, пытаясь сверху вычислить расположение приснопамятного подземелья. Фундамент дома явно был больше внешних построек.

Вроде бы где-то здесь... Над землей сохранились остатки постройки, но они настолько заросли колючим кустарником, что лезть и уточнять, есть ли там окошки или проломы, не хотелось. Зато измятый кустарник еще не успел распрямить ветки. Как будто некто протискивался через него совсем недавно. И даже оставил на колючках нитки из одежды.

Тишина вокруг немедленно превратилась в подозрительную...

Нет, все спокойно – я усиленно вертел головой, прислушиваясь к чириканью птах, – похоже, любитель рыскать по кустам давно ушел по своим неотложным делам. И мне здесь нечего делать.

Аллея вывела к воротам из чугунного ажюра. Справа от ворот землю буквально вспахали колеса машин. Серебристый «глеар» уныло уперся в дерево искореженным капотом. По старому дорожному покрытию гулял сквозняк и самоуверенно прыгали воробьи.

Ну догадываюсь, что ждать здесь автобус бессмысленно. Вздохнув, я поплелся обратно.

До чего все же угрюмое место... Неприветливый парк подступил вплотную к дорожке, словно вознамерившись сдавить в колючих длинных ладонях. По камням, сухо шурша и скрежеща, переползали стайки заскорузлых листьев.

Гляди-ка, а что это там такое яркое?

Ветви разошлись, и взору предстал тихий уголок. Стойкие осенние цветы пылали оранжевым и пунцовым оттенками, как холодный огонь. И пахло здесь... Смертью. Земля сочилась мертвящими струйками. Поздние цветы словно окутало темноватой дымкой. А парой глотков воздуха можно было отравиться как угарным газом. Среди цветов торчала каменная глыба, покосившаяся под собственной тяжестью. «Гасан Глов, алхимик и маг, великий созидатель, вершитель судеб

и...» – сообщали выбитые буквы. Дальше неразборчиво.

Любопытно. Такой громадный валун неутешные родственники на могилу водрузили в знак уважения или чтобы придавить покойника как следует?

Я попятился, выбираясь со всей возможной поспешностью и стараясь задерживать дыхание, хотя понимал, что не в воздухе дело. Ну и местечко. И где? В самом сердце владений Белых!

Поглощенный только что виденным, я не сразу осознал, что уже некоторое время слышу посторонний и неуместный в этих сельских пасторалях звук. Очень похожий на... Собственно, почему похожий? Это и есть стрекотание вертолета. Оно нарастало, приближаясь.

Я ускорил шаги, намереваясь выбраться из-под покрова деревьев. Кого это несет? Неужто Лука успел раздобыть вертолет? Весьма сомнительно...

Между тем стрекот становился все громче. Листва с крон местами почти облетела, поэтому я смог разглядеть все увеличивающуюся толстобрюхую и короткохвостую стрекозу. Ее сопровождал рой мелких золотистых искр, бликующих на солнце.

Ух ты, а позади маячит еще один вертолет... Нет, это определенно не ко мне. С чего бы такая честь?

Первый вертолет, зависший было над крышей дома, стал дрейфовать в сторону дороги. Золотистые искры рассыпались и принялись барражировать пространство над ней. Од-

нако второй вертолет взял влево, к особняку, завис над проломленной крышей. Винт над пузатой стеклянноглазой кабиной месил воздух в мерцающую кашу.

Я морщился, наблюдая за железными стрекозами. При всех достоинствах техники Белых шуму от нее всегда в избытке.

Желание объявить о своем присутствии испарилось. У них свои дела, у меня – свои. Подождем чего-нибудь менее громоздкого и оглушительного.

Второй вертолет вдруг беззвучно плюнул черно-красным сгустком на крышу особняка и резко взмыл. Следом, почти достав вертолет, вверх плеснулись багровые языки, затрепетали и опали вниз, неровной чернотой расползаясь по стенам постройки, стремительно, как муравьиные стаи. Каменная кладка оплывала, словно сахарная. От дома накатила волна тресков и шорохов. Стены рассыпались на глазах. Этажи проваливались друг в друга. Через минуту вместо внушительного особняка высилась лишь бесформенная груда пыли, покрытая черным налетом, как копотью... Мертвый Огонь!

Я обалдело моргнул, не веря своим глазам.

Вертолет повисел еще несколько секунд и, потеряв интерес к происходящему, лениво двинулся за своим собратом – к дороге.

Если раньше у меня и были сомнения, теперь они разом улетучились. Коли эти пришельцы оперируют Мертвым Ог-

нем, даже не поинтересовавшись, есть ли кто живой внутри дома, значит, они получили ясные и недвусмысленные инструкции.

Пора уносить ноги...

Слева сверкнуло, и ветка вяза легко качнулась. Повернув голову, я обнаружил крошечную остроклювую птичку в огненно-золотом оперении, присевшую на ветку. Птичка одним глазом внимательно смотрела на меня. Хохолок на ее головке свесился набок. Ветка справа тоже колыхнулась, принимая вес сверкающей хохлатой птички. И вторая птаха устала на меня с подозрительной прицельностью.

Я встревожился, шагнул назад и, словно по сигналу, деревья вокруг будто обсыпало золотой крошкой. Куда ни глянешь, везде маленькие глазки таращатся со снайперским равнодушием. И затухающий было гул вертолетов стал снова нарастать.

Я двинулся влево, птичий рой снялся с веток и последовал за мной. Молча и целеустремленно перепархивая с ветки на ветку. Я попытался углубиться в парк – воздух перед моими глазами сразу же наполнился сверканием маленьких крылышек, а в ладонь, которой я попытался прикрыть лицо, немедленно впились десятки тонких и острых, как иглы, клювиков. Я разозлился и попытался перехватить наглых тварей, но схватил лишь воздух и пару пушинок. В уголок глаза впились иголка. Я шарахнулся назад, крепко треснувшись затылком о ствол дерева. Ситуация перестала быть за-

бавной. Эти остроклювая мелочь выгоняла меня из укрытия, как осы гонят медведя. И ничего не оставалось, как уступить.

Чертыхаясь, я ринулся в сторону дома, с трудом различая, куда ставлю ноги. Перед глазами мельтешил безумный огненный рой, в глаза, нос, губы и уши впивались иголки, проникающие даже между пальцами или забирающиеся под пальто, которым я пытался прикрыть голову. Не столько больно, сколько с ума сводит.

Стрекот вертолетов стал оглушительным, и воздух наполнился ветром, который снес часть мелких гаденышей. Вязы всполошенно заплескали ветвями, а я, по инерции вылетев на открытое пространство, в ужасе увидел, что один из вертолетов завис над аллеей и из его открытой дверцы высывается человек с длинным и массивным предметом в руках.

От неожиданности я запнулся и полетел носом в землю. И как раз в этот момент что-то глухо ухнуло, и макушку и спину обдало жаром. Золотой рой прыснул в стороны, а часть пташек с легким звоном посыпалась на землю, как монетки из дырявого кармана.

Я упал на руки, и боль в запястье мгновенно привела в чувство. Даже не задумываясь, что делаю, я бросился обратно под покров вязов. Тянуло дымом. А деревья там, где я был несколько секунд назад, уже трещали от огня. Новый огненный столб вспух практически за спиной, швырнув ударной волной в гущу кустов. Я покатился через голову, снова упал на все четыре конечности, как ошалелая кошка, и опрометью

бросился прочь...

«Огне... Огнемёт!» – тупо пульсировало в сознании. Они притащили с собой огнемёт. И проклятых птиц. Чтобы выследить и сжечь, не разговаривая. Ослепить, ошеломить и убить, не позволив огрызнуться...

Каменная глыба словно выпрыгнула навстречу, глотку обожгло мертвым воздухом над могилой алхимика, по которой я с топотом пронесся, едва заметив. Зато уцелевшие птицы посыпались почти мгновенно, одурманенные некрополем над ней.

Парк незаметно перетек в лес. В какой-то момент я понял, что бешеный вой и хрип в ушах – это всего лишь мое дыхание и биение крови. Тогда ноги подкосились, и я повалился на шуршащие и остро пахнущие землей листья. И тишина навалилась сверху.

...Вот теперь все ясно. Хотя о расторжении контракта можно было сообщить и в менее агрессивной форме. С ума они там походили, что ли? Или решили, что это я спятил и, значит, требую немедленного уничтожения? Но почему?! Только потому, что исчез, не спросив разрешения?..

Пока я возился во влажном дерне, отряхиваясь и отплевываясь, лес возвращался к обычной жизни, наполняясь раздраженным стрекотом потревоженных птиц, ленивым плеском недалекой речки, шуршанием в ветвях сквозняков, пахнущих дымом и рыбой, да недовольным лепетом земля-

ных гномов, ковырявшихся в корягах: «Разлегся... Разлегся, дылда длинноногая! Ферму истоптал, червей потревожил... От этих громил всегда одни убытки... убытки... громила!..»

Ветер донес тоскливый потусторонний вой. Баньши?..
Электричка!

Ага! Я встрепенулся. Наличие цивилизации в пределах досягаемости внушало оптимизм и надежду выбраться из этой истории с минимальными потерями. А то шарахнулся в лес с перепугу. Не хватало еще заблудиться.

Я отряхнулся, тщетно пытаюсь стереть с дорогой ткани чужого пальто безобразные грязные разводы. Ужаленное птичьими клювиками лицо горело. Если буду выглядеть как опухший и грязный бродяга, в попутчики меня не возьмут и до телефона не дадут добраться.

Мысль о телефоне внушила беспокойство. Один раз я уже пытался позвонить. И что из этого вышло? От телефона, оставленного (по наитию, не иначе) в каменной вазе перед особняком, осталась груда тлена. А если бы он лежал у меня в кармане? Техника Белых всегда предаёт своих владельцев создателям. Что же тут удивительного?

Но позвонить все-таки придется...

Дачные выселки утопали в золоте листья и сизом дыме костров, в которых это золото плавил рачительные владельцы коттеджей. Большинство домов пустовало, шаткие заборы обозначали границы владений, а находившиеся внутри

периметров редкие аборигены взирали на прохожих неприязненно. Словно и впрямь стерегли сокровища в своих мусорных ямах.

Добравшись до единственного в поселке магазинчика, торговавшего садовой утварью и всякой мелочью, я побеседовал с его хозяином – толстым, лысым и страдающим одышкой типом – на предмет пользования хозяйским телефоном. И встретил полное непонимание.

– На улице автомат, там и звони, – свирепо рявкнул толстяк, вопреки устоявшемуся мнению о добродушии тучных людей. – Шляются тут всякие некроманы! У меня тут не благотворительный притон для бродяг...

Наличие связи между некроманами и телефоном я не усмотрел, но понял, что без боя телефон толстяк не сдаст. А мелочи для разбитого таксофона, косо висевшего на внешней стене магазинчика, у меня, естественно, не имелось. Обратиться к добросердечию аборигенов? Сдается мне, что тут все такие же щедрые...

Напротив магазина, возле водяной колонки, на корточках сидел растрепанный рыжий пацан лет семи, вооруженный палкой. Встретив мой взгляд, он высунул язык и скривил рот.

Ну вот! Что я говорил?

Из магазинчика, перетряхивая, многочисленные покупки, вышла среднего возраста женщина. Покосилась неодобрительно и поспешила отойти подальше. При этом так торопи-

лась, что оступилась и рассыпала свои сумки.

Рыжий пацан ухмыльнулся и принялся с воодушевлением лупить палкой по грязной луже.

– Нет-нет, – суетливо забормотала женщина, когда я наклонился, чтобы помочь. – Я сама, сама! Не надо... Я сама! – И только что не отпихивала меня прочь от себя, боязливо косясь.

Я отступил.

Женщина, кряхтя, подобрала свои пожитки и засемила по улице, пугливо обернувшись пару раз. Я равнодушно шагнул было в сторону, но заметил, что на ступеньках металлически блеснуло нечто. Рассыпавшаяся из кармана мелочь. Позвать тетку? Похоже, если я ее сейчас окликну, она побросает свои сумки и припустит рысью. Да и монеток всего две. Как раз на телефон. Просто подарок небес!

Я колебался-то всего пару секунд, преодолевая приобретенное за годы сытой жизни сопротивление. Однако рыжий наглец успел первым. Метнулся мне под ноги, сцапал мелочь и сиганул на ближайший забор, звучно крякнувший под его весом.

Вот тут я среагировал мгновенно, выплескивая скопившееся напряжение. Пальцы привычно сомкнули контур, готовясь направить сгусток энергии...

...и я подался назад, стиснув кулак, зажимая так и не родившуюся молнию.

Пацан замер на кренящемся заборе. Оглянулся через пле-

чо, прежде чем скользнуть вниз. В прищуренных глазах вместо злорадства стыло изумление.

Впрочем, может, мне и показалось. Чего не померещится в таком состоянии? За весь сегодняшний день с его приключениями не пришлось испытать такого ужаса вперемешку со стыдом. Я едва не убил мальчишку за пару монет. Плазменный шарик прожег бы дыру в рыжем затылке. И спасло пацана не то, что я вовремя спохватился, а то, что резервуар магической силы был вычерпан до дна.

Сунув руки для верности в карманы, но продолжая ощущать, как пальцы жжет фантомный огонь, я зашагал к станции, выдерживая направление по звуку. Надо вернуться домой как можно быстрее, пока...

Что?

Собственно, станции как таковой не было. Лишь бетонная платформа, билетная касса в будке и навес для пассажиров. Но, судя по потрепанному расписанию, электрички тут тормозили регулярно, собирая дачников. Поэтому, поджидая очередную, я устроился на скамейке вместе с одиноким пенсионером, вооруженным устрашающего вида граблями.

На платформе выяснилось, что дачный поселок зовется Яблонево-4. И, если верить схеме движения поездов, от города меня отделяет всего восемь остановок. Расписание не подкачало – электропоезд опоздал на какие-нибудь полчаса. Денег на билет у меня, разумеется, не имелось, поэтому я

скромно устроился возле дверей. Впрочем, старался напрасно: вагон почти пустовал. Рыбак с букетом удочек, четыре разнополых дачника в обнимку с лопатами и сумками и юная парочка в обнимку друг с другом. Парочка вдохновенно целовалась на сиденье в начале вагона, остальные пассажиры с разной степенью интереса наблюдали за ними.

Я тоже понаблюдал со смутной завистью, а затем задремал, пригревшись на солнце.

Но поспать мне не дали. Двери разъехались с тем уверенным грохотом, который сопровождает только появление лиц при исполнении.

«Контролеры!» – спросонья всполошился я.

– Служба очистки! Приносим извинения за беспокойство, – невнятно и скучно проговорил первый из вошедших – худощавый человек в форменном облачении, принадлежность которого я не определил. Комбинезон мусорщика?

За первым протиснулись еще трое в таких же комбинезонах. У двоих в руках длинные шесты с рогатинами на концах, третий катит небольшой юркий контейнер. От контейнера, как воню от мусорного бака, шибает волшбой.

Пассажиры явно знали, что это за служба очистки такая, и лениво уткнулись в свои газеты, в окна или вновь задремали. Четверка неспешно двинулась по проходу; время от времени то один, то другой служитель тыкал своей рогатиной куда-нибудь под потолок или между сиденьями, будто собирая пауков или накалывая валявшиеся конфетные фантики.

Да только это были не фантики. У меня скулы свело от поднявшегося нестерпимого визга. И как это я сразу не обратил внимание, что уши вошедших закрыты наушниками да еще и запечатаны «непроницаемым клеймом»?

Все места массового скопления людей периодически подвергаются санитарной обработке. И не только от крыс и тараканов, но еще и от inferнальной нечисти. Стоит ей расплодиться, как люди начинают ругаться, лампочки в момент перегорают, механизмы ломаются... Так что чистка – обычная практика для общественных мест.

Только прежде я никогда не видел, как это делается у Белых. И предпочел бы не знать этого впредь...

Служители приближались.

У двоих, что шли первыми, сердцевины рогатин распустились пучком силовых разноцветных усов, коими они мели пространство, цепляя всю инородную мелочь. Экземпляры покрупнее прижимались развилкой рогов. Самых крупных третий чистильщик пронзал незримой, но вполне реальной иглой длиной в локоть. И насаженная на эту иглу нечисть отчаянно верещала, корчась.

Я и сам едва не корчился, чувствуя, как взмокли ладони, стискивающие край скамьи.

Бесполезно затыкать уши. Тут поможет только магическая защита, а ее поставить мне пока не под силу. Зато для всех остальных пассажиров чистка проходит незаметно и беззвучно. Разве что парень на переднем сиденье оторвался

от своей подружки и взглянул вслед чистильщикам, хмурясь недоуменно. Вряд ли он что-то услышал. Скорее почувствовал.

Первый чистильщик сбавил шаг возле меня. Всмотрелся с умеренным интересом. Наверное, выглядел я весьма выразительно. Нестерпимый визг, словно сверло, вонзался куда-то в переносицу.

Пропади они пропадом, эти Белые гуманисты. В их мире все чисто и свежо. Только какой ценой!

– Маг? – осведомился чистильщик негромко. – Ученик небось? С защитой не сладил, эк тебя перекосило. Ладно, сейчас уже уходим... – Он ухмыльнулся понимающе.

Надеюсь, выражение моего лица сошло за мученическую гримасу. Иначе не миновать конфликта, как и положено в замусоренной зоне. Нет, я, в общем, не против очисток. Нечисть, как крысы, разносит заразу. Но отчего Белые с их хваленой техникой и старательно пропагандируемым милосердием все еще пользуются средневековыми и лишь слегка стилизованными под современность методами борьбы с паразитами?

Чистильщики удалялись, воцарялся покой, но мне все равно хотелось выбраться из вагона как можно быстрее. Остаток пути я провел в тамбуре.

Хорошо бы купить карту. Или нанять экскурсовода. За умеренную плату. А еще лучше чичероне-альтруиста, чтобы

работал ради искусства и наградой ему служила искренняя признательность клиентов. Особенно тех, у кого ни гроша в кармане.

Размышляя о насущном, я вышагивал по вечерним улицам.

Город давил. Магическая сеть защитных, сторожевых, наблюдающих и прочих заклинаний опутала его, будто пыльная паутина старую пещеру. Раньше я не замечал ее. Или не так... Раньше меня не беспокоило ее присутствие, но сейчас каждая нить, каждое волокно чужой волшбы било, словно провод под током.

Впрочем, для горожан это было неочевидным. Они жили в городе, пронизанном магией насквозь, но не замечали ее. И не хотели замечать. Вряд ли что-то изменилось бы в жизни большинства горожан, исчезни маги с лица земли навсегда. Они бы заново отстроили новые дома и мосты взамен тех, что обрушились. И починили бы технику. И сделали бы еще множество всяких дел, заполняя пустоту.

«Вот звону будет!..» – как сказал тот тип с рюкзаком. Забавно, но теперь это не кажется мне невозможным. Что-то сместилось в моем мировоззрении... Покалечилось.

Стало зябко. Я передернул плечами, засовывая руки поглубже в карманы, и краем глаза заметил, что тень на кирпичной стене слева шевельнулась как-то невпопад. Я повернул голову.

Эй, это не моя тень!

«Здесь... я здесь... здесь...»

Ну только этого не хватало. Еще одна Тень-на-стене!

«Ноилл... Ноилл... Ноилл...» – торопливо заныл призрак.

Гм, никак старый знакомый. И чего хочет?

«Дом... Огонь... Пепел, пепел... Обещал покой... Кровью связаны...»

От обилия зыбких образов, которыми сыпал призрак, заглохло сердце. Да еще и температура воздуха в зоне контакта упала градусов на десять. У меня замерзли щеки и кончик носа.

– Прекрати! – рявкнул я, спугнув случайного прохожего.

Тень беспокойно колыхалась. Кирпичи стены, тронутые ее прикосновением, темнели и старели практически на глазах. Призраки разрушают все, к чему прикасаются. Даже камни. А люди стареют в считанные часы, если призраки забирают их тела. Единственное, что призраки или тени не могут уничтожить, это место своего заточения. Замок ли, склеп ли...

Так, так. А ведь дом, где убили Ноилла, превращен в груды тлена. Вот призрак и освободился, но покоя, понятно, все равно не получил. Отныне это дрейфующая Тень-на-стене. Любая вертикальная каменная поверхность служит ему заменой былого места постоянной прописки. Только отчего он привязался ко мне?

«Кровь! – настойчиво внушал призрак. – Обещание на

крови...»

– Не давал я никаких кровных обещаний! – раздраженно возмутился я, и тут же перед глазами встала картинка, то ли вынутая из памяти, то ли навеянная дотошным призраком: моя ладонь, прижатая к камням стены... Резкий, обжигающий холод соприкосновения... На кладке остается едва различимый, темный мазок.

Развернув свою кисть, я увидел длинную и уже не кровоточащую царапину на пальце.

Просто великолепно! Теперь еще и призрак прицепился. Мало мне было проблем! Случайно я сам связал себя с призраком, пообещав ему покой и ненароком подтвердив слова кровью. И теперь настырная тень будет таскаться за мной следом до тех пор, пока я не выполню обещание. Кровь скывает крепче железа.

Позвонить удалось из крошечного кафе на углу улицы. В круглом зальчике на три столика крепко пахло ванилью и корицей. Пропитанный пряностями плотный воздух можно было нарезать на пирожные и уносить с собой в кармане.

Ответили сразу же. Как и в прошлый раз.

– Лука, привет! – сказал я жизнерадостно в выжидательное молчание.

– Живой, – констатировали на том конце оскорбительно спокойно. – Я так и предполагал. Белым никогда не удастся справиться с ситуацией.

– Значит, ты уже в курсе?

– Вместо указанного тобой дома я нашел большую грудку трухи. И обгоревшие деревья. Выводы сделать было нетрудно. Как и догадаться, что искать тебя под этой грудкой бессмысленно. И уж тем более немислимо было искать твои следы в потревоженном лесу. Поэтому я стал ждать у телефона, когда ты объявишься.

– Что ж, попытка номер два.

– Только не по телефону!

– А иначе никак, – хмыкнул я. – Встречаемся в сквере возле Четыреждыженатого. Через два часа.

На другом конце повисла секундная пауза.

– Через два часа, – подтвердил Лука наконец и отключился.

Два часа я выветривал аромат ванили и корицы, перескакивая с автобуса на автобус, как только кондукторы проявляли интерес к моей персоне. Это было смешно и унижительно, но к месту назначения я успел вовремя, а все остальное не имело значения.

Собственно, сквером это можно было назвать с натяжкой. Центр города был не так далеко, землю сэкономили, поэтому высадили на клочке незамощенной земли десяток-другой чахлах осин и рябинок и воткнули пару лавочек. Справа от дорожки, в окружении больных с виду георгинов, тускло мерцала памятная плита из меди, положенная прямо на землю. Надпись на плите была выполнена мелкими и замысло-

ватыми буквами, а цветочные тени их смазали до нечитаемости.

День еще только становился дымчатым в преддверии сумерек, однако сквер пустовал. То ли не любили его аборигены, то ли нашли дела поважнее, чем выгуливать отпрысков среди неказистых деревьев. Компанию мне составила мрачная полосатая кошка, явившаяся невесть откуда и методично потрошившая бумажный кулек, добытый из урны. Едва сдерживаемая брезгливость читалась в каждом кошачьем движении, но свою миссию маленький зверь намеревался исполнить до конца любой ценой.

Сколько Луке нужно времени, чтобы разгадать простую загадку?

Я нетерпеливо мерил шагами дорожку.

Сквозь жидкое сплетение полуоблетевших рябиновых крон можно было без труда различить памятник в центре перекрестка – Кай Победитель, гроза кочевников, торжествующе вонзал в хмурые небеса занесенный меч. Конь страдальчески закатил глаза, тщетно пытаясь опуститься на данные природой четыре ноги. Разноцветные, сверкающие огнями машины безразлично обтекали скульптурную композицию.

Шуршание кошкиного пакета выводило из равновесия.

– Брысь! – раздраженно велел я кошке.

Зверек взглянул в мою сторону с царственным презрением и, как мне показалось, демонстративно отодрал когтями очередной клочок от кулька. Из прорехи вывалилась хлебная

корка. Кошка обстоятельно приняхалась.

Вместо того чтобы окончательно разозлиться, я вдруг успокоился. Сделал несколько шагов к медной плите и с превеличенным усердием принялся разбирать вязь вырезанных строк: «...Хранителю Крепости и последнему ее защитнику... уберегшему население от Мора и Злого Ветра Степей... магистру...»

Так-так. Я что-то припоминаю из курса лекций по истории. Маг Агвастен Крепостной, защитивший горожан от шквала смертоносных поветрий из степей, наколдованных шаманами кочевников. Мор и безумие выкашивали основных защитников городов, а затем приходили воины и добивали уцелевших. Агвастен собрал людей в крепости и ценой своей жизни удерживал щит. Для него это означало полное истощение и развоплощение.

Как мило со стороны горожан удостоить его целой медной плиты! Вместо того чтобы отдать на заклание любимых родичей, как это водилось у здешних повелителей, бедняга маг пожертвовал всего лишь собственной жизнью. Вместо памятника – кусок медяшки.

Я опустил на корточках и провел рукой над холодным и влажным металлом. Мощь здесь все еще угадывалась, но обращенная внутрь, в себя. Провал в никуда.

– Изучаешь достопримечательности? Самое время.

– А я уж начал было сомневаться в твоей сообразительности, – не оборачиваясь, ответил я. Не хотелось, чтобы Лука

заметил мое замешательство. Еще ни разу и никому не удалось подойти ко мне незаметно.

Мелочь вроде бы, но стало не по себе. Пару минут назад думалось, что с появлением Луки все придет в привычную норму, но градус тревожности прыгнул вверх еще на несколько делений.

– Догадаться было несложно, – хмыкнул Лука. – Сложнее было избавиться от любопытных.

Желтые его глаза собирали свет, словно вогнутые зеркала, и мерцали, как у кошки.

– Избавился?

– Надеюсь.

Как-то не так это прозвучало. Слишком бескомпромиссно, что ли. Мне даже захотелось уточнить смысл услышанного.

– Они, надеюсь, живы? – Смешок слетел с губ и неловко замер.

– Что ты натворил? – вместо ответа осведомился Лука, приближаясь. Я машинально сделал шаг назад. Лука двигался неуловимо неправильно. Прихрамывал?

– Так сразу и не расскажешь, – не сводя с него взгляда, ответил я. – Поищем местечко поудобнее? Я думаю, стоит вернуться домой, и тогда...

Он остановился напротив. Такой же, как всегда, – рослый, черный, желтоглазый. Слегка склонил голову, прислушиваясь, и вдруг спросил с легким недоумением:

– Что с тобой такое? Я будто не слышу тебя.

– Я встретился с Пожирателем лицом к лицу.

– Ах вот оно что... Так ты, значит...

– Пуст, – по привычке беспечно сознался я.

– Это хорошо. Все становится гораздо проще и избавляет от лишних хлопот... – словно чужой, произнес это. Тембр тот же, но манера произносить слова была совсем другой. Поэтому я не сразу вник в смысл фразы.

– О чем ты?

– Ты нарушил правила. – Слова падали в сгущающиеся сумерки и вязли как в вате. – Все сложнее, чем ты думаешь. Пресловутое равновесие между Белыми и Черными может быть нарушено неосторожным словом, не то что поступком.

– Откуда тебе знать? Ты же всего лишь охранник.

– Я посредник, – глухо поправил чужак. – Я не знаю многого, но мне это и не нужно. Я всего лишь должен выполнять волю тех, кто знает. А решение принято. Тебе предстоит узнать о нем прямо сейчас...

Лука вынул из кармана телефон. Кошка на скамейке вдруг зашипела и выгнулась крутой дугой. Шерсть на ее загривке взъерошилась, словно наэлектризованная. Маленькие зубки оскалились. Кошки всегда чувствуют магию. Лучше, чем люди. И быстрее, чем покалеченные маги.

Телефон в ладонях Луки оказался боевым жезлом. Если бы он был в рабочем состоянии, у меня не было бы шанса уйти, но тех секунд, что понадобились Луке для активиза-

ции оружия, хватило, чтобы впасть в ужас и инстинктивно броситься в сторону. Второй раз за день спасая свою шкуру.

Надо было хоть гороскоп прочитать на сегодня...

Вслед ударила лиловая молния. Листья на деревьях сразу же свернулись в сухие трубочки, а грязь под ногами запеклась струпами. От жара затрещала трава. Кошка с мявом метнулась прочь.

Всего молний такой силы жезл может удерживать три.

Не уйти...

Я споткнулся, и ладонь скользнула по ледяному металлу надгробной плиты, оставляя блестящую полосу на матовой от конденсированной влаги поверхности.

– Эй! – закричал я. – Ты с ума сошел?! Да что случилось-то?!

Вторая молния воткнулась прямо в медяшку и полыхнула так близко, что я мгновенно ослеп. Не хватало воздуха даже на один глоток, зато ноздри забил щекочущий запах озона.

– Что за... – невнятно проговорил Лука откуда-то со стороны.

Сверкание в глазах поутихло, и зрение неохотно восстанавливалось.

Третьей вспышки не последовало. Медная плита, поглотившая предыдущую молнию без остатка, вдруг дрогнула и потекла, оплавляясь по краям, словно восковая. Золотистые ручейки устремились в пожухлую траву. Один из них коснулся моих пальцев, и я взвыл, обжегшись.

В черном провале под плитой оживало нечто разбуженное огнем жезла. И это нечто внезапно вырвалось наружу, взметнувшись к пробоине в облаках. Со всех деревьев вокруг разом сдернуло и затянуло вихрем листву.

Нас расшвыряло в стороны.

Оглушенный, я кое-как поднялся на четвереньки и замер. Слева, косо воткнувшись во всклокоченные цветы, торчал жезл. Его обладатель, надсадно кашляя, возился поодаль. Не раздумывая, я сцапал еще теплый от рук Луки жезл, обрадованно ощутив легкое пощипывание. Кажется, Лука заметил движение, потому что, взревев, шустро выпрямился и кинулся на меня.

Ударила последняя, лиловая молния. Мимо!!

Но Луку все равно отбросило на остатки искореженной медной плиты. Я ухватил жезл обеими руками, как дубинку, наперевес. Устремился к противнику и... Проклятие!

Я застыл, вцепившись в жезл разом одеревеневшими ладонями.

Лука повернул голову. Глаза у него были больные и бессмысленные. Незнакомые совсем. Из уголка рта стекала струйка крови.

Было так легко швырнуть молнию в противника. Пусть даже случайно, с перепугу... И невозможно опустить металлический штырь на его затылок. Тем более что никакой он мне не противник... Это же Лука!

Беззвучно ругнувшись, я изо всех сил закинул и без то-

го бесполезный жезл как можно дальше, в сторону дороги. Мельком глянул на растревоженное небо (померещилось, что облака свились в насмешливую бородастую физиономию) и побежал прочь.

Нет, ну что это, в самом деле, такое?

Или я чего-то не понимаю? Или переворот там, наверху, произошел, пока я отлучился не по своей воле? Белые, например, захватили власть в Трибунале... Гм. И первым делом стали охотиться за мной. Делать им больше нечего.

Возбуждение схлынуло, сменившись ознобной усталостью. Хотелось лечь. И очень хотелось есть. Последний мой завтрак остался где-то в далеком пошлом, когда мир еще относился ко мне более-менее снисходительно и окружающие не пытались прикончить без объяснений.

Ноги будто по своей воле тащили меня к каждому встречному кафе или закусочной, где довольные люди беззаботно и лениво пережевывали свои бутерброды и печенье, салаты и закуски, бифштексы и стейки, пироги и запеканки, супы, заливное и... Стоп. Так дело не пойдет.

Надо рассуждать логично. На голодный желудок, разумеется, трудно, но придется.

Итак, в ситуации я не разбираюсь. Возможно, все не так плохо, как кажется, и внезапное безумие локализовано только этим городом, а наверху знать не знают о происходящем. Маловероятно, конечно, но ведь мне вообще ничего не из-

вестно. Значит, нужна информация. Из самых надежных источников. А самый надежный источник – это Корнил и семья. Нужно найти способ связаться с ними. Это программа-максимум.

Минимум – сориентироваться в городе, отыскать ночлеги и пропитание на ближайшую ночь. Всех знакомых у меня в городе (исключая бывших коллег из Белых, конечно) только один человек. Не самый разумный поступок возвращаться туда, где однажды предали. Но в конце концов, там осталась моя куртка, деньги и ответы на некоторые вопросы.

Часы на башне пробили четверть восьмого. Самый пик вечерней активности любого города. Дороги затопили огненные реки, а тротуары несли тысячи лениво фланирующих горожан.

Парадный вход в Галерею уже украшала затейливо разрисованная табличка с нехитрой надписью «Закрито». Стекло-вые витрины изнутри задрапировали темными полотнами. На каждом стекле кроме обычных присосок сигнализации угадывался сложный рисунок колдовской защиты.

Что-то уж больно плотная экипировка для художественной галереи. Никак Леанины работы так высоко ценятся?

Я двинулся по периметру здания, свернул за угол и наткнулся на служебный вход. Дверь, скрипнув, поддалась, впуская в освещенный очень тусклой лампочкой коридорчик, заставленный пустыми, пыльными рамами без холстов и

холстами, свернутыми в неопрятные, разлохмаченные рулоны. Из коридорчика вели две двери, одну из которых навечно, судя по слою вездесущей пыли, замыкали крест-накрест железные прутья, а другая раскрытая дверь проваливалась в темноту. Оттуда доносились слабые голоса и тянуло запахом краски вперемешку с сигаретным дымом.

– Галерея закрыта, – послышался голос, стоило мне сделать еще один шаг.

Нечто в темноте шевельнулось, обозначился стройный силуэт, послышались легкие шаги, и в проеме, щурясь, возникла девушка в сером свитере и джинсах. В руках она держала странного вида узкогорлый металлический кувшин. Рыжеватые волосы девушки перехватывала пестрая косынка, поэтому я не сразу ее узнал.

– И вообще, это служебный вход, сюда посторонним... – Она умолкла, слегка нахмурившись и, похоже, пытаясь вспомнить, где меня видела раньше.

– Я ищу Леану, – подсказал я, и лицо девушки смягчилось.

– А, вы приходили вместе... – Она качнула своим кувшином, и тот едва слышно, но мелодично загудел.

Мы одновременно уставились на него. Хитиновый отблеск и риски на округлых боках кувшина неприятно напоминали сложенные крылья жука.

– Леаны еще нет, – наконец сообщила рыжая (ее зовут Сая, вспомнилось мимоходом). – Она звонила, что будет поз-

же, но может вообще не прийти...

Что же, хотя бы с Ленкой все в порядке. Никуда не исчезла и живет прежней жизнью. Наверное.

– Может, мне попробовать застать ее дома?

На лице Сани мелькнуло быстрое и неопределенное выражение. И глаза она сразу же отвела.

– Она не так давно переехала куда-то за город, к своему другу, – без особой охоты сообщила девушка. – Я не знаю точно, где это. Да и вряд ли она хотела бы... – Саня поморщилась, сглатывая остаток фразы.

Невинное слово «друг», словно ледышка, скользнуло за ворот. Я тоже поморщился. Похоже, Саня это и заметила, потому что немного иным тоном добавила:

– А может, она уехала к своей тете, в другой город. Голос ее мне показался расстроенным. В таком состоянии она обычно ездит к тетке... Говорит, что там ей спокойнее. Это где-то в Академграде.

– Мне очень нужно с ней поговорить, – как можно проникновеннее проговорил я. – Срочно.

Саня пристально взглянула на меня. На лице ее явственно читалось сомнение. Выглядел я, надо полагать, не то чтобы очень располагающе. Чужое, уже испачканное пальто, осунувшаяся и опухшая физиономия, беспокойный взгляд...

– Если хотите, можете подождать ее здесь... Если она не уехала из города, то, скорее всего, вернется, – неуверенно предложила Саня, махнув своим кувшином в темноту. Кув-

шин жизнерадостно гукнул, выскочил из пальцев девушки и глухо зазвенел по полу, тут же канув во мрак. – Проклятие! – воскликнула Саня, впервые обнаруживая признаки явных эмоций. – Теперь его не найдешь...

– Закатился куда-нибудь, – предположил я легкомысленно. – Сейчас глянем.

– Он не закатился, – огорченно возразила девушка, морща лоб. – Он спрятался. И теперь станет таиться от нас. – Она шагнула в сумрак зала и опустилась на колени, осматриваясь вокруг.

– А свет тут есть? – Я машинально последовал ее примеру, пытаясь после освещенного коридорчика привыкнуть к темноте выставочного зала.

– Верхний свет нельзя, – сердито сказала Саня, – это же изделие Сумеречников. При ярком свете оно разрушается... У вас есть спички?

– Нет.

– Тогда подождите здесь, я сейчас... – Она легко поднялась, отряхивая пыль с коленок. – Если услышите что-нибудь, попробуйте схватить или хотя бы посмотрите, куда он двинется... только осторожней, он кусается!

Она убежала, оставив меня в изрядном изумлении, на корточках, среди неосвещенного, гулкого зала. Я немедленно услышал всяческие звуки. Много всяких звуков. Один необычайно напоминал раздраженное змеиное шипение.

Я опасливо прислушался. Определенно рядом что-то бы-

ло. Некий *запах* стлался в воздухе... Однако желания хватать «это» не возникло. Совсем даже напротив – захотелось залезть на что-нибудь неприступное.

Наверху приоткрылась дверь – голоса и смех зазвучали на несколько мгновений громче. Что-то резко хлопнуло, и сверху стал спускаться зыбкий оранжевый круг света. Саня несла в руках едва тлеющую керосиновую лампу.

Остановилась рядом, поставила лампу на пол и закрыла дверь в коридорчик. Мрак в Галерее сразу же сгустился до чернильно-непроливаемого и скопился в щелях и нишах как смола. Стало даже хуже, чем в полной темноте. За пределами неяркого светового пятна различить что-либо было почти невозможно.

– А огня этот ваш кувшин не боится? – с досадой поинтересовался я.

– Настоящий огонь они очень любят, – заверила девушка шепотом.

Нечто тихонько зазвенело. Мы синхронно метнулись в темноту, чудом не опрокинув лампу. Пальцы коснулись прохладного твердого и одновременно подвижного, как панцирь черепахи. В тот же момент уже мою руку накрыла Санина ладонь, и она торопливо скомандовала: «Не отпускайте!»

Ни за что! – подумал я, вдыхая аромат ее кожи. В зыбком свете оставшейся позади керосинки черты лица девушки смазались, но глаза блестели ярко и азартно. И даже в полутьме я мог различить изгиб каждой ресницы. Из-под ко-

сынки выбились волнистые пряди, и Саня машинально качнула головой, отбрасывая их.

Нечто под пальцами шевельнулось. Неприятно так. Округлый бок был слегка шершав и недостаточно холоден для металла. словно спинка насекомого. Я, наверное, все-таки вздрогнул, потому что Саня тихонько засмеялась:

– Никогда прежде не встречали такое?

– Только слышал мельком. Они действительно живые?

– Да, по-своему. И обожают удирать на свободу...

Кувшин выскользнул из-под рук. Саня перехватила его поудобнее и поднесла к огню, рассматривая.

– Бедняга, – приговаривала она, оглаживая какие-то царапины и смахивая пыль со своего сокровища. – Это я виновата, не следовало его выносить сюда, здесь слишком много света...

– Как же вы их будете выставлять? – полюбопытствовал я. – В темноте? Или это не для экспозиции?

– Для них заказаны специальные светильники. Но до экспозиции еще далеко. Сейчас Галерея готовит персональную выставку Леаны. – В голосе Сани обозначился холодок.

Она провела пальцем по зубчатому узору на боку кувшина, вздохнула и закончила прежним отстраненным тоном:

– Если хотите, подождите ее. Но случается, она не появляется несколько дней, даже если обещала прийти. Или заглядывает только под утро.

– Я подожду, если вы не возражаете.

Девушка пожала плечами.

– Как хотите.

Она отвела меня в знакомую комнату, где на столе все еще стояли невымытые чашки и лежало раскрошенное печенье. Лужа пролитого тогда кофе испарилась, оставив на столешнице коричневую, липкую кляксу. А под столом валялся опрокинутый стул. И даже куртка моя по-прежнему висела на крюке.

– Тут не прибрано, – несколько виновато заметила Саня. – Лена сама сюда не заходила, а она не любит, когда кто-то хозяйничает без спросу. Но, наверное, она не станет возражать, если вы подождете здесь. В большом зале темно... Я скажу сторожу, что вы ждете Леану, – добавила она, со значением покосившись. – Если что-нибудь понадобится, то я буду в мастерской. Это самая дальняя дверь, возле служебного входа. Только не зажигайте свет. А если заскучаете, то поднимайтесь на второй этаж. Там люди всегда рады гостям и никогда не спят...

Улыбка мельком коснулась ее губ.

– Вы тут все по ночам живете?

– Днем слишком суетно.

Дверь замкнулась, и на мгновение я испытал приступ острой паники. Захотелось бежать отсюда немедленно. Но навалились тишина и тепло – и паника уступила, недовольно ворча.

Первым делом я слопал все печенье, оставшееся в пачке, и выхлебал из кофейника ледяной и смертельно невкусный напиток, имевший с кофе лишь сомнительное родство в десятом колене. В конце концов, это угощение Ленка предназначала мне.

Впрочем, голод даже не притупился.

Я снял с крючка свою куртку и обшарил карманы. Все оказалось на месте. Мои похитители не опустились до банального грабежа. Что ж, хотя бы это говорит в их пользу. Хотя, возможно, они просто очень торопились.

Закончив инвентаризацию своего имущества, я принялся изучать чужое, чтобы занять себя чем-нибудь. Часов у меня не осталось, и казалось, время тянется бесконечно. Впрочем, ничего особо занимательного я в комнатке не обнаружил: разбитый диван, стол, два стула и зеркало на стене в картинной деревянной раме с выщербленной позолотой. За гвоздик, вбитый в раму, прицеплена пара альбомных листов. На листах угольным карандашом небрежные наброски – тенями размечены незнакомые лица. Нет, одно незнакомое, а второе – мое. Только угадать его не сразу получилось. Черты мои, а выражение их... Или я давно не смотрелся в зеркало?

Пыльное зеркало отразило мою утомленную физиономию. Тусклую поверхность стекла покрывали едва заметные угловатые росчерки, смахивающие на изморозь. Я присмотрелся и повел пальцем, стирая пыль. Невероятно! Магическая защита поставлена даже на зеркалах! Да что у них в этой

Галерею за тайны? Вряд ли это сотворили мои давешние похитители. Среди них не было ни одного слабенького мага, а здесь защита сделана на совесть...

Я снова провел ладонью по зеркалу, пробуя, и пальцы обожгло льдом. Да, грамотная работа. Даже слишком умело для обычных мер предосторожности.

Наверху громко хлопнуло – и донеслись развеселые голоса. Несколько человек спустились по лестнице, шумно попрощались со сторожем, и все снова утихло. Время стало вязким и постепенно каменело, как древесная смола.

* * *

...Стремительно складывались и бестолково рушились послевоенные княжества и республики. Миллионы людей перемещались по истерзанному миру в поисках лучшей доли. Бушевал Болотный мор, выкашивая целые области и превращая провинции на долгие годы в непригодные для жизни.

А в поселке жизнь потихоньку обустроивалась. Никто особенно не претендовал на это нехитрое счастье. И даже Мор ни разу не вернулся сюда. По мнению одних, это Старик защищал их. По мнению других, выжившая девочка стала своеобразным талисманом. Почему-то никто не говорил о простом везении.

Года через три-четыре в доме Старика остановился, да так и задержался малолетний бродяга. Беспризорник, один

из тех, что тысячами развеяли по ледяным дорогам война и эпидемия. Светловолосый пацан лет девяти с затравленными глазами попытался украсть связку сушеных яблок из сарая и, будучи пойман на месте преступления, продолжал иступленно набивать рот ароматными дольками...

«Жалостливый он», – с некоторым недоумением говорили поселяне, наблюдая, как разрастается семья Старика. Впрочем, возможно, это и сгладило все углы между соседями. И мало кто вспоминал уже то звенящее от мороза утро, когда осыпалось застывшее пламя. Вот разве что редкие посетители, навещавшие старика по какой-либо нужде, старались обходить старое дерево во дворе его дома по максимально широкой дуге. Утверждали, что слышат, как дерево бурчит себе под нос что-то нелюбезное в их адрес...

...Второй парнишка пришел к дому Старика явно неслучайно. Темноволосый, потрепанный дальней дорогой подросток вовсе не выглядел, несмотря ни на что, бродягой. Скорее упрямым путником, добравшимся наконец до своей цели.

Старик, как раз возвращавшийся с пасеки в сопровождении девочки, внезапно остановился, рассматривая нового гостя, поджидавшего их возле калитки. Жестом Старик отослал девочку в дом и несколько секунд изучал взъерошенного паренька. Они оба молчали, но казалось, неслышный диалог заплетал пространство между ними.

– Возьмите меня в ученики, мастер, – наконец, словно за-

вершая долгий обмен репликами, произнес вслух парнишка. – Я выполню любую вашу волю, чтобы заслужить это право.

– Я ничему не могу обучить тебя, – неохотно разомкнул губы Старик. – В мире еще остались владеющие даром. Попросись в ученики к ним.

– Только вы, мастер, можете обучить меня. Только вам известно то, что я хочу понять.

– Ты уверен, что хочешь обучаться именно тому, чему могу научить я?

– Убежден, – твердо отозвался гость.

Взгляд Старика изменился.

– Как ты нашел путь? Я оборвал все нити.

– Я спрашивал людей, – просто объяснил парнишка. – Не отказывайте мне, мастер. Больше мне некуда идти.

Из дома Старика за разговором наблюдали две пары глаз. Те, что принадлежали девчонке, – с любопытством. Зато бывший любитель сушеных яблок, научившийся не доверять чужакам, смотрел настороженно. И жадно ловил лоскутки приглушенного разговора. Кто знает, как много ему удалось расслышать. Во всяком случае, достаточно, чтобы внезапно принять решение. Сразу после того как Старик тяжело кивнул, соглашаясь принять в обучение новоприбывшего, светловолосый попросился в ученики тоже. Старик усмехнулся, не споря.

Так у Старика появилось два ученика – Старший, тот что

пришел сам, и Младший, что прибился случайно. Разница в их возрасте едва ли в год; были они почти одного роста и сложения, только цветом волос отличались. Но почему-то настоящие имена их растворились быстро и без остатка, и даже в поселке их иначе и не звали – Старший да Младший.

– Чему вы учитесь?

– Магии.

И тот, кто присутствовал при битве у Перехолмья и мог хотя бы издалека видеть величайшего из всех магов современности, подивился бы, узнав, кого он взял в свои ученики, когда короли и князья тщетно умоляли обучать их. А может, позавидовал бы двум пацанам.

Хотя...

Разбудил меня запах свежего кофе. Относительно свежего, поскольку он уже успел слегка остыть и пропитать своим ароматом дощатые стены каморки. А гадать о его происхождении смысла не было. Наверняка это позаботилась доброжелательная Саня. Ну или сторож проникся ко мне острой симпатией.

Леана не вернулась. И вряд ли появится.

Спал я, наверное, не слишком долго. За дверью все еще властвовала темнота, и никакого оживления в Галерее не наблюдалось.

Шея затекла, тело ломило, мстительно припоминая все недавние приключения и нынешнее пренебрежение. Но в голове заметно прояснилось. Несколько часов на неудобном диванчике хватило, чтобы распустить тугий узел нервов и перевести дыхание. И даже... Опасаясь разочароваться, я привычно раскрыл ладонь, и щекотное пламя заплескалось в горсти. Бледное, словно растворенное водой молоко. И такое же теплое. Даже электрическая лампочка под потолком казалась ярче и горячее. Пламя свернулось лепестком, потянувшись вверх, и сразу же опало. Я машинально отряхнул пальцы.

Пугающая пустота внутри исчезла. Силы восстанавливались. Медленнее, чем хотелось бы, но и ущерб был нанесен

немалый. Огненные мячики мне пока не метать, но свечку зажечь можно. Ну или кофе подогреть.

Воодушевленный мелкой победой, я подпрыгнул, разминаясь. Хрустнули ветхие половицы...

– Эй! – внятно и укоризненно произнесли сверху. – Не топчите, люди спят!

Присев от неожиданности, я опасливо покосился на низкий потолок. Там с кряхтеньем повернулся некто невидимый и надолго затих. Ну и пусть себе.

Брошенный мельком взгляд на зеркало вынудил вернуться и посмотреть внимательнее. Нет, это все-таки я... Только владельцу позволено так измять собственную физиономию.

Шевелюра всклокочена, глаза словно из зеленого бутылочного стекла отлили, на левой щеке отпечатался грубый пунцовый рубец... Я перевел взгляд на диван, тоже отразившийся в зеркале. Ну так и есть – поперек кожаной подушки ползет неряшливый шов. А ведь гнездо художников! Могли бы и штопать художественно...

Хорошо, хоть опухоль спала.

Машинально растирая щеку, я коснулся зеркала свободной рукой. Ну-ка, что там за новости?..

Отражение слегка поплыло. Неподвижное стекло холодило пальцы, но узор на нем отчетливо содрогался, как тонкая пластинка льда над проточной водой. Еще немного – и его окончательно снесет. Я слегка нажал, и преграда послушно поддалась, похрустывая и разбегаясь трещинами. А затем

обрушилась с почти беззвучным звоном. В комнатке пронзительно запахло нашатырем.

Зеркала... Их великое множество вокруг. Миллионы отражающих поверхностей. Стекла, начищенные пуговицы, поверхность прудов, ледяные корочки на лужах, глаза встречающих... Мы и сами не замечаем, как часто мир отражает нас и то, что мы делаем.

Стоит лишь задержать взгляд на мгновение, как темный водоворот проглатывает тебя и несет с бешеной скоростью к свету на другом конце.

Шарить вслепую мне не пришлось. Я искал знакомых.

...Моложавая женщина, по-видимому горничная, собирает разбросанные вещи в большой пакет, а ступающий за ней по пятам востроносый человек плетет сеть очищающих заклятий...

Это зеркало в Павильоне, в комнате, что временно была моей. Ноутбук исчез.

...Неподвижное лицо Луки, подбородок в оспинах гари. Губы едва шевелятся.

Вид снизу и сбоку. Изображение мелкое и искаженное – это часы на руке. Собеседник мелькнул на мгновение, когда Лука шевельнул кистью, но узнать его невозможно... Неважно. Жив, и ладно.

Любопытно, но пока ничего не понятно.

Я наскоро вычертил на пыльной поверхности зеркала косяю «липучку» для голосов. Небрежно вышло, ну да на один

раз хватит... Чистые линии мигом разлохматились, нахватавшись охвостьев реплик.

– ...Вы не дали ему даже шанса оправдаться. Вы ничего не знаете, что случилось с ним и где он сейчас находится. И никто не способен доказать, что именно он совершил то, что вы ему приписываете!..

Это Корнил. Я обрадованно ухмыльнулся. Отражение на полированной поверхности едва разборчиво, но все равно можно видеть, как рассерженный Корнил нависает, наклоняясь к собеседникам. Их много...

Сверкнул чей-то перстень. Скорее по инерции, чем сознательно я поймал отражение в нем. Два человека в той же зале, что и Корнил. Но переговариваются едва слышно друг с другом;

– ...семья Корнила слишком сильна стала, с тех пор как они подобрали этого метиса. Кое-кто считает, что за ними и их приемышем будущее. Старыми традициями пренебрегают. Если они докажут, что смесь магий возможна, – придет конец чистому искусству и смерть Черному Кругу...

Собеседник неторопливо согласно кивает. Грани камня дробят его изображение, но лицо кажется знакомым. Костистое, узкое, вытянутое к подбородку; черты нерезкие, но твердые; глаза светлые.

Вроде бы я его видел раньше.

– ...Он должен сгинуть. А если он действительно обезумел, так это нам только на руку, и всего лишь нужно предо-

ставить Трибуналу доказательства его безумия и пагубности подобной смеси сил...

– Я думаю...

– Одну минуту, если позволите... – Камень в перстне внешне черноет, зеркало изнутри заплетает крученой колючкой, и через стекло брызжут шипы.

Я едва успел увернуться.

Ничего себе... Я потрогал пальцем крошечные язвочки на зеркале. Кожу щипало. Но даже толком поразиться я не успел, потому что через пробоины в защите, словно вода через разрушающуюся плотину, хлынуло официальное и громогласное:

– ...разыскивается Трой Стокол по подозрению в нарушении соглашения между сторонами. Трибунал готов ждать. Магу Трою Стоколу предоставляется время вернуться в Зал Трибунала и объявить о своей невинности. И сделать это он должен до часа Полнолуния. В этом случае, согласно постулату о презумпции невинности, Трой Стокол будет признан свободным от всех обвинений и Обвинению потребуются привести доказательства его вины. Если же Трой Стокол в указанный срок не предстанет перед Судом, его априори признают виновным и опасным для общества. Его лишат статуса мага до скончания веков. Если деятельность его за период условной вины будет сочтена опасной для жизни других людей, его лишат жизни досрочно...

И сразу же, без перехода:

– Внимание! Всем, кто слышит! Похищена Белая Королева! В похищении обвиняется Черно-Белый маг Трой Стокол. Свидетели заметили его в покоях Королевы накануне похищения. Данное сообщение идет только по магическим каналам и недоступно немагам. Однако Двусторонний Совет готов пойти на распространение информации во всех кругах, если возникнет необходимость...

Проклятое зеркало наконец отпустило. Я, задыхаясь, тяжело отвалился от него как пресытившийся вампир. В голове со звоном перекатывалось собственное имя. Еще никогда я не слышал его столь многократно повторенным за такой короткий срок...

Сказать, что я был ошарашен, это значит не сказать ничего.

Я сидел на полу, облизывая пересохшие губы и ощущая не столько испуг, сколько изумление вперемешку со злостью.

Какая Белая Королева?! Какое безумие! Какое обвинение?!

Тусклое зеркало на стене теперь сквозило как распахнутое в ночную зимнюю стужу окно, вызывая озноб и тревогу. Сам того не подозревая, я разрушил безопасную капсулу, в которую кто-то превратил Галерею. И теперь...

Мне послышался отдаленный лай собак.

Проклятие!

Я мигом оказался на ногах, подхватил куртку и, воюя на ходу с перекрутившимися рукавами, бросился вон из ком-

наты. Что-то растопыренное и металлическое, стоявшее возле стены снаружи, с грохотом обрушилось на пол и пару шагов волоклось за мной, уцепившись крюком за штанину. Я буквально чувствовал, как волосы на затылке встают дыбом, словно шерсть у кошки, которой к хвосту привязали консервную банку.

Вот только паники мне еще не хватало!

Прореженную занимавшимся рассветом темноту галерейных недр рассекла яркая полоска света.

– Что там? – донесся обеспокоенный голосок.

– Простите, – подавив в голосе даже намек на истерические нотки, отозвался я. – Я тут что-то уронил.

– Подозреваю, что это «Печальная птица», – произнесла Саня, прикрывая скрипнувшую дверь. – Ее регулярно цепляет кто-нибудь. К счастью, она железная и легко собирается. А ее автор необидчивый.

Мы сблизились, осторожно ступая в сероватой темноте. В этих краях ночи жидкие и белесые, и рассвет даже зимой наступает рано.

– Спасибо за кофе, – сказал я.

Лицо девушки было неразличимо, но я ощутил ее улыбку.

– Не за что. Уходите?

– Да, пора. Лена, видимо, не вернется.

– Может быть, она... – Саня не договорила, махнула рукой и закончила явно не так, как намеревалась: – Что ж, надеюсь, вам у нас понравилось. Поверьте мне на слово, днем здесь

не менее интересно.

– Да и ночью тут нескучно, – с чувством пробормотал я.

На улице было светлее, чем в Галерее, и гораздо студенее. Дыхание заклубилось белым. Нос и щеки обжег явственный морозец. Траву и листву деревьев будто серебристой краской сбрызнули. В прозрачном, еще не наполненном смогом воздухе звуки разносились как в горном ущелье, отражаясь от стен домов. Над перекрестком мигал болезненно-желтым глазом светофор.

Над крышами в постепенно светлеющем небе мерцал истаявший до полупрозрачности растущий месяц. До часа Полнолуния осталось одиннадцать дней.

Часы на башне пробили пять. Звон увязал и гас в царящей тишине.

Где-то залаяла собака, и меня дернуло, будто током. Хотя это наверняка был самый обычный лохматый барбос, к настоящим Псам не имеющий ни малейшего отношения. Но рано или поздно я услышу другой лай.

Я двинулся через дорогу, невольно ускоряя шаг. Время стало самым ценным, что у меня имелось в наличии. И от того, как рационально я им распоряджусь, зависело, останусь ли я тем, кем являюсь, до наступления зимы. И увижу ли выставку рыжей девчонки по имени Саня.

В Галерее я наследил. Недостаточно сильно, чтобы сторожевые системы Белых подняли тревогу, но достаточно за-

метно, чтобы их Искалы рано или поздно нашли источник беспокойства. Вероятно, они уже идут сюда, – значит, следовало уносить ноги как можно дальше. Белые станут охотиться, но, пока я не начну колдовать, узнать меня немислимо. А я попытаюсь не привлекать их внимания и уйти из Белой зоны. С Черными все проще и сложнее. Но об этом мне, скорее всего, думать не придется.

Автоматически подняв руку, я тормознул какое-то шальное предрассветное такси.

– До центра, – велел я водителю, и тот, не уточняя, стал разворачивать своего тяжелого железного коня.

В центре мне делать было нечего, но рвать свой след лучше всего таким способом. А в городе я ориентировался плохо.

В машине пахло хвоей. Под зеркалом вместе с освежителем покачивался амулет в виде уродливого колченогого конька. Раньше всадники вешали его на лошадиную сбрую, чтобы кони не спотыкались и не ломали ноги на ухабистых дорогах. А теперь вот водители пользуются. Чтобы шины не проколоть?

Наблюдая за мерным колебанием амулета, я пытался припомнить виденную мельком дорожную карту. Там размечались все действующие ныне Врата. Только через них можно попасть на верхний Архипелаг, расположенный вне пределов Белых и Черных. На одном из трех островов Архипелага находится Зал Трибунала.

Один раз я уже был там. И даже не подозревал, что когда-нибудь приложу максимум усилий, чтобы вернуться туда по доброй воле.

Запомнить дорожную карту могли немногие, и я, увы, не входил в их число. Карта отличалась сложностью и нестабильностью. Собственно, поэтому ее регулярно переиздавали, обновляя, большим тиражом. И каждое издание расходовалось в считанные дни, несмотря на дороговизну.

В последний раз карту мне довелось увидеть на стене кабинета в Павильоне, где куратор изволил давать аудиенцию. В тот момент меня больше занимал предмет нашего разговора с господином Бложевым, чем дорожная карта, поэтому я лишь скользнул взглядом по полотну. Если не путаю, на территории Звенницы и ее окрестностей имелись лишь одни действующие Ворота, и находились они...

Вспомнив, я досадливо поморщился.

В центре города жизнь не признавала таких условностей, как смена дня и ночи. Магазины, рестораны, клубы лениво зевали створками дверей, поглощая и выпуская посетителей. Жизнь бурлила и шипела, изредка выщелкивая прочь не успевающих за ритмом.

Плотная магическая сеть, шатром накинутая сразу на всю Центральную площадь и выстреливающие от нее улицы, подрагивала от возбуждения, лохматилась и вздувалась пузырями, пытаясь совладать с потоками стихийных сил. Сеть,

похоже, ставили очень давно и с тех пор чистили редко. Узлы ее обросли, как кораллами, паразитами, жрущими дармовую энергию, а местами, в глухих углах и тупичках, сама сеть мутировала, превращаясь в ловушку для растяп. Там вяло копошились, путаясь в трех столбах, припозднившиеся гуляки или сладострастно занимались друг дружкой ничего не замечающие парочки.

Такси выплюнуло меня на тротуар и унеслось, взмахнув пушистым от морозца хвостом выхлопа.

Я поискал глазами местечко поукромней и выбрал проход между бутиками, где маскировалась под каменный гротик сувенирная лавка, закрытая на ночь. Оба соседних бутика накрывали такие мощные и самодовольные сторожевые купола, что в их сверкании можно было замаскировать даже среднего размера магический фонтан.

Укрывшись, я аккуратно *прослушал* сеть над центром, стараясь не вызвать даже малейших колебаний. Это было, в общем, несложно. Требовалось изрядное усилие и большой выброс энергии, чтобы колыхнуть эту махину. Я проявил, наверное, излишнюю осторожность.

Однако, обжегшись на василиске, стороной обходишь ужей...

Выбрав безопасный коридор в прорехах плетенки, я позвал. Ветер послушно лизнул щеки холодом и унес призыв. Почти сразу я получил отклик и, ухватив невидимую нить, обрадованно потянул к себе. Никто не покушался на капсулу

с вещами?..

В то же мгновение мне показалось, что ниточка напряглась чуть сильнее, чем следовало. Я резко отряхнул ладони, разрывая контакт, и метнулся в зев ближайшего супермаркета. Големы на входе лязгнули золотыми доспехами вхолостую, не успев выговорить приветствие.

Я завернул в отдел сухих завтраков, где толклось на редкость много покупателей, придирчиво изучающих текст на упаковках. На туристов покупатели не походили. Не иначе это местная традиция аборигенов – скупать сухие завтраки еще до рассвета. Вдохновленный их примером, я немедленно замаскировался под аборигена, ухватив ближайшую коробку и отсутствующе уставившись на текст.

«Сухой завтрак «Золотые колечки» предназначен для здорового и полноценного питания взрослых и детей...»

Легкая заминка, возникшая при контакте, означала только одно – кто-то уже успел прицепить коготок к моему шарiku. Легкий и практически невесомый. Я бы и не заметил его, если бы не потрясения предыдущих часов, обостривших паранойю до предела.

«...В состав «колечек» добавлен волшебный наполнитель от фирмы «Чудодей», придающий продукту золотое сверкание и искристость, а также...»

За коготком потянулась бы паутинка прямым ко мне. Собственно, этого следовало ожидать. Но попробовать все равно стоило. Если мне не повезет с ближайшими Вратами,

то придется искать другие, а для этого нужны деньги и документы. Жаль, что простейшее из возможных решений оказалось ловушкой.

«...Подарочное кольцо из золота фей в каждой упаковке будет радовать Вас или Ваших детей своей красотой целых десять дней. А по окончании срока кольцо превратится в купон. Собрав пятьдесят купонов, Вы сможете участвовать в розыгрыше уже настоящего кольца из золота гномов...»

Гм, соблазнительно. Особенно если учесть, что последняя моя трапеза состояла из не искрящегося золотом печенья и пары чашек кофе. Надо бы перекусить поплотнее.

Я алчно огляделся и застыл, тараща в зеркало над стеллажами.

В дверь супермаркета вошли двое. Высокая молодая женщина равнодушным жестом запечатала уста сразу обоих големов и отсекла старшего приказчика, сунувшегося было навстречу. Ее коллега даже не повернул головы. Вот любопытно, отстраненно подумал я, глядя на обомлевшего приказчика, служба вычисляет волшебников при исполнении сразу и безошибочно, даже не обладая зачатками магического дара. Простым внутренним чутьем. Кто-то из исследователей даже проводил работу по изучению этого феномена.

Напарник женщины – среднего роста крепыш – двинулся на второй этаж супермаркета, а она сама повернула в гастрономический отдел. Один из младших приказчиков в отдалении следовал за ней предупредительной тенью.

Я как можно небрежнее поставил коробку с завтраком на полку и с деланной неспешностью пошел вдоль стеллажей, повернувшись к магине спиной. Бежать глупо и опасно. Прошло слишком мало времени. По тревоге могли вызвать ближайшие патрули, чтобы обыскать окрестности. Вот они и ищут. Кого-нибудь.

От фальшивой небрежности походки у меня даже позвоночник свело.

Магиня нагоняла, целеустремленно двигаясь по соседнему ряду. Я не оглядывался, но чуял ее приближение. Спину пекло. Женщина тратила на каждого встречного покупателя пару секунд, небрежно пролистывая его, как книжку в библиотеке в поисках нужной. Иногда кто-нибудь задерживал ее внимание чуть дольше – и только. Считается, что распознать мага можно лишь в работе. Вот сейчас и проверим.

Мне в затылок словно вонзилось раскаленное шило. Я едва удержал вопль, конвульсивно дернувшись. Проклятый Пожиратель разрушил систему самозащиты, и для восстановления ее прошло еще слишком мало времени.

– Прошу прощения, – рассеянно пробормотала магиня мне в спину.

От удивления я оглянулся, но она уже шла мимо, не потратив на меня даже тех лишних секунд.

Магиня, вне всякого сомнения, прочитала во мне мага, как и чистильщики в электричке. Только мага мелкого. И поэтому извинилась за причиненные неудобства. Шило-щуп

предназначалось для оценки уровня магической силы. Если бы оно наткнулось на щит или почувяло глубину, то магиня подняла бы тревогу. Но те, кто меня искал, похоже, еще не знали о произошедших изменениях. Пока не знали.

Я перевел дыхание, глядя, как магиня удаляется.

Пожилая женщина в длинном платье выпустила из рук сочно шмякнувшийся об пол пакет с творогом и даже не заметила этого. Пальцы ее скрючились, а лицо неприятно исказилось. Казалось, женщина внезапно почувствовала дурноту.

– Сударыня, вам нехорошо? – встревожился мужчина в клетчатой кепке, отворачиваясь от изобилия йогуртов.

Женщина засипела. Неразличимый простым зрением, бешеный черный огонь объял ее с ног до головы. В стороны, как иглы встревоженного дикобраза, полетели вместо искр мелкие черные вредоносные иголки.

Ведьма! Испугалась, почувяв магиню. Наверняка ей запрещено жить в Звеннице. Города с населением свыше тысячи зрителей по традиции закрыты для ведьм еще со времен Холодной Чумы.

Иголки вонзались в упаковки с молоком, превращая их содержимое в гнилую простоквашу. Крышки стаканчиков со сметаной и сливками вздувались и лопались на глазах. Бутылки с кефиром вспенились, как шампунь. Приказчик издали заметил неладное и издал негодующий возглас.

Я еще не успел опасно сблизиться с ведьмой, но стоящий в

паре шагов от нее владелец клетчатой кепки вдруг замер. Он вряд ли почувствовал, как в него втыкаются десятки мелких иголок, но побелел, схватился за сердце и стал оседать на мраморный пол, пытаясь удержаться за тележку с продуктами. Тележка со звоном повалилась.

Это заставило-таки магиню переключить внимание.

– Не двигаться! – хлестнуло словно плетью.

И все застыли, даже ошалевший от ущерба приказчик.

Затем голос магини зазвучал негромко и мелодично, а от невнятно произнесенных ею слов воздух взялся стеклянной решеткой. Ведьма заверещала, когда вокруг нее сомкнулась невидимая скорлупа, обратившая черный огонь внутрь. Покупатели восторженно и принялись пугливо вертеть головами. Со второго этажа бежал напарник магини. А от дверей неуверенно потянулись охранники.

– Внимание! – Повелительность в голосе магини не допускала и тени сомнения, что ей могли бы не повиноваться. – Всем соблюдать спокойствие. Служба охраны успешно провела задержание опасного элемента.

Ее напарник сплел смиряющую петлю и набросил на жертву. Ведьма смолкла, захлебнувшись криком. Лицо ее отекало и стало неподвижным, только глаза продолжали яростно сверкать.

Оба мага сноровисто поволокли добычу к выходу.

Один из приказчиков склонился над мужчиной в клетчатой кепке, вызывая «скорую» по мобильнику. Другой мрачно

озирал потрапу на полках с молочным изобилием. В гастрономическом отделе супермаркета стали скапливаться любопытствующие.

В общем, ситуация складывалась наилучшим образом для незаметного исчезновения.

Ехать за город согласился только четвертый водитель из тех, кого все же удалось остановить. При этом пришлось выложить почти треть наличных денег. Впрочем, сожалеть о финансовых потерях неуместно. Главное – добраться до нужного места, а там уже деньги не потребуются.

Все дорогу я периодически задремывал и во сне смутно сокрушался об оставленных в супермаркете «Золотых колечках». Я так спешил удрать из города, что даже на еду не нашел времени. Вообще-то в детстве мне приходилось голодать по нескольку дней, но вспоминать былые навыки лишний раз не хотелось.

– Приехали, – сообщил водитель недовольно.

Он оказался субъектом мрачным и за всю дорогу не проронил ни звука. И за подобный комфорт даже не пришлось доплачивать.

– А где... – неопределенно начал я.

– Там, за деревьями, – угадал ход моих мыслей водитель.

И верно, за шеренгой деревьев просматривался отрезок боковой дороги и ограда.

Я выбрался наружу, зябко поеживаясь. Машина брезгливо

фыркнула, круто развернулась на пустом шоссе и унеслась обратно к городу, оставив меня в компании со слегка покосившейся табличкой на повороте: «Частное владение. Въезд без приглашения воспрещен».

Снова дом на отшибе, кисло подумал я. Но был не совсем прав. С другой стороны шоссе, в долине, заросшей осинами и березами, маячила крыша еще одного особняка. Соседи у господина вице-губернатора имелись. Наверняка тоже какие-нибудь местные шишки.

То, что Врата находятся на территории загородного владения господина вице-губернатора, я запомнил случайно и удивился мимолетно. С вице-губернатором мне довелось столкнуться один раз в момент моего прибытия. По традиции Белые ставят в известность о появлении в зоне их влияния чужаков местное начальство, не имеющее отношения к магическим школам. И меня продемонстрировали мэру, губернатору, полицмейстеру и еще кое-каким чинам на приеме.

Человека более далекого от магии, чем вице-губернатор, мне встречать не доводилось. А в его загородном доме расположен важный магический объект. Он сам-то об этом знает?

...Воздух был насыщен магией как водяными парами перед дождем. Казалось, еще немного, и скопившееся напряжение выпадет в осадок шаровыми молниями или все вокруг заискрится. К тому же слегка пованивало падалью.

Опасности не ощущалось, но все равно было беспокойно.

Осмотревшись, я двинулся вдоль ограды, выполненной в нарочито деревенском стиле: вбитые в землю столбы удерживают небрежно отесанные поперечные бревна. Каждое такое потемневшее от времени бревно оплетал легкомысленный плющ, усыпанный ярко-желтыми цветами. Воздух над их раскрытыми чашечками отчетливо подрагивал.

Если приглядеться, то по периметру ограждения можно найти десяток-другой разлагающихся трупиков неосторожных птиц или белок. Вот откуда амбре. Издержки безопасности.

Ну что ж. Здесь мы не пойдём.

За деревьями проступал массивный силуэт дома, выдержанного все в том же крестьянском стиле. Эдакий трехголовый теремок. Во всех окнах свет, и ветер периодически доносит обрывки музыки, голоса и смех. Праздник у них там, что ли...

Что-то резко щелкнуло и негромко раскатисто бухнуло. Я втянул голову в плечи. А в светлеющих небесах над теремком распустился и завертелся огненный многоцветный зонтик. Сразу же снова гроыхнуло, и следом вверх взвилась исполинская жар-птица.

Ах, вот отчего так несет волшеббой. Они тут магические фейерверки запускают. Точно что-то празднуют. Тем лучше. При таком загрязненном фоне мелкое колдовство сойдет незамеченным. Надо только отыскать слабый участок.

Ночная изморозь на высоких, подсохших травах уже растаяла, и штаны до колен вымокли, пока я брел вдоль периметра усадьбы. В какой-то момент деревья расступились и позволили разглядеть губернаторский особняк во всей красе. Громоздкое сооружение со множеством пристроек. В окнах мельтешат силуэты. Перед парадным входом десятков-другой дорогих разномастных автомобилей.

Деревянная ограда вскоре сменилась глухой бетонной стеной высотой в два раза выше человеческого роста. Задворки вице-губернаторского дома припрятали от посторонних глаз. Не очень эстетично, зато надежно. По верху забора тянулись провода, – надо полагать, под напряжением. А деревья, что росли вдоль стены, старательно вырубил.

Я потрогал шершавую, холодную поверхность стены. Пальцы покалывало – стену грамотно заговорили. Попробовать излюбленную Белыми *громовую трубу*? Как раз они-то на шум и сбегутся, да и вся ограда может рухнуть. *Камне-ломку* запустить? Нет, бетон она не ест...

Я задумался. Можно было еще побродить вдоль ограды, но вряд ли это что-нибудь даст. Я обойду все владение по кругу и вернусь к главным воротам. А там останется только постучать и напомнить вице-губернатору, если он дома, о старом знакомстве.

Погодите-ка... А где мой призрачный приятель?

Трава вокруг вмиг поседела, покрывшись изморозью.

«Здесь... здесь...»

От унылой интонации дрожь пробирает и зубы начинает ломить, словно ледяной воды хлебнул. Объяснить что-либо призраку еще труднее, чем послушной, но глупой дворняге. Но в конце концов я добился своего. На несколько секунд тень обозначилась резче и стала почти черной, так что даже можно было различить остроносый профиль бедолаги Ноилла. Затем тень стала бледнеть и впитываться в серый бетон, как разлитое масло. А сам бетон принялся светлеть и крошиться. Посыпался песок. Участок стены дряхлел на глазах.

– Достаточно, Ноилл.

Призрак не отозвался. Скорее всего, он исчерпал свой ресурс и растворился. На время, конечно. Так легко от призрака не отделаешься.

С наружной стороны участок бетонной стены выглядел достаточно старым, и, казалось, довольно малейшего толчка – и он рассыплется в прах. Трещины иссекли его как морщины слоновью кожу. Но угадать, насколько глубоко проник призрак, отсюда было невозможно.

Я внятно, хотя и стуча зубами, заговорил руку *усилителем* и саданул стену кулаком. Взметнулась пыль, и каменная труха посыпалась под ноги. Приободрившись, я толкнул стену плечом и с глухим воплем вывалился с противоположной стороны. Преграда в конце оказалась прочнее, чем думалось, и приложился я крепко.

Потирая пострадавшее плечо и сплевывая пыль, огляделся. К счастью, здесь разрослись декоративные кустарники с

мелкими красными ягодками, по замыслу дизайнера драпирующие бетонную неприглядность стены, поэтому мое появление прошло незамеченным. Если тут вообще было кому замечать...

От дома неслась смутная музыка и невнятные вопли. Похоже, вечеринка началась еще вчера и заканчиваться не собиралась. Вряд ли можно так упиться в столь ранний час.

Весь перемазанный красным ягодным соком и утыканный колючками, я выбрался из цепкого кустарника. Дорожка между деревьями, выложенная узорчатой плиткой, гостеприимно звала прямо к парадному входу, но пришлось проигнорировать ее приглашение и свернуть влево.

Если я правильно помню схему, здешние Врата привязаны к водной стихии. Значит, искать надо воду. Маловероятно, что имелся в виду водопровод.

Ветерок донес запах печеного мяса. Я судорожно сглотнул. В голову закралась шальная мысль: а что, если выдать себя за гостя? Сейчас все наверняка настолько пьяны, что не отличают своих от чужих. Да и вряд ли они вообще знают друг друга. Судя по количеству машин, вечеринка была шумной...

Потребовалось некоторое усилие, чтобы отогнать соблазн.

Снова гроыхнуло, и над крышей особняка взмахнул иссиня-черными крыльями гигантский огнеглазый грифон. Надо полагать, тот, кто его запустил, уже был изрядно наве-

селе, поэтому грифон взлетел вверх ногами, что ничуть не помешало ему злобно шипеть на облака и сверкать пламенными очами.

Заглядевшись на грифона, я споткнулся, нырнул носом вперед. Чертыхнувшись, приземлился на руки и обнаружил сначала ботинки, торчащие из-под куста, а затем и владельца этих ботинок, безжизненно валявшегося под сенью колючих ветвей. На вид ему было лет пятнадцать. Рубашку бедолаги испятнали багровые кляксы. По щеке уныло полз замерзший жучок. И. выглядел лежащий как-то не очень свежо...

...Нет, все-таки живой. Вялая рука смахнула жучка со щеки, и лежащий шумно вздохнул, переворачиваясь на бок. Воздух наполнила вонь перегара и сладковатый аромат лиловых поганок.

Я отшатнулся. Бес их знает, что у них тут за развлечения для несовершеннолетних...

Дорожка кокетливо вильнула к просторной лужайке за особняком, окруженной мрачного вида, старыми, разлапистыми вербами. В центре лужайки вертикально стояли узкие замшелые валуны высотой в человеческий рост. Камни сторожили гладкое зеркало крошечного озера-родника, взятого в оправу из разноцветной плитки.

Ага! Кажется, пришли.

Я остановился, присматриваясь. В целом все выглядело мирно и спокойно. Эдакий уголок отдохновения души. Даже вон пара скамеек установлена между камнями. Очевидно,

это владелец дома постарался. Очень уж эти скамейки выпадали из общего настроения – зыбкого, мрачноватого, выжидающего.

И все время кажется, что за тобой наблюдают. Равнодушно, но внимательно. Камни эти настораживают. Вряд ли Белые оставили Врата без охраны. Вон тот валун, что справа, очень смахивает на искоса смотрящего пса. Да и сосед его... зевнул.

Я затаил дыхание.

Камень шевельнулся, разворачиваясь в большеголовую каменную собаку величиной с крупного пони. Клацнул зубами, заглатывая новый зевок. Лениво потянулся, осыпая со шкуры каменную крошку. Второй пес так же неспешно и покошачьи вытянул вперед поочередно обе лапы, рыхля землю когтями.

Вообще-то на собак эти угловатые, нескладные создания походили лишь отдаленно. словно заготовки скульптора – наспех и грубо обтесанные куски мрамора, где форма скорее угадывается. Но двигались твари легко и бесшумно, несмотря на изрядный вес. И скорость, если верить справочникам по неестественной зоологии, развивали сумасшедшую. Бежать от них так же бессмысленно, как и сражаться с ними голыми руками.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Отступить поздно, стражи уже заметили меня, но оставаться на месте, ожидая своей участи, было невыносимо.

Первый пес направился ко мне, не сводя пристального взгляда тусклых, едва обозначенных глаз. Зубы в приоткрытой каменной пасти с виду тупые, но человеческие кости они запросто дробят в щепки.

На каменных монстров, конечно, есть управа. И одолеть их не так уж и сложно. Приличному магу с полным резервом сил...

Не мне то есть.

Второй пес не спеша потянулся за своим собратом. Беззвучные, массивные, пахнущие стылым, влажным камнем. Шероховатые шкуры выщерблены непогодой. Врата твари стерегли, наверное, не одно столетие. Таких стражей делали веков пять-шесть назад.

Самое глупое, что сейчас можно сделать, это с фальшивым дружелюбием похлопать себя по бедру, нервно выдавив приторное: «Привет, собачки!»

– П-привет... – сказал я, кося глазом в поисках путей к отступлению.

Первый пес слегка наклонил голову, как настоящая собака. Выражение почти бесформенной морды не изменилось, пес скрежетнул челюстями... и вдруг вильнул хвостом. Второй сразу же отвернулся и двинулся обратно к своему месту в хороводе валунов.

Ну надо же! А настоящие собаки не ведутся на сладкую приветливость незнакомцев.

Переведя дыхание, я машинально похлопал оставшегося

зверя по спине, обросшей ярко-зеленым мхом. Спина оказалась, как и положено, твердой, холодной и слегка скользкой.

– Хор-рошая зверюга... – севшим голосом выдавил я.

В наше время оживлением камня почти никто не занимается. Проще купить у Белых какого-нибудь полуэлектронного-полумагического голема, чем возиться со сложнейшими заклинаниями. Но отчего-то роботы при всей их полезности никогда не выглядят настолько живыми, самодостаточными и слегка загадочными.

Стражи потеряли ко мне всякий интерес. Я сделал несколько осторожных шагов к озеру – они даже не повернули морды. Уже смелее я миновал незримую линию, обозначенную кольцом камней, и остановился, вглядываясь в темную, тяжелую и гладкую, как шелк, воду. Потом окунул руку, убедившись, что вода ледяная и прозрачная, а дна все равно не различить. Похоже, здесь очень глубоко. Не лужица, а настоящий омут.

Присутствие волшбы почти не ощущалось. Так, слабый привкус. Наверное, Врата давно не использовались. Черное, мерцающее зеркало отражало мою сосредоточенную физиономию почти без искажений. Между плитками, укреплявшими берега, проросла трава и мелкие лиловые цветы. Ветер молчал, но цветы слегка покачивались, кивая венчиками.

От дома донесся пронзительный автомобильный сигнал. Скрипнула невидимая дверь. Кто-то резко и неприятно засмеялся. Зазвенело бьющееся стекло.

В кольцо камней звуки усиливались стократ.

«...Так рада, что ты наконец приехала. Это пьяное стадо мне порядком обрыдло...» – внятно произнес девичий голос будто бы прямо за моим плечом. На самом деле говорили, похоже, возле парадного входа в особняк.

«...Пришлось заканчивать кое-какие дела...» – отозвалась вторая собеседница.

«...Не много потеряла...»

Голоса отсекло. Видимо, девушки вошли внутрь здания.

Я растер окоченевшую от холодной воды ладонь. Лезть в этот выстуженный родник не хотелось. Пусть мне и хорошо известно, что Врата размыкаются в долю мгновения и даже брызги не успеют упасть, как я окажусь в другой части мира.

Впрочем, раз Врата давно не использовались, их еще надо инициировать. Понятное дело, что лучшего Ключа, чем человеческая кровь, древние строители Врат не придумали. Надо полагать, тогда у них подобного расходного материала было навалом. А ныне живущим приходится жертвовать свои собственные ресурсы. И чем дольше Врата не действовали, тем больше необходимо крови. Парой капель не отделаешься. Подозреваю, что для пробуждения легендарных Мертвых Врат понадобится выжать себя досуха.

И ведь надо еще придумать, как добыть этот нужный ресурс, учитывая, что даже тупого перочинного ножа у меня с собой нет. Перекусывать вены зубами как-то не принято...

Порыскав вокруг, я отыскал стеклянный осколок, ополос-

нул его в воде и, морщась и чертыхаясь, черкнул поперек ладони. Кисть тупо ожгло, и горсть довольно быстро стала заполняться алой жидкостью. Слишком глубоко порезал, не рассчитал остроты инструмента. Не подхватить бы какую-нибудь инфекцию...

Кровь уже побежала по запястью, пачкая рукав куртки. Я занес руку над водой. Горячие капли из горсти беззвучно упали в черное зеркало, рождая смутные быстрые вихри под неподвижной поверхностью. Пахнуло талой водой и металлом. Каменные стражи не отрываясь наблюдали за мной, и взгляд их был тяжел, как свинец.

Глубоко вздохнув, я шагнул прямо в центр родника.

...И со всего размаху будто врезался в глухую стену. В голове зазвенело от удара. В рот, нос и уши хлынула ледяная вода. Оглушенный и ошеломленный, я сразу же пошел на дно. И омут жадно сцапал добычу, утягивая еще глубже...

Глаза застила черная пелена. От царящего вокруг мрака и холода я мигом поддался паническому ужасу и отчаянно забил руками, желая выбраться любой ценой. И зря. Водоворот на дне озера был цепким и безжалостным. С таким нельзя сражаться...

Повинуясь то ли остаткам здравого смысла, то ли просто обессилев, я позволил течению утащить себя почти на самое дно, где в ледяной воде кружились острые льдинки, и, лишь когда хватка омута ослабла, рванул в сторону. Легкие жгло огнем. Руки и ноги сводило от холода и усталости. Я уже не

надеялся выплыть, когда поверхность раскололась, взорвавшись немыслимым светом и теплом.

Из последних сил я вцепился в ключья прибрежной травы.

– Вот псих, – произнесли отчетливо и как-то брезгливо.

После непроглядной озерной тьмы мир наверху ослеплял яркостью, поэтому я не сразу различил силуэты двух девушек, стоящих поодаль, возле камней. Одна, чуть повыше, в вечернем открытом платье и в наброшенном поверх него плаще. Другая в обычной курточке и брюках.

– ...Помочь, – сказала одна из девушек, та, что в штанах, делая шаг в мою сторону.

– Оставь, сам вылезет, – отозвалась вторая раздраженно. Голос у нее был редкой мелодичности. – Ведь предупреждали же всех, что вода здесь опасна!

Я в изнеможении выкарабкался на берег, пытаюсь совладать с дрожью и кашлем. Левую руку дергало, словно током, и по пальцам вновь потекла кровь.

Девушки все-таки приблизились.

– Ну так и есть, – презрительно проговорила обладательница мелодичного голоса. – Опять все в крови. Очередной самоубийца – какая пошлость... Как же они меня достали!

В силу понятных обстоятельств меня не слишком занимала болтовня этих барышень до сего момента, но не взглянуть на столь самоуверенную девицу даже сейчас было невозможно. Я поднял глаза, намереваясь разразиться не слишком светской тирадой, да так и замер...

Да, пожалуй, она имела право быть столь самонадеянной.

Никого столь совершенного мне прежде встречать не доводилось. Большие темные глаза словно горели на изящно округленном лице. От каждого взмаха длинных ресниц замирало сердце. Темные волнистые волосы, струясь по плечам, стекали до пояса. Жемчужная кожа светилась в глубоком вырезе платья.

Принцесса из сказки. Восхитительная фарфоровая статуэтка. Во взгляде такая же неприкрытая фарфоровая скука.

– Неправда это все, – раскрыв розовые, мягко очерченные губы, обронила устало она.

– Что именно? – с усилием уточнил я.

– Нет в этом пруду никакого волшебства. А самоубийцы не возвращаются. А если бы и возвращались, то подобные уроды мне все равно неинтересны.

Да, очарование сохраняется, пока девушка молчит.

– Не помню, как тебя зовут, хотя лицо мне знакомо, – с проблеском некоторого любопытства добавила принцесса. – Кажется, ты приехал с Максом? Жаль, что ты не придумал ничего поумнее, у тебя был бы шанс. Ты, в общем, ничего.

– У вас есть аптечка? – хмуро осведомился я, поднимаясь на ноги. Вода ручьями побежала в траву. И сразу стало зябко.

– Вам нужен врач, чтобы наложить швы. Повязки будет недостаточно, – посоветовала вторая девушка, стоявшая возле принцессы и до этого терявшаяся в блеске своей спутницы.

Как ни странно, но теперь уже мне померещилось нечто смутно знакомое в этой девушке. Привлекательная: светло-русые волосы до плеч, синие глаза, разве что рот слегка великоват, зато улыбка, наверное, приятная... Ничего особенного. При этом стоило лишь отвести взгляд, как хотелось посмотреть снова.

– Если желаете, я могу проводить вас до лечебницы. Это быстрее, чем ждать «скорую», – предложила девушка серьезно.

– Берешь его под свою опеку? – усмехнулась принцесса несколько уязвленно.

– Человеку надо помочь, – чуть укоризненно пояснила ее подруга.

– Спасибо, девушки, вы очень любезны, – стуча зубами от холода, проговорил я, – но лечебница – это излишне. А вот если у вас найдется перевязочный пакет, то я буду вам очень признателен...

Как мог сосредоточился, пытаясь не обращать внимания на пронизывающую до костей стынь, и согнал крохи внутреннего тепла в поврежденную кисть. Самоисцеляющаяся магия не требует больших усилий, если речь не идет о чем-то серьезном. Даже совсем не обладающий даром человек способен при известной степени концентрации заживить небольшой порез в считанные минуты. Но очень сложно сосредоточиться, когда от озноба лязгаешь зубами.

Однако сработало. Кровь, бежавшая струйкой, стала вяз-

кой и медленно сворачивалась в черные сгустки. Порез по-светлел, слегка сошелся, и ладонь перестало дергать. Правда, на это ушел почти весь мой уже накопленный магический резерв. Рана-то оказалась непустячной.

– О! – наконец-то заинтересовалась принцесса. И даже приблизилась. – Так ты – маг? Кто бы мог подумать!

Ну что ни реплика – то оскорбление...

– перевязочный пакет есть в аптечке в моей машине, и, наверное, в доме что-нибудь найдется, – добавила вторая девушка совершенно нейтральным тоном. Ее лечебные фокусы не впечатлили.

– Если вы сочтете возможным со мной поделиться... – отозвался я.

Принцесса фыркнула, запахиваясь в плащ.

– Простите, как вас зовут? – спросил я, когда перевязочный пакет был извлечен из серебристо-белого «единорога» и использован в соответствии с инструкцией к применению.

– Ксения Торжич. – Девушка забросила аптечку обратно в салон автомобиля.

– Мы не могли раньше где-нибудь встречаться? – стараясь не морщиться от набившей оскомину банальности, спросил я.

– Практически наверняка, если вы регулярно посещаете здешние празднества. Аврора моя близкая подруга, – сухо-вато ответила Ксения, помогая закрепить повязку.

Авророй, надо полагать, звали принцессу, которая с недовольным видом поджидала на ступенях дома. Подразумевалось, что мы с ней знакомы. А мое имя Ксению не заинтересовало. Увы.

– Все, – сказала она, как мне показалось, нетерпеливо, – теперь смерть от кровопотери вам не грозит.

– Да, благодарю за своевременную помощь. Я ваш должник.

– Бинт и чудо-пластырь стоят пару монет в любой аптеке. Купите мне новый комплект, и разочтемся, – произнесла она рассеянно. – И сделайте одолжение, не ныряйте в неположенных местах...

Она легким движением пальцев заложила прядь волос за ухо. Жест вроде случайный и одновременно знакомый. Где-то мы уже виделись, но определенно не в доме ее подруги. От Ксении исходил едва ощутимый аромат, который я поначалу принял за духи. Но на самом деле это был просто привкус магии.

Вот отчего мой исцеляющий трюк не удивил ее. Она сама умела такое. Наверное. Судя по оттенку магии, девушка еще латентна. Ну или дар ее был невелик.

– ...Тем более что здешний родник мертв уже пару лет, – договорила она.

– Мертв? – озадаченно переспросил я. Могла она знать о Вратах или имела в виду нечто другое?

– Его заговорили от тех безумцев, что сигали в воду каж-

дые месяц-два ради Авроры.

– Зачем?

– Зачем заговорили? Утомительно, знаете ли, извлекать утопленников.

– Зачем сигали?

– По той же причине, что и вы.

– Честно говоря, я там оказался случайно. Оступился, порезался... То есть наоборот.

Ксения наконец-то посмотрела прямо на меня. Во взгляде ее читалось отчетливое недоверие вперемешку со снисхождением. А глаза у нее оказались поразительно синего цвета. У зрачков с насыщенным оттенком, как в глубине морской впадины.

– Ну в таком случае вам, конечно, неизвестно, что у Воды-в-камнях сложилась репутация волшебного источника, – с легкой насмешкой сообщила Ксения. – Окунувшись в него, можно обрести неотразимое обаяние, перед которым не устоит любая девушка. Даже такая неприступная, как Аврора... Подозреваю, что всю эту небылицу выдумала сама Аврора, чтобы посмеяться. Ну а потом история прижилась. Тем более что источник и впрямь со странностями... – Она не договорила, неопределенно взмахнув рукой.

Из дома донесся взрыв смеха и всплеск незнакомой рваной музыки.

– Эй, вы там скоро? – нетерпеливо осведомилась только что упомянутая любительница странных розыгрышей, ку-

тавшаяся в плащ на ступенях. – Идемте, здесь холодно!

– Нет, прости, Рора, мне действительно уже пора, – сожалеюще отозвалась Ксения. – Я только заехала поздравить и передать подарок. Поговорим позже...

– Вечно ты куда-то несешься, – с неудовольствием заметила Аврора. – Всегда бросаешь меня в компании всяких нудных... или мокрых, – закончила она, смерив меня сумрачным взглядом.

Девушка явно намеревалась добавить еще что-нибудь столь же приятное, но тут по подъездной дорожке прошуршала шинами дорогущая бежевая «сколопендра» и остановилась перпендикулярно острому носу «единорога», самоуверенно загородив выезд. Из машины суетливо выскочил водитель и, обежав вокруг, распахнул дверцу. Из салона после значительной паузы появилась высокая светловолосая женщина неопределенного возраста. Из тех, кто до самой смерти собирается выглядеть молодо любой ценой. И умереть, сохраняя на лице все то же презрительное выражение.

– Доброе утро, Ксения, рада тебя видеть, – с несколько лицемерной приветливостью проговорила женщина, после того как все окружающее было удостоено ее надменного взгляда.

Меня она не то чтобы сознательно игнорировала. Скорее просто не заметила. Такое умение присуще определенному кругу людей и отрабатывается за век-другой особого воспитания. Никакой магии, но значительно эффективнее иных заклинаний невидимости.

– Дорогая, я сегодня встретила твоего отца, – с холодно-ватой любезностью говорила между тем дама, обращаясь к Ксении, – на нем просто лица нет... Что-нибудь случилось? – с некоторой надеждой осведомилась она.

– Все хорошо, спасибо, – с той же ледяной вежливостью отозвалась Ксения.

– Ну в таком случае мы будем рады видеть вас на приеме по случаю именин Авроры. – И, не дожидаясь ответа, дама направилась к стоящей на ступенях Авроре.

– Мама, – с неудовольствием произнесла Аврора, – мы же договорились...

– С днем рождения, дорогая, – пренебрегая недовольством дочери, сказала женщина. – Я ненадолго. Хотела сообщить, что все готово и мы ждем тебя к двум часам. В конце концов, этот прием был затеян в твою честь и... – Голос ее стал тише.

Я вдруг заметил, что Ксения смотрит на мать своей подруги с острой неприязнью. Слишком внимательно и слишком изучающе. Если бы взгляды и впрямь могли материализовываться в стальные иглы, то надменная дама оказалась бы пришпиленной к дверям особняка намертво.

– ...Ты не можешь проигнорировать, это дурной тон... благотворительность... репутация твоего отца и нашего дома... – Тон доносящихся реплик постепенно повышался.

Ксения перехватила мой взгляд и состроила ироничную гримаску:

– Жизнь принцессы полна тягот и невзгод, вы не находите?

Я нейтрально отмолчался.

– Ну а мне пора. – Ксения оценивающе посмотрела на стоявший поперек выезда автомобиль, словно прикидывая, сможет ли «единорог» протаранить его. – Приятно было познакомиться.

– Взаимно.

– ...Сборище надутых индюков! – звонко неслось со ступеней.

– ...Обычная твоя компания разгильдяев и шалопаев, – только что не металлом бряцало в ответ. – Вроде того вымокшего, что торчит сейчас прямо здесь...

Ну вот, подумал я несколько уязвленно. И мамаша туда же. Что за семья?

Ксения едва заметно улыбнулась, открывая дверцу своей машины. У нее действительно оказалась очень приятная улыбка.

А дальше произошло нечто неожиданное.

– ...Между прочим, маг! – Произнесенное Авророй слово будто зацепилось и повисло в воздухе.

– В самом деле? – отчетливо переспросила женщина и впервые с момента своего появления обернулась, чтобы оделить своим холодным вниманием мою скромную персону. Даже зябко стало, даром что одежда не просохла. – О! В таком случае это меняет дело, дорогая. Ты должна нас познако-

мить. – Последняя реплика произносилась настолько иным тоном, что, вне всякого сомнения, дама знала, что я ее услышу.

Слово «маг» обладает прямо-таки волшебным воздействием на членов этой семьи. Впрочем, такое случается чаще, чем хотелось бы, и в иных компаниях.

Ксения, которая плюхнулась было на сиденье своей машины и намеревалась прикрыть дверцу, вдруг предупредила мрачно:

– Сейчас она возьмет вас в оборот. Не поддавайтесь...

Что она имеет в виду, я не успел уточнить, потому что уверенно спускающаяся со ступеней вице-губернаторша внезапно судорожно вздохнула, уставясь на нас, заметно побледнела, оступилась, но немедленно выпрямилась, отстраняя жестом бросившихся на помощь.

– Нет-нет, все хорошо... Я просто... споткнулась... – невнятно проговорила она прыгающими губами. – Как... как это... Как я могла не узнать вас, господин Стокол? – наконец-то совладала она с голосом, делая еще один шаг ко мне и протягивая унизанную перстнями руку.

Я невольно шагнул навстречу, опасаясь, что она снова пошатнется.

– Мы встречались?

– В ратуше. На приеме по случаю вашего приезда в наш город. Я супруга Дашела Глова, Ризальда Глов. – Худощавое лицо вице-губернаторши постепенно обретало краски, хотя

в расширенных глазах все еще плескался ничем вроде не мотивированный ужас. – Вы ведь помните?

– Да, конечно, – солгал я, не зная, как реагировать на эту сцену.

Мне все-таки следовало быть внимательнее на том приеме и лучше запоминать лица. Бес его знает, что им там про меня наговорили. И это при том еще, что бедной женщине наверняка пока неизвестно, что я превратился в объект охоты, приравненный по опасности к бешеному зверю.

– Я так сожалею, мне следовало сразу узнать вас...

– Ну что вы, – пробормотал я, стараясь высвободить свою кисть из ее мертвой хватки. Проклятые перстни жестко впились в пальцы.

– Ты что-то путаешь, мама! – вмешалась Аврора, нахмурившись. – Это просто один из друзей Макса. Только вот имя его я снова забыла... Как же там... – Она пощелкала пальцами, возведя очи горе.

– Откуда тебе знать, дорогая, – произнесла вице-губернаторша нервно. – Ты же не встречалась ранее с господином Стоколом.

Это уж точно. Аврору я бы запомнил. Такие, как она, неспособны померкнуть в толпе.

– Что значит... – начала было возмущенно принцесса.

– Помолчи, дорогая, – с нажимом велела ей мать. Черты заостренного к подбородку лица снова затвердели в привычной надменной маске. Губы изогнулись в несколько натяну-

той улыбке, пытающейся походить на приветливую: – Отчего же ты не пригласила в дом гостя?

– Оттого, что с него течет, – раздраженно огрызнулась Аврора.

– Да, кстати, – наконец-то выпуская мои пальцы, всполошилась Ризальда Глов, – что с вами случилось, господин Стокол? Вы промокли...

– Он пытался утопиться в нашем омуте, – все еще сердито пояснила Аврора. Выглядела она заметно сбитой с толку.

– Ах какая неприятность, – как-то преувеличенно театрально всплеснула вице-губернаторша руками, – вам необходимо обсушиться!

– Не беспокойтесь... – И мне удалось втиснуть короткую реплику.

– Нет-нет, я не могу вас отпустить в таком виде. В нашей семье испокон веков чтят законы гостеприимства. Пойдемте... ах нет, не сюда, там сейчас слишком суетно от гостей Авроры. Думаю, дом для гостей подойдет больше. Там очень уютно. Я сразу же велю развести огонь и принести чашку горячего глинтвейна... Мой супруг никогда не простит мне, если я позволю вам уйти!

А почему, собственно, и нет? Тем более что меня порядком знобило и чашка горячего вина пришлась бы весьма кстати. Всего лишь полчаса...

И я позволил вице-губернаторше увлечь меня в сторону треугольной деревянной крыши с декоративным узорчатым

коньком, маячившей среди деревьев справа от большого дома. Надо полагать, это и был дом для гостей. Недоумевающая Аврора последовала за нами – губы поджаты, в глазах растерянность, закована в лед. Перехватив ее взгляд, я невольно задумался. Было в нем что-то неправильное. Вроде бы и удивлена, и раздосадована, но при этом словно знает, что будет дальше, заранее.

– Конечно же вы примете приглашение на прием в честь дня рождения моей дочери, – между тем говорила госпожа Глов несколько звенящим от напряжения голосом. – Ей исполнилось девятнадцать, это столь восхитительный возраст для девушки, но и столь же ответственный для ее родителей. Вы понимаете, друзья, свобода...

Что она несет, подумал я оторопело.

Аврора сощурила глаза, но смотрела прямо перед собой, хотя уголки ее рта нехорошо дрогнули. Кажется, даже сама вице-губернаторша уловила странность в происходящем.

– Простите, – сказала она тише. – Я слегка взволнована. Это такая неожиданность увидеть вас среди друзей моей дочери. Видите ли, маги для нашей семьи играют роль особую. Вы позволите, я расскажу?.. – Я только успел моргнуть. – Прапрапрадед моего мужа был известным алхимиком. Звали его Гасан Глов. Именно он заложил основу благосостояния нашей семьи и положения в обществе. И он столько сделал для города, что сам король Лювах Третий вручил ему орден Золотой Химеры... Такая честь иметь в роду волшеб-

ника! – заметила вице-губернаторша с придыханием.

Ну не знаю. Большинство тех, кто имеет в роду магов, относится к этому гораздо спокойнее. Это все равно что иметь предка-космонавта или талантливого художника. С одной стороны, почетно, но, с другой стороны, лично тебе от этого никакой практической пользы. Ты ведь можешь не переносить высоту или вообще не уметь рисовать.

– Вот здесь вам будет удобно, – меняя тему, пообещала Ризальда Глов, указывая на вполне привлекательный с виду бревенчатый домик, притаившийся в тени полуоблетевших ясеней. – Ах, я не спросила, один ли вы? Аврора что-то говорила про Макса...

– Я ошиблась, – неожиданно резко вмешалась Аврора. – Я определенно перепутала.

Мать рассеянно взглянула на нее, выгнув тонкие губы в холодной улыбке.

– Я говорила это тебе с самого начала, дорогая.

Выложенная разноцветными плитками дорожка, схожая с пестрым вышитым ковриком, нырнула под начищенные добела деревянные ступени крыльца. Поперек дорожки лежал жгут охранного заклятия – мощного, плетеного, окольцовывающего дом по периметру. Не то что вор, не всякий маг пройдет.

– Надеюсь, вам понравится здесь... – сказала вице-губернаторша, пересекая защитную линию.

– Не сомневаюсь, – отозвался я вежливо. Нельзя не заме-

тить и не ответить на старания женщины произвести приятное впечатление. Хотя о причинах подобной целеустремленности остается только догадываться. Вряд ли тут дело только в дедушке-алхимике и семейных традициях.

Внезапно лица госпожи Глов и Авроры напряглись, а легкий звук за моей спиной распался на быстрые шаги и сбившееся дыхание.

– ...Я передумала, – проговорила запыхавшаяся Ксения, подбегая. – Я согласна подвезти тебя.

– Куда? – с недоумением спросил я.

– Туда, куда ты просил тебя отвезти, – встретив мой взгляд, настойчиво сказала она. – Ты же спешил.

– Да, – медленно согласился я, глядя, как тревожно дышат зрачки в ее глазах. На скулах девушки таяли алые пятна – то ли от спешки, то ли от волнения.

– Что ты такое говоришь, Ксения? – скрипуче осведомилась вице-губернаторша.

Все посмотрели на нее.

– Я очень сожалею, – как можно искреннее сказал я, обращаясь к вице-губернаторше, – но, боюсь, не смогу воспользоваться вашим гостеприимством. Может быть, в следующий раз...

– Что вы такое говорите? – Лицо женщины странно исказилось, словно она пыталась удержать рвущееся наружу бешенство. – Вы же только что...

– Я попросил Ксению подбросить меня до города, но по-

началу она отказалась...

– А теперь согласна! – звонко добавила Ксения, демонстративно взяв меня за локоть.

– Ксения, тебе вовсе незачем задерживаться, – стеклянным голосом сообщила Ризальда Глов. – Я предоставлю в распоряжение господина Стокола своего водителя...

Теперь уже на сухих скулах вице-губернаторши проступали багровые неровные пятна. И страх вперемешку со злостью затопил расширенные глаза. Сразу стало отчетливо видно, что женщина совсем не молода.

Аврора, стоявшая на крыльце, болезненно морщилась, но не вмешивалась.

– Благодарю вас, – твердо сказал я, отступая на шаг, – это крайне любезно с вашей стороны, но не хотелось бы вас затруднять. Ксения довезет меня... Было очень приятно с вами познакомиться.

Напряжение, источника которого я лично пока не понимал, наэлектризовало воздух, и только что молнии не проскакивали. Краем глаза я заметил, что среди деревьев замаячила одна или две темные фигуры обслуги, внимательно наблюдавшие за происходящим. А вышеупомянутый водитель госпожи Ризальды заступил дорожку позади нас.

– Идем же, – почти беззвучно, но агрессивно прошипела Ксения.

– Что ж, – одновременно с ней заговорила вице-губернаторша, – тогда не смею вас задерживать. Надеюсь увидеть вас

на приеме... – Она вновь протянула руку.

– Непременно, – чистосердечно соврал я, чувствуя, как ледяные камни и металл перстней буквально впиваются в мои пальцы. Один из них углом или выступом рассек кожу, когда я высвободил ладонь.

Госпожа Ризальда Глов откровенно улыбнулась, удовлетворенная мелкой мстостью. В ее глазах все еще отчетливо читалось бешенство и разочарование, но на лице уже не осталось и следа бушевавших пару минут назад эмоций. Под вновь поднятой непроницаемой маской надменной вежливости уже не различить было истинных чувств.

Водитель молча уступил нам путь.

Не знаю, чего я ждал, но никто не помешал выехать «единорогу» Ксении. Никто даже не запротестовал, когда его украшенный стилизованным рогом капот смял декоративные заросли сиреневых роз при попытке объехать «сколопендру» вице-губернаторши. Брать препятствие на таран Ксения не рискнула, хотя, судя по выражению лица, именно это ей хотелось сделать больше всего.

Выруливая на шоссе, «единорог» брызнул гравием из-под колес, разве что огонь не высек, словно норовистый скакун – подковами, и беззвучно понесся по плотному дорожному покрытию – ровно, легко, стремительно. Как и положено породистой зверюге.

Никто за нами не гнался.

Она бы отлично смотрелась верхом на настоящем единороге, подумал я, искоса поглядывая на тонкий абрис профиля Ксении, на закушенные сердито губы, на встрепанные ветром шелковистые волосы.

Обе ее руки на руле, но кажется, что машина, как умный конь, не требует поводьев.

– Ну и что это было? – осведомился я, нарушая воцарившуюся тишину и неловко ерзая. Мокро.

– Что? – неохотно отозвалась Ксения, продолжая смотреть прямо перед собой. Если ее и заботила чистота салона, то внешне это никак не проявлялось.

– Я бы сказал, что это смахивает на похищение.

– Ты добровольно сел в мою машину.

– Куда мы, собственно, едем?

– В город. Ты же хотел в город.

– Не помню, чтобы мы говорили на эту тему.

– Значит, я прочитала это в твоих выразительных глазах.

– Потрясен твоей проницательностью... – хмыкнул я. – А что еще ты прочитала?

– То, что ты простодушен, как теленок. И не замечаешь очевидного.

– Гм, не стану спорить. Очень может быть, что ты и права, – вынужден был признать я. – Что там было, в этом доме? Дракон, которого Ризальда Глов кормит незваными гостями?

Ксения недовольно покосилась. Синева глаз отливала фи-

алкой.

– Как ты догадался? – холодно спросила она.

Я вздохнул.

– Поехали обратно. Там мне обещали чашку глинтвейна, пусть даже в компании огнедышащего дракона. А в твоей компании я получаю одни колкости.

Она неопределенно повела бровью и внезапно сообщила:

– Если у тебя там осталась машина, то не советую за ней возвращаться.

– Ничего у меня там не осталось, кроме душевного равновесия, – мрачно отозвался я, изучая кровоточащую ссадину на пальце, причиненную перстнем Ризальды Глов. Ранка незойливо ныла.

– Если ты не из друзей или поклонников Авроры, что же понесло тебя в источник в такое время? – полюбопытствовала Ксения.

– Шел мимо, решил искупаться по случаю, – хмуро буркнул я, выуживая из знакомой аптечки остатки чудо-пластыря и прикидывая, как бы половчее его приспособить на царапину. Если она не желает объясняться, отчего я должен отвечать на ее вопросы?

Снова воцарилось хрупкое молчание. «Единорог» шуршал шинами, самодовольно пожирая расстояние. Подобный классический автомобиль стоит бешеных денег. Штучная работа. И собран без применения волшебства. А значит, абсолютно незаметен для маг-радаров на дорогах. Попросить

владелицу одолжить его на время, что ли?..

– Ладно, – неожиданно сказала Ксения, вновь задумчиво покусывая губы. – Может, и впрямь стоит рассказать. Вернешься назад, если решишь, что я сумасшедшая...

– Ты полагаешь, что у меня есть еще какие-то сомнения на этот счет?

Она лишь дернула плечом:

– Тебе имя Гасан Глов о чем-нибудь говорит?

Я напрягся, припоминая:

– Только то, что рассказала эта странная женщина. А что?

– Значит, история не твой любимый предмет...

– Погоди-ка... – Что-то забрезжило в памяти. Совсем недавнее. – Кажется, я навестил его могилу ненароком буквально вчера.

– Общался с призраком?

– Н-нет.

– Жаль. Он поведал бы о своей многотрудной жизни. Говорят, Гасан Глов был единственным, кому удалось изъять магическую сущность из одного человека и передать другому. Он сам стал из алхимиков магом именно таким образом.

– Это невозможно!

Ксения не стала спорить.

– По другой версии, он с самого начала был магом, просто не осознавал этого, а потом ловко пользовался сложившейся ситуацией. Так или иначе, обретение силы стало для семьи Глов навязчивой идеей.

– Угу. То-то мне показалось, что у них к магам трепетное отношение. Но как это связано с...

– Полтора десятка лет назад в домике для гостей повесился заночевавший там человек. Шесть лет назад там нашли еще одного гостя, совершенно обезумевшего. Он вилкой пытался вытянуть свои мозги через ухо.

– Ну... – несколько ошалело пробормотал я. – Это печально. Наверное, им не пришлось по вкусу внутренняя отделка дома. Надеюсь, хозяева с тех пор позаботились о косметическом ремонте.

– Оба эти человека были магами.

– Многие из магов нестабильны психически.

– Два года назад в этом проклятом домике заночевали трое студентов, наших с Авророй однокурсников. Тогда тоже праздновали Аврорин день рождения. Наутро выяснилось, что один из ребят пропал бесследно.

– А остальные?

– Двое других были настолько пьяны, что ничего не помнили. И они не были магами. Магом был только исчезнувший.

– А полиция?

– Что – полиция? Тело ведь не нашли? Полиция каждый раз проводила расследование и ничего, достойного внимания, не находила. В конце концов, это же дом вице-губернатора!

– Мало ли что могло прийти в голову загулявшему сту-

денту.

– Яргрин был спокойным и рассудительным человеком. Он и ночевать-то туда отправился, чтобы присмотреть за теми двоими, что напились... И еще он был моим другом, – с горечью закончила Ксения, глядя прямо перед собой.

– Если речь шла о магах, то отчего Белые не заинтересовались происходящим?

– А чем интересоваться? Кто-то обезумел, кто-то исчез... Ты сам сказал, психика магов нестабильна и поведение их не всегда предсказуемо. Да и затевать собственное расследование в доме вице-губернатора – это усложнять отношения со светской властью. Те и так считают, что маги во все вмешиваются.

– Ладно. А при чем тут я? Ночевать я там не собирался.

Она неопределенно пожалала плечами, ничего не ответив. Глаза спрятались в тени густых ресниц, и выражение их угадать было трудно. Но напряжение читалось в линии заострившихся скул и жестко сомкнутых губах. Костяшки пальцев, лежащих на руле, побелели.

– Ты знаешь что-то еще... – медленно проговорил я, поглаживая болезненно дергающую под пластырем ссадину на пальце. Она досадила мне даже больше, чем рана на ладони.

Боль вызвала из памяти картинку-вспышку:...худощавая кисть, унизанная массивными и дорогостоящими перстнями. Камень одного из них на среднем пальце блеснул тускло

и зло, как змеиный глаз...

Я ведь уже видел его раньше, только тогда плохо воспринимал окружающее. Да и сверкнул он там значительно ярче, отразив жадные огоньки черных свечей. То-то его владелица впала в такое изумление и ужас, встретив меня снова уже во дворе собственного дома. Проклятие!

– Я знаю только, что в Аврориной семье к магам какое-то болезненное отношение. Кроме алхимика Глова, в их роду не появилось ни одного волшебника, и это задевает их больше чем что бы то ни было.

– Дело ведь не только в болезненном отношении. Есть что-то еще, о чем ты не хочешь говорить или думать. Потому что Аврора твоя подруга? – с нарастающим раздражением проговорил я.

– Аврора, несмотря на все свои выходки, замечательный человек, – бросила Ксения сердито.

– Который топит своих поклонников в омуте?

– Никто их не заставляет. Нужно иметь голову на плечах.

– Это ты о себе?

Она повернула ко мне изменившееся лицо. Глаза потемнели от гнева.

– Ты ведь ничего не знаешь, как ты можешь делать выводы? – В ее голосе зазвенел металл.

– Ты-то знаешь. И молчишь, – угрюмо парировал я.

– Ничего я не знаю, – огрызнулась Ксения.

– В таком случае зачем вытащила меня оттуда? И дальше

ты до конца жизни собираешься дежурить возле их ворот, отлавливая магов? А если твоя подруга наконец заметит, что ты сама волшебница?

– Я... – Она прищурилась, негодуя глядя на меня. «Единорог» словно и не заметил, что поводья ослабли и рассерженная всадница не обращает никакого внимания на дорожку.

– Это вообще не твое дело, ясно?

– Еще как мое! – воскликнул я в сердцах. – Да они упыри, эти твои знакомые. Вот пойду и прямо сейчас заявлю на твою подружку и ее чинное семейство! Где тут у вас... – Я осекся.

Ксения покосилась с брезгливой ухмылкой. Как недавно Аврора.

– Вот прямо так и заявишь?

– Сама пойдешь и все расскажешь.

– Непременно, – ледяным тоном согласилась Ксения. – Тебя сейчас высажу и сразу же побегу.

«Единорог» мгновенно затормозил, встав как вкопанный, и тут же легко сорвался с места, рассерженно мигнув задними огнями, как только я покинул его салон.

Молодец, сумрачно подумал я, наблюдая, как серебристо-белый зверь бесшумно уносится прочь, словно призрак. Мало того что нахамил ей, испачкал машину и извел весь запас пластыря, так еще и поблагодарить не удосужился за то, что она, похоже, спасла твою шкуру...

Пронизывающий до костей ветер уносил остатки злости,

оставляя только остывающий пепел сожаления. Какое у меня было право упрекать ее? Это мне точно известно, что мать ее подруги присутствовала на пиршестве Пожирателя, а что Ксения могла знать? Быть уверенной настолько, чтобы пойти и сдать семью своей подруги властям... А насколько вообще велика должна быть уверенность в собственной правоте, чтобы пойти на такое?

Лязгая зубами от озноба, я осмотрелся. Машины по шоссе сновали весьма активно в обе стороны. Вдоль дороги между деревьями маячили постройки. Пригородная зона, надо полагать. Какой-нибудь поселок или городок, примыкающий к Звеннице. Мы вроде бы выезжали в этом направлении на зачистку дряхлой фермы...

Ну и каков ваш план на сегодня, милорд? Кого еще хотите осчастливить своим визитом? Запасного варианта действий я как-то не позаботился предусмотреть. Но и стоять на одном месте слишком холодно.

Прикинув расстояние, я сошел с дороги, решив сократить путь и пройти через лесок. В Звенницу возвращаться мне определенно было незачем, а отсюда, куда ни поверни, наткнешься на какое-нибудь селение.

Идти пришлось дальше, чем я рассчитывал. Движение помогало согреться, но минут через десять я уже не слышал ничего, кроме костяного стука собственных зубов. Да вдобавок поцарапанный палец ныл капризно и зло. Поэтому за-

держался ненадолго, чтобы высушить одежду. На это ушли остатки внутреннего резерва, а в ботинках все равно хлюпало. Раздраженный и исходящий паром, словно чайник на огне, я двинулся дальше в выбранном направлении.

Простейшие действия сжирали запас магических сил до отказа, и восстанавливаться я просто не успевал. Словно каждый раз заново расковыривал едва поджившую рану. Магическая сила как деньги – чем ее больше, тем быстрее нарастают проценты. А если вычерпать до дна, то и прибыль невелика.

Шагая через кочки и корни, я пытался прикинуть свое будущее, стараясь не слишком увлекаться темными красками. Все равно выходило безрадостно...

Зависит ли оптимизм от характеристик магического резерва? Я чихнул, споткнулся и решил не отвлекаться на умозрительные размышления. Лучше вернуться к насущному.

Врата в доме вице-губернатора запечатаны намертво, вне всякого сомнения. Оттого и каменные стражи безразличны к гостям. Мне еще повезло, что привязаны они к водной стихии. Из огня выбираться было бы сложнее. Судя по словам Ксении, замкнули Врата уже давно. Вскрыть их я в нынешнем состоянии все равно не смогу, так что этот вариант даже не будем рассматривать. А где еще есть Врата в пределах Белых, мне неизвестно. Да и пока я доберусь до них, Белые наверняка поставят стражу...

Идти к Черным? Или попробовать вернуться домой? И то

и другое не просто. Необходимо пересечь шахматное поле, чтобы пешка превратилась в ферзя...

8

Селение самоуверенно мнило себя городом, о чем возвещалось практически на каждом углу: «Главпочтамт города Желтова», «Ратуша города Желтова», улица «Главная городская»... Дома, правда, здесь преобладали хоть и каменные, но одноэтажные, с обязательным палисадником, а по главной городской улице лениво прогуливались куры, однако это, похоже, горожан не смущало.

Впрочем, краски здесь и впрямь довели желтые. Начиная с древесной листвы, усыпавшей землю шелестящим, слоистым ковром всех оттенков янтаря, крыш, крытых черепицей цвета старой слоновой кости, и заканчивая желтова-то-палевыми курами и рыжими кошками.

Людей по случаю разгара рабочего дня встречалось немного. Зато каждый встречный дружелюбно улыбнулся. Это даже как-то обеспокоило.

Первым делом я посетил подвернувшееся по пути заведение под названием «Логово». Спустился в полуподвал старинного каменного особняка, попав в затемненный, но вполне уютный зальчик. Пространство освещали светильники в железных кольцах, стилизованные под факелы. Присутствовал и камин с настоящим огнем за узорчатой чугунной решеткой. Декоративные резные панели не столько прятали, сколько подчеркивали суровую каменную кладку стен.

Мирно и ненавязчиво журчала музыка. Если не ошибаюсь, аранжированная версия классической «Баллады лесных дорог». Редкая вещь, между прочим. Даже современная обработка не отбила привкус волшбы в этой мелодии.

В общем, явно нанимали дизайнера. Надо полагать, местечко пользуется популярностью, если владелец пошел на такие траты. Только на данный момент за дальним столом уныло мочил усы в кружке пива одинокий посетитель, да возле камина девчонка лет четырнадцати ворошила угли.

Я устроился за столом, поближе к огню. Усач покосился на меня без интереса, тут же сунув нос обратно в кружку. Девочка мимолетно и вполне приветливо улыбнулась. Взъерошенные и помятые посетители ее совершенно не удивляли.

Меню обнаружилось вырезанным прямо на столешнице, залитое слоем золотистого лака. На черной древесине проступали витиеватые буквы, складывающиеся в заманчивые названия: «рагу по-деревенски», «рыба, запеченная с помидорами», «огненные цыплята», «похлебка пастушья»... Список был не слишком длинный, но в целом вполне достойный. И вариации на тему меню, похоже, не приветствовались.

Девочка приняла заказ и, снова мило улыбнувшись, скрылась на кухне. Есть ли у меня деньги для оплаты (а по моему нынешнему виду это трудно определить), ее абсолютно не беспокоило. И, кстати, никто похожий на вышибалу в данном заведении не маячил.

Нравы у них такие пасторальные, что ли... Да вроде от Звенницы недалеко.

Мелодия «Баллады» ткала в воздухе тончайшее, звонкое кружево. Огоньки искусственных факелов мерцали ровно, а вот пламя в камине словно бы пританцовывало в такт музыке. Трепетало, опадало, снова разворачивалось жарким соцветием... Как тысячи и тысячи лесных костров, слышавших «Балладу» со времен сотворения мира. Когда вокруг только ночь и миллионы шагов тьмы.

Ощущение, что со всех сторон наваливается темнота, полная жадных и злобных взглядов, оказалось настолько сильным, что я почти обрадовался хриповатому возгласу усача, выдравшему меня из практически осязаемой иллюзии:

– Э-э... девочка, ты подскажи, где тут у вас в городе мотель или гостиница какая?

– У нас нет мотеля, – откликнулась девочка, расставляя тарелки на моем столе. – А в гостинице все места заняты. Там всегда так, она маленькая.

– О как! – огорчился усач. – Ну а местные-то сдают комнаты на ночь?

– Не-а, вы бы лучше дальше поехали. До Звенницы рукой подать.

– Да куда ж мне ехать, – пробормотал расстроенный усач. – У меня вон полный фургон товару. В большом городе на него спросу нет.

Мне вспомнилось, что перед заведением и впрямь маячил

какой-то фургончике надписями вроде: «лучшая мануфактура», или «товары для вашей кухни», или нечто в этом духе.

Девочка, слегка прищурившись, покосилась на коммивояжера. Даже лоб наморщила, что-то прикидывая про себя. Но сказать ничего не успела, потому что вмешался толстяк в поварском колпаке, появившийся из кухни.

– Вы езжайте себе, – произнес он, суетливо вытирая руки белоснежным полотенцем. – У нас разъездных торговцев не слишком жалуют...

Девчонка немедленно насупилась и поджала недовольно губы.

– Вообще-то... – с непонятной интонацией произнесла она, обернувшись и дерзко посмотрев на толстяка. – Вообще-то моя мама взглянула бы на ваш товар. Она любит все новенькое. Только она поздно с работы приходит... – Девчонка обращалась к торговцу, но не сводила взгляда с заметно побагровевшего толстяка и явно ждала возражений.

– Так я ничего, не спешу, – повеселел коммивояжер. – Да и у мамы-то наверняка подруги имеются?

– Конечно! – Уголки губ девчонки торжествующе поползли вверх.

Толстяк выдохнул глубоко и шумно, скользнул отсутствующим взглядом по зальчику и, махнув рукой, скрылся в кухне. Девчонка сразу же перестала победно улыбаться, помрачнела и посмотрела на торговца с некоторой неприязнью.

– Я вам адрес напишу, – скучно предложила она.

Ничего я не понял в этой сцене. Да и не хотел понимать. Сам был подростком не так чтобы давно. Может, толстяк – девчонкин папаша, и она готова противоречить ему просто из вредности.

Но отчего-то «Логово» потеряло изрядную часть своего обаяния и по ощущениям стало вполне соответствовать названию. Так и казалось, что некто наблюдает за тобой, затаившись в темном углу, – пристально и алчно, как паук за мухой. И стылый холод затек за шиворот. Все время хотелось оглянуться.

– Так я, если чего, прямо в фургоне-то и заночую, – бормотал между тем довольный торговец, обращаясь скорее к самому себе. – Не привыкать... Как у вас в городе-то, не шалят?

– В губернских соревнованиях на звание самого чистого и безопасного города Желтов седьмой год подряд получает специальный приз! – заявила горделиво девчонка и почему-то вызывающе посмотрела на меня, будто ожидая опровержения.

Мания у бедняжки, не иначе.

Я вежливо ей улыбнулся, оставил на столе деньги и вышел. Пребывание в тесном пространстве начинало тяготить. И даже музыка (уже давно не «Баллада», но нечто в том же стиле) действовала раздражающе. Словно каждая нота иголочкой вонзалась в нерв.

Ну-ну... Кажется, у меня тоже мания.

После мягкого полумрака «Логова» улица ослепила красками. Я зажмурился на несколько секунд, вдыхая пахнущий горьковатым дымом и развороченной землей воздух. Сытый и согретый, я почувствовал себя практически счастливым и не спешил снова возвращаться в реальность.

Но реальность, как водится, всегда напомнит о себе сама.

Механический треск и рокот вперемешку с пьяными возгласами и рваной музыкой вспороли оцепенелую тишину улицы. По дороге, распугивая кур и неосторожных прохожих, пронеслось штуки три мотоцикла с парой всадников на каждом и две машины, набитые пассажирами под завязку.

Вслед за ними шлейфом стелилась пыль, смешанная с листьями, запахом жженой резины, бензина, и, как зеленая светофорная волна перед правительственным кортежем, вереницу чужаков сопровождала волна гневных взглядов местных жителей.

– Во-во. – Вышедший следом за мной из «Логова» усач неодобрительно наблюдал, как моторизованная компания скрывается за поворотом. – Призы призами, а от этих шумных гостей не уберешься...

И не спеша, слегка вперевалку, направился к своему фургону. «Волшебство для Вашей кухни» – вот что было на нем написано. И намалевана странноватого вида хозяйственная утварь в ореоле мерцающих звездочек, долженствующих, видимо, изображать обещанное волшебство.

Я осмотрелся вокруг и двинулся налево вдоль улицы. Воздух все еще был отравлен привкусом выхлопных паров, но дыхание невидимой реки, струящейся где-то за домами, перебивало даже его. Если не ошибаюсь, здесь неподалеку должен пролегать рукав реки Звонкой. Как раз в том направлении и унеслась моторизованная компания – не иначе пикник на берегу устроить.

Идти пришлось порядочно, пересекая улицы и переулки с наименованиями желтых оттенков – Подсолнечная, Пасечная, Листопадная и даже незамысловатая Желтая-4. Надо думать, где-то имелись и остальные, оригинально пронумерованные Желтые улицы. Чем больше я удалялся от Главной улицы, тем чаще встречал брошенные дома, словно гнилые зубы торчащие в строе своих собратьев – дряхлеющие, темнеющие от непогоды, с черными язвами пустых окон. На каждой улице был как минимум один такой.

Странно... Такой милый городок, да еще в непосредственной близости от Звенницы. Здесь дома должны быть нарасхват.

Рукав на поверку оказался мутноватым медлительным протоком, шагов двадцать шириной, зажатым осыпающимися каменистыми обрывами в бахrome камыша. Кое-где вдоль берега росли страшные и корявые, как старые ведьмы, почерневшие от времени ивы. Их длинные безлистые ветви вяло полоскались в воде. Под одним из деревьев затаился в гнезде

приличного размера водяной заглот. Он тарасил бессмысленные злобные глазенки и испускал гроздь темных пузырей, полных придонной гнили.

Вообще, здесь копошилось на редкость большое количество мелкой нечисти. Практически каждое дерево было заражено «паучьим дворцом». Траву и камыши выели «некротоманты плеша». Зато, например, безобидных древесных гномов не было вовсе.

Вот бы куда чистильщиков!

Ладно, это пускай аборигены разбираются, что у них творится на задворках, а мое дело стороннее. Мне, собственно, и такая речка подойдет. Важно, чтобы вода была проточная, а про степень ее загрязнения никто ничего не говорил.

Пришлось побродить по обрывистому берегу, чтобы найти спуск к воде. Встать на шаткие с виду, полусгнившие внизу мостки я не рискнул – в памяти еще было свежо воспоминание об утренней ледяной купели, – а опустился на колени в пожухлую траву и примятые ветром камыши. Колени немедленно промокло.

От реки несло гнилью и рыбой. А еще силой и жизнью.

Воздух быстрее, и он есть везде, но воздух искажает и недолго держит сообщения. К тому же воздушные духи болтливы и легкомысленны. Земля способна хранить слова веками, но она так инертна, что требуется много усилий и времени, чтобы изменить ее структуру. Проще уж самому добраться до собеседника, будь он даже на другом конце мира.

Огонь зол и нетерпим. Заставить его сотрудничать практически невозможно – слишком мало точек соприкосновения. Кроме того, Огонь не вездесущ. Остается Вода... Нестабильна, подвижна, иногда капризна, но менее аморфна, чем Воздух и Огонь. А каждый человек хотя бы раз в день прикасается к водяному источнику, когда, например, умывается или пьет.

Соединяется ли данная речка с водопроводом в моих родных краях, значения совершенно не имеет. Главное, чтобы вода была проточной. Водяные духи, как рои насекомых, способны передавать весть только свободным собратьям. То, что знает один, знают все. И в отличие от телефонов проследить источник сообщения нельзя, а принять его можно в любой точке света.

Да к тому же не нужно тратить собственные силы на послание.

Так, как же это там было... Невостребованные заклинания выветриваются из памяти с не меньшей скоростью, чем ненужные телефоны. Мне и в голову не приходило, что понадобится такой способ общения в век мобильных и компьютеров.

Первое водяное зеркало распалось почти мгновенно. Второе на пару секунд позже. Я плюнул с досады, и это помогло. В воде образовалась неподвижная линза, зыбкая, опалесцирующая, диаметром две ладони. Я облегченно выдохнул и горделиво выпрямился. Линза немедленно рассыпалась во-

дяной пылью.

Короче, удалась мне только шестая. Ожидая, что и эта распадется, я нервно накидал текст, торопясь и путая буквы. Ладно, там разберутся. Теперь следовало закрепить усилия жертвой (ну а как с духами иначе?). Очень подошла бы кровь. Жидкость, родственная водяным элементам. В этом случае доставка послания была бы мгновенной и надежной, как дорогой курьерской почтой.

Но мне, во-первых, было жаль проливать кровь в очередной раз. Во-вторых, я не так сильно торопился. А в-третьих, в человеческом организме полно жидкости попроще.

Хорошо, хоть никто не наблюдает...

Водяные духи приняли жертву безропотно.

Теперь осталось подождать. Время клонится к обеду. Перед обедом приличные люди моют руки, а значит, послание будет получено. В какой форме ждать ответ – неизвестно, поэтому удаляться от реки пока не стоит. А вдруг отклик придет тем же способом?

Но у самой воды изрядно пахнет.

Я взобрался на обрывистый берег и решил прогуляться вдоль речного русла. Шагов через пятьдесят заросли настыр-ного колючего кустарника перегородили путь, словно подступы к государственной границе, и пришлось сделать петлю, огибая их. Проклятый кустарник топорщил наглые ветки во все стороны, цепляясь за одежду крючковатыми шипами. Вынимая очередной крючок из рукава, я вспомнил, что на-

зывается этот кустарник «ведьмиными когтями». И в таком изобилии он растет обычно только на кладбище.

Только я об этом вспомнил, как взгляд выхватил очертания ветхой деревянной ограды, опутанной зарослями «когтей». А за ней короб фамильного склепа. Второй прячется в тени тухлявой вербы. А обеими ногами я ненароком взгромоздился на прямоугольную каменную плиту, почти утопленную в лиственном опале. Буквы, выбитые на поверхности, выщерблены: «Здесь обрел последний приют... верный слуга и... Рудво Калень...» И что-то еще про супругу. То ли она ему камень положила, то ли ее положили с мужем под камень.

Ну прямо магнитом тянет меня на кладбища...

Я обошел плиту и наткнулся на другую, притаившуюся в зарослях остроцвета. Возле покосившегося склепа плиты были расположены веером, как карты. Сам склеп, собранный из темного, глянцевито поблескивающего камня, высился сумрачным утесом в волнах тронутой морозцем, жухлой травы. Готические буквы под крышей возвещали, что это склеп почтеннейшего горожанина Блауза Глага и членов его уважаемой семьи. Дверь склепа, между прочим, запечатывала вполне свежая с виду металлическая решетка, приваренная намертво. То ли у семейства Глагов больше не предвиделось покойников для захоронения, то ли оставшиеся в живых опасались возвращения усопших родственников. А скорее всего, это муниципалитет озаботился, чтобы подростки

не лазали.

Что ж, у каждого населенного пункта свои достопримечательности. В Желтове вот есть кладбище прямо в черте города, да еще практически на берегу реки. Очередной паводок подмоет обрыв – и будут они отлавливать своих покойников до самого океана.

Зрелище вечного пристанища всех тварей земных всегда настраивает на созерцательный лад. Поэтому я задумался и вздрогнул от неожиданности, когда услышал громкое и раздраженное:

– Ну ты, падла, кончай блевать, пошли уже!

И следом за возгласом череда характерных звуков. «Падла» не вняла призыву, продолжая воевать со своим желудком. Некто ругнулся и побрел прочь, хрустя ветками.

Впереди теперь уже отчетливо слышались возгласы, пьяный смех, шумный плеск воды (купаются они там, что ли?), приглушенная музыка и прочий звуковой фон, сопровождающий буйное молодежное веселье.

Кажется, я набрел на стойбище.

– Тимок! Ну ты где, чудила? – воззвали от стойбища.

– Иду... – сдавленно отозвался Тимок откуда-то слева. Оттуда донеслась возня, кряхтение, сопение. Из ложбинки, пошатываясь, выбрался изрядно помятый паренек с белым, перекошенным страданием лицом и мутно оглядел все вокруг. Заметил меня, тупо поморгал, сияясь узнать, затем вяло приглашающе махнул рукой: – Ну че стоишь? Пошли, а

то без нас все выжрут... – и, не дожидаясь ответа, поплелся к остальным, периодически натываясь на древесные стволы.

Я хмыкнул и повернул обратно. Пересекать территорию, помеченную возбужденной стаей, не хотелось. У меня и без них проблем хватает.

Поднялся ветер, взъерошил листву на деревьях, срывая самую нестойкую. Вода в реке покрылась зябкой рябью и стала темно-бурой. Холод забрался за шиворот, пробирая до костей. Нестерпимо захотелось в тепло и свет.

Я поднял воротник и засунул руки в карманы. Ветер назойливо ластился, обжигая льдом щеки. Подвывал, шипел, мычал. Почти членораздельно.

«...Услыш-ш-шь... услыш-ш-шь... я здес-сь... слыш-шиш-шь...»

Остановившись, я хлопнул себя по лбу.

Обрадованный, ветер закружил вокруг моих ног хоровод истерзанной листвы.

«...Слыш-шишь?»

– Да, теперь слышу, – проговорил я вслух, с трудом различая знакомый голос в завывании стихии. – Только плохо.

«...Могут слушать...»

– Да, – согласился я мрачно. – Конечно, могут слушать. Но найти не смогут.

Воздушные стихии не знают секретности. Выбалтывают все и всем встречным. Как часто вам приходилось вслушиваться в неистовствующий за окном ветер, угадывая в его вое

слова? Но зато и определить, куда и кому ветер несет свою весть, невозможно.

«...Охоту по следу».

– Умеешь ты обнадежить. – Я невольно передернул плечами, подумав о Дикой Охоте. Псы наверняка пойдут по следу, если уже не идут.

«...Без посторонней помощи не выберешься... Слушай внимательно... – Звук внезапно стал четким, словно в хорошем телефоне – не иначе духи получили свежую жертву от Корнилы. – В городе Белглав живет мой старый друг Флаин Магриц. Ты должен помнить его. Лет десять назад он приглашал нас на юбилей. Ты был в его доме гостем...»

– Не помню...

«Ты был мал тогда, но мог запомнить что-нибудь. В его доме полно диковин. Интересных даже ребенку».

– А, теперь что-то припоминаю. Это в его доме хранится ковер-самолет?

«Ковер-самолет? Кажется, ковер у него действительно есть... – с неопределенной интонацией отозвался Корнил. – Редчайшая реликвия в наше время. Думаю, он продемонстрирует ее тебе еще раз... – Мне послышался смешок в его тоне, но, возможно, я ошибся, потому что дальше он продолжил совершенно серьезно: Белглав находится под нашим влиянием. Там же есть и Врата. Ты должен встретиться с Магрицем».

– Никаких проблем. Вот сейчас сяду на поезд и...

«Не болтай, времени мало. От Звенницы до Белглава летают самолеты. Ближайшие рейсы сегодня вечером, ночью и наверняка утром. Из Белглава прибудет доверенный человек Магрица...»

– Нет. Никаких доверенных людей. Одного доверенного человека звали Лука. Он пытался убить меня.

«Я верю Магрицу как самому себе. Тебе придется кому-то довериться».

– Пусть Магриц сам и прибудет. Я его помню вроде.

«Он Черный маг. Один из сильнейших своего Круга. Белые не позволяют ему прибыть на свою территорию, пока ты находишься в зоне их досягаемости. И позволь мне все-таки закончить... Итак, одним из рейсов прибудет человек Магрица. Он просто человек, не маг. Его не вычислят, даже если будут следить. Он привезет деньги и документы. Оставит их в камере хранения. Запечатает камеру нашим семейным клеймом. Понятно?»

– Да.

«Дай ему время. Сегодняшний вечер и ночь. Не будем исключать вариант, что он не появится. Тогда дальше действуй сам. Можешь попытаться улететь. Можешь поискать другой способ выбраться из пределов Белых. Твоя задача добраться до Белглава и Магрица, а оттуда попасть на заседание Трибунала...»

Ветер швырнул в меня охапку разноцветной листвы. И стих.

Небольшая разведка и опрос местных жителей вывели к автостанции, где висело здоровенное потрепанное и устаревшее еще в прошлом веке расписание автобусов. У кассира удалось получить уточнения, согласно которым рейс до аэропорта еще не отменили, хотя пассажиров практически не бывает. («Ну куда нашим-то летать? Им если что надо, так они в Звенницу ездят, а летать боязно...») Каждое утро в четыре тридцать отходил автобус («Затемно еще, но после петухов», – добавила кассирша и посмотрела на меня значительно).

Отлично! Время едва к полудню. Город Желтов распаивает мне свои желтушные объятия, ибо торчат мне здесь практически до утра.

Приветливые улицы, усыпанные опавшей, хрусткой листвой, плавно виляли, обнаруживая за поворотами то аптеку, то магазинчик свадебных нарядов по соседству с товарами для садоводов, то здание школы, по затейливости украшений смахивающее на пряничную избушку, то часовую башню, украшенную здоровенным бронзовым флюгером-стрелой.

Прохожие раскланивались друг с другом. Автомобили тормозили на красный, а пешеходы чинно ждали разрешения пересечь улицу исключительно на зеленый. Беспечные мамы и бабушки выгуливали довольных детей. Вообще, в городе было на редкость много детей...

Идиллия.

Я нервно поежился. Проводил взглядом стайку несущихся со всех ног и азартно перекликающихся мальчишек. Потрепанный мяч ловко катался между ботинок... Вполне себе мирной картинке чего-то не хватало.

Лающего пса! Мохнатой дворняги, вечно путающейся под ногами.

Вот странно. В городе прорва желтых кошек. И ни одной собаки.

Пара упитанных полицейских в аккуратной форме увлеченно снимала пробу с выставленного булочником подноса со сдобой. На меня они не смотрели, затрудненные выбором между шоколадной и ванильной глазурью, но на всякий случай я соорудил непроницаемое выражение лица и деловито устремился к ближайшему магазинчику.

«Избранная литература» – гласила вывеска на углу. Знакомый аромат потянул к дверям. Каждая книга, даже немагическая, обладает собственным, присущим только ей волшебством. Она может поделиться им с тобой, а может и отобрать твою же энергию.

Тихонько звякнул колокольчик. В косяк двери вписана колдовская рамка. На меня она среагировала слабым холодным свечением.

– Интересуетесь литературой для избранных? – осведомились откуда-то сверху.

Я поднял голову, обнаруживая невысокого человека в замшевой потертой куртке с заплатами на локтях, взгромоздившегося на приставленную к стеллажу лестницу.

– Мм... да, возможно, – пробормотал я, изумленно озираюсь. Меньше всего я ожидал увидеть в таком маленьком городке такой обширный выбор магической литературы. Стеллажи, уходящие под потолок, прямо-таки прогибались под тяжестью книг. Взгляд выхватывал названия одно другого удивительней: «Записки химеры», «Превращение ротозея в созерцателя», «Пособие для начинающего заклинателя духов», «Теория некрожизни».

– Позвольте предположить... – Человек в куртке резко спустился с лестницы и остановился напротив, щурясь на меня через почти незаметные очки без оправы. – Вы студент и начинающий маг и разыскиваете книги из списка обязательной литературы...

– С чего вы взяли?

– Что вы студент? Для практика вы, пожалуй, молоды. Рамка в дверях сообщила мне, что вы маг. А то, как она на вас отреагировала, – что вы маг начинающий... – Он улыбнулся. – Ну а в книжные магазины заглядывают только за нужными книгами.

В словах этого человека была логика. Только он по всем пунктам был неправ. Но спорить я не стал, а поделился своим первым впечатлением:

– У вас на редкость богатый выбор.

– Не ожидали? – с нескрываемым самодовольством откликнулся человек в очках. – Мы стараемся еженедельно обновлять ассортимент, следим за всеми новинками, связаны с лучшими поставщиками.

– И что, на все это есть спрос?

– Еще какой! Вы даже не представляете, какой популярностью пользуются некоторые издания... Вот, например, допечатка тиража Глауса Трибота «Справочник ночного наблюдателя». Привезли буквально позавчера, а сегодня уже осталось два экземпляра. Книга, безусловно, не столько научная работа, сколько популярное переложение известных теорий, но выводы, которые делает автор, весьма любопытны...

Я вежливо покивал, осматриваясь.

– Простите, вам, наверное, это не слишком интересно. Тогда, может быть, скажете, что бы вы хотели найти в нашем магазине?

– Если вы не против, я бы посмотрел сам.

– Конечно, конечно. – Выражение его лица внезапно стало заговорщицким. Он слегка наклонился ко мне, как спекулянт, предлагающий редкий товар, и доверительно произнес: – Обратите внимание на стеллаж под маркировкой «Червень». Возможно, там вы найдете что-нибудь любопытное для себя...

Ну «Червень» так «Червень».

Книги шептали, шелестели, вздыхали. Обложки некоторых вздрагивали, как звериные шкуры. Раскрывались вне-

запно, демонстрируя то текст, набранный буквами размером с муравьиный след, то болезненно яркую иллюстрацию... Лежали скучные томики, содержимое которых заставляло волосы вставать дыбом (документальное издание «Хроники допросов Красных ведьм» или «Записки очевидцев Грючье-го Мора»). А в увесистом и богато раскрашенном словаре «Виварий» не было ни слова правды.

А вот и стеллаж «Червень». Гм... Кажется, господин в очках ошибся снова, решив, что меня интересуют литература тени. Ну честное слово, даже обидно – неужели я выгляжу таким простофилей? Практически все книги теней написаны бездарями и шарлатанами, а те немногие, что имеют в себе рациональное зерно, хранятся в недоступных отделах Мировой Библиотеки. Не потому что опасны, а потому что редкость большая. Вся эта теневая чепуха удел недоучек из Черных и Белых школ, либо амбициозных бездарей, не владеющих даром.

Я вздохнул, отворачиваясь, и встретился взглядом с продавцом (или владельцем?) магазинчика. Тот кивнул одобрительно и явно вознамерился подойти, но тут снова звякнул колокольчик. Вошла, нет, степенно вплыла полная дама в шляпе и с сумкой размером с чемодан и, неприязненно покосившись на меня, принялась вполголоса беседовать с человеком в очках. Доносившиеся обрывки реплик были странными: «...рецепт неудачный, слишком много золотоголова...», «...эффект будет, если разбавить его стеклянщиком и вы-

жимкой из белого мака...», «в книге Рассветных сборов сказано...».

Яды эта дама варит, что ли? Названные ею растения входят в состав сильнейших отрав. Или в зелья некромантов. Ну или, например, в рецепты домашних средств для выведения крыс.

Я отвлекся, обнаружив среди стопок уцененных карт и атласов знакомую голубоватую обложку. Не веря своим глазам, поднял брошюру и с восторгом прочитал: «Географический справочник разведанных магических объектов Ойкумены, включая области Бражина, Стевино, Мрая, Шевец», переиздание дополненное и исправленное. Выпущен года четыре назад. Устарел, конечно, но многие Врата не меняют дислокацию, так что...

А собственно, зачем он теперь? Маршрут продвижения тебе указали. Прямиком в город Белглав. На прогулки нет времени.

Тем не менее я взглянул на стоимость справочника, прикидывая, хватит ли мне денег на него и на ужин.

– Одну минуточку, – попросил продавец, извинительно прижав ладонь с растопыренными пальцами к груди, когда я вернулся к прилавку.

Дама пронзила меня недоверчивым взглядом, отодвинулась, отгородившись своей гигантской сумкой, и наклонилась поближе к собеседнику, жарко шепча ему почти в самое ухо и смешно вытягивая губы. Тот непроизвольно морщился

и периодически кивал.

«...Лист смертника...» – слышалось мне. Я невольно вздернул бровь. Вот этот компонент определенно не входит в состав крысиных ядов. Вытяжка из него используется в Черных ритуалах.

Продавец перехватил мой взгляд, слегка помрачнел и деловито увлек свою собеседницу куда-то между стеллажами.

От нечего делать я принялся изучать газетные страницы, помещенные в рамки под стекло и развешанные на стенах. Некоторые оказались копиями старинных газет, выпускавшихся еще в прошлом веке. А некоторые относительно свежие: «Желтов – наследник Путевой Межи. Исторический очерк», «Разгул преступности. Куда смотрит градоначальник?», «Грант, выигранный в конкурсе среди малых городов...»

Ага, а вот что-то знакомое... Я пригляделся, пытаюсь разобрать нечеткий газетный снимок. Кажется, это тот склеп, что я видел сегодня. Только не такой заросший. В стороне маячит бульдозер.

«На городском Совете были принято решение перенести старое кладбище за черту города в связи с угрозой обрушения речного берега и ежегодного подтопления оного. Многие жители выражают протест, считая данную акцию варварской и нецелесообразной, однако...»

Ну похоже, горожанам удалось сберечь свою достопримечательность.

«Город Желтов снова получил главный приз края как самый чистый и безопасный город...»

– Горжусь своим городом, – негромко прошелестел голос за спиной. – Он хоть и невелик, но история богата событиями. Даже Звенница младше нашего города на три века. А уж какие достойные люди здесь проживают... Мы всегда хотели жить там, где можно спокойно растить детей и заниматься любимым делом.

– У вас очень уютно, – признал я.

– Вы заметили? – обрадовался продавец, всплеснув руками. – Да, мы надеемся, что это сразу бросается в глаза. Пришлось немало потрудиться всем жителям города... А ведь еще не так давно в нашем городе ребенка страшно было отпустить даже в школу! – Продавец скроил трагическую мину.

Я прочувствованно покивал.

– Впрочем, я отвлекся. Так вас заинтересовал этот справочник? Что ж, это выбор знающего человека. Желтовчане, как выяснилось, не слишком интересуются путешествиями, тем более такого, надо признать, рискованного свойства. Оттого и не оценили по достоинству эту книгу. Я уступлю ее вам...

Донесшийся с улицы треск мотоцикла без глушителя стер остаток фразы. Замелькали тени за стеклом, слышались голоса. Нервно звякнул колокольчик.

– Эй, хозяин! Ты где тут, хозяин?

Плотный, высокий тип в пятнистой куртке радостно осклабился, узрев хозяина. Следом за типом медленно и мягко, как ленивая кошка, ступала грациозная, большеглазая девушка. Еще кто-то топтался снаружи.

– Э-э... Тут такое дело. Народ решил вечером развлечься...

– Чтением книг? – сухо предположил продавец.

– Ну да! Нам нужна такая книжка, особая... Ну вы знаете! Из этих, колдовских. Там типа ритуалы всякие описаны... – Парень изобразил руками неопределенную фигуру, с равной долей вероятности смахивающую на колдовской и на непристойный жесты.

Продавец брезгливо поджал губы. Рассматривать ново-прибывших в качестве достойных покупателей он не намеревался.

– Видите ли, уважаемые господа, наш магазин не торгует литературой подобного низкого толка. Здесь продают книги не для дилетантов. Попробуйте поискать в супермаркете в разделе «Дорожное чтение».

– Вряд ли «Свиток Теней» будет продаваться в разделе развлекательного чтения, – негромко произнесла девушка, пристально глядя на продавца. Даже глаза у нее были редко-го светло-карего, янтарного оттенка. Как у кошки.

– «Свиток»... – Продавец поперхнулся.

– Я слышала, что именно в вашем магазине можно найти эту книгу.

– Вы ошиблись, – холодно и твердо, но недостаточно убедительно отозвался продавец. – Ни один приличный магазин не станет держать у себя подобную литературу. И уж во всяком случае не станет продавать ее людям, не имеющим к магии никакого отношения.

А вот остановиться следовало после первого предложения...

– Вы невнимательны, – мягко укорила девушка. Вернулась к дверям и прикоснулась к косяку. Вмонтированная рамка полыхнула пурпуром. Ведьма! И достаточно сильная. Пожалуй, даже могла бы потягаться с некоторыми магами.

Продавец заметно напрягся. Ведьмы непредсказуемы и злопамятны. Отказывать им опасно. Однако он все-таки отрицательно покачал головой:

– Ничем не могу помочь. У меня нет такой книги.

– Вы лжете. Я слышу вас.

– Она это может, – горделиво подтвердил парень. – Так что давайте уже покороче... А то пыли тут у вас. Или тебе свидетель мешает? Ну так он сейчас уйдет, верно, свидетель? – Парень посмотрел на меня в упор.

– Уйду, – согласился я. – Только подождать придется. Вы не торопитесь?

– Торопимся! – как и ожидалось, возразил парень. – Так что и ты поторопись.

– Послушайте... – все больше нервничая, вмешался продавец. – Нужной вам книги здесь нет. Вам, барышня, должно

быть известно...

– Э! Какая она тебе барышня?

– ... Что «Свиток» не поступает в свободную продажу.

– Госпожа Светлиста рекомендовала именно ваш магазин.

– Она ошиблась.

– Повторяю, вы лжете.

– Девушка...

– Че, детка, он не понял, да? Тут вообще все такие непонятливые, что ли? Один – не торопится. Другой – книжку зажил. Мне тут, в общем, надоело торчать как штык в навозе, так что давай уже ускоримся!

Он толкнул стеллаж, набитый книгами, и тот легко, как пластиковый столик в летнем кафе, опрокинулся, рассыпая тома.

– Я тут вам щас наведу порядок, мигом нужная книжка сыщется...

Дверной колокольчик занял непрерывно, когда в магазин полезли остававшиеся снаружи приятели ведьмы и ее парня, привлеченные шумом. Одна или две физиономии показались мне знакомыми. Кажется, это их я видел на берегу реки.

– Полиция... – хрипло вымолвил продавец, отступая за прилавок и на шаривая невидимую кнопку. – Полиция уже едет...

– Пока она доедет, мы тут повеселимся, – проговорил один из вошедших, деловито озираясь.

– Тогда и мне можно повеселиться, – произнес я, откладывая справочник в сторонку.

Не то чтобы мне хотелось лезть в свалку, но не наблюдать же, помалкивая?

– Не надо! – вдруг взвился продавец, перегибаясь через прилавок и хватая меня за плечо. – Не вмешивайтесь. Сейчас полиция будет.

– Видал я вашу полицию сегодня, – с досадой пробормотал я. – Они там булочками заняты.

– Это неважно, – отмахнулся он. – Неважно, что сейчас... Пусть делают что хотят! Не вмешивайтесь! Вы же не понимаете!

Я действительно чего-то не понимал. В голосе торговца не было страха. Скорее некое злорадство.

– Во-во! – глумливо ухмыльнулся приятель ведьмы. – Слышал, что дядя советует? Соплякам положено тихо ковыряться в заднице в сторонке, пока...

Иногда я вспоминаю свое не совсем благополучное детство. Некоторые цветистые обороты из лексикона Жаба и его «клещей» прочно зацепились в памяти. И соскакивают с языка быстрее, чем разум перехватывает их. Верзила поперхнулся.

– Ты... ты как сказал... Слушай, ты! – Он попер навстречу, наливаясь багровой кровью. – Ты тут ва-аще кто вылез? Да я тебя урою!

– Начинай, – разрешил я, мельком оглядывая диспози-

цию. – Вот так тебе будет удобно?

Желтоглазая ведьма щурилась, наблюдая. Выглядела она отсутствующей и безразличной к происходящему, но пальцы на правой руке слегка шевелились, и между ними проскальзывал едва различимый черноватый жгутик, иногда ершившийся вздыбленными иглами.

Ай, как нехорошо, подумал я уныло. Это ты молодец, что связался. Только забыл, что маг ты сейчас никудышный, а лезть в рукопашную с этими уродами чистое безумие...

Вдалеке рявкнула полицейская сирена.

Я изо всех сил постарался, чтобы облегчение не расплзлось по моей физиономии.

– Ну ладно, короче... – неохотно процедил верзила, приобнимая ведьмочку за талию и пятясь к выходу. – Продолжим веселье попозже. Ожидайте.

– Милости прошу, – с загадочной интонацией ответил торговец. На него недоуменно оглянулись даже те, кто уже шел к выходу.

Через пару минут место действия очистилось. Пока не прибыли новые персонажи в форме, я поспешил расплатиться и уйти.

...А вот это любопытно.

Если долго бесцельно слоняться по городу – тот теряет бдительность. И можно увидеть больше...

В резьбе, украшавшей по здешним традициям двери до-

мов, неожиданно я прочитал знакомую загогулину Печати Некроманта. В первый момент я решил, что это случайность, но, присмотревшись, различил среди кокетливых завитушек и ягодок остроконечный и жесткий знак Зеркала, вписанный в узор довольно грамотно.

Невероятно!

Нечисть по ночам здесь буйствует, что ли? Так близко от Звенницы? И местные жители до сих пор не пожаловались? Или это осталось с каких-нибудь особых времен? (Что, собственно, я знаю о здешней истории?) А может быть, сами жители по ночам обращаются в вампиров? Нет, чепуха. Зачем им тогда защита?

Порядком заинтригованный, я двинулся дальше, озираясь и подмечая все новые приметы местных декоративных традиций, а ноги, как это часто случается, вынесли меня на уже знакомую улицу со знакомым заведением.

В «Логове» было тепло и вкусно пахло. И многолюдно. Почти все столы оказались заняты, однако мне нашлось местечко, и девушка (не та, что была днем, но тоже юная) приняла заказ. Голоса заглушали музыку, но струнные переливы все же иногда проступали над неспешной болтовней – блестящие, подвижные, металлические, как ртуть в воде. Завораживали, убаюкивали...

«...Нет, команда «Буревестников» сильнее, и ставь на нее...»

«Врач хороший, но берет много, и я так думаю, что не

столько лечит, сколько подколдовывает, да без лицензии...»

«...Повесить на шею зеркальце, и тогда можно даже через лес ходить...»

От усталости я не заметил, как задремал. Мне снились взгляды – темные и голодные.

– Пора! – с громогласной угрозой произнес некто.

...Я дернулся, ошалело помаргивая. Девушка-разносчица выжидательно смотрела сверху вниз. Пальцы ее еще касались моего локтя.

– Извините, – произнесла она, пряча под ресницами легкую насмешку в глазах, – мы закрываемся.

– Что? – встрепенулся я, озираясь.

Зал «Логова» почти опустел. Несколько человек, неспешно переговариваясь, поднимались из-за столов и шли к выходу. На нас посматривали – кто-то посмеивался, кто-то отводил взгляд.

– Уже утро? – все еще туповато спросонья осведомился я, тоже поднимаясь на ноги.

– Почему утро? – удивилась девушка. – Вечер. Час до заката.

– Вы что, ночью не работаете?

– Нет конечно. Вы разве не заметили расписание на входе? В нашем городе все заведения закрываются за час до заката. Это традиция.

– А... – только и смог сказать я, изрядно разочарованный. Честно говоря, подобная традиция стала для меня неприят-

ным открытием. Я-то намеревался провести в «Логове» всю ночь.

И куда теперь? Гостиница и впрямь занята (я еще днем удостоверился на всякий случай), где снять комнату на ночь – неизвестно, а спать в лесу или на берегу – удовольствие в такое время года небольшое. Проклятие!

Злой и растерянный, я снова поплелся по улице уже порядком осточертевшего городка. Людей вечером заметно прибавилось. Соседки переговаривались через живые изгороди или грызли семечки на лавочках перед домами. Дети носились через дорогу, догоняя мячи или друг дружку. Кто-то торговал яблоками, выставив ведра на обочину. Кто-то мыл машину, любовно оглаживая блестящие бока пенной губкой.

Нормальные люди занимались повседневными делами, один я слонялся в поисках приюта. И нашел его неожиданно для себя в одном из пустовавших домов.

Все лучше, чем в промозглом лесу.

Выбранный наугад (а точнее, там, где маячило поменьше наблюдателей), дом оказался покинутым, но неразрушенным. Все стекла уцелели, внутри было сухо и даже сохранилась кое-какая мебель. Изрядно повозившись, я совладал с печкой на кухне (дымоход будто только вчера вычищали), набил ее дровами из сарайчика на заднем дворе, прислонился к теплomu боку и почти мгновенно заснул, упрятав за паху руку с тоскливо саднящим, поцарапанным пальцем. Его

тупое нытье доставало больше всех неудобств.

Разбудил меня отдаленный и надрывный лай собак.

Он буквально вытряхнул из зыбкого и мутного сновидения. Я ошалело выпрямился, пытаюсь сообразить, где нахожусь. Из чернильного мрака проступали, как силуэты на передержанной фотографии, очертания вещей. Багрово мерцали остывающие угли в распахнутом зеве печи. Тускло серебрилось оконное стекло, отражая свет далекого фонаря. В дымоходе подвывало.

Лай не повторился. В распахнутую входную дверь тек холод, и было видно, как снаружи ветер нещадно терзает деревья. Оттого, что там было светлее, возле дверного проема залегли неприятные плотные тени.

Помнится, я прикрывал дверь, но сквозняк вполне мог распахнуть ее настежь. Надо бы снова захлопнуть, а то холодно...

Тень возле двери обрела подвижность и с утробным ворчанием прыгнула. За считанные мгновения до этого порыв ветра донес знакомый смрад, и я инстинктивно откатился в сторону. О печь глухо стукнуло тяжелое тело твари. Она зашипела, оборачиваясь. В пустых глазницах замерцали гнилостно-зеленые жадные огоньки.

Упырь! Теперь, когда тварь зашевелилась, вонь растеклась по кухне. Слабый свет, льющийся из раскрытой двери, обрисовал сутулую человекоподобную фигуру, готовящуюся

к новому прыжку.

Я метнулся в угол, лихорадочно соображая. Проклятое чудовище двигалось слишком быстро, и с ходу вырубить его можно разве что из пулемета. Или заклинанием.

Тварь скрежетнула зубами. Огоньки глаз тлеи стыло и алчно. Обломанные ногти на ногах скребли о деревянные доски пола. А ногти на руках были такими длинными, что, казалось, пальцы достают до колен. Тело твари все еще прикрывали лохмотья, но определить пол того, что когда-то давно было человеком, не представлялось возможным.

Да и какая разница!

Я рывкнул заклинание, выставляя перед собой скрещенные руки и одним махом выбирая весь накопленный за время отдыха внутренний резерв. Нет, выдирая его из себя отчаянным усилием. Если не хватит, то...

Полыхнул голубоватый остроконечный крест, принимая на себя тушу взывшего от бешенства и боли упыря. Затрещали искры, рассыпаясь веером. Обугленное тело, скорчившись, с глухим стуком рухнуло на пол. Я судорожно вдохнул, с усилием проталкивая воняющий гарью и гнилью воздух в легкие, и рванул к выходу. Ветер обжег лицо морозом, но на вкус он казался волшебным свежим.

Упыри ненавидят огонь. Тварь ждала, пока он погаснет в печи, чтобы напасть. Я бы даже проснуться не успел...

По небу неслись клочья облаков. В разрывы проглядывал злой, яркий месяц. Ветер, словно бешеный, гнул яблони в

саду позади дома, рождая тысячи мечущихся теней. Скрипели ветки, и каждый звук заставлял оборачиваться и всматриваться в ночь.

Обогнув дом, я выбрался на улицу. По дороге выломал пару штакетин из ограды. Все-таки оружие, пусть и жалкое. Доберусь до соседнего дома, там были люди и телефон. Тварь вполне может быть и не одна. Они вечно гнездятся по нескольку особей.

– Эй! Откройте! – Звонок трещал непрерывно, даже снаружи было хорошо слышно, но соседний дом глухо молчал, зажмутив ставни. Вроде были днем здесь обитатели, доносились голоса...

Перебежав дорогу, я забарабанил в дверь дома напротив. Здесь явно не спали – из щелей между ставнями сочился свет. Кто-то скрипнул половицами, остановившись по другую сторону двери.

– Откройте, пожалуйста. Или одолжите телефон, – как можно менее нервно сказал я. – Нужно срочно позвонить в Службу спасения.

За дверью произнесли что-то невнятное и ушли. Я поразился до такой степени, что даже не стал повторно стучать, а молча двинулся к следующему дому.

Следующего упыря я заметил первый. Тварь скользила вдоль стены кирпичного особняка, злобно шипя на знаки Зеркала нарисованные на его стенах. Днем они были практически незаметны, но ночью ртутно мерцали.

Тварь безнадежно выискивала прореху в защите и отвлеклась, только заметив меня. Припала на руки, щерясь. В плоской морде не осталось ничего человеческого. Даже нос провалился, образовав неровную дыру. Волосы, спутанные как пакля, затеняли впадины глазниц.

Голодная, бедняга. Сейчас пообедаешь...

Упыри двигаются быстро, но соображают даже хуже големов. И ходы просчитывать не умеют. Я отступил на несколько шагов назад, выманивая тварь за собой, подождал, когда она прыгнет, и уклонился в сторону, позволив ей удариться в руну Блеска, выведенную прямо на заборе. А пока упырь был, ошеломленный, всадил свою штакетину ему между ребер.

Со стороны речного берега послышался отчаянный визг, крики, а затем выстрелы. Не иначе к веселой компании пожаловали незваные гости. То-то книготорговец не опасался повторных визитов.

Сколько же здесь этой дряни?

Я помчался вдоль оград, понимая, что ломиться в двери домов бессмысленно. Они тут все знали, что именно бродит по ночным улицам их любимого городка. Шарахаясь от теней, повернул и выскочил на соседний бульвар, освещенный фонарями. Да так и замер.

Залитый ярким светом, у обочины торчал фургончик давешнего коммивояжера. Только теперь его нарядные бока исчертили длинные, рваные царапины, а капот смялся, упер-

шись в основание фонарного столба. На крыше фургона, раскорячившись и пытаясь достать что-то через дыру в обшивке, маячил упырь. Второй елозил возле кабины, стараясь пробить стекло.

Из фургона доносился слабый и какой-то звериный, полный безысходного ужаса стон.

Твари так увлечены своей игрушкой, что можно уйти незамеченным. При практически полностью исчерпанном резерве силы с двумя мне не совладать... Нет, с тремя. Третий монстр жрал что-то в сторонке, под оградой, он периодически рывками вздергивал голову, отдирая куски.

Упырь на крыше издал довольное ворчание, запуская руку по самый локоть внутрь. Второй прыгнул на смятый капот и склонил голову, всматриваясь в лобовое стекло. Поскреб его когтями. В фургоне завывли.

Я вдруг заметил, что в окне дома напротив, забранного не ставнями, а ажурной решеткой (в которую, впрочем, толково вписан знак Барьера), шевелятся занавески. Там стоял некто, молча наблюдая за происходящим. Стоял и смотрел, как зритель в цирке.

– Эй, зверюшки, – выговорил я, давась нахлынувшей злостью, – а ну-ка идите отсюда...

«Зверюшки» живо обернулись. Упырь на крыше вытащил руку из дыры и подобрался, готовясь к прыжку. Сидевший на капоте медленно сполз на землю, шипя. Обжора возле ограды даже ухом не повел, занятый своей добычей.

На открытом пространстве вонь гниющих тел почти не ощущалась, но все равно ноздри тронул запах тлена и сырости, когда оба упыря приблизились, не сводя с меня тусклых глаз. Первый был покрупнее. Почти вся правая половина головы снесена и запеклась сплошной раной. Одутловатое, серое лицо покрыто неровными лишайными пятнами, на подбородке торчит щетина. Вторая особь выглядела легче и стройнее. На шее болтается желтый грязный лоскут, когда-то считавшийся шарфом. Из щеки торчит щепка.

Концом штыря я выписал в воздухе руну Замка, и твари отпрянули на несколько секунд, цедя воздух через ощеренные зубы и опасно присматриваясь. Но без должной подпитки руна распалась почти сразу, позволив мне только отступить к дому позади.

Мелкая тварь бросилась вперед со свойственным молодости нетерпением. Или просто была более голодной. Я ударил штакетиной. Раздался хруст, тварь покачнулась, извернулась и полоснула зубами по рукаву. А следом прыгнул и второй упырь. От усилившейся вони разложения в глазах поплыло... Я уклонился, пнув тварь коленом, и отбежал. Вторая, помельче, снова попыталась напасть.

Локтем ее в подбородок и затем в горло... Штакетина наткнулась на кость и сломалась, но все равно дерево пронзило мозг упырихи, и та забилась на земле, выгибаясь и дергаясь всем телом, как рыба.

Второго упыря это ничуть не впечатлило. Он пер слепо и

тупо, как заклинивший механизм.

Я в панике оглядывался, отступая вдоль ограды.

Вон слева что-то чернеет, разлитое на асфальте. Похоже на лужу машинного масла... Пусть это будет масло!! Или бензин... Только не вода.

– Иди, иди ко мне, – с фальшивой лаской бормотал я, судорожно шаря по карманам в поисках зажигалки. Да куда же она... А, вот!

Упырь, доверчиво потянувшийся было следом, застыл. То ли назначение блестящего предмета все же всплыло в его памяти, то ли просто тварь почуяла неладное... Нет, алчность победила. Упырь с утробным ворчанием прыгнул. Я, облившись потом, щелкнул рычажком. Зажигалка вхолостую плюнула искрами. Еще щелчок... Есть!

Мгновение мне казалось, что упавшая в лужу зажигалка погасла. И что упырь, в этот момент ступивший в центр глянцево переливающегося пятна на асфальте, так и пройдет, даже не поскользнувшись, зараза!.. Но затем по поверхности лужи разбежался почти прозрачный, бездымный круг пламени – и гнилая плоть на ноге упыря сразу же полыхнула.

Ну теперь твари есть чем заняться...

Воздух победно пах химической гарью.

Все, с двумя разобрался. Осталась третья, которая оторвалась-таки от своего ужина и сверлила меня взглядом, постепенно смещаясь в сторону. Я следил за ней, поворачиваясь вокруг собственной оси, затем взглянул выше и почувство-

вал, что волосы дыбом. Чуть дальше, шагах в пятидесяти, припав к земле, замерли еще упыри. Шесть штук... В общем, ровно на шесть больше, чем я мог бы одолеть. И плюс еще один.

Я снова попятился, стараясь не споткнуться. Потусторонние, мертвые взгляды удерживали меня как крюки. Уцелевшая деревяшка в ладони казалась нелепой и жалкой.

С козырька крыши дома справа соскользнула новая тень и присоединилась к стае. Итого – восемь. Не раздумывая больше ни мгновения, я развернулся и опрометью бросился бежать. Все, на что я теперь мог рассчитывать, это длинные ноги и давние рекорды в школьных соревнованиях по бегу. И по плаванию. Если добегу до реки, то есть шанс уцелеть...

Ну и от фургончика их уведу. Все же польза.

Они неслись следом – беззвучно, неостановимо. Постепенно сокращая разрыв.

Мне конец, в панике решил я, чувствуя, что вот-вот начну выхаркивать клочья запаленных легких.

Но узнать, кто все-таки быстрее, не удалось, потому что погоня внезапно прекратилась. Мы даже до конца соседней улицы не добежали. Сначала я почувствовал, как остолбенели твари позади, а потом и сам остановился, зачарованно глядя на чудовище, рассевшееся посреди мостовой.

Не город, а просто рассадник монстров, отстраненно подумал я, рассматривая новую проблему.

«Проблема» оказалась величиной с крупного льва, и гри-

ва у нее была почти львиная. Зато морда скорее драконья, со змеиными круглыми, холодными глазами, с вывернутыми ноздрями, с тяжелыми, удлинненными челюстями. Обнаженные клыки крестообразно заходили друг на друга. В свете фонарей поблескивала чешуйчатая шкура. Несколько заостренных пластин брони прикрывали грудь. Два кожистых крыла слегка развернулись, демонстрируя грозные шипы на концах.

В общем, даже упыри смутились.

Чудовище лениво поднялось на ноги, балансируя крыльями. Вдоль хребта взерошился остроконечный гребень. По своему оно было великолепно.

Потом оно сипло вздохнуло и издало отрывистый звук, больше всего походивший на... Да, на лай. Я понял это только тогда, когда чудовище получило отклик. Издалека этот резкий, скрежещущий звук и впрямь напоминал собачий лай. Так же как при некоторой доле воображения можно было принять это страшилище за собаку. За Пса из Дикой Охоты.

А я-то решил, что собачье гавканье мне померещилось спросонья...

Пес глухо заворчал. Драконья морда оскалилась, демонстрируя двойной ряд зубов, каждый величиной с мой палец. Грива встопорщилась иглами, как у дикобраза.

Из-за домов неслышно появились еще Псы. Один за другим они словно вываливались из теней и двигались к нам,

сбиваясь в стаю. В свору, которой управлял некто невидимый. И как по команде Псы бросились вперед.

Ну все...

Я оторопело смотрел, как они приближаются, заходясь хриплым рычанием, точно самые обычные собаки, заметившие добычу. Только выглядели они как собаки из кошмарного сна. Пасти разинуты, крылья распахнуты, гребни на спинах дыбом.

Первый оказался в паре шагов от меня. Застыл, принявшись дышать. Дыхание его опалело, но было не зловонным, а скорее горьким, как дым. Мгновение Пес размышлял, пробуя подвижными ноздрями воздух, а затем легко перескочил через меня, мелькнув светлым чешуйчатым брюхом. Остальные Псы просто обогнули меня, игнорируя, и помчались за упырями.

Я облизнул пересохшие губы, оборачиваясь им вслед. Один из Псов уже настиг убегающего упыря и небрежно мимоходом располосовал его от плеча до паха. Второй Пес, не останавливаясь, перекусил другую тварь пополам и брезгливо сплюнул дергающиеся половинки. Упыри мчались быстро, но Псы настигали их одного за другим.

Улица опустела в мгновение ока. Вся эта безумная стая растворилась в ночи. Сквозняк рвал в клочья и уносил сиплый рык, лай и вой погибающих тварей. Качались фонари на столбах.

Я побрел обратно. Сам не знаю зачем. Видимо просто на-

правляясь туда, где уж точно больше упырей не встретишь. Да в этом городке через час-другой вообще никаких упырей не останется. Придется местным жителям новых разводить.

Откуда-то издалека ветер принес мелодичный, переливчатый звук. Охотник созывал своих зверей. Или командовал им что-то. Так или иначе, сегодня охота сорвалась. Псы потеряли след и погнались за другой добычей, как это иногда случается даже с настоящими легавыми.

Упыри по сравнению со мной пахли магией сильнее, вот Псы и сбились. Но рано или поздно Охотник снова натравит их на правильного зверя.

Я встрепенулся и прибавил шаг. Фургончик коммивояжера торчал на прежнем месте, в луже фонарного света, и выглядел совершенно безжизненным. Подбежав, я попытался заглянуть через покрытое трещинами стекло. Внутри было темно и тихо.

– Эй! – Я постучал в дверцу. – Вы там живы?

Изнутри заскулили.

– Их больше нет, – сказал я громко. – Твари ушли. Вылезайте, надо поговорить...

В освещенном окне соседнего дома маячили темные силуэты наблюдателей – мужчина и женщина, обняв друг друга, тарасились на улицу с упорством, достойным лучшего применения.

– Да откройте же... – Я загромыхал по капоту, и за стеклом наконец мелькнуло что-то подвижное. Обозначи-

лось светлое пятно – человек внутри присматривался ко мне расширенными от страха глазами. Затем щелкнул замок, и дверь осторожно приоткрылась.

– ...Д-д... г-где... н-н-н...

– Нет здесь больше никого, кроме меня. Я человек.

– ...В-в-в... в-видел тебя... – с трудом, спотыкаясь на каждом звуке, проговорил давешний усач, кося глазами по сторонам и не решаясь открыть дверцу больше чем на ладонь. – Они были т-т-тут, а т-ты уб-б-бил од-д-д-н-но...го.

– Двух убил, – возмутился я, при этом чувствуя, что сам вот-вот начну говорить так же, запинаясь и заикаясь. Пережитое напряжение и возбуждение оставляли после себя дрожь и смертельную усталость.

– Д-д-да... – вяло согласился усач, наконец открывая дверцу и высовываясь наружу. В расширенных зрачках его билось совершеннейшее безумие.

– Машина заведется? – осведомился я, глядя на помятый капот, все еще уткнувшийся в фонарь.

– Че-чего? – Коммивояжер тупо проследил за моим взглядом. И вдруг ожил: – Т-точно! Н-надо уб-бираться отсюда... Я сейчас... – и нырнул обратно в кабину.

Мотор громыхнул, хрюкнул, фыркнул, надрывно взвыл, а затем зарокотал ровно, хотя и со всхлипами. Единственная целая фара засияла. Фургончик качнулся и попятился, набирая скорость. Затормозил, вспыхнув задними огнями.

Из окошка высунулся усач:

– Едешь?

В фургоне попахивало. Водитель курил сигареты одну за другой, но даже табак не забивал характерного аммиачного запаха. Лицо усача все еще оставалось белым как полотно, а глаза лихорадочно блестели, но теперь он говорил более-менее связно.

– ...Тетка-то и купила всякой мелочи, а зазывала, ну прям безо всякого стыда. А вечерело уже. Ладно, думаю, хоть чего-то выйдет, да и переночевать будет где...

Он вещал без остановки, цепляясь за руль и вглядываясь в темноту перед собой. Пустынные улицы Желтова уносились мимо и прочь. Время от времени фургончик забирал в сторону, уклоняясь от померещившегося водителю препятствия, и только чудом не налетал на вполне реальные столбы, водяные колонки или припаркованные на обочинах машины. В конце концов я отобрал у владельца фургона руль, согнав его с водительского места. Он не очень возражал. Точнее, он вообще не обратил на это никакого внимания, покорно перебравшись на сиденье рядом, и продолжал болтать, мусоля одну недокуренную сигарету за другой.

– ...А тут еще девчонка эта, дочка то есть, является. Зыркнула на меня так злобно, будто я сам к ним в гости напросился, и ехидным таким голосом говорит: «Мама, поздно уже! Сейчас папа придет...» Ну на тебе, думаю, какой еще «папа»...

Мимо мелькнул Пес, сидевший на крылечке одного из домов и облитый светом декоративного светильника над дверью. Вид у Пса был скучающий, глаза лениво прижмурены, а под правой лапой копошилось нечто темное и бесформенное.

Коммивояжер звучно икнул и поспешно отвернулся, впиваясь в сигарету. По сравнению с собой дневным сейчас он как-то сдулся и осунулся, будто плохо накачанный мячик. Усы тоскливо обвисли. Кожу прочертили глубокие складки. В движениях появилась суетливая избыточность.

– ... Выперли они меня, в общем. Да я и не шибко расстроился – в первый раз, что ли. Думаю, в фургоне переночую, там у меня все есть... Задремал чуток, а потом приспичило мне... Выхожу, а на улице-то нет никого. Вроде и не поздно еще было. Отошел я, значит, до кустов и смотрю, вроде шевеление в проулке. Собака, думаю, какая-нибудь... А ты видал, что собак-то во всем городе нет? Кошки есть. Кур полно. Гусей видал... Даже коз мужик гнал. А вот собак – ни одной! – Усач так торжественно посмотрел на меня, что я счел нужным согласиться:

– Собаки чувят упырей в первую очередь.

– Ага, – кивнул коммивояжер. – В общем, я увидел это...

Пронзительный потусторонний вопль пробил даже рокот мотора и свист ветра. К нему примешался механический вой сработавших сигнализаций. Над крышами домов зарделось зыбкое зарево Колдовской Радуги. Похоже, Псы нашли гнез-

до.

– Э... – выдавил торговец, со всхлипом втянул воздух, затем перегнулся через сиденье и некоторое время копался среди разбросанных вещей, пока не издал ликующее: – Вот она! – и не вернулся обратно с найденной бутылкой. Бутылка наполовину была пуста.

Отвинтив пробку, он надолго присосался к горлышку, а по кабине распространился аромат можжевельника.

– Будешь? – Бутылка ткнулась в мою сторону.

Я покачал головой. Выпить хотелось, но время для этого было явно неподходящим. Неизвестно, что еще ждет впереди. Да и из города мы не выбрались пока.

– Говорят, что упыри ал-лкоголь не выносят, – споткнувшись на трудном слове, сообщил усач. – Так вот врут они все! Я почти всю бутылку выжрал, пока он там скребся наверху... – Он притих внезапно, вспоминая. Лицо снова казалось поутихшим было ужасом.

Фургончик переехал нечто плотное, лежавшее поперек дороги. Нас тряхнуло.

Камень, нервно подумал я. Просто какой-то хлам на мостовой...

В зеркальце было видно, как «камень» поднялся на две конечности и, ссутулившись и свесив длинные руки, заковылял прочь, припадая на правую ногу. Этой улицей Псы не пробегали, или этот упырь слишком хитрый даже для них.

– Я от дома-то ихнего недалеко ушел, – продолжил между

тем усач свою быль, разбавляя ее содержимым бутылки, – и сразу бросился стучать. Думаю, сказать надо, пусть полицию вызывают... Ну и самому хотелось под крышу. Стучу, стучу, а они не открывают! Я-то сразу и не понял ничего, с перепугу чуть дверь не выломал, ногами бил, думал, не слышат... А этот, что в кустах, он за мной сразу не пошел. Нашел там чего-то и жрал... Это меня и спасло. Я, кретин, к другому дому побежал, тоже стучать. А там люди на меня из окошка пялятся... – Собеседник повернул ко мне перекошенное переживаниями и изумлением лицо; на лбу проступили крупные бисерины пота. – Понимаешь? Просто таращатся на меня и ничего не делают. Потом занавески задернули и ушли... Оборачиваюсь я, а посреди улицы два этих... – Торговец судорожно глотнул, дернув кадыком. – Как я оказался в фургоне, не помню. Сцепление рву, сам ничего не вижу... В фонарь и въехал. Мотор заглох, а дальше... – Он смолк и присосался к бутылке. Жидкость стремительно убывала.

Ага, вот и знакомая улица. Тускло сияет вывеска закусочной «Логово». Дверца, ведущая в подвал, раззявлена. Мне вспомнилась убаюкивающая мелодия «Баллады лесных дорог». Если мне не изменяет память, ее использовали для умиротворения потусторонней живности еще прадеды наших прадедов, когда ночевали в незнакомых лесах. И вряд ли она случайно звучала в закусочной... Сверху обедали люди, а в подвале ждали своего часа голодные, жуткие твари. И охранная сигнализация не требуется. Ни один вор живым

не уйдет.

Пронеслась и канула в ночи бензоколонка, освещенная голубоватым праздничным светом. Мелькнул знак: «Добро пожаловать в Желтов. Население...» Сколько там было указано человек (и не указано упырей), я не успел прочитать, уворачиваясь от несущейся навстречу машины. Та, не разбирая дороги, стремилась в город, а шлейф стелющейся за ней магической ауры был так плотен, что у меня виски заломило.

– Я уж думал, конец, когда ты выскочил. Тебя-то я тоже сначала за упыря принял... – Язык торговца уже слегка заплетался. – В общем, я тебе жизнью обязан. И вообще... Слушай, у меня такие дочки! Ты им папку спас, поехали, познакомлю... Меня Фома Прянец зовут. Мы вроде не пер... преста... представлены...

Вырулив на шоссе, я затормозил. Странно было наблюдать после безлюдного и какого-то потустороннего покоя Желтова изобилие жизни на дороге.словно в другой мир попал. Привычный и безопасный.

– Э! – встревожился Прянец. – Ты чего? Поехали отсюда подальше. Ну их... – Он приподнялся на сиденье, пытаясь глянуть назад через боковое окно.

– Куда ехать-то? – мрачно спросил я.

– Домой! – с готовностью отозвался Прянец.

– Думаю, мне в другую сторону.

– А тебе куда?

– В аэропорт.

– Поехали! В аэропорт, в порт, на вокзал, только бы из этого проклятого городишки убраться побыстрее... – Он посмотрел на пустую бутылку у себя в руках и признался тихо: – Я один боюсь пока. Да и пьян я. И тебе вроде как должен... А если хочешь, можем рвануть ко мне домой! Далековато, правда, но дня за три доедем. А?

– Заманчиво... – пробормотал я рассеянно и принялся изучать добытую в бардачке дорожную карту на предмет местонахождения аэропорта.

Аэропорт возле Звенницы оказался большим и оживленным. Не таким громадным, как в метрополиях, но для миллионного города вполне достойным. И главное – накрыть такой муравейник сторожевой сетью и не оставить лазеек практически невозможно.

Еще издалека я увидел, что прямоугольник здания находится под радужным куполом, похожим на мыльный пузырь, но при ближайшем рассмотрении купол распался на отдельные фрагменты.

– Ну я думаю, пора... – Я повернул голову к своему спутнику и осекся. Прянец безмятежно дрых, откинувшись на спинку сиденья, распустив усы и беззащитно выставив небритый подбородок.

Экий доверчивый...

Я оставил его храпеть в машине. Проспится и уедет куда захочет. А сам направился внутрь здания, влившись в жидкий ручеек утренних пассажиров и встречающих. Только что прибыл самолет из Ярса.

Через стекло больших панорамных окон было видно взлетное поле и неподвижные силуэты самолетов – большие, белоснежные, обманчиво-неуклюжие на земле. Собраны без малейшего применения магии. Даже в салонах и декоре ее не использовали. Летящий самолет мог угодить в «слепое пят-

но» или в магическую бурю, и тогда все зачарованные детали мгновенно отказали бы, обрушив машину на землю.

Сам аэропорт был двухэтажным, но второго этажа, как такового, не существовало. По периметру здания шла широкая галерея, где размещались скамьи для отдыха, дополнительные кассы и кафе.

Часы под куполом – здоровенный циферблат, выполненный в виде солнца, – мелодично отметили половину пятого. Почти утро, обещанный Корнилом посланец должен бы уже прибыть.

Плеснув холодной водой в лицо, я некоторое время изучал себя в зеркале над умывальником. Утомленный тип с провалившимися от недосыпа глазами и напряженно стиснутыми губами глянул на меня из зазеркального мира. Взгляд у типа был затравленным. Тип также видел то, что видел я, добравшись до камер хранения.

Сеть магической паутины заплела каждый сантиметр пространства между серебристыми рядами шкафов с пронумерованными ячейками. В узлах паутины, расставив чуткие лапы, сидели сверкающие, как алмазы, пауки. Сложное, сторожкое охранное заклинание, сотканное на нескольких уровнях. Не обмануть, не обойти, не уничтожить.

Между рядами ячеек лениво дефилировали наблюдатели-маги. Их собственный уровень силы не прочитывался из-за мощного фона паутины. Немногие пассажиры беспрепят-

ственно забирали свои вещи из камер, не замечая ни пауков, ни сети. Случайный маг из Белых, затесавшийся среди прибывших рейсом с севера, лишь недоуменно поморщился, мельком озирая плоды усилий коллег, и, оставив вещи в камере, быстро ушел, машинально пытаясь снять с лица невидимые нити. Заклинание было настолько густым, что казалось липким...

Я наклонился над раковиной и принялся жадно глотать воду из крана. Ледяные струйки затекали за воротник, губы стыли, а зубы ломило.

Значит, они все слышали и ждали. Подобное заклинание требует слишком большого расхода энергии, чтобы держать его постоянно на всякий случай.

А в Желтове? Как Псы нашли меня? Я почти растерял свою силу, – значит, для них не обладаю ни вкусом, ни запахом. Не зря же они бросились на упырей вместо меня. Но ведь как-то они вышли на Желтов?

Невнятно промурлыкал громкоговоритель, возвещая прибытие нового рейса. Дверь за спиной стукнула, пропуская входящего. В зеркале я увидел хорошо одетого господина средних лет, который, прислонившись к стенке, принялся торопливо глотать что-то из небольшой сувенирной фляжки. Господин был бледен и заметно трясся. Заметив мой взгляд, он растянул рот в кривоватой улыбке и зачем-то виновато пояснил:

– Летать боюсь смертельно. А приходится часто. Вот и

спасаюсь...

От выпитого на его лицо вернулось некое подобие румянца. Он смахнул испарину со лба, запрятал свою фляжку в дорогой кожаный портфель и, поправив галстук, поспешно вышел, стараясь сохранить остатки достоинства.

Я несколько секунд задумчиво пялился на отражение закрывшейся двери, а потом, тоже тщетно стараясь соблюсти приличия, но при этом едва сдерживая желание помчаться со всех ног, устремился к выходу из аэропорта, к стоянке, где остался фургон Прянеца.

– Мм! – отмахивался торговец, не желая просыпаться. – Уйди, Матильда, рано еще!.. Пусть сама идет... Не!..

В фургоне было тепло и душно, как в утробе. Застоявшийся воздух насыщали алкогольные пары. Выдрать спящего Прянеца из этого рая можно было только ушатом ледяной воды или... Я наклонился к его уху и внятно произнес:

– Упыри!

Он буквально подпрыгнул, распахнув мутные глаза и ошалело озираясь вокруг.

– Где?!

Мне понадобилось довольно много времени, чтобы, во-первых, убедить его в отсутствии какой-либо некродеятельности в обозримых пределах, а во-вторых, объяснить ему, что требуется сделать. Прянец был еще нетрезв, поэтому все приходилось повторять раза по три, но зато и вопросы он задавать не стал. Ну велели ему пройти к камере хранения

и забрать ее содержимое, так он готов ради хорошего друга пойти и забрать.

– Да ради тебя я в Ланцу сгоняю в ар... аре... аеропорт... Ты ж мне жизнь спас! – невразумительно бормотал он, пытаясь обнять меня.

Я отстранялся, угрюмо улыбаясь. Идея уже не казалась такой хорошей. Торговца развезло порядком, и на ногах он едва держался. Впрочем, соображать он вроде не перестал, ходить мог почти по прямой, да и выбор у меня все равно невелик.

Убедившись, что Прянец ухватил суть мероприятия, я предоставил его самому себе, как только мы подошли к порогу аэропорта, а сам, ускорив шаг, поднялся на галерею второго этажа, где располагались кафе и кресла для отдыха, и откуда можно было озирать весь зал и камеры хранения.

Снова ожил громкоговоритель, объявляя посадку на очередной рейс, и люди, скучавшие в зале ожидания, оживились, повскакивали со своих мест, закрутили суматошные водовороты, хватая за руки сонных и недовольных детей и высматривая потерявшихся спутников.

В сутолоке мне вдруг померещилась знакомая стройная фигурка в светлой курточке. Девушка настолько была похожа на Ксению, что я на несколько секунд забыл о своих проблемах, облокотившись о перила и провожая ее взглядом. Но вот девушка обернулась посмотреть на часы, и я разочарованно отступил. Нет, это не она. Какая-то незнакомка со

спортивной сумкой.

Сожаление, как игла, ткнуло мимолетно и остро.

А что это тебя так взволновало? Ксения остается в городе, в который тебе путь заказан, может быть, навсегда. И рыжую из музея уже вряд ли удастся навестить... Я вдруг снова задумался, пытаюсь вспомнить лицо девушки из музея. Ничего, кроме копны рыжеватых искристых волос, не вспоминалось. Лицо выпало из памяти как совершенно несущественная деталь. Нехорошо...

Прянец наконец сумел преодолеть препятствие в виде самооткрывающихся дверей на входе в аэропорт. Я, невольно морщась, наблюдал, как он мучительно пытается синхронизировать свои движения и движение дверных створок, то и дело с размаху влипая в стекло, словно ошалелая толстая муха. С меньшим интересом за ним наблюдали два охранника и несколько зевак. Когда мне стало казаться, что с этой преградой выпившему торговцу не сладить, один из охранников пришел ему на помощь и провел внутрь. Пару минут Прянец потратил на излияния благодарности, повиснув на плече своего благодетеля. Раздраженный охранник, похоже зарекшийся совершать добрые дела, под хихиканье своего напарника спровадил коммивояжера до кресел. Гнать не стал, и то хорошо.

Посидев, Прянец с новыми силами продолжил выполнение миссии. Я выдохнул с облегчением. Мне уж показалось, что он настроился подремать в кресле, забыв обо всем.

Выбрав самую длинную из возможных траекторий и усложняя ее зигзагами, коммивояжер, тем не менее, целеустремленно двигался к отделению камер хранения, обходя по пути рифы и мели в виде предметов мебели и замешкавшихся людей, и мужественно проигнорировал заветную гавань, представшую в форме киоска с напитками.

Я чуть было не заплодировал от чистого сердца.

Он почти добрался до камер, когда раздался уже знакомый резкий звук, выпавший из общего шумового фона аэропорта как свинец из воды. Глухой, пока еще далекий, но предвещающий беду. Лаяли Псы. Свора шла по следу. В зале ожидания бегала пара собачонок, принадлежавших то ли пассажирам, то ли провожающим, но их живое тьяканье не спутаешь с угрюмым, тяжким голосом Псов.

Я вцепился в перила, не отрывая взгляда от Прянеца, погрузившегося в заросли волшебной паутины, благополучно миновавшего одного из магов и силившегося отсчитать нужную ячейку. Сейчас торговец стал для меня якорем, сдерживавшим готовую нахлынуть панику.

Ну скорей же...

Люди в зале заволновались, голоса усилились, нарастая как прибой. Кто-то отчетливо вскрикнул в испуге. Ощущение, что ловушка внезапно захлопнулась, стало настолько острым, что захотелось взвыть и заметаться.

Через все двери аэропорта стали один за другим входить мужчины и женщины, окруженные магической аурой, слов-

но электрическим полем. Между ними только что разряды не проскакивали. Маги рассеивались по залу, легко проскальзывая между пассажирами, персоналом и изумленными охранниками, как капли масла в воде.

По периметру помещения побежала почти прозрачная струйка огня, очерчивая замкнутое пространство. Панорамные окна мгновенно подернулись холодно мерцающими игольчатыми узорами.

Очередь людей, выстроившихся на посадку, тревожно колыхалась и виляла хвостом, как раздраженная змея.

– Уважаемые пассажиры и служащие аэропорта «Звенница», просим соблюдать спокойствие и приносим извинения за причиненные неудобства...

С некоторых пор словосочетание «соблюдать спокойствие» как-то незаметно обрело для меня смысл «ну, все пропало!»...

Я продолжат стоять возле перил, глядя, как приближаются к лестницам с обеих сторон маги. Бежать некуда. Сопротивляться такому количеству боевых магов бессмысленно – меня испепелят в доли секунды.

В зале зашлась визгом и хрипом средних лет женщина. Упала на мраморный пол, забилась в конвульсиях. Снова ведьма, угодившая в ловчий мешок. Люди, стоявшие возле нее в очереди, шарахнулись в стороны, словно от прокаженной. Очередь смялась, завихрившись.

И где-то там, в центре этой сумятицы, зародилось нечто

странное и неожиданное.

Там словно полыхнула сверхновая. Мгновенно ударила, распухая, чудовищная сила, раскрываясь исполинским цветом и выбрасывая во все стороны лучи-лепестки. Люди закричали не столько от боли, сколько в ужасе и брызнули врассыпную, инстинктивно стараясь укрыться от неведомой опасности. Зато оказавшиеся поблизости маги взвыли, ощутив, как выжирает их безжалостный, незримый огонь. Некоторых из них швырнуло куклами через весь зал ожидания.

Стремительная волна покатила по аэропорту, опрокидывая мебель, сбивая с ног неосторожных, вырывая из пола и стен панели. Кто-то пытался бежать, но его накрывало сразу же. Бесшумный поток распространялся практически мгновенно. Я подобрался, готовясь встретить его, и все равно удар оказался оглушительным и страшным. Меня подхватило и бросило на окно. Стекло расколосось со слабым, глухим, леденцовым хрустом. И мгновенное ощущение полета сменилось шоком падения.

Где-то на периферии восприятия отчаянно, совсем как настоящие напуганные собаки, взвизгнули Псы.

– ...Ты живой? – назойливо вопрошал голос откуда-то из тьмы и пустоши. – Нет, ты погоди помирать...

Жирная, вязкая тьма стала распадаться на детали. Забрезжили светлые полосы и пятна. Обозначились тени и контуры. Белесое пятно с темными провалами превратилось в на-

пряженное лицо Прянеца. Мятое, со ссадиной на скуле и прыгающими, белыми губами.

– Слушай, пойдём отсюда, а? Ну её, всю эту магию... Пойдём...

– Ты ч-чего здесь? – ошалело спросил я, шурша листвой, которой был засыпан, и пытаюсь подняться.

– Там опять эти... – не слушая, бормотал Прянец. Выглядел он невредимым, трезвым и снова смертельно напуганным.

Я осторожно покачал головой и подвигал конечностями. Нет, кажется, все цело. Куст, на который я, судя по всему, приземлился, пострадал больше, лишившись почти всей своей листвы и множества веток.

В ушах все ещё звенело, а перед глазами плавали нарядные, радужные пятна.

– Что это было такое? – подумал я вслух, вспоминая распухающий шар бешеной энергии.

– Да магия, что ж ещё! – с досадой буркнул Прянец.

Тут с ним не поспоришь, хотя в этом вопросе я разбирался лучше.

Воздух, как водяные пары, насыщала магия. Над аэропортом медленно колыхалась изорванная в клочья защита, поставленная Белыми. Само здание выглядело вполне невредимым, только лишившимся почти всех стекол, и было видно, как внутри перемещаются ошарашенные люди. Впрочем, кое-кто уже вполне пришел себя и скандалил с вялыми ад-

министративными работниками аэропорта.

– Поехали, а? – просительно предложил Прянец, помогая мне подняться и увлекая к своему фургону.

Я позволил себя увести.

– А вот еще был у меня случай, заехал я в городишко... мм, как же его называли-то?.. Ну неважно. Мелкий такой, сонный. На постой меня неохотно пускали, а тут одна такая из себя приветливая вдовушка зазывает! Улыбается, обхаживает и так, понимаешь, прозрачно намекает... Ну я разомлел, по делам пошел, думаю, к вечеру вернусь, уж отведу душу... – Прянец вдруг забеспокоился: – Ты не думай чего такого, я вообще не по этому делу, но бывает, сам понимаешь...

– Да я и не думаю.

В голове все еще гудело, и очень хотелось спать. Но болтовня отоспавшегося и оживившегося Прянца не давала и глаза сомкнуть.

– В общем, возвращаюсь я в предвкушении, а из дома мне навстречу вдруг такая мегера выскакивает! На лицо та же, да только вместо улыбки рожа злобой перекошена. И ну честить меня на всю улицу. Вещи повыкидывала, стерва! Я понять ничего не могу, чем обидел-то, а соседи ухахатываются. Представляешь? Оказывается, тетку эту родичи мужа заколдовали. Душу разделили. Чтобы, значит, не приваживала никого вечерами, когда мужа нет дома. Муж у нее нача-

ми работал. До вечера одна душа командует – добрая да ласковая, а с вечера до утра вторая – злющая, не подойдешь... Муж помер, а заговор остался. Вот и мается.

– Это не колдовство, – вяло возразил я. – Это шизофрения. Болезнь такая...

– Ну не скажи, по мне, так колдовство. Никогда не знаешь, что от этой магии ждать! Или вот еще случай...

– Минуту! – попросил я, выныривая из вязкого потока его болтовни и поворачивая ручку громкости приемника.

– ...Скорее всего, в результате работ, проведенных на старом кладбище города Желтова, был потревожен заговоренный склеп. Но поражает, с каким хладнокровием и хитроумием власти города и его жители распорядились свалившимся на них несчастьем!..

– Слышь! – хмыкнул Прянец, косясь на приемник. – Так они это что, нарочно упырей развели?..

– ...Неизвестна судьба той части горожан, которые не согласились с новыми методами властей по обеспечению безопасности города. Некоторые семьи, скорее всего, уехали, но количество опустевших домов позволяет предположить...

– Переключи, – беспокойно попросил Прянец. Лицо его посерело.

– ...Хотя в наши сложные времена люди готовы пойти на многое, чтобы сберечь своих детей, и есть те, кто оправдывает подобные жестокие, но надо признать, действенные меры...

Я щелкнул переключателем. На соседней волне с готовностью подхватили эстафету:

– ...пока не установлена прямая связь между событиями в городе Желтов и находящимся неподалеку аэропортом Звенницы, где той же ночью произошел необъяснимый всплеск магической активности...

Фургон притормозил, скрипнув амортизаторами, прямо напротив указателя: «п. Древостой. 5 км». Влево сворачивала вполне цивилизованного вида дорога, углубляясь в обещанный древостой в виде лиственного лесочка.

– Спасибо, – произнес я, распахивая дверцу и освобождая водительское место.

– Да не за что, – с некоторой тоской в голосе отозвался Прянец. – А может, все-таки передумаешь? Заедем к моим, а потом я тебя подкину куда хочешь...

Он смолк, но произнесенный конец фразы возник сам собой: «...одному ехать далеко, без смены за рулем придется волей-неволей останавливаться, а впереди еще столько мелких городков, где не знаешь, чего ждать от местных жителей...»

Бедняга Прянец, похоже, долго не сможет отойти от пережитого потрясения. Или вообще сменит профессию.

Я покачал головой, прощально махнул рукой и пересек шоссе, устремившись в сторону невидимого пока поселка Древостой.

...Жидкий лесочек почти сразу же раздался в стороны. Дорога пошла в низину, и стала хорошо различима россыпь разноцветных крыш – поселок, расположившийся на двух пологих холмах, опушенных деревьями. На третьем холме

высились некие темные угловатые постройки. Не иначе гнездо местного феодала. Или его развалины.

Мимо меня протарахтел потрепанный грузовичок с дощатым кузовом, уставленным пустыми клетками.

Добыв из кармана уцелевший во время всех пережитых катаклизмов справочник, я сверился с картой. Вроде все верно. На одном из холмов отмечен некий «памятник архитектуры», а правее, в низине, стоит значок, обозначающий местонахождение Врат.

Что ж... Захлопнув книжку, я неловко задел палец, оцарапанный вчера Ризальдой Глов, и тот мстительно ожег болью. Последние приключения доставили мне достаточно хлопот, чтобы забыть о пустяковой с виду царапине, но она улучила момент, чтобы напомнить о себе.

Отлепив грязный и разлохматившийся пластырь, я, морщась, изучил неглубокую длинную ссадину на среднем пальце без малейших признаков воспаления, почти поджившую с виду. Однако было заметно, что поверхность ранки почернела, словно обугленная...

М-да... Будет время – займусь. Хорошо, хоть не отравила перстень уважаемая госпожа вице-губернаторша. Просто камень, похоже, был злой. И занес злобу в ранку как инфекцию.

...Солнце не по-осеннему принялось припекать макушку, когда я добрался до первых поселковых построек. Здесь дорога вновь побежала вверх. Бока холмов заросли древними

кряжистыми дубами, под сенью которых прятались дома.

Аборигены занимались своими делами, и появление чужака не было достаточным поводом, чтобы отвлечь их. Встречаясь со мной взглядами, селяне только улыбались – приветливо и рассеянно. Умеренный интерес к моей персоне проявили местные собаки – пятнистые разнокалиберные дворняги. Гавкнули для острастки пару раз и вернулись под свои заборы. Сидевший на плетне черно-белый упитанный кот даже головы не повернул на шум.

Пастораль в чистом виде... Благодать.

Я с любопытством оглядывался, хрупая сорванным по дороге поздним яблоком.

Поселок выглядел зажиточным, ухоженным, лоснящимся от сытости и покоя. Добротная дорога, починенные плетни, украшенные разрисованными горшками, аляповатая, но вполне приятная вывеска над магазинчиком, добротные крепкие дома с черепичными крышами и высокими чердаками. В чердачных окнах и на верандах попадались фантастической работы стеклянные витражи. Солнце отражалось в них, заставляя полыхать то изумрудно-золотого дракона, то лазоревую птицу с оранжевым плодом в лапках, то алый плащ воина, занесшего меч над головой химеры...

В одном из домов обнаружилось даже целое панно, изображавшее вычурную процессию людей в странных одеждах, несущих на вытянутых вверх руках некую неясную реликвию в форме стилизованной ладьи... Впрочем, это мог быть

и гроб. Или, скажем, сосуд со священным напитком...

И то, и другое, и третье смотрелось странно на фоне плетней с горшками. Хотя тягу аборигенов к искусству можно только приветствовать. Если мастер, изготовлявший подобные витражи, живет прямо в поселке, сюда надо будет вернуться для знакомства...

Только знакомиться с ним будешь не ты, ехидно вмешался внутренний голос.

Отшагав половину пути, я смог рассмотреть подробнее и постройку на третьем холме. Действительно замок. Очень небольшой, в два этажа и с одной башней. Приземистый, словно распластавшийся на верхушке земляной насыпи. Жилище мелкого рыцаря, наверное. Сторожевой пост, забытый в глуши.

Возле старого колодца на краю поселка дорога разветвлялась. Одна устремлялась в сторону замка, вторая (и основная, судя по состоянию) бежала вперед и вдаль, теряясь в лесу за холмами, третья (узкая и колдобистая, не дорога, а пешеходная тропа) спускалась вниз и скрывалась в небольшой рощице в низине.

Колодец, рассеившийся у развилки, был стар и заплетен отчетливой сетью ведьминой пряжи, затянувшей сруб из черных от времени бревен. Но сеть была весьма потрепанной. Если ведьма и обитала в поселке, то давно сюда не навещалась.

По привычке, особо не задумываясь, я раскрыл ладонь

над окном колодца, стягивая пальцами невидимую «пряжу». Собрал и сбросил в сторону. Наглые, синеватые от старости поганки, выросшие по периметру колодезного сруба, разом рассыпались в прах. Зеркало черной воды в колодце качнулось и посветлело. Пить ее, конечно, сразу не стоит, пусть колодец очистится сам собой, но, во всяком случае, опасности она теперь не представляет...

В стороне шумно вздохнули.

Подняв голову, я встретился взглядом с белобрысым пареньком лет двенадцати-тринадцати с виду, который завороченно глазел на меня из зарослей пустоцвета. В одной руке паренек держал связку свежепойманных мелких карасей, а в другой самодельную удочку.

Где-то за холмом с замком, кажется, должно быть озеро, если карта в справочнике не врет.

Мы с аборигеном пару секунд тарачились друг на друга, затем паренек шмыгнул носом, поудобнее перехватил удочку и не спеша с демонстративно независимым видом прошагал мимо, направляясь к поселку. С рыбьей связки капало...

Я свернул направо в рощу. Там, в низине, находились Врата, привязанные к стихии Земли.

Умиротворенно шелестели кроны деревьев, роняя остатки листвы на землю. Солнечный свет дробился в ветвях и просачивался вниз золотыми брызгами, расцветившая опад на земле неправдоподобно яркими оттенками. Рдели или ли-

ловели нетронутые плоды. Переливающиеся нити паутины скользили в воздухе. Перекликались не по-осеннему звонкие птицы. Шуршали вялые, готовящиеся к зимней спячке древесные гномы, замуравывая входы в свои жилища.

Покой и мир. И раздражающее ощущение чужого взгляда в спину. Впрочем, мне теперь все время мерещились взгляды, поэтому особого значения своей паранойе я не придавал.

Битый час я слонялся по рощице, спотыкаясь о коряги и проваливаясь в замаскированные полегшей, жухлой травой каверны, полные воды. Ни малейших следов Врат не обнаруживалось. Нет, поначалу я обрадовался, наткнувшись почти сразу же на круг из камней на одной из лужаек. Аккуратное такое кольцо, явно искусственного происхождения, сложенное из замшелых валунов... И не лень же было кому-то перетаскивать их сюда. Ведьма, что ли, местная старалась, пуская пыль в глаза односельчанам. Раз ведьма, значит, должен быть и ведьмин круг.

Но не могли же составители справочника так ошибиться! Они вроде профессионалы...

Я рыскал вокруг, носом к земле, пытаюсь учуять хотя бы след Врат. Они ведь могли и самопроизвольно схлопнуться. От отчаяния я даже воспользовался ореховым прутиком с развилкой, уже не доверяя собственным чувствам. Все напрасно.

Здесь никогда не было Врат. Справочник грубо ошибается. Послать, что ли, издателям письмо с обвинением в неком-

петентности?.. С первым же Псом.

Вздыхнув, я уселся на камень на лужайке. Солнце находилось еще высоко, прогрев даже темные валуны. Ни одной толковой мысли в голове не осталось. Бестолковых тоже. Нудно и болезненно дергал поцарапанный палец. Подобрал оброненный ореховый прут, я поджег его кончик зажигалкой, купленной в аэропорту, и подождал, пока дерево обуглится. Затем провел им изогнутую линию вокруг воспалившейся ссадины на пальце, бормоча заклинание вперемешку с ругательствами (ругательства в комплект не входили, просто жгло очень).

Простенькое заклятие помогло практически сразу. Палец ныть перестал.

Ну хоть на что-то ореховые прутья сгодились.

Позади отчетливо и сухо треснуло, и я раздраженно велел:

– Выходи уже наконец. Сколько можно в спину сопеть?

Послышался сдавленный полувсхлип, шумный разворот и прыткий удаляющийся шелест. Оглянувшись, я различил лишь исчезающую волну колышущихся ветвей. Да еще потянуло тяжким, сырым запахом свежей рыбы...

Никак молодой абориген любопытствовал?

– ...Сидит... чего сидит, солнце загородил... дылда человечья... яблок, яблок бы принести из закрома... далеко, далеко идти... сидит и сидит, пусть уходит... – шебуршали и переговаривались древесные гномы, неприветливо посверкивая глазками из норок. – ...не было никого, не было...

пришел и сидит...

Стремительно наклонившись к ближайшему клену, я запустил руку в расщелину между корнями, рискуя быть укушенным острыми зубками за пальцы, и выхватил из темноты брыкающегося гнома. Бедняга пронзительно и нечленораздельно заверещал. Аккуратно сжимая его в кулаке, я резко перевернул гнома вверх тормашками и сразу же возвратил в исходное положение, так быстро, что даже колпачок из бересты не успел свалиться с его макушки. Гном стих, застыл, и глазки его остекленели.

Из норок дружно полезли его собратья, сбиваясь в стайки и обступая меня кольцом.

– Отдай, отдай... пусти, пусти, дылда ходячая... злой...

– Отпущу, – согласился я, – и дам в придачу... э-э, – пришлось покопаться в карманах, – вот! Пачку жевательной резинки, если окажете мне небольшую услугу.

– Мог попросить... не хватать... – возмущенно загалдели гномы.

– Вас попросишь, – хмыкнул я. – Неделю бы морочили голову и выманивали подачки. Ну что, согласны?

– Мало... жвачки мало...

– Достаточно, – возразил я. – Услуга пустяковая...

Пришлось все-таки добавить еще мелких монет, прежде чем мы договорились.

– Зачем вам деньги? – с досадой проворчал я. – Вы ж все воруете...

Гномы негодуяюще затрещали:

– Поклеп!.. Дылда оскорблячая!..

– Ладно, ладно! Берите...

Безопасность собрата к моменту торга отошла на второй план. Как только сделка была заключена, гномы проворно разбежались, в мгновение ока исчезнув в траве.

Я засунул упитанное и все еще неподвижное тельце своего пленника в карман и приготовился ждать. Надежда, что я ошибся, теплилась. Но если древесные гномы – плоть и порождение земной стихии – ничего не найдут, то и искать дальше бессмысленно.

Из роши я ушел с тем же, с чем и пришел. То есть ни с чем, да еще и с вновь ноющим пальцем. Теперь он пострадал от острых зубок плененного гнома, который так угрелся в моем кармане, что ни за что не желал возвращаться обратно в нору.

Возле знакомого колодца на разветвлении дорог маячил очередной селянин, пристроившийся на краешек колодезного сруба и сосредоточенно наблюдавший, как я приближаюсь. Спокойно так сидел, выжидательно. Одежда на нем была добротная. И взгляд уверенный, хозяйский.

– Доброго вам денечка, – степенно сказал он, когда я подошел достаточно близко.

– И вам того же.

– Погодка сегодня хороша... – продолжил абориген. – В

самый раз для прогулок.

– М-да... – неопределенно отозвался я.

– Хотя холодновато для молодой-то осени.

– Терпимо.

Он посопел, шевеля бровями. Провел ладонью по ершику седоватых волос. Начало животрепещущего разговора явно вызывало затруднение, а лимит дежурных фраз о погоде себя исчерпал.

– Мне сынок рассказал, что-де колдун к нам в село при-
был, – решил признаться селянин. – В роще ходит, ищет че-
го– то... Домой примчался, зовет, «иди, бать, скорее...». Я
вот и жду вас.

– Зачем?

Абориген откашлялся солидно, разгладил руками край
одежды, пожевал губами и проговорил:

– Дело у меня к вам, господин колдун... э-э, маг то есть.
Важное и серьезное. Речь о моей дочке пойдет. Ильмой ее
зовут. А меня, стал быть, Инором Блащатым.

...Ильма Блащатая, дочь пасечника Инора, была отцовой
любимицей и ни в чем отказу не знала. Писаной красавицей
ей родиться не довелось, но девушка она была милостивая,
с приданым, и, когда пришло время, появились ухажеры. А
один так готов был и в огонь и в воду ради нее. Да только при-
глянулся самой Ильме сын кузнеца Тивен, который в ее сто-
рону даже не смотрел. И так и эдак девушка пыталась приру-
чить Тивена, да все тщетно. А Ильма привыкла получать все,

что ей хотелось, и тогда она решилась обратиться к ведьме за приворотным зельем. И та ей помогла. Тивен принялся, словно собачонка, ходить за Ильмой, глаз с нее не сводил, говорил только о ней... Сыграли, как положено, свадьбу. А вот дальше...

– Она ж никому не сказала, что зельем парня опоила. Да и мы не приглядывались – счастлива дочка, и то ладно. Да только месяц-другой такого счастья – и вижу, чернеет моя Ильма. С лица спала, глаза ввалились, говорить ни с кем не хочет, а от мужа, который по-прежнему глаз с нее не сводит и пылинки сдувает, шарахается чисто от беса... Спрашивал ее, может, обижает или бьет Тивен-то? Она только головой мотает. И плачет... А вот однажды они ночевать у нас остались. Ильма не хотела, да мать ее уговорила. Ночью я просыпаюсь и слышу: вроде Тивен бормочет что-то... Прислушался и обмер. Он жену такими словами страшными называл, с такой лютой ненавистью имя ее произносил, проклиная, словно гадину какую, что я сам не выдержал, вскочил, хотел вмешаться... Дочка меня удержала. Она так и не легла, сидела в сторонке. «Не надо говорит, папа. Это он во сне. А наяву все будет как прежде...» И правда, утром Тивен вокруг Ильмы ходит-оберегает, взгляда любящего не сводит. Только теперь я в лицо зятево заглянул в глаза его, и только что сам не шарахнулся. Темень там кромешная и безумная... Тогда-то мне дочка все и рассказала. И я стал уговаривать ее к ведьме снова пойти, чтобы отворотное зелье дала. Но

Ильма... Не захотела она отпустить мужа. Говорит: умру без него. Да только она и с ним умрет...

Игор тяжело вздохнул и горестно закончил:

– Почти год уже с тех пор миновал. Сил нет смотреть на эту муку, только сделать ничего нельзя. Мы-то с матерью даже к ведьме хотели пойти, чтобы тайком отворотное зелье прикупить да их обоих опoitь. Все одно хуже некуда... Да опоздали. Померла старая карга. Ведьма то есть. Мы не больно с ней ладили, а тут она, будто нам назло, возьми да и помри... Уж полгода как. Вот с той поры у нас не жизнь, а... – Он махнул рукой обреченно.

– И что, не могли найти другую ведьму, чтобы отворот дала?

– Искали, как же... Только у местных-то наших районных ворожей да колдунов власти не хватает ведьмин наговор снять. Сильна была, старая... А из округа ехать никто не хочет. Заняты, говорят. А Ильма сама никуда не поедет.

– А почему вы решили, что я могу вам помочь, раз ваши районные колдуны не справились?

– Ну как же... – смущенно закрихтел пасечник. – Сынок – то мой видал, как вы колодец очистили... И в круг ведьмин войти не побоялись... – Он подумал и честно сознался: – А вообще-то я каждого проезжего мага прошу о помощи. Авось повезет... Вы не думайте, я заплачу сколько потребуется. Деньгами сам не обижен и вас не оскорблю. О цене договоримся.

Упоминание о деньгах заставило взглянуть на ситуацию по-другому. Из непредвиденной и ненужной помехи, задерживающей меня в пути, она вдруг превратилась в возможность заработать и сделать дальнейшее путешествие достаточно комфортным.

Да что я, отворотные заклинания не осилю? Подумаешь, деревенская ведьма...

Селянин, похоже, углядел в моем взгляде заветные алчные искры и поспешно повторил:

– Для дочки все сделаю. Одна у меня девка-то, вот и жалую...

– Ладно, – отозвался я, – покажите мне дом этой вашей ведьмы, а потом ведите к дочери и мужу.

Инор замялся.

– Тут такое дело... Ведьмин дом, это я вам покажу, недалеко здесь... А вот к дочке и мужу надо бы попозже. Она ведь догадается, зачем я вас привел, и визгу будет...

– Так как же я смогу вам помочь? Заочные отвороты не имеют силы.

– Сегодня год, как свадьбу отыграли. Мы праздновать будем вечером. Я вот пригласить вас туда хотел. Народу будет много, человеком больше, человеком меньше, никто и не заметит. Заодно и откушаете нашего, деревенского. У вас в городе небось такого не подадут...

Он, сам того не ведая, второй раз угодил точно в цель. Последний мой более-менее толковый ужин состоялся в Жел-

тове, а последующие приключения начисто выветрили даже воспоминания о нем.

И хотя задерживаться здесь до вечера не входило в мои планы, я принял предложение Инора, решив, что наверстаю упущенное, если в кармане заведутся деньги.

Ведьмин дом – классического вида древняя, замшелая избушка – обнаружился на полпути между развилкой с колодецем и возвышавшимся на холме замком. Воодушевленный, Инор распрощался со мной на ее пороге.

– Как солнце за деревья спустится, так можно и приходить. Народ подтянется после работы. Дом мой вы сразу найдете. Он как раз напротив скобяной лавки, мимо не пройдете... Я мальчонку оставлю сторожить на всякий случай. Ежели чего, он вас и проводит... – Инор опасно косил взглядом на плотно прикрытую дверь избушки и норовил поставить собеседника, меня то есть, между собой и входом в ведьмино логово.

И поспешил уйти, как только мы обо всем договорились, изо всех сил стараясь сохранить достоинство, но явно испытывая неодолимое желание пуститься наутек.

В жилье разрекламированной ведьмы я ничего особенного не обнаружил. Ведьма действительно долго проживала здесь. Стены помнили прикосновение ее мутной силы. Как всякая естественная сущность, сила эта не имела ни черной, ни белой окраски. Просто дикая, слепая стихия. Потому и

ведьмовству нельзя научить. Ведьмы рождаются сами по себе и употребляют свою власть каждая по-своему. Не всякий маг способен одолеть матерую ведьму.

На столешнице сохранились полустертые, черные от солевой грязи знаки, продолбленные в деревянной поверхности. На полу под плетеной циновкой тоже сохранились угловатые очертания каких-то фигур. Ни одной знакомой. То ли ведьма сама изобретала их, то ли просто увлекалась рисованием. По углам висели связки высохших растений. На полках пылились склянки. Их содержимое представляло такой же интерес, как и содержимое невымытых тарелок, стоящих в углу на печке и покрывшихся черной шерстистой плесенью. Крыша над лежанкой разобрана, и непогода регулярно наносила пустующему дому долгие визиты, оставив следы своих посещений.

Пахнет водой, старостью, камнем, осенней мерзлой землей... Ведьма как ведьма. Очень старая и потому сильная. Умирала, наверное, долго, страшно и в одиночестве.

Я выбрался на свет, плотно прикрыв за собой дверь и ощущая явное облегчение, что могу покинуть жилье, темное от скопившейся там усталости и безысходности. Не потому, что там жила ведьма. А потому, что доживала свой век одинокая и никому не нужная женщина.

Солнце стояло еще высоко, и спешить теперь было некуда. Поэтому я решил совершить экскурсию к замку на холме.

Развалины дышали магией как нагретая скала теплом. Каждый камень, каждое железное кольцо для факела, вмурованное в стену, каждая рассыпающаяся от старости доска дверных створок были зачарованы и помечены незримыми клеймами, уцелевшими до сей поры.

Чародеи укрепили замок, чтобы он выстоял против вражеской магии. Да только от своих вандалов древняя магия не защитит. Все, что можно было отломать – отломали, что можно было унести – унесли, выдрали, выдолбили, просто разбили...

Теперь мне стало понятно происхождение витражей в домах поселян. Угловая башня замка незряче и угрюмо таранилась пустыми окнами. В рамках кое-где еще торчали цветные осколки и погнутые переплеты. Странная роскошь для сторожевого поста, невесть зачем предусмотренная архитектором.

– Эй, вы чего это там? – От неожиданного оклика я чуть было не выронил поднятый с земли обломок черепицы с клеймом семьи Грагоров. Надо же, и они здесь были когда-то...

Из-за угла замка показался сухощавый, костистый старик в сопровождении двух кошек – огненно-рыжей и черно-белой. Кошки, задрав хвосты, уверенными прыжками неслись впереди хозяина, как заправские сторожевые псы, спешащие обследовать вторгшегося чужака. Только что не лаяли.

– Изучаю достопримечательности, – сообщил я, когда ста-

рикан приблизился. – Это же памятник архитектуры?

– Он и есть, – нелюбезно согласился старик, внимательно рассматривая меня. – Из города, что ли, прибыли?

– Из города.

– А, тогда глядите... – Он почесал переносицу. – Я-то сторож местный. Думал, опять кто из нашенских пришел утащить чего. Чисто муравьи, несут все, что плохо прибито. Отвернешься, как опять чего уволокли. Скоро весь замок по камешку разберут на хозяйство. Днем-то не шастают, а ночью не углядишь... Вам экскурсию провести? Оплата по тарифу, пустяки сущие... Скидка для группы. Только вы, как я погляжу, один?

– Один. Я просто посмотрю, если вы не против.

– Нет, просто посмотреть – это всегда пожалуйста. Только не отламывайте ничего... – Он выразительно посмотрел на черепичный обломок у меня в руках. – Проклятие на здешние камни наложено, накличете беду на свою голову...

– Так что ж, ваши односельчане не боятся проклятий? – хмыкнул я.

Старик крякнул огорченно и вздохнул:

– Язык мой болтливый... А мозги за ним не поспевают. Запоздал я с придумкой. Сразу не сообразил на проклятие сослаться, а теперь никто, кроме приезжих, уж и не верит. Раньше хоть ведьма чуток спасала, не всякий мимо ее дома по ночам осмеливался шастать, а теперь точно спасу не будет...

– Не беспокойтесь, я только погуляю...

Некоторое время сторож еще неслышно крался следом, а потом отстал. За мной неотступно следовала только голубоглазая дымчатая кошка.

Я лениво озирался.

Замок был очень стар. И выстроен на природном узле силы. Потому остался неприступен во время штурмов. Жаль, что стихия не спасает от любителей выложить вековыми камнями дорожку к палисаднику...

Вечером поселок ожил и повеселел.

Осенью темнеет быстро, сумерки подернули воздух серым, едва только солнце скрылось за макушками дальнего леса. Заметно похолодало, и над крышами вздыбились белые дымные столбы из печных труб. А в окошках разноцветных домов зажглись огоньки. Потянуло жареным и сдобой; дневная поспешная суета сменилась неторопливостью движений и обстоятельностью разговоров.

Меня, когда я шел по улице, теперь провожали заинтересованными взглядами, обмениваясь впечатлениями с соседями. Через какое-то время я стал ощущать себя эстафетной палочкой, которую передают глазами.

Поначалу я выбрал неверную дорогу, и то, что днем мимоходом принял за скобяную лавку, оказалось магазинчиком уцененных товаров. Пришлось возвращаться и искать снова. Впрочем, нужный дом обнаружился сам, без дополнитель-

ных ориентиров – по избытию света во всех окнах, смутной музыке и невнятным голосам, доносившимся изнутри. Перед домом, сцепившись рулями, скопилось несколько велосипедов, чуть в стороне стояли крытый фургончик и грузовик.

– Эй! – донесся откуда-то сверху и слева мальчишеский голос. – Сюда!

Перевесившись через опасно покосившийся штакетник, белобрысый парнишка размахивал руками, подзывая меня. Кажется, это тот, что встретился мне днем с рыбой. Сейчас рыбы при нем не было, а имелся здоровенный надкусанный крендель.

– Привет, – сказал я.

– Папаня беспокоился, что вы долго не идете. – Паренек сверзился со штакетника, по ходу дела отхватив кусок от своего хлебобулочного изделия, и продолжил, жуя: – Я тут битый час торчу, замерз весь... Папаня велел вас вести, как только появитесь.

– Веди, – разрешил я. От кренделя пахло корицей. Я бы пошел за этим запахом на край света без разговоров.

– Я давеча так сразу и понял, что колдуна встретил, когда вас увидел, – доверчиво поведал паренек. – У нас-то никто в рощу ходить не решается. Там вроде как ведьмино место было...

Дверь дома качнулась в петлях, выплеснув в вечер порцию золотого света и разноголосицу. Кто-то вышел и остановил-

ся, разжигая сигарету. В сгустившейся полутьме вспыхнул и затлел красный огонек.

– Папаня просил не обижаться, но нам через кухню идти, – проговорил парнишка.

Пасечник Инор Блащатый и впрямь не бедствовал. И гостей любил, иначе зачем ему могла понадобиться кухня такого размера? Пока я с любопытством озирался, пытаюсь не глазеть на приготовленные и расставленные на столах в ожидании своего срока яства, а две работницы, занимавшиеся очередными блюдами, старались не смотреть на меня, парнишка привел полную, невысокую и заметно обеспокоенную женщину.

– А вот и вы, господин, – нервно комкая краешек нарядной блузы, сказала она. – Муж говорил. Я Аглая Блащатая. Вы... – Она запнулась, покосившись на работниц, и продолжила торопливым шепотом: – Пойдемте... Гости почти собрались, так что пойдемте...

И мы пошли.

В большой комнате, украшенной по стенам венками из спелых колосьев, находилось человек сто, но казалось, что их все двести. В дальнем углу пристроились музыканты. А возле окна за главным столом расположились виновники торжества и, надо полагать, их ближайшие родичи. Во всяком случае, возле центральной молодой пары сидел сам Инор Блащатый.

Он озабоченно смотрел на входивших и при моем появле-

нии мигом повеселел, удовлетворенно кивнув. Кроме Инора, мое прибытие ни на кого не произвело особого впечатления.

Дочь Инора, молодая женщина, вряд ли больше чем года на два-три старше меня, светловолосая, миловидная, большеглазая, действительно могла привлечь внимание любого мужчины. Не то чтобы красавица, но ямочки на пухлых щеках в иных случаях еще более неотразимы, чем классический профиль. А округлости в нужных местах притягивают чаще, чем осиная талия и хрупкие запястья. Парень рядом с ней, широкоплечий, тяжеловатый, но статный – из тех, кто тоже явно разбивал девичьи сердца огненным взглядом и шапкой буйных кудрей. Вот и разбил одно, на свою голову...

Даже отсюда можно было заметить признаки насильственного приворота. Я отвел глаза. Не хотелось портить аппетит. До сего момента я надеялся, что никакого приворота нет и в помине, как это часто случается.

Запах еды сбивал с ног и начисто лишал рассудка. На некоторое время я полностью отключился от происходящего, сосредоточив свое внимание на тарелке. Даже мой сосед по столу одобрительно крякнул, наблюдая, с какой скоростью исчезает печеное мясо.

– Ежли бы не чесночная-то подливка, которой славится тетка Аглая, я бы решил, что ты прожор, по недосмотру затесавшийся среди гостей... – доверительно сообщил он мне, наклонившись к уху.

Я поперхнулся от неожиданности и лишь через пару секунд сообразил, что он не пытается укорить меня в обжорстве, а вспоминает нечисть, что вечно вьется возле людских поселений – прожора-оборотня.

– Не, прожоры на дух не выносят чеснок, да и обереги тут кругом, – вмешалась женщина напротив. – Инор бережет дом от сглазу пуще всех. Оно и есть, что побереечь.

– Да много те обереги помогают, – отмахнулась ее соседка. – Вон давеча у Келены все молоко враз скисло. А ведь везла оберег из самого района. Стоил словно новый холодильник. Уж лучше бы она холодильник прикупила...

– Не скажи, – возразили ей. – А вон вспомни, чем дело кончилось у Клопа и его жены? Если бы не оберег над дверями, так бы впустили они завертыша.

– Ой, да что вы все о нечисти за столом? Икотку подхватите! Вот лучше угостите городского гостя грибочками... У Аглаи всегда знатные грибочки выходят.

И аборигены умиленно принялись наблюдать, как я дегустирую предложенное блюдо. Надо признать, грибочки в золотистой сметане с пряностями были отменными. И даже приправа из чужих взглядов их вкус не испортила.

Утолив первый голод, я расслабился и принялся озирать присутствующих. У кого-то в волосах заплетены колдовские нитки. В основном белые, но есть несколько черных. Девушки вокруг талий обернули пояски с вышитыми *хранителями*. Кряжистый мужик с мутными глазами, молча и тихо си-

девший в углу, носил на левой щеке *ценное клеймо*. Причем такой силы, что вытравить его можно, только убив обладателя. Вряд ли это работа местной ведьмы... Кстати, ведьма тоже пометила часть присутствующих, и метки все еще тлели черным, как мазки сажи. Могучая была старуха, надо заметить. Если и после ее смерти следы не сошли. Судя по характерному изгибу, это были *знаки подчинения*.

Музыканты заиграли что-то веселое, и слегка ослобевший от угощения народ встрепенулся и потянулся танцевать. В большой гостиной сразу стало тесно. Запахи перемешались. Звуки брызнули словно фейерверк.

Мне смертельно хотелось прилечь где-нибудь под столом и выспаться. Словно в еду подмешали снотворное. Требовалось изрядное усилие, чтобы просто держать голову прямо. Кое-как выбравшись из-за стола, я вышел на кухню, где работницы уже закончили приготовление последних блюд и мирно перекусывали остатками первой перемены, болтая у окошка.

Они с любопытством уставились на меня.

– ...Магическое сообщество шокировано!.. – радостно объявил телевизор на холодильнике. Хрустальный шар пестрел красками, лихо меняя изображения. – ...Неслыханное злодеяние. Просочились слухи, что Белая Королева похищена, однако служба безопасности Королевы пока не дает официальных комментариев...

Девушки у стола что-то спросили, но я не услышал, по-

тому что сунул голову под кран с холодной водой. Ледяные струйки потекли за шиворот.

– Может, кофе? – предложил осторожный голосок, когда остатки воды удалось вытряхнуть из ушей.

– Спасибо, – рассеянно отозвался я. – Может быть, позже...

И вернулся в гостиную. После пустоты и кухонного покоя словно окунулся в жаркое, душное, плотное варево чужого веселья.

Только взгляды пронзали его, как холодные стальные клинки.

На один из них наткнулся я сразу, как только вернулся. Инор вопрошающе смотрел через всю комнату. Аглая Блащатая беспокойно глядела на мужа, кусая губы. Сидевший в одиночестве Тивен не сводил большого взгляда с Ильмы, которую пригласил кто-то из родичей на танец.

Впрочем, еще один человек смотрел на Ильму практически весь вечер. Парень возле входной двери тарасился на нее, машинально сгибая пальцами перья зеленого лука. Их уже с десятков, словно плоеных, лежало перед ним на столе. Иногда, когда танцующие пары слишком приближались, на скулах у парня неровными пятнами выступал румянец.

А еще были девицы, что не сводили глаз с Тивена и Ильмы. Пересмеиваясь, кокетничая, перешептываясь с подружками, они нет-нет да и глянут в сторону хмурого сына кузнеца и веселящейся дочки пасечника. И взгляды их жалили

не хуже пчел.

Только сама Ильма ничего не видела. Смеющаяся и оттого вдвойне притягательная, забыв обо всем, кружилась по комнате, не замечая ничьих взглядов... Или нет, замечала. Когда она оборачивалась к мужу, лицо ее застывало на несколько мгновений, словно замерзло, и улыбка, не успевшая слететь с губ, становилась зыбкой и неуверенной. Но лишь на доли секунды. Этого можно было и не засечь, если не знать, что надо замечать.

– Ну за здоровье годовалого брака Тивена и Ильмы! – громко выкрикнули от окна, едва музыка чуть притихла. – Пусть растет и крепчает год от года...

Тост поддержали дружными возгласами и потребовали поцелуя молодых супругов, чтобы скрепить его. Раскрасневшаяся Ильма с явной неохотой пошла к столу. Тивен нетерпеливо встал, пожирая ее глазами. Парень возле двери опустил голову к тарелке. Багровые пятна на его коже казались ожогами.

Пасечник резко поднялся, стряхивая со своего локтя руку супруги, пытавшуюся его удержать, выбрался из-за своего стола и двинулся ко мне, на ходу скупно кивая поздравлявшим его гостям.

– Господин маг, – проговорил он, оказавшись рядом, – не хотелось бы вас торопить, но, может быть, пора уже приступать?

Я молча наклонил голову. В самом деле, оттягивать

неприятный момент не имело смысла.

– Только вы... полегче как-нибудь. Понезаметнее...

– Постараюсь.

– Вам это... – Пасечник неуверенно потер руки. – Ничего особого не надо? Ну там трава какая-нибудь, куклы восковые, зеркала... Или еще что?

– Я маг, – напомнил я, – а не колдун.

– Нет, значит? – на всякий случай уточнил он. – Тогда ладно, пойду я...

Воодушевленный, Инор отправился обратно, пританцовывая на ходу. Я сделал несколько шагов в другую сторону, откуда можно было повнимательнее понаблюдать за парой, связанной страшным и злым приворотом. Который мне придется рвать по-живому.

Всего лишь слегка изменить угол зрения, и...

Между Ильмой и Тивеном, словно мохнатые, шевелящиеся волокна, протянулись клубки и петли приворотного заклятия. Черные, шерстяные змеи... У Ильмы меньше, за нее зацеплены лишь крюки и иглы. А Тивен прошит ими как тряпичная кукла. Они свиваются в плотные жгуты, проходя через глаза, через уши, через рот. Через сердце и легкие. Мозг и позвоночник. Пах. Чтобы видел только объект своего желания. Чтобы слышал только ее. Чтобы мог говорить лишь о ней. Чтобы думал о ней. И тело жило для нее. И желало только ее.

Каждое движение Ильмы тянуло за собой нити, заставляя

Тивена, как марионетку, дергаться вслед. Взмах руки девушки – рывок жгута. Тивен поворачивает голову и улыбается от счастья.

Все через живое.

Тело парня заходится от нестерпимой боли, но мозг тоже подчинен заклятию, и он не реагирует на сигналы. Рано или поздно это убьет жертву приворота. Все зависит от того, насколько силен человек. Некоторые живут годами...

Была такая пытка у древних, когда человека подвешивали на множестве мелких крючьев, зацепленных за кожу. Так вот это еще хуже.

М-да... Незаметно это разорвать невозможно. Проклятая ведьма была и впрямь редкой силы. Настоящий приворот встречается нечасто. Если исключить откровенное вранье, рассчитанное на простаков, то мелкие ведьмы, как правило, ограничиваются психологической обработкой объектов да плетут сеть *притяжений*, которые приручают пару друг к другу. А потом уже работает привычка и обычные человеческие чувства.

А здесь... Ну и дрянь.

Музыка примолкла, и разгоряченные танцоры разошлись к столам. Смеющуюся Ильму партнер возвратил мужу. Черные жгуты спружинили и сократились, когда пара сблизилась друг с другом. И стали заметно плотнее. Со стороны казалось, что эти двое сшиты друг с другом грубыми широкими стежками нитью толщиной с корабельный канат.

Еще не поздно отказаться. Потребуется столько силы, чтобы распороть этот жуткий шов, что от моего так и не успевшего восстановиться резерва снова ничего не останется... Впрочем, раз уж взялся, надо хоть попытаться.

По правилам спрашивать разрешения на танец с супругой следовало у мужа. Но не в данном случае. Да и нравы в деревне попроще.

– Разрешите вас пригласить... – произнес я, и одновременно со мной прозвучало справа искаженным осмысленным эхом: «Потанцуешь со мной?»

Ильма, разговаривавшая с матерью, повернула к нам раздумавшееся лицо. Глянула с любопытством и некоторым самодовольством на меня, затем на парня, что подошел следом, опоздав на пару мгновений.

Я тоже мельком покосился на него. Если не ошибаюсь, это тот, который сидел возле двери и сверлил молодую жену Тивена неотрывным взглядом. Решился-таки пригласить ее...

Девушка даже не раздумывала.

– Прости, Мик, – кокетливо произнесла она, – но ты опоздал. Я уже приглашена...

Танцевал я, надо признать, так себе. Тем более эти деревенские танцы, которые словно на век-два отстают от столичных. К тому же танец под перекрестным огнем взглядов – занятие для экстремалов.

Но музыка вела и завораживала, Ильма улыбалась, на щеках играли ямочки...

А на дне карих, древесного оттенка, глаз плескалась мука черная и гибельная, как омут на дне озера. И жили там ночные кошмары и бесконечная боль.

– ... Не смотри на меня так. – Голос Ильмы наконец достиг моего сознания. Она уже не смеялась и глядела с напряжением. – Ты пугаешь меня... Кто ты? Ты не из наших...

– Я проездом, – отозвался я. – Твой отец пригласил меня зайти. Он хочет, чтобы я оказал ему... и всем вам одну услугу. Вот только я не уверен, нужно ли мне это делать...

– Что за услуга?

Я смотрел за ее плечо на Тивена. Тот, улыбаясь, не спускал глаз с жены, поворачивая голову как механическая игрушка. А пальцы его беспрерывно, словно сами по себе, впились в мякоть хлебной горбушки. Драли печеную плоть, скребли, рассыпая крошки.

– Скажи, Ильма, ты и твой муж счастливы?

Лицо девушки на пару мгновений взялось испугом. Словно проступили все до единой пока еще невидимые будущие морщины. Как трещины под нежной глазурью фарфора.

– Д-да... – отозвалась она с запинкой. И уже увереннее: – Да, конечно!

Если бы не это ее почти незаметное замешательство, я наверняка не стал бы вмешиваться. Кто я такой, чтобы решать за них? Но...

– Значит, вы любите друг друга?

– Разумеется. – Ильма задорно усмехнулась. Страх утек

из карих глаз, притаился. – А что? Уж не влюбился ли ты в меня сам? – Она потянулась ко мне, опалив прикосновением горячей скулы к щеке, и сказала в самое ухо: – Учти, если соберешься умыкнуть меня у мужа, то берегись еще и Мика!

Ильма весело рассмеялась, откидываясь. От нее пахло медом и сладковатыми духами.

– Я подумаю, – пообещал я.

– А все-таки почему ты спросил?

– Просто интересно... А ты знаешь, что в давние времена, чтобы проверить чувства влюбленных, их сковывали на год короткой цепью...

– Зачем? – Ильма снова перестала улыбаться. И румянец на разгоряченном лице стал выцветать на глазах.

– Немногие выдерживали испытание. Любовь превращалась в ненависть... – Теперь уже я в свою очередь наклонился к ее лицу, проговорив тихо, так, чтобы слышала только она: – Ильма, если вы с Тивеном любите друг друга, то вам ведь не нужны цепи, верно?

Я прикоснулся к своей партнерше и почувствовал, как гибкая спина девушки закаменела. Она споткнулась, ухватившись за мое плечо. Нет, впилась изо всех сил. Танцоры двигались вокруг и мимо нас словно в другой вселенной.

– Что ты делае... – Она не закончила, уставившись замороженно и испуганно. Взгляд остекленел, на приоткрытых губах заблестела нитка слюны.

Время замедлило бег... Огонь течет через пальцы. Закли-

вание уплотнилось, скользя между перебивками черных жгутов, замкнулось в кольцо и внезапно вспыхнуло золотым.

Обрывки черных волокон, словно разорванные струны, разлетелись в стороны, сворачиваясь в тугие спирали. Илма качнулась у меня в объятиях безвольно. Широко открытые глаза затопил беспросветный ужас. Люди, стоявшие вокруг, инстинктивно раздались в стороны, хотя ничего заметить не могли. И в образовавшейся прорехе стало видно, что Тивен запрокидывается назад, судорожно содрогаясь всем телом. Лицо его бело, как известка, и обмякло, как квашня, а в глазах все та же черная пустота...

Мертвый приворот распадался, превращаясь в незримую труху. Но на месте входа и выхода заклятия кровоточили страшные раны. И не зажить им еще долго.

Нестерпимо длинное мгновение закончилось, и все пришло в движение.

Илма начала кричать. Завыла на одной тоскливой ноте, набирая громкость. Слепо глядя куда-то мимо всех. Музыканты, сбившись, прекратили играть. Люди встревоженно всколыхнулись, оборачиваясь. Мать Ильмы кинулась к нам. Но ее опередил пришедший в себя Тивен.

Он одним прыжком метнулся к своей супруге. В бешеных глазах его было словно вскипевшее олово. Прожигало насквозь.

– Ты!.. Тварь!..

Я оттолкнул Илму в сторону. Тивен обрушился на ме-

ня, горячий и тяжелый, будто паровой каток, чудом не сбив с ног. Роста мы были одного, но сын кузнеца оказался не в пример массивнее. Навалившись, он хрипел и молотил воздух руками, пытаясь дотянуться до жены.

Все смешалось.

– Зачем! Зачем ты это сделал! – кричала, заходясь ненавистью, Ильма, пытаясь вырваться из рук матери и отбивая поданный кем-то стакан с водой. – Ненавижу! Ненавижу тебя, проклятый колдун! Кто просил тебя вмешиваться!..

Вода плеснулась, стакан упал на пол, рассыпаясь ярким крошевом осколков.

Исцарапанное, испятанное неровным румянцем лицо Ильмы исказилось до неузнаваемости. Аглая Блащатая смотрела на меня с угрюмым обвинением.

– Он никогда не вернется! Никогда... Зачем ты... Он мой, мой!..

От визга и духоты ломило виски. Я вышел за дверь, окунувшись в ночной мглистый мрак. Пронзительный и свежий до рези.

Возле дверей дома топтались музыканты, прислушиваясь к творящемуся внутри. На меня посмотрели настороженно и поспешно расступились, давая пройти. У забора тоже толпились люди, обмениваясь впечатлениями:

– Да я давно говорила, что дело нечисто...

– ...Так их обоих ведьма-то и свела, чтобы они ей ребеночка родили...

– ...От колдовства добра не жди...

– Моя Марика уж больно заглядывается на Антона. Не иначе тоже присушена...

– ...Так колдун пришлый сам на них порчу и напустил, чтобы из родителей денежки выкачать...

Я свернул за угол и остановился, прислонясь к стене дома. Из кухонного окна лился теплый желтый свет. Там внутри осталась моя куртка, и надо было вернуться, но делать этого не хотелось. Хотелось выпить.

Внутри кухни скрипнула дверь, выплеснув волну звуков, и словно пеной на ней вскипел отчетливый голос Аглаи Блащатой: «...слышишь? Чтобы не видели мы его больше! Живодера Проклятого...» Дверь стукнула, отсекая шум. Открылась вторая, что вела на улицу.

– А... господин маг, – пасечник, щурясь, вглядывался в темноту, – вы здесь. Как раз кстати. – Он, тяжело ступая, спустился с лестницы. Остановился рядом и вздохнул: – Шумно там очень. На воздухе-то поприятнее будет... Вот, это вроде ваше...

Я забрал у него куртку.

Пасечник добыл из кармана пачку папирос и некоторое время, сопя, пытался отделить одну трясущимися пальцами.

– Долго ее так колотить-то будет? – наконец закурив, спросил он.

– Какое-то время будет... Потом пройдет. – Я не знал этого наверняка, но сказать правду не мог.

– А Тивен? Эк его плющило... Будто бесы рвали на части. Отойдет?

– Тоже не сразу. Постарайтесь, чтобы они пореже видели друг друга. Тогда все забудется быстрее.

Инор помолчал, снова покопался в карманах, извлек потрепанный бумажник:

– Вот, это как договаривались. Работу вы свою выполнили справно.

– Извините, незаметно не получилось.

– Да чего уж теперь... Видно, иначе никак нельзя было. Знатно ведьма нам испортила кровушки напоследок. – Он помялся и добавил: – Вы уж тоже не держите на нас зла, господин маг. Жена-то моя в сердцах да от расстройства наговорила всякого. Она так не думает...

– Да, – неопределенно отозвался я. – Конечно.

– Сейчас, сами понимаете, обстановка... Прощайте, в общем, господин маг. Спасибо за помощь.

Смутная надежда на ночлег в тепле и под крышей улетучилась безвозвратно.

Добираться в такой поздний час до шоссе и пытаться поймать попутку бессмысленно. Придется переждать до утра. Только вот где...

Раздумывал я не очень долго. А почему бы, собственно, и нет? Крыша и стены там точно есть. Ночь скоротать можно. Все лучше, чем в лесу под кустом.

Ветер лизнул щеки и уши морозцем. Прошелся вдоль

улицы, скрежеща незакрепленными водостоками. Завихрил опавшие листья под ногами. Потревожил ветви засыпающих деревьев. Принес отголоски...

Мне снова почудился лай. Просто собаки? Да, их здесь много...

Поселок с высоты замкового холма казался горстью тлеющих углей. А сами развалины ночью нарастили разрушенные стены и углы, стремясь выглядеть целым и по-прежнему неприступным бастионом, сторожевым постом на границе.

Впрочем, от холода иллюзия не спасала. Внутри постройки, даже там, где сохранилась крыша, было холодно, темно и на редкость неуютно. Вспокоенные нетопыри проносились вокруг с тонким писком, задевая крыльями макушку.

Я подобрал корягу и попытался разжечь огонек. Потребовалось некоторое терпение, но деревяшка все-таки принялась, разбавив кромешный мрак жидким светом. Изгнанная за пределы светового круга, тьма стала еще гуще.

А вот и камин... М-да, размер его позволяет затолкнуть туда меня самого целиком. И чтобы его разжечь, потребуются вязанка дров. Да и дымоход наверняка забит. Нет, в большой зале замка ночевать неприятно. Надо поискать комнатку поменьше...

Только я сделал пару шагов по направлению к лестнице, как нечто мягко прикоснулось к ногам с утробным урчанием. От неожиданности я чуть было не выронил свой импро-

визированный факел. Мне померещилось, что от царящей вокруг тьмы отделился небольшой сгусток и решил познакомиться со мной поближе. Но «сгусток» повернул мордочку, явив два зеленоватых мерцающих глаза... Кошка!

– Ага, – удовлетворенно произнесли от входа, – господин маг. Так я и думал, что вы непременно вернетесь. Снова изучаете достопримечательности?

– Ночь, знаете ли, способствует размышлениям и длительным прогулкам. – Я наблюдал, как сторож приближается и темнота скатывается с него, словно вода.

Штук пять кошек носились вокруг беззвучными, легкими тенями.

– Да, да, – покивал со значением сторож. – А также весьма удобно для всяческого колдовства...

– А с чего это вы взяли, что я маг? Не припомню, чтобы говорил вам об этом при нашей первой встрече.

– Как же, наслышан о ваших подвигах в доме пасечника. – Сторож ухмыльнулся, продемонстрировав щербину на месте левого клыка. – Я ж тоже среди людей живу, а не в этих постылых камнях. У меня и домишко приличный на окраине, как у всех. А сюда я только сторожить хожу...

– Понятно. Но вы ж не думаете, что я тут и вправду собираюсь что-то... – Я сделал неопределенный жест, пытаюсь подобрать слова.

– А ежели бы и собирались, я б не возражал. И скажу даже больше... – Сторож приблизился вплотную, обдавая смесью

запахов: лук, дым, кошки. Глаза его, отражая огонь гаснущего факела, таили оранжевые искры, придавая взгляду заговорщицкий блеск и страсть. – Я был бы очень даже за, если бы вы, господин маг, и впрямь провели бы здесь какой обряд поопаснее или поселили бы в подвале нашего замка чудище пострашнее. Фантом там или привидение какое, а?

– Зачем? – Я отступил назад.

– Разве непонятно? – удивился сторож. – Народ бы поостерегся лезть сюда лишний раз – и, глядишь, имущество бы целее осталось... А я бы вам и курицу какую принес. Или даже козу.

– Козу? – ошалело повторил я.

– Ну для жертвоприношения! Кровь же нужна? Или вы хотите человеческую? Ну так это в район надо, в банк крови...

– Не хочу я крови, – поспешно отказался я. – Ни человеческой, ни козлиной. Я вообще не по этой части.

– Правда? Жаль... – искренне огорчился сторож. – Но хоть призрака-то поселить сможете?

Я задумался. Ноилла все равно надо будет куда-нибудь пристраивать. А почему не сюда, в самом деле? Он, правда, не страшное чудовище, но при небольшой работе по созданию репутации и соответствующего антуража...

– А ведь это недешевая услуга, – медленно проговорил я. Сторож просиял:

– Ну так что ж, музейный фонд можно и порастрясти ма-

лость. Только, вы ж сами понимаете, музейные – они люди небогатые... А сколько это по прејскуранту?

Я ответил. Он помрачнел, почесал переносицу, раздумывая.

– Я тут поразмыслил... Вы ж сюда, я так понимаю, пришли ночлег искать?

– Почему это вы так решили?

– Да ладно, трудно догадаться, что ли? Гостиницы у нас нет, в Иноровом доме вам не рады, из поселковых вряд ли кто решится пустить вас после всего, а на холоде несподручно ночь коротать, чай, не лето... Куда ж еще деваться? Только и здесь уж больно сыро. Так что я вам могу предложить вполне сносный ночлег. Это здесь же, в башне. Там есть комнатка с камином. Она запирается, и там тепло. Я и сам иногда в ней ночую...

Словом, мы столковались.

– Вот здесь будет удобнее всего, – бормотал сторож, разводя костерок. – Опять же к выходу близко, а с другой стороны, не на дороге...

Он словно примеривался, куда лучше разместить только что купленный шкаф. Я осматривался, стараясь не спотыкаться о вездесущих и настырных кошек. Для достоверности мы выбрали, как и положено, подземное помещение, но далеко углубляться в лабиринт подполья не стали. Во-первых, все перекрытия не выглядели особо надежными, а во-

вторых, чем ближе к поверхности, тем больше шансов прозрачному сторожу отогнать нежеланных посетителей звоном цепей и заунывным воем. А кто его услышит в глубине ка-
такомб?

Помещение было обширным, непроглядным и зловещим. То, что нужно. Каменные продолговатые саркофаги вдоль стен с одинаковой вероятностью могли служить коробами для хранения провианта и склепами, где замуровывали покойников осажденные в крепости. Вскрывать и проверять их содержимое мы не стали для сохранения душевного равновесия.

В центре высился колодец, накрытый каменным жерновом. Оттуда все равно тянуло промозглой сыростью.

Что ж, вполне подходящая обстановка...

Вялый костерок трепыхался, сиюсь поддержать свое существование на скудной диете из трухлявых, промерзлых насквозь досок, подобранных здесь же. Тусклый свет вымывал из мрака грубую каменную кладку ближайшей стены, угол пустой ниши и краешек саркофага, украшенный сбитой резьбой и искрящийся изморозью. Одна из кошек вспрыгнула на него и сосредоточенно обнюхивала.

Изнывающий от любопытства сторож пристроился у меня за спиной и едва не сопел в ухо, явно намереваясь наблюдать процесс лично. В руках у него покачивался старинный фонарь со свечой внутри, который ничуть не усиливал свет костра.

– Надежнее всего принести здесь кого-нибудь в жертву. Желательно самым жестоким образом, – заявил я деловито. – Тогда вероятность появления призрака возрастает в несколько раз... – И я перевел оценивающий взгляд на сторожа.

Он несколько секунд с восторженным ужасом таращился на меня, как ребенок на факира. Затем в его глазах обозначилось беспокойство.

– Э-э... Я ж предлагал курицу. Или овцу...

– Желаете получить призрак овцы?

– Я... Но... – Сторож заметно напрягся и сделал пару шагов назад, едва не наступив на хвост замешкавшейся кошки. – А что вы имеете в виду, господин маг?

– Знаете, – со значением проговорил я, – здесь был бы очень уместен призрак сторожа. Двойной эффект... У вас есть нож?

Фонарь качнулся. В горле сторожа клокотнуло. Острый кадык, словно акулий плавник, прошелся под кожей вверх-вниз.

– Нож? Нету... То есть... – Сторож смолк, подумал и облегченно, хотя и неуверенно засмеялся: – Шутите, господин, маг.

– Какие шутки, – пробормотал я, хмыкнув. – А вы чего ждали? Думаете, призраков ветром надувает? Призраков кровью привязывают. И чем больше крови, тем лучше... Давайте нож. И держите фонарь ровнее. Ничего ж не видно...

Нож у сторожа отыскался вполне приличный – с острым и чистым лезвием. На всякий случай я его прокалил в огне. Надоело, честное слово, наносить себе увечья в антисанитарных условиях.

Углем из костра я начертил на стене руну Кольца, морщась, рассек палец и инициировал знак кровью. Руна налилась холодным, зеленоватым свечением. Прижатую к камням ладонь опалило холодом. А пустота подземного зала внезапно ожила и словно расслоилась. Почти мертвые древние заклятия проступили в затхлом пространстве. Каждый вдох наполнился металлическим привкусом переродившегося колдовства. Стены, как горная порода прожилками руды, подернулись цветными вплетениями остаточной магии... Черная и Белая перемешаны до неразличимости.

Свежая руна прожгла дыру в плотном плетении давних заклинаний и втягивала в себя, словно вакуумная ловушка, все, что находилось в пределах ее досягаемости. А поскольку она была инициирована моей кровью, то подвластны ей были только определенные объекты.

– Ноилл? Эй, ты здесь? Я нашел тебе пристанище...

Реальность стала тонкой, как мыльная пленка. И за ней смутно и вразнобой шевелились тени.

– Ноилл! – нетерпеливо взвыл я, потому что ладонь пекло невероятно.

Где его носит? Вот когда не надо, он тут как тут.

– Что там? – Изрядно струхнувший от моего возгласа сто-

рож тихонько подобрался поближе.

Нарисованная углем руна зашевелилась.

Кошки вздыбили шерсть на загривках, как по команде и неприязненно зашипели. Сторож сдавленно вскрикнул, таща на призрака. Все-таки он оказался чересчур впечатлительным. На что он рассчитывал, оставаясь в моем обществе и подряжая меня на вызов привидений?

«Не... могу... Холодно... Страшно... Давит...»

Руна чернела быстро и неотвратно. Кровь запеклась и парила беловатым дымком, будто сухой лед. Что-то темное плескалось в пространстве, неразличимое, но ощутимо тяжелое, словно кит в ночном океане. И это что-то подавляло беднягу Ноилла своей мощью, гнало его прочь, и даже руна оказалась бессильна перед его напором.

– Что происходит?! – хрипло вскричал перепуганный сторож.

Беззвучный ветер вдруг поволок нас к стене. Небольшое, прожженное руной отверстие стало стремительно расширяться. Камень расползлся, как ветошь. Я в панике затер угольный значок, но мутные, темные разводы уже ползли вокруг, сминая кладку стен.

И как я об этом не подумал?!

Здесь кипели бои – и обычные человеческие, и магические. Пространство оказалось напитано волшбой как земля талыми водами весной. Вот почему заурядная ведьма набрала столько силы.

– Держитесь!

Приступ дежавю... Снова пространство неудержимо разбегается, только теперь рядом нет никого, кто пришел бы на помощь. Стены истончились так, что смахивают на стекло, за которым...

– А-а!! – в ужасе заверещал сторож, тыкая пальцем. – Что? Что это?! – Вокруг его искаженной фигуры разрасталась багровая, пробитая оранжевыми искрами паники аура.

Снова за хлипкой пленкой реальности задвигалось нечто чужое. И почти сразу же накатила тяжелая волна присутствия. Смутно знакомого. Из гораздо более близких воспоминаний... Что-то из Бурой Башни?

Некогда разбираться!

Я попытался вывязать узел стихий, мельком пожалел, что рук у меня всего две. Энергетические вихри бились, как металлические плети... Есть!! Вспыхнул, замыкая контур, замок единорога.

Тишина легла насыщенная, надежная, долгожданная. Обалдевшие кошки, сбившиеся в единый меховой комок, шало раскрывали осипшие пасти. Сторож возился на полу, скребя ладонями и неприятно смахивая на упыря. Ноилл бесследно исчез.

На стене тлела смазанная руна, постепенно осыпаясь серыми струпьями. Каменная стена все еще казалась покрытой мурашками.

– Ничего не выйдет, – сообщил я раздраженно притихше-

му и еще явно не пришедшему в себя сторожу.

– П-почему? – машинально спросил сторож. Глаза у него были белые, круглые и очумелые.

– Слишком много в этом месте старой магии, – не вдаваясь в подробности, пояснил я. – Я вам верну задаток.

– Ага... – В лице сторожа наконец наметилось оживление. – То есть ничего не... Ну и славно. – Он уже заметно воспрял. – Значит, оно здесь не останется? Какое счастье... То есть я хотел сказать, что очень жаль, но...

Что следовало за «но», узнать мне не удалось, потому что внезапно внимание сторожа переключилось на нечто более существенное, чем какие-то там призраки. Он вдруг нахмурился, возвел взгляд к потолку и приподнял руку:

– Тсс... Слышите?

Я прислушался. Ничего особенного не услышал. Трещал умирающий костер, и только.

– Вот стервецы, а? Ну ни стыда ни совести... – Разом забыв о только что пережитых впечатлениях, сторож задул фонарь и устремился к лестнице наверх, едва слышно ругаясь сквозь зубы.

Я тоже не стал задерживаться. Огонь вот-вот погаснет, а выбираться отсюда в темноте не очень-то хотелось. Да и делать здесь теперь нечего. Поднял нож, все еще лежащий на саркофаге, и двинулся следом за своим нанимателем.

Шаги сторожа, на которые я ориентировался, вдруг стихли, и я едва не налетел на его спину.

– Полегче! – прошипел он. – Надо послушать, кто это там шурует. А то где мне за ними по ночам гоняться...

И мы стали осторожно подниматься.

Темную залу холла пронизывали голубоватые лучи вполне современных фонариков. Один фонарь неподвижно лежал на камине, другой держал в руках невидимый во мраке человек, то поднимая, то опуская пониже, чтобы его напарнику было удобнее отковыривать от стены какие-то предметы. Напарник пыхтел увлеченно и сдавленным шепотом жаловался:

– Крепко сидит, зараза. Отвертка не берет!

– Ну дави сильнее! – советовал с досадой напарник. – И быстрее...

– Никак Марек? – мрачно спросил сам себя сторож. – Вот ведь пройдоха... А кто ж это с ним?

Что-то звякнуло и покатилося по полу.

– Тихо ты, идиот! – перехваченным голосом воскликнул один из ночных гостей. – Бренк сейчас услышит...

– Ах ты сукин кот! – выдохнул ошеломленный сторож. – Анатось! Да я тебя... – И он метнулся вперед, одолевая десяток оставшихся ступеней.

А дальше события развивались быстро и сумбурно. На последних ступеньках под ноги сторожу нехстати подвернулась одна из его кошек, на хвост или лапу которой он неудачно наступил. Животное издало отчаянный, леденящий душу вопль, inferнальности которого позавидовала бы даже ис-

тинная голосистая нежить. Сторож споткнулся, шараясь к стене, крепко приложившись головой, и откинулся назад, едва не сбив меня с ног. Я машинально подхватил падающего. В следующую секунду мои глаза ослепил свет обоих фонариков, и, чтобы заслониться, я приподнял свободную руку... В которой нес нож сторожа. И ладонь у меня, кстати сказать, все еще была измазана кровью.

– Что там за... – выдохнул неразличимый за светом фонаря то ли Марек, то ли Анатось.

Луч лихорадочно метнулся, высвечивая обмякшего сторожа с лицом, залитым кровью, и удерживающего его убийцу с занесенным ножом.

– Это ж... это ж тот колдун...

– А-а! – заверещал его более сообразительный партнер. – Бежим!

Дробный перестук ботинок, скрип створок входных дверей... и тишина. На полу покачивается оброненный фонарик.

Сторож закричал, приходя в себя. Прижал пальцы к разбитому лбу, посмотрел на кровь. Ругнулся:

– Тьфу, что за напасть... А эти-то где? – мрачно осведомился он, вытаскивая из кармана сомнительной чистоты платок.

– Сбежали, – хмыкнул я, подбирая фонарик.

– Ничего, я их узнал, – морщась, сообщил сторож. – Завтра они у меня попрыгают. Ишь, чего удумали. Анатось-то

на днях мне помощь предлагал. Мол, давай посторожу, дядька Бренк, с тобой. А сам-то! Вот стервец! Ну пусть только сунется еще...

– Не сунется, – ухмыльнулся я невольно. – После того, что они видели только что...

– А что они видели?

– Не знаю, что они видели, но точно многое напридумывают. Нечеловеческий вой, раздавшийся в полночь. Явление злобного колдуна в момент ритуального убийства. Жертва, залитая кровью... Все как вы хотели. Лучше бы подошла невинная девушка, но и так сойдет. Расскажите им завтра, как чудом вырвались из лап мерзкого чернокнижника и...

– ...И ни один храбрец сюда нос не сунет! – подхватил обрадованно сторож. – Вот повезло, так повезло! Я им такую байку сочиню, они за версту обходить замок станут. Ух, спасибо, господин маг. Оказали вы мне услугу! Ну ее, эту магию... – Сторож осекся и поспешно поправился: – То есть я хотел сказать, что польза от нее великая, но нам, простым людям, без нее спокойнее. Эффект тот же, а проблем меньше...

Мы вышли из замка в промозглую ночь. Довольный сторож все бормотал: «Ну уж я распишу все в подробностях! Надеюсь, вы не против, господин маг, что я вас злодеем выставлю? Вам-то все равно отсюда уезжать. Да к тому же, после того что народ навидался в доме Инора, все враз поверят, что вы страшный. Да и Анатось с Марекком подкажут,

чего сам забуду... – Сторож счастливо засмеялся и добавил убежденно: – И без магии обойдемся. Разговоров и так хватит лет на десять вперед. Зачем настоящее привидение, когда можно обойтись слухами о нем? Верно я говорю?»

Я не возражал. Ветер ерошил ветви дубов, окружающих замок, и нес привкус тревоги вперемешку со звериным запахом. Сторож ничего не замечал, но его кошки беспокойно озирались и разевали пасти в беззвучном мяве. В черном, как смоль, небе белесыми разводами намечались низкие облака, в прорехах которых проглядывали яркие, злые звезды. Казалось, что все облака вытянуты по направлению на восток, хотя ветер дул северный.

– Ключики-то утром под камешек на выходе положите, я потом найду, – проговорил сторож, вручая мне кольцо с ключами. – Ну доброй ночи... И спасибо. Выручили вы меня.

Он ушел, прихрамывая, в сопровождении эскорта взбудораженных кошек. Я наблюдал, как он спускается по дороге к поселку... А потом заметил Пса.

Зверь высился чуть в стороне, полускрытый ветвями кустарника, почти сливаясь с тьмой, но даже для мрака он был слишком чужероден, чтобы раствориться полностью. Как кусок угля в нефтяной лужице. А второй Пес бесшумно вспрыгнул на остатки разрушенной стены вокруг замка и внимательно смотрел вверх, будто выискивая гнездо притаившихся на башне птиц. Даже голову склонил и наострил ухо совсем по-собачьи. Третий Пес застыл возле ведьмино

домика. Четвертый не спеша огибал периметр постройки...

А потом я перестал считать, потому что деревья на западе качнулись и затрещали, пригибаясь.словно некий невидимый прокладывал себе путь прямо через чащу. Ветер стал упругим, принося с собой запахи разгоряченных лошадей, нагретой кожи и одновременно мерзлой земли и старого железа. И звуки – звон сбруи, стук копыт, посвист кнута...

Я сделал шаг назад, и там, где я только что стоял, взметнулись сухие листья, брызнуло в стороны земляное крошево вперемешку с наледью, сверкнули горячие искорки и воздух плотно толкнуло... Точно возле меня пронеслись всадники. Невидимая охота. Дикая Охота...

И Псы снялись со своих мест и устремились мимо скованного оцепенением замка и дальше, обгоняя незримых всадников. Умчались в стылую ночь, как раз по направлению, которое обозначили облака. И куда дул ветер.

Не заметили? Вполне вероятно. В замке столько своего волшебства, что скрыться магу с истощенным резервом здесь проще простого.

Вот только как они снова вышли на мой след? От аэропорта Звенницы до руин замка на окраине провинции порядочный крюк.

* * *

Старик задумчиво наблюдал, как движутся по ленте пыль-

ной летней дороги две фигурки. Ветер доносил обрывки оживленного разговора и вспышки смеха. Вот тот, что повыше, прошелся по дороге на руках. Второй воскликнул что-то одобрительное... Дети.

Каждого человека можно обучить рисованию. И каждый способен намалевать более-менее сносные картинки. Но далеко не каждый станет художником. Так и с любым талантом. Обучить можно всех и всему. Но лишь те, кто имеет призвание, добьются успеха...

А магия? В сущности, это тоже разновидность таланта. Набор определенных способностей.

– Вы выполнили мое задание? – строго спросил Старик, когда ученики приблизились и почтительно поздоровались. Старший украдкой пытался отряхнуть о штаны выпачканные дорожной пылью ладони. В глазах Младшего еще плясали искристые бесенята.

Но кивнули они одновременно.

– Расскажите, – велел Старик.

Оба ученика вынули из чехлов сооруженные за несколько дней луки и стрелы. И принялись наперебой увлеченно разъяснять, слегка ревниво косясь на соперника. «Учитель, я нашел в вашей книге заклятие силы и наложил его на древесину...» «А я вплел в тетиву волосок тугодуя, так что теперь мой лук стреляет дальше...» «А мне удалось раздобыть «зоркий» камень, я вставил его в прицел, так что...» «А я намазал соком дорника свой лук, и теперь никакое усилие

не сломает его...» «Я срезал ветку ровно в час Змеи, так что гибкость ему гарантирована!» «Зато я наложил на стрелы чары дальнобоя, как в учебнике»...

– Молодцы, – удовлетворенно констатировал Старик, действительно довольный. Его ученики только что продемонстрировали умение использовать теорию на практике, что уже неплохо. – Теперь посмотрим, на что способны ваши изделия... Взгляните, на востоке, ближе к краю леса, на берегу, на третьей ветке снизу, сидит воробей, которого сегодня утром я пометил белым штрихом. А на западе, на ясене, на пятой ветке сверху, сидит другой воробей, с красной меткой. Один из вас прямо отсюда должен выстрелить из лука в первого воробья, другой – во второго... Победит тот, кто быстрее попадет. Понятно?

Ученики сосредоточенно кивнули. Старик заметил, как они оба мельком покосились в сторону реки. Даже не оборачиваясь, он знал, что там, на согретом солнцем валуне, подобрыв ноги, сидит и терпеливо ждет окончания занятий русоволосая девчонка... Впрочем, не девчонка уже – девушка.

– Готовы? Начали...

Старший и Младший одновременно наложили стрелы и вскинули луки, развернувшись друг к другу спиной. Прищурились, выцеливая крошечных птиц в невероятной дали. Простым зрением их и увидеть-то невозможно. Волшебные луки, сделанные на совесть и зачарованные подручными средствами хоть и не совсем верно, но толково, изогнулись

в нетерпении...

Старик видел, что первым свою цель обнаружил Старший. Острый нос стрелы перестал качаться, сосредоточившись на одной точке.

Дзинь!.. Легкая серебристая стрела ушла в темную пену лесу.

– Я попал! – тут же ликующе закричал Младший. – Учитель, я попал!

Старик невольно улыбнулся, наблюдая, как пляшет парнишка. Счастливый, что только что выполнил сложнейшее задание – что его заговоренный лук не подвел и далеко-далеко в лесу воробей, помеченный белым пятнышком, пригвожден в березовому стволу быстро и точно. Даже не трепещет уже.

Старший молча опустил свой так и не выстреливший лук.
– Что же ты? – спросил Старик, скрывая отсутствие удивления в своем голосе.

– Простите, учитель, – серьезно отозвался Старший, упаковывая невостробованную стрелу в колчан. – Разве необходимо убивать живую тварь всего лишь ради пустой демонстрации своего искусства? Я не справился с заданием.

Старик кивнул, словно услышал то, что ждал.

– На сегодня вы оба свободны, – негромко сказал он.

И снова молча смотрел, как Старший и Младший удаляются по дороге. Только теперь уже Младший ходит вокруг своего товарища колесом, не в силах совладать с восторгом.

– Поздравляю, – произнес учитель, обращаясь в их спины. – Вы оба выполнили задание.

Далеко на востоке вспорхнула с ветки и затерялась в лесу птица с отмеченным красной краской крылом.

Отоспался я, как ни странно, вполне прилично. В старой башне имелась печка с дровами, стоял продавленный пыльный диванчик, а от запасов сторожа мне достались полупустой чайник и пакет с сушками. Еще нашлась заткнутая тряпкой бутылка самогона, но хватило запаха и одного отчаянного глотка, чтобы понять, отчего она до сих пор еще полная. Видимо, дядька Бренк берег ее на самый крайний случай.

Возле старого ручомойника обнаружилось мыло, не особенно свежее (прямо скажем, смахивающее на ветошь) полотенце и относительно острая бритва. Чему я несказанно обрадовался. Очень может быть, что в приобретении репутации злобного колдуна сыграл не последнюю роль и мой внешний облик.

Старое, потемневшее зеркало над умывальником покрывало внушительный слой пыли. Я потянулся машинально протереть его, но вовремя спохватился. Совсем с ума сошел. Думаешь, Ты один способен добывать информацию из зеркал?

Лучше вот так... Я пальцем начертил на грязной поверхности знак Отражения, а затем наложил раскрытую ладонь сверху. Пальцы немедленно защипало, а стекло стало зыбким и подвижным, как пленка на воде.

«...Разыскивается опасный преступник... В связи с на-

рушением договора и преступлениями против безопасности Белой Королевы... Население может оказать содействие в поимке...»

Я шарахнулся назад, не спуская глаз с тусклой зеркальной поверхности, где под мерцающим знаком Отражения медленно таяло изображение моей физиономии. Не очень свежий снимок. Года на три моложе, чем я сейчас. Видимо, Черные на сотрудничество не пошли, а получить своими силами изображение мага против его воли невозможно.

Как и отпечаток силы... Но привкус ее я все же успел перехватить. Где взяли?

Осталось только с чувством выругаться. Теперь, пока не выберусь с территории Белых, я, словно вампир, ни в одном зеркале не смогу различить свое настоящее отражение, а только это дурацкое объявление о розыске.

Грузовичок, обогнавший меня на выезде из Древостоя, внезапно затормозил, сдал назад и остановился.

– Э-э... Доброе утро, господин маг. – Из кабины, неудобно перевесившись через сиденье, выглянул водитель. Парень показался знакомым.

– Привет, – сказал я, не сбавляя шага.

– Тебя подвезти? – крикнул он мне вслед.

Я невольно обернулся:

– Seriously?

– Вполне, – кивнул водитель.

Я пожал плечами и не стал отнекиваться. Забрался в пахнущую сеном и машинным маслом кабину. Водитель протянул руку:

– Помнишь меня? Я Микеш... Я вчера был там...

– Да, – сознался я несколько настороженно, – помню. – Теперь я и впрямь его вспомнил. Это он весь вечер не спускал влюбленных глаз с Ильмы Блащатой. А потом помогал унять переполох.

– Я вчера еще хотел поговорить, да поначалу недосуг было а потом ты исчез куда-то. А тут, смотрю, шагаешь по обочине. Повезло.

– Кому?

Он неопределенно хмыкнул и спросил:

– Тебе в какую сторону? А то могу до района подбросить.

Мне все равно туда груз везти.

– Подходит, – кивнул я. – Спасибо.

– Да не за что... Я для того и... В общем, я чего тебя вчера искал... Я ж поблагодарить хотел.

– Поблагодарить?

– За Ильму... Она, дурочка, даже не понимала, какую беду накликала на себя... – Микеш поморщился. – Я люблю ее давно. Еще со школы. А она все посмеивалась да хвостом вертела. Ладно, думаю, дождусь, пока перебесится... Да только вон оно как вышло. Я ж знал, что она к ведьме пошла. Старая карга и меня все зазывала. Мол, давай присушу к тебе девку. Да и взамен немного просила – подсобить

по хозяйству. Она одна жила. Старая, ей несподручно. У нас многие ей служили, кто по доброй воле или за услугу какую, а кто и против воли... Да я ей и так помогал. Ведьма незлая была. Злопамятная – это да, но чтобы сама первая вредить? Она и Ильме-то не зла хотела...

– Она знала, как это обернется, – заметил я, не глядя на Микеша.

Тот долго молчал, потом неожиданно робко спросил:

– А теперь... Они как? Не будут вместе?

– Вряд ли... Хотя Ильма – девушка, судя по всему, настойчивая.

– Н-нет. – Он содрогнулся. – Не захочет она так снова... Да и я не дам! – Вот теперь в его голосе прозвучала решительность.

Ну и славно. Одного притянули приворотом, другой сам притянут по доброй воле почище иного приворота. Жизнь идет по накатанной дорожке...

– Мама, смотри, он челный! – послышался звонкий детский голосок, вытряхнувший меня из вялой дремоты. – Мам, почему он такой челный?

Девчонка лет четырех тарасилась с безмятежным любопытством, облокотившись на спинку сиденья впереди. Спинка была высокой, и девчонка тянула шейку. Показалась усталая молодая мамаша, мельком глянула на меня, виновато улыбнувшись, и стащила непоседливое дитя вниз:

- Сиди тихо, Лика, не мешай никому.
- Мама, но почему он такой челный?
- Потому, что ему нравится темная одежда.
- А почему?
- А потому, что она меньше пачкается.
- У него нет мамы, которая ее стирает?
- Наверное... Лика, не вертись.

Какой пронизательный ребенок. От ее живости и дотошности не только мамаша нервный срыв заработает.

Свернувшаяся тугими кольцами спираль внутри постепенно распускалась. Пока все шло хорошо. Автобус благополучно миновал Лесинки (если я правильно рассмотрел мелькнувший указатель), а значит, половина пути позади и до пункта назначения осталось чуть больше часа.

Пассажиры заполняли салон автобуса на три четверти. От станции в районном центре – городишки с незапоминающим названием и полным отсутствием каких-либо особых примет – автобус ушел почти пустой, но по дороге подбирал людей с упорством опытного грибника.

Пейзаж вдоль шоссе не отличался разнообразием – леса, холмы, луга, жнивье, изредка небольшие речки. Откуда брались люди, сказать сложно. Вероятно, где-то там, за деревьями и полями, прятались от досужих наблюдателей поселки.

Спать больше не хотелось, поэтому я погрузился в изучение оставленной кем-то в кармане соседнего сиденья вчерашней газеты. Мой отрыв от реальности был настолько ве-

лик, что и вчерашние новости казались свежими.

Автобус фыркнул и внезапно затормозил, чтобы прихватить с обочины призывно размахивающих руками очередных попутчиков. На этот раз девушку и парня с рюкзаками.

Они обрадованно запрыгнули в салон и принялись протискиваться по проходу, задевая пассажиров рюкзаками и извиняясь настолько чистосердечно, что даже утомленные и раздраженные скучной поездкой люди только отмахивались, улыбаясь. Ремешок рюкзака девушки зацепился за спинку сиденья, она остановилась, поджидая, пока спутник поможет ей освободиться, обернулась, и наши с ней взгляды скрестились. Рассеянность в ее глазах сменилась интересом.

Ай, как нехорошо... А девушка-то маг, как и ее друг. Судя по возрасту, скорее всего, студенты. И оба Белые. А чего еще ожидать в этих краях? Это для них мое присутствие здесь удивительно. И скрыть ничего уже нельзя. Стоило нормально выспаться и отдохнуть, как резерв стал заполняться с удвоенной скоростью. И снова расходовать его на пустяки я не собирался. Хватит.

Поэтому мы сцепились взглядами, словно крючьями. Всего лишь на несколько мгновений, но их хватило, чтобы оценить друг друга и почувствовать привкус чужой силы.

Курточку девушки украшала простенькая стилизованная аппликация – летучая кошка ловит летучую мышь, спешащую укрыться на нарисованной луне. За те секунды, что мы рассматривали друг друга, мышь успела спрятаться за сме-

ющуюся луну, и кошка принялась деловито отгрызать края ночного светила.

Девушка прищурилась, пытаясь то ли что-то вспомнить, то ли просто была близорука. Кошка на ее куртке почти доела луну, оставив хрупкий серпик, а хитрая мышка тем временем выскользнула и спряталась в нагрудный кармашек. Парень, освободивший рюкзак, чуть подтолкнул свою спутницу, удивленный задержкой, и тоже посмотрел на меня. Свел брови, бросил пару слов – девушка мельком кивнула, – и они прошли мимо, устроившись на свободном сиденье чуть позади.

Я вернул внимание газете, но ощущал взгляды, словно раскаленные гвозди, впивающиеся в затылок. Узнали? Думают, что предпринять?

Давление внезапно исчезло. Я от неожиданности чуть не подскочил, словно из меня вынули эти самые гвозди. Что за... Не удержавшись, я оглянулся.

Парочка позади целовалась самозабвенно, с удовольствием, отключившись от внешнего мира и явно больше не интересуясь ни Черными, ни Белыми незнакомыми магами. Они знали вещи поважнее и общество поинтереснее.

Город назывался Набрег.

И он оказался ловушкой. Как я и ожидал.

Вообще-то пределы влияний Белых и Черных являются условными, поэтому не имеют четко обозначенных границ,

как между соседними государствами. Однако бытует упорное мнение, что на стыке взаимодействия Черной и Белой магии могут возникать аномалии, опасные для жизни. Иногда эти аномалии искусственные, оставшиеся в наследство от прошедших войн. Поэтому переходить из одной зоны в другую лучше в строго оговоренных точках. По условным мостам.

В спокойные времена никто не препятствовал обычным людям сновать из одной зоны в другую. Ну разве что тем, кто не ладил с законом.

Однако маг, вторгшийся на чужую территорию, – это иное. В любой дом можно вломиться без стука, но вряд ли стоит рассчитывать на радушие хозяев. И правила хорошего тона вынуждали магов ставить другую сторону в известность о своем визите. Иначе местный Круг принимался проявлять излишнее внимание к диверсанту.

И все бы ничего... Да только город Набрег соответствовал своему названию и расположился на обоих берегах речки Бережной, которая и служила естественной границей между зонами. И путь лежал по единственному мосту. Причем не условному, а вполне настоящему.

Речка Бережная оказалась широкой, но мелкой, ленивой и практически несудоходной, зато мост, перекинутый через нее, выглядел прочным, добротным и выстроенным на века. Да он и строился века три-четыре назад, судя по каменным столбам, украшенным изваяниями грифонов на въезде.

На мосту размещались бесчисленные лавки и магазинчики с сувенирами, продуктами и всякой мелочью. Люди и транспорт беспрепятственно поднимались на мост и спускались с него.

Но так только казалось.

– Совсем очумели бюрократы от безделья, – ругнулся слева сиплый бас. – Требуют, чтобы я взял разрешение в мэрии на провоз груза. Да сроду такого не было! – обладатель баса шумно задышал, то ли от расстройства, то ли от долгой беготни.

– Так у них заварушка какая-то, вот и дергаются, – авторитетно отозвался собеседник.

– У кого? У мэра, что ли?

– Да ну, станет тебе мэр мост перекрывать. У колдунов чего-то стряслось. Или сам не видишь? Посмотри, сколько у моста бездельников толчется. Не иначе ждут кого... Вот, помню лет восемь назад, когда я еще приказчиком был у Нистора, тоже ловили одного...

Наблюдения и выводы бывшего приказчика, увы, соответствовали правде.

Я допил кофе, остававшийся в чашке, и поднялся из-за столика придорожной забегаловки, где потратил битый час, обозревая подступы к мосту. Не требовалось особой наблюдательности, чтобы заметить сторожей. Самих мостовщиков почти не было. Да это и понятно, они редко вмешивались в отношения между Черными и Белыми. Их работа – наво-

дить мосты, и только. Зато местных магов на квадратный метр пространства приходилось больше, чем в самой Академии. Все они старательно, но неубедительно выдавали себя за праздных гуляк, глазающих на витрины.

Перед кем, спрашивается, притворялись? Даже местные жители с ходу распознавали лицемеров и только что пальцами не указывали.

Толку от их присутствия в толпе не было почти никакого. Естественный смешанный магический фон здесь по определению стоял сильнейший, учитывая близость границы. Но время от времени они выдергивали кого-нибудь из толпы, отводили в сторону, беседовали и тут же отпускали, вежливо раскланиваясь.

На самом деле главной помехой были не они...

Я сделал еще несколько шагов, чтобы краем глаза рассмотреть угольно-черную, ворсистую тушу тролля, засевшего под мостом. Даже со ста шагов ветер приносил смесь запахов электричества и сухой шерсти. Второго тролля не было видно, он прилип к поверхности моста с обратной стороны чуть дальше. Его можно было рассмотреть только от самой кромки берега.

Это только кажется, что здоровенные твари медлительны и ленивы. Мостовщики век за веком разводят их отнюдь не для украшения архитектурных сооружений. Можно обмануть даже мага, если очень захотеть, но пройти незамеченным по мосту, который тролль считает своим владением, без

разрешения немислимо.

Ничего не придумав, я заплатил пару монет и поднялся на одну из смотровых башен. Этот берег был выше другого, и высматривать врагов за рекой и отстреливаться отсюда было несоизмеримо удобнее. Рядом с установленными подзорными трубами с давних времен еще сохранились крепления для арбалетов и самострелов.

– Ну ты посмотри, сколько народу скопилось, – вполголо-са раздраженно жаловались слева. – У меня фура полна этих проклятых райских яблок. Они ж погниют, пока я тут торчу, а с кого спросят?

Народ перед мостом и впрямь толпился, но не так чтобы слишком густо. Легковой транспорт пропускали после беглого осмотра, а грузовой заворачивали на стоянку за мостом для тщательного изучения. Зато пешеходов почти не задерживали, благо что большинство из них были местные.

– Надо было через Зуйки ехать, – посоветовали невезучему водиле.

– Так через Зуйки крюк-то какой! И дорогу тыщу лет не ремонтировали. Да еще там лежище этих... не к ночи будь помянуто.

– Да и там наверняка то же самое, – отозвались в ответ. – У меня сноха на ведьму работает. Так она говорила, ищут какого-то беглеца из магов и, пока не поймают, будут стеречь...

– Видать, важный беглец. Мы с женой вчера такую страсть

видали... Сосед сказал – Дикая Охота по следу идет...

– А то прям этот беглец такой дурак, что через мост по-прется...

– ...А у неправых-то то же самое? – спросил кто-то.

Официально обе части города Набрега звались одинаково – Набрег. Неофициально Левый Набрег и Правый Набрег. А еще неофициальнее Правый Набрег и Неправый Набрег. Неправыми были соответственно обитатели противоположной стороны. Причем подозреваю, что на другом берегу неправыми звали жителей этой части города.

Даже убогая оптика позволяла рассмотреть крыши домов и распахнутые по случаю теплого дня окна соседей. Там, перед мостом, было заметно тише и столпотворения не наблюдалось. Впрочем, сторожили и там.

– Смотри, смотри, вылез! – радостно взвизгнул детский голосок. – Да смотри же, пап!

Из-под моста, двигаясь угловато, но проворно, выскользнул один из троллей. Цепляясь за перекрытия, вскарабкался на перила, а затем на крышу галантерейной лавки и одним прыжком оказался перед остолбеневшим от неожиданности прохожим. Остальные пешеходы бросились врассыпную.

– Счас голову откусит! – последовало восхищенное предположение.

– Или ногу! – подсказали кровожадно.

– А нечего без пошрины-то ходить...

Троль навис над бедолагой словно бульдозер. Круглые

белые глаза светились. От будки бежали постовые с электрошоковыми дубинками наперевес.

– Вы разрешите? – Меня осторожно тронули за плечо. Своей очереди посмотреть на окрестности дожидалась пожилая пара.

Я освободил место, перебравшись в нишу между зубцами башни и рассматривая город уже невооруженным глазом. Накатывался вечер, вызолочивая флюгеры и пики на крышах домов. Наберег основали еще до смутных времен, и постройки здесь преобладали старинные и вычурные. Хотя ближе к окраинам старый город обрастал многоэтажками, словно крепостными стенами.

Зрители продолжали обмениваться впечатлениями. К их простодушному разочарованию, троллю не удалось закусить прохожим.

– Нет, дорогая, – донесся негромкий голос от подзорной трубы. – Псы будут позднее. Охота начинается в темное время суток...

Это переговаривались пожилые супруги, по очереди заглядывавшие в окуляр.

– Но они придут? – с надеждой спросила женщина.

– Непременно. Псы никогда не теряют след. Жертва где-то рядом. Скорее всего, меченая. Поведение Псов вчера демонстрировало, что они почти разыскали объект, но, возможно, он затаился... Я не раз видел, как они ведут себя подобным образом. Когда я работал в питомнике, у нас был случай...

Про случай я слушать не стал. Мне впечатлений от встречи с Псами и своих хватало. Проклятие! Как они меня находят? Организация Дикой Охоты требует массы энергии, и в каждый населенный пункт, даже в точках перехода, ее не пустишь. Значит, верно, они идут по следу. Моему следу. Но как им это удастся?

Надо уходить отсюда как можно быстрее, и есть лишь единственный способ сделать это. Кто-то из местных, утверждавших, что только идиот пойдет прямо через мост, был совершенно прав. Есть тысячи причин избегать общения с властями не только у меня.

Повезло лишь в шестой по счету забегаловке. На улице к тому времени стемнело, но в заведении, чье название я так и не сумел прочитать под слоем грязи, оказалось ничуть не светлее. Низкие своды глушили свет и без того тусклых светильников, чисто символически размещенных в нишах. На залитом красным мерцанием помосте в глубине залы извивались две нагие девушки, сплетаясь в танце с разноцветными, искрящимися змеями. Девушки были настоящими, змеи – иллюзорными.

В полутьме маячили силуэты посетителей. По лицам проплывали цветные всполохи. А может, это они от природы или от нездорового образа жизни такие... пятнистые.

Я приблизился к стойке. На ее поверхности, изогнувшись петлями вокруг темных бутылок и пустых стаканов, лежала

еще одна змея. На этот раз вполне натуральная. Причем живая. При моем появлении она подняла точеную головку и посмотрела нервирующе внимательно.

Санэпидемстанции на них нет. Развели тут серпентарий.

– Чем могу? – равнодушно осведомился бармен, вынимая пустые стаканы из змеиных колец.

– Эль, золотой, – отозвался я без особой охоты. После пяти предыдущих заведений я решил остановиться на этом в меру безопасном напитке. На большее денег не хватало, а без заказа никто из питейщиков даже разговаривать не желал.

Молодая женщина, дремавшая над своим бокалом, встрепнулась и повернулась ко мне. На миг мне померещилось, что и у нее вместо волос – живые змеи, но это были всего лишь многочисленные косички.

– О, новенький... – пробормотала она, щурясь и пытаюсь сфокусировать взгляд. – Молодой... Какими судьбами? Хочешь купить девушке еще стаканчик? Тогда не будешь скучать...

– Золотой будешь? – хмыкнул я.

– Пиво... – Она разочарованно скривилась. – Кто ж предлагает даме пиво... Хотя давай. – Она выхватила стакан еще до того, как бармен поставил его на стойку, выплеснув часть содержимого на змею.

Та раздраженно дернулась, отползая.

– Не шипи, Лизка, – небрежно буркнула женщина. – Тебе полезно... Скажи спасибо.

Если змея и собиралась сказать спасибо, то внешне это никак не проявилось.

– Ты, конечно, симпатичный, – доверительно сказала женщина, ополовинив стакан и шумно вздохнув. – Но пива все-таки маловато... Если хочешь чего поинтереснее, рекомендую «Голубое пламя». Здесь его отменно готовят, несмотря на то, что Оскар бездарь криворукый.

Бармен, видимо тот самый Оскар, мрачно покосился в нашу сторону.

– ...Ну или «Бальзам тройной», – со вкусом продолжала экскурс собеседница.

– В следующий раз, – пообещал я устало. – Вот как заеду в ваш чудесный город еще разок, так непременно...

– Меня Келина зовут, – сказала она. – Это чтоб ты знал, кого искать. Я тут всегда торчу. А тебе за твое пиво совет дам. Хочешь? Я сегодня добрая.

– Совет... – рассеянно откликнулся я, поджидая момент, когда бармен освободится и можно будет задать ему несколько вопросов. Тех самых, что я безрезультатно задавал уже пять раз. Но то ли вид мой не внушал доверия, то ли еще по какой причине, внятного ответа на свои вопросы я так и не получил. А вот неприятностей пару раз избежал только благодаря поспешному уходу.

– Тебе к Лысому надо. К Лысому Баргу.

– К кому?

– Тебе ж на ту сторону надо? И чтоб тихо...

Я взглянул на Келину внимательнее, благо что стало чуть светлее – на помосте поменяли декорации и место девушек со змеями заняла девушка с саламандрой. Саламандра сыпала холодными синими и белыми искрами и неприятно сипела, раздувая гребень.

– Надо, – согласился я, не став тратить время на вопросы типа: «А как вы догадались?» Я светился в этих темных подвалах не хуже саламандры. А уж поведение точно выдавало отнюдь не желание найти дешевые развлечения. Мне ли не знать об этом.

Я мало что помнил с той давней поры, но некоторые вещи невозможно вытравить из души. А когда я очутился на этих улицах, инстинкты, казалось, умершие, срабатывали верно и точно, как тогда, когда это помогло мне выжить.

– Через проулок отсюда хибарка есть между домами. Постучи и скажи, чего тебе надо. Только прямо говори, не увиливай. Они этого не любят и могут неправильно понять. Бизнес-то у Лысого почти легальный. Он этих полунамеков не любит... – Келина встряхнула прической, и черные косички зашевелились, снова став неприятно похожими на змей.

– А если у Лысого не возьмут, попробуй сходить к Матильде, которая живет возле «Угощальни». У нее сынок тоже этим промышляет... – Она вяло махнула рукой. – Ай, у нас тут полгорода в проводниках. По катакомбам только ленивый не ползает.

– Спасибо, Келина.

– Да не за что. Ты хоть чужак и сразу видно, с понятием, уж не знаю, где ты такого набрался, но вот побродишь еще час-другой здесь, и пришьют тебя за углом. А так, глядишь, и впрямь когда-нибудь выпивки купишь. Девушке надо думать пер... пре... перспективно...

Я кивнул, поднялся и перед уходом заказал бармену еще стакан эля для леди в углу. Извини, Келина, но «Голубое пламя» действительно в следующий раз.

Обещанная хибара обнаружилась без особых осложнений. Я уже было занес руку, чтобы постучать, однако заметил на косяке двери свежую царапину характерной формы и шарахнулся. И лишь затем ощутил привкус чужой волшбы. Белой волшбы. Тщательно затертой, поэтому ее присутствие можно было ощутить, если знаешь, что нужно искать... Например, инеистые, синеватые потеки на поверхности двери.

Ай, как неприятно...

Для тех, кто умеет читать универсальные знаки, царапина на косяке говорила: ступай прочь, в доме засада. Барг предупреждал своих клиентов.

Ладно, попробуем запасной вариант.

Дома возле «Угощальни» ничем не отличались друг от друга и я запоздало спохватился, что надо было уточнить, какой из домов – правый или левый – имела в виду Келина. Правый был темен, в левом на первом этаже светились окна. Я поколебался и выбрал освещенный. Там хотя бы не спят...

В глазке мелькнула тень.

– Ну?

– Госпожа Матильда здесь живет?

– А, – без интереса отозвались изнутри, – еще один... –

Дверь разошлась с косяком едва ли на пару ладоней. – Проходи... К Янжеру туда, дальше. Только у него уже есть человек. Не знаю, сговоритесь ли... – Хмурая полная женщина куталась в халат, рассматривая меня с неудовольствием. – Прямо с цепи все сорвались, косяком идут...

Я двинулся к указанной двери и столкнулся в узком проходе с выскочившим из комнаты пацаном. Паренек лет шестнадцати отшатнулся, посторонился было, глянув мельком, а потом снова посмотрел, но уже внимательно и, как мне показалось, чрезвычайно неприязненно.

Следом показался сухощавый блондин. Сам Янжер, надо полагать.

– Ну ты понял, да?.. – сказал он в спину пареньку, затем различил меня и ухмыльнулся: – Новый клиент? Сегодня ночь урожайная. Только сразу хочу сказать, место у меня в группе осталось одно. Такса обычная плюс еще половина за срочность. И премия мне лично. Вот кто из вас первый ее принесет завтра к рассвету, того и возьму... Ну и размер премии тоже имеет значение...

– Жадность до добра не доводит, – пробурчал вполголоса подросток.

– А вот папке с мамкой позвоню, если будешь хамить, –

пообещал, насмешливо скалясь, блондин.

– Не дотянешься, – огрызнулся парнишка, зыркнул на меня раздраженно и исчез.

– Такса – это сколько? – осведомился я. Кивнул, стараясь не меняться в лице, хотя ответ оправдал мои самые худшие ожидания, и уточнил: – К рассвету куда идти?

Янжер вытащил из кармана пачку листов, размноженных на ксероксе, и отдал один мне.

– Вот схема, иначе не найдешь. Будут деньги – будут и катакомбы. Но в одиночку туда лезть настоятельно не рекомендую.

Холодно-то как. Впервые за этот вечер я заметил, что подмораживает и холод запускает иглы под воротник. Наскоро выпитый эль давно выветрился, оставив только привкус хмеля и яблок. Согреться негде и нечем.

Ни единого фонаря на этой улочке не было. Погасли даже окна дома Матильды. Здания высились угрюмыми черными громадами, словно скалы. И высоко, в щели между крышами, просматривалось ночное небо с белым, искристо-сахарным серпиком луны...

До полнолуния времени все меньше.

Что же делать? Поискать переправу? Скорее всего, причалы и рыбацкие лодки также взяты под охрану. Найти брод? Бессмысленно: как ни ленива Бережная, но это серьезная река, и перейти ее можно разве что в самом устье... Вплыв?

Даже не смешно.

Что там Янжер болтал о катакомбах? Не иначе какие-нибудь лазы под землей. Город старый, вполне может иметь разветвленную сеть подземелий. И, наверное, Янжер прав, соваться туда самостоятельно опасно.

Где взять денег?

Я принялся копаться в карманах, надеясь обнаружить что-нибудь годное на продажу. Суммы, заработанной мною у пасечника, хватит разве что оплатить четверть назначенной проводником таксы. Нужно еще...

Зажигалка, медные монетки... Погоди-ка, а это что? Нечто прохладное и гибкое обвило пальцы. Ну конечно же! От внезапного облегчения я засмеялся вслух. Запрятанная змейка из стеклянного серебра! Ношу в кармане целое состояние и жалею на жизнь. Правда, я хотел предъявить ее в качестве доказательства Трибуналу, но, в конце концов, можно не продавать ее, а всего лишь заложить в ломбарде. Одно звено этой рептилии стоит кучу денег. Стеклянное серебро редкость и в королевских коллекциях.

Даже ночь посветлела, и мороз уступил.

Я двинулся по улице чуть ли не вприпрыжку, прикидывая, как покороче выбраться обратно к мосту. Опасно, конечно, но только там можно найти круглосуточные ломбарды. Если попытаться заложить змейку где-нибудь в этих районах, то шанс наткнуться на нож возрастет в сотни раз, да к тому же не факт, что вещицу можно будет снова найти и выкупить

позже.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и уже можно было различить кладку домов, перекошенные и продавленные ступени, черные, поблескивающие стеклянные квадраты неосвещенных окон. Обитатели улицы то ли спали, как добропорядочные буржуа, то ли занимались своими ночными делишками за плотными шторами.

Звуки отражались от каменных стен многократно. И я не сразу различил, когда к стуку моих подошв примешались шорохи, невнятные голоса, сиплый смех... Кто-то сдавленно вскрикнул.

Ну конечно. Без этого никак. Ночной пейзаж непременно должна оживить сцена с грабежом одинокого прохожего.

Откуда шум? Кажется, слева, из прохода между домами...

Прямая и узкая улица вела напрямиком к источнику неприятных звуков, так что обогнуть опасный участок все равно было невозможно.

Героем я себя, конечно, не считал. Зато привык считать себя толковым магом. И это накладывает отпечаток на поведение. Становишься самоуверенным...

– ...Держи, держи, а то, сучонок, кусается...

– За ногу! – рявкнули в полный голос.

Кто-то забился, сдавленно мыча.

Я невольно прибавил шаг, остановившись возле прохода и пытаясь рассмотреть происходящее в полной темноте. Сду-

ру вламываться в гущу неясных событий не хотелось. И запоздало я сообразил, что привычная сила мне недоступна и действовать придется другими методами. А вот с другими методами дело обстояло едва ли лучше, чем у большинства простых смертных...

Это изрядно поубавило самоуверенности.

– Голову подними, шею не видно...

Что за ерунда? Вампиры, что ли, шалят? И так сопят?

Мрак наконец распался на фрагменты, и стало видно, как двое пытаются совладать с бешено, хотя и молча отбивающимся третьим. Зачем – непонятно. Невнятное у них там что-то происходит.

– Ишь, волшбой-то жжет...

– Ну пусть поколдует, чтобы целым остаться...

Ладно, геройствовать, конечно, для здоровья вредно. Но придется. Не люблю, когда двое на одного. То есть трое...

Прямо передо мной из-под мостовой вырос невысокий силуэт еще одного любителя вершить дела в закоулках. Я был настолько напряжен, что отреагировал даже быстрее, чем ожидал от себя. Одним ударом просто снес бедолагу со своего пути как ненужное препятствие. К счастью, я был тяжелее его и удар выдался удачным. Некто пискнул и припал к стене.

– А это еще кого несет...

Нет, не вампиры... Воняет луком, грязной одеждой и дешевым табаком. Расступились, чтобы оглянуться. Вполне

человеческие лица. Точнее, недочеловеческие.

Жертва-то мне знакома, хотя и мельком. Это ж мой конкурент. Подросток, что встретился у Янжера. Лица не различить, но светлая куртка та же самая.

А ведь если бы я вышел первым, то, скорее всего, напали бы на меня. Мне повезло, значит. И почему я не могу это оценить по достоинству и пройти мимо?

– Ну ты напросился, гад! – прошипел один из «не вампиров» невнятно.

Я оскалился и привычно свел пальцы, чувствуя, как защипало нарождающимся огнем их кончики. И снова с досадой спохватился, что не могу отпустить огонь, а могу только смять его в кулак и с силой засадить в зубы тому, кто прыгнет первым...

Как унижительно для мага!!

Зато действительно.

Жертва, то бишь парнишка, оказался не промах и мигом сориентировался, перекатившись под ноги ближайшему из нападавших. Он от неожиданности заплел ногу за ногу и с шумом повалился, толкнув товарища.

Стало шумно, потно и больно. Всем. Я плотно сцепился с воняющим табаком типом в толстой скользкой куртке. Он и сам был скользкий, молотил клешнями куда попало, норовя вывернуться из своей куртки. Ощущение, что я схватился с осьминогом... Скулу задело мелькнувшим кастетом. Еще бы чуть – и по виску...

– Ах ты!.. Держи... Бей... Хо!!..

Потом стало свободно.

За моей спиной дышал парнишка – шумно, часто, жарко как испуганный и загнанный зверек. Кулак, разбитый о чьи-то зубы, саднило. Я с трудом разогнулся, пытаюсь увидеть противника. Но тому было еще хуже. Он согнулся пополам и медленно отступал к стене.

Ну что? Я победил, что ли?

– Сзади! – предупреждая крикнул парнишка, но я все равно бы не успел обернуться.

Что-то тяжело навалилось на спину. Повисло, пригибая к земле, повалило. Цепкие пальцы заползли в рот, пытаюсь разорвать губы. Вкус омерзительный... Я не глядя всадил локоть во что-то мягкое. Нападавший всхлипнул и скатился в сторону. Тут же прытко, хотя и заметно перекосившись на правый бок, вскочил. Я с усилием подтянул ноги, собираюсь встать...

Слишком поздно. Противник уже схватил валяющуюся доску и... Мир стал красным, черным и золотым... Звук, как вспышки, прорезали наваливающуюся темноту: «... оставь... бежим... сторожевые...» А ругань цвела ярко-фиолетовым...

Все, темно.

И снова темно, только на этот раз темнота холодная, морозная и разбавлена красочными пятнами разной степени

насыщенности.

– Ты живой?.. Эй, ты слышишь меня? Ну живой ты или нет?

Если так все болит, значит, живой, вяло соображаю я, пытаясь разобраться в мельтешении темных и цветных пятен. Цветные пятна иллюзорны... Это последствия удара.

Ага, вот это, кажется, лицо человека, склонившегося надо мной... Никак не разберу черты, они словно текут, залитые черной акварелью.

– Живой, – констатирует голос, показавшийся знакомым. – Ну тогда... Ты это... Спасибо тебе, но мне уже пора. Я пойду, а ты вставай, а то замерзнешь насмерть...

Это же несостоявшаяся жертва. Паренек, которого я спас. Кажется, спас... Ну во всяком случае, именно такую ставил перед собой цель, когда по-дурацки вмешался в схватку.

– А где... – Я не договорил, но пацан меня понял.

– Сбежали. Тут сторожевые неподалеку прошли. Ну или им померещилось, что прошли. Я поколдовал немножко...

– Значит, точно колдун... – без интереса заметил я. – Раньше не мог?

– Не мог, – раздраженно отозвался он и внезапно стал очень высоким. То есть мне так показалось, потому что собеседник выпрямился. И я смотрел на него снизу.

– Тебе спасибо за помощь, а я пойду... Ты извини, но мне действительно надо...

И он ушел. Меньше минуты понадобилось, чтобы звук его

удаляющихся шагов растворился без остатка. У меня на возмущение сил не оставалось. Поэтому я сосредоточил внимание на более важных действиях вроде принятия вертикального положения...

В целом все не так страшно. Кости не переломаны. Даже череп уцелел, хотя удар показался мне по силе равным бомбовому. Крови почти нет... И даже идти могу... И пойду, как только мир перестанет качаться. А уходить надо быстро, потому что волшебба может привлечь чье-нибудь внимание...

Вдали залаяли собаки. То есть не собаки... Этот лай я узнавал уже мгновенно.

Ну все... На этот раз все... Никуда не уйти и ничем не закрыться. И я присел на крыльцо ближайшего дома. Во-первых, потому, что голова все-таки кружилась, а во-вторых, бежать, хромя и пытаясь забиться в щель, как полураздавленное насекомое, было нелепо.

Ощущение опасности, холодной, злой силы, звериного азарта накатывало словно долгая волна. Нарастала лавина знакомых звуков. Поднялся ветер, всегда сопровождающий Охоту. Растрепал жидкую крону случайного куста, проросшего из разлома камней. Заскрипел почти оторванным ставнем соседнего дома. С глухим треском лопнуло стекло в раме.

Они где-то рядом. На соседней улице... Даже за домами чувствуется движение. Стремительный перестук подков, цокот когтей по асфальту, шуршание, звон, брэнчание сбруи...

Внезапно белое сияние лунного серпика затмила на несколько секунд проворная тень, будто нечто огромное беззвучно перескочило с крыши на крышу. Остановилось, пригнувшись. Я знал, что Пес пробует на вкус воздух раздвоенным языком. Причудливо вырезанные ноздри совсем не собачьего носа трепещут...

Я не шевелился. Мгновения текли как патока – медленно томительно... Пес стоял. Под его тяжестью трещали перекрытия, и я чувствовал, как онемели от ужаса люди внутри дома. А еще я чувствовал беспокойство Пса. Его что-то смущало. А потом издали послышался оклик, и Пес в один миг исчез.

Что за... Я ошалело таращился на опустевшую крышу. Снова мимо? Все? Можно идти по своим делам?

А почему ты решил, вдруг прорезался рассудительный внутренний голос, что Охота идет по твоему следу? А что, если ваши пересечения всего лишь случайность и ищут они не тебя? Очень может быть, что ты не такая уж важная персона?.. – Во внутреннем голосе язвительность была густо замешена на облегчении.

И кого же они тогда ищут?

Например, Белую Королеву. Вот действительно важная фигура... Но тогда они бы все равно охотились за мной, потому что считается, что Белую Королеву похитил я. Или они знают, что я к этому не имею никакого отношения?

И вообще, может, мне разрешено просто перейти через

мост, как всем приличным людям, а не скитаться по подворотням, как какому-нибудь бродяге?

Ничего не понимаю. И раньше ничего не понимал, но сейчас окончательно утратил даже иллюзию понимания.

Мутный, тягучий холодок за спиной проявился яснее, обретя подвижность. Резко заломило виски.

«...Здесь... здесь я... пусти, пусти... один...»

– Уйди, Ноилл, – мрачно пробормотал я. – Тебя еще не хватало...

Призрак вывел из оцепенения. Хватит отдыхать, надо уносить ноги. Кого бы ни преследовали охотники, они могут и передумать.

Появление Охоты внесло в магический фон ночных улиц такую сумятицу, что мелкое колдовство все равно пройдет незамеченным, даже если магия Черная. Поэтому я потратил часть своего резерва на залечивание ран. Видно, не судьба мне восстановить силы полностью. Эдак я, в конце концов, привыкну жить обычным человеком. Но и соваться в ломбард с разбитой физиономией и ободранными кулаками рискованно. А то там еще решат, что это я ограбил кого-то под покровом тьмы.

Вроде бы все... Жаль, зеркала нет. В окнах отражение смутное, ничего не разберешь. Хотя, если посветить зажигалкой...

Через пару секунд я и думать забыл о зажигалке, принявшись выворачивать карманы и стараясь не поддаваться

наползающей панике. Затем я бросился обратно в проулок между домами и, только что не уткнувшись носом в землю, занялся изучением валявшегося там мусора.

Глупо? Да! Браслет вместе с зажигалкой и деньгами лежал во внутреннем застегнутом кармане. Случайно выронить его содержимое даже в очень яростной схватке невозможно. Тем более что деньги и зажигалка остались на месте...

Эти уроды вытащили? Вряд ли... У них и времени-то, скорее всего, не было... И уж точно, денег они бы мне не оставили.

Значит, остается только один вариант...

Перед глазами снова возникло смутное пятно вместо лица. Черты неразличимы во мраке, хотя собеседник наклонился ко мне очень близко и можно почувствовать его дыхание.

«...Спасибо за помощь, но я пойду... Извини, но мне действительно надо...»

Так вот почему он так спешил сбежать.

Я выругался, закипая. Каждый звук оказался заряженным злобным пламенем, выбивающим даже в камнях заметные рваные воронки. По кистям потекло колкое тепло, собираясь на кончиках пальцев... Воздух сгустился и наэлектризовался. Каждый вдох давался с усилием, словно через тугую пелену...

Достало! Устал решать эти проклятые человеческие проблемы!! Устал решать их неуклюжими человеческими спо-

собами! Я МАГ!

Привлеченный избытком чужой энергии, из подвала соседнего дома выполз плесенник. Сверху зашуршало еще что-то, предвкушая поживу. Даже люди за стенами задвигались, приникая к окнам. Некоторые так и не проснулись, но слепо шарили по шторам, отодвигая ткань и выглядывая наружу. За черными стеклами их белесые силуэты с закрытыми глазами светились как призраки. Не знаю, что они видели, считая, что это сон. Но страх их тек через стены мускусом.

Я тянул к себе их и еще сотни тех, кто оказался в пределах досягаемости, как чудовищный паук, ухвативший сразу все нити своей страшной паутины... И, словно грязная пена на волне, к эпицентру стягивались и все паразиты, почуявшие пиршество.

Вот дрянь...

Сомкнув пальцы замком, я сразу же развернул ладони к небесам, чудом не вывихнув кисти. И к льющейся луне с треском ринулись фиолетовые и сиреневые, холодные молнии, сплошь расчертившие небо и включившие мелкие звезды в свой причудливый ветвистый узор.

Напряжение разом упало. Тугие струны лопнули, болезненно отозвавшись в каждом нерве. Внутри меня образовалась уже привычная пустота, но зато беззвучные волны откатили назад, так и не породив безумное цунами.

Люди просыпались от муторных снов и ошалело переглядывались, пытаясь вспомнить, как они очутились у окон.

Этого я уже не видел, удаляясь с места событий со всей возможной скоростью. Такое возмущение фона уж точно не пройдет незамеченным.

Несанкционированное применение Черной магии высшего уровня... То, за что люди ненавидят Черных магов, даже не подозревая, что Белые делают то же самое. Только если Черные действуют прямо на подсознание, пробуждая древние и оттого пугающие инстинкты, то Белые влияют на сознание. И люди понеслись бы навстречу Белому магу с широко распахнутыми глазами и ожиданием праздника... Да только финал одинаков. Пустые оболочки и пиршество паразитов...

Я маг, тупо повторил я, стискивая кулаки.

Но этот наглый сопляк получит по заслугам по-человечески.

Ночь отмалчивалась.

Наступающее утро прoderнуло мятый, черный занавес ночи золотой нитью и постепенно заткало пространство над горизонтом бронзовыми, розовыми, зелеными разводами, разрежая темное полотно вкраплениями синего и, наконец, голубого...

День обещал быть ясным. Но холодным.

Я оцепенел, дожидаясь рассвета на камнях. И если не покрывлся инеем, как пожухшая трава вокруг, так только потому, что развел костерок, сейчас уже превратившийся в тусклые угли, да еще периодически совершал экскурсии по окрестностям, надеясь отыскать лаз, нору, подземные врата... Поиски в темноте едва не закончились вывихом, и на этом я их бросил. Здесь что-то было, но спрятали это «что-то» на совесть.

Схему Янжера неудавшаяся жертва грабителей, зато состоявшийся вор оставил мне, поэтому я, прикупив провизии, решил ночью же покинуть Набрег на попутке и уехать к месту сбора. Если у меня и есть шанс вернуть утраченное, то только здесь. Хотя пацан мог найти и другого проводника.

В любом случае оставаться в Набреге нельзя. Город стал похож на разворошенный муравейник, после того что я натворил. Они не поленились даже накрыть его *белоплетом*, ухлопав массу энергии и обесточив одну из электростанций,

отчего часть города погрузилась во мрак. Но попутная легковушка уже набрала скорость, уносясь прочь, и светящаяся плеть упала далеко позади нее.

Ехать пришлось на окраину, до поселка Кузницы. За поселком на холме располагался приметный валун. Все это было изображено на схеме Янжера. Однако ночью не так легко в незнакомой местности найти холм с валуном.

Зато с холма открывался отменный вид на спящий Наберег, на тускло мерцающую ленту реки Бережной, на почти пустынное по случаю рассветного времени шоссе. Наблюдать удобно, но холм, как и низины вокруг, заросли рошицами и перелесками, и было легко пропустить нечто творящееся буквально в нескольких шагах ниже по склону.

Так оно и вышло. Точный момент, когда я обзавелся компанией, остался неопределенным. Просто повернувшись, я обнаружил сидящих на рюкзаках чуть в стороне мужчину и женщину средних лет. Они негромко переговаривались, склонив головы друг к другу, и проявлять любезность в общении с кем бы то ни было не собирались.

Когда солнце показало миру четверть своего лица, появился отчаянно зевающий и розовый от тепла Янжер. Видимо, добирался, до точки сбора на машине.

– Ага, – стукнув зубами после очередного зевка, констатировал он. – Еще не все. Почему всегда кто-нибудь опаздывает?

Он энергично похлопал себя по плечам и приблизился ко

мне:

– Ну как там моя премия?

– Вот сейчас придет приятель и принесет, – отозвался я хмуро.

– Эт хорошо, – кивнул Янжер. – Без платы я никого не веду. В долг тоже не верю. А идти следом, если ты чего такое задумал, не советую. Это даже опаснее, чем...

Я его не дослушал. Теперь, когда солнце поднялось, казавшиеся непроницаемыми древесные заросли заметно посветлели и проредились. Так что издалека заметить невысокую худощавую фигурку, шагающую по тропе вверх, не составило труда.

Я сорвался с места и двинулся наперерез.

– Какая приятная встреча...

Пацан, смотревший под ноги, вздернул голову и качнулся назад, явно намереваясь дать деру. Я быстро сцапал его за ворот. Испуг вперемешку с досадой плеснулся в распахнувшихся глазах и сразу же сменился показным равнодушием.

– Чего? – отозвался он, кривясь. – Чего надо?

– Не хочешь сказать спасибо своему спасителю?

– Какому спасителю? Че надо? Я тебя впервые вижу...

– Слушай, ты... – тихо, сквозь зубы выдохнул я. – Мне вчера едва не проломили голову. Это, знаешь ли, плохо называется на нервах.

Он попытался *закрыться*. Попытка вышла слабенькая, на уровне деревенского колдуна. Но, во всяком случае, парень

действительно обладал некими навыками Белой защиты.

– И не пытайся, – зловеще велел я. – И тебя, и твой щит вскрою как консервную банку.

– Чего ты ко мне привязался?! – с фальшивым надрывом возопил он. Кажется, сам понял, что вышло неубедительно, и встряхнулся, набычившись. – Ну? Чего хочешь?

– Простой человеческой благодарности. Знакомо?

– А я не звал тебя на помощь, – огрызнулся пацан, выворачиваясь из моего захвата. – Пусти! Никуда я не побегу... Ну ладно, спасибо, что помог. Или хочешь письменно?

– Видишь ли, в понятие «благодарность» не входит грабеж напарника. Я хочу, чтобы ты отдал мне украденное.

– Чего? Я ничего не крал! – вскрикнул он. Даже мне на мгновение возмущение в его голосе показалось убедительным.

– Змейка, – вкрадчиво напомнил я. – Металлический браслет в виде змейки. Я хочу его обратно. Он мне дорог как память...

– Не видел я никаких змей. На кой мне твои побрякушки? Он ослабил на редкость самоуверенно.

– Хочешь обыскать, извращенец? Ну давай! – И нелепо задрал куртку вместе со свитером, обнажив впалый, тощий живот.

Непрошенные зрители возле камней повернули головы в нашу сторону. Янжер сказан что-то негромко, и все рассмеялись.

А ведь неприятное это дело – обижать маленьких. Пусть даже действия этого гаденыша едва не стоили мне нервного срыва. Да и не такой уж он маленький был, если честно. И лишь на голову ниже. Но все равно мерзко...

Я с размаху прижал его к древесному стволу и наклонился к самому лицу:

– Вот что... У меня не так много времени, чтобы добиваться правды. Я точно знаю, что ты взял браслет. И я вытащу его из тебя вместе с печенью, если понадобится. Мне давно уже не до шуток...

Глаза его неопределенно темные, какого-то фиолетового, как спелая черная смородина, оттенка, стали круглыми и напуганными. Вряд ли причиной тому были мои слова, но что-то встревожило его, и он забился под руками как рыбешка в сетях.

– Пусти! Слышишь, пусти! Да отпусти же ты меня! – истерично рывкнул он, пытаясь отстраниться. – Нету у меня его! Нет! Я продал его! Мне деньги были нужны! А он сам в руки подвернулся, когда ты там... лежал... – почти беззвучно закончил он, отворачиваясь.

– А говоришь, что не крал... – с отвращением выдохнул я, отпуская его. – Сам, значит, в руки полез... Из застегнутого кармана...

– Пошел ты, – огрызнулся он.

– Кому ты его продал?

– Там... одному... Он хорошо заплатил. Я тебе... отдам...

Он принялся судорожно копаться в кармане, вытаскивая смятые бумажки.

– И все? – ужаснулся я. – За сколько ты его отдал? Сколько?! Ну ты кретин...

Впрочем, со вкусом огорчиться финансовыми потерями мне не дали.

– Эй, вы там! Двое! Хорош миловаться! – окликнули нас от камней. – Солнце уже высоко. Идете или нет?

Ситуация все равно была тупиковая. Выбивать остатки денег, которые это прохвост явно припас, не было никакого желания. К тому же имело смысл позволить ему перейти на другую сторону, где его легче будет отыскать и вернуть долги. А заодно с его помощью найти того, кому он продал браслет.

– Что? – ухмыльнулся паренек, похоже прочитавший все на моем лице. – Грешно благородным героям забижать маленьких? Будешь еще бить или займешься делом?

Испуг схлынул с него как с выдры вода – быстро и бесследно. Он отскочил в сторону, нахохлился и зашагал прежней тропой, словно ничего и не было. Даже не оборачиваясь.

Я ругнулся и двинулся следом.

– Принесли? – нетерпеливо осведомился Янжер. – Давайте веселее, господа. Вас люди ждут...

Пошептавшись с парнишкой, а затем со мной, он крепко задумался, помялся, пытаясь сделать нечеловечески трудный выбор (предположение, что несовершеннолетний наг-

лец оставил себе львиную долю суммы, оправдывалось буквально на глазах), и наконец провозгласил:

– Ладно, оба пойдете... Эй, все сюда. Сейчас начнется самое интересное.

Пока мы выясняли отношения, к молчаливой паре с рюкзаками присоединился невзрачного вида мужчина с чертами лица словно стертými ластиком и в такой неприметной одежде, что стоило отвернуться, как его облик мгновенно выпадал из памяти. Не всякому заклинанию личины такое под силу, но никаких чар на этом человеке не было и в помине. Зато на плече он нес весьма приметный мешок, в котором что-то непрерывно и сложно шевелилось. Будто там сидела гигантская многоножка, которой не терпелось вырваться на волю.

Теперь нас стало пятеро.

– Значит, так, – произнес Янжер. – Мы пойдем быстро и, если все будет нормально, доберемся часа за три...

– Почему так долго? – недовольно осведомился обладатель беспокойного мешка. – Здесь напрямик под руслом от силы час ходу.

– Вот и идите напрямик под руслом, – огрызнулся Янжер. – И закончите свой век в какой-нибудь кипящей яме. Или в петле подземного грызла. А то прям там для вас шоссе проложено... Чтобы безопасно пройти, придется попетлять. А еще придется идти молча и не отвлекаясь на изучение пейзажей. Доступно говорю? Тут среди вас есть маги, я

чувствую, так вот вам особое распоряжение – никаких действий, никакой волшбы, ни Черной, ни Белой. Там нельзя предсказать, чем обернется любое, даже простенькое заклинание. Фон такой, что достаточно искры – и все взлетит. К тому же там стоят блокираторы магии. Подземелье строили в незапамятные времена, и уже тогда никому не хотелось, чтобы какой-нибудь колдунишка влез под город и взорвал его снизу. Сейчас система, конечно, не в лучшей форме и поэтому вместо блокировки может и убить нарушителя... Ну вы меня поняли? А теперь мне нужны ваши имена... Да не истинные, не дергайтесь. Просто мне как-то нужно будет к вам обращаться там...

Женщину звали Дина. Ее мужа – Стаслав. Мужика с мешком – Ладвиг. Пацана – Сэм.

Подхватив свои котомки, мы гуськом спустились вслед за проводником по склону холма. Солнце к этому моменту уже поднялось над горизонтом, насытило пространство щедрым сиянием, и теперь любой желающий мог без труда различить путников на холме. Но, кажется, проводника это ничуть не беспокоило.

– А почему нельзя было идти ночью? – негромко спросила Дина. Ее спутник бессознательно горбился, словно пытаясь скрыть лицо.

– Под землей без разницы – день снаружи или ночь, – отозвался Янжер. – А ход открыть можно только на закате или с рассветом... Пересмена, так сказать... – непонятно пояснил

он. – Автоматика... Ближний ход как раз с утра. Но если кто против, пусть дожидается вечера. Я сюда еще приду.

Велев остановиться, он отошел чуть в сторону и принялся колдовать. Это было до такой степени забавно, что я, позабыв разом обо всех своих неприятностях, стал глазеть, как этот фокусник наводит тень на плетень, выдавая абракадабру за заклинания, а нелепые взмахи руками – за магические пассы... Я так подозреваю, что это он не сам придумал. Уж больно сосредоточенно выглядел Янжер, изо всех сил силясь изобразить кистью загадочный знак, не вывихнув при этом пальцы. Скорее всего, кто-то заморочил бедняге голову, чтобы он считал, что именно таким образом можно разомкнуть заветный проход...

И я даже догадываюсь – кто такой шутник.

Вчера я проходил мимо этого места, но ничего не ощутил. Так что вряд ли ход на самом деле зачарован. Ну разве что защищен мелкими иллюзиями. И вероятно, открывается он не по воле колдуна-самоучки, а по желанию тех, кто сидит там, внутри.

Земля посыпалась с легким шорохом, и в склоне разверлось жутковатого вида отверстие, формой напоминавшее полумесяц. Из щели вынырнул карлик.

Дина вскрикнула от неожиданности. Карлик ощерился на нее и зашипел, с явным удовольствием наблюдая за испугом женщины.

– Вот пакость, – констатировал Ладвиг раздраженно. – А

я думал, их всех перебили...

Теперь карлик ощерился на него, демонстрируя двойной ряд острых, как иглы, зубов.

– Ты зубы-то не скаль, – сварливо скомандовал Ладвиг. – Нашел кого пугать. Нежить...

Я вообще-то тоже считал, что подземников на свете не осталось, потому что их истреблением с одинаковой охотой занимались все кому не лень. Начиная с тех, кто однажды выпустил эту заразу в свет, и их противников, и заканчивая теми, кто вообще знать ничего не знал о давних войнах, но при виде этих тварей испытывал рефлекторное желание выпустить нечисть.

Следом за подземником появилась приземистая, да к тому же сгорбленная фигура человека, рост которого тоже едва ли превышал половину стандартного среднего. Человек был чудовищно массивен, большеголов, плечист, длиннорук и коротконог, но при этом до странности пропорционален.

– Ты смотри, какой тут заповедник! – восхищенно крикнул Ладвиг. – Кто бы мог подумать! Эй! Любезный! Крысеныша не продашь? – И он ловко пнул проскользнувшего мимо карлика, который издал негодующий визг.

Приземистый человек недобро осмотрел собравшихся, шуря подслеповатые глаза, и о чем-то негромко переговорил с суетливо кивающим Янжером. Затем он вперевалку подошел к заметно напрягшейся Дине, взял ее за рукав парки и смачно плюнул на него... Дина шарахнулась, брезгливо пе-

рекосившись. Стаслав зарычал и шагнул было к обидчику, но его остановил встревоженный возглас Янжера:

– Не надо резких движений. Так положено!

– Что – положено? Захаркать одежду моей жены?

– Он должен вас пометить. Иначе внизу не пройти...

– Фу! – выдохнула с омерзением Дина.

Стоявшего возле нее Сэма заметно передернуло.

Скучающий житель подземелий дождался, пока все угомонятся, и размеренно, словно приказчик в конторе, ставящий печати, принялся помечать оставшихся. Плюнул, деловито растер...

– Скажите спасибо, что мочиться не стал, – засмеялся Ладвиг, единственный из всех явно развлекавшийся происходящим. – А то у некоторых есть и такие традиции...

– Теперь пошли... – буркнул Янжер.

Инстинктивно стараясь держать руки в испачканных рукавах подальше, мы принялись нырять в щель один за другим.

Когда-то, судя по всему, здесь был аварийный люк для выхода на поверхность. Или просто запасный ход. Сейчас он не открывался полностью, но изнутри стали очевидны его немалые размеры и металлическая изнанка.

А еще внутри оказалось не так уж и темно. Мы, лязгая ботинками о металл, спускались по железной лесенке, пока не оказались в просторной камере, где на стенах тускло го-

рели слабенькие лампы, освещающая облицованные желтоватой плиткой стены и свисающие потрепанные провода.

– А я думал, тут будет... пещера, – несколько разочарованно пробормотал Сэм себе под нос.

– Что вы, юноша, – откликнулся Ладвиг. – Какие пещеры в этих местах? Здесь все ходы рукотворные, вырыты во времена Чужих войн... И рыли их, между прочим, вот эти вот большерукие господа... – Он слегка наклонился к Сэму и посоветовал: – Вы взгляните на их пальцы, у них ногти прочнее стали... Маг Гиргорус Ваятель вывел специальную породу людей, которые и грызли землю век за веком...

Приземистый обитатель подземелья развернулся всем телом и уставился на Ладвига. Теперь в полумраке он казался еще более крупным. Тяжелые веки почти закрывали белесые глаза. А на коже очертились едва заметные узоры из пятен, словно у змеи. Да и сама структура поверхности кожи напоминала змеиную. Тускло поблескивающая, чешуйчатая, безволосая.

– Ваятель ответил за то, что сотворил с нами, – низким, вибрирующим басом, от которого у меня зачесалась переносица, проговорил он. – До сих пор в горах Занева хранится напоминание о нашей мести...

– Как же, – обронил ничуть не смущенный Ладвиг, – слухи ходят... Если не ошибаюсь, вы из него тоже сотворили нечто... э-э?..

– Он не увидит свет, пока черные горы не станут прозрач-

ными, – лаконично послышалось в ответ.

– Радикально, но перспективно. Прикупить, что ли, акций по разработке алмазных месторождений в Заневе... – Ладвиг осклабился.

Янжер незаметно покосился на часы и с досадой предложил:

– Для исторических экскурсий наймите себе другого проводника...

И мы двинулись в путь.

Дух в подземельях стоял тяжкий, но в целом терпимый. Пахло металлом и электричеством. Сырой землей и камнем. Животными и гнилью.

И магией. Чудовищно старой, бесцветной, равнодушной к живому... Кое-где плетение заклинаний – мертвых и полурассыпавшихся – становилось настолько плотным, что казалось, продираешься через липкий туман.

Мешок за спиной Ладвига стал шевелиться с удвоенной интенсивностью, и владелец несколько раз с размаху бил им о стену.

– Непоседливые заразы, – проворчал он, заметив, что я наблюдаю за ним. – Никак не уgomонятся.

А на спине Дины, на правой лопатке, проступило через слои одежды замысловатого вида «клеймо осужденного», отчетливо флюоресцирующее в полутьме. С такой меткой не дозволено пересекать границы зон.

Из тупика с люком мы по каменным ступеням стали спускаться куда-то в подвижную тьму, разгоняемую светильниками, чадящими факелами, а кое-где светящимися лишайниками. Через минуты три спуска пол выровнялся, а ширина прохода увеличилась. По полу тянулись ржавые рельсы.

Судя по наклону ступеней, мы уже сошли ниже уровня земли, но вряд ли под руслом реки. Так что придется еще спускаться. Какое-то время ступали, молча озираясь. Тишина здесь царила плотная, слежавшаяся.

Путь перегородила намертво заклиненная между стенами вагонетка. Янжер повернул влево, в узкий лаз, и пришлось протискиваться через щель, передавая друг другу оставленные сумки.

– Что там у вас? Краденые младенцы? – недоуменно спросила Дина, принимая из рук Ладвига мешок. – Тяжелый какой...

– Хотите, покажу? – хмыкнул тот.

– Н-нет...

– И правильно. Крепче спать будете...

Я засмотрелся на фреску на стене: женщина с темным лицом и желтыми пламенными глазами пронзала клинком странных однокрылых тварей – и едва не налетел на замешкавшегося Сэма.

– Смотри, куда прешь, – нервно сказал он.

– А ты не... – Я смолк, заметив то, что задержало Сэма.

На стене полыхал тускло-синим знак Закрута. От него ве-

яло лютой стужей. И сам знак тянул к себе, да с такой силой, что удержаться на ногах удавалось с трудом.

Причем наши спутники прошли мимо без задержки. Только Ладвиг, будто почуяв нечто, аккуратно прощупал ладонями воздух и пронес свой драгоценный мешок максимально далеко от знака.

– Я не... не пойду, – выдохнул Сэм, таращась на знак.

– Возвращайся обратно, – буркнул я хмуро.

Он угрюмо покосился:

– Ты что, не знаешь? Это...

– Я знаю.

– И все равно пойдешь?

Я глядел вслед уходящим спутникам. Мне показалось или Янжер остановился и наблюдает за нами? Туннель тонул во тьме, и различить что-либо наверняка было невозможно.

– Мне надо на ту сторону, – твердо сказал я. – А ты подумай, так ли тебе нужно туда же...

– А то без твоих советов не обойдусь... – Он перекинул свою сумку за спину и неожиданно быстро рванул вперед.

– Дурак! – только и успел рявкнуть я, но протянутая рука ухватила лишь пустоту.

На мгновение мне показалось, что фигура бегущего Сэма почернела в момент, превратившись в угольный силуэт. Силуэт истончился, обретя почти женские, хрупкие очертания, а затем ярко полыхнул. Сэм заорал. Да так, что эхо, расслаиваясь, заметалось в замкнутом пространстве, больно уда-

ря, словно нечто осязаемое. Знак полыхнул ярко-синим... И, больше не раздумывая, я метнулся следом за Сэмом.

Ощущение, словно голым пробегаешь через доменную печь. Всего-то два шага, но казалось, что они никогда не закончатся. Лазоревый смертоносный огонь ударил по глазам, отзываясь в голове всепоглощающей болью.

Сэм бы не успел проскочить. Только полный идиот пытается с разбегу преодолеть знак высшей атаки, да еще и без защиты. Но он принял на себя большую часть удара, так что я, следуя за ним, выиграл несколько мгновений для себя и этого кретина, сбив его на ходу с ног...

Мы оба выкатились под ноги вернувшимся спутникам.

В сущности, Закрут опасен в основном для одиночек. Он медлителен и легко обнаруживается. Есть средства поэффektivнее. Но это если верить книгам...

– Ну ты псих, – только и смог сказать я, переведя дыхание. Глаза почти ничего не различали, ослепленные вспышкой, кожу жгло как ошпаренную, и казалось, что она сейчас поползет клочьями.

– Вы оба психи, – хмыкнул Стаслав. – Чего вы тут затеяли?

– Психи как раз не мы... – медленно проговорил я, поднимаясь на ноги. Сверкание в глазах стало заплывать потеками подземного сумрака, и, хотя кожа все еще горела, уже стало понятно, что все это только иллюзия и даже одежда не нагрелась.

– Ты же знал, что в твоей команде есть маги, – процедил я, наступая на пятившегося Янжера. – И ты ж наверняка не в первый раз ведешь людей этим путем и знаешь, что значит эта загогулина на стене, верно?

– Откуда мне знать, – прищурился Янжер. – Это ваши штучки. Я ж предупреждал, что будет нелегко...

– Нелегко? Эта, как ты выразился, штучка способна убивать! – давась от ненависти, рывкнул я.

– Убивать? – с недоумением переспросила Дина. – Но мы прошли мимо, и ничего...

– Тихо, женщина, – прервал ее Ладвиг. – То-то, я смотрю, там беспокойно было... Это ж какой хитрец наш Янжер. Ведет, понимаешь, людей, а тут такой сюрприз. Стал быть, кому известно про «штучку», тот поворачивает назад... Ах, какая неприятность, деньги вам вернут, но за хлопоты часть уплаченной суммы удержим... А те, кто под эту «штучку» все-таки неудачно подвернулся, вообще назад денег не потребует, верно, господин предприниматель? Экий выгодный бизнес.

– А где сказано, что я обязан следить за вашей безопасностью? – отозвался Янжер скучным голосом. – Мое дело довести. Только тех, кто дойдет. А сколько вас дойдет, это уж не моя печаль. Не нравится – топайте сами...

– Урод, – прошипел наконец оклемавшийся Сэм.

– Придержи язык, пацан! – прикрикнул Янжер. – А то считай контракт разорванным.

Мы с Янжером несколько секунд смотрели друг другу в глаза. И взгляд его мне не понравился. Было в нем что-то... Опасное. Взяв этого человека в проводники, я рискнул испытать судьбу. И, кажется, упустил из виду нечто важное.

Теперь я был уверен, что Янжер знал о знаке. И действительно наблюдал за нами издалека. Ждал, что мы предпримем. И делал какие-то выводы.

– Идемте, – велел Янжер, отворачиваясь.

В одном из тупиков все еще сохранился жутких размеров Крайгр – повисший на своих жилах, поросший черным, длинным, как шерсть, мхом, все еще трепещущий от беззвучного ора... Плитка, которой здесь были выложены своды, крошилась и сыпалась трухой, принимая на себя многовековые удары призрачного звука.

Потом путь нам перегородили спешащие карлики, сородичи того, что первым приветствовал нас наверху. Их было пугающе много, они неслись бешеным потоком из одного туннеля в другой, на ходу цапаясь друг с другом. Еще они несли нечто завернутое в грязно-белую ткань. Нечто продолговатое, большого размера, формой напоминающее человеческое тело...

Несколько особей отделились от основного потока и медленно, полуприседая и хищно щерясь, двинулись к нам. Лица с круглыми, выпуклыми красноватыми глазами были слегка вытянуты вперед, а нос приплюснут, но в целом на-

звать их звериными мордами я бы не рискнул.

Повинуясь жесту Янжера, все застыли неподвижно, пока подземники принюхивались, цедя воздух через щелистые зубы. Некоторые из них, высунув подрагивающие языки, алчно кружили вокруг замершей Дины, наслаждаясь ее ужасом. Стоявший рядом Сэм продемонстрировал подобранный ржавый лом, и подземники, пересмеиваясь, отступили. Удовлетворившись осмотром, они унеслись вслед за остальными.

– А вы знаете, – задумчиво сказал Ладвиг, ни кому не обращаясь, – они ведь, между прочим, разумны.

– Кто? – удивился Стаслав, носком ботинка пошевелив одного из карликов, растерзанного по пути своими собратьями. Его останки так и остались лежать на полу, склизкие внутренности вывалились. – Вот эти крысы?

– Говорят, они человеческих детей крадут, – осипшим голосом поведала Дина.

– Зачем им дети? – хмыкнул Ладвиг. – Но людей они действительно воруют и приносят в жертву своим подземным богам... Можно представить, насколько откормлены здесь духи земли, – добавил он вполголоса, – и можно понять, почему все попытки уничтожить это племя были тщетны...

На самом деле подземные ходы оказались не так уж и занимательны. Темные тоннели, ржавые рельсы, иногда неясного назначения каверны, нечто похожее на бункеры, какие-то решетчатые фермы и постройки.

Ближе к центру свет пропал вовсе, и путь озаряли только фонарь Янжера и предусмотрительно припасенный фонарь Ладвига, ну и пятна светящейся плесени на стенах. Движение в постоянной темноте замедляло время и растягивало пространство. Казалось, что мы идем уже часа два, хотя на самом деле едва ли минуло минут сорок.

Однако приближение реки и границы зон становилось все ощутимее. Накатило чувство тревоги вперемешку с приступом клаустрофобии. Запахло влагой. Последнее, скорее, было иллюзией, туннели залегали намного глубже русла реки, но появилось странное ощущение непрерывного и мощного движения воды где-то поблизости.

А потом...

Фонарь Ладвига скользнул голубоватым лучом по замысловатого вида конструкциям, по рюкзаку Стаслава и недоумевающему лицу обернувшейся Дины, которая беспокойно спросила:

– А где же Янжер? Только что был...

Чернота подземелья полыхнула белым. И по белоснежным стенам, замыкая кольцо, побежали искрящиеся, изумрудного оттенка игольчатые побеги, напоминающие еловые ветки...

Время сбавило ход... Все вокруг разбилось на почти статичные фрагменты.

Ладвиг изрыгает проклятия, пытаясь удержать свой ме-

шок, из которого, распарывая ткань, лезло нечто напоминающее черных многоногих и многоруких человечков с раздутыми в яростном визге красными пастями.

Стаслав и Дина, зажимая уши, пригибаются к земле.

Сэм, запрокинув голову, сползает по стене, оглушенный, и зеленые плети оплетают его с катастрофической скоростью.

А я сам безвольно опрокидываюсь на пол, побежденный странным ощущением абсолютной апатии к происходящему, и последнее, что вижу, так это одного из гомункулов Ладвига прямо перед своим носом на каменном полу. Многоногий человечек переломился пополам, и из туловища сыплется песок и труха, но голова все еще продолжает разевать пунцовый беззубый рот...

Возвращение к реальности не принесло ни малейшего удовольствия. Голова и так болела после ночного соприкосновения со строительным мусором, так теперь ее боль наполнила по самую макушку, норовя разорвать череп изнутри. Даже малейшее движение глаз под шершавыми веками причиняло неприятности. Но все это казалось сущим пустяком по сравнению с попыткой совершить еще какое-либо шевеление. На меня словно положили гранитную плиту сверху, и даже дыхание давалось с трудом...

В склеп, что ли, замуровали? Лицом вниз, как захудалого чернокнижника.

Нет, все-таки придется прийти в себя, чтобы хотя бы определить место своего последнего упокоения...

Открыв глаза, я рассмотрел нечто серое, каменное с виду, покрытое грязными разводами и пылью. Действительно склеп? На мгновение ужас буквально пронизал от макушки до пяток, выбросив в кровь изрядную порцию адреналина. Так что я буквально подскочил с места, ожидая, что затылок соприкоснется с твердой и надежной плитой, навсегда отрезающей путь к спасению...

Ага, кажется, паниковать рано...

Находился я в каменной камерке, маленькой и тесной, но все-таки слишком просторной для склепа. Да к тому же в склепах не делают отхожих мест в виде дыры с крышкой в полу, откуда явственно воняло. Три стены камерки были каменными, а одна решетчатая. Только решетка отличалась редкой изысканностью, несмотря на грязь и ржавчину. Такого искусно вплетенного в толстые прутья знака Поглощения мне еще ни разу в жизни видеть не приходилось. Он мерцал багрянцем, и смотреть на него было неприятно. Но необходимо, потому что за решеткой впереди наметилось копошение.

– Привет, – произнес некто, чей силуэт заметно размыло присутствие знака и полутьма. Даже голос исказился почти до неузнаваемости.

– Сэм? Это ты? – неуверенно угадал я. – Что происходит?

– А я откуда знаю? – хмуро отозвался Сэм. Говорил он с

явным трудом. Похоже, и его не покидало ощущение мучительного давления со всех сторон.

И неудивительно, если и каменные стены были расписаны грамотно размещенными рунами, знаками, символами, не позволяющими магу использовать силу, отражающую ее, поглощающих даже его собственный магический резерв, да еще и оказывающих непрерывный прессинг на заключенного в такую западню человека.

– Я сам очнулся не так давно... – Сэм помолчал и сообщил уныло: – Наверное, это пограничные.

– Что за пограничные?

– Ну облава была на тех, кто незаконно переходит Пограничье. Я слышал, пока не отключился, как кто-то там командовал... Ну знаешь, как это бывает в кино: всем на землю, руки за голову... – Он шмыгнул носом и закончил: – Вот нас и взяли.

– Всех?

– А Дину со Стаславом отпустили. И Ладвига... Только мешок его забрали.

– А говоришь, что ничего не знаешь.

– Да я только догадки строю.

– С чего ты взял, что остальных отпустили?

– Я же сказал, что не сразу отключился. У меня на *светошок* сильная сопротивляемость...

Вряд ли он выдумывал. У Белых часто на свою магию имелся некоторый иммунитет, а иногда и полная невоспри-

имчивость. Как и у Черных на свою.

– ...Я и видел, как они разговаривали, а потом остальным позволили уйти.

Я подошел к внешней решетке, стараясь не замечать жжения знака. Решетка отсекала узкий коридорчик, откуда лился слабенький свет. Если повернуться боком, то можно рассмотреть, что коридорчик утекает в обе стороны от нас и что поблизости, судя по всему, должны быть другие камеры. Прямо напротив размещался Сэм в точно такой же камерке, как и моя.

Любопытно... Забрали только нас. И камеры предназначены для людей, способных направлять силу. Что ж, выводы очевидны... Обычным людям можно переходить из одного предела влияния в другой хоть явно, хоть тайком, под землей или по небу, на четвереньках, если захочется, или с грузом контрабанды. А магов отлавливают даже в норах.

Что за жизнь у мага? Сплошная дискриминация.

– А почему тебя взяли? – спросил я задумчиво. – Ты же Белый? А пределы Белых мы не успели покинуть...

Сэм вяло пожал плечами:

– Почем мне знать? Зачем государственную границу охраняют с двух сторон и своих не выпускают? А может, в таком переполохе не разобрались... – с надеждой закончил он.

– С тех пор как ты очнулся, никто не приходил?

– Никто...

Я сделал несколько шагов по своей темнице. Удобства

здесь были, прямо скажем, аскетичные. Каменная лежанка высотой до колена. И живопись на стенах, от которой у меня лично уже плясали цветные пятна перед глазами, ломило затылок и ныли кости, уставшие от бесконечного давления.

Еще очень хотелось пить, но никто не озаботился принести в камеру хотя бы кружку воды.

– М-да... – подумал я вслух. – Белые всегда отличались редкой гуманностью по отношению к своим пленникам...

– Это ты к чему?

– К тому, что выбираться надо отсюда.

– Ну попробуй, – хмыкнул Сэм, заваливаясь на спину прямо на пол. – А то скучно.

Я изучил решетку. В ней имелась дверь, запертая на висячий замок. Попытка прикоснуться к прутьям закончилась ударом, сильно смахивающим на электрический. Меня шарахнуло так, что я отлетел к противоположной стене и приложился затылком до искр в глазах. А то мне мало было светоэффектов до того...

– Ух, ничего себе, – констатировал восхищенно Сэм. – Попробуешь еще, каскадер?

Я судорожно вдохнул. Померещилось, что сердце остановилось от такого удара, но, кажется, обошлось. На языке солонело от крови, и по верхней губе потекла щекотная, теплая струйка.

– Гуманисты хреновы... – пробормотал я, отодвигаясь от стены. Лопатки, соприкоснувшиеся с незнакомой руной, на-

рисованной на ней, кололо, будто иглами.

– Это что! – усмехнулся наблюдавший Сэм. – Ты на потолок посмотри...

Я посмотрел, и дыхание снова перехватило.

Плетение выдолбленных линий почти терялось в пыли. И ощущения от них не исходило никакого. Но лишь потому, что знак Выворота дремал, неинициированный. А оживить его проще простого... Ледяные когти озноба прошлись по загровку. Выворота не было даже в Зале Трибунала. Кому понадобилось изображать здесь это древнее чудовище? А главное – зачем?

– Что ты так дергаешься? – осведомился Сэм, довольный произведенным впечатлением. – Уж небось за нелегальный переход из зоны не карают Выворотом. Ну оштрафуют тебя или твой клан...

– А почему ты пошел к Черным тайком? – спросил я, не без усилия отводя взгляд от уродливого символа на потолке. – Отправил бы уведомление – и не пришлось бы рыскать по подземельям...

– Не твое дело. – Сэм моментально подобрался и насупился. – Надо, значит, было.

– Небось сбежал из дома?

– Сам ты... Это из-за тебя я тут оказался!

– Почему из-за меня?

– Да потому что наверняка это ты привлек их внимание! Ты же Черный! Они вышли на тебя, а заодно и меня загреб-

ли. А если бы тебя не было... – Он резко мотнул головой, не закончив фразу, переместился в самый дальний угол своей камеры и отвернулся. Я и так его не слишком хорошо различал, а теперь вообще потерял из виду в сумраке.

Пацан, что с него взять...

Часы показывали половину одиннадцатого. Вот только утра или вечера – не определишь. Я, как и большинство магов, пользовался механическими. А окон здесь не имелось вовсе. Время утекало, но ничего дельного в непрерывно ноющую голову не приходило. Рассуждения Сэма были бы верными по отношению к любому другому Черному магу, кроме меня... Ну и еще, может быть, по отношению к Деймонду Ольчанскому и его потомкам, которым после Двухлетней войны на территорию Белых запрещено ступать во веки веков...

Итак, что мы имеем? Решетку не вскрыть. Потолок... Об этом лучше не думать. Стены? Воздействовать на них невозможно не только из-за художеств неизвестного грамотея, но и потому, что в кладку вплетены заговоренные *струны*. Местами поверхность камней истерлась или скололась, обнажив серебристые волокна. Возле изголовья ложа торчал короткий завиток оборвавшейся *струны*.

Пол... Грязный, но никаких знаков незаметно. Странно...

Я лег ничком на пол, как недавно валялся Сэм, и разочарованно поморщился. Под покрытием ощущалась бездна. Вряд ли это означало, что мы находимся над пропастью. Ско-

рее всего, под камнями опустошенная земля, из которой изгнали стихийных духов и которую дополнительно омертвили. То есть любое магическое воздействие на нее будет мгновенно впитываться, не оставляя следов, как вода в песок пустыни. Нужно перекачать океан, чтобы увлажнить его. А где ж взять столько энергии?

Ничего не скажешь, сделано на совесть. Лазеек нет.

– Ну чего уставился? Отвернись...

– Что? – Я очнулся от раздумий, во время которых невидяще тарачился в никуда. То есть в сторону Сэмова обиталища.

– Я не могу, когда глазают... – Сэм с недовольным и смущенным видом топтался возле отодвинутой крышки над дыркой в полу.

Я хмыкнул и демонстративно повернулся спиной. Ну надо же, какой впечатлительный. Точно домашний ребенок. Сбежал от папы с мамой попробовать вкус вольной жизни. Потому и не хочет, чтобы кто-то знал, в какой предел он уйдет.

На стене напротив не было ничего интересного. Пересечения цветных линий размечали руны «прозрачного проникновения». И *петлю огня* («Никогда не использовать в закрытом помещении!» – строго наказывала Универсальная Книга Символов). Еще был вычерчен *многоугольник Рацифера*. Он лучился сухим жаром, и от разглядывания его начинали слезиться глаза. Говорят, его действие при длительном контакте подобно действию радиации...

– Забыли они про нас, что ли? – сердито бормотал Сэм. – Хоть адвоката прислали бы... Или дожидаются какого-нибудь начальства? Что за порядки в этом городишке...

А лежанка ничего, удобная. Я поерзал по твердой поверхности, пытаюсь убедить себя, что для позвоночника так даже полезнее. Неужто придется привыкать?

Погодите-ка... Я так привык мыслить как маг, что упускаю из виду совсем другие возможности. И то, что представляет для меня преграду как для мага, может сослужить службу...

Переместившись к изголовью каменного ложа, где вылезла порванная струна из осыпавшейся стенки, я попробовал ее пальцами – горячая и слегка вибрирует, но если кисть обмотать полёй куртки и несколько раз согнуть и разогнуть торчащий кусок, чтобы отломить его, то вместо магического артефакта у меня в руках окажется самая обыкновенная проволока... Коротковата, правда, и чересчур податлива, но все же тверже чистого серебра, из которого теоретически полагалось бы быть струне. Надо думать, такой расход казне не по карману и на защитный периметр пустили сплав серебра с дешевым металлом.

– Что ты делаешь? – осведомился удивленно Сэм, когда я снова приблизился к внешней решетке. – Мало тебя треснуло?

– Хорошая встряска прочищает мозги, – рассеянно мурлыкнул я, стараясь подцепить пальцами висячий замок сна-

ружи и при этом не коснуться решетки. Пекло в такой близости от знака изрядное, поэтому сосредоточиться было нелегко...

Повозившись несколько минут, я выяснил все что хотел и принялся изгибать проволоку, снова примерять ее к замку, снова гнуть металл и снова примеряться...

Как там Жаб учил? «Главное – терпение, малец. Замки не любят суеты и нервов». Правда, толком обучиться у опытного медвежатника я не смог по причине малолетства, но кое-что в память запало...

Пару раз меня порядком шарахнуло, пальцы я снес вчистую, сгибая проволоку без инструментов. Но мне очень хотелось на волю.

– Есть! – ликующе выдохнул я, услышав заветный щелчок.

– Экий мастер на все руки, – произнес Сэм с непонятной интонацией. Мне так показалось, что голос его подрагивает. И сам он отошел в дальний угол своей камеры и по-детски обхватил руками плечи. – Ну пока! Приятно было пообщаться... Передавай там привет...

– Ты чего? – удивился я. – Никак расстроился?

– С чего бы это? – огрызнулся он. – Жаль собеседника терять. И так тут тоска...

– Так пошли со мной, – усмехнулся я. – Или хочешь остаться?

– А как я выйду?

– Через дверь, – вздохнул я, носком ботинка распахивая свою решетку в смутной надежде обмануть действие знака. Это, конечно, не помогло, и очередной удар встряхнул так, что я чудом не прикусил язык.

В коридорчике, как и предполагалось, никого не было. Вправо от наших камер располагалось еще несколько таких же, а затем маячила глухая стена. И влево – не меньше десятка. Тоже предназначенные для магов. Но они пустовали. Зато коридорчик слева заканчивался деревянной дверью, массивной с виду, но чуть приотворенной. Над дверью тускло светила лампа на голом крученном проводе.

Вне узилища не в пример легче дышалось. С меня словно сняли каменный панцирь, позволив разогнуться и набрать полные легкие воздуха... Пусть и не самого чистого.

– Что там? – с любопытством спросил Сэм.

– Ничего интересного... – Я занялся его замком. Одолевать замок на своей клетке было намного спокойнее. А здесь, снаружи, я чувствовал себя тревожно и все время косился на щель приоткрытой двери.

– Ну чего ты так долго? – сердился Сэм, нетерпеливо переминаясь внутри клетки. Теперь я почти не видел его. Как ни тускла была лампа, свет ее все равно мешал рассмотреть творящееся за решеткой. Да и знак искажал силуэт даже снаружи. Но беспокойство и нетерпение Сэма прямо-таки лучились через прутья.

– Давай я подержу... – вызвался он, перехватывая замок

изнутри.

– Не на... Проклятие! – Сэма швырнуло к дальней стенке, но мое проклятие адресовалось не этому факту, а обломкам проволоки, в которые превратилась отмычка. То ли неосторожность наша с Сэмом подействовала, то ли металл уже устал от бесконечных изгибов, но и без того короткая проволока распалась на два ни на что не годных куска.

– Мне очень жаль... – медленно произнес я, не поднимая глаз.

– погоди, – отозвался Сэм поспешно, хотя и нетвердым голосом. Шок от удара оставил его в сознании, но двигался он замедленно. – погоди, сейчас... Не уходи. Я, может, у себя найду что-нибудь подходящее... – Я услышал, как он копается внутри, царапает камень, потом вздыхает и обреченно констатирует: – Нет, ничего нет.

– Сэм, я...

– Слушай, иди уже отсюда, а, – напряженным тоном прервал он меня. – Не вышло так не вышло. Мне, в конце концов, ничего не грозит. Просто не хотелось... Ай, неважно. А ты катись подальше, тебе есть что терять. Ну чего тарачишься? Топай давай... Или сейчас как начну орать, чтобы какой-нибудь охранник пришел!

Я еще несколько секунд смотрел в темноту за решеткой, в которой теперь не различалось никакого движения, потом развернулся и двинулся к выходу. Сэм в принципе прав. Ну переживет он свои неприятности...

Щель оказалась слишком узка, чтобы с толком рассмотреть происходящее за дверью. К тому же поперек двери переливался красками жгут охранного заклинания. Но, учитывая, что дверь закрыли небрежно, контур заклинания не замкнулся и торчал лохмотьями в разные стороны, не цепляясь за косяки.

Если подойти вплотную и затаить дыхание (на всякий случай), то можно рассмотреть противоположную стену, выложенную грубо тесанным камнем, а ниже... Что-то тучное, объемное, неопределенной формы, похожее на... Нечто вдруг пошевелилось, распрямилось и оказалось толстяком, который просто дремал, сидя спиной к двери и, похоже, навалившись на стол.

Толстяк со вкусом потянулся, откидываясь назад и демонстрируя лысую макушку, с кряхтением встал и двинулся куда-то в невидимую для меня часть комнаты, даже не взглянув в сторону двери. Судя по поведению, был он один, поэтому, выждав несколько секунд, я решил толкнуть дверь...

Глазам предстало небольшое помещение с двумя дверями. Одна – та, за которой скрылся толстяк, – вела, скорее всего, в уборную. Иначе звуки, доносящиеся оттуда, объяснить нельзя. Вторая дверь находилась выше уровня пола, и к ней вела железная лестница, крепившаяся к стене. Еще в комнате имелись в наличии: стул с висящей на спинке темной курткой, а также стол, на котором стояли кувшин, кружка, тарелка с огрызками, и покачивалось «волшебное око».

Из темного стеклянного «ока» мне призывно махало рукой искаженное изображение нагой блондинки.

Я сделал несколько шагов к лестнице и остановился, заметив на стене, на крюке, вбитом между камнями, здоровенное кольцо с десятком ключей. Толстяк наверняка не таскал его с собой именно из-за размеров кольца.

За дверью уборной плескалась вода и слышались невнятные подвывания. Кажется, там пели. Сколько еще охранник там пробудет? Минуту? Две? Десять?

Ключи не звякнули, когда я снимал их с крюка. Дверь обратно к камерам не скрипнула. Внутренний голос замолчал, шокированный моим идиотизмом.

В полной тишине я вернулся обратно к камере Сэма.

– Все еще хочешь на свободу? – поинтересовался я, перебирая ключи в поисках подходящего.

Сэм быстро перебежал по своей клетке, переместившись к самым прутьям. Знак искажал черты его лица, но изумление прочесть было все-таки можно.

– Ты зачем вернулся? Это что? Ключи? Ты там убил кого-то? Ты...

– Не ори, – с досадой отозвался я, нервно косясь на дверь в конце коридора. – Мне слегка повезло...

– Ну ты кретин! – выдохнул неблагодарный пацан. – Ты спятил, что ли? Какого беса ты приперся? Если была возможность, уносил бы ноги!

– А вот без твоих распоряжений я обойдусь, – раздра-

жаясь, отозвался я, выдергивая очередной неподходящий ключ.

– Да и я без твоих благодеяний... Может, мне тут нравится? Может, я...

– Заткнись, – попросил я его. От напряжения ладони вспотели – и ключи выскальзывали, словно живые. – Без моих благодеяний ты уже дважды был бы, скорее всего, мертв.

– Да что у тебя за мания такая меня спасать? Ты кто, Ассан Хранитель или Люц Птицедрев? Я тебя просил, что ли? Да пошел ты со своей помощью куда подальше! Я вообще не нуждаюсь...

Ключ легко вошел в скважину и покорно повернулся. Сэм смолк, потом хрипло попросил:

– Отойди...

Я, не оглядываясь, снова устремился к выходу. Хочет выбраться, теперь дорога открыта. Хочет остаться – его дело.

Щель я предусмотрительно оставил и теперь, к величайшему своему разочарованию, увидел через нее спину толстого охранника на прежнем месте. Тот катал что-то по столу, посмеиваясь. Надо думать, вертел свое «око», любуясь красотками. Аж лысина порозовела...

– Ну и? – выдохнули мне в ухо еле слышно. – Что дальше?

Я не успел ответить, потому что толстяк отвлекся от своей игрушки, потянулся через стол за кувшином и вдруг замер, уставившись на противоположную стену. На пустой крюк.

– А где... – недоуменно начал было он вслух вопрошать

сам себя.

Я пнул дверь и прыгнул вперед, ударив ребром ладони по заплывшей жиром шее. И одновременно с этим в затылок бедняги врезался крошечный огненный шарик. Толстяк обмяк и ткнулся носом в стол. Волосы на его затылке свернулись колечками, и явственно завоняло паленым.

– Брр... – проговорил Сэм. – Этого только не хватало... Ну теперь мы точно преступники. Он живой?

– У меня и в мыслях не было его убивать, – свирепо отозвался я, пытаюсь нащупать пульс в складках толстой шеи. – Я хотел его оглушить. А ты со своими огнебоями не только грохнул его, но наверняка поднял где-нибудь наверху тревогу...

– Да от моих огоньков только кожа чешется! – возмущенно возразил Сэм.

– Живой, – буркнул я, нащупав-таки пульс. – На кой бес тебе понадобилось... – Я только теперь обернулся к своему товарищу по несчастью, да так и замер, рассмотрев его при свете.

– Челюсть подбери, – мрачно посоветовала та, что стояла за спиной.

– Ты не Сэм, – ошалело сообщил я.

– Мне это известно.

Одежда на ней была Сэмова. И рост тот же. А вот все остальное... Не далее как два дня назад мы расстались с этой девицей, весьма недовольные друг другом.

– Ксения... – изумленно произнес я. – Откуда ты...

– Слушай, давай я потом все объясню... То есть я вообще ничего объяснять не буду, потому что это совсем не твое дело. – Девушка вздернула точеный носик.

– Не мое? Ты зачем у меня браслет стащила?

– Ну это, может, и объясню... – уступила она. – Но потом. Надо уходить отсюда. За нападение на охранника могут привлечь к ответственности посерьезнее, чем за нелегальный переход в другую зону... – Она прищурила один глаз и насмешливо спросила: – Или ты только Сэму симпатизируешь и моя компания тебя не устраивает?

– Смотри, что твоя магия наделала, – хмуро сказал я, указывая на потолок, где свивалась в спирали и непрерывно трепетала, словно на ветру, бахрома уловителей. Из-за покрывавшего ее слоя пыли она смахивала на неопрятные щупальца.

– Здесь полно насекомых. Наверняка они колышутся все время, – отмахнулась Ксения. – Может, никто уже внимания не обращает...

– Как ты вообще ухитрилась сохранить силы в такой камере? – поинтересовался я.

Она подняла правую ладонь, демонстрируя простенькое и дешевенькое с виду колечко из белого металла на указательном пальце.

– Накопитель, – пояснила она. – К тому же ускоряет восстановление собственного резерва. Правда, заговорено на

солнце, поэтому под землей действует плохо. Но лучше, чем ничего. У меня были еще полезные штучки, но их, видимо, изъяли эти... мм... пограничники. Кстати, давай посмотрим, не лежат ли где-нибудь здесь наши вещи...

Впустую потратив несколько драгоценных минут на поиски и убедившись, что ничего из нашего барахла здесь нет (правда, попутно обнаружили водопровод в соседней комнатке и смогли наконец напиться), мы двинулись к единственному выходу. Я стал подниматься по лестнице, прислушиваясь. Девушка легко и беззвучно шагала за мной, не отставая, но и давая мне пространство для маневра.

Старая металлическая дверь в ржавых язвах имела всего лишь щеколду вместо замка, да и та была отодвинута. Здесь, видимо, слишком рассчитывали на систему магической защиты камер, не заботясь о простых способах усложнить пленникам путь на свободу.

Дверь открылась в темную, узкую, вертикальную шахту, насквозь пронизанную винтовой железной лестницей. Оттуда резко тянуло холодом и сыростью. Осторожно ступив на решетчатую площадку перед порогом, я осмотрелся.

– Ну что? – шепотом спросила Ксения после паузы.

– Вверху есть свет, примерно этажа через два. А внизу темно и ничего не видно.

– Поднимемся к свету или низвергнемся во тьму? – почти весело осведомилась явно успокоенная отсутствием людей и переполоха девушка.

– Не знаю... Не нравится мне это.

– Что?

– Меньше всего это похоже на какой-либо участок пограничников ли, охранников ли или еще какой официальной службы... Я, конечно, не так хорошо разбираюсь в порядках Белых, но на нашей стороне камеры с заключенными не загоняют под землю... А мы еще под землей, чувствуешь?

– Да... – Ксения стала серьезной и задумчиво согласилась: – А ведь верно... И охранник какой-то... даже без формы. И Выворот. Но мне казалось, что... – Она умолкла, наморщив лоб.

– Я схожу пока наверх и посмотрю, что за свет и нет ли там выхода, – предложил я, не дождавшись от нее больше ни слова.

Ступать по металлическим ступеням беззвучно оказалось не так легко. К тому же лестница ощутимо подрагивала, покачиваясь в навверняка проржавевших креплениях. Лестницу окружала страховочная проволочная сетка, но в ней зияли такие прорехи, что даже взрослый человек вывалился бы без труда.

На следующей площадке размещалась копия двери, через которую мы вышли, но на этот раз запертая. Еще через несколько шагов я понял, что дальше подниматься нет смысла. Шахта заканчивалась через один виток лестницы. Свет лился из открытого дверного проема на последней верхней площадке. И оттуда же доносились звуки.

– ...Невозможно дольше ждать, – донесся раздраженный мужской голос. – Это становится опасным. Он сказал, что искать будут не обычные нюхачи, а...

– ...Вывезти сейчас никого нельзя. Город прочесывают вдоль и поперек. Ищут кого-то. А то думаешь, легко будет увезти сразу двоих и чтобы никто не засек? К тому же один из них Черный, а это вообще вроде маяка в ночи...

– Это не мои проблемы. Я доставил товар, как обычно, и жду свои деньги вот уже, бес знает сколько времени. У меня бизнес стоит.

– Деньги как договорено – по факту. Пока товар не получил покупатель, деньги он не заплатит, и вообще, хорош нудить, я, что ли... – Говорившего прервала посторонняя мелодичная трель. – Да! Я, конечно, а ты кого ждал... А, не будет? Но тогда... Ага, значит, они сами привезут сюда все?.. Много оборудования? И как они это все сюда затащат? Ты наши лестницы видел?.. Ладно-ладно, сами разберутся, понятно. Погоди, а тела я куда дену? У нас тут, между прочим, замкнутое пристра... Не ори! Нельзя крысюкам, они только живых берут... Ну... Лады... Часа через три?.. Угу...

– Что там? – жадно спросил первый после паузы.

– Сами приедут и возьмут то, что им нужно. Так, говорят, безопаснее... А нам с трупами возись.

– Ну кинешь в какую-нибудь шахту...

– Во дурак! Их, во-первых, кроты найдут, а они не любят, когда им мясо подбрасывают, а во-вторых, у нас тут не нату-

ральные пещеры. Тут все забетонировано. А там, где земля, там не наша территория... Короче, проблема...

Я стал осторожно спускаться. Планы мерзавцев и так уже можно было предсказать наперед при минимуме информации, и все эти планы не сулили нам ничего хорошего.

По пути я попробовал вскрыть запертую дверь, но тщетно.

– Вниз? – предположила Ксения, дожидавшаяся меня.

– Правильно.

– Наверху, значит, не апартаменты полицмейстера города Набрега?

– Сыро здесь для такой персоны...

– Трой... – нерешительно сказала Ксения (надо же, мое имя она тоже запомнила), – давай я первая пойду...

– Это с чего вдруг?

– Я же чувствую, ты почти пуст. В темноте ты видеть не сможешь. А я запущу вперед «глаз», пусть разведает дорогу. Мало ли что с этой лестницей...

– Даже «глаз» здесь пускать опасно. Мало ли какой эффект вызовет... – напомнил я.

– Свернуть шею не опаснее? – резонно возразила она.

– А если на тебя что-нибудь прыгнет, то твой «глаз» поразит нападающего убийственным взглядом?

– А на тебя не прыгнет?

– Я крупнее.

– Да что там может напасть? – возмутилась девушка.

– Крыса, – подсказал я мрачно.

Насмешливость на ее лице сменилась некоторым замешательством.

– Давай тогда так... – Она пропустила меня вперед и положила ладонь на плечо. Голова у меня закружилась. Очень может быть, что от ее прикосновения. Но, скорее всего, от дезориентации в пространстве, когда вдруг оказалось, что я смотрю на мир одновременно с трех точек – и все три находятся на разной высоте...

– Так лучше? – спросила Ксения, пощекотав дыханием висок.

– Да, – признал я, оглядываясь. Точек по-прежнему было три, но та, что находилась на средней высоте (взгляд Ксении), ушла далеко на периферию и почти не воспринималась. Теперь я смотрел собственными глазами, которые мало что различали в такой тьме, и «глазом», охватывающим район шагов на десять вокруг.

Не очень четко, словно в сером киселе, к тому же с заметным искажением, как в выпуклой линзе, но лучше, чем ничего.

– Не знал, что силой можно делиться между Черными и Белыми, – проговорил я, когда мы начали спуск.

– Можно... – тихо отозвалась Ксения. – Черный или Белый, значения не имеет. Только нужно доверять человеку... Не все на это способны. И не все хотят этого.

Я поймал свой следующий вопрос на излете. Незачем вопрошать об очевидном. Если я смотрю ее глазами, значит,

она рискнула мне довериться. Благодаря моему неотразимому обаянию или просто из-за безвыходности ситуации – сейчас было неважно.

– Смотри, – шепотом выдохнула Ксения, – а ты говорил, что «глаз» не нужен...

Перед нами в лестнице зияла дыра вместо трех ступеней. Пришлось перепрыгивать. Мне – вслепую, потому что прыгать совместно было невозможно и контакт пришлось разорвать. Дальше мы шли еще осторожнее, к счастью, больше сюрпризов не встретилось. Шахта оказалась не так уж и глубока, этажа на четыре. Мы миновали еще по одной запертой двери на каждом этаже. Последняя, в самом низу лестницы, была не просто закрытой, но еще и заваренной.

– А тут дыра, – радостно заметила Ксения.

Да, действительно... Металлическая рама, к которой приварили дверь, была отогнута, видимо, сверхчеловеческим усилием, и часть каменной кладки рядом выбрана.

– Судя по размерам, это подземники себе выход сделали, – пробормотал я.

– Я могу попробовать пролезть, – предложила Ксения.

– Ну а я могу попробовать застрять, – вздохнул я. – погоди, давай «глаз» запишем. Пусть осмотрится...

Слегка мерцающая в темноте сфера «глаза», смахивающая на бесцветную медузу в черной воде, неспешно всплыла в отверстие.

– Не пойму, что это, – озадаченно призналась Ксения по-

сле паузы.

Искаженное изображение, которое давал «глаз», до неузнаваемости деформировало и без того загадочные контуры. Какие-то ветки... Нет, решетки... Сплетения и нагромождения светлых палок, среди которых попадаются некие округлые предметы... «Глаз» приблизился, и меня пробрала жуть от увиденного.

– Проклятие! Так вот что это такое... Кости.

– А говорят, им тела девать некуда... – Я стиснул зубы, прикусывая готовое сорваться ругательство.

– Что? – удивилась Ксения. – Ты о ком?

Я ее практически не слышал, размышляя. Теперь стало понятно, как те, кто создавал эту тюрьму для магов, опустошили и омертвили пространство под камерами. Наверняка каждая из запертых комнат под ними тоже полна костей сотен и сотен людей. Столько жертв, принесенных одновременно, способно превратить в мертвую пустошь землю на тысячи шагов вглубь. И что за выродки провернули это все? И кто готов был заплатить такую цену... За что?

Ксения вдруг судорожно вздохнула:

– Не может быть... Это же... Не... – Она смолкла, и ее молчание мне не понравилось. Словно перекаленное стекло, готовое в любой момент разлететься вдребезг от малейшего прикосновения.

Сосредоточившись на мгновение и собрав остатки собственного резерва, я дотянулся до «глаза» и погасил его. За-

тем осторожно положил руки на плечи девушки, разворачивая ее к себе, и негромко произнес:

– Ксень, все, что с ними произошло, уже давно в прошлом. Им мы ничем не поможем. А себе должны. Потому что те, кто сотворил такое с этими людьми, придут за нами. Слышишь?

– Я туда не пойду, – бесцветным голосом отозвалась Ксения. Лицо ее я различал смутно в плотном мраке, но глаза казались еще чернее окружающей тьмы. Словно светились темным.

– Пойдешь. Ты через Закрут прошла.

– Я лучше еще раз через Закрут пойду.

– И мне снова обжигать свою шкуру, спасая тебя?

– Трой, ты не понимаешь... Я не могу туда идти. Там страшно... Их там слишком много.

– Я понимаю. Но там сейчас никого уже нет. Там пустота. Страшная, но все равно пустота. И через нее можно пройти... И повернуть назад мы все равно не сможем. А впереди я заметил еще один пролом. Подземники проделали выход для себя. Хочешь, я пойду первым?

– Ты застрянешь, – вздохнула она мрачно.

– Тогда ты меня подтолкнешь. Только, честно сказать, лучше бы тебе пойти первой, потому что, если я действительно застряну в этой щели, у тебя будет шанс уйти.

– Вот спасибо, – возмутилась она, наконец-то оживляясь. – Ты высокого мнения о моем благородстве. Значит, я

непрерывно должна бросить тебя в беде... Размечтался.

– Однажды ты оставила меня в темном проулке с ушибленной головой. Мы еще не прояснили этот эпизод, – хмыкнул я.

– Ну и злопамятный ты тип! Будем прямо сейчас выяснять...

– Тихо! – Я насторожился, прислушиваясь к звукам, доносящимся сверху. Там что-то изменилось. Винтовая лестница задребезжала.

Ксения, мигом смолкнув, решительно протиснулась в лаз. Я попытался пролезть за ней следом, но, как и следовало ожидать, не смог. Пришлось стаскивать куртку и свитер и пробовать снова. Сверху стали доноситься отчетливо различимые голоса. Лестница заскрежетала под весом нескольких людей.

– Быстрее! – прошептала Ксения, забирая у меня из рук одежду.

Куда уж быстрее... Иззубренный металл и неровный камень буквально рвали кожу, пока я пролезал в дыру, явно не рассчитанную на высокого человека. Но, к счастью, создатели дыры, заботясь о своем комфорте, сделали ее все-таки больше, чем требовалось карлику-подземнику. Извернувшись немислимым образом и оставляя часть своей шкуры на выступах и острых краях, я все-таки сумел проскользнуть и повалился на пол комнаты. Вокруг неприятно шуршало и сыпалось, постукивая. Под ботинком хрустнуло. Сто-

ило опереться на руку, как ладонь наткнулась на округлый предмет, покрытый спутанными волокнами, которые легко отделились.

Я поспешно вскочил, вызвав волну новых шорохов и стуков. Зубы стучали то ли от холода, то ли от нервов.

– Не делай резких движений, осыплется! – попросила отчаянным шепотом невидимая Ксения. – Идем, вот тут проход проложили...

Звуки, оставшиеся по ту сторону лаза, стали едва различимы, но зато сам проем в стене внезапно вспыхнул ярко-алым. Там, снаружи, кто-то бросил в шахту световую шашку, пытаясь осветить дно, прежде чем спускаться.

Вторая дыра на противоположном конце комнаты стояла мне еще нескольких клочьев шкуры, но желание выбраться из этого вместилища человеческих останков оказалось даже посильнее желания удрать от погони.

– Куда теперь? – Ксения брезгливо озиралась по сторонам.

Попали мы в низкую и явно рукотворную пещеру. Здесь было чуть светлее от пятен мерцающей плесени. Ровно настолько, чтобы различить несколько дыр, сделанных в стенах.

– Куда угодно, – отозвался я. – Они лезут за нами.

Из дыры доносилось пыхтение и сдавленные проклятия. С сухим перестуком сыпались кости. Что-то трещало... Затем в проломе обозначилось движение, и я, не разбираясь, нанес удар. Сочно хрустнуло, некто пронзительно взвыл и завалил-

ся обратно, изрыгая ругательства вперемешку со всхлипами.

Следом за Ксенией, выбравшей одну из нор наугад, я на четвереньках полез по узкой, неровной земляной кишке. Нестерпимая вонь крыс перебивала даже тяжкий дух отсыревшей почвы. Кое-где торчали проржавевшие трубы, перегораживающие дорогу, и приходилось пробираться под ними на брюхе. Света здесь не было, и пару раз я крепко приложился об эти железяки, рассадив лоб и плечо. Судя по внезапным вскрикам Ксении, ее постигла та же участь.

Ход свернул, слегка расширился и закончился новым разветвлением. Ксения выбрала левую нору. Я не возражал. Разницы все равно не ощущалось. Ходы были короткими, шагов по пятьдесят, но темнота и затхлость путь удлинляли неимоверно.

Ксения вдруг охнула, и шум, сопровождавший ее движение, разом стих. Я встревоженно прибавил скорость и...

Второй лаз внезапно оборвался. Пространство расступилось, вознеслось в высоту и в стороны до гулкового эха. Сразу стало легче дышать, и отвратительное животное зловоние сменилось запахом сырого камня и железа.

Я натянул куртку, постукивая зубами от озноба. Ее так и пришлось тащить в руках, чтобы протискиваться через все эти лазы, а в подземелье было нежарко.

– Выглядишь ты ужасно, – невесело засмеялась Ксения.

Она, допустим, тоже смотрелась не лучшим образом. Грязная, взъерошенная, с темными тенями, залегшими под

глазами, и царапинами на щеке. Но сказать, что она ужасно выглядит, значит, соврать. Странное свойство быть привлекательными в любой ситуации свойственно только женщинам.

– Сойдет для здешних ценителей, – хмыкнул я, не без сожаления отводя взгляд.

Мы угодили в туннель, на этот раз явно созданный человеческими руками и рассчитанный на людей. Проржавевшие насквозь рельсы тянулись по полу, исчезая во тьме. По стенам извивались и закручивались кольцами разноцветные кабели, поросшие черным мхом, словно лианы. И освещен туннель был хоть и скудно, но вполне терпимо – лампами на крюках через каждые двадцать шагов.

Мы пошли направо. Река все еще ощущалась рядом, но где именно – впереди, позади или прямо над нами, – никак не удавалось определить. Что-то творилось с чувством ориентации. Может, мы просто переутомились, а может, все-таки действовал обещанный аномальный фон между владениями Черных и Белых. Правда, явной аномалией были разве что мокрицы, снующие по полу и стенам, вымахавшие размерам с добрую мышь.

А направо мы повернули потому, что на стене обнаружилась выцветшая надпись: «Подъем на уровень 4» – и указующая стрелка. Обещание подъема внушало оптимизм.

Подъемник мы действительно обнаружили через двести шагов. Изломанная клеть с оборванными тросами стояла по-

среди туннеля под наглухо закрытым люком.

– Ха-х-ха... Ха-ха... Ха-ха-ха...

Шелестящие безумные смешки рассыпались по туннелю.

У меня аж волосы на загривке встали дыбом. Мы с Ксенией, как дети, шарахнулись друг к другу.

– Что это?!

Сухой потусторонний смех снова прошелся вдоль стен, словно скребком. И стих.

...– Смотри, они, кажется, идут за нами. – Ксения нервно оглянулась.

– Я знаю, – отозвался я мрачно. – Сначала прицепился один, потом еще пара, теперь вот...

Минула всего лишь пара минут, как я засек первого и не придавал этому особого значения. Но почти сразу же появились остальные, и теперь их стало не меньше десятка.

– Вон еще... – прошептала девушка.

Я кивнул, не оборачиваясь. Мягкое топанье маленьких ног не отставало и не приближалось, перерастая в смутное неумолчное шуршание, когда к преследованию присоединялись новые особи. Нетрудно было догадаться, чего они хотели. Вот как только их наберется достаточное количество...

– Что будем делать?

– Как всегда – драпать. Вперед!

И мы сорвались с места. Почти вовремя, потому что наперерез из дыры в стене посыпались, как из дырявого мешка, новые карлики. Мы сбили с ног самых прытких, пробегая мимо, но они мгновенно повскакивали и присоединились к погоне.

Вперед... На пути грома хлама, с которой расползлось клочьями одеяло из крыс... Влево... Еще влево... Снова вперед... Под ногами зачавкало и захлюпало... Темнота рва-

нула навстречу, и пришлось сбавить ход, чтобы не налететь на что-нибудь во мраке... впереди забрезжило свечение... Лишайники... Целая плантация лишайников, на которых покачиваются белесые тонконогие пауки...

– Они не отстают! – отчаянно выдохнула Ксения.

Вал ощеренных карликов неудержимо катил следом. Теперь их стало сотни. Они выпрыгивали из дыр и проломов, выбегали из боковых ответвлений, сыпались из люков сверху, словно просачивались сквозь стены... Иногда нам удавалось ненадолго оторваться от них, но вскоре волна писков и шипения вперемешку с топотком и шарканьем настигала снова.

Ксения отмахнулась растопыренной ладонью, распуская *огненный веер*, но жгучие капли не нанесли преследователям ощутимого ущерба. По тем, что заверещали и покатались кубарем, равнодушно прошли соплеменники. Тот же эффект произвели *цепенящие иглы*... А мощная *черная зыбь* хоть и скосила всех впереди бегущих разом, но сразу же исказилась и, отразившись неизвестно от чего, пошла обратно, кроша стены туннеля, и чудом не накрыла нас самих...

Да и выиграть эти усилия нам позволили разве что шагов сто, зато Ксения резко сбавила ход, заметно побелела и только что с ног не валилась. Я потащил ее за руку.

Бетонная кишка внезапно раздвоилась, разбегаясь проходами под прямым углом к главному, затем снова раздвоилась и снова...

– Проклятье! – задыхаясь, воскликнула Ксения, обогнавшая меня на пару шагов.

Поворот налево оказался ошибкой. Впереди зиял здоровенный пролом в полу и в потолке. Словно что-то невероятно тяжелое пробило этажи насквозь и кануло в темные недра. Во всяком случае, вместо бетонного покрытия зияла рваная по краям дыра, наполненная мраком. За проломом коридор продолжался как ни в чем не бывало. Но как добраться туда?

Вообще-то если как следует разбежаться, то можно попробовать...

Ксения обессилено прислонилась к стене. На лбу ее блестела испарина.

– Назад, – скомандовал я, и мы понеслись обратно к разветвлению. Возможно, совершать каскадерские трюки не понадобится.

Справа обнаружили две двери. Обе запертые.

– Можно сломать? – отчаянным голосом спросила Ксения.

– Не успеем, – возразил я, попробовав дверь на крепость.

– Ты ломай, а я попытаюсь их остановить.

– Как? Слышишь, они уже здесь...

– Я сейчас... – Девушка опустилась на колени, вычерчивая замурзанным пальцем в пыли на полу вспыхивающую белыми искрами фигуру. Выглядела она измученной и бледной до прозрачности, однако действовала уверенно.

Ничего себе! Настоящий *коловорот*... Отлично придума-

но, но времени не хватит.

– Некогда... – Я схватил ее за локоть. – Давай к пролому...

– Спятил? – Она резко попыталась высвободиться, продолжая сосредоточенно вести линию по полу. След шипел и сверкал в трухе.

– Мы перепрыгнем, а они нет!

– Трой, ты точно обезумел, ты видел эту дыру?

– Не останавливайся. Разбежимся прямо отсюда.

– Вот псих! – Она наконец оторвалась от недописанного знака, подняв глаза. Мгновение колебалась, запястьем смахивая со лба прилипшие прядки. Вскочила. – Ладно, попробую...

Я мельком увидел, как она сосредоточивается, набирая скорость...

Мелькнул центральный коридор, уже заполненный подземниками. Один, самый прыткий, выскочил мне навстречу и попытался вцепиться. Я снес его, едва заметив. Ноздри втянули запах грязных шкур, паленого, мускусного...

– Давай!!

Какие-то секунды мне казалось, что не долечу... Пропасть словно пасть разверзла и дохнула сосущим холодом. Но вот она уже позади, и даже край достаточно далеко, запас есть. Я стремительно развернулся навстречу Ксении. С глухим вскриком она оттолкнулась, перелетела через пролом и приземлилась на самую кромку. Мокрые подошвы ботинок тут же соскользнули, и она упала на край, ударившись коленя-

ми, но, к счастью, повалившись всем телом вперед и вцепившись в торчащую арматуру. Я перехватил ее кисти и рванул на себя.

– Ненавижу тебя, – прошипела Ксения. Глаза ее стали огромными и черными от пережитого потрясения. – Сволочь ты... Я же могла... – Дыхание у нее перехватило. Казалось, она расплачется, но только блеск в глазах стал ярче.

– А ты молодец, – отозвался я, помогая ей подняться на ноги. Влажные пальцы девушки заметно дрожали. – Перелетела птицей.

– Пошел ты... – всхлипнула она яростно.

– Смотри... – Я развернул ее лицом к провалу. – Они не смогут перепрыгнуть за нами!

Коридор перед обрывом был буквально затоплен подземниками. Они все прибывали и вскоре потеснили самых скорых, тщетно пытавшихся удержаться на месте. С пронзительным писком твари одна за другой стали срываться вниз. Соплеменники даже не пытались помочь тем, кто цеплялся за торчащие закраины пролома, а изо всех сил карабкались по головам стоящих позади, стараясь уйти от пропасти.

– И никакой магии, – пробормотал я.

Насупленная Ксения отвернулась от этой омерзительной кучи-малы и двинулась прочь от пролома, на ходу перетягивая рассаженную кисть платком, извлеченным из рукава.

Бетонный туннель вывел к очередным каменным проходкам, судя по амбре и наличию проточной воды, являющихся

частью системы городской канализации. А может, и нет, потому что вода местами отчетливо светилась.

Еще несколько раз мы моментально припускали со всех ног, когда мерещился за спиной нарастающий шум, но вскоре даже тысяча подземников, повисших на хвосте, не заставили бы нас прибавить шаг, потому что силы были на исходе и двигались мы вперед на чистом упрямстве... Но кончилось и оно.

– Все, – выдохнула Ксения, оседая на пол. – Больше не могу.

Я облегченно рухнул рядом. До последнего момента казалось, что это мне первым придется сдаться и попросить о привале. Какое же ни с чем не сравнимое блаженство просто сидеть, закрыв глаза и вытянув гудящие ноги. Так бы и оставаться в неподвижности пару-тройку столетий. И ощущать тепло привалившейся спиной к моей спине девчонки. И плевать на вонь, темноту и сырость.

– Который час? – спросила Ксения после целой вечности.

– Понятия не имею, – сознался я, даже не делая попытки пошевелиться. Я и так знал, что часы давно остановились.

– Ха-а... Х-ха-ха... Ха... Хи-хи... Х-ха-а-а...

Потусторонний сумасшедший смех прошелестел, рассеиваясь и постепенно стихая. Я почувствовал спиной, как Ксения передернула плечами. Да и меня самого пробрал озноб. Привыкнуть к смеху из пустоты было не так просто.

– Пить хочется. И перекусить. У тебя ничего не осталось?

– Мои карманы выгребли подчистую. Даже мелочь забрали.

– У меня тоже... От подземников ушли, зато голод нас доконает.

– Без паники. Найдем выход.

– Холодно. Хорошо бы огонь развести. Может, я попробую?

– Поддерживать его нечем. Здесь нет ничего, что могло бы гореть.

– Янжер утверждал, что нам идти максимум часа три. А если напрямик, так и вообще час. Разве могут быть под городом такие подземелья? Город-то небольшой...

– Здесь шла война Перекрестков. Они вечно под землю зарывались... Скажи мне лучше, Ксения, а зачем ты настолько усложнила себе жизнь этой экспедицией под землю? Неужели нельзя было легально и безопасно перейти через мост?

– Значит, нельзя... – привычно огрызнулась она, помолчала и, смягчившись, добавила: – Скорее всего, меня бы не пустили на ту сторону.

– Черные?

– Нет, наши. Видишь ли... Моя драгоценная семья хоть и не магическая, но очень старая и весьма уважаемая. И связи семьи Торжич с конклавом Белых магов слишком тесны и обязательны. И даже Ксении Торжич не позволено разрушать традиции, общаясь с кем попало, особенно из Черных пределов.

Мне захотелось обернуться, чтобы взглянуть ей в лицо, но я побоялся, что Ксения замолчит.

– А в пределе Черных живет человек... Мой друг. Он вдобавок ко всему еще и Черный маг.

– Друг?

– Именно друг, – холодно подтвердила Ксения. – У тебя есть сомнения?

– Сомнения в том, что он есть, или в том, что он друг? – хмыкнул я зачем-то.

– Я удовлетворила твое любопытство? – сухо осведомилась она.

– Более или менее. Похоже, у тебя милейшая семья, если ты предпочла залезть под землю, лишь бы не возвращаться к родственникам.

– Я же не знала, что все так далеко пойдет... Теперь твоя очередь хотя бы в двух словах объяснить, что такое ты видел там, наверху, над нашими камерами, и почему мы бегаем по этим подземельям как кроты? Да еще какие-то крысы пытаются нас съесть?

– В двух словах... А разве тебе мало того, что нас посадили в камеры?

– Всякое бывает... – неопределенно отозвалась она.

– Видишь ли, люди наверху размышляли над тем, куда им девать тела.

– Чьи тела?

– Подозреваю, что не свои собственные.

Ксения вдруг развернулась (я, лишившись опоры, чуть не опрокинулся на спину) и несколько секунд молча смотрела на меня. Я это не столько видел, сколько чувствовал. Потом она кивнула и поднялась на ноги:

– Пойдем.

...Тишина здесь была сложная – дробная, со своими оттенками, даже со своим запахом и вкусом. То тянуло гарью, то зверями, то падалью, а то вдруг нежным цветочным ароматом... Единственная составляющая, которая всегда присутствовала в этой тишине, – это напряжение.

– Смотри, – тихо сказала Ксения, кивнув влево.

В первый момент мне показалось, что там кто-то стоит. Но нет, всего лишь силуэт на стене. Человеческая фигура в полный рост, плоская, словно вырезанная из бумаги и прикрепленная к стене, как мишень. Черты лица и тела размечены углем.

Удивительно неуместная на грязной и сырой стене. А дальше еще одна, на этот раз с округлыми женскими формами. И еще... Дюжина, нет, больше...

Ближайшая ко мне фигура раскрыла нарисованные глаза. Ожили зрачки, обозначенные черными точками, уставясь на меня. Шевельнулась линия рта.

Я отшатнулся, налетев на замершую Ксению, и мы ускорили шаги, стараясь уйти быстро и не оглядываясь.

...– Ты зачем у меня браслет вытащила? Неужели дей-

ствительно понадобились деньги?

– Я оказала тебе услугу.

– Ограбив?

– Трой... Ты все-таки простак, каких свет не видывал.

– Возможно. И поэтому ты решила освободить меня от лишнего багажа?

– Ты что, не удосужился рассмотреть браслет?

– Я что-то пропустил?

– Ты все пропустил. И странно, что ты так далеко ушел.

Охота... Ты видел ночью в Набереге Охоту?

– Видел. Она прошла мимо.

– Она ушла за браслетом, который я забрала из твоего кармана.

– Ты хочешь сказать...

– Вот именно. Псы искали браслет и шли за ним как за маяком. Не знаю, почему они раньше тебя не догнали.

– Так вот как они меня находили...

– Значит, они уже шли по твоим следам? Как ты ухитрился ускользнуть? Псов сбить трудно.

– Теперь это неважно... Как я мог не заметить, что эта дрянь работает? Я ничего не чувствовал.

– Откуда мне знать. Белые много чего умеют.

– Почему ты решила мне помочь? Ты же тоже из Белых?

– Ну... – Она помолчала. – Я скорее не тебе, а себе помогала. Ты и так сильно усложнил мне жизнь, потому что все встревожены и насторожены. И ты вел за собой Охоту.

Практически наверняка в городе поднялся бы переполох, и в итоге они могли бы выйти и на меня...

– Чепуха. Гораздо проще было бы позволить им поймать меня и уйти с добычей, оставив всех остальных в покое.

– Ладно... Допустим, я хотела им отомстить.

– Кому?

– Белым. Традициям. Правилам. Охотникам... Потому что и по моим следам идут какие-нибудь Псы... И ты помог мне тогда в переулке. Мне показалось, что это неплохая идея – оказать тебе ответную услугу. Пока ты лежал без сознания, я вытащила браслет.

– И куда подевала?

– Забросила в кузов проезжавшего мимо грузовика.

– А деньги?

– Это были мои собственные деньги, – беззвучно засмеялась она. – Так что это ты меня ограбил.

Мы помолчали несколько минут, а потом я спросил:

– Ты веришь, что это я похитил Белую Королеву?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что... Если честно, Трой, ты похож на теленка, а не на похитителя одной из сильнейших волшебниц. Еще при первой нашей встрече в доме Авроры ты это наглядно продемонстрировал.

– Впечатления могут быть обманчивы.

– Не льсти себе.

Я возмутился и собирался достойно ответить, но в этот момент почудилось, что пол под ногами мягко, но ощутимо дрогнул. Будто уронили нечто невероятно тяжелое. И еще раз.

– Слышишь? – озабоченно спросил я Ксению.

– Что? – Она насторожилась, но недоумение на ее лице само по себе было ответом.

– Нет, показалось, наверное... Значит, я теленок, а ты? Хитрая лиса?

– Жар-птица, – удрученно ответила девушка. – Выставочный экспонат.

Она деловито закопошилась. Я скосил глаза, наблюдая. Ксения сосредоточенно разматывала перепачканный платок, освобождая ладонь. Ладонь была все еще красноватая и помятая, в чешуйках подсохшей крови, но от широкой ссадины не осталось и следа.

– Этот платок мне няня подарила. – Голос Ксении прозвучал неожиданно кротко. – Она любит делать старомодные подарки.

– Заговоренный?

– Обычный. Но мне всегда помогает...

Коридор вильнул и закончился, влившись в перпендикулярный обширный туннель. Свод поддерживали колонны, прошитые железной арматурой под крошащимся бетоном. Под сводом сохранились загадочные проржавевшие соору-

жения, смахивающие на решетчатые фермы или на замысловатые люстры (кое-где на крюках тускло горели лампы).

Даже смотреть на столь массивные и столь плохо закрепленные клубки искореженного металла было неприятно.

Вдоль туннеля тянулся канал, полный мутной, но стремительной воды. Вода приходила из мрака справа и уносилась во мрак слева. Противоположного берега у канала, в сущности, не имелось, если не считать за берег небольшую приступку, за которой вздымалась сплошная стена. И, судя по ее виду, – это была просто наскоро обработанная подземная скала. Высоко вверху просматривались провалы, а за стену цеплялись секции ржавых металлических лесенок. Но снизу не допрыгнешь. Да и подробно рассмотреть, проходы там или просто затенения, мешали конструкции под сводом.

– Тупик, – утомленно констатировала Ксения, когда мы прошли шагов на двести влево и так ничего и не нашли, кроме унылого туннеля, грязной, быстрой воды и глухой стены напротив. С нашей стороны тоже никаких ответвлений не было, а тянулся в неизвестность каменный берег, смахивающий на перрон. Может, когда-то он и служил перроном, а вместо воды по каналу шли поезда.

– Отдохнем и вернемся назад. Пройдемся против течения, возможно, там что-нибудь отыщется. А если нет, то по пути я заметил одну перспективную дверцу. Вдруг ее все-таки удастся взломать.

– И снова влезть в какой-нибудь склад ветоши? – Ксения,

хмурясь, собирала в хвост растрепавшиеся волосы, пытаюсь перетянуть их платком.

Мне тоже хотелось вздохнуть и понуриться. Но в присутствии девушки положено мужественно разворачивать плечи и смотреть твердо. Дабы девушка всегда ощущала себя в полной безопасности и могла найти опору и поддержку в лице храброго рыцаря. А то, что девушка не стремилась искать такую опору и предпочитала обходиться своими силами, да и рыцарь совсем не чувствовал в себе особой уверенности – значения не имело. Стереотип есть стереотип.

– Нет тут ничего. И там тоже. Никаких выходов, – заявила угрюмо Ксения.

– Ну так ложись и помирай, – посоветовал я, не сдержав раздражение.

– Надо было поворачивать там, где я сказала.

– Там все стены были разрисованы выжрами.

– Да они уже вызрели давно.

– Хочешь покончить с собой – залезай в воду. Все приятнее, чем к выжрам.

– Тогда вернемся к колодцу и попробуем... – Она замолчала, прислушиваясь.

Снова пол сотрясло, на этот раз сильнее и отчетливее. Я вдруг осознал, что чувствовал толчки и раньше, уже несколько минут назад, но тогда они были едва ощутимы. А сейчас... Размеренное, равномерное подрагивание. Бум... Бум... Бум... Нечто тяжело и неспешно ступало по тунне-

лям.

– Где это? – Голос Ксении упал до шепота. – Близко?

– Не знаю, – ответил я, предчувствуя недоброе. И без того едва освещенный туннель внезапно стал еще темнее, словно в нем рассеялась черная взвесь.

Ксения повела ладонью, словно зачерпывая воздух, и на пальцах заискрились сгорающие в невидимом огне пылинки. Я поморщился, ощутив на губах и языке поскрипывающее крошево. К привкусу сухой земли примешался будоражащий мускусный аромат и еще запах влажной меди. Или крови. Знакомое ощущение.

Бум... Бум...

Даже стремнину в канале периодически сминала рябь. К глухим ударам примешивались невнятное скрежетание и длинные шорохи. Будто что-то волокли, касаясь стен. Или что-то высокое задевало потолок при движении. А может, и то и другое сразу.

– Оно идет сюда.

Мы замерли рядом, не спуская глаз с проема в стене туннеля. Бежать было рано, да и неизвестно чего ждать. Нечто явно перемещалось по коридору, который мы покинули не так давно. Случайно или шло следом?

Вход в коридор от нас теперь находился достаточно далеко, да и света не хватало, чтобы отчетливо рассмотреть детали, но момент появления монстра мы засекали сразу. Еще бы не засечь, если часть стены вокруг проема рассыпалась

неровными обломками, пропуская ломившееся существо.

– Болван, – процедила Ксения сквозь зубы. – Вот дрянь.

Я не мог с ней не согласиться. И по первому и по второму пункту утверждения. Действительно земляной болван и действительно редкая дрянь. Существо неуклюже, но напористо выбиралось из пролома. Скорость у болванов не слишком велика, но упрямства им не занимать.

– Здесь он будет двигаться быстрее. – Ксения словно прочитала мои мысли. – Намного быстрее.

Болван выпрямился, ворочая круглой головой. Пыль и обломки бетона сыпались с него. Издалека он казался не очень высоким, но на самом деле, скорее всего, и впрямь царапал макушкой потолок, пока шел сюда, а значит, высота его как минимум два человеческих роста.

Массивный, почти бесформенный, смахивающий на плохо обработанный кусок глины – круглая голова без шеи, прямоугольный торс, руки-лопаты, ноги-тумбы – болван тем не менее был одним из самых неприятных порождений стихии Земли. И абсолютно невосприимчив почти ко всем видам магии. Во всяком случае, доступной в нашей ситуации.

Бум... Бум... Болван целеустремленно двинулся в нашу сторону.

Мы, не сговариваясь, рванули со всех ног.

Бум-бум... Бум-бум... Вне всяких сомнений, болван старался настичь нас, и вряд ли для того, чтобы облобызать при встрече.

– У него... – задыхаясь, проговорила Ксения, – к руке... привязаны... мои часы... кажется...

Я мысленно ругнулся, сберегая дыхание для бега. Вот оно что! В таком случае почти наверняка в теле болвана, как в пластилине, утоплена, например, моя зажигалка. Или еще что-нибудь из тех вещей, что пропали из карманов.

– Догоняет... – отчаянно воскликнула Ксения.

Я мельком покосился через плечо. Болван делал длинные прыжки, разом проглатывая по десять обычных шагов. Взбаламученная вода выплескивалась на берег канала, оставляя темные кляксы. Сверху доносился отвратительный скрип. Помаргивали и без того едва работающие лампы. Одна взорвалась с треском; следом металлическая конструкция под сводом с оглушающим скрежетом обрушилась в воду.

Болван гнал перед собой волну горячего воздуха, и хотя расстояние между нами все еще оставалось достаточно велико, отчетливо запахло окалиной, раскаленным песком, обожженной глиной.

А потом туннель кончился. Не сразу, конечно. Просто темнота впереди уплотнилась и превратилась в стену с прорезанной аркой, куда нырял канал. Вода перед аркой бурлила и вскипала грязной белой пеной. Зазор между сводом арки и поверхностью воды был ничтожен.

М-да... Значит, поезда здесь не ходили. Скорее вагонетки с грузом.

Я остановился, ошалело осматриваясь. Болван прибли-

жался. Уже можно было различить и кожаный ремешок часов, о которых говорила Ксения, – его узлом завязали на правом большом пальце болвановой кисти. Остальные пальцы создатели монстра не потрудились разделить. На месте глаз – две дыры, тлеющие тусклым багровым огнем. И кривой поперез вместо рта.

Ксения по инерции унеслась вперед, но шаги ее уже стихли. Я не оборачивался, однако чувствовал, что она остановилась и тоже изучает приближающееся чудовище. Неудержимое, сокрушающее, безжалостное, как катящийся под уклон дорожный каток без водителя. И не увернуться.

Я вскинул руки, складывая пальцы в сложный замок и иницируя словами заклятие, а затем резко развел их в стороны. Несложная волшба, не требующая большого резерва, но достаточно эффективная против магии Земли. Если работает...

Воздух расчертили дымные волокна, свивая узор.

Болван даже не дрогнул, когда с ходу влетел в плетение заклинания. Слово оно и впрямь было из дыма. Нет, под землей одолеть порождение этой стихии невыносимо.

Я попятился. Кожу ощутимо припекало. При желании можно было разобрать даже мелкие трещинки на теле болвана. Он пер как танк, только без лязга и скрежета, вбивая каждый шаг в пол глухими и мерными ударами.

– В воду! – решил я наконец.

– Так я и знала, – отозвалась за спиной Ксения упавшим

ГОЛОСОМ.

– Тогда прыгай...

Вода в канале оказалась ледяной и вонючей. В первый момент даже дыхание перехватило. Я забарахтался, пытаюсь удержаться в стремнине, которая упорно волокла к стене туннеля, туда, где кипела белая пена.

– Ксень?

– Я здесь, – донесся задыхающийся голос слева. Девушка держалась в воде вполне уверенно, хотя брезгливо сморщилась. Правда, ее уже заметно снесло потоком.

Зато болван наконец остановился. Замер на краю канала, вращая головой и шевеля руками, будто подгребая воздух вокруг себя. Его тень, как черная шаль, легла на воду. А исходящий от него запах окалины перебивал даже вонь воды. Болван потерял цель из виду, хотя расстояние между нами сократилось всего до десяти шагов. Мы перешли во власть другой стихии, и теперь урод не мог нас различить.

– И долго мы тут будем плескаться? – осведомилась Ксения, стараясь отплыть подальше от дохлой крысы, которую несло течением мимо. – У меня ноги сводит от холода.

– Давай попробуем выбраться на другой стороне.

– Там нет берега.

– Есть. Нам хватит, чтобы удержаться...

Вода в канале по температуре едва превышала точку замерзания. Уже через минуту я почувствовал, как немеют кисти рук, а холод забирается под мгновенно промокшую и

отяжелевшую одежду. Ботинки тянули на дно, но сбросить их я не мог.

Был бы канал шире, нам бы не выбраться.

В последний момент померещилось, что кто-то вцепился зубами в мою ногу и пытается утащить на дно. К счастью, это оказался всего лишь торчащий штырь металлического сооружения, упокоившегося под водой.

Пару раз соскользнув, мы все-таки выбрались на приступку между стеной и каналом. Шириной в один шаг. Не так чтобы мало, но и недостаточно, чтобы разместиться с комфортом. С нас ручьями стекала вода, а зубы непрерывно щелкали.

Болван оживился, учуяв наше возвращение. Заметался на другом берегу, делая по паре шагов вправо-влево, покачивая руками и иногда кренясь вперед и опасно нависая над потоком. Водная преграда надежно перекрыла ему дорогу.

– От-т-лично, – сотрясаясь от дрожи, констатировала Ксения. – Т-теперь м-мы б-буд-дем жд-дать, п-пока он раз-звалит-тся от старост-ти. П-пары столет-тий хват-тит?

Я не ответил. Во-первых, нечего было, а во-вторых, челюсти у меня ходили ходуном, и попытка что-либо произнести, скорее всего, закончилась бы откушенным языком.

Болван покачивался, остановившись напротив. Нескладный, громадный, обманчиво неуклюжий и смертельно опасный. Если бы догнал, наверняка размозжил бы нам головы. А если его хозяйева велели доставить добычу живой, то раз-

добрil бы кости, чтобы мы не смогли двигаться.

Кто-то не поленился вызвать земных духов, принести им жертву и вдохнуть жизнь в этот безмозглый кусок глины, а затем пустить его по следу. А ведь чтобы оживить уroda и заставить подчиниться, требовалось напоить его своей кровью.

– Н-надо ид-дти, – выдавил я сведенным от холода ртом. – Д-двигат-ться. А то зам-мерзнем...

Кое-как отжав то, что поддавалось отжиму, но не добившись приличного результата, с кряхтением и стонами мы поднялись и пошли вдоль стены, придерживаясь за нее, но все равно ежеминутно рискуя поскользнуться и рухнуть обратно в воду. Болван перемещался по другому берегу параллельно, как нелепая и громоздкая тень. Не отстанет. Не устанет.

– Н-ну... од-дин п-плюс есть... П-пить я б-больше н-не хочу, – клацая зубами, сообщила Ксения через какое-то время. – А от-т д-д-дизентерии в-все рав-вно н-не усп-пеем помереть...

Я невольно засмеялся. И она тоже.

Чем бы ни служил этот туннель раньше, он был очень длинным. Тысячи четыре шагов от одной стены до другой. Такой же сплошной и безнадежной с виду, прорезанной лишь окном для воды. Единственный вход в этот туннель был тот, через который мы сюда пришли. И теперь он оказался недоступным для нас из-за болвана, сторожащего на

противоположном берегу.

– Что будем делать? – спросила Ксения, когда мы двинулись в обратный путь, убедившись, что вторая стена ничем не привлекательнее первой. Девушку заметно трясло, но говорить она пыталась внятно.

– Ничего не соображаю. Надо согреться, – откликнулся я, тоже стараясь напрягать и стискивать челюсти, чтобы не лязгать зубами. – Огонь разводить не из чего. Есть предложения?

– Я могу попробовать высушить кое-что... Но это не сразу.

– Давай. Все равно спешить некуда.

И я опустился на приступку, наблюдая за действиями Ксении. Она задумалась ненадолго, рассматривая свою куртку, которую стащила сразу после водных процедур, да так и волочила за собой, не решившись надеть насквозь промокшее одеяние. Сейчас она разложила ее перед собой, занесла над ней ладони и, закусив губы, сосредоточилась. Через несколько минут от распростертой куртки повалил пар. Еще через полминуты один рукав стал обугливаться, хотя другой все еще сочился водой.

– Давно такого не делала, – созналась Ксения, поспешно прихлопывая воспламенившуюся ткань. – Да и сил почти не осталось...

– ...И фон здесь тяжелый, понимаю, – ободряюще сказал я, обрадованный ее успехами. – Но ты отлично справляешь-

ся.

– Надо массу побольше, – пробормотала Ксения задумчиво. – Тогда точку нагрева фокусировать будет проще... Отвернись, пожалуйста.

– Куда?

– Куда-нибудь, – хмыкнула она.

– Ага... – сообразил я наконец и повернулся к ней спиной. Смотреть тут было особенно не на что. Торчал на другом берегу болван – неподвижный и равнодушный. Неудержимо бежала вода в канале, мутная и сизая, увлекавшая в дыру под стеной щепки, дохлых мышей и прочий мусор. Помаргивала лампа наверху, единственная уцелевшая из целого соцветия прикрепленных к железной раме. Тянулась вверх стена. Прямо над нами к ней крепилась лестница, но слишком высоко и недосыгаемо.

– Т-трой... Давай заодно и свою одежду. Этой м-мало...

В первый момент без одежды показалось даже комфортнее.

Холодная, сырая ткань отбирала последнее тепло. Я стащил почти все, передав тяжелую охапку Ксении. Для этого пришлось обернуться.

– Из-звини...

– Чепуха, – отмахнулась она. – М-мы теп-перь товарищи по н-несчастью...

В памяти остался моментальный снимок, словно сделанный хорошим фотохудожником. Полуобнаженное светлое,

гибкое тело на фоне грубо изъязвленной, темной стены. Изящный абрис плеча и небольшой груди и тонкие руки, протянувшиеся навстречу, изгиб талии...

Захотелось тряхнуть головой, чтобы отбросить наваждение. И одновременно обуял страх, что это все действительно исчезнет. Честное слово, будто подросток на первом свидании...

Иллюзорное тепло утекало стремительно и неостановимо. Стылый камень и промозглый воздух жадно тянули его. Прошло всего несколько минут, а я снова стал стучать зубами, уже не в силах удержать дрожь усилием воли.

– Т-ты т-там с-коро?

– Н-не знаю. Н-не могу сосред-доточиться. Х-холодно...

– П-понятно.

Я развернулся, опустился на колени за спиной сгорбившейся Ксении и обхватил, прижимая к себе. Она дернулась, как птица, но тут же расслабилась, откидываясь назад. Влажные волосы, несмотря на полоскание в грязной воде, все еще едва уловимо пахли ромашкой. Показавшаяся поначалу ледяной, гладкая кожа живо отогревалась. Я ощущал каждый позвонок на спине девушки. И то, как дрожь исчезала.

Занесенные над кучей мокрого барахла руки перестали трястись, и от одежды снова повалил пар, заволакивая все вокруг.

Может, минуло несколько минут, а может, несколько лет. Трудно сохранить связь с реальным миром в такой ситуации.

– Все... – выдохнула она почти беззвучно.

Потом обернулась, не пытаясь освободиться. Широко распахнутые глаза блестели, а едва различимые в густой синеве зрачки будто дышали, то расширяясь, то сужаясь, и отражение лампы двигалось в них, как крупинка золота на дне ручья.

А губы... Чуть шершавые, но сохранившие нежность. Теплые, чистые, без следа помады, но от того еще более восхитительные на вкус...

В себя мы пришли одновременно. Отшатнулись друг от друга, отворачиваясь и стараясь не встретиться взглядами снова. Поспешно расхватили свою одежду, местами все еще слегка мокрую, с подпалинами, но блаженно теплую.

На противоположном берегу канала высился темный болван. Равнодушный ко всему произошедшему. И произошедшему.

– Я придумала, – произнесла Ксения, не глядя на меня. На скулах ее пылали пятна.

– Что придумала? – Стучавшая набатом в висках кровь постепенно стихала.

– Вон там впереди, на стене... Видишь? Лестница длиннее остальных. Можно попробовать добраться.

– Слишком высоко.

– Нет, если я залезу к тебе на плечи... – Она умолкла, все еще не поднимая глаз. Быстрым и уже знакомым движением убрала прядку за ухо. Ухо было ярко-розовым и, кажется,

светилось в сумраке.

– Можно попробовать, – согласился я, прикинув высоту. – Но это если лестница выдержит.

– Если эта не выдержит, возможно, найдется другая, дальше.

– А если наверху нет прохода?

– Вели же куда-то эти лестницы.

– Резонно...

Теперь, когда появилась цель, мы оба оживились, и ледок невольной скованности, к счастью, разрушился. Даже если бы лестница оказалась выше, чем мы надеялись, не думаю, что в тот момент мы бы особо огорчились. Но нам и тут повезло.

Взобравшаяся мне на плечи Ксения без особого труда дотянулась до нижней перекладины и повисла, пробуя лестницу на прочность.

– Держит.

– Ты... – Мне вдруг сильно захотелось снять ее оттуда. Немедленно! Но вслух выдавил лишь суховатое: – Осторожнее!

Она приняла у меня из рук стянутые между собой свой и мой свитера и привязала их к нижней перекладине. Понадобились еще оба ремня, чтобы импровизированная веревка достигла необходимой длины и прочности.

Ксения спешно взбиралась вверх.

Прежде чем устремиться вслед, я мельком глянул на непо-

движного болвана. Тот мерно раскачивался на месте, переваливаясь с одной ноги на другую. Глаза его вспыхивали багровыми углями. Светлый кругляш часов, прицепленный к ремешку на пальце, колыхался в такт движениям.

Связка опасно затрещала, когда я карабкался по ней, чтобы добраться до перекладин. А затем уже закрипела сама лестница, и из креплений в стене посыпалась труха. Я задержался, чтобы отвязать свитера. Опасно, конечно, но кто знает, что еще за сюрпризы поджидают нас. Поэтому ничего оставлять не стоило.

Затрещал болт, выворачиваясь из паза в стене. Посыпались каменные крошки. Проживавший в щели паук стремительно бросился наутек, волоча за собой ключья паутины. Хорошо ему, может бегать по вертикальным поверхностям...

Последним рывком я выбрался на карниз, ожидая, что лестница обвалится. Как и положено по сценарию приключения. Но она осталась на месте.

Высоко... Этажа четыре. Болвана и другой берег теперь не видно, обзор заслоняют громоздкие конструкции под сводом. К некоторым из них отсюда, с этой каменной полки, переброшены металлические мостки. Сама полка оказалась достаточно широкой, шагов пять. Поэтому и трудно было рассмотреть снизу имевшиеся здесь проходы.

Чтобы сэкономить время, мы разошлись в противоположные стороны на разведку.

– Там всего три входа, – сообщила Ксения. – Два завалено.

– А у меня два и один замурован.

– Кинем жребий?

– Знаешь, я бы в тот, что с моей стороны, не ходил. Оттуда тянет... – Я неопределенно повел рукой. Невозможно объяснить Белому магу, как пахнет Черная магия. Да к тому же, если не ошибаюсь, некромагия.

И все равно нам пришлось идти именно этим путем. Вход, найденный Ксенией, показавшийся поначалу свободным, через пять минут ходьбы завершился тупиком. Пришлось возвращаться. Причем тихо, потому что снизу, от канала, уже долетали голоса. Кажется, прибыли те, кто натравил болвана. Во всяком случае, его они не опасались. Видеть их сверху мы не могли, но голоса разносились эхом и отражались от выгнутого свода.

– ...Все... там не достать... сами сдохнут... Зулгар-некромант... не выбрался никто... западня...

Мы с Ксенией переглянулись и нырнули в туннель, темный и странный. Ничуть не похожий на прямоугольные технические коридоры, по которым мы бродили до сего момента. Его словно проплавили в толще скалы.

Шагов через сто я остановился, удержав жестом Ксению. Путь преграждали сплетения толстых ветвей, утыканных иглами в палец длиной. Изгородь была черной от древности и изначально мертвой. Возвращенной в таком неестественном месте не иначе как по воле Черного мага. И перевивы сухих

плетей только на первый взгляд казались хаотичными.

– Надо же, – восхитилась Ксения, с любопытством заглядывая мне через плечо. – Это ведь настоящие «баронские силки». Умеешь расплести?

– А то, – небрежно отозвался я, постаравшись придать голосу убедительности.

– Трой, возьми вот. Тебе сейчас нужнее...

Она стянула с пальца свое колечко и вложила мне в руку.

– Ты ж говорила, что оно для Белых?

– Я сказала, что оно на солнце заговорено. А солнцу без разницы, кто Белый, кто Черный.

– Спасибо.

– Ты ж понимаешь, мной снова руководит эгоизм. С некромагией я плохо знакома. – Она улыбнулась.

Маленькое колечко налезло только на мизинец. Но зато, едва оказавшись на пальце, вдруг преобразилось. Из простенькой полоски белого металла оно стало резным с вкраплениями желтых, мерцающих, словно искры, камешков.

– Красиво? – засмеялась Ксения. – Жаль, похвастать нельзя.

Зато польза от кольца была пусть и невелика, но несомненна. Атака на болвана снова вычерпала мой резерв до дна, и казалось, что еще несколько часов я не смогу зажечь даже свечу, но сила, капля за каплей, начала возвращаться. Медленно, едва-едва, однако ощутимо.

Вообще расплести «баронские силки» занятие не столько

сложное, сколько требующее внимания и терпения. Вытягивать плети в строгом порядке, не задевая соседние, довольно муторно, особенно если учесть, что треть ветвей невидима. Ложный шаг приводит к тому, что силки срабатывают, захватывая неосторожного, и душат. Вон один такой невезучий как раз валяется возле стены. Одежда истлела, остались одни изломанные кости. Как давно он тут лежит – не разберешь...

И самое обидное, что «баронские силки» существуют исключительно для магов. Обычные люди пройдут через них, не обратив внимания.

В ладонь злорадно вонзился шип.

– Готово, – удовлетворенно сообщил я, отведя последнюю, неохотно гнущуюся ветвь и незаметно потирая пострадавшую руку. – Прошу вас, сударыня...

Сразу за «силками» атмосфера в туннеле переменилась. Словно рухнула невидимая завеса, отделявшая нас от мира снаружи. Теперь пространство наполнилось оттенками иного.

– А ведь мы давно уже на стороне Черных, – заметила озадаченно Ксения. – Чувствуешь?

Еще бы не почувствовать. И река осталась далеко позади. Исходящее от нее тяжкое стремительное ощущение движения стихло. Мы прошли под ней, даже не заметив. И уклонились куда-то в сторону... Кажется, даже в сторону от города.

Через новый туннель существовал только один ход, хотя сам туннель ветвился, разделялся, закольцовывался и упирался в тупики. И каждое такое ответвление, кольцо или глухой тупик оснащалось ловушкой. То пол ощеривался клыками вынырывающих из невидимых пазов заточенных копий. То обрывался ямой, замаскированной иллюзией надежного покрытия. То стены смыкались вокруг неосторожного, не заметившего нарисованных на них двойных колец. Почти в каждой из ловушек белели кости вперемешку с ветошью одежды.

– Сколько же их здесь! – ужаснулась Ксения, всматриваясь в очередную унылую кучу. Голос ее прошелестел, не отталкиваясь, а цепляясь за шершавые стены.

– Зато удобно. – Я в этот момент изучал подозрительные плитки на полу и потому не проникся атмосферой.

Спохватился, только когда затянувшаяся тишина стала уж очень гнетущей. Ксения смотрела на меня. Лицо ее было расстроенным.

– В смысле некроманту удобно, – пояснил я, слегка смешавшись. – Западни и жилище его защищают, и можно регулярно пополнять запасы человеческой плоти, очищая их... Ну что ты на меня так смотришь? Я не некромант!

– Ход твоих мыслей навевает подозрения, – ехидно заметила Ксения.

– Наверное, некрот покинул здешнее логово или умер. – Я пропустил колкость мимо ушей. – Ловушки действуют, а

урожай собрать некому.

– Займись.

– В следующий раз.

– Зачем эти бедняги сюда лезли?

– А мы зачем?

Ксения задумчиво шурилась на груди ветхой одежды в каменной каверне. Среди сгнивших тряпок поблескивал приплюснутый шлем с одним рогом.

– Ну и еще охотники за сокровищами заглядывали, – неуверенно предположил я. – При некотором опыте и наблюдательности все эти ловушки даже для немагов проходимы... Наверное.

Из-под шлема на меня укоризненно косился желтый череп. Мародеры в шлемах с рогами не ходят.

От магов некроманта хранили препятствия посложнее. Но с исчезновением автора заклятий чары почти распались. Да к тому же подземные духи потрудились, выгрызая дыры в защите, разъедая и подтачивая колдовство. Так что ничего запоминающегося с нами не случилось. Ну разве что я обжег скулу, размыкая *закреп*.

Ксения следовала за мной тенью.

Проход распустился пятью отростками, и в одном из них мы позаимствовали у приткнувшегося возле стены костяка связку светоносов. От времени они почернели, но все еще действовали. Стоило отломить верхушку одного из стержней, как пространство озарилось зыбким оранжевым светом.

Правда, разнообразия в наше путешествие это не внесло.

– Передохнем? – На этот раз первым сдался я.

– Желание перекусить перерастает в навязчивую манию, – произнесла Ксения, прислоняясь спиной к моей спине. Поза отдыха стала привычной. Удобно, тепло и чувствуешь каждый вздох собеседника.

– А я бы выпил что-нибудь.

– Коньяка «Бласторский колдун»?

– Неплохо. Впрочем, согласен на глоток воды из канала...

Мы тихонько посмеялись.

– Неприятно здесь, – созналась девушка после паузы. – Никогда прежде не сталкивалась с некромантами. Они все Черные маги?

– Нет. На самом деле цвет магии не имеет для них значения. Они работают на глубинных слоях, там, где оттенков не видно. Хотя Черная магия им чуть ближе. Но животворы чаще Белые.

– Это те, кто работает с до-жизнью? Разве они сородичи некромантов?

– Для некромантов – после-жизнь, для животворов – до-жизнь. У некоторых народов их считают еще опаснее некромантов и жестоко убивают. По их мнению, использовать и направлять то, что еще не рождено, что еще только начало чьего-то сознания и силы, гораздо более отвратительно, чем пользоваться остаточными силами тех, кто прожил свою жизнь.

Ксения помолчала, а потом произнесла негромко:

– С моей матерью до моего рождения работал животвор. Отец считал... Он считает, что иметь мага в семье престижнее, чем просто деньги и положение.

– Не думаю, что животвор мог создать мага, – покачал я головой. – Иногда они меняют характеры и судьбы, иногда вселяют жизнь в бесплодных женщин (при этом забирая ее у кого-то еще, хотел добавить я, но не стал), но силой не деляют...

Ксения шевельнула плечами.

– Может быть. Только моя мать так и не захотела считать меня своей дочерью...

Я покосился на нее. Воистину, какие только проблемы не придумывает для людей судьба.

– Ты училась в Академии? – спросил я, чтобы как-то отвлечь ее.

– Нет. Мне нанимали магов давать частные уроки. У меня в наставниках была совершенно фантастическая женщина...

– В Академии веселее.

– Для тех, кому интересно этим заниматься...

– А тебе нет?

– Интересно... Но мне многое интересно, кроме... Скажи, а ты когда-нибудь хотел стать просто человеком? Не магом?

– Н-нет... Не знаю, наверное, нет. Во всяком случае, такая мысль мне не приходила в голову... – Почти не солгал я. Так, запнулся на мгновение. Словно сказанное показалось

мне шероховатым.

– Тогда скажи, зачем ты хочешь быть магом?

Я окончательно растерялся. Станный вопрос. Зачем мне дышать?

– Так вот, как это для тебя... – Ксения задумчиво наклонила голову.

– А для тебя?

– Я все время думаю, где это различие? Что могут маги и чего не могут простые люди... Во власти?.. – Она зябко вздрогнула. – Трой, можно мне твою куртку? Пожалуйста...

Я стащил куртку, протянул и обнаружил, что Ксения повернулась и смотрит на меня с лукавым удовлетворением.

– Что?!

– Видишь! Совсем не нужно быть магом, чтобы повелевать другими.

– погоди... Ты же попросила.

– И сказала волшебное слово «пожалуйста». – Она довольно засмеялась.

– Это другое... То есть я хочу сказать, что не во власти дело. Ну скажем, музыкант пишет музыку не для того, чтобы понравиться слушателям, а потому, что не может иначе. Так и маг.

– Ты уверен? Что музыканту не нужны слушатели?

Я демонстративно потряс головой:

– Я устал, голоден и зол. Может, отложим размышления о сущности магов до более комфортных времен?

– Сибарит! – величественно заявила Ксения. – Дай сюда куртку...

Каменные норы и не думали заканчиваться. По-прежнему унылые, длинные и однообразные. Хотя пауки как могли постарались подойти к решению вопроса творчески... Паутина затягивала пространство плотной, многослойной, рвущейся с отчетливым сухим треском кисеей. Сетям было от роду несколько веков, если не тысячелетий. Их никто никогда не тревожил. Даже сами пауки, неведь чем питавшиеся в этих стылых каменных карманах.

Пальцы драли крошащиеся шероховатые нити, расчищая дорогу. Прах засыпал глаза. Пахло пылью и насекомыми.

– Не может быть здесь дороги, – брезгливо бурчала Ксения. – Здесь же миллион лет никто живой не ходил.

Она подняла повыше едва мерцающий светонос, пытаясь рассмотреть нечто темное, завязнувшее в густых тенетах.

– Посвети-ка сюда, – попросил я.

Движение света вызвало яркий отблеск справа, пробившийся даже через завесу седой кисеи. При ближайшем рассмотрении на стене обнаружилась бляшка из желтого металла с вычеканенным на ней узором. Узор показался смутно знакомым.

– Колкий какой. – Дыхание приблизившейся Ксении легко пощекотало мне ухо.

– Что? – озадачился я, но тут же понял, о чем она. Бляшка

щетилилась десятками не видимых обычным зрением тонких игл. Иглы покачивались, реагируя даже на колыхание паутины.

– Сторожевое клеймо, – догадался я вслух. Иглы беспокойно затрепетали.

Может быть, первое, но бес знает, сколько таких же мы могли миновать, не заметив. Либо система сигнализации давно мертва, либо тревогу мы уже подняли, но некому реагировать, либо мы и сами не знаем, в какую ловушку угодили.

Я невольно обернулся, пытаюсь высмотреть хоть что-нибудь за пределами освещенного оранжевым кругом. Но там лишь зияла чернотой прореха в паутиных занавесях, проделанная нашим вторжением, и волновались мохнатые, оборванные клочья.

– Все равно возвращаться некуда, – вымолвила Ксения, отозвавшись эхом на мои мысли.

И мы пошли дальше.

В сущности, идти осталось всего ничего. Узкий туннель вдруг вспух сферической полостью, которую не осилили оплести даже сумасшедшие здешние пауки. Кипы сивой паутины причудливыми фестонами занавешивали потолок каменного пузыря и сбегали по стенам воланами. Одна из двух стоящих в центре колонн рассыпалась, усеяв пол большими и маленькими обломками. Дальняя стена кармана была плоской, а в центре ее маячила массивная каменная дверь,

окованная прихотливой вязью того же желтого металла. Это придавало ей несколько фальшиво-театральный вид. Справа и слева от створок высились бесформенные фигуры, окутанные все теми же белесыми паутинными волокнами. Торчали только трезубцы.

– Пещера чудес! – Ксения, озираясь, машинально снимала с лица остатки прилипшей паутины. – Майон Контрабандист и его братья...

– Охраняется... хм, зомби, – закончил я.

– Правда? – восхитилась Ксения. – Это вон те, что ли? А они не оживут?

– Непременно оживут, – пообещал я. – Как только мы пересечем эту черту, – я показал едва заметную трещинку, выходящую по полу.

– Некроманты, – с отвращением молвила Ксения. – Вечно у них в стражах что-то несвежее.

– Весьма выгодно. Неприхотливы, жрать не просят, зарплату не требуют, и терпения их хватит на века...

Очередного ехидного комментария от спутницы я не дождался.

– Подожди, – она обеспокоенно посмотрела вперед, на скрытые паутиной фигуры, – ты серьезно? Они действительно еще действуют?

– Практически наверняка...

– Сделать что-нибудь сможешь?

– Я не некромант... – И даже не эпический герой, закон-

чил я мысленно, прикидывая размер и массу стражей.

– А может...

– Поздно! Придется импровизировать.

Ксения сдавленно охнула и резво прыгнула за мою спину. Я машинально расправил плечи и замер, мрачно наблюдая, как начинают оживать стражи возле дверей, пробужденные то ли нашими голосами, то ли системой сигнализации. За-трещали окостеневшие от многолетней неподвижности члены. Звякнули ржавые латы. С глухим стуком опустились на пол трезубцы. Медленно, с натугой повернулись головы, выцеливая жертву.

– Слева еще один, – подсказала дрогнувшим голосом Ксения.

– Вижу, – пробормотал я, краем глаза замечая, как из темной ниши слева вываливается нечто приземистое на четырех лапах.

Покойники не оживают. Но иногда некроманты наговаривают заклятие на тела умерших, как на каркас. Каждый страж был так стар, что рассыпался бы в момент, если бы его не связывало заклинание, окутывающее фигуру вязким коконом. Стоит нарушить заклятие, страж рассыплется. Но это не так просто... Я бы даже сказал, что это совсем непросто.

Первым прыгнул четырехлапый. Скакнул издалека, словно чудовищная лягушка. Я только успел выставить руки, принимая странно хрупкое, но при этом тяжелое тело. Слово из известкового камня. Тварь сразу же повалила меня на

пол, придавив сверху.

Заломило кости от резкого холода. Я попробовал толкнуть уroda – пальцы легко вошли в плоть до вторых суставов, и кончики их обожгло льдом. Пахнуло гнилью. В тусклых, стеклянистых глазах твари метнулся оранжевый огонек светоноса, который держала в руке отшатнувшаяся Ксения.

А ведь это не зомби. Это вывернутый. Какой-то крупный зверь, усилием некроманта оголенный до темных инстинктов.

Ну тогда все ясно...

Я вонзил ладони еще глубже, не обращая внимания на колючую, стылую боль, и, нащупав внутри твари сплетение тугих волокон, рванул изо всех сил. В глазах распустились черные соцветия от невероятного усилия, но раздавшийся треск подтвердил успешность маневра, и тварь бессильно откатилась, подергивая конечностями.

Мерзостно завоняло падалью, даже ноздри защипало.

– Осторожнее! – предупреждающе вскрикнула Ксения.

Тут как раз подоспел страж с трезубцем. Навис сверху, занеся свои вилы, все еще опутанный лоскутами паутины. Я откатился в сторону, и трезубец пронзил конвульсивно содрогающегося четырехлапого. Страж равнодушно выдернул оружие вместе с ошметками плоти и развернулся, поднимая руку для следующего удара. Второй страж был на подходе.

Двигались они достаточно быстро. С угловатой неутомимостью насекомых. Но было заметно, что и здесь время по-

работало на разрушение, и заклинание зияло прорехами, как недоработанная компьютерная программа. В лучшие времена эти монстры были быстрее в несколько раз.

Я выбросил руку с кольцом Ксении в сторону ближайшего стража, выплескивая скопленную энергию. Кокон стража на мгновение побелел, и только.

Зато Ксения, широко размахнувшись, хлестнула замешкавшегося стража связкой светоносов. Тонкие прутья переломились, разбрызгивая вокруг отлетевшие верхушки. Часть светоносов впиалась в рыхлую плоть зомби, сверкая оранжевым.

Правильно! К бесам магию...

А я нащупал здоровенный каменный обломок от разрушенной колонны и, крикнув от усилия, обеими руками с силой засадил его под шлем монстра. Глухо звякнуло. Голову стража снесло начисто, и она покатилась по полу, словно жестяной сосуд, рассыпая черные хлопья. Обезглавленное тело замерло на секунду, подогнуло колени и стало крениться вперед. На меня.

Выхватив из рук оседающего стража трезубец, я откатился вскочил на ноги и прыгнул вперед, вонзив зубья в тело его напарника. Скрежетнул металл, натыкаясь на кости. Страж покачнулся, невозмутимо обернулся, вцепившись свободной рукой в древко вонзенного трезубца, и потянул его на себя. Я чуть не кувыркнулся, настолько сильным оказался рывок.

Ксения толкнула под ноги стражу его свалившегося на-земь коллегу, и тот споткнулся, заваливаясь назад. Я дернул трезубец. В теле стража появились неровные черные дыры. Он рухнул на пол, теряя фрагменты лат. Завозил руками, пытаясь зацепить оброненный нож. Оружие он не выпустил, но из горизонтального положения воспользоваться им не мог.

– Спокойной ночи, бедняга, – пробормотал я, вонзая свой трезубец в солнечное сплетение, туда, где сходились линии заклęcia и где тело зомби уже было достаточно искромсано, чтобы последний удар мог разодрать тело стража напополам.

Из черных разрывов посыпалась труха. И через несколько мгновений казавшаяся однородной плоть стала стремительно сминаться и расслаиваться.

Первый страж все еще упорно скребся по полу, слепо ползая от стены к стене, словно колоссальная, глупая, усеянная перемигивающимися оранжевыми огоньками игрушка. Для детишек-некротов. Его тоже пришлось прикончить прицельным пробиванием брюха.

– Все, – констатировала Ксения с облегчением, качнув носком ботинка ворох ветоши и засыпанных прахом костей. Загремел, откатываясь, шлем.

Машинально проследив за ним взглядом, я обнаружил в стене еще одну нишу, где свернулась клубком вторая четырехлапая тварь. Неподвижная и безразличная к произошедшему. На наше счастье. А рядом паутиная завеса маскировала провал, где тоже стояло нечто. И дальше еще...

Запоздалый ужас отдался обессиливающей слабостью и исчез без остатка.

Узорчатую дверь сдерживало простое и надежное, как обычный засов, заклиение. Скорее для того, чтобы массивные створки не распахивались сами по себе, чем для того, чтобы служить преградой. Если гость прошел лабиринт и одолел стражей, то никакие запоры его уже не остановят.

Но вот колец или ручек снаружи не было предусмотрено, поэтому пришлось воспользоваться ножом, одолженным у зомби, чтобы поддеть створку, просунув кончик лезвия в щель.

Массивная каменная дверь распахнулась легко и беззвучно, утаскивая паучью пряжу. Пахнуло сухим тленом и бальзамирующей жидкостью.

– Знаешь, я, пожалуй, ушла бы отсюда... – неестественно тонким голосом заявила Ксения спустя полчаса. – Немедленно!

В тесной клетке нечто давно и безнадежно мертвое интенсивно шевелило когтистыми конечностями, пытаясь сквозь прутья дотянуться до поспешно отступившей девушки.

– Он соскучился по общению, – ухмыльнулся я, захлопнув толстенный фолиант. На кожаной обложке еще сохранилась мерзкая татуировка.

Пылищи в логове некроманта скопилось чудовищно много. Она свалявшимися пуховыми одеялами лежала на всех

более-менее горизонтальных поверхностях, к счастью, скрадывая подробности интерьера. Зато под ней все время что-то скреблось и шуршало. И стало шуметь активнее, как только почувствовало наше присутствие.

– Мыши? – с надеждой спросила Ксения поначалу.

– Ну если только дохлые...

Останки некроманта, опутанного волокнами своих заклинаний как войлоком, мы обнаружили практически сразу. Он полулежал в массивном каменном кресле, поставленном спинкой ко входу, и все еще глядел пустыми глазницами на дальнюю стену. Судя по костюму – мужчина. В правой руке криво торчал металлический жезл. Костлявые пальцы стискивали его так крепко, что не разжались после смерти, и на костяшках высохшая кожа полопалась. Левой рукой некромант прижимал к себе книгу в заскорузлой обложке.

На полу под слоем пыли все еще прочитывался небрежно выписанный кровью «барьер».

– Чего он туда устави́лся?

– Ждал чего-то... Или боялся.

– Стены?

– Ну может, там что-то было. Или есть.

Стена не выглядела особенной, но мы внимательно осмотрели ее. Покосившиеся полки со слипшимися книгами, склянки с бледной плотью, зубастые щипцы и черненые иглы... За полками грубая каменная кладка.

– Здесь неуютно... Ты не находишь? – Я задумчиво про-

тер ладонью пузатый бок бутылки. Внутри нее провернулось нечто рыбообразное, уставив на меня слепой белый глаз.

– Нахожу! – нервно согласилась Ксения.

– Давит...

Она некоторое время молчала, прислушиваясь. Потом неохотно призналась:

– Я думала, что мне кажется... Или что так и должно быть в доме некромантов.

– Все заклятия давно высохли и не пахнут... Да и вообще, некроты тоже люди, у них дух другой... А здесь...

Ощущение близкой пропасти – вот как это воспринималось. Странное чувство в полностью замкнутом каменном мешке. И сквозило, кстати, от стены.

– Отчего он умер?

– От тоски и одиночества... Ну что ты опять так глядишь? От старости, наверное, умер.

– Непохоже. Смотри, волосы совсем не седые. И зубы...

– Не трогай его! А говоришь, что я симпатизирую некромантам.

– Жезл полностью разряжен...

Я снял с полки пару бутылей. В тяжелых сосудах что-то явственно всплеснуло.

– Между прочим, здесь кладка свежее.

Сопя и смахивая пыль, мы в четыре руки разобрали полки и разломали кладку подручным инструментом. Благо что изрезанное рунами долото для проделывания дырок в чере-

пах вполне годилось и для выдалбливания раствора между камнями.

– Дверь...

Самая обычная, окованная позеленевшей крошащейся медью. Металл окислился так, что знаки на двери утратили всякий смысл.

– Запасный выход?

– Надо совсем спятить, чтобы им воспользоваться. Не хочу знать, куда он ведет.

Еще в процессе расковыривания стены мы почувствовали, что совершаем нечто плохое. Давление росло с каждым выпавшим камнем. Казалось, что мы своими руками один за другим выбираем фрагменты хрупкого моста, готового провалиться... Куда?

– Там что-то страшное... – Ксения не касалась ладонями двери, ведя рукой над ее поверхностью, но пальцы девушки побелели. От движения воздуха хлопья меди легко сыпались.

– Не будем открывать?

– Лучше вернемся. Если он завалил эту дверь, то наружу выходил другим способом. Наверное, мы просмотрели...

– А зачем ему наружу? Он тут на полном обеспечении, а все, что нужно, ему зомби притащат...

Ксения не отозвалась. Вдруг насторожилась, поведя головой. Глаза расширились и казались черными в неровном свете уцелевших светящихся.

– Слышишь?

Я решил было, что она услышала звуки из-за медной двери, но девушка резко развернулась к ней спиной. И тогда и я различил сначала легкое поскребывание... И лишь затем монотонный, незаметно нарастающий шелест. Скорее всего, он появился давно, но мы не обращали на него внимания. В логове некроманта и так все время шуршало.

А потом створки двери, через которую мы проникли сюда, стали медленно раскрываться. Беззвучно и зловеще...

Не сговариваясь, мы опрометью кинулись к ним и с силой рванули на себя. К счастью, изнутри ручки имелись. Обе створки туго сомкнулись. Что-то сухо хрустнуло и мелко посыпалось на пол. Мы ошарашено уставились на отрубленные половинками двери фаланги серых пальцев с длинными желтоватыми ногтями.

– Н-наверное, сторожевые клейма все же сработали. – Спазм перехватил горло, поэтому заговорил я сдавленно. – У некромантов все тормозит, зато на века рассчитано...

Ксения метнула дикий взгляд.

Снаружи заскреблось. Дверные створки мягко, но настойчиво потянули. Как они это делают, там же даже подцепить нечем?.. Я снова покосился на вооруженные твердыми, длинными ногтями пальцы на полу и решил не задаваться дурацкими вопросами.

– Ты заметил, сколько их? – исчезающим шепотом спросила побледневшая Ксения.

Конечно, заметил еще до того, как щель в двери закры-

лась. Там, снаружи, кишела мертвая плоть. Очень настырная и терпеливая.

Дверь дернуло. Как раз в этот момент Ксения ринулась к безучастному некроманту, выхватила из его рук жезл (вместе с присохшей кистью) и, вернувшись, одним движением засунула металлический штырь в отверстия ручек. Новое содрогание створок отозвалось глухим лязганьем.

Мгновение мы оценивали прочность импровизированной преграды, а затем переглянулись.

– Ну? Где хуже, там или... там?

Выбор был невелик. Медная дверь мгновение упруго сопротивлялась, а затем легко поддалась. Ее заложили камнями, но не потрудились запереть. Изнутри пахло так, что мы поначалу отшатнулись. Что-то резкое – ядовитое и пряное, словно аромат черволиста. Затхлое и одновременно живое. Густая, непроницаемая, вязкая, как смола, тьма вываливалась из дверного проема. Огонек светноса превратился в едва тлеющую багровым искру.

Шаг, другой... Словно погружаешься в нефть. И ощущение, что тебя накрывает с головой чужеродный, смертоносный, абсолютно несовместимый с жизнью поток, усиливалось с каждым мгновением.

А потом стало светло и просторно. И при этом жутко до одури.

– Не может быть! – перехваченным голосом воскликнула Ксения, и я поймал себя на том, что беззвучно проговариваю

одновременно с ней то же самое.

Этого действительно не могло быть.

На несколько томительных секунд мы попросту растерялись под шквалом впечатлений и искажений восприятия. Вцепились друг в друга.

Пространство расступилось вширь, в высоту и в глубину на немыслимое расстояние. Потолок сводом вознесся резко вверх, затенившись контрфорсами и балками, вырезанными прямо в скалах где-то неимоверно далеко. Стены разошлись по округлому, извилистому периметру, источенные продольными галереями, нишами и иссеченные узенькими лесенками. Дно у каменной полости если и было, то рассмотреть его в густом мраке с того места, где мы находились, было невозможно, а сделать несколько шагов вперед, чтобы заглянуть за край каменного пола, решимости пока не хватало.

От одной из галерей, правее и выше на ярус, волнорезом уходила в центр пустоты каменная стрела, на конце которой высилась остроконечная башенка, замершая прямо над пропастью.

Скучно мерцали зеленоватые кристаллы, растущие гроздьями на стенах или колоннах.

И все бы ничего, но эти галереи, балки, стены, мосты и лестницы соединялись друг с другом под совершенно невозможными углами. Как на рисунке шутника-художника из серии «не верь глазам своим».

– Такого просто не может быть, – убежденно повторяла

Ксения, уговаривая одновременно себя и меня. В неприятном свете кристаллов ее лицо казалось безжизненным, а глаза пугающими. – Никто не в силах упрятать такую махину под городом. Да здесь земля неспособна удержать все эти сооружения...

– Все возможно, – тихо ответил я. – Если уметь работать с пространством. Ты не чувствуешь? Здесь же все изломано...

Тот, кто сотворил это, кроил пространство с легкостью безумного, но всесильного архитектора, рассекая и соединяя его, словно бумажную модель. Сворачивая и кромсая реальность под свои немыслимые затеи. Здесь все пропиталось могуществом и магией настолько древней, что она сравнялась по сути с силами самой изначальной природы вещей.

И там, где пространство было состыковано и стянуто заклятиями, царило чудовищное, непереносимое давление. От него кружилась голова, ломило виски и чернело в глазах.

– Никто такое не может... Сейчас, – едва слышно сказала Ксения.

– Значит, это кто-то из прошлого.

Я сделал несколько шагов в сторону, осматриваясь. От резкого движения замутило, и к глотке подступила желчь. Захотелось упасть и отдышаться.

Дверь вывела нас на одну из галерей. Справа и слева тоже были двери. Не так много (каждая шагов через двадцать), но и не так мало, если посчитать все в целом. Ксения подошла к краю галереи, глянула вниз и отпрянула с мучительным

стоном. Я поспешил ей на помощь, но девушка отмахнулась, отворачиваясь.

– Уйди... уйди же! – Ее рвало, но пустой желудок не желал исторгать из себя ничего, и тело девушки сводило бесильной конвульсией.

Я подобрался к краю, заглянув в пропасть. Никаких перил. Край каменной полки слегка раскрошился, и мелкая пыль посыпалась в колышущуюся тьму внизу. Несколько мгновений ничего, кроме невыносимой глубины, не ощущалось, а затем...

Там что-то двигалось. Незримое, даже более невозможное, чем все здесь. Смертоносное. Темнота свивалась, танцевала, слоилась. Изредка внизу всплескивал призрачный, болотного оттенка огонь... Нет, не огонь. Тень огня. Каждый такой всплеск порождал мучительную, сосущую тоску и беспросветный ужас в душе.

Людам нельзя туда смотреть. То, что там все еще жило, было недоступно человеческому восприятию. Демоны с другой стороны. С изнанки миров. Настолько невыносимые, что дробили человеческий рассудок одним только фактом своего существования.

То ли строитель этого обиталища проделал дыру в Иное, то ли поселил тамошних обитателей на дне своего дома и они все еще были здесь. Живые? А может, давно мертвые, но способные погубить своим присутствием даже после смерти.

...Я качнулся назад, отполз к стене и некоторое время вос-

становливал дыхание и унимал сердцебиение. Не обмочиться бы.

– Здесь нельзя находиться, – едва слышно проговорила Ксения, как мне показалось из немыслимого далека. – Давай вернемся обратно... Лучше умереть там, чем сойти с ума здесь...

Я переместился к ней, осторожно взял за дрожащие плечи, повернул к себе. Лицо девушки, и без того осунувшееся, сейчас казалось прозрачным и призрачным. Даже губы побелели. Зрачки расплзлись во всю радужку, и заглядывать в них было так же больно, как в пропасть. Она не притворялась и не паниковала. Что-то ее по-настоящему терзало. Пожирало стремительно и безжалостно, словно бездымное, невидимое пламя – кусок сухого спирта.

– Если хочешь, подожди пока в гостях у некроманта. Жезл наверняка еще держится. Я попробую найти выход. Как-то обитатель этих хором должен был выбираться наружу?

– У него могли быть собственные Врата. – Ксения облизнула сухие губы и отвела взгляд. – Уж чего-чего, а крови он тут не жалел...

– А мог быть и простой выход. Я поищу.

– Я с тобой. Предпочитаю твое общество обществу смердящих зомби.

– Польщен. Но если тебе сейчас плохо, дальше будет хуже...

– Притерплюсь.

Она решительно поднялась на ноги, отряхнула колени и вызывающе взглянула на меня, попытавшись усмехнуться. Вышло неубедительно.

– Ну мы идем или нет? – Уверенную усмешку попортила капля крови, выскользнувшая из точеного носика.

Стянув с пальца кольцо, я возвратил его девушке. Она мгновение колебалась, но спорить не стала, забрала и надела на прежнее место. И тут же сдернула, словно обожглась.

– Что?

– Не знаю... От него еще хуже. – Ксения уронила кольцо в карман. – Пошли...

Как всякие обитатели поверхности, мы первым делом потянулись наверх, поднявшись на несколько этажей, до самой высокой галереи. Но вскоре выяснилось, что, по большому счету, совершенно неважно, куда идти. Пространство кувырчалось по своим законам, и, идя вверх, ты вдруг обнаруживал, что снижаешься. Путь вправо изворачивался и становился своим зеркальным отражением. Или, хуже того, совершенно иным ответвлением на другом ярусе...

Единственное, что оставалось неизменным, – невыносимые, выворачивающие наизнанку взгляды тех, кто ждал в глубине.

– Надолго же мы здесь застряли, – без удивления констатировал я, изучая бесконечный ряд дверей. Вверх, вниз, вправо, влево... Жуть.

Ксения, неотрывно смотревшая на каменную иглу, что ле-

жала почти поперек пропасти, спросила, не оборачиваясь:

– А может, выход там?

– Надо пройти над...

Я не договорил, но она ощутимо содрогнулась.

И мы пошли дальше.

Спуски к самым нижним галереям были разрушены. Сверху было заметно, что часть их, как лишаем, заросла курчавым мхом, растекшимся неровными кляксами по стенам. Он накрыл сплошным одеялом продолговатые, лежащие на полу фигуры, смахивающие на человеческие; затянул распахнутые дверные проемы или забил косматым войлоком ниши.

В любом случае мужества спуститься туда у нас с Ксенией точно не хватило бы. И хорошо, что не пришлось подвергать испытанию чувство собственного достоинства.

Немалая часть доступных дверей оказалась заперта. Часть замурована. За теми, что открывались, обнаруживались пустые комнаты, комнатки или целые залы. Иногда там находилась мебель, книги или вещи. Иногда предметы, назначение которых не угадывалось.

Иногда за дверями обнаруживалось нечто...

За одной нас ждали. Только взглянув на НИХ, мы мигом захлопнули створку и долго пытались отдышаться.

– Они похожи на... – еле слышно начала Ксения, прикрыла ладонью рот и решительно покачала головой, хотя такое движение вызывало неминуемый приступ тошноты.

– Идем.

Бестрепетно открыв очередную дверь, я обнаружил целый выводок песчаных химероидов, к счастью зачарованных и неподвижных.

А в следующей комнате сидела на каменном возвышении нагая девочка лет девяти. Она медленно повернулась ко мне, и я спешно закрыл дверь. В детских глазах жила смерть.

– Ого, – прокомментировала без должного воодушевления Ксения чуть позже.

Здесь, как в пещере сказочного дракона, грудями лежало золото, драгоценности и изделия из них. Кованые сундучки разъявили пасти, давясь монетами и камнями. Изысканные доспехи громоздились словно металлолом.

Все бы ничего, но каждую вещицу здесь, казалось, покрывал легкий слой черной копоти.

– Проклято, – пояснил я. – Надо обезвреживать...

Ксения безразлично отвернулась.

Вскоре обессиленная девушка заявила, что дальше не пойдет, и просто опустилась на пол возле закрытых створок. Мне невольно вспомнился тот несчастный, этажом ниже, что так и остался навсегда сидеть возле таких же дверей. Но мрачные мысли следовало гнать прочь. И без того атмосфера не радовала.

– Вот что, – интонация моя была тверда как никогда, я даже брови насупил для внушительности, – давай ты все-таки вернешься в туннели и будешь ждать там, а я продолжу

поиски.

На этот раз Ксения не стала спорить. Да только выхода на прежнем месте не оказалось. Исходную точку мы нашли без труда. На каменном полу еще сохранились звездчатые капли оброненной девушкой крови. Но покорно распахнувшаяся дверь вела в комнатку, заставленную странной формы сосудами.

– Я буду ждать здесь, – сообщила Ксения безо всяких эмоций. Ни удивления, ни разочарования, ни огорчения. – Если найдешь воду... вернись побыстрее, – едва слышно попросила она. И на этот раз ее голос дрогнул.

Галерея сворачивала, и, удаляясь, я старался почаще находить взглядом согбенную фигурку под блеклым светом кристаллов. Все время казалось, что стоит отвернуться – и она исчезнет.

«...И в молчании том услышишь ты Зов...»

Щекотная струйка потекла по верхней губе, и я машинально и уже привычно стер ее рукавом. Рукав намок и пах кровью. От резкого движения замутило. Вторую каплю перехватить я не успел, и она тяжело плюхнулась на пергамент.

Буквы на пергаменте были выведены уверенной рукой. Округлые, с характерными завитками... Кто бы мог подумать, что мне доведется своими глазами увидеть почерк Вохара Виверна?

Впрочем, тут полно было сокровищ. Получше тех, что

громоздились золотыми россыпями в оставленной где-то ниже сокровищнице. Только главной ценности – подсказки, как найти выход, – тут не нашлось. Хотя...

Стены просторной залы были выложены тем, что я поначалу принял за круглые плитки. А приглядевшись, выяснил, что плитки – это на самом деле плотные, мутные, разноцветные, как доньшки бутылок, стеклышки. Они даже были неровными, словно бутылочные донца. С вкраплениями и потеками.

Каждое из стеклышек служило крошечным окошком. А каждое окошко смотрело в свой мир. По черному песку пустыни катились комки колючек. Линию горизонта каменной равнины рвали вершины далеких гор, а на переднем плане покосились две каменные стелы. Жадно зевало ущелье где-то-на-краю-земли. Подернулся мурашками дождевой ряби океан – сизый, неживой. Поник в оковах шестиногий и двурукий, давно истлевший узник...

А вон то строение с тремя флюгерами-трубадурами, сейчас слегка искаженное мутным коричневатым стеклом, я видел в подзорную трубу со смотровой башни правого берега реки Бережной. И до безумия захотелось выцарапать заветное окошко хотя бы ногтями...

Количество стекол – в том числе и мутно-черных – наверняка совпадало с количеством дверей в логове. Только вот знаков, указывающих, как они связаны, так и не нашлось.

Хранившиеся в зале бумаги ответа не дали. Напрасно я

их разбросал по полу...

Еще здесь был стол с круглой полированной крышкой, на поверхности которого проступал темный узор (красноватый на черном фоне), сложенный из тысячи фрагментов, как пазл. Узор был незнаком, но хватило лишь нескольких секунд рассеянного созерцания, чтобы у меня зазвенело в ушах и понемногу сочившаяся кровь хлынула из носа настоящим потоком.

* * *

– На этот раз ваше задание будет сложнее, – вымолвил Старик. – У вас есть три дня, чтобы заставить трех человек в течение трех часов плясать на главной площади поселка. Попытка уклониться от выполнения задания будет засчитана в проигрыш, – добавил он, взглянув прямо в глаза Старшего ученика.

Старший серьезно кивнул. Младший потер переносицу, уже поглощенный новой задачкой. Стоявшая рядом с ними девушка с любопытством переводила взгляд с одного на другого. Она много раз присутствовала на уроках, но все еще не утратила интереса к происходящему, хотя зачастую задания Старика были скучны и утомительны. Впрочем, самое скучное задание эти двое способны были превратить в аттракцион. Особенно Младший.

Старик все больше убеждался, что парень награжден ред-

ким даром, уникальным и незаурядным, и с каждым годом его талант только расцветал. Иногда Старик ловил себя на том, что попросту любит творениями слегка взбалмошного, но безусловно даровитого ученика. Впрочем, и Старший никогда не сдавался...

– Я разрешаю вам использовать все книги из моей библиотеки, – сказал Старик. И прибавил после паузы: – В том числе и «Книгу Марионеток».

Младший восторженно встрепенулся. Старший нахмурился. Девушка удивленно приподняла бровь. Она хорошо помнила, как однажды пыталась полистать эту загадочную книгу в слепой, черной обложке, прячущей бесчисленное множество рисунков на плотных страницах. На рисунках только люди – смеющиеся, плачущие, кричащие или свернувшиеся в немыслимых позах. И как Старик, заставший ее с книгой в руках, побелел, выхватил злополучный том у нее из рук и едва не бросил его в огонь. Но потом все-таки передумал и запрятал книгу подальше.

Три дня Старший и Младший ученики бродили по дому, рассеянно натываясь на предметы, бормоча и изредка производя руками странные пассы. Иногда они исчезали на несколько часов. Младший поглощал книгу за книгой, выписывая на клочках бумаги и на земле загадочные символы или человеческие фигурки. А Старший пропал на целые день и ночь, зато вернулся довольный и тоже принялся чертить что-то на земле. Ни Старик, ни девушка не пытались отвлечь

поглощенных своими раздумьями соперников. Лишь однажды девушка, не справившись с любопытством, подобралась поближе к Старшему, рисовавшему на влажном песке возле реки, и обнаружила загадочные путаные линии, украшенные отпечатками его ступней. Темноволосый парнишка заметил гостью вскочил, смеясь, подхватил ее за талию и закружил по берегу...

Поселковые обитатели все слышали о новом задании для двух учеников старого мага. И на финальное представление собрались почти все жители селения, за последние годы спокойной жизни разросшегося до размеров провинциального городка. Так что зевак хватало. К тому же день выдался ярмарочный, а значит, хватало и гостей из окрестных деревень.

На главной площади выстроили два помоста друг против друга. Оба помоста от зрителей отгораживали цветные занавесы, за которыми происходило загадочное шевеление.

– Приступим, – скомандовал Старик, как всегда вполголоса, но так, что даже младенец, заливавшийся ревом на руках у матери, внезапно примолк и принялся сосредоточенно изучать свою ладошку.

Первым начал Младший. То ли в силу природной нетерпеливости, то ли по причине самоуверенности он все чаще старался опередить всех и во всем. И вполне успешно, надо заметить.

Разошелся цветастый занавес. На пустой помост ступил светловолосый парень в простой темной одежде, а за ним

следом выпорхнула стайка музыкальных инструментов, самостоятельно заигравших легкую плясовую мелодию. Парень остановился на краю сцены, внимательно обводя взглядом собравшихся. Затем поднял руку.

– Господин староста! – произнес он отчетливо, указав рукой на толстяка в коричневом сюртуке. – Пожалуйста на сцену!

Староста, открывший было рот для возражений, внезапно побагровел и пошел к сцене, сняв с локтя руку озадаченной супруги.

– А теперь вы, барышня! – И дочка поселкового лекаря, холодная и неприступная красавица, покорно двинулась вслед за старостой.

Последним на сцену взобрался мрачный кузнец, славившийся редким упрямством и имевший небезосновательную славу самопального колдуна, коему чужие чары не указ. Но даже он, заметно потемнев лицом, направился к сцене, повинуясь повелению светловолосого паренка.

– Пляшите, – тихо приказал Младший, когда все трое оказались на помосте.

– Я не умею, – просипел староста, пунцовый от прилившей к одутловатому лицу крови.

– Тогда слушайте мои указания, – ответил Младший.

И странная троица, покорная взмахам чужой руки, заплясала. Подпрыгивал тучный староста, выкаченные глаза которого посекали кровавые прожилки. С застывшим куколь-

ным лицом и остекленелыми глазами пританцовывала ледяная красавица (ее отец пробрался через толпу к краю помоста и что-то пытался сказать светловолосому кукловоду, но тот рассеянно качал головой). Неловко, деревянно дергался кузнец, неспособный даже под чужой властью научиться изящным па и сладить с массивным телом.

В толпе смеялись, хлопали, танцевали в такт. Многие просто наблюдали, замороженные небывалым зрелищем. Даже тугодумам было ясно, что Младший не зря выбрал именно эту троицу танцоров. Ни один из троих по доброй воле не выставил бы себя на посмешище ни за какие посулы, значит, и впрямь их принудили чарами. Кто-то из зрителей злорадствовал. И лишь некоторые отводили взгляды, морщась то ли от неприязни, то ли от жалости...

Отзвучала музыка. Танцоры с облегчением освободились от чужих уз. Староста пытался сохранить мину и неловко раскланивался. Красавица залепила Младшему звонкую пощечину, которую тот принял с кривоватой усмешкой. Взгляды кузнеца и кукловода сомкнулись на мгновение. Этим двоим еще придется встретиться где-нибудь без зрителей.

Зеваки не успели обменяться впечатлениями, как вновь заиграла музыка. И второй помост показался из-за разноцветного занавеса. Появился Старший ученик мага, облаченный в шутовской костюм, сорвал с головы колпак и поклонился, звонким голосом приглашая всех собравшихся оценить их представление, а при желании присоединиться к

нему.

На сцену вышли музыканты с инструментами, украшенными цветами и лентами. И под звонкую, искристую мелодию по сцене застучали каблукы незнакомой танцовщицы в складчатой юбке и ее легконогого партнера в трико. К которым присоединился, пусть даже не так умело, Старший ученик мага. Развеселое трио завертелось по сцене так, что наспех приколоченные доски бились и гнулись, как выброшенные на берег Рыбины...

Через несколько минут азартно приплясывала вся площадь.

– Это нечестно! – искренне сердился Младший вечером. – Он просто привел танцоров!

– Да, – ухмыльнулся довольный Старший. – Бродячие танцоры. Пришлось сгонять к городу и выложить немало монет, чтобы затащить их сюда. Ну и еще убедить их принять меня в свое представление...

– Это же не магия! – возмутился Младший.

– А кто говорил про магию? – скалился Старший. – Учитель велел заставить трех человек в течение трех часов плясать на главной площади. Где в этом задании хоть слово про магию?

– Значит, теперь, по всеобщему мнению, я монстр, который заставил несчастных людей танцевать против их воли, тогда как ты, хитрюга... – огорченно проговорил Младший.

– Ну что ты! – перебил его Старший. – Ты великий чаро-

дей, способный повелевать другими! А я снова неправильно понял задание...

Старик едва заметно улыбался, слушая их перепалку.

– Я принес тебе одеяло, – сообщил я, приблизившись.

Ксения не подняла головы, но проворчала:

– И ради этого ты спускался? Я ужасно тронута твоей заботой, но если ты станешь тратить время на возню со мной, то мы оба так и останемся здесь навсегда, свернувшись в гнездышке из припасенного тобой тряпья. Не самая худшая перспектива, конечно, однако я бы предпочла то же самое, но на поверхности...

– Достаточно было сказать спасибо, – хмыкнул я, опускаясь на колени.

Она подняла голову. Глаза светились. Я не преувеличиваю – светились черным огнем. Неприятно. Ксения мигнула, и темный свет погас.

– Спасибо, – вздохнула она, принимая найденное в одной из комнат одеяло.

– Воды не сыскал.

– Жаль. – Она облизнула потрескавшиеся губы. Прошло часа три-четыре с того момента, как мы прибыли в это мрачное место, и не больше половины дня с нашего купания в подземном канале, но казалось, что девушка испытывает жажду уже долгое время.

Мне тоже хотелось пить. С каждой секундой все сильнее. Даже голод отступал перед этим безумным, тянущим зовом.

– Зато я принес хорошие вести, – сообщил я как мог бодро.

– Ты же видел, двери или то, что за ними, все время перемещается, – устало отозвалась Ксения, выслушав мой рассказ. – Здесь можно ходить годами, но так и не найти нужную. Хотя... какие годы. Еще несколько часов – и конец.

– Твой оптимизм поражает меня с начала нашего знакомства, – вздохнул я и упрямо заявил. Для нее: – Все равно это надежда. Я еще поброжу, ты не против?

– Ты же принес мне одеяло. Как я могу тебе отказать?

Ксения улыбнулась. Улыбка была слабой и едва обозначенной, как на выцветшем снимке. Но эта улыбка воодушевляла меня довольно долго. Неожиданно для меня самого. Очень может быть, что девушка связала ее с заклятием, потратив на меня остаток своих сил. А может...

Так или иначе, но это помогло справляться и с наваливающейся усталостью, и с непрерывным стоном и гулом в ушах, с ломотой в каждой кости, с радугой и черными цветами, попеременно сменяющимися в глазах...

Здесь нельзя находиться людям. И еще опаснее находиться магам. Сила, властвующая здесь, ломала любое сопротивление. Чужая магия была для нее встречной волной. И она разбивала ее своей несокрушимостью. Чем больше твоя сила, тем больше ущерб. Неважно, Белый ты или Черный. Здешний хозяин работал с Исходными силами. С теми, что не имеют окраски. Наверное, он уже не был человеком, ко-

гда впервые прикоснулся к таким сущностям.

Кровь начала сочиться даже из десен. Когда я проходил через швы, соединяющие изломанное пространство, я стал ощущать их как непереносимое сверкание и стал слышать потусторонние голоса. Чужие, сводящие с ума. Требовалось невероятное усилие, чтобы сосредоточиться и сделать следующий шаг.

А двери все не кончались...

Я опустился на пол возле лежащей девушки и вытянул ноги от усталости.

– Не утомился? – вяло спросила Ксения, покосившись. Выглядела она истаявшей. Кожа стала настолько прозрачной, что просвечивали кровотоки. Щеки запали, обтянув острые скулы. И глаза провалились. Из трепещущих ноздрей непрерывно сочилась кровь. При моем появлении Ксения быстро спрятала платок в кулак, но мелькнувшая ткань – когда-то белая – в свете зеленоватых кристаллов казалась сплошь черной.

– Похоже, настало время навестить башенку в центре.

Ксения встрепенулась:

– Ты спятил.

– Можно потратить целую жизнь, рыская по этим комнатам. А вот башня одна-единственная.

– Во-первых, она может рухнуть от древности в любой момент, во-вторых, она размещена над пропастью и ты не дойд-

дешь до нее в здравом уме, а в-третьих, ты не знаешь, что там... внутри.

– Догадываюсь...

Она прикрыла глаза. Веки потемнели и истончились, словно цветочные лепестки. Кажется, что радужка и зрачок проступают через них.

– А ведь на машине я могла добраться до Герайда через пять часов... И плевать на них... они бы все равно не задержали меня, если... – Она внезапно раскрыла глаза. Даже в мертвенной зелени светящихся кристаллов они вновь были прежнего ясного синего цвета. – Но тогда бы мы не познакомились...

Мне показалось, что она смеется. Но, похоже, Ксения собиралась плакать. Только слез не было. А уже через секунду она затихла, провалившись в забытие. Постаравшись устроить ее поудобнее в «гнездышке из принесенного тряпья», я поднялся, придерживаясь за стену, постоял, собираясь с силами, и двинулся к ближайшей лестнице.

Надо было раньше это сделать. Пока состояние позволяло. Но мужества снова заглянуть за край пропасти хватило только теперь, когда рассудок и так плавился под давлением, а страх смерти отступил перед накатывающим безумием.

Длинная, абсолютно прямая, узкая – на одного человека – каменная стрела уводила в центр пропасти. Башенка на ее конце казалась страшно далекой. Не знаю, как держалось это сооружение безо всяких опор, нависнув над жадной бездной.

Чтобы сделать первый шаг, потребовалось чудовищное усилие. Незримое давление плющило, прижимая к камням. Для каждого следующего шага упорства требовалось еще больше. Мрак накатывал со всех сторон, обнимая, нашептывая, пытаясь утянуть за собой.

Шаг, еще шаг... всего лишь пятый шаг... шестой...

Что-то смотрело из темноты. Не на меня, но взгляд скользнул по касательной, и я захлебнулся криком и кровью. Стрела рассыпалась сразу за мной... Хотя возможно, мне это только казалось.

В ужасе я повалился ниц, припав к камню. Казалось, что вибрирует даже позвоночник. Впившись руками в камни, я изо всех сил зажмурился. Не могу. Если шевельнусь, ОНО снова увидит меня...

И ОНО увидело.

Я иступленно заорал, не открывая глаз. Бежать!!

Остаток пути не запомнил. Кажется, я долго полз, потому что колени, локти и ладони были содраны напрочь. Очнулся только возле каменных столбцов, удерживающих остроконечную крышу башенки. Один из них я обхватил руками так, что несколько минут никак не мог заставить себя отнять пальцы от шершавого камня.

Дошел!..

Казалось, я могу взлететь прямо сейчас, ощущая необыкновенную легкость. Стоило перешагнуть невидимую грань, как Давление логова разом пропало. Оставив звенящую пу-

стоту, невесомость и тишину.

Я бессмысленно и счастливо заулыбался, озираясь.

Башенка... Нет, не башенка – склеп, нависший над пропастью, освещался привычными здесь зеленоватыми кристаллами, заполнившими все углы увесистыми гроздьями. В центре находился продолговатый постамент с покоящимся на нем телом, полускрытым покрывалом. В первый момент мне померещилось, что и постамент, и тело целиком вырезаны из камня. На темной, почти черной фигуре лежащего человека были отчетливо, словно резцом, обозначены черты лица, морщины, складки на одежде. Рассыпанные по постаменту пряди волос будто прорисованы кистью на его поверхности.

Старик, безбородый, но с длинными волосами. Облаченный в хламиду неясного покроя. Длинные пальцы с распухшими суставами придерживают на груди расколотый пополам шар прозрачный, заключающий внутри каждой из половинок медленный черный огонь.

Не иначе это и есть хозяин замка.

Кто угодно, только не некромант. Даже в смерти привкус его силы был пугающ, необычен и абсолютно нечеловечен.

Кратковременная эйфория постепенно исчезала, сменяясь привычной усталостью и жаждой. И еще разочарованием. Не знаю, что ожидал я найти в сокровищнице над обрывом, но от мумии тысячелетней давности определенно сейчас не будет никакого толку.

Обернувшись, я некоторое время пытался высмотреть да-

лекую фигурку на галерее. В парящем, дышащем мраке снаружи не различал ничего. Жаль.

Что ж, остается посмотреть, ради чего я сюда... э-э, приполз.

Я невольно хихикнул. Смех показался мне странным, и я еще раз хихикнул... Засмеялся в голос.

Ха-ха... Х-ха-ха... Ха... Хи-хи... Х-ха-а-а...

И разом смеяться перестал. Во-первых, потому что искусанные губы болели, а во-вторых, я вспомнил, где уже слышал такой жуткий смех.

С силой потер лицо, приходя в себя. Присутствие не мертвой силы дразнило, как запах хлеба голодного. Откуда так тянет? Кажется, от мумии... То есть не совсем от нее, а от сферы, в которой лениво волновалось темное вещество, источающее незримую жаркую отраву.

Я на мгновение заколебался, занеся руку над неровно расколотым шаром, а потом опустил ладонь на гладкую, неожиданно ледяную скорлупу. Черный огонь метнулся внутри, потянувшись к моим пальцам.

Холод, мгновенная, разрывающая сознание и тело боль... И ток хлынувшей силы.

Блаженство...

«...Ночь, полная трепещущих огоньков... кто-то смеется, кружась в танце, приближаясь и отдаляясь, лицо только слегка похоже на человеческое, но оно прекрасно...»

«...Мальчик, горько плачущий под деревом. Отчаяние

его велико, а горе по-детски беспросветно и всеобъемлюще. Сказанные кем-то слова, словно черные птицы, снуют вокруг него, клюют снова и снова – ты не станешь магом... в тебе нет силы... ты должен уйти...»

«...Всплеск, сизая вода неслышно перекачивает волны, медленные, тяжелые, будто масляные. Они скатываются с гладкого медового брюха морского дракона, свернувшегося вокруг скалы, разодранной его когтями до самой сердцевины...»

«...И снова огонь, всегда огонь, занесенные руки, рождающие молнии, чтобы убить тех, кто движется со стороны восхода...»

«...Учитель! Смотри, учитель, я могу! – Теперь уже двое мальчишек несутся по полю навстречу. Одинаковые и такие разные. Один чуть впереди, как всегда. Другой, помладше, отстает. Но оба радостные. Несут что-то в охапках...»

...Сгущенная магия – черный огонь. Чужая сила, скрепленная воспоминаниями. Плотная, горячит пальцы, сжигает изнутри.

Незнакомый, тяжелый и пронзительный взгляд возник ниоткуда. Глаза мертвеца плотно закрыты пергаментными веками, но кажется, что он смотрит. Равнодушно, безо всякого интереса, но соскочить с иглы его взора невозможно, как бабочке не слететь с булавки.

«Слишком долгая жизнь требует слишком долгой смерти...»

Я едва удерживаю вопль от нестерпимой боли его взгляда. И, собрав остатки воли, пытаюсь ударить в ответ. Мало, слишком мало... Он незыблем как геологическая платформа.

«Ты не умрешь».

Молчание длиной в целую вечность. Затем...

«Мужество вошедшего достойно награды. У тебя один вопрос или одно желание. Я слышу его вкус. Ты ищешь Мои Врата».

– Нет, – озадаченно, даже забыв на несколько мгновений о невыносимости существования, отзываюсь я. – Я ничего не знаю про Твои Врата...

«Ты хочешь найти Их?»

– Я хочу найти выход из этого места. И хочу увести отсюда Ксению.

«Одно желание. На одного. Я могу доставить только тебя туда, куда хочешь. Не медли. Время уходит».

Забилось где-то в подсознании отчаянное, замешенное на инстинкте самосохранения, малодушное: «Немедленно! Отсюда! Куда угодно! Чтобы не идти снова по проклятой дорожке через невыносимый кошмар. Потому что не дойду... Потому что теперь, когда силы восстановлены – там пройти невозможно... ОНИ увидят меня и уничтожат. И это не самое страшное...»

Я открыл рот. Хочу прочь отсюда. Немедленно!

Слова застыли, растопырившись поперек глотки, словно

комья пересохшей глины. Протолкнуть невозможно. Зато внутри безумный ор и визг:

«...И даже если ИМ нет до меня дела, второй раз я не смогу... Не выдержу!!! Слишком больно. Слишком страшно. Не хочу!!!»

Я стиснул челюсти ладонями. Произнес, едва ворочая непослушным языком:

– Как выбрать нужную дверь?

«Я не то хотел спросить!!!» – забилося в ужасе внутри.

Нет. Именно это.

Опустились незримые веки, отсекая чудовищный взгляд того, кто уже не мог зваться человеком. Я, застонав от облегчения, повалился ничком на пол, жадно вдыхая запах камня и собственной крови. В голове гудело и звенело на разные лады.

Надо же. А легенды не врут. Доберешься до логова мага, преодолев тысячи препятствий, как Люц Птицедрев, и получишь исполнение одного желания. Только из всех желаний здесь останется единственное – вырваться на свободу...

Маг ответил? Я успел запомнить ответ?

Да, помню...

Теперь пойду назад.

– Ксень... Ты слышишь меня? Подожди еще немного... – Я подхватил на руки тело девушки, ставшее пугающе невесомым, словно в свертке из чужого одеяла никого уже не бы-

ло и если отвести пряди спутавшихся волос, то вместо лица девушки обнажится равнодушная бумажная маска.

Может, легкость была иллюзорной. Теперь, когда сила полностью возвратилась ко мне, я чувствовал себя пьяным и, наверное, мог ворочать корабельные якоря без особых усилий. Воля затмила боль, усталость, слабость. Потом придет реакция... Потом. Сейчас нужно выбраться.

Комната с сотнями окошек нашлась сразу. Она единственная не меняла своего расположения. Она единственная осталась с тех времен, когда владелец логова еще был человеком, поэтому половина окошек слепо смотрела в миры, которых уже давно не существует. Что будет, если попытаться выйти туда?

Я уложил Ксению на пол, на груды ветхих рукописей. Меня повело, но удержаться на ногах удалось. Несколько минут тупо смотрел на собственные размозженные кисти, решаясь. Казалось, что они слишком изуродованы, чтобы касаться ее...

Можно поделиться своей силой, если полностью доверяешь?

Я сел рядом с девушкой и переплел свои разбитые пальцы с ее тонкими, холодными, прозрачными, будто выточенными изо льда. Боясь посмотреть в ее лицо и услышать, что дыхания больше нет, я пытался согреть хотя бы эти ледышки своими ладонями. Ощущение силы переполняло меня, но разделить ее с кем-то – это не то же самое, что выдрать дру-

гого из когтей смерти.

Померещилось?.. Нет, пальцы девушки и впрямь дрогнули, тихонько сжимаясь.

– Потерпи, – прошептал я. – Скоро будет солнце...

И, высвободившись, переместился к столу в центре комнаты. Мгновение рассматривал знак на его поверхности – снова заломило виски, – затем нашел на стене тусклое окошко, выходящее на здание с флюгерами. Запомнил рисунок неровной поверхности стекла. То, что я поначалу принял за потеки и некачественную работу старинных стекольщиков.

Осталось воспроизвести его. Как только удастся повторить узор в точности – первая из дверей, которую я открою, выведет нас в Набрег.

Щелкнул и послушно переместился кусочек пазла, ломая старый узор и рождая новый. Сколько здесь деталей? Тысячи две...

Взобравшись с ногами на стол, я принялся решать головоломку.

Ну и темнота...

В последнее время нам удалось подробно ознакомиться с разнообразнейшим ассортиментом темноты. Темнота подземная, темнота с оттенками, темнота ночная, темнота за пределами освещенного круга, темнота страшная, темнота абсолютная, темнота, смотрящая прямо в глаза, темнота бездонная, темнота живая и темнота мертвая...

Теперь попробуем на вкус темноту обычную, пыльную...

Я чихнул, почесал рукавом нос и попытался снова поддеть крышку люка сверху. Ветхая лестница угрожающе затрещала...

Ругнулся мысленно, но от всей души. Люк не поддавался.

Вот задачка позанятнее предыдущих... Стоит приложить чуть больше усилий, как лестница под ногами рассыплется от древности и тогда дотянуться до люка станет невозможно вообще, потому что никакой другой мебели в крохотном каменном мешке, куда вывела нас дверь из Логова Мага, не имелось.

Глупо, пережить столько всего – и задохнуться в каменной ловушке размером со шкаф.

Если подняться чуть выше, то можно попытаться высадить люк плечом. Это чревато обрушением лестницы, но попробовать стоит... Я попробовал. Плечо заныло, вызвав волну болезненных откликов по всему телу. Лестница застонала почти человеческим голосом, осыпая на пол лавину трухи. Люк не шелохнулся. А на ощупь такой хлипкий, деревянный.

– Трой, пожалей себя. – Голос Ксении прозвучал слишком отчетливо. – Он заговорен, посмотри по краям...

От неожиданности я стукнулся локтем о какой-то выступ на лестнице и невнятно ругнулся.

– Тебе лучше? – спросил мрачно, потирая ноющий локоть и поглядев куда указано.

И верно, вместо того чтобы бестолково биться здесь пойманым зверенышем, нужно было повнимательнее осмотреть люк. Вот же закрепы...

– Да, намного... – отозвалась Ксения.

Я почувствовал, как она задвигалась, освобождаясь от одеяла и поднимаясь на ноги. Медленно, неуверенно, но самостоятельно. К темноте я уже более-менее привык и мог различать силуэт девушки. Придерживаясь за лестницу, она поворачивала голову, прислушиваясь к ощущениям.

– Мы уже не в подземелье, – констатировала Ксения наконец.

– Теоретически мы должны быть в Набереге, но практически...

Глаза обожгло. От неожиданности я отшатнулся и чудом не сверзился сверху.

– Прости, пожалуйста, – виновато попросила Ксения. В ладонях ее трепетало бледное пламя. Слабенькое, едва ли ярче мерцания светляка, но отвоевавшее у тьмы изрядный кусок. И я невольно стукнул себя по лбу, спохватываясь. А ведь я мог и сам зажечь огонек. Сил хватало. Но отвык...

Вот странно... За последнее время я так мало пользуюсь магией, что начинаю думать и действовать как обычный человек.

Закрепы на углах неведомый колдун разместил грамотно. Работа очень старая, но заклятие все еще держит надежно. Придется повозиться. Но недолго. Желание обрести наконец

свободу было так велико, что, по-моему, я бы без особых усилий вскрыл и Королевские Печати.

Плюнули напоследок в стены черные стрелки. Воздух наполнился привкусом проклятия. Замки щелкнули и поддались. Толкнув люк рукой, я ощутил движение. Что-то сверху посыпалось и перекаатилось. Хлынул ослепительный свет. Одурающе пахнуло теплом и свежим воздухом.

Свобода...

На самом деле свет едва сочился из каких-то неразличимых щелей, и здесь царила зыбкая полутьма. Затхлый воздух пах тленом, полиролью и мышами. А тепло вскоре сменилось тянущим, каменным холодом. Люк замкнулся и стал неразличим даже для магического взора, но оттуда явственно и неприятно сквозило.

Но все равно здесь было прекрасно. Прекрасны многочисленные картины в пыльных мешковинах, трогательно прислонившиеся друг к дружке. И превосходна старомодная мебель, сгрудившаяся по углам. И изумительны осколки разбившегося сервиза, самоцветами рассыпанные по полу. И великолепны старинные... ну хорошо, просто старые сундуки, наверняка таящие в своих недрах невероятные сокровища... И величественно уже настоящее старинное, тусклое зеркало прямо напротив в темной, треснувшей раме.

А девушка, отражающаяся в нем, просто невозможно восхитительна. Фея в бальном платье.

– Ты очень странно смотришь, – сказала восхитительная девушка настороженно. – И выглядишь ты странно... Чудовищно.

Наваждение схлынуло. Дрогнули и рассыпались призрачные силуэты в зеркале. Там отражались мы оба, сидящие на полу. Настоящие. Испачканные, взъерошенные, в порванной одежде. Лица покрыты потеками крови и грязи. Глаза ввалились от усталости. Только мы, и больше никто.

– Сколько мы уже валяемся здесь? Несколько минут или вечность?

– Что? – машинально переспросил я, вглядываясь в блеклую зеркальную поверхность. Треснувшая рама струилась, перетекая в смутные узоры. Настоящее Зеркало?.. Впрочем, какая разница. За последние пару дней я насмотрелся на редкостные диковины на сто лет вперед.

– Ты выглядишь чудовищно, – слабо улыбнувшись, повторила Ксения. – Как и положено настоящему герою. Тебя, кажется, угораздило совершить подвиг, вытаскивая нас оттуда. Расскажешь как?

– Кто знает путь, найдет и дверь, – процитировал я, отворачиваясь и радуясь тому, что здесь все-таки достаточно темно.

Никто никогда не узнает, чем заплачено за билет на выход. И уж тем более это не должна знать Ксения. Ни про то, как я полз обратно, исходя слюной и слезами... Как чистился, давась от отвращения, прежде чем идти к ней. Ни про то,

что было до... Собственное малодушие, пусть и минутное, забыть не так легко, но придется попробовать.

Ксения несколько мгновений молча смотрела на меня. Взгляд ее был осязаем и горяч. Обжечься можно.

– Не хочешь отвечать, – констатировала она наконец задумчиво. – Значит, есть что рассказать.

Я поднялся на ноги и прошелся по помещению, огибая мебель. Под подошвами захрустело стекло. Резкие звуки были неприятны, а движения причиняли боль, но сидеть припиленным вопросительным взглядом было еще труднее.

– Здесь когда-то была комната ритуалов, – сообщил я, рассматривая почти неразличимый узор, вырезанный на каменной стене. – А потом его превратили в... чулан. Варвары.

– Трой, ты светишься.

– Чего? – удивился я, невольно оборачиваясь.

Ксения по-прежнему сидела на полу, глядя на меня снизу вверх. На мгновение мне снова померещились складки пышной юбки вечернего платья, сверкающего драгоценностями. Но нет, это всего лишь кусок мятого полотна с россыпью фарфоровой крошки возле ее коленей.

– Искришься, – продолжила Ксения непонятым тоном. – Ты полон силой до краев. Еще немного, и она расплескается вокруг.

– Ну... был момент, когда я смог восстановить резерв, – сознался я, припоминая неистовое, почти животное счастье утоленной жажды. – Разве это плохо?

– Не знаю... – Уголки ее губ дрогнули, и она медленно отвела глаза. – Я чувствую привкус твоей силы... Она пугает.

– Она помогла нам выжить, – напомнил я сумрачно.

– Пойдем отсюда, – предложила Ксения, вставая. – А то скоро мы раскиснем и рухнем где-нибудь по дороге. Надо хоть посмотреть, куда на этот раз нас занесло... Снова дверь, – с отвращением простионала она через несколько секунд. – Ненавижу двери...

Когда-то в Черных пределах...

Что за бес убедил Веккера поселиться в этих трущобах? – в сердцах размышлял Корнил, аккуратно огибая очередную зловонную лужу. Не иначе старческая склонность к оригинальности, в просторечии именуемая маразмом...

Хотя это он напрасно. Кем-кем, а маразматиком этот древний Черный маг, сильно смахивающий на угрюмую черепаху, не был. Корнил с наслаждением вспомнил, как вкусно тот совладал с витым узлом. И как легко начертал золотой излом.

Налетевший с запада сухой, горячий ветер ожег щеки палящим крошевом мелкого песка. Забрэнчали невидимые колокольцы. Вдоль узкой улочки, похожей на ущелье, потянуло гарью, пряностями и падалью. В изысканно цветущих плесенью древних лужах заплескалось отражение почти полной луны.

Ну и местечко... Корнил брезгливо полюбовался на потускневшую и взывшуюся отчетливыми трещинками кожу дорогих ботинок. И тоскливо оценил расстояние до поворота, за которым осталась машина. Старый маразматик... то бишь глубокоуважаемый древний Черный маг Веккер, по прозвищу Молчун, ненавидел современную технику. Вот вонь и грязищу он терпел, а машины – нет.

Улица была длинная, тесная и необитаемая. Соседей маг

тоже не выносил. Между близко стоящими глиняными строениями тьма скопилась густая, твердая, только что кусками не сыпалась...

Хотя... Что это там за копошение? Наверняка кого-нибудь бьют. Здесь всегда кого-то бьют. И хорошо еще, если заплутавшего мертвяка...

Ностальгическая ухмылка помимо воли тронула губы.

Отвлечшись, Корнил наступил-таки в очередную кляксу грязи и с чувством выругался. И словно эхом послышалась приглушенная брань, просочившаяся в сквозину между домами.

– ...Кусается, гаденыш!.. Надо было по башке лупить сильнее... Хопп сказал, чтобы не до смерти, а только поучить... Эй, эй!!

Всплеск силы был коротким и беспомощным. Как зов о помощи. Корнил замер на одной ноге, поведя носом. А потом ринулся между стен, мельком смахивая тенета обживших щель мракожоров.

Пахнуло жаром. Сразу за целыми домами начинались развалины и пустырь, где беспрепятственно ходили суховеи. Далеко за пустошью снова вздымал остроконечные небоскребы город, ночью казавшиеся роями светляков, но до освещенного жилья еще нужно было добежать.

Кажется, малец не успел. Или ему не дали.

В кирпичной, полуобвалившейся коробке без крыши, на пяточке, среди разбросанных и бьющих лучами в разные сто-

роны фонарей скорчился мальчишка лет восьми. Его окружали подростки постарше. В стороне громоздилось стадо мотоциклов и потрепанный «кентавр».

– ...Тебе говорили, не смей так делать! Говорили?!

Пацан содрогнулся от явно не первого удара ботинком под ребра. За пределами рассеченного световыми линиями многоугольника взметнулись и опали смутные тени. У замешкавшегося неподалеку Корнила стали дыбом волосы. Не от страха, а от мгновенного электрического разряда.

– Ну вот! – стонуше возмутился один из подростков. – Он опять! Ты заметил? Не смей, ведьмак мелкий!!

Корнил осатанел:

– А ну! – и, забыв про дорогой костюм и давно изменившийся статус, ринулся в бой разъяренным носорогом.

Запахло сухой грозой. И засверкало тоже.

Чуть позже, уже дома, Корнил с удовольствием рассказывал:

– Представляешь? Он ставил *защитников*! Почти настоящих... Да у меня в его возрасте таких сроду не получалось!.. Я буквально ошалел, когда увидел. И думаю, малыш вряд ли сам знал, что творит. Наверняка из потомственных...

Мила скупно улыбалась, изучая съездившегося найденьша. Тот так и сидел в углу, куда его еле затащил Корнил с помощью телохранителя. Поначалу-то спасенный мальчик оцепенел и позволил увести себя в машину, но достать его оттуда

оказалось сложно. Они вдвоем еле выволокли визжащего и кусающегося мальчишку.

– Как думаешь, – тихо произнесла Мила, – откуда он такой?

– Да мало ли... Объявим в розыск... А пока поживет с нами. Небось прокормим? Дела пошли в гору, сама знаешь. Виккер так и сказал, что времена меняются и скоро мне быть главой Семьи.

– У тебя своих четверо, – напомнила жена.

– Это наверняка из местных, – не слушая ее, размышлял вслух Корнил.

Притихший найденыш и впрямь походил на большинство здешней детворы – в мешковатой одежде с чужого плеча, бритый налысо, смуглый до черноты, но при этом зеленоглазый. Вон как зыркает. Только что не светятся гляделки.

Корнил смотрел через раскрытую на причал дверь. По широким, плоским ступеням поднимались двое мальчишек. Остановились, переговариваясь и оглядываясь вниз, где в играющей блестками воде качались яхты. Один постарше – высокий, коренастый. Другой ниже ростом, худощавый.

– Я понимаю, что срок оказался слишком велик. – Человек сидящий в кресле напротив, производил странное впечатление скованности и одновременно вальяжности. Он уже знал себе цену, но еще не привык к ней.

– Прошел почти год, – хмуро заметил Корнил.

– Возможно, оно стоило того, чтобы ждать так долго.

– Надеюсь. Вас рекомендовали люди, которым я доверяю... Хотя до того дня ваше имя было мне неизвестно.

Человек в кресле невесело улыбнулся. Звали его Стоян Лев, хотя кое-кто уже одарил его кличкой Ловчий. За дело, надо думать.

– Я потратил много времени, потому что поначалу пошел по неверному пути... Боюсь, вы сами сбили меня с толку. Пришлось основательно поработать, чтобы найти верные исходные точки...

Корнил перевел внимательный взгляд на собеседника. Померещилось, что тот сейчас добавит что-нибудь о дополнительных расходах. Но Ловчий всего лишь сообщал сухие факты, ставя заказчика в известность о мельчайших нюансах.

– ...В конце концов я нашел. Возьмите.

Скромная, без ярлыков и надписей, папка легла между ними. Весьма раскормленная бумагами, надо заметить. Корнил откинул обложку, вчитываясь в строгие строчки. И почти сразу же, не удержавшись, воскликнул:

– Это невозможно! – и осекся, молча вбирая в себя написанное, как сухая губка воду.

Ловчий никак не отреагировал на возглас, наблюдая, как двое мальчишек на ступеньках азартно заспорили, размахивая руками. Тот, что повыше, – темнокожий, крепкий. Тот, что пониже – загорелый, но значительно светлее цветом ко-

жи и волос.

– Он изменился, – негромко заметил Ловчий, когда Корнил закрыл папку и положил сверху ладонь, будто опасаясь, что ее содержимое сейчас разбежится по комнате.

Даже не уточняя, было понятно, о ком идет речь.

– Да...

– Вы ведь поняли все еще до того, как обратились ко мне?

– Примерно за год.

– Раньше... – проницательно возразил Ловчий, прищурился свои странные, льдистые глаза.

– Когда стали отрастать волосы, мы уже засомневались, а когда стал сходить загар... Он много времени провел на улице, под солнцем. Такой загар остается надолго даже у светлокожих...

– Итого – два с лишним года. Почему вы сразу не рассказали?

– Вы не понимаете... – Корнил покачал головой, даже не задумываясь, отчего он, обычно недоверчивый, так откровенен с этим человеком. – К тому моменту мы уже успели ввести его в Круг, приняли в Семью, наняли преподавателя...

Ловчий выжидательно смотрел на Корнилу, но тот умолк. Чужаку не объяснишь, что произошло. И почему даже старый шаман во время Ритуала ничего не заподозрил. Корнил сам поторопился настоять на проведении Ритуала. Парнишка оказался настолько перспективным, что было жаль напрасно терять время...

Кто знал, что так повернется?

– Вы хотели, чтобы я опроверг ваши опасения? – В прозорливости Ловчему не откажешь. Как и в самоуверенности. – Тогда вам надо было найти сыщика похуже...

Но ему еще учиться и учиться выдержке. Потому что догадки его не поспевают за словами. Еще не договорив, он уже оборвал сам себя и снова поправился:

– Вы нанимали! Так вот отчего ждали так долго... Многих?

– Семерых. По настоянию Круга... Мы уж стали надеяться, что никто ничего так и не узнает и доказательств не будет. К сожалению, мы наткнулся на вас.

Ловчий вдруг легко улыбнулся. Он явно не оскорбился. Да и на что? Только что сказанное было комплиментом.

– Они действительно из Белых? – Корнил провел по папке ладонью.

– Если бы вы подняли реестр Белых и сравнили формулу сил, то вы бы и сами нашли его родственников. Стоколы старинная семья. Его родители погибли оба, но куда исчез ребенок, не знал никто... Кстати, это единственное, что мне не удалось прояснить. Я не знаю, как он попал в западные земли... – Ловчий недовольно потер впалую щеку. Вздыхнул и добавил: – Зато могу рассказать, как бедняге пришлось выживать среди «клещей» у Жаба. Тоже почти два года.

– Почитаю на досуге.

– Пропавшему ребенку было шесть лет. К тому времени

Белые тоже уже давно вводят детей в Круг и начинают обучение. За два прошедших года вы в свою очередь...

– Я знаю, – низким, едва не переходящим в сиплое рычание голосом прервал собеседника Корнил.

Еле обозначившаяся головная боль в висках растекалась, словно обжигающая лава.

Ловчий кивнул и поднялся из кресла. У дверей неожиданно обернулся:

– Между прочим... На той стороне у него никого не осталось из родственников. Вы заплатили мне за то, чтобы я нашел информацию. Но что вы будете делать с этой папкой – вам решать.

Он ушел. Корнил посидел опустив голову, потом пробормотал вполголоса, не обращаясь уже ни к кому:

– Однажды это выйдет наружу все равно. И тогда будет поздно... Лучше я использую это сейчас... – Он выпрямил спину и усмехнулся победно.

...А занесло нас во вполне обжитой двухэтажный особняк где-то на правобережном Набереге. Из окон виднелась тихая улочка с чинными домиками. А со второго этажа можно было различить в отдалении шпиль ратуши и крышу строения со знакомыми трубадурами-флюгерами.

Поначалу мы осторожничали, словно мыши, крадясь по чужому дому. Но старания оказались напрасны. Особняк пустовал. Хозяин (а судя по многим признакам, здесь проживал одинокий мужчина) либо был в отъезде, либо не возвращался еще после ночной прогулки.

Снаружи едва светало. Газонная трава серебрилась ночным инеем. По улице катил мальчишка-молочник на велотележке, периодически останавливаясь возле дверей, чтобы оставить на крыльце корзинки или бутылки. Теперь мы могли смотреть на эти восхитительные предметы почти безразлично. А хозяйский холодильник подвергся изрядному опустошению.

– Не спи! – строго велела Ксения, и я послушно встрепенулся. От сытости и тепла неудержимо клонило в сон. Мы оба держались на чистой магической воле, как марионетки на стержнях.

– А то, как в сказке про сиротку Люсинду, сейчас придет хозяин и спросит, кто ел из его чашки? – продолжила Ксе-

ния, подцепляя на вилку кусочек сыра. Сыр она аккуратно порезала и не поленилась воспользоваться столовыми приборами. Я свою долю слопал целиком.

– То сиротка Люсинда... А мы голодные и свирепые властители Черной и Белой магии, покорители подземелий и открыватели забытых чертогов... Трещины, человек! – проворчал я.

– Хм. – Ксения прищурилась, изучающе рассматривая меня поверх надкусанного бутерброда. – Трепет человека доставляет тебе удовольствие?

Я хмыкнул, озадаченный ее реакцией.

– Не знаю. Пока никто не трепетал в моем присутствии... Кажется, – добавил я неуверенно. – Во всяком случае, нормальному человеку можно и потрепетать из вежливости при встрече с такими...

– Страшилищами, – подсказала Ксения, подтянула за уголок один из конвертов, лежавших на углу кухонного стола на пачке газет и журналов. – А как тебе вот это?

Конверт с веселенькими ромашками был адресован «Глубокоуважаемому Господину Лавру Подиполу, Доктору Белой и Черной магии, Лауреату Мионской академической премии. Наставнику и Учителю, проживающему на улице Звонарей, город Набрег». Все это было написано меленьким почерком, чтобы уместить на стандартных адресных строках, но почти все существительные начинались с заглавных букв.

– Как думаешь, господин лауреат станет трепетать? – ехидно осведомилась Ксения.

– Всех лауреатов Мионской академической – три человека. И последний из них умер век назад, – произнес я, удивленно рассматривая остальные конверты. На них почти слово в слово повторялась предыдущая галиматья.

Сонливость как рукой сняло.

Веером стряхнув с пальцев крошечные блески, рассыпавшиеся кольцом и пронизавшие стены, я уже через пару минут получил отклик от каждой. Никого. Нигде никого. Никаких следов магии, кроме бытовой. Возле парадных дверей повис давно не обновлявшийся и почти выдохшийся «сторожок», и только.

– Нет здесь никаких магов, – констатировал я растерянно. – И давно уже не было.

– Может быть, он сильнее тебя? – Ксения изогнула губы в рассеянной улыбке. Перспектива встречи с гипотетическим магом ее, похоже, развлекала. В глазах загорелись недобрые и незнакомые огоньки. – Будешь ждать, пока он сам заявится, и предложишь ему трепетать?

– Я же пошутил. Ты действительно думаешь, что чужой страх может принести мне удовлетворение?

– Не знаю. – Огоньки погасли. – Твоя сила... Она какая-то жадная. Раньше ты таким не был.

– С момента нашего знакомства я мог зваться магом только номинально. Ты не любишь Черных магов? – спросил я

и осекся.

– Я люблю Черного мага, – неожиданно откровенно отозвалась Ксения, подняв на меня глаза. – Дело в другом... Ты сейчас похож на колодец, дна у которого нет. Ты словно соединен с чем-то невозможным... И сила в тебе не твоя. Чужая. И, пока ты ее не истратишь до капли, она владеет тобой, а не ты – ею.

Я покачал головой.

– Мне надоело быть немагом. Я не умею быть просто человеком. Я устал от необходимости быть им. Я маг. Пусть пока и использую взятую взаймы силу.

Она кивнула, отворачиваясь, и отложила надкусанный бутерброд.

– В этом доме должна быть ванная. Если нам предстоит встреча с великим и ужасным Учителем, я хочу быть чистой. Участь просто человека меня пугает меньше участи непрерывно чешущегося мага.

– Есть отличное заклинание от чесотки и насекомых, – предложил я, оживившись. – Идет нарасхват в военное время...

Теоретически нам бы следовало покинуть чужое жилье как можно скорее. Практически мы даже ни разу не заговорили об этом.

Обследовав несколько комнат, мы, во-первых, выяснили, почему хозяина дома зовут Учителем, а во-вторых, нашли целых четыре ванны.

Обладатель двухэтажного особняка жил на широкую ногу, обстановку подбирал согласно собственному вкусу и своей легенде – то есть богатую, с претензией на респектабельность и вычурную. Комнаты были набиты псевдомагическим хламом, странными предметами, имеющими чисто декоративное назначение, фальшивыми оберегами, поддельными артефактами.

Торчали по углам гостиной *всегосские* *идолы* (под облупившимся, сизым покрытием, имитирующим свинец, проглядывала красноватая глина), на подставке хищно скалились лезвия Белых клинков (настоящие, закрепленные так небрежно, давно бы разнесли сам дом и половину города), библиотека стонала от фолиантов: «Книга Теней и Полусвета», переплетенная в человеческую кожу и изданная тиражом сто тысяч экземпляров. Ну-ну...

С портрета над камином на нас строго, но благожелательно смотрел владелец особняка – импозантный мужчина средних лет, с живописной гривой снежно-белых волос, крупными чертами лица, пронзительным взором темных глаз.

– Вот как должен выглядеть настоящий уважаемый маг, – заметила назидательно Ксения, с удовольствием рассматривая портрет. – А не как некоторые... В драных джинсах.

– Ну как только нас удостоят Мионской премии, тогда и позаботимся о внешнем соответствии, – отозвался я уязвленно.

Зато рабочий кабинет господина лауреата, запертый на редкость качественным сторожевым заклинанием (куплено не в магазине, наверняка нанимал настоящего мага), оказался вполне толковым.

– Смотри сколько книг! – Ксения уважительно провела ладонью по корешкам. – Все по психологии...

Я рассматривал стены, увешанные документами: курсы домашнего и профессионального гипноза, свидетельство частного предпринимателя, разрешение на практику и диплом психолога Вранезского педагогического колледжа. Все на имя Лавра Подипола.

– Ой как нехорошо, – огорченно сказала Ксения. – Кажется, мы явились непрошеными гостями к солидному человеку...

– Это ты говоришь после того, что видела в гостиной? – недоверчиво усмехнулся я.

– Вкус и ум не одно и то же... Хочешь пример?

– Догадываюсь, на кого ты укажешь...

На стенах еще были награды: «Приз зрительских симпатий жителей города Набрега», «Благодарность учеников общеобразовательного лицея № 12 города Твенево за организацию курса лекции», «Свидетельство почетного члена Благотворительного общества Покровителей», «Господину Учителю в благодарность за спасение жизни дочери Анески»...

Тусклое дезактивированное зеркало на столе в раме, украшенной серебристыми змейками, хранило «отпечаток» юно-

го лица. Дочка, что ли?.. На папу не похожа, но мало ли. Возле компьютера стоял маркированный каталог с дисками.

Ксения обследовала его и, вытащив наугад диск, вставила в проигрыватель.

Девочка с зеркала сгнула, и на экране замерцало изображение. В неестественной помеси кабинета психоаналитика с логовом деревенского колдуна некто в черной хламиде со всклокоченными волосами нависает над человеком, лежащим навзничь на полу в центре начерченной мелом фигуры. Лежащий небрит и одет в комбинезон, которые предпочитают носить крестьяне с частных ферм. Горят свечи и офисные коленчатые светильники.

– Изыди, алчный дух, из души Никая, оставь его сердце, отринь его тело навсегда... навсегда... Навсегда!!! – взвыл носитель хламиды так пронзительно, что вздрогнули даже мы с Ксенией.

Человечек в центре меловой фигуры подскочил и захрипел, попытавшись уползти прочь.

– Стой!! – рявкнул изгонятель алчных духов.

Человечек застыл, перекосившись от ужаса. Затем зарыдал, затрясся и вдруг широко раскрыл глаза.

– Он ушел, Учитель! Я чувствую, он ушел!

Ксения перевернула диск и прочитала название:

– Никай Бродач, алкоголизм. Сеанс второй.

На экране просветленный Никай лил слезы. Господин Подипол улыбался устало, но удовлетворенно. Выглядел он ме-

нее внушительно и импозантно, чем на картине, но в целом все равно производил впечатление... На впечатлительных. Такие вопли воздействуют не только на пошатнувшуюся психику алкоголиков.

– Ух ты, какой эффект на втором сеансе... – пробормотала Ксения. – Алчный дух. Это он про склонность к пьянству?

Я ухмыльнулся:

– Так что ты там говорила про ум и вкус сего солидного господина?

Она поджала губы и выдернула второй диск. «Мила Лева, дезадаптация, сеанс 4».

Некрасивая, полная девочка лет четырнадцати оживленно затрещала:

– Да, очень помог. Я теперь себя чувствую гораздо увереннее. А когда я показала Янушу оберег, что вы мне дали...

– Мила, мы же договорились не называть его оберегом, – послышался укоризненный голос невидимого собеседника из-за кадра.

– Ой, простите... Когда я показала Янушу предмет, который вы мне дали, и рассказала, что с Яном случится, если он или его дружки снова попытаются обидеть меня, он сразу отстал и больше не пристаёт. И всем разболтал в школе, и никто больше не лезет ко мне... Я теперь все время ношу Вика с собой. Разговариваю с ним, как вы велели...

– Я не велел тебе разговаривать с ним, – снова возразил невидимка. По голосу – Лавр Подипол.

– Да, да, но я сама решила, что так нужно. Мне кажется, что он мой лучший друг. Я назвала его Вик. Я так счастлива... – Девчонка разомкнула ладонь, на которой лежал корявый деревянный человечек.

– Мила, я думаю, теперь можно начать следующий этап нашей работы. Вик, безусловно, останется твоим другом и будет защищать тебя, но...

Ксения гадливо поморщилась:

– Он хитрец, этот Подипол. Если бы он торговал фальшивыми амулетами, его бы давно привлекли к ответственности, а так...

Ага, а вот тут за полкой притаилось нечто массивное. Не иначе сейф. Запечатано заклинанием. Я повел ладонью. За металлической стенкой зашелестело. Денежные купюры встрепенулись и заметались, пытаясь ластиться, как запертые в клетке дружелюбные зверьки. М-да... Неплохой доход имеет господин Подипол. И настоящим магом быть не нужно. Достаточно слыть им вдобавок к диплому психолога.

Ксения удалилась в ванную одной из спален, попросив меня посторожить снаружи. «Мало ли что... Не хотелось бы, чтобы застал врасплох вернувшийся хозяин». Я возразил, что внезапно хозяин не вернется (я посадил возле всех входов по собственному сторожу, не чета магазинным поделкам, которыми пользовался владелец особняка) и даже если вернется, то перехватить его и успокоить на время не соста-

вит труда, и что мне самому не мешало бы привести себя в порядок. Но Ксения посмотрела так несчастно, что я сдался...

Журчала вода, прикрытая дверь ванной приковывала взгляд.

Я даже зажмурился, чтобы отвлечься...

Проснулся лежащим ничком на прикроватном коврике. Под головой – шелковая подушка, раньше лежавшая в изголовье хозяйской кровати. Кто-то позаботился о моем удобстве... Хотя что значит – кто-то? Очень маловероятно, что это был сам владелец подушки.

Я бессмысленно улыбнулся, переворачиваясь на спину и блаженно потягиваясь. По потолку неторопливо растекалось солнечное сияние. Уже день?.. Чувствовал я себя отдохнувшим и полным сил. Как физических, так и магических.

Дверь ванной была закрыта, но шум воды больше не доносился.

Я снова улыбнулся непонятно чему. Вместо того чтобы спать, мне следовало... Шальные мысли я перехватил на лету. Не сейчас. Еще будет время. Хотя будет ли?.. Радужное настроение слегка померкло. Необходимость выбраться из подземелья затравила все другие проблемы до полной немоты, но теперь они возвращались с триумфом... Надо подниматься.

Ухо что-то настойчиво царапало, я потянулся почесать, нащупал бумажный прямоугольник, лежавший на подушке,

и поднес к глазам, уже почти зная, что увижу. И не ошибся. Записка, написанная незнакомым почерком.

«Спасибо, что вернулся за мной».

И все.

И в доме никого, кроме меня. Как я сразу это не почувствовал?

Надо же, а я даже не знал, как она пишет. Никаких лишних завитков. Буквы частью острые, частью округлые. А «з» вытянута по вертикали, словно рассекает строку на две части.

Тягостное ощущение, что нечто во мне так же рассекли на две части, накатило и ушло, подавленное раздражением. Этого еще не хватало. Неужто влюбился? За сутки, проведенные в ее обществе? Ничего ведь не было, кроме... Кроме тишины возле грязного канала под равнодушным взглядом глиняного болвана. Тоже мне романтическая сцена. В самый раз для сентиментальных воспоминаний.

Просто спутница. А теперь наши пути разошлись, и она унеслась к своему... Как его там? Горан? Герайд? И как она ухитрилась миновать моих *сторожей*? Да так, что я даже ничего не почувствовал. Я мысленно позвал каждого из них и убедился, что заклинание не нарушено. Как же она ушла? Или я за последнее время настолько свыкся с присутствием этой девчонки, что подсознательно исключил ее, как и себя, когда ставил *сторожей*?

Старательно отвлекаясь на решение ненужной задачки, я

поднялся и обошел дом. Безо всякой цели.

Часы в холле меланхолично отстучали половину одиннадцатого утра... Я мельком глянул на них и обмер. Проклятие, луна неумолимо подрастала! Та, что на часах, была январно-желтая, глазастая. Один нарисованный глаз самодовольно тарасился на меня. Второй пока прятался в тени.

И кто это придумал рисовать луне глаза? Да еще такие ехидные.

Я повернулся к часам спиной и двинулся на кухню. Волнение сошло, словно морская волна, оставив мутную пену. Незачем суетиться и переживать попусту. Все равно время не возвращается. Зато люди иногда...

Герайд... Имя какое-то нелепое. Герайд-герой. Где, она говорила, Герайд живет?.. Впрочем, она и не говорила. И это к лучшему. И вообще, в Звеннице я обещал прийти на выставку Рыжей Сани... Плохо, что лица ее я не помню. Вместо него коварная память подсовывает другое. Со странного оттенка глазами (в полутьме – синие в черноту, а на свету – яркие в лазурь). И всплывает перед внутренним взором хрупкое, гладкое плечо. И изгиб нагой спины...

В душ! Желательно в ледяной. Чтобы изгнать прочь ненужные воспоминания.

Это и впрямь помогло. Во всяком случае, я убедил себя в этом.

Облачаться вновь в замызганную одежду не хотелось. Но и воспользоваться гардеробом господина Подипола тоже как-

то не тянуло. Надо бы обзавестись новыми вещами. Наверняка поблизости есть магазины. А деньги мы попробуем добыть. И я даже знаю как.

Перебравшись в кабинет Подипола, я исследовал полки с книгами, вскрыл секретную секцию и обнаружил утопленный в нише опрятного вида сейф, склепанный из «драконьей чешуи». Стальную коробку, словно разноцветные провода, опутывали охранные заклинания. Надежные и простые, как якорные цепи. Забавно, но ни одна из нитей не тянулась вовне. То есть сейф был полностью автономен, и в случае покушения на него приезд стражей порядка не подразумевался. А подразумевалась немедленная гибель вора на месте.

Ну и ну. Что он там хранит? Судя по ощущениям, денег в сейфе держали не так уж и много.

Девчонка с зеркала наблюдала за мной с иронией...

Пробормотав на всякий случай заклинание «от огня», я приступил к работе. От прикосновения мгновенно занемели кончики пальцев и нестерпимо заболел затылок. Эх, жаль, что опыта маловато. У Жаба я не учился вскрывать сейфы, мал был... Но хорошо, что и здесь механизм мешался с магией.

Осторожно, стараясь не порвать, вытянул жгуты заклятий, проследил расположение важных точек и принялся плести из рабочих волокон замысловатый узор. А затем дернул один, мгновенно испепеляя другие...

Огонь плеснулся, но вяло.

Дверца послушно отошла. Внутри обнаружилось несколько дисков, массивное золотое кольцо с печаткой, бумаги и деньги. А еще массивный, плетенный из кожи и волос браслет. Вокруг него вздувалось коричневатое, мутное облако чужой воли. Не Лавра, конечно. По-настоящему чужой и сильной. Мощный наговор, если запах не врет. Вот дрянь-то... Браслет Раба. Редкостная и отвратительная штукавина, уцелевшая с дремучих времен. Считается, что их уже нет ни одного.

Брезгливо отодвинув браслет краешком бумажной папки, я взял диски. Они не были никак озаглавлены, просто пронумерованы.

Дотянувшись до проигрывателя, я запустил один из них. Изображение на этот раз было неподвижным и неважного качества. Камеру явно прятали.

– ...Дорогая Соня, – говорил Лавр, сидя напротив сжавшейся девушки лет тринадцати и нежно поглаживая ее коленку. – Твоя мама желает тебе только добра, ты же понимаешь.

Девушка безмолвно кивнула, не поднимая глаз.

– Она велела тебе слушаться меня, не так ли?

Девушка снова обреченно кивнула, попытавшись отодвинуть коленку.

– Но, как я посмотрю, ты не хочешь мне довериться.

Соня что-то невнятно пробормотала.

– Что? – переспросил Подипол.

– Хочу... – тихо повторила девушка.

– Тогда отчего ты так боишься? Я не причиню тебе вреда. Я хочу тебе помочь. Твоя природная сила велика, нужно только инициировать ее. А сделать это способен лишь настоящий учитель. Твоя мама для того и привела тебя сюда. Но ты отвергаешь свою участь. Ты не хочешь пробудить свой магический дар? Прикоснуться к лучшему из искусств?

– Хочу... – снова пролепетала девушка. По скулам ее плыли багровые неровные пятна.

– Тогда ты должна понимать, что есть лишь один способ открыть Врата и омыть их чистой кровью.

Девушка молчала, отстраняясь.

– Ты согласна?

– Да... Нет, нет! – Она попыталась вскочить. Лавр удержал ее за тонкую руку.

– Я понимаю, тебе страшно. Я помогу тебе... Вот смотри, это подарок. Тебе. Это просто браслет. Он успокоит и приободрит тебя. Примерь...

Скользнуло по запястью девушки черное кольцо, сразу же присасываясь к коже. Соня обмякла и опустилась на диван, равнодушно глядя в никуда... Дальше смотреть я не стал, сцепив зубы до скрежета. Мерзкая физиономия Лавра с замаслившимися глазками все еще стояла перед глазами и так.

Ах ты тварь, господин лауреат. Сволочь...

В сердцах я смахнул все содержимое сейфа на пол и выругался в полный голос. Из упавшей папки посыпались газет-

ные вырезки: «Уголовное дело против уважаемого жителя нашего города по обвинению в совращении малолетних было прекращено в связи с тем, что якобы жертва отозвала свое заявление...», «...под давлением общественности следователь принес извинения уважаемому лауреату...», «...прошлогоднее подобное дело о попытке изнасилования несовершеннолетней было также прекращено в связи...», «...это все клевета моих недругов! – с достоинством говорит Лавр Подипол, действительный член...»

Я содрогнулся от бешенства. Газетные вырезки мигом обуглились по краям, свернувшись в хрупкие трубочки.

Безымянные диски, тускло блестя, лежали на полу.

Ну и что теперь? Бежать закладывать мерзавца в полицию? А может, подкараулить и испепелить его молнией?

Поколебавшись, я собрал диски и положил обратно в сейф. Все же это чья-то жизнь, не стоит ей валяться... Затем, пересчитав хранившиеся в сейфе купюры, включил компьютер и оставил несколько нейтральных записок на десятке ресурсов. Через пару минут пришел отклик. Морфей словно ждал, когда я появлюсь. Деловито указал защищенное место для беседы, ухмыльнулся вместо приветствия и начал безо всяких вступлений:

– Ну и шуму ты наделал. Развлекаешься?

– Спасая свою шкуру. А ты откуда знаешь? – Я тут же спохватился: – Извини, я забыл...

– Я маг. – Сквозь безмятежность Морфея проступили ост-

рые углы давней обиды. – Пусть не слишком хороший, но все-таки маг. И я могу получать все новости не только из газет.

– Извини, – повторил я. – Просто я привык, что ты...

– Ладно. – Он оттаял. – Потом разберемся. Если выживешь. Что ты ухитрился натворить, что народ переполошился?

– А что говорят?

– Что шансов у тебя никаких. За твою голову Белыми объявлена на редкость приличная награда. А они скряги известные. И, между прочим, за дело взялись весьма серьезные люди. Про Ловчего слышал?

– Кто ж про него не слышал...

– Ему, да и прочим, в сущности, без разницы, в Черной ты зоне или в Белой. Пока мы тут с тобой болтаем, идет утечка...

– Что?!

– Не дергайся. Пока я процесс контролирую. Но времени мало. Сейчас даже Сеть просвечена насквозь. Так что если ты решил пообщаться со мной не потому, что соскучился, а, как всегда, по делу, то давай к нему и перейдем.

– Мне нужен доступ к моим счетам.

– Даже не смешно. Это было первое, что они заблокировали и сторожат постоянно.

– Я считал, что ты гений.

– Лесть не поможет. Это немисливо... Если только... –

Он помял нижнюю губу, раздумывая. Всего несколько мгновений, но после его предупреждения они показались мне нестерпимо длинными.

– Если только – что?

– А ты сильно огорчишься, если я сдам тебя?

Ну – опешил я, внутренне холодея, – это было бы неприятно.

– За любые сведения о тебе назначили действительно большие деньги, – проговорил Морфей таким тоном, что мне захотелось немедленно отключиться и уносить ноги. – Сознаюсь, соблазн был велик. Я не устоял. Расставил свои крючочки везде, где только можно. Едва ты вошел в Сеть, я уже знал, что это ты...

– Это невозможно. Это чужой компьютер.

– Возможно. Ты всегда действуешь одинаково. И ходишь одними и теми же маршрутами. Мой тебе совет, почаще меняй тактику... Короче, я знал, что это ты, и уже знаю, где ты находишься... И мне сейчас очень не помешало бы солидное денежное вливание.

Я почувствовал, как впиваются пальцы в край стола. Надеюсь, на лице моем смятение никак не отразилось. И голос звучал почти спокойно.

– Я бы пообещал тебе заплатить больше. Но это, как ты понимаешь, не наверняка. Я могу и не дойти до финала. Поэтому... Чего ты ждешь? Или уже не ждешь?

– Экий ты мученик, – засмеялся Морфей. – С твоей фи-

зионии можно писать скорбь преданного рыцаря, с гордостью принимающего свою участь.

– Смешно, – холодно и уязвлено отозвался я.

– Ну теперь, когда ты осознал степень моей продажности, то можешь без душевного трепета послушать, что я хотел предложить. Итак, вернемся к твоим счетам. Как я говорил, они не только охраняются, но и надежно заблокированы. Извне туда не пробиться. А вот изнутри... Когда-то давно, еще в пору начала нашего сотрудничества, я слегка поработал с базами данных банков, где хранятся твои финансы, и проделал несколько полезных лазеек...

– Ну ты наглец, – выдохнул я возмущенно. – Даже тогда ты уже...

– А как же, – самодовольно осклабился Морфей. – Поэтому даже сейчас я могу получить доступ к твоим счетам. Но теперь там сидят сторожа посерьезнее банковских бездельников. Неприятности мне, сам понимаешь, ни к чему. Я ценю наше давнее сотрудничество, но... Короче, будет лучше, если я обставлю все так, словно сам выдаю тебя заинтересованным лицам. Вознаграждение мне будет очень кстати. А ты получишь то, что хочешь. Но учти, это можно проделать только один раз. После этого я стану для тебя недоступным до благополучного завершения твоей эпопеи... или навсегда, если ты сочтешь выше своего достоинства общаться с предателем. Ну как? Идет?

Я молча кивнул.

– Куда перевести деньги? Любой городской банк выдаст тебе...

– У меня нет документов. Переведи деньги на счет Лавра Подипола, проживающего в городе...

– Набереге, улица Звонарей, дом двенадцать, – закончил Морфей, пробегая глазами нечто за кадром. – Это там, где ты сейчас находишься. Проживает там Лавр Подипол, налогоплательщик, практикующий психоаналитик, известный также в некоторых кругах под именем Учитель... Вот, есть и четыре банковских счета господина Подипола. Официальных два. Но ты не сможешь снять деньги с его счета...

– Это неважно. Переведи на его счет... – Я мысленно прикинул и назвал сумму.

– Можно успеть перекачать и больше.

– Не нужно. Ровно столько, сколько я сказал.

– Хорошо. Мне понадобится время. Не сбегай пока... Ну то есть ты, конечно, можешь мне и не верить. Но я пришлю тебе подтверждение, что все прошло нормально. И попробую максимально заморочить им головы.

– Твоя правда, ты сделал достаточно, чтобы избавить меня от доверия к тебе. Но... Я буду ждать твоего сигнала. И... Спасибо, Морфей. Ты не раз выручал меня.

– Исключительно с корыстными целями. Ты хорошо платил. Сейчас те, кто на тебя охотится, тоже неплохо платят. Искус трудно одолеть. Прости, я всего лишь наемник... Но после всего, возможно, мы еще поработаем...

И он исчез. На экран выползла разноцветная заставка с прыгающей надписью: «Ждите! Мы работаем для вас всегда!» А ниже приписка: «...и всегда в свою пользу!»

Обернувшись к сейфу, я несколько мгновений, борясь с отвращением, рассматривал его содержимое. Изъятая мною у Подипола сумма будет перечислена на его же счет, так что, по сути, я ничего не крал. Но все равно неприятно...

А браслет надо прикончить. Мерзость редкая. Даже прикасаться к ЭТОМУ желания не было.

Ладони сомкнулись над темным ворсистым кольцом. Стремясь избавиться от привкуса гниющей плоти, я шараянул разрядом такой силы, что часть лежавших поблизости денежных купюр мгновенно рассыпалась черными хлопьями. По ушам ударил оглушительный визг. Ноздри забила вонь горящей шерсти. Откат оказался силен, и я отлетел к столу, сбив по дороге кресло.

С опаской вернувшись к сейфу, обнаружил, что браслет лишь слегка закоптился.

Зато расплавились диски. Заодно истлела половина денег, которые я хотел экспроприировать. Значит, теперь уже Подипол должен мне...

– Эй! – донеслось от компьютера. – Если ты еще здесь, Докладываю – задание успешно выполнено. И жди гостей. В пределах Черных им действовать будет сложнее, поэтому у тебя есть какое-то время. Может, час, а может, минуты две... Удачи тебе! – Экран погас.

– Спасибо.

Не дожидаясь, пока с зеркала снова глянет девчонка, я смахнул его со стола. Брызнули осколки, пустая рама со змейками слепо вытаращилась снизу, злобно сверкая уцелевшим стеклянным клином.

Осталось только распихать по карманам деньги и покинуть кабинет. Сейф я демонстративно оставил открытым. А браслет прихватил подвернувшимся документом и гадливо нес в отставленной руке. Даже через бумагу он был холоден, мерзко податлив и липок.

Луна в холле недобро жмурила затемненный глаз.

Я спустился в подвал, еще вчера казавшийся празднично-светлым и огромным, но на самом деле – тусклый и тесный, наскоро вскрыл закрепы на люке, сбросил браслет в темноту, снова прихлопнув крышкой, и развернул сверху пыльный, потертый ковер.

В маленьком магазинчике в такой час почти никого не было. Домохозяйки еще не вышли на послеобеденный промысел. А работающий люд давно умчался на службу.

Торчал возле лотка с подержанными комиксами вихрастый мальчишка со школьным рюкзаком. Прогульщик, надо полагать. На меня он с любопытством покосился исподтишка. Но его любопытство меня мало тревожило. Совсем другое дело – хозяйка магазинчика. Дородная, немолодая дама, облокотившаяся о прилавок возле кассы и внимательно наблюдавшая за моими передвижениями по подвластной ей

территории. Я все ждал, что она заговорит.

И она заговорила.

– Никак случилось чего? – спросила она, вопреки моим ожиданиям, вполне участливо.

– С чего вы так решили? – по инерции готовясь к отпору, напряженно отозвался я.

– Уж больно потрепанным вы выглядите, хотя сразу видно, человек домашний.

Я хмыкнул. «Домашний».

– У нас тут охранный участок неподалеку, если что, – сообщила она как-то двусмысленно.

Я собрал присмотренные вещи в охапку и перешел к каске, поглядев в глаза хозяйки как можно проникновеннее. Магия здесь исключалась – над головой женщины вертелась «защитка» в виде декоративной бабочки. Так что рассчитывать приходилось лишь на личное обаяние. Изрядно подпорченное царапиной на скуле и, как верно заметила дама, потрепанной одеждой. Эх, надо было полечиться и почиститься получше...

– Решил в поход сходить, – сочинил я. – И вот заблудился...

– Надо же, какое несчастье! – всплеснула руками хозяйка, вроде бы искренне, но при этом слегка снисходительно. – Дома, поди, уже волнуются? Позвонить есть на что?

– Я уже. Вот прикуплю у вас вещей попрличнее, чтобы людей не пугать, и – домой.

– Ты посмотри, какой ужас-то. И кто бы подумал на наши леса? Да тут и рощицу приличную не найдешь, а вот поди ж ты... И дня не прошло, как девочка тоже жаловалась, что потеряла свою группу.

– Девочка? – встрепенулся я. – Русые волосы, синие глаза, светлая куртка?

– Глаза не помню, не присматривалась, а куртка светлая. Знакомая? Уж не в один ли вы поход ходили? – Теперь легкая насмешливость прямо-таки читалась в морщинках женщины.

А чему удивляться? Они наверняка все привыкли к таким потерявшимся лжетуристам. Пограничная линия в двух шагах.

– Мы из одной группы, – не стал возражать я.

– Что у вас за группа, что людей одного за другим теряете?

– Девушка была утром?

– Ну да. Я еще только открывать собиралась. Тут она вбегает. Очень просила пустить, говорила, что прикупит кое-чего. Ей на автобус надо успеть, а другие магазины еще закрыты. Да и то верно, я-то раньше всех открываю. Время сейчас трудное, раньше откроешь, позже закроешь – глядишь, клиент подбежит...

Ксения вполне могла прийти сюда, как и я. Магазины располагались на соседней улице от дома Подипола. Только где она деньги взяла? Впрочем, какая разница...

...Здесь же, возле магазинчика, навесив флер невидимо-

сти от случайных прохожих, я переоделся во вновь приобретенные вещи. Старые запихал в пластиковый пакет и забросил его в урну.

И замешкался, присматриваясь к стене. Кирпичную кладку испятнали подвижные светотени. Посыпались каменные крошки вперемешку с нанесенным в щели песком и дохлыми насекомыми.

«...Искал, искал... здесь... снова здесь... холодно...»

– Привет, Ноилл. – Я отступил подальше. – Приятно тебя видеть снова. Провел время с пользой?

Аморфная тень слоилась по неровной стене. «...Кровь... тоскливо... один, один... Один!...»

– И мне тебя недоставало, – заверил я его. Внезапно мне захотелось успокоительно потрепать несчастного призрака, как прибившуюся дворнягу. И сразу же стало неловко. Может, сейчас тень и не блещет разумом, но когда-то это был живой человек.

Испытывают ли Тени-на-стене отчаяние? Бедняге Ноиллу оказалось не под силу проникнуть в подземелье. А если бы я погиб там, под землей, то наверняка, как не выполнивший обещание, присоединился бы к унылому призраку и веками слонялся бы по стенам в его компании... Брр.

– Не переживай, – сказал я. – Я помню про свое обещание. Вот разберусь со своими делами и займусь поиском подходящего жилья для тебя.

Силуэт Ноилла скомкался, словно разводы серой аква-

рели на мятой бумаге. Набирающее силу солнце вымывало грязные клочья теней даже из трещин.

На соседней улице Звонарей поднялся переполох. Невидимый и неосязаемый для обычных людей. Но магическая сеть, накинутая на Наберег, внезапно задержалась, словно в паутину попала муха. Или, точнее, соседские пауки...

Я зашагал прочь, не оглядываясь.

Здание вокзала украшал шпиль. А шпиль облюбовали карликовые каменные виверны. Существа вздорные и грязные, но внешне весьма впечатляющие. Летали они плохо, однако, взмахивая перепончатыми крыльями, могли довольно долго держаться на высоте, цепляясь когтями за выступы на шпиле или за конек крыши вокзала. Эдакое своеобразное архитектурное украшение, не предусмотренное автором.

Часы немелодично залязгали, возвещая наступление половины третьего, и виверны одновременно заскрежетали, то ли возмущенные какофонией, то ли пытаясь подпевать. К общему гаму присоединился голос диктора, объявляющего прибытие очередной электрички.

– Нет, сегодняшней поезд уже ушел четыре часа назад, – сообщила из окошка кассы миловидная девушка с глазами, подведенными лазоревым. – Следующий поезд в Белглав завтра, в то же время. Завтра также будет поезд до Северного Чира, следующий через Белглав. Он прибывает...

– Спасибо, – остановил я благожелательную девушку,

уступая место у кассы нетерпеливо толкущимся за спиной очередникам. И разочарованно пробормотал вслух: – Завтра!

Стоявшие поблизости и слышавшие разговор посоветовали сходить на автовокзал. Я воодушевился. Но ненадолго.

– Автобус до Белглава ушел пятнадцать минут назад, – сообщила на этот раз другая девушка из кассового окошка. Мрачная и ненакрашенная. – Следующий завтра...

– ...В это же время, – докончил я, тоже мрачней. И подумал вслух: – Что же делать? Мне надо сегодня...

– Догоняй, – проворчал усатый мужик с мешком, оттесняя меня от окошка.

Я подавил вспыхнувшее было раздражение. А ведь это мысль!

К счастью, на стене автовокзала висела весьма подробная карта города и пригородов с обозначениями всех маршрутов. Пришлось потратить еще минуту-другую, тщательно запоминая ее.

На улице, выбрав укромный уголок, я застегнул все замки и пуговицы на одежде, закрепил сумку, примотав ее к поясу ремнем. Мельком осмотрел обувь. Должно хватить... А затем заговорил ботинки скороходом. И понесся наперерез автобусу, надеясь перехватить его. Там, где автобусу придется петлять, выбираясь из города, я смогу сократить путь напрямик. Главное – ничего не перепутать в мельтешении проносщихся мимо домов, улиц, поворотов, мостов и оврагов...

Автобус я догнал уже за городом. Красная вытянутая коробка резво катила по шоссе. Ее пассажиры успели удобно устроиться на местах, перевести дыхание после суеты отправления и сюрпризов не ждали. Мало кто глазел в окна. Только скучающий ребенок вытаращился на меня, когда я пронесся мимо.

А потом на меня так же изумленно и несколько испуганно уставился водитель, когда я обогнал автобус и жестами попросил открыть дверь. К этому моменту я вымотался до предела и понимал, что если сейчас не остановлюсь, то умру от разрыва сердца. Заклятие скорохода в несколько раз увеличивает скорость человека. Но никак не сказывается на его физических возможностях. Потому для многих неосторожных такой бег заканчивался смертью.

Наверное, и я выглядел жутковато, когда шарахнулся о бок автобуса, словно исполинская ночная бабочка. Изнутри донеслись встревоженные возгласы.

Автобус притормозил – я по инерции пролетел на несколько шагов вперед – и с шипением разомкнул дверь.

Я свалился на ступеньки.

– Ты что, парень, спятил? – свирепо осведомился пришедший в себя водитель.

Казалось, совладать с дыханием так и не удастся. Легкие нестерпимо жгло. Каждый вдох был словно окрашен в огненно-красное.

– Мне... надо... в... Белглав...

– Ну и бежал бы себе, – пробормотал с досадой водитель, – до самого Белглава... Ладно, проходи. Оплата по тарифу плюс надбавка за непредусмотренную остановку.

Ребенок, заметивший меня в окошко, сейчас глазел с неприкрытым восторгом. Зато его мамаша – с нескрываемым неодобрением и беспокойством.

А ведь можно было взять такси и догонять автобус с комфортом, вяло подумал я, размещаясь на заднем сиденье и изучая разорванные чуть ли не в клочья ботинки. Подошвы стерлись почти до дыр и не остыли до сих пор. Странно, что они вообще выдержали такую гонку.

Дом... Нет, небольшой замок, окольцованный рвом – старинный, обветшалый, но все еще надменный и неприступный, высился посреди явно искусственно созданной равнинной пустоши. Шоссе огибало ее по широкой дуге. Лиственный, почти облетевший лес боязливо жался вдоль невидимого периметра, не решаясь заступить даже случайным побегом за отведенные границы. На равнине торчали странно-ватого вида деревья, смахивающие на экспонаты с выставки эстета-кузнеца. То тяжеловесные, угловатые, будто наспех спаянные обрубки металлических болванок, то прихотливо изогнутые, завязанные в узлы, скрученные в спирали трубки разных оттенков окарины, а то просто мотки колючей и паутиной проволоки. Как ни странно, но даже на этих монстрах еще сохранилась листва, выдавая их природное происхождение.

Сам замок – толстостенный, с зубчатым рисунком крыши и стен – будто сошел с иллюстрации школьного учебника по Средним векам. Эпоха феодализма. Гнездо Черного мага. Собственно, это даже не привычный замок, а старая чародейская башня, обросшая сопутствующими строениями, но по-прежнему возвышающаяся над ними на манер замкового донжона.

– Дизайнеру высший балл, – пробормотал я задумчиво. –

Еще бы не помешал дракон. Тоже что-нибудь в металлическом исполнении... А что, объект никто не охраняет?

– Да какой же дурак без спросу полезет во владения господина Магрица? – поразился таксист, высунувшись из приоткрытого окошка. – То есть... Кхм, я хотел сказать... У вас ведь есть приглашение? А то господин Магриц не любит незваных гостей.

– Он украшает ими пейзаж вокруг замка?

– Говорят, старый Магриц, тот, что прапрадед нынешнего, так и делал, – не стал возражать таксист. – Тут в округе, почитай, нет ни одного камня или деревца без имени.

Я покосился на водителя. Нет, вроде посмеивается. Только как-то неуверенно.

Таксист перехватил мой взгляд и добавил назидательно:

– А сейчас господин Магриц достойный член Магистрата. И его прадед был защитником города в войне Блеклых. Так что от всех горожан роду Магрицев почет и уважение. – Он хмыкнул. – Я ж про приглашение-то спросил не в том смысле, что сожрут вас во владениях господина Магрица заживо, а в том, что незачем попусту беспокоить заслуженного мага.

– Какая трогательная забота, – произнес я с сомнением. – А поближе подъехать нельзя?

– Ну уж нет, – с нескрываемой поспешностью отозвался таксист.

– Потревожить покой господина мага опасаетесь? – предположил я ехидно.

– Съездил тут один такой... – неопределенно буркнул он. Любопытно... Хорошо иметь репутацию. И не надо трагиться на дорожные охранные системы или ставить малоэффективные знаки «Частная собственность. Проезд запрещен».

Что ж, придется выбираться из теплого салона прямо под морозящий дождь. Если к началу нашей поездки он только накрапывал, то сейчас сеялся сплошной серой завесой, придавая и без того угрюмому замковому ландшафту совсем уж злобещий облик.

По утверждению Корнила, я тут бывал. Очень возможно. Только помню смутно. Тогда, кажется, была зима и все выглядело по-иному.

Я обернулся, пытаюсь рассмотреть оставленный город. Шоссе проложили по возвышению, так что даже разросшийся по другую его сторону лес не мешал различать огоньки окраинных многоэтажек Белглава. Сами силуэты домов таяли в дождевой дымке, слабыми контурами сильно смахивая на скалы. Если бы не ядовито-желтое такси на дороге, то ощущение перемещения в условное Средневековье было бы абсолютным.

– Так вас подождать? – с нескрываемым любопытством спросил таксист, предвкушая, видимо, наблюдение за тем, как я полезу прямо в логово уважаемого мага.

– Нет, спасибо, не нужно, – ответил я не столько из уверенности, что в доме Магрица меня ждут как дорогого гостя,

сколько из соображения, что возвращаться в Белглав мне все равно незачем.

– Ну как пожелаете, – не без разочарования произнес таксист. И, выдохнув в морось облачко белесого выхлопа, такси унеслось по шоссе обратно к городу.

Я поднял капюшон. Мелкие капли барабанили по непромокаемой ткани и ловко скатывались под края, забираясь под капюшон. Воздух пах асфальтом, мокрой листвой и развороченной землей. Над равниной стелилось плотное марево чужой воли. Не то чтобы угрожающее, но соваться туда без необходимости я бы не посоветовал и серьезному магу, не то что случайному путнику. Идти можно было только дорогой.

А дорога вела прямиком к мосту, переброшенному через ров. Между дорогой и мостом высилась арка, одну половину которой изображал металлический изогнутый шипастый столб с крюком на вершине, другую – старый кряжистый дуб со страшно выпирающими из земли корнями, словно дерево неоднократно предпринимало тщетные попытки покинуть свой пост и убраться в неизвестном направлении. Крона его была не по возрасту и не по сезону завидна и едва тронута желтизной. Единственная сухая ветвь горизонтально торчала из листвы, цеплялась за железный крюк. Створки ворот, привешенные к этим опорам, тоже были одна – железной и вторая – деревянной.

Убедившись, что бессмысленно пытаться стронуть с ме-

ста хоть одну из створок (все равно что бетонную стену толкать ладонями. Блок здесь стоял такой, что и бульдозером не сvezти), я принялся озираться в поисках звонка, домофона или на худой конец «говоруна».

На одной из веток дуба сидел хмурый, нахохленный ворон, тарасивший на меня блестящий глаз. Прицельно так тарасивший. Периодически ворон медленно поворачивал остроклювую голову, чтобы взглянуть другим глазом. Так и кажется, что услышишь характерное жужжание камеры наблюдения.

– Добрый день, – сказал я, откидывая капюшон и обращаясь к ворону. – Я бы хотел повидать господина Флаина Магрица.

Дерево зашелестело, разводя и приподнимая ветви. Рисунки на изборожденной глубокими морщинами коре внезапно утратил хаотичность, приобретя очертания почти человеческого лица. Шевельнулись складки коры, обозначая прищур глаз, затаивших в глубине мерцающие зеленоватые огоньки. Распахнулась узкая кривая щель рта, там, где раньше мерещилась поперечная зарубка на стволе.

– И вам доброго дня, – скрипуче молвило дерево-привратник. – Соболаговолите представиться.

Я замешкался. Привратник вежливо предложил:

– В случае если по каким-то причинам вам нежелательно сообщать свое имя, предъявите приглашение либо опознавательный знак.

– Боюсь, у меня не было времени и возможности получить то или другое. Что ж... Я Трой Стокол. Мы должны были встретиться с господином Магрицем.

– Стыдитесь, юноша, – вдруг произнес со скрипучей укоризной привратник. – Да будет вам известно, что даже молодой и плохо обученный привратник способен к различению и запоминанию двухсот тысяч оттенков магии. А я, позволю себе скромно заметить, служу роду Магрицев вот уже тысячу сто шесть сезонов и сменил не одно дерево на своем посту. И перепробовал на своем веку вкус магии всех ныне здравствующих и давно уже сгинувших Семей...

– И что это должно означать? – озадачился я.

– За срок своей службы мне неоднократно приходилось встречать представителей уважаемого и древнего рода Стоколов и запомнить вкус их силы. Бессмысленно пытаться выдать хвою за листья.

Так... «И сила в тебе не твоя. Чужая. И, пока ты ее не истратишь до капли, она владеет тобой, а не ты – ею...» Вот только этого мне не хватало.

– К тому же я помню и самого Троя Стокола. Он был в этом доме совсем недавно, – добавил привратник.

«Недавно?» – хотел было изумиться я, но спохватился. Для долгоживущего монстра все, что короче столетия, наверное, можно считать «недавно».

– Хорошо. Это сейчас не так важно, – уступил я без боя. – Пусть я не Стокол. Я бы все равно хотел поговорить с госпо-

дином Магрицем по очень важному делу.

– Господин Магриц отсутствует.

Еще лучше. Вот такого оборота я почему-то не ждал. До последнего момента уверенность, что достаточно добратся до жилища Магрица – и львиная доля проблем разом будет решена, сильно поддерживала мое душевное равновесие.

Холодные капли стекали за шиворот. Стылая морось висела в воздухе, пропитывая одежду. Я передернул плечами и натянул капюшон.

– Когда он вернется?

– Когда ему будет угодно.

– С ним можно связаться?

– Я всего лишь привратник.

– В доме есть кто-то, кто знает, как связаться с хозяином?

– Я поставлен следить за входом и выходом, а не за тем, что происходит в доме.

Я с трудом подавил приступ раздражения. Покосился на нахохленного ворона, наблюдающего сцену у ворот с безразличием механизма, и устало осведомился:

– Я могу подождать Магрица?

– Как вам будет угодно.

– Я могу подождать его в доме?

– Сожалею, но это невозможно.

– Дом Магрицев отличается негостеприимством?

– В дом Магрицев заказан путь лжецам...

Накатила новая волна досады вперемешку с гневом. И без

того ситуация неприятнее некуда, так еще какая-то тысячетлетняя древесина смеет поучать меня и называет лжецом. Копившееся за день напряжение хлынуло по жилам, свивая энергию в раскаленные токи, готовые превратиться в легкий, сухой огонь. И прежде чем разум перехватил инициативу, пальцы сомкнулись в привычный контур, и я шарахнул молнией в подножие дуба, прямо возле выпирающих из земли корней. Молния вышла скорее эффектная, нежели опасная – лилово-белая, выбившая в грязи воронку с моментально спекшимися краями и взметнувшая веер колких искр. Запахло озоном и горелой травой.

Ворон на ветке взмахнул крыльями, стараясь удержать равновесие, и негодуяще каркнул.

– А так не удалось распознать получше вкус силы? – осведомился я хмуро. – Мне срочно необходимо поговорить с господином Магрицем. Возможно, немного огня поможет вам найти способ дать ему знать об этом? – Смотреть на учиненное безобразие мне было неловко.

К тому же привратник не впечатлился. Он заметно поскучнел. И без того неяркие огоньки его глаз почти полностью утонули в морщинах коры.

– Если вы намерены пробиваться в дом Магрицев с боем, то не рассчитывайте на ответное радушие, – тускло предупредил привратник. – Вас ждет соответствующий прием даже в отсутствие хозяина. А если вы обладаете дурной привычкой метать молнии всякий раз, когда не получаете жела-

емого, то примите мои сожаления по поводу вашего воспитания... Вы также можете попробовать закатить истерику. Поверьте, результат будет такой же.

Я скрипнул зубами, закусывая рвущееся наружу бешенство.

– Я могу попробовать превратить это старое дерево в грудуглей. Помимо удовольствия от процесса я получу возможность согреться, – предложил я свирепо.

– Нанесение вреда привратнику не сделает вам чести, господин маг, – с нажимом на последних двух словах отреагировал привратник. – Однако воля ваша... – И собеседник завесился опущенными ветвями, бормоча вполголоса: – Как огорчительны нынешние времена. Молодые маги, вступающие в перепалку с привратниками, – что может нагляднее продемонстрировать падение нравов...

Я дернулся, покачнувшись от захлестнувшего негодования. Еще мгновение – и болтливое дерево и впрямь превратилось бы в угли, а мысль погреться у огня показалась как никогда соблазнительной. Гнев, kloкочущий во мне, словно магма, готов был выплеснуться наружу, густо замешенный на магии. Смертоносная смесь вроде напалма или саламандрова огня. Казалось, даже капли дождя с шипением испаряются, касаясь моей кожи...

Но затем последние слова привратника достигли сознания.

А ведь он прав. Что еще за война на пороге чужого дома?

Докатился. Кидаю молнии в привратников... А дальше что? Превращение горничных в мышей? Или взять в заложники дворецкого?

Медленно сцедив через зубы набранный воздух, я выплюнул горечь произнесенного заклятия, стиснул пальцы в кулак, гася зародыш несостоявшегося пожара, и подставил лицо прохладному дождю.

– Ну что? – внезапно откуда-то сверху послышался недовольный детский голосок. – Фейерверков не будет больше?

С ветвей, разбрасывая тучи брызг, скатился вниз темно-волосый пацан лет восьми в зеленой курточке. Второй мальчик в серой куртке, на вид чуть помладше и посветлее, остался сидеть на толстой ветке, слегка наклонившись, чтобы видеть происходящее получше.

– Это еще кто такие? – опешил я.

– А мы тут с мамой. Она работает у господина колдуна, – сообщил ребенок.

– Это дети экономки господина Магрица, – добавил привратник, прикрывая ветвями стоящего на земле мальчика от дождя. Второй пацан недовольно отвел ветки, загородившие обзор. – Иногда они навещают меня... – Морщины на коре изобразили подобие улыбки.

Я внутренне похолодел.

– А если бы... Бес вас раздери, а если бы я действительно...

– Не переоценивайте и не недооценивайте себя, молодой

человек, – проворчал привратник с утробным вздохом. – Неужто вы всерьез полагали испепелить меня вот так, с ходу? Или вы меня за простое говорящее дерево приняли?

Я посмотрел... и присвистнул. То, что на поверхности выглядело старым дубом, под землей превращалось в чудовищного спрута, распустившего тысячи невероятно длинных щупалец корневой системы во все стороны, прочно перепутав их с каменными корнями подземных ходов и подвалов самой башни Магрицев. И дом, и равнина висели на этом сплетении как капля росы в паутине.

Один неосторожный шаг – и асфальт дороги, словно вафлю, взломала бы одна из таких плетей, обвивая обидчика смертоносными петлями. Или разверзлась бы дыра прямо под его ногами...

И еще вопрос, хватило бы у меня времени одолеть это чудище. Привратнику от роду тысяча с лишним лет. И все это время он копил свою мощь. Не всякий маг способен победить такое древнее существо.

– ...К тому же опыт научил меня различать не только магию, но и людей. Неужто вы всерьез думали, что действительно захотите убить живое существо только потому, что оно стоит на вашем пути? – закончил привратник мирно.

Я развернулся и двинулся вдоль рва, вломившись в сухой отцветших за лето растений на обочине.

– Эй, туда нельзя! – воскликнул мальчик.

Что может быть увлекательнее прогулки под моросящим дождем в окрестностях старого чародейского гнезда?

Сам замок был не так уж велик, но у его подножия ничего, кроме стен и макушки главной башни, рассмотреть не удавалось. Старые стены с выщербленной кладкой и окнами-бойницами вздымались словно до самого неба, щекоча животы степенно ползущим тучам. Пятна зелени расплзались по ним, освеженные дождем и оттого празднично-яркие. От каждого камня кладки веяло магией – застарелой, могучей, темной, словно ушедшая эпоха, что ее породила. А главная башня светилась как прожектор, несмотря на отсутствие всяких огней. Если закрыть глаза, то даже через веки проступало багровое пятно.

Не то чтобы я искал лазейку – очень может быть, что они и есть, но для этого придется потратить годы, выискивая слабины в хитросплетениях магических преград и каменной неприступности постройки.

Для начала я хотел попытаться отправить послание. Благо что вода совсем рядом. А дождь усилит воздействие...

До странности узкий каменный ров на три четверти заполняла вода – сейчас мутная, свинцового оттенка и волнистая от дождя. Вряд ли ров сам по себе имел предназначение стать преградой. Даже не очень сильный пловец мог бы преодолеть его... Наклонившись к подвижной поверхности, я сразу же отшатнулся. Под пленкой воды лениво струилась едва различимая сущность, смахивающая на гигантский ши-

фоновый шарф, оброненный в ров. Только ток силы от этого монстра шел чудовищный.

Это ж какой властью надо обладать, чтобы заставить служить водяного элементала?

И что за жертвы требуются Магрицу, чтобы смирять его?

М-да... При всем желании мне его жертвы не переплюнуть как в прямом, так и в переносном смысле. И здесь стихии Воды меня не услышат. Слишком сытые и слишком прожорливые.

Я попрыгал на месте, разбрызгивая грязь и тщетно пытаясь избавиться от озноба. Затем, оскальзываясь, побрел вдоль рва. Чужая воля пронизывала пространство как прожилки руды горную породу и ощутимо давила. Все время казалось, что кто-то недобро смотрит в спину. Причем многоглазо.

Звуки смывал и гасил дождь. К тому же капюшон мешал смотреть и слушать, поэтому я несколько раз нервно оглядывался, пытаюсь перехватить наблюдателя. Однако, похоже, это разыгралось воображение...

Сероватую дымку дождя периодически продергивала судорога едва уловимых искажений, когда нечто неявное, но массивное перемещалось по равнине. Я попытался прикоснуться к невидимке и получил чувствительный ожог, словно задел медузу. Местами почва пузырилась, обозначая неведомые контуры. То ли подземные ходы, то ли ловушки.

Один раз я задел сторожевую струну и обмер, почувство-

вал, что тянется за ней. Древнее, изнаночное, то, что не для белого света...

Вскоре даже мне стало не по себе. Земля вокруг замка была начинена дремлющей смертью и тем, что похуже смерти и что могло ждать своего часа тысячелетиями. Скорее всего, этот арсенал сохранился с давних времен, когда колдовское гнездо осаждали и защищали всеми доступными способами. Любопытно только, семейство Магрицев просто не находило времени обезвредить территорию или сознательно поддерживало ее боеготовность?

Споткнувшись в очередной раз об очередной камень, я чертыхнулся, с досадой пнул его, ушиб носок и снова ругнулся. В мокрой, пожухлой траве, застилавшей равнину, пряталось раздражающее количество каменных обломков. Здесь явно никогда не пахали...

Камень откатился, продемонстрировав беловатое брюхо. На брюхе проступила вязь значков. Машинально подобрав тяжелый булыжник, я с нарастающим изумлением прочел на бугристой поверхности: «Вайян Рабвар. Гончар. Во славу и защиту земли своей». Надпись была словно вплавлена в камень мелким, давно не употребляемым письмом.

Чего?..

Поискав, я нашел другой камень. На нем никаких надписей не было. Зато на следующем снова: «Тимакий Лов. Землепашец. Во славу и защиту земли своей». На некоторых булыжниках надписи не читались, потому что значки оказа-

лись мне незнакомыми и, видимо, очень старыми.

От изучения окаменелостей меня отвлек посторонний шум, смешавший монотонную симфонию осенней непогоды.

– Господин Стокол! – Со стороны моста, сохраняя достоинство, поспешал невысокий коренастый человек с гигантского размера черным зонтом.

– Прошу прощения... – слегка сбившись от спешки, но тем не менее достаточно церемонно выговорил пожилой мужчина в строгом костюме, приблизившись и задирая зонтик повыше, чтобы удобнее было разговаривать, – что не сразу отворил вам. Я совершал обход и доклад наблюдателя с моста получил с запозданием...

Я приподнял брови, недоумевая.

– Мое имя Робар Аган, – представился он. – Я распоряжаюсь домом Магрицев, когда хозяин в отъезде. Мне поручено встретить вас, если вы все-таки появитесь... Извините, – с сожалением добавил он, – мы ждали вас, но вы не прибыли к назначенному сроку, и неотложные дела отозвали господина Магрица.

– Когда он вернется?

– Неизвестно.

– Вы можете ему позвонить?

– Позвонить?! – На лице Агана проступило отвращение. – Нет, разумеется. В доме Магрицев не используется подобное... э-э... изобретение. Господин Магриц сам связывается со мной, когда ему это необходимо.

– А если что-нибудь срочное?

– Что может быть у нас срочного? – повел плечами Аган.

«Например, появление гостей», – сумрачно подсказал я.

– Если вы не прочь прервать прогулку, то я позволю себе предложить вам пройти в дом, – сказал между тем Аган, страдальчески косясь на свои перепачканные грязью туфли. – Там вы можете подождать возвращения господина Магрица с большим комфортом.

– Благодарю за приглашение, но вы уверены, что я тот самый Стокол?

– Хозяин показывал мне ваше изображение. К тому же я помню вас еще со времени вашего последнего визита к нам.

Надо же. Все меня помнят. Только я почти ничего не помню.

– Ваш привратник отказался признавать во мне Стокола, – наябедничал я. – Сказал, что не узнает вкус магии.

– Я предпочитаю доверять сущностям более вещественным, чем оттенки магии. Мне ли не знать, как изменчива бывает сила... Я сам зеркальный маг, но от этого не перестаю быть Робаром Аганом вот уже пятьдесят три года.

Я с любопытством глянул на Агана. Зеркальный? Это тот, который способен временно скопировать любую чужую силу? Редкий дар. Отчего же Аган при таком таланте служит всего лишь домоправителем?

Кажется, господин Аган обладал также даром верно истолковывать чужие взгляды, или я был далеко не первым,

кто так тарасился на него, прежде чем задать закономерный вопрос. Поэтому он пояснил невозмутимо:

– Я могу отражать только силу Магрицев. Как и мой отец, дед и прадед перенимали силу предков нынешнего Магрица.

– Это наказание? – машинально спросил я.

– Это награда, – холодно возразил Аган. – Позвольте, я провожу вас в дом...

Я только сейчас заметил, что все еще держу в руках поименованный булыжник, и не удержался от другого вопроса:

– Скажите, это правда? Что все камни здесь... Что раньше они были людьми?

– Это традиция, – рассеянно отозвался Аган, выбирая дорогу назад поровнее. – Так повелось испокон веков. Почти все, кто жил и живет во владениях Магрицев, после смерти обращаются в часть своей земли, в камни или, редко, в деревья, чтобы продолжать защищать родину от врага, если возникнет необходимость.

– Добровольно?

– Конечно. – Аган взглянул через плечо с некоторым недоумением. – Это большая честь, не каждый заслужил ее, иначе здесь вместо травы давно была бы мощеная площадь. Но весь дом, за исключением самой башни, сложен из таких камней. Поэтому крепость Магрицев никогда не сдавалась врагу... – Он помолчал и закончил почтительно: – Все Магрицы после своей смерти также превращаются в камни, только драгоценные.

На этот раз привратник выглядел деревом деревом и никак не прореагировал на мое повторное появление. Мальчишки тоже куда-то убежали или затихли в ветвях, не выдавая своего присутствия.

Но что характерно, из двух входных створок открылась только железная.

– ...Он не планировал задерживаться долго. Вероятно, он вернется сегодня вечером или завтра утром, – ответил Аган, жестом позволяя странноватого вида руконогу подкинуть дров в огонь камина.

Я поспешно подтянул ноги. В камине и без того бушевало сухое, жаркое пламя, на мой взгляд, не требующее поддержки. Чугунная решетка изображала свивающихся в танце крылатых змеев. От огня змеиные глаза наливались багрянцем и золотом, а крылья мерцали янтарем.

– И уточнить вы не можете, – утвердительно сказал я.

– Возможно, дело, отозвавшее господина Магрица, также требует конфиденциальности и сосредоточения. Если бы он желал, чтобы связывались с ним самостоятельно, он оставил бы в нашем распоряжении такую возможность.

Ох и лукавит господин Аган. Сильно подозреваю, что способ мгновенной связи с хозяином, где бы тот ни находился, у домочадцев все-таки был. Но отчего-то Аган не хотел сознаваться.

Впрочем, разомлев в тепле и сытости, я утратил желание

допытываться. Какая, в сущности, разница? Все равно никаких планов у меня нет, и если Корнил доверял Магрицу, то мне стоит делать то же самое. Не хочет он раньше времени появляться – его дело. Спешить теперь некуда...

Можно перевести дыхание, слушая шелест дождя, проникающий даже через толщу стен, и наблюдать за ловкими движениями мелкой домашней челяди господина Магрица, смахивающей на абстрактные плюшевые игрушки – без головы, но с обилием равноценных и равномерно размещенных конечностей, заканчивающихся цепкими пальцами.

– Подготовленная комната на втором этаже в вашем полном распоряжении, – любезно сообщил Аган. – Вы можете воспользоваться ею в любой момент. Вас проводят. Или, если желаете, можете осмотреть дом или провести вечер в библиотеке...

М-да... На редкость подходящий момент, чтобы коротать время в библиотеке, – подумал я, а вслух, не в силах удержаться оклемавшееся в комфорте любопытство, поинтересовался:

– А на коллекцию Магрица взглянуть можно?

– Разумеется. На этот счет оставлено особое распоряжение. Часть раритетов вы найдете в доме, но самая ценная часть коллекции содержится в кабинете хозяина, который расположен, как вы понимаете, в башне. Обычно доступ туда закрыт. Но сейчас вы можете подняться и осмотреть предметы... Только подниматься придется пешком. Там очень вы-

сокая лестница, – извиняющимся тоном добавил Аган.

– Это удобно – заглядывать в кабинет хозяина в его отсутствие?

– Кабинет в Башне – это всего лишь дань традиции. Господин Магриц редко пользуется им.

Все-таки обиталища коренных магов производят впечатление. Здесь все дышало мощью и древностью. Каждую пядь пространства, как золотыми нитями, пронизывала воля сотен рожденных в этом доме магов, плетущих узор поколениями. Неудивительно, что Магриц избегал современной техники. Во-первых, вторжение чужеродного элемента разорвало бы сложнейшую ткань заветов, а во-вторых, на кой ему новомодные выдумки, когда их с успехом заменяли старинные разработки его предков.

К тому же любая современная техника погибала в логове коренных магов в считанные дни. Сгорала от перенапряжения или угасала, словно подточенная неведомой болезнью.

Я брел по чужому жилищу, постепенно переполняясь уважением и изумлением. Мне приходилось бывать в домах разных магов, но каждый из них, как мастерская творца, уникален и занят.

От услуг Агана в качестве экскурсовода я отказался, но за мной увязалась стайка неслышно семенящих разнокалиберных руконогов. С десятков особей тихонько крались по полу и по стенкам, готовые выполнить любой приказ... Вот только

чей, невольно задумывался я, пару раз оглянувшись на эту молчаливую стайку, но потом перестал их замечать.

Вспыхнул очередной светильник, демонстрируя полотно на стене – схлестнувшиеся насмерть воины, над которыми пляшет зыбкое желтое марево заклятий, льющихся из слегка покосившейся чародейской Башни на заднем плане.

Я потрогал висящий под рамой амулет – обугленный, тускло поблескивающий металлической окалиной. Пальцы защипало, а глаза на миг заволокло сверкающей пеленой... А вот не надо хватать в чужом чародейском гнезде ничего руками!

Ага! Вот и ковры...

– И ни одного самолета? – разочарованно подумал я вслух, осмотрев все до единого.

На ближайшем ковре, затканном лазоревыми и фиолетовыми цветами, внезапно раскрылись шерстяные глаза. Взглянули неприязненно.

«Юноша! – От беззвучного, будто ворсистого, голоса неудержимо зачесалось в носу. – Да будет вам известно, что любой уважающий себя ковер скорее позволит моли трижды сожрать каждую из своих шерстинок, чем допустит бесстыжее вихляние в небесах!..»

– А есть в этом доме хоть что-нибудь, не говорящее назидательным тоном? – осведомился я в пространство.

Проснувшиеся ковры проводили меня нелюбезными разноцветными взглядами.

Зато в библиотеке, к счастью, все молчало, а помещение поражало размерами и содержимым. «Летопись вочервленных земель», «Зерцало Волхва», «Потребных дел краткий список», «Легенда о Влайе»...

Неприменно вернусь.

Попытавшись свернуть в следующий коридор, я споткнулся, зацепившись за что-то, и шарахнулся назад, высмотрев над самым полом здоровенный черно-багровый плетеный жгут охранных заклинаний. Из жгута, словно непокорные волокна, во все стороны торчали здоровенные иглы.

Если бы я не зацепился... Если бы сделал еще пару шагов, холодея, прикинул я.

И обнаружил, что в штанину мою крепко вцепилась пара руконогов, а свободными лапками они пытаются что-то изобразить, одновременно нечленораздельно шипя. Им на помощь подскочил еще один собрат с мелкозубастой пастью, смахивающей на застежку-«молнию». Разомкнулась «молния», и монстрик изрек приятным баритоном:

– Идти черным ходом небезопасно. Ветвь отмерла несколько лет назад. Соблаговолите пройти другой дорогой...

А ведь можно было предупредить и пораньше, а не хватать за штаны, переводя дыхание, с досадой подумал я, но послушно попятился. С другой стороны, и мне стоило быть повнимательнее. Все же фамильное гнездо коренного чародея, а не столичный музей.

От прошлого визита в жилище Магрица у меня остались более чем смутные воспоминания. Тогда я был пацаном, и если что мне и запомнилось, так это мантикоры внизу, возле входа в Башню, и чудовищных размеров меч в одном из залов.

Мантикоры по-прежнему сторожили вход в Башню. Я проходил мимо них через холл. А громоздкий меч с синим клинком все так же висел на цепях на одной из стен дальнего зала. Только теперь на меня гораздо большее впечатление произвел лежащий там же неприметный кинжал с тонким, полупрозрачным лезвием. Если не ошибаюсь, это было настоящее костяное жало *«пьющее свет»*. Большая редкость в наше время.

Не моргнув глазом, я пересек провал в центре залы. На дне провала что-то дремало, свернувшись.

Как и все жилища потомственных магов, дом Магрицев был внутри больше, чем снаружи, и к тому же сдвоенным.

Требуется привычка, чтобы обитать в подобных сооружениях. Здесь второй, а иногда третий слой такой мощный, что в глазах двоится и искажается восприятие. Я сам провел детство в таком доме – поместье Корнила тоже было двойным, – но сейчас то и дело переживал приступы головокружения, когда видимая деревянная лестница с геометрической резьбой накладывалась на нижнюю каменную с резьбой зубчатой. Или стена, украшенная гобеленами, внезапно плыла, обнажая кладку камней, каждый из которых имел имя. Или

вот пол внезапно обрывался в пустоту...

Неприятно. То ли дело честные и простые типовые застройки.

Быстрая тень мелькнула и исчезла на периферии зрения. Руконог спешит по делам? Все равно ощущение пристально-го взгляда в спину не покидало ни на мгновение. Возможно, воображение разыгралось. А может, действует рассказ Агана, что дом сложен из бывших людей.

Поманив пальцем, я подозвал поближе один из роящихся в воздухе светильников, чтобы повнимательнее рассмотреть поверхность очередного зеркала, втиснутого в нишу. Нет, точно не показалось. И это стекло покрыто, как морозным узором, тончайшей штриховкой запрещающего знака.

Бесполезно пытаться пробить. После первой попытки возле одной из лестниц у меня еще ныли виски.

Любопытно. Все зеркала дома Магрица зачарованы. Хотя, конечно, учитывая ценность его коллекции, это вполне обоснованная предосторожность, но все равно странно...

Ага, а вот зеркало без узоров. То есть не зеркало, а вертикальный пласт идеально отполированного черного камня, забранный в металлическую раму. Рама выполнена в виде переплетения изломанных человеческих фигурок и ощеренных демонических масок.

Отражение шевельнулось под блестящей поверхностью. Четкое, но тусклое, как в темной глади пруда... А ведь это не я. Это незнакомец, хотя и примерно моего возраста. Сред-

него роста, ничем не примечательное лицо, светлые взъерошенные вихры. Взгляд печальный.

Никогда прежде его не видел. Но встрепенувшийся незнакомец вдруг вывел с обратной стороны гладкой поверхности ряд зыбких, быстро тающих, непонятных значков... То есть понятных, если прочесть наоборот.

– Ноилл! – изумленно сообразил я.

На шее отражавшегося в камне парня вздулся иссиня-багровый рубец. Затем изображение потекло и исказилось.

Да у господина Магрица раритет на раритете, с чистосердечной, жадной завистью думал я, покидая комнату с Зеркалом мертвых. Интересно, что он считает достаточно важным, чтобы хранить в Башне?

Самое время узнать.

Как я и предполагал, все внутренние помещения примыкали к Башне, и в каждой комнате одна из стен была сложена из крупного разноцветного башенного камня. И даже те помещения, что не смыкались с самой Башней, были связаны с ней на уровне энергетических линий. Вообще дом Магрица напоминал дерево со стволом-башней и ветками-коридорами. Корни древа вплетались в землю. Как большинство коренных магов, Магриц был прочно связан со своим логовом, черпая здесь силы. И подозреваю, что основной его стихией была Земля.

Вход в Башню находился внизу, в холле. Его охраняла парочка некрупных мантикор, замерших на постаментах воз-

ле приоткрытой двери. Поначалу, проходя мимо, я принял их за хорошо сделанные чучела, но, присмотревшись, присвистнул и почувствовал себя неуютно. Манतिकоры оказались настоящими и всего лишь *остановленными*. И при желании колдун, зачаровавший тварей, мог *отпустить* их...

«...Манतिकор, либо еще прозванных мантихорами, надобно опасаться зело и при общении соблюдать особую осторожность, ибо хитры, опасны и злонравны подобные твари. Собой вид их неприятен, росту человеку по пояс, голова крупная, лицо как у недоброго старца, рот зубаст, уши человеческие, но чутки втройне, глаза змеиные, рога витые, грива путаная, как у дикой лошади. Голос твари мерзок, громок и пронзителен. Особо опасен хвост с ядовитым жалом, но ежели хвост твари той отдавить, то будет она служить вам, словно пес...»

Отдавишь такой хвост, пожалуй.

Искаженные человеческие лица тварей застыли масками, но белесые, по стариковски почти бесцветные глаза с вертикальными зрачками таращились живо с бессильной и лютой ненавистью. Щерились острозубые пасти, вздыбились спутанные черные гривы, из которых торчали спирально завитые длинные рога, скорпионьи хвосты загнулись вверх, образуя еще одну дополнительную арку у входа.

Проходя под ней, я невольно втянул голову в плечи, косясь наверх и ожидая, что сейчас с игл на кончиках хвостов закапает яд.

Странно, что Магриц позволил мне беспрепятственно рыскать по его дому. Доверяет? Или проверяет?

Едва слышно шуршавшая по моим следам стая предупредительных руконогов отстала, едва я переступил порог Башни. Внезапно стало холодно и легко. Лишь через пару мгновений я сообразил, что это ощущение обманчиво и вызвано всего лишь тем, что я лишился доступа к привычному магическому фону, разлитому в пространстве. Башня хорошо экранировала постороннее воздействие.

Лестница и впрямь оказалась неудобной. Спираль слишком плотная и тугая, так что расстояние до вершины увеличивалось втрое. Неудивительно, что Магриц забросил свой кабинет в этой Башне, думал я, взбираясь на очередную ступень и стараясь отдышаться. Светлое пятнышко, означающее конец пути, все еще оставалось недостижимым.

Витки лестницы обнимали прокол в земные недра. Оттуда тянуло стужей и тягучей, ленивой силой, свойственной духам земли. Наверняка где-то глубоко под землей находится энергетический природный источник. Несколько раз ладонь касалась знаков, вырезанных в башенных камнях, и, даже не различая их в почти полном сумраке, можно было угадать очертания овеществленных формул земных и, реже, водных заклятий.

Сама Башня невосприимчива к магии и оттого способна выкачивать силу из окружающей среды. Словно пьешь коктейль через соломинку.

Лестница наконец кончилась, нырнув в дверной проем, залитый тусклым, молочного оттенка, светом. Обшитые деревом стены, полки с книгами и рулонами рукописей, массивный стол, заваленный бумагами... Над столом, покачиваясь на длинных коленчатых ногах, повис изящный паук, источающий блеклое мерцание.

Пахнет нагретой хвоей, старой бумагой и почему-то медом.

Кабинет, надо полагать. Справа новая лестница ведет на следующий этаж.

Я сделал шаг, скрипнула половица, и паук над столом неспешно перебрал суставчатыми конечностями. Свет, льющийся из его брюха, стал ярче. «Сделано в Ал Рине», – приблизившись, машинально прочитал я на металлической лапе паука. Зверюга оказалась механической и работала от батарейки. Хмыкнув, я согнал светильник с насиженного места.

А на следующем этаже обнаружилась заветная сокровищница, скупо освещенная ползучими тварями. На какое-то время я забыл обо всем, озираясь.

В простенке висел на кожаном ремне настоящий «тене-рез» с черными лезвиями из обсидиана, рядом меланхолично покачивались крадущие силы колокольчики-молчуны (перетягивающая их лента оберега вся истрепалась), в нише окна лежал черный гримуар, по обложке которого с шорохом переползали крючковатые буквы, смахивающие на на-

секомах...

Ковры, кстати, здесь тоже имелись.

Знаменитый хаонский ковер без особого пиетета разлегся на полу. Уникальная вещь ручной работы. Мифологические звери, птицы и гады немислимо переплелись на полотне, изображая вселенскую круговерть. Потрясающий ковер. Надеюсь, не разговаривает...

Я с опаской поставил ногу. Мягко.

Похоже, этот служит по своему единственному прямому назначению – украшать, скрадывать звуки и беречь тепло, но, увы, не летать. Это я в детстве, впечатленный расцветкой ковра и недопонятым разговором взрослых, принял его за самолет.

То-то Корнил развеселился, когда я упомянул ковер-самолет.

Кроме ковров здесь хватало и гобеленов. Круглую в сечении Башню не ориентировали по сторонам света, но вот развешанные по стенам гобелены явно размещали по этому принципу. На всех были изображены давно отгремевшие битвы, схожие друг с другом словно близнецы: герои повергают врагов в пух и прах. Отличались вытканые воины разве что доспехами.

Но один был самым редкостным...

Я поднял раскрытую ладонь, пробуя ощущения. Все верно. Башня гасила магию, но остаточный привкус – сухой, плотный, крошащийся, как застывшая кровь, – все равно

присутствовал. Восточный гобелен был темнее соседних. Волокна спящей силы вплетались в структуру его нитей. И каждая такая нить, если внимательно присмотреться, содержала человеческий волос.

Вот поэтому большинство ныне сохранившихся ковров-самолетов не действуют. И вот поэтому их производство так и не стало массовым. Вещь абсолютно индивидуальная и настраивается исключительно на владельца, подпитываясь только его собственной силой. Хотя кое-кому удавалось пробивать сопротивление ковров и подчинять их своей воле. Но такие случаи по пальцам одной руки можно перечесать...

Шершавая, колкая поверхность гобелена была теплой и сухой, как шкура спящего зверя.

Я резко развернулся, услышав шорох за спиной. Нет... Показалось. Или паук-светильник решил поменять дислокацию.

Последняя лестница выводила прямым на смотровую площадку Башни, прикрытую сверху остроконечной крышей, шпиль которой возносился в высоту еще локтей на пятьдесят, не позволяя спуститься сверху никаким летающим объектам.

Дохнуло свежестью...

Магический фон вернулся сразу же, стоило выбраться на открытую поверхность. Отсюда удобно колдовать, подзаряжаясь энергией снизу, и при этом сама Башня не поддается чужому влиянию.

По крыше гулко барабанило, и с карнизов сыпалась почти сплошная водяная завеса, разбиваясь в пыль о перила. Пахло озоном, мокрым деревом и железом. Очертания города размыло тьмой и ливнем, и россыпи желтых и белых огоньков зависли в чернильном сумраке, колыхаясь и трепеща. Внизу смутно белел изгиб подъездной дороги и мерно покачивалось яркое пятно, освещающее часть моста и дерево-привратника.

Темнота обволакивала и внушала беспокойство. Казалось, что одинокая Башня находится под прицелом тысячи внимательных взглядов. Очень неудобно.

Что-то там притаилось, в ночи...

Отпустившее было за последние несколько часов напряжение снова взвело внутреннюю пружину до упора. Прежвременные выводы делать не стоило, но ощущение безопасности растаяло, словно карамельная корочка на мороженом... Бесследно. Оставив привкус горечи и смутного сожаления.

Мясо благоухало специями, разрезанные лимонные ломтики искрились, отражая огни, свежая зелень оттеняла пунцовые щеки помидоров и розовый срез запеченной ветчины, истекающей ароматным соком.

– Скажите, господин Аган, – я вяло ковырялся в тарелке с дымящимся кушаньем, – а кроме вас в доме еще есть люди?

– Нет. Дом, как вы, наверное, заметили, не нуждается в

многочисленной человеческой обслуге. Вам что-то показалось? – Аган легко извлек из фальшивого вопроса истинную суть. – Не беспокойтесь. Это старая постройка, здесь полно теней...

Я поморщился. Магов не пугают тенями.

– Просто любопытно. Привратник говорил, что в доме есть еще экономка...

– Совершенно верно, мадам Древиха. Но несколько дней назад она попросила отпуск, чтобы навестить родственников.

– А ее дети?

– Дети?

– У нее же есть сыновья?

– Дочери, – со скупым удивлением возразил Аган. – Старшая с супругом живет в Белглаве. Как раз к ней мадам и отправилась. А младшая, если не ошибаюсь, работает где-то на южном континенте...

Я молча уставился на него. Лицо Агана не выражало ничего, кроме вежливого недоумения. Руконог, обманутый воцарившейся тишиной и не дождавшийся разрешающего жеста Агана, бестолково застыл над бокалом, покачивая наполненным вином кувшином и не решаясь наклонить его. Темно-рубиновые капли опасно набухли над краем.

– Что случилось? – озадаченно воскликнул Аган мне вслед.

Я пробормотал нечто невнятное уже от самых дверей.

...Дождь и не думал униматься, продолжая свирепо сечь вскипающую слякотью землю. Холодные, тяжелые капли, постепенно превращающиеся в ледяное крошево, злобно вонзались в крону старого дуба, ссыпаясь вниз колкой крупной и устилая землю у корней белым налетом. Шквалистый ветер терзал ветви. Глянцевая от воды листва, подсвеченная качающимся светильником над воротами, непрерывно трепетала, срывалась и реяла вокруг безумным роем.

– И ты смел звать меня лжецом? – осведомился я, обращаясь к поскрипывающему дереву и уклоняясь от оплеух мокрого ветра.

Привратник безмолвствовал. Туго качались ветви с почти облетевшей листвой. Но сердцевина кроны оставалась косматым клубком тьмы.

– Зачем? Зачем надо было морочить мне голову этими пацанами? – медленно спросил я и добавил с нажимом на первое слово: – Дочери экономки давно выросли и живут далеко.

Дуб натужно заскрипел, скрежеща ветвями о створки ворот. Нахохленный ворон, не покинувший свой пост даже в такую погоду, крепко цеплялся когтями за перекладину и словно не замечал, что ветер ерошит и ставит дыбом его перья. Впрочем, от дождя ворона спасал магический купол над воротами.

– Ведь тебе это было зачем-то нужно, – проговорил я утомленно, уже осознавая, что ответа не получу.

Одинокий лист, отделившись от роя, с размаху шлепнул меня по щеке мокрой, распяленной ладонью. Я отодрал его и натянул капюшон, хотя пользы от него не было никакой – вода давно залилась за шиворот. И поэтому донесшийся ответ не сразу расслышал.

– Что? – быстро оборачиваясь, переспросил я.

– Я ошибся, – повторил привратник. Ветер выхватывал и уносил звуки, словно голодный зверь, крадущий лакомые куски. – Показался знакомым.

Лицо привратника тонуло в пляске теней. Качающийся фонарь высвечивал только зеленоватое мерцание глаз и кривые трещины на стволе, мелькающие в мельтешении ветвей. И оттого привратник выглядел то свирепым, то печальным.

– ...Друг. – Слова приходилось буквально выдирать из порывов ветра. – На какое-то мгновение мне показалось, что... он вернулся в другом облике... Проверить. Он бы узнал мальчиков... Но я ошибся. Злая шутка памяти. Ты чем-то похож на него, но ты не он...

И, завернувшись в заметно полысевшие ветви, словно в ключья рваного плаща, привратник умолк.

На этот раз деревянная створка распахнулась, когда я проходил мимо, чтобы ступить на мост. Ветер упруго толкнул в спину, заставляя ускорить шаг. Замок гостеприимно манил желтыми огнями.

Из оскаленных глоток несло гнилой плотью и свежей кро-

вью. Руки с грязными обломанными когтями раскрывались навстречу, пытаясь схватить, притянуть, удержать... И из их цепкой хватки вырваться было неимоверно тяжело. Вампиры повисали всей тяжестью своих неживых костистых тел, запутывали в складках гнусно пахнущей одежды, вонзали клыки и тянули силы...

Судорожно вздохнув, я проснулся. Снова. Алчущие крови твари сгнули вместе со сном бесследно, но разбитость осталась. Покосился на часы – после последней попытки заснуть прошло с полчаса. За окном по-прежнему царила непроглядная темень, и шелест нестихающего дождя едва пробивал толщу перекрытий.

Что за бесовщина, а? Шестой раз за три часа. От такого отдыха устаешь еще больше. Кровать, что ли, неудобная?

Чувствуя себя принцессой на горошине из старой сказки, я принялся изучать ложе, отведенное мне в гостеприимном доме господина Магрица. Ложе подозрения не внушало. Удобная, широкая кровать из добротного черного дуба под балдахин. Пожалуй, даже чересчур мягкие перины, свежее белье, строгое, но элегантное покрывало, на которое я бессовестно взгромоздился не раздеваясь. Стянул только куртку и обувь. Доверие доверием, но расслабляться не стоит...

И комната, обставленная в старом стиле, уютна. Светильник вспыхнул ярче, стоило встать на ноги. Меланхолично потрескивает огонь в камине. Рай для уставшего путника...

Я добрался до ванной в соседней комнатке и плеснул в лицо холодной воды. Зеркало над умывальником также покрывала вязь защитного узора, но он позволял рассмотреть осунувшуюся физиономию с воспаленными глазами. Нет, определенно, до того как лечь спать, я выглядел более отдохнувшим. Все-таки нервы покоя не дают? Или подсознательное ощущение опасности? А при чем тут вампиры? Говорят, вампиры снятся к деньгам...

Может, что-то идет извне?

Безответные вопросы роились, словно назойливые мухи. Не отмахнуться и не укрыться.

Поколебавшись, я сосредоточился и попытался заново продавить защиту на зеркале. В виски ударила тупая боль, и переносицу заломило. Лед защиты пошел трещинами, вроде поддаваясь, но в раковину закапала кровь из носа...

Ладно, оставим пока.

Вздохнув, я вернулся в комнату и с большим усердием принялся ворошить постель. Потом, ощущая себя полным идиотом, полез под кровать, чтобы заглянуть под днище. Надо отдать должное хозяйским руконогам – пыли под кроватью почти не было. Результатом моих исследований стало обнаружение укатившейся пуговицы и трех рукотворных знаков, начертанных один на пологе – обычная руна Расслабления, их часто вышивают даже в гостиницах на белье, второй – оберег, приколотый к концу одного из шнуров покрывала (от моли и от злых духов – мелкое домашнее колдов-

ство, пахнет корицей), а третий – на днище кровати с обратной стороны. Последний наскоро начерчен углем. Угловатый, смутно знакомый знак. Источает резковатый аромат. Где-то я его видел, но не могу вспомнить. Кажется, в библиотеке Магрица есть универсальный справочник...

Все равно спать невозможно. Хотя смертельно хочется.

Невидимые часы отбили полночь. Дождь наконец выдохся, и в разрывах туч появилась луна. На полу библиотеки обозначились узкие голубоватые прямоугольники зыбкого лунного сияния, почти сразу же смытые разливом желтого света разбуженных светильников. Зажмурившись от неожиданности, я щелкнул пальцами, погасив избыточную иллюминацию.

Единственный помилованный светильник послушно поплыл, освещая полки. Тут я во время прошлой экскурсии мельком видел нужную книгу... Нет, не эта... Не то... Туда я не ходил, значит, искать надо где-то в этом районе...

Остановившись, я зажмурился и с усилием надавил на веки, пытаясь приглушить жжение и ломоту. Глаза и без того устали от постоянного недосыпа, так теперь изучение десятков обложек со стершимся или витиеватым старинным шрифтом превращали поиски в изошренную пытку.

Зато во взгляде перестало двоиться, и я полностью провалился на изначальный слой дома. Более древняя версия жилища Магрица ночью была сильнее.

Ага, вот, кажется... Надо бы сразу смотреть во втором слое. «Магические рукотворные знаки». То, что нужно. Забрав увесистый том, я переместился к столу возле одного из окон, подвесив над ним светильник. И почти сразу же забыл о своей находке, узрев на стопке лежавших на столе книг тонкую светлую брошюру.

Нет, точно не ошибся. Голубоватая обложка географического справочника в теплом освещении сделалась зеленоватой, но шрифт я запомнил и потому зацепился взглядом: «... включая области Бражино, Стевино, Мрая, Шевец». И издание того же года... Совпадение? Да наверняка. Откуда у Магрица мой украденный в подземельях Набрега справочник? Все они одинаковые.

Только, похоже, и этот справочник побывал в воде... Не слишком ли похожая судьба для двух разных книг?

Машинально полистав книжку, я без особого удивления обнаружил длинную черную полосу, прочертившую одну из страниц. След случайного прикосновения испачканного углем пальца. Вот этого самого, на моей правой руке, теперь уже чисто вымытого, но еще сохранившего косую ссадину от перстня вице-губернаторши.

Ага, и вот эту страницу загибал тоже я.

И что это означает? Как мой справочник попал в библиотеку Магрица? Очень может быть, что он лежит тут давно и в прошлый раз я его просто не заметил. А может...

– Не спится? – внезапно донесся знакомый голос.

– Захотелось почитать на ночь. – Я усилием воли заставил себя не вздрогнуть от неожиданности и обернулся.

Услышав нового посетителя, библиотечные светильники опять вспыхнули в полную силу. Помещение сразу же стало меньше, а ночные тени уплотнились и стеклись по углам. Только фигура стоявшего возле дверей человека все равно осталась темной и словно бы нечеткой. Вроде бы знакомая, но странная.

Аган досадливо поморщился, щелкнув пальцами, погасил большинство светильников и универсальным жестом запалил сложенные в камине дрова. Тени сразу же встрепенились и затанцевали. Затем Аган сделал несколько шагов навстречу.

Мне снова нестерпимо захотелось надавить на веки. Даже вблизи казалось, что он двоится. И через силуэт Агана проступает кто-то еще. Черты лица те же, но заострились жестче и выражение немного другое. И движения точнее и экономнее. И даже цвет глаз, хотя его трудно определить при таком освещении, стал явно светлее.

– Добрый вечер, господин Магриц, – проговорил я.

Он слегка улыбнулся.

– Доброй ночи, господин Стокол. Рад видеть вас в своем доме. Сожалею, что не смог встретить лично. Задержали неотложные дела... Прошу. – Он указал на одно из кресел перед распахнутым зевом камина. Новорожденное пламя уже освоилось и уверенно поглощало поленья. По комна-

те тянулся яблочный аромат.

– Так вы и Робар Аган едины в двух лицах? – Я опустился в предложенное кресло.

– Нет, разумеется, – отозвался Магриц, принимая из лап примчавшегося руконога поднос со снедью и бутылкой. – Дела забросили меня слишком далеко, и скоро вернуться оказалось непросто. Так что я воспользовался своим Зеркалом. На время.

Мне захотелось спросить, где же в настоящее время сам Аган. Прежде мне никогда не доводилось сталкиваться с зеркальными магами. Магриц перехватил мой взгляд и неожиданно пояснил:

– Когда-то давным-давно, когда вопросы морали были понятием абстрактным и незначительным, один из моих не ночи помянутых предков сотворил из простого крестьянского сына свое первое Зеркало. С тех пор наши семьи живут параллельно. Каждая самостоятельно, но неразрывно друг с другом.

– Вот за это люди и недолюбливают Черных магов, – вполголоса заметил я.

– За что?

– За бесцеремонность.

Магриц усмехнулся.

– Предки Агана, да и сам Робар, в сущности, чрезвычайно простые и малоинтересные люди. Ни один из них никогда не пытался вырваться из уготованной им судьбой ловушки.

Они перенимали дар предков как должное. И гордились им. Ведь, не обладая даже крупницей дара, временами крестьянские потомки превращались в могущественных магов, отражая чужую силу. Если вы откроете некоторые исторические хроники, то встретите там пару-тройку любопытных эпизодов... – Магриц наклонил бутылку, позволяя багровой, искрящейся жидкости с шелковым шелестом перелиться в бокал, и протянул его мне. – Предложите Робару покинуть свой пост сейчас – и он будет оскорблен до глубины души. И его сын, который сейчас учится в колледже в Елаве и готовится принять семейный дар, весьма разочарован тем, что у меня детей до сих пор нет... Возможно, мой предок поступил бесцеремонно с самым первым Аганом, хотя и нравы в те времена были попроще. Но в чем он определенно не ошибся, так это в подборе кандидатуры для своего эксперимента... – Маг помолчал, любуясь игрой огня в бокале, и закончил: – И сильно подозреваю, что слишком много людей с охотой готовы отражать чужое величие, вместо того чтобы пытаться выстроить собственный путь.

Я неопределенно повел плечами. Спорить не хотелось. Хотелось спать. Требовалось изрядное усилие, чтобы просто сконцентрировать внимание на словах собеседника, а не задремать. Вкус старого вина дразнил язык и нёбо, но обстановка не располагала к дегустации.

– Что же касается бесцеремонности... – задумчиво смакуя глотки, проговорил Магриц. – Не расскажете ли вы, Трой,

что же случилось с аэропортом города Звенницы?

– А что с ним случилось? – невинно спросил я. – Надо думать, стоит где стоял.

– Мой человек, прибывший туда на оговоренную встречу, стал свидетелем того, как аэропорт превратился в эпицентр *мертвой зоны*, создавшейся вследствие выброса колоссальнейшего шквала магической энергии из неизвестного местным службам источника...

Я вежливо изобразил изумление. Магриц слегка усмехнулся, глядя на меня поверх бокала, и продолжил:

– Говорят, Белые пытались выловить среди простых пассажиров беглого Черного мага, к коему у них накопились весьма животрепещущие вопросы... – Он покачал бокал, наблюдая, как жидкость маслянисто окрашивает стенки сосуда. – Нет, я безусловно понимаю, что у вас были причины избегать встречи с данными господами, но не слишком ли бесцеремонно было превращать аэропорт в зону нулевой магической активности?

– Вопрос не ко мне, – засмеялся я.

Магриц удивленно изогнул рот:

– Так это не ваша работа?

– Вы мне льстите. А как ваш человек? Не пострадал?

– Так, потрепало слегка. Он не маг. А вот Белые теперь недосчитаются в своих рядах десятка два отборных боевых магов. Хорошо еще, если половина из них после пережитого будет в состоянии зажечь хотя бы свечу...

– Мне жаль, – серьезно отозвался я.

– Они уверены, что это сделали вы, Трой. Да что там, даже мы были уверены, что это ваша работа, – как мне показалось, с легким нажимом проговорил Магриц.

Я снова пожал плечами:

– Происшествие в аэропорту помогло мне унести ноги из западни. Но что послужило его причиной – мне лично неизвестно.

– А как вам удалось выбраться из «желудка» Фегара?

– Откуда?

– Из подземелий Набрега.

– Откуда вы знаете, что я был там?

– Мы шли по вашему следу все это время. Во всяком случае, пытались. Или вы считаете, что Корнил и все мы могли позволить пустить ситуацию на самотек? После истории с аэропортом мы ненадолго потеряли ваш след. Но догадаться, куда дальше вы попытаетесь устремиться, было не так уж сложно. Ближайших точек перехода на нашу сторону не так много. У меня есть осведомители и на той стороне. В Набреге, и в Великомаре, и в Тале... К сожалению, они опоздали. Когда мои люди вышли на логово Фегара под Набрегом, было уже поздно... То есть мы предположили худшее, что вы навсегда остались в «желудке»...

– Что за «желудок»?

– Долгая история. Оттуда редко кто выбирается живым, а уж если выбираются, то... Лучше бы они оставались там... –

Магриц брезгливо поморщился. – Паучье гнездо. В прямом и переносном смысле.

– То есть?

– То есть как пауки, они способны держать свою жертву живой, чтобы высасывать из нее жизненные соки... В их случае – магическую энергию. Переварить и поглотить. В мире достаточно тех, кто готов платить за то, чем не наградила их природа.

– Но ведь считается, что силу мага забрать нельзя?

– А зачем забирать, если можно пользоваться этой силой без согласия владельца? Есть методы... Даже Пожиратель покажется безобидной пиявкой по сравнению с тем, что придумывают люди. Я считаю себя циником, но мне не хочется говорить об этом... – Он покачал головой. – Совет давно пытается выжечь эти гнезда, но пока все тщетно. Тем более под Набрегом, где даже во времена Сухих Рек процветали контрабандисты... Когда мои люди вышли на один из «желудков» Фегара, то после зачистки обнаружили только часть уцелевших вещей, принадлежность которых не без труда удалось идентифицировать. Среди них был вот этот самый справочник... – с легкой насмешкой кивнул Магриц на книгу, которую я машинально прихватил с собой и держал рядом. – Вы же как раз хотели узнать, как он сюда попал?

– Спасибо, что вернули, – отозвался я. – Значит, я могу забрать его?

– Пожалуйста. Только зачем он вам теперь?

– Дорог как память.

– Вот под Набрегом мы вас окончательно и потеряли. Мои люди склонялись к тому, что «желудок» уже успел переварить вас, а это равнозначно гибели. Как только жертва уходила из ловушки первого круга – найти ее следы было не под силу даже тайной полиции Всевидящего Ока... Но, с другой стороны, однажды вам уже удалось выбраться живым из клоаки ничуть не безопаснее, а лет вам тогда было гораздо меньше. Так что я оставил Агану распоряжение встретить вас... Как видите, не напрасно.

– Корнил знает, что я жив?

– Ну ваш клан и не верил в вашу гибель. Но я предпочел убедиться, что вы – это действительно вы, и пока ничего не сообщал.

– Я пытался сам связаться со своими.

– Из моего дома, как вы заметили, это невозможно. И тому есть причины... Утром вы сможете пообщаться с кем захотите, если...

– Что – если?

– Скажите, Трой, что вы нашли там?

– То есть? – все больше подбираясь, как зверь, чувствующий приближение опасности, подал я очередную пустую реплику. Просто чтобы выиграть время и оценить ситуацию.

– Вы ведь прекрасно меня поняли, не так ли? Белые устроили на вас настоящую охоту. Даже пресловутое безумие Черно-Белого не вызвало бы такой переполох в их рядах. Пом-

нится, Иверу Полукровке позволили несколько недель бродить по Ахрийской долине, прежде чем уничтожить его. А ведь несчастный умалишенный даже особо не скрывался.

– Говорят, я похитил Белую Королеву, – подсказал я.

– Ах да, что-то такое болтали... Вряд ли разумный человек способен поверить в это всерьез. Хотя, по нашей информации, Королева и впрямь исчезла. Но думается, это всего лишь повод. Причина в другом.

– В чем же?

– В том, что вы обнаружили... Скорее всего, случайно. В Бурой Башне.

Неслышимый щелчок. Система безопасности перешла в режим боевой готовности. Сонливость, липкой пеленой цеплявшаяся за сознание, мигом выпала в неактуальный осадок.

– Опять ваши люди доложили? – Я удержал физиономию каменно-спокойной.

– Именно.

– У вас прекрасная система осведомителей.

– Даже лучше, чем у Совета.

– Вы ведь не поверите, если я в очередной раз скажу, что понятия не имею, о чем идет речь?

– Почему же, поверю. Очень даже может быть, что вы и сами не осознаёте, на что наткнулись. Но тогда мне придется просто *забрать* у вас то, что нужно.

– Это угроза?

– Это обещание.

– Зачем вам это?

– Затем, что я примерно подозреваю, что за информацию вы носите. Потому что обнаружена она как раз там, где давно предсказано. И что позволить кому-то добраться до нее было бы опасно.

– Опасно для кого?

– Для всех нас.

– Расскажите мне подробнее. Возможно, вам не понадобится принуждение.

– Видите ли, Трой... Боюсь, вы и есть одна из составляющих этой опасности. Вы моя ошибка. Но, с другой стороны, возможно, вы моя удача. Если бы я тогда, много лет назад, не принял такое решение, то, скорее всего, Бурая Башня так и хранила бы свой секрет еще сотни лет...

– По-вашему, это называется подробнее?

– А по-вашему, мне прямо сейчас положено раскрыть по пунктам мои злодейские замыслы?

– Так вы признаёте, что они злодейские?

– Более или менее, – засмеялся он устало. – Придется, например, в какой-то степени предать своего старого друга...

– Вы о Корниле?

– О нем. И о тех, чьи интересы он представляет все последние годы. Ваш клан, Трой, во главе с Корнилом давно и, к сожалению, упорно держит курс в неверном направлении. И власть, и влияние их с годами так возросли, что сейчас попытаться встать на их пути без веских оснований решится

не каждый. Но я попробую. И козыри, возможно, принесли мне именно вы.

– Чем не нравится вам выбранный Корнилом курс?

– В обществе давно уже махровым цветом распускаются настроения ненужные и опасные. Когда подменяются понятия и черное выдается за белое... И провести границу между Черной и Белой магией все труднее не только простым людям, но даже самим магам.

Он порывисто наклонился вперед. Тело Агана на мгновение замешкалось, не успев предугадать движение, и из запоздавшего Агана словно выскользнул на долю секунды другой человек. С лицом настоящего Магрица – узким, с твердым, длинным подбородком, высокими скулами и блеклыми глазами.

Я видел его! Тогда в Галерее, отраженным в перстне...

Магриц тоже всматривался в меня. С досадливым сожалением.

– Вы так все запутали...

– Я?

– Впервые я ощутил настоящую растерянность еще тогда, несколько лет назад, когда вас привезли сюда для того, чтобы вы вынес свой вердикт... Я не понимал, что делать. Вы определенно были магом, но цвет вашей силы... Я не мог распознать его. И это было странно...

Он поднялся на ноги. Я жадно следил за ним, надеясь, что настоящий Магриц снова выскочит из мешковатого для него

облика Агана. Но зеркальный маг явно приноровился управлять чужим телом. Прошелся по библиотеке легко и непринужденно, хрустя сомкнутыми пальцами.

Наверное, у худощавого Магрица эта манера выглядела даже изысканно. А за сохранность пальцев коренастого Агана я бы не поручился.

– Немногие специалисты рискнут публично признаться в том, что все мы давно знаем. Мы идентифицируем магов не по цвету их силы, а по косвенным признакам. По традиционному набору составляющих. В семьях Белых магов рождаются Белые маги. В Черных – Черные. В южных землях рождаются Черные маги, а в горах Пагассы – только Белые. Цвет кожи, цвет глаз, привычки и выговор, характерные жесты, присущие разным школам, тяготение к тем или иным видам деятельности... Магия каждого человека имеет собственный привкус, это известно всем, но цвет ее определяется не им, а тем, откуда родом и кто, по сути, этот человек. Мы все подсознательно умеем вычислять это, принимая за цвет. И, определяя силу новорожденного, мы ориентируемся на совокупность внешних признаков... А магия совершенно ни при чем. И потому с вами, Трой, произошла такая путаница. Вы были никто и ниоткуда. Подсказок, которые помогали мне обычно, в вашем случае не было вовсе. Если бы не усилия проныры Ловчего... – Магриц смахнул с пути замешкавшегося руконога. Тот обронил кочергу.

Тусклый звон рассыпался по библиотеке.

– Любопытно. Значит, согласно этой теории, никакого Черно-Белого безумия быть не может?

– А вы чувствуете себя безумным?

– Допустим, ваша теория верна. Тогда отчего слухи до сих пор... – Я не успел договорить, осознав, что из всех моих сегодняшних бессмысленных реплик эта самая глупая.

Магриц смотрел на меня понимающе и слегка снисходительно.

– Видите, как все очевидно... Даже не надо ничего объяснять. Наш мир давно и прочно выстроен на разделении власти между Черными и Белыми. А слухи... Слухи были, есть и будут. Подкрепленные авторитетами и жертвами и развенчанные тем же. Никому это не нужно уже с давних времен. Даже более того, это опасно и ведет к подрыву стабильности. Раньше это понимали прекрасно. Возможно, именно поэтому наш мир привычен и умеренно безопасен вот уже несколько сотен лет... Но сейчас возобладали настроения, которые способны подорвать сложившееся положение. И боюсь, мой старый друг Корнил один из тех, кто собственноручно расшатывает фундамент. Одной из первых его ошибок было то, что он убедил Совет оставить вас в живых. Вы, Трой, действительно представляете собой серьезную опасность. И не мифическим безумием. А как раз своей разумностью и успешностью. Вы наглядный пример того, о чем мы говорили чуть выше... Ваше существование во весь голос кричит о том, о чем шуметь бы и не следовало... Я, как

и большинство глав Черных кланов, несколько лет назад пошел на поводу дара убеждения Корнила. Многие из нас даже представить не могли, что все так далеко пойдет... Но все это чепуха по сравнению с тем, что может таиться вот уже несколько тысяч лет в Бурой Башне...

– Что?

– А это вы мне скажете.

– Видите ли, господин Магриц... Очень может быть, что я бы и проникся пафосом ситуации и оказал бы вам любое посильное содействие, если бы не одно «но».

– Я весь внимание.

– Не могу избавиться от впечатления, что за всеми этими рассуждениями стоит не забота о процветании и стабильности нашей системы вообще и Черных кланов в частности, а элементарное желание потеснить Корнила с его места. Его влияние давно действует вам на нервы, не так ли? И, в сущности, дело не в магии, а в простых человеческих потребностях...

– Ай-яй-яй, какая невежливая пронизательность. Пристыжен и повержен. Впрочем, зачем же мне отрицать... Одно другому не мешает, и история не раз демонстрировала неприглядную изнанку практически любых разумных свершений. К тому же я с самого начала сознался в своих злодейских намерениях, – засмеялся Магриц вполне искренне. – Что же касается Корнила... В свое время он, помнится, не погнушался использовать все доступные способы, чтобы за-

нять свое положение. Расспросите-ка на досуге кого-нибудь из его бывших соратников, оказавшихся на обочине после всего случившегося. Да и вы сами, Трой, были для него не более чем средством для достижения своих целей. А сейчас... Честное слово, я бы трижды подумал, прежде чем доверять этому человеку, потому что планы его могли давно измениться. Еще десяток лет назад Корнил легко подставлял себя под неудовольствие Белых, когда надо было вывести из-под удара кого-то из своих... А сейчас он предпочел действовать окольными путями. Ему жаль терять вас, Трой, но и сцепиться с Белыми тогда, когда это невыгодно ему, уже не хочется. Подумайте.

– Я подумаю, – сухо пообещал я. – Но одно могу сказать наверняка. Даже если все ваши домыслы имеют под собой реальную почву, это все равно не значит, что, рассорившись со своим кланом, я перейду на сторону их соперников... Если не сказать, врагов.

– Сожалею, Трой, но ваше добровольное сотрудничество отнюдь не является обязательной составляющей моих замыслов.

– М-да, – пробормотал я, – а я все жду, когда мы перейдем к этому животрепещущему пункту... И как вы намерены «изъять» нужную вам информацию? Предупреждаю сразу – я намерен возражать категорически. И подкреплять свои возражения существенными доводами... Вам ли не знать какими?

– Я предполагал подобную реакцию с вашей стороны, – с несколько оскорбительной беспечностью отреагировал Магриц. – Поэтому предпринял кое-какие меры... Вы ведь за этим сюда спускались? – Тяжеленный фолиант «Магических рукотворных знаков», перелетев через библиотеку, увесисто хлопнулся на стол прямо передо мной. Стремительно зашелестели страницы, перелистываясь, пока на раскрывшемся развороте не обнаружился нарисованный жирными черными штрихами знакомый знак. Тот, что я нашел на досках кровати.

«...Категория заглотов... давно не используется... поглощение энергии как магической, так и жизненной... оцепенение... эффективен на сто процентов, но требуется наличие индивидуальной формулы силы...»

– Очень полезная придумка, – снизив голос до доверительной интонации, поведал Магриц. – Быстро и почти безболезненно. Никогда, знаете ли, не питал пристрастия к причинению боли ближним своим. Единственный серьезный недостаток – нестабильность системы. Разрушается в какие-нибудь считанные часы. Так что пришлось заставлять Агана с его радикулитом искать укромную щель и заняться начертанием. И заодно подсыпать снотворное в пищу дорогому гостю, ибо юности свойственна непоседливость... А уж сохранить отпечаток твоей силы я позаботился еще много лет назад. – Магриц свел костистые пальцы над опустевшим стаканом, дружелюбно улыбаясь. – Надеюсь, ты хоро-

шо спал... Проверим? – Кисть его правой руки неожиданно быстрым движением описала круг, обозначая тускло тлеющую синим петлю и легко толкая ее ко мне.

Петля разрослась в мгновение ока, метнулась, словно аркан, и я инстинктивно, заученным еще в школе жестом перехватил и разорвал тлеющее кольцо в клочья.

– Любопытно, – промолвил Магриц, как мне показалось, ничуть не разочарованный. – Похоже, ты даже сильнее, чем мы предполагали...

– Сожалею, но, боюсь, вас ждет небольшой сюрприз, – ответил я. – Ваш привратник тоже отказался признавать во мне меня. За консультацией по поводу феномена измененной формулы силы можете обратиться прямо к нему... А мне, пожалуй, пора.

– Так вот оно что! – удивился Магриц. – Кто бы мог подумать, что это возможно...

Пока мы подавали друг другу реплики, сохраняя безмятежно-вежливые выражения лиц и почти не двигаясь, пространство между нами заткалось узором заклятий, насытилось магией, стало тяжелым и вязким, как сироп...

Изучить, почуять, вкусить аромат чужой силы, узнать, на что он способен, выстроить свою оборону и прощупать лазейки...

Все мы с рождения носим вокруг себя панцирь защиты, чтобы избежать внезапного нападения. Но на полную мощь активизируется он нечасто. Как иммунная система любого

организма, всегда начеку, но в бой бросается лишь при возникновении серьезной угрозы.

– В таком случае привлечем на нашу сцену новые действующие лица... Господа, ваш выход! – громогласно заявил Магриц, обращаясь куда-то в сторону, за меня.

Угольные тени в углах библиотеки внезапно раздвоились. Во мраке обозначились еще более черные силуэты человеческих фигур, проступая через ткань реальности как куски смолы из нефтяных луж. Дом Магрица имел даже не два, а три слоя, и ночные гости ждали своего часа где-то там, на дне, неосязаемые и незримые... Трое! Нет, четверо...

Я качнулся вместе с креслом влево, падая на пол, одновременно группируясь. Поверху, задев ледяным дыханием, мгновенно покрывшим колкой изморозью все поверхности, прошла волна *морозного шквала*. Огонь в камине превратился в причудливый, смахивающий на коралл игольчатый нарост на поверхности обледеневших до прозрачности поленьев.

И грянула Тьма. Настоящая, плотная, как взвар, горячая и душная. Продернутая лишь отблесками траекторий суматошных заклинаний, будто путаной серебряной канителью. Даже воздух сгустился, превращаясь в студень. Каждый глоток обжигал легкие.

Я метнулся к книжным полкам, одновременно с десятком своих свежесозданных фантомов, приснувших в разные стороны. Первоначальный порыв броситься сразу к дверям я за-

давил, заметив, как Магриц выплел чудовищно сильный *перхлест* как раз на пути к выходу. Он сиял исполинским чутким спрутом с разведенными веером стрекалами, будто во мраке океанской впадины.

Призраки отвлекли нападавших лишь на несколько мгновений, но этого было достаточно, чтобы найти укрытие. Ближайший ко мне фантом брызнул искрящейся взвесью, распавшись, когда его пробил простой, но эффективный, как дубина, огнебой. Зазвенело стекло, разлетаясь вдребезги.

– Ювелирнее, господа! – донесся откуда-то сверху обеспокоенный голос Матрица. – Не хотелось обращаться к некромантам...

И в ответ на быстрое шевеление я ударил в смолянисто колышущуюся тьму стайкой *жал*. И сразу туда же *малахитовым каскадом*, который никогда мне не удавалось точно позиционировать, но который мало кто из Черных магов был способен отразить.

Чернота подернулась зеленоватыми прожилками. Кто-то отчаянно взвыл, превращаясь в ярко светящийся малахитом факел, и заметался по ограниченному пространству, налетая на углы и невидимую мебель.

Стало чуть светлее. Теперь уже можно было различать силуэты и очертания вещей. Окна тускло мерцали белесым. А из того, что разбилось, сверкающим крошевом сыпались дождевые капли.

Новый шквал *донного дыхания*. Противники прощупыва-

ли комнату, вычисляя мое местонахождение. И, дождавшись прикосновения, я, всадив в полотно чужого заклинания *угол сингана*, толкнул его обратно. Переродившееся заклинание ударило по своему создателю...

Черная магия сильнее. Этого никто не отрицает. Она работает с первоосновами и первосушностями всего в этом мире. Но зато Белая магия точнее, гибче и изобретательней. И толковый Белый маг способен заставить слепую стихию Черных заклятий работать на себя. Как умелый гидроинженер способен выстроить плотину на пути смертоносной реки. Если, конечно, успеет.

Поэтому я и пользовался тем, что умею лучше всего. Сочетанием Черного с Белым. Потому что в одиночку выстоять против пятерых коллег не под силу даже легендарному Тукану Солнцеглоту. Тем более что один из противников находился в собственном доме и потому его сила утраивалась. Хорошо еще, что он действовал через Зеркало, а не лично.

Пространство библиотеки кипело от шквала сталкивающихся, рикошетирующих, взаимно поглощающихся и взаимоусиливающих заклятий и просто бесформенных стихий. Одна реальность переплавлялась в другую. В воздухе висели мерцающие багровым огнем сгустки проклятий. Ключья разорванных полотен волшебы кишели в пространстве словно мусор в бешеном потоке.

– Господин Стокол, право, меня удручает разрушение дома... Может, все же попытаемся поговорить еще раз? – Ма-

гриц даже не прятал насмешливое снисхождение в голосе.

– Некогда! – прохрипел я. – Перезвоните позже...

Метнувшаяся навстречу зыбкая сущность пахла смертью. Я отшатнулся, загоразиваясь остатками щита, но все равно цепенящее прикосновение пришлось по касательной, сводя судорогой глотку, выламывая позвоночник и помрачая рассудок... Боль накатила слепящая и всепоглощающая, и каждый шипящий звук в этом описании, словно живой, впивался в нервы.

Шутки кончились. И я, не задумываясь, просто инстинктивно обороняясь, ударил в ответ. Тупым, жадным, и смертоносным *крылом лецифевра*. Закипел воздух, осыпаясь затвердевшими каплями. И едва обозначенный силуэт человека резко согнулся пополам, подрубленный.

Коллега... Человек из клана Черных. Из моей семьи...

Разодрав перехлест, я кинулся в образовавшуюся дыру. Уцелевшие стрекала цеплялись и жгли, круша плоть и сознание. Небольшой переход от угла до выхода внезапно разросся до размеров станции метрополитена. И покосившийся подсвечник возле арки дверей оказался невообразимо далеко.

Огрызаясь, как загнанный волк, отстреливаясь за спину, не глядя, но каждым клочком шкуры ощущая свои попадания и промахи, я рвался вперед, прогибая сгущенное пространство. Дуги, оставшиеся от разбитых *минотавровых колец*, пронзали путь, искажая реальность и порождая петли и

тупики...

Он сильный маг, этот Магриц.

– Держите! – хрипло рявкнул невидимый Магриц, словно откликаясь на зов. – Не дайте уйти... К бесам церемонии, сохраните только голову! – Его голос громыхал и умножался, тысячекратно отражаясь от бесчисленных поверхностей.

Черный зев выхода изогнулся и скачком приблизился. Чудом не врезавшись в косяк двери, внезапно оказавшейся прямо перед носом, я вывалился в леденящую пустоту коридора и понесся вперед, уворачиваясь от шальных огненных и воздушных вихрей, которые беспорядочно рикошетили, выбивая каменную крошку из стен.

Где-то на уровне подсознания воспринимался однообразный стон, стелющийся следом. Надрывный, гневный, многоголосый... Каждый камень в стене кричал от ярости. Каждый предмет обстановки норовил схватить, подвернуться под ноги, зацепить краем.

В холл я вывалился на четвереньках, споткнувшись об очередной угол. Меня кидало из стороны в сторону как лодку в шторм. И как раз это и спасло от моментального обезглавливания сразу после прибытия. Когтистая, тяжелая лапа свистнула поверху, обдав смесью запахов зверя и человека. Мантикора разочарованно зашипела, восстанавливая равновесие и стремительно разворачиваясь. Со страшно искаженного, но все еще смахивающего на старческое лица с лютой ненавистью и безумным восторгом уставились змеиные гла-

за. С выщеренных клыков тянулись тонкие паутинные струйки ядовитой клейкой слюны, путаясь в нечесаной гриве.

Вторая мантикора – беззвучная, легкая, смертоносная – неслышно ступала где-то на периферии обзора, угадываясь лишь по подвижной тени и исходящей оттуда холодящей злобе.

А потом ближайшая мантикора заверещала. «Громко и пронзительно», как и обещали справочники по неестествознанию. От ее вопля разом заложило уши и заломило переносицу, а от смрадного дыхания защипало кожу. В разинутую глотку без труда можно было запихнуть волейбольный мяч. Если удастся его протиснуть неповрежденным через тройной ряд острых акульих зубов.

Мяча под рукой не оказалось, поэтому я просто ударил огнебоем. Прямо в разинутую пасть. Вопль разом стих, упавшая тишина воняла горячей плотью. Мантикора опрокинулась навзничь, извиваясь; рога, со скрежетом царапавшие пол, высекали мелкие искры.

Вторая тварь, мигом сориентировавшись и разумно не став тратить время на крики, перешла в атаку. Я увернулся, но запоздал, и тяжелое тело сбило меня с ног, повалив на пол, а коготь правой лапы пропорол одежду и задел кожу на ребрах. Неглубоко, но ссадина заныла, словно присыпанная солью. От мускусного запаха кружило голову. Гибкая тварь быстро извернулась. Я успел только выставить наспех сделанный щит и отклониться. Манतिकоровы зубы лязгнули

прямо над ухом, раздирая воздух, а я скользнул вниз и в сторону, переваливаясь через жилистое тело, покрытое маслянистой короткой шерстью, изо всех сил перехватывая безудержно хлещущий длинный хвост со скорпионьим жалом и заламывая его.

Черная игла на кончике хвоста металлически отблескивает, разбрызгивая темные капли. Упругая, живая плоть едва поддалась усилиям... Хруст плоти... Ну если справочники по неестественности врут, то мне конец...

Мантикора завывала и обмякла. Обернувшись, я обнаружил, что тварь легла на пол и плачет, укоризненно глядя на меня. Морда ее исказилась страдальчески, собрав старческие пергаментные складки, в которых терялись мутноватые крупные капли, бегущие из прищуренных глаз.

Я выпустил из рук изогнутый под тупым углом хвост чудовища и машинально вытер о штаны ладони, стараясь не смотреть на мантикору. Согласно справочнику, теперь мантикора должна признать меня своим хозяином, но настаивать на соблюдении правил я лично не собирался... Тем более что в углу завозилась оглушенная огнебоем вторая тварь. А из коридора, ведущего к библиотеке, показался Магриц и один из его людей – рыжий, взъерошенный парень со свежесожженным лицом.

Я мельком огляделся: наружу не сбежать. Входная дверь сейчас походила на чудовищных размеров безумную черепаху, зачем-то вставшую на дыбы и заслонившую собой выход.

Бугристая чешуйчатая поверхность двери выгнулась внутрь, ошетилившись загнутыми уголками. А петли, словно когтистые лапы, впились в стены.

Все остальные проходы не обещали ничего хорошего... Разве что...

Покрытие пола буквально взорвалось там, где я только что стоял. Рыжий вскинул руку. С его растопыренных пальцев слетели стремительные серебристые «птицы». Одна из этих «птиц» больно клюнула меня в плечо. Но хватило двух прыжков, чтобы достичь входа в Башню и захлопнуть за собой дверь, предусмотрительно снабженную запором.

По древесине двери снаружи затюкали клювы промедливших «птиц».

– Вот и прекрасно. Теперь деваться тебе некуда. Только постарайся там ничего не повредить, – неожиданно мирным и удовлетворенным голосом произнес Магриц из-за двери. – У меня много ценных вещей в кабинете. Посиди тихо, пока мы поищем в этом бедламе подходящий инструмент, чтобы вскрыть дверь... Думаю, через полчаса мы сможем продолжить нашу беседу в спокойной обстановке...

Осев на пол и не в силах сделать ни одного шага, я слушал, как они ходят, переговариваются, что-то роняют. Не спеша. Прекрасно понимая, что из Башни мне действительно деваться некуда. Даже заговоренную и укрепленную дверь рано или поздно можно выломать.

Плечо медленно наливалось глухой болью. Машинально

ощупав его, я задел нечто острое, вызвавшее вспышку резкой боли, и, кряхтя и давясь руганью, вытащил одну из серебряных «птиц» Рыжего. Плоский кусок идеально отшлифованного и заточенного со всех сторон металла причудливой формы и впрямь смахивал на силуэт птицы. Поверхность в разводах темной крови.

Одежда на плече быстро набухла горячей влагой. Попытки зачаровать рану окончились ничем. Башня отторгала любое волшебство. Пришлось зажать ее ладонью.

С усилием поднявшись на ноги – тело мстительно напомнило обо всех остальных отметинах состоявшегося сражения, – я побрел вверх. Удерживать равновесие в черноте башенных недр, к тому же все время нарезая круги, оказалось непросто. Меня неудержимо вело к центру, к пропасти... Качнувшись, я едва не сверзился в притягательную тьму, но вовремя отклонился назад, отделавшись приступом головокружения и каплями крови, сорвавшимися с пальцев расставленных для равновесия рук.

Духи земли, ворочавшиеся внизу, благосклонно приняли случайную жертву. Башня едва слышно запела, принимая ток силы. Часть ее влилась в меня, позволив двигаться смелее и легче. Темнота немного разредилась, отчетливее обозначая ступени, а на стенах тускло замерцали знаки земли.

...Кажется, я все-таки потерял сознание на несколько минут. Совершенно не помню, как именно оказался в Башне. И, открыв глаза, обнаружил, что лежу на полу, на драгоцен-

ном хаонском ковре, который пропитался моей кровью, натекающей из раненого плеча. Снизу доносятся ритмичные, глухие удары. Дверь, судя по всему, еще держится.

Возле меня на полу примостился меланхоличный металлический паук, отбежавший чуть в сторону, стоило пошевелиться. А шевелиться было ох как нелегко. Слабость, боль и оцепенение, вызванное снотворным и ядом мантикор, превращали каждое движение в сложный, многоступенчатый процесс, требующий невероятных мыслительных и физических усилий.

Так... Что тут у нас есть?.. Множество вещей, просто за лежи бумаги и ни клочка ткани... Хоть гобелены срывай. Аптечка? Нет, вряд ли Магриц держит в Башне аптечку... В этом шкафчике странные флаконы... И бульонные кубики. И банка кофе «Золотой Лев»... Недоверчиво приняхавшись и убедившись, что это и впрямь кофе, я запустил пальцы в банку и, выудив горсть зерен, принялся с остервенением их жевать, хрустя и наслаждаясь горечью вперемешку с привычным бодрящим вкусом.

Поединок магов закончился не в вашу пользу? Жуйте «Золотой Лев»! Ложка нашего продукта приведет в чувство даже находящегося при смерти чародея-неудачника!..

Реальность стала дискретной. Вспышки активности сменяли приступы апатии. Боль приходила и уходила. Предметы говорили на разные голоса. Смутно соображая, что именно делаю, я ковылял по кабинету, бесцельно перебирая вещи,

зачем-то выбрался на смотровую площадку Башни и некоторое время тупо созерцал разбавленную серебром дождевых блесток и мутными пятнами далеких огней ночь. Потом наклонился над перилами, сражаясь с головокружением...

А уже в следующий момент поймал себя на том, что пытаюсь содрать восточный гобелен, хитроумно прикрепленный к стене на особой раме, не повреждающей ткань. Эту мелочь я обнаружил, только когда оторвал гобелен, оставив в зажимах клочья и нитки... Варвар.

Ритмичный грохот смолк. Снизу теперь слышался топот и тяжелое дыхание спешащих наверх людей. Им потребуется несколько минут, чтобы добежать... Успею.

Гобелен на поверку оказался тяжелее, чем выглядел, и пришлось попрыгать, чтобы дотянуть его наверх, на смотровую площадку. Расстелив ткань на перилах и полу, я принялся разглаживать ее, пытаюсь учуять, услышать хоть что-нибудь, угадать, жив самолет еще или уже давно мертв. Мягкие шерстяные ворсинки мешались с колкими остями вплетенных волос. Незнакомая сила дремала, отзываясь равнодушно и вяло. Молчаливые силуэты, вытканые на поверхности гобелена продолжали свою бесконечную битву, не замечая, что к красной шерстяной крови прибавилась темная живая. Испачканные пальцы оставляли следы.

Ничего... Не реанимировать то, что мертво уже сотни лет... Хотя...

– Вот он! – рывкнул кто-то, как мне с перепугу помере-

щилось, прямо над самым ухом. Похоже, я снова отключился на несколько секунд и не слышал, как выбили последнюю дверь, ведущую на смотровую площадку. И из проема полезли незнакомцы, жаждущие общения со мной. Магриц запаздывал.

Что еще оставалось? Очень может быть, что в здравом уме и трезвом сознании я бы не пошел на такую глупость. Но легкое помешательство и замутненное сознание – неотъемлемое свойство как глупых, так и героических поступков.

И, завернувшись в край гобелена как в плащ, я перевалился через перила, прямо в объятия дождя и ночи. Несколько мгновений тяжелая ткань еще цеплялась за перила, а потом мы ухнули вниз... Вместе.

Дыхание перехватило. Ветер восторженно взвизгнул.

– Стой, дурак! – Чьи-то руки тщетно схватили воздух. А черные угольные силуэты склонившихся над перилами людей стали стремительно удаляться. Сначала только вверх... А потом вверх и в сторону.

Потому что податливая, мягкая ткань гобелена внезапно напружинилась, отвердела и превратилась в плоскую платформу, заскользившую по воздуху против ветра. И удержаться на ней, схватившись за тонкий край, и не свалиться от внезапного торможения оказалось чрезвычайно трудно. До черноты в глазах трудно. Но я удержался, вцепившись в лохмотья, оставшиеся там, где я так неудачно выдрал гобелен из креплений.

– ...Летит! – ветер швырнул остаток изумленного возгласа.

– ...Убить, пока не...!

– ...П-поднимай!

– Ае... аван... легра... – пробился через смешанные возгласы размеренный голос хозяина Башни.

Я был слишком занят, взбираясь на скользкую от дождя, вибрирующую поверхность гобелена-самолета, и потому заметил, что Магриц поднял на дыбы своего сторожевого водяного слишком поздно. Самолет врезался в плетение бешеных водных бичей, бьющих из канала, прямо в клубок водных змей, взметнувшихся почти до самых туч. Каждая такая плеть была способна снести тяжелый трактор, словно игрушечный велосипед.

Ледяные брызги секли лицо шрапнелью. Перемолоченным и перемешанным с водяной взвесью воздухом дышать стало невозможно. Поле зрения сразу сократилось до расстояния вытянутой руки, и все, что оставалось вокруг, – это вода, вода, вода...

Самолет мчался по почти незримым плотным кольцам как доска для серфинга в штормовых волнах. И, прижавшись к его скользкой поверхности, я пытался угадать направление в этой суматохе. Свистнула слева водяная плеть... Накрыла поверху, обдав колкими брызгами... А следующая задела краем, обжегши не хуже парового молота, чуть не снесла меня с гобелена, и, сбитый с толку, самолет беспорядочно

закувыркался, ударяясь о тугие бока водяного и неудержимо стремясь к кипящей слякотью земле...

...и врезался в упругое, плотное, ребристое, резко пахнущее мокрой листвой. Мелькнули совсем близко горящие зеленью глаза привратника, и самолет швырнуло вверх. Да так швырнуло, что вынесло над кишением водяных бичей.

Судорожно вцепившись в край своего ненадежного средства передвижения, я видел, как вздымается земля над корнями старого дерева возле моста, как высвобождаются, разбрасывая комья грязи, длиннющие, кривые, узловатые корни и подсекают ствол водяного сторожа у самой поверхности, перерубая пополам. И мельтешащие водяные плети разом опадают, превращаясь в беспорядочные потоки пенной воды, устремляющиеся обратно в каменное ложе рва.

Но все еще не кончилось. Пустошь вокруг Магрицева дома сейчас напоминала склоны проснувшегося вулкана. Темнота разлеталась в клочья под натиском огней. Багровые и оранжевые всполохи ходили по поверхности, закручиваясь в вихри, взрыхляя землю. Изуродованные одиночные деревья извивались, испуская рои белых и синеватых светящихся сфер. Безликие, выморочные демоны перемещались, искривляя пространство. И струны пели свою чудовищную мертвую песнь, готовые захлестнуть неосторожного.

Удержать, не выпустить, убить...

Подняться высоко нельзя. Над головой в опасной близости слоились клочья *драконовых пут*, но и держаться над

землей было едва возможно. Подо мной разверзались дышащие гибелью воронки *сухой смерти*, которые приходилось наскоро забивать сгустками энергии, понимая, что до конца пустоши резерва не хватит. И *искажающие линзы* приходилось огибать по касательной, каждый раз обжигаясь до крика... И гасить, если успеваешь заметить, *душилова*, выжирающего воздух из самих легких... И отмахиваться, огрызаться, обороняться...

Проклятая Башня сияла в ночи, служа стержнем всего этого безумия. Неумолчный яростный стон окутывал ее плотным, осязаемым маревом.

Самолет, и без того с явным надрывом удерживающий высоту, стал двигаться рывками, периодически проваливаясь. Багровая пелена стелилась перед глазами, и я уже плохо понимал, от усталости ли это или дымка над пустошью.

Мне кажется, или стало легче? Самолет пошел ровнее...

Дорога... Кажется, там наконец дорога... Несколько машин ошалелыми жуками замерли на влажно поблескивающем шоссе. Одна перевернута, и свет непогашенных фар вонзается в изуродованное полотно дорожного покрытия. Два человека на обочине, похоже как раз выбравшиеся из перевернутой машины. Один поддерживает другого, скорчившегося, болезненно сломанного, и оба, запрокинув лица к небесам, потрясенно наблюдают за происходящим.

Дремучая сказка о магических битвах, когда власть чародея была непререкаемой и абсолютной, когда в пылу бит-

вы сносились целые города, сомкнулась с нынешней реальностью, где властвуют иные структуры и силы, не имеющие к магии никакого отношения. И свихнувшемуся волшебнику придется оплачивать ремонт шоссе и транспорта и возмещать ущерб пострадавшим из собственного кармана.

Вот же она, граница...

* * *

Было бы странно, если бы парочка ровесников похожей судьбы, увлеченных одним и тем же занятием, не сдружилась накрепко. Хотя это не мешало им соревноваться везде, где только можно.

Однажды в жаркий летний полдень, когда мир изнывал от томительного зноя, двое на реке затеяли обычную свою полуигру-полусражение, вылепляя из теплых, как парное молоко, зеленоватых речных волн зыбких чудовищ и натравливая их друг на друга. Остававшаяся на берегу девчонка, вечная свидетельница самых немислимых затей, звонко смеялась, подбадривая соперников и вынуждая их творить страшилищ все крупнее и убедительнее.

Летели искристые брызги, с глухим шелковистым шорохом свивалась и вздымалась вверх или с громогласным всплеском рушилась речная вода, поднимая со дна тонны ила и ошарашенных ленивых рыб. Вдрагивал камыш вдоль противоположного берега...

Вот очередной зеленоватый текучий монстр опрокинул хохочущего Младшего навзничь. А зубастая прозрачная гигантская рыбина попыталась проглотить юркого Старшего...

В следующий момент Старший, благополучно увернувшийся от волшебной рыбины, вдруг странно дернулся, вытаращил глаза и разом ушел на дно, словно камень. И без того взбаламученная вода вокруг места его погружения налилась непроглядной чернотой, как будто кто-то вылил в речку бочку чернил.

Озадаченная девушка замерла на берегу, не решаясь принять случившееся всерьез. Но Младший, находившийся ближе, почувствовал, как изменилась температура теплой воды и ток холодного течения обжег его кожу. И, не слишком раздумывая, он метнулся к черному пятну, резко нырнул и выволок, надрываясь, на свет оглушенного Старшего – белого и равнодушного, как снулая рыба, и вцепившееся в него косматое, струистое существо с выпученными водянистыми глазками и ощеренными зубами.

Видно, вся эта суматоха наверху пробудила к жизни древнего поддонного клеща – существо отвратительное, склонное к опасным чарам, но, к счастью, встречающееся редко.

Несколько мгновений Младший и клещ таранились друг на друга, пытаясь перетянуть добычу. А потом Младший с размаху дал твари тумака. Каким награждают друг друга драчуны в поселковых стычках. Ошарашенный, клещ разжал хватку и канул на дно.

– Ты почему на него удавку не накинул? – кашляя, осведомился Старший позже.

– Не знаю, – растерянно ответил Младший, отогреваясь на жарком песке. – Забыл. Дай, думаю, врежу мерзавцу... И врезал.

...Где-то рядом движение. Живое тепло.

– Ну чего там? Не шевелится? – В мальчишеском хрипловатом дисканте азарт смешан с изрядной толикой опаски.

– Не пойму чего-то... – Нетерпеливое посапывание ближе. – Кажись, не дышит... Не разобрать.

– Ну так ты краешек-то пошевели! – командует первый.

– Сам шевели, – огрызается второй. Сопение становится громче.

– Да че ты боишься, он окоченел уже весь, не прыгнет.

– Вот иди и сам проверяй.

– Давай палкой ткнем, – предложил изобретательный дискант. – Говорят, если мертвяку в ухо палку сунуть, то он сразу и брякнется.

– Так чего ему брякаться, если он уже в лежке? – резонно возразил второй голос.

– Ну хоть проверим, что он и вправду мертвяк.

– Тебе палку в ухо сунь – ты тоже брякнешься, хоть и живой, – заметил рассудительный второй.

– Слабо тебе его потрясти – так и скажи.

– А вдруг он живой?

– Да ты на рожу его посмотри! Он же синий весь. Такие живыми не бывают... Помнишь мужика в прошлом месяце? Ну точно такой же был! А пацаны с него бутылку «наливай-

ки» взяли. Может, и у этого тоже чего в карманах... – Владелец дисканта воодушевился, вдохновленный перспективой заполучить неведомые сокровища, и, утратив осторожность, переместился.

Источники сытого, теплого живого духа приблизились настолько, что дотянуться до них стало легко и безопасно. Дотянуться и выпить. Жадно, одним глотком. Убить злобную, сосущую пустоту внутри.

«Дискант» крупнее и упитаннее. Энергия из него прямо хлещет. Чуть приправленная грязью нечистой ауры, но все равно съедобная. Подтянуть его к себе, *позвать*... И он покорно идет. Пища.

– Ты это... Ты осторожнее. – Второй почуял неладное. Хорошая восприимчивость. Теплое, размытое пятно его сущности подергивается синеватыми морщинками беспокойства. Убежит? Пусть... Одного хватит на первое время.

– Смотри, смотри, что тут у него! – бормочет оцепенело «дискант», узрев одному ему видимую приманку. – Это даже лучше, чем...

– Эй! – Чужой резкий баритон взрезает стоячую, вымороченную тишину. – Вы чего там делаете? А ну пошли прочь, бандиты!

И в свежий разрез безудержным водопадом хлынула реальность. Меланхоличный шелест листвы, шарканье тяжелых шагов, быстрый перестук убегающих ног, обрывки далеких разговоров и звон трамвая... Жидкий, процеженный через

кроны деревьев, разбавленный желтыми и красными оттенками солнечный цвет все равно нестерпимо, до рези в глазах, ярк. Воздух тверд и прозрачен, каждый вдох имеет привкус крови и мерзлого железа, и кажется, что в легких он крошится снежной пылью. И обложенный язык хранит вкус крови...

– Эй, парень! – Свет заслоняет неразборчивая, но массивная тень. – Ты живой, что ли?

Вкусный, сытый запах чужой здоровой плоти снова на мгновение задевает в подсознании что-то алчное, ненасытное, готовое к немедленной атаке...

– Живой, спрашиваю? – Настойчивая тень беззаботно склоняется ниже, обретая очертания немолодого мужика в форменной оранжевой парке дворника. С круглого, добродушного лица внимательно смотрят бутылочного оттенка глаза. Только взгляд их отнюдь не добродушен. Остр, как скол этого самого бутылочного стекла. Обрезаться можно.

Да и беззаботная поза при ближайшем рассмотрении оказывается отнюдь не беззаботной. А выжидающе-настороженной. И даже выставленная чуть вперед рукоять метлы, ловко перехваченная двумя руками, в мгновение ока может превратиться в орудие защиты.

– Живой... кажется, – с усилием размыкая сведенные холодом челюсти, выплевываю я слова, не чувствуя уверенности в сказанном. Цепенящий сон никуда не ушел. Притаился с обратной стороны глаз, налип, отчего глазные яблоки шероховаты и неповоротливы.

Голос пропал, получается только шепот. Но дворник ощутимо расслабляется, откидывается назад, опираясь на свою метлу, и облегченно говорит:

– Вот и славно. Хоть на этот раз не придется труповозку вызывать. А то замучился уже сопроводительные бумаги писать...

Внутри меня намерз ледяной контур, который отказывается разрушаться. Чтобы принять вертикальное положение, приходится буквально ломать себя, ожидая услышать отвратительный хруст. С жестяным скрежетом в сторону отползает негнувшийся покров, в который я был завернут. Под разводами еще не оттаявшего инея проступают очертания вытканых героев давней битвы.

Где это я? Деревья, дорожки, зеркальные, тронутые ледком лужи, сметенная в аккуратные кучи опавшая листва, скамейки. Немногочисленные прохожие поодаль скользят беззвучно мимо, равнодушные и холодные, как рыбы на дне пруда.

Дворник смотрит на меня со смесью брезгливости и сочувствия:

– Эк тебя... Худо?

– Не то слово, – пробормотал я, пытаюсь высвободить из гобеленового саркофага ноги. Ткань застыла как панцирь, только что не дребезжит.

– Лишку, что ли, перебрал? – спросил дворник снисходительно. – Или ты из этих... что дурь колют? – И сам же усо-

мнился: – Да нет, непохож... Ты, в общем, вставай давай и иди себе, коли не замерз. А то пацаны у нас тут шустрые. Ночью побоялись, так среди бела дня мигом оберут. Даром что не покойник...

Мы одновременно посмотрели влево, где в разросшемся кустарнике красноцвета маячили силуэты двоих мальчишек, сторожко наблюдавших за происходящим. Листва почти облетела, и различить их было несложно. Тот, что повыше, наверняка говорил дискантом. Белобрысый, толстощекий, из широкого ворота синей куртки торчит длинная шея. Одуванчик.

На мгновение ясно представилось, как пацан лежит здесь же, на дорожке, вялый, апатичный, с немигающим, безучастным взором. Выпитый до дна. Пустой сосуд...

Я отвел глаза и встретился взглядом с дворником. Бутылочного оттенка глаза снова резали как стекло.

– Ты это... Зубы покажи! – внезапно потребовал собеседник.

– Чего? – изумился я.

– Покажи свои зубы, или я вызываю участок. У нас там маг штатный приписан.

– Какой еще... – начал было я, но решил, что проще оскалиться, чем действительно общаться со штатным магом. Кто его знает, что за маги и с какой целью они приписаны к дворничьим участкам.

– Извини, парень. – Дворник наконец слегка смущенно

потер затылок. – Показалось.

– Что показалось?

– Ну... место, сам понимаешь, нечистое. Мало ли что.

– Почему нечистое? – без особого интереса осведомился я.

– Так мрут люди один за другим на этих скамейках, бес их заberi. Вот уже который раз говорю начальству, чтобы сняли все да проверили. Что ни неделя, то бомж наутро лежит, то старушка какая, то наркоман, а то и девушку тут нашли...

– Каждый раз на одной и той же скамейке?

– Нет, на разных. Но говорят, она одна и та же, только перемещается. Пацаны ее «смертной лавкой» обозвали. Ты не местный, видно?

– Нет.

– Наши-то все знают. Одни говорят, вроде скамья эта как ловушка. Присел человек и оцепенел. А дальше тварь, что соорудила ее, придет и прикончит ночью. А другие считают, что сама скамья проклята и пьет жизнь из сидящих на ней.

Я наморщил лоб, озирая приютившую меня скамейку. Мебель как мебель. Выкрашена серебристой, облупившейся краской. Прямо над ней раскинул ветви клен, сейчас уже почти облетевший. И соседние скамейки отзывались тупым ощущением мертвого железа и дерева. Ни малейшего признака магической активности.

– А девушка отчего умерла?

– В морге потом сказали, таблеток наглotalась... Может,

и так. Только умерла-то она все равно здесь...

Под взглядами равнодушных прохожих, которые шли мимо по своим делам, не обращая внимания, как погибает на скамейке девушка. Или замерзает бомж. Или старик от сердечного приступа... Зачем тут волшба и скамейки-оборотни? Достаточно простого человеческого безразличия.

– Там, в конце аллеи, кафе есть, – сообщил напоследок дворник, глядя, как я, болезненно кривясь, пытаюсь свернуть промерзший гобелен в рулон. – Кофе дают и еще чего покрепче...

Лишь когда он отошел, я спохватился, что забыл спросить, где именно нахожусь и который час. Но если со временем суток еще кое-как можно разобраться (судя по солнцу и прохожим – примерно середина дня), то с местонахождением было сложнее. Последнее, что я помню со вчерашней (вчерашней ли?) ночи, так это смутное месиво городских огней, надвигающееся навстречу. Неприятно быстро надвигающееся, потому что потерявший управление и ошалевший самолет несся по стремительной синусоиде и готовился рухнуть на землю. А дальше... Что было дальше? Кажется, потом я еще куда-то брел, волоча за собой гобелен, как дракон перебитые крылья (тяжело, бесполезно, но не оставишь), а затем...

Не помню. Как здесь оказался, почему не замерз за ночь в мокрой одежде и откуда... Я ошеломленно уставился на незнакомую куртку, в которую был облачен. Недоверчиво

потрогал теплую подстежку, еще хранившую ключья распавшегося обогревающего заклатья... Заклятие, если судить по почерку, мое. Откуда я взял на него силы? Не помню... После битвы титанов я был выжат досуха... Но, допустим, что что-то сохранилось. Однако куртка-то настоящая... И рана в плече залечена. Кое-как, но залечена, только на свитере все еще сохранился разрез, испачканный кровью.

Я потер ноющие виски. Соображалось плохо. Вспоминалось еще хуже.

Ведь все равно замерз. Если не насмерть, то где-то близко к этому. Выстыл изнутри, как распахнутый настезь дом зимней ночью. И если не предпринять срочные меры, то можно остаться на этой скамейке подтверждением городской легенды.

Кое-как упаковав гобелен (спасибо, друг, ты здорово выручил меня вчера), я двинулся в указанном дворником направлении.

Серьезная девушка за стойкой несколько секунд пристально изучала меня, не решаясь взять деньги, но затем все-таки выставила чашку с кофе. В крошечном зале кафе-фонарика все равно никого, кроме меня, не было, так что клиентов я ей не распугаю.

Мельком увидев свое отражение, размноженное в зеркалах, развешанных в простенках, я подивился человеколюбью и мужеству этой девушки. Зрелище было то еще. Мут-

ный взгляд. Опухшая, перекошенная, со ссадинами и синяками физиономия. Изжеванная одежда. В охапке темный ворох грязного, наспех свернутого полотнища.

Ни запаха, ни вкуса кофе я не ощутил. Горячая жидкость наскоро обласкала язык и нёбо, чуть разморозила замороженную глотку и бесследно канула в желудке, не вызвав отклика. Не кофе мне сейчас требовался. Но ничего другого, вопреки заверениям дворника, в заведении не оказалось. Или я зашел не в то кафе?

Грея руки об остывающую чашку, я тупо смотрел на смятую пачку грязноватых купюр, которые добыл в результате мучительных и неловких поисков под недоверчивым взглядом девушки за стойкой. Кроме денег я обнаружил втиснутый в задний карман справочник. Видно, с этой книгой мне не суждено расстаться ни при каких обстоятельствах, хотя очередная куртка отошла в неизвестность. Которая по счету за последнее время? И почему-то всегда с припасенными деньгами. Закономерность это или моя безответственность? Некоторых удары судьбы ничему не учат.

Впрочем, взамен я приобрел другую. Пусть и явно ношенную. А вместо утраченных собственных денег приобрел не слишком толстую пачку денег чужих. И тайна их происхождения скрывалась в смерзшихся складках моей памяти.

Что-то произошло ушедшей ночью. Я не помню что.

– Желаете что-нибудь еще? – с вежливой неприязнью осведомилась девушка, рискнув оставить свою безопасную

стойку и приблизиться ко мне.

Желаю. Бутылку коньяку. И фирменный обед с восемью переменами блюд... Ну или хотя бы таблетку аспирина.

– У меня есть аспирин, – вдруг отозвалась девушка, внешне сразу смягчившись. Похоже, последнее пожелание я высказал вслух.

И она действительно принесла аспирин. И еще одну чашку кофе в одноразовом стаканчике. И виновато попросила уйти, пока не увидел хозяин.

Я ушел. Зачем огорчать добрую девушку? Сгрыз пожертвованный аспирин, запив его кофе, устроился возле декоративной башенки на берегу забранного в разноцветную плитку ручейка и принялся размышлять.

Потребность что-то делать (срочно! обязательно!) смешивалась с апатией (зачем, если все так паршиво?..). Как яд Магрицевых мантикор отравлял кровь, так посеянные им сомнения разъедали душу. А ведь верно, если бы моя семья хотела вытащить меня даже из пределов Белых, они бы наверняка нашли способ поэффективнее подсказанного Корнилом. Зачем надо было так усложнять? Как ни печально, я сам могу предложить несколько причин. Начиная с того, что я, как ни крути, чужак в доме Корнила. Приемьш. Белая ворона в Черной стае. Как в прямом, так и в переносном смысле. В свое время Корнил и его Семья были вынуждены порвать с некоторой родней именно потому, что те отказались принимать чужака в клан. Зато в последнее время утра-

ченные связи, если доверять слухам, были восстановлены. С какой стати? Я давно не был дома, возможно, я многого не знаю...

А может, поверив словам человека, который пытался меня убить, я готов отказаться от доверия к тем, кого знаю давно? Что во мне изменилось, когда я отвечал ударом на удар тех, кого считал своими союзниками? И, возможно, убил кого-то из них. Кого-то со своей стороны.

Что теперь? Искать новых союзников? Довериться старым? Обратиться к друзьям? Они далеко. Да и кому из них я могу верить, если сомневаюсь, верить ли Семье? Увы, практически все, с кем я общался в последние дни, предали меня... Кроме Ксении. А она исчезла. К тому же у нее сейчас свои встречи и решения... (Почему-то мысль об этом шевельнулась и болезненно ужалила, как старая заноза.)

Аспирин наконец подействовал, слегка уняв головную боль и прояснив сознание. Меланхолический чистый ручеек в выложенном цветной плиткой русле переливался солнечными бликами, полоскал золотые и бурые листья, уносил сделанный из щепки кораблик. Нужно заклятие само собой всплыло в памяти. Кораблик заметался, кружа по образовавшейся водяной линзе. Я поднял его за мачту-зубочистку с куском пластиковой папки вместо паруса и поставил в траву. Погоди, поплывешь чуть позже...

«Встретимся в Зале Трибунала» – на несколько мгновений исказили водяное зеркало кривоватые буквы и растек-

лись радужной пленкой. Наскоро оглядевшись (а то еще укут за нарушение порядка в общественном месте), я закрепил послание самой доступной в такой ситуации жертвой.

И лишь когда ручеек успокоился и мирно зажурчал, унося прочь опавшую листву, я снова поставил на воду кораблик. Не я его отправлял, не мне прерывать его путь. Тем более что за щепкой тянулась белесая, слюдянисто поблескивающая нить чьего-то заветного желания.

Подождать ответа? Ну если только с полчаса.

А затем неожиданно для самого себя, пригревшись на солнце, я задремал, прислонившись спиной к шершавому камню башенки. То ли принятое решение успокоило, то ли снотворное еще не исчезло из крови, а может, измотанный, больной организм все-таки взбунтовался, взяв контроль над дурной головой, которая, как известно, ногам покоя не дает.

Второй раз меня разбудил мучительный, грызущий голод.

Я встрепенулся, раздирая слипшиеся веки. Искрилась вода в ручье. Стайка водяриков, привлеченная волшбой, сновала на месте исчезнувшей линзы, подбирая крохи остаточной магии.

М-да... Если водяные духи и приносили ответ, то усилиями полупрозрачных многоножек он уничтожен. Но, скорее всего, ничего и не было. Ни Воздух, ни Вода не тревожились в последние часы.

Я тряхнул головой, пробудив волны мутной боли, но за-

то избавляясь от наваждения. Снова, как утром, в сознании шевельнулось что-то жадное, готовое вырваться на волю, если внутренние перегородки рухнут под его напором. Нечто голодное, провожающее прогуливающихся мимо людей излишне пристальным оценивающим взглядом.

Отогревшаяся память расправлялась, как смятый кусок бумаги. Медленно и неохотно, не желая отпустить что-то важное... Острый медный привкус обжег язык. Нет, не сейчас.

Блеклая тень медленно перетекала по камням башенки возле ручья, тщетно стараясь принять устойчивую форму. Я машинально потер застывшее плечо, которым соприкасался с камнями. Мышцы ощутимо кололо. Если бы не солнце, нещадно поливающее все вокруг, друг Ноилл мог бы и докопать меня своей тягой к общению. Хорошо, хоть не стонет... Как убедить призрака, что у меня есть дела поважнее, чем искать ему пристанище?

Подобрав отсыревший гобелен, приобретающий от небрежного обращения все более несчастный вид, я двинулся прочь.

Уже перевалило за полдень. День выдался погожий и теплый, не чета вчерашнему ненастью. Остановка трамвая называлась «Восточный городской парк отдыха». Оранжевый трамвайчик, немелодично позванивая, подкатил к остановке и любезно согласился принять меня в качестве пассажира.

В солнечном свете Белглав казался прямодушнее и наряд-

нее, чем вчера. Если размерами он слегка уступал Звеннице, то возрастом был заметно постарше и оттого мог позволить себе снисходительную, самоуверенную эклектичность. Современный защитный магический купол здесь вплетался в древний, еще прошлой эпохи каркас, выстроенный магами, чьи имена давно и прочно забыты. Ухоженные, аккуратные улицы норовили свернуться спиралью. Дороги безо всякой системы выкладывались строгой брусчаткой, кокетливой узорчатой плиткой или экономичным асфальтом. Широкие окна и лестницы соседствовали с узкими бойницами и глухими стенами. Кричащая современная реклама на стенах сменялась великолепной старинной мозаикой. А приветливые городские жители кормили голубей и гуляли с детьми возле угрюмого памятника жертвам войны Блеклых.

Детей по случаю солнечного дня было много.

– Эй, догоняй! – Карапуз верхом на лошадке промчался мимо. Деревянное животное моргало круглыми черными глазами и деловито стучало неподкованными копытами. Следом торопливо семенила пожилая дама.

Другой пацан, завистливо проводив счастливчика взглядом, вдруг подобрал палку, перекинул ногу и, лихо гикнув, понесся вперед, через пару минут обогнав всадника. Тот попробовал было пришпорить игрушку, но бестолковый конек был рассчитан лишь на «тихо» и «очень тихо».

Еще через минуту деревянную лошадку вела под уздцы бабуся, а оба пацана наперегонки азартно скакали на палках.

Я ухмыльнулся.

...В центральной части города расположилось маленькое круглое, сверкающее, как алмаз, озеро. Его отлогие берега, будто плиссированная светлая ткань, прикрывали бесчисленные ступеньки. Левее, на холме, высился храм-крепость, украшенный белыми, отливающими голубоватым серебром куполами.

«Крепость сия была поставлена славными рыцарями ордена Черного Журавля, дабы отражать атаки чудища озерного животворного, чьи злодеяния не давали покоя жителям города», – торжественно возвещала стела возле крепости.

Животворное, говорите. Эдак мимоходом лягнуть соседей...

Судя по изображению, «чудище озерное» смахивало на зубастого многоногого кита.

Все улицы центра выводили к храму с озером. В этом я успел убедиться, побродив окрест. В мои первоначальные планы экскурсия не входила, но полное незнание географии города вкупе с любезной помощью горожан, у которых я неосмотрительно спрашивал дорогу, вскоре позволили мне изучить месторасположение не только совсем неинтересных мне зданий, но и весь центр заодно.

Поначалу это забавляло. Но лишь поначалу.

– Вокзал? – переспросил очередной встречный (почему-то все они норовили переспросить последнее услышанное от меня слово). – О, это вам совсем в другую сторону.

Это через мост и налево...

Дорога через декоративный мост и налево хитро вильнула и в очередной раз вывела к набережной, откуда неизменно открывался прекрасный вид на озеро и храм. Вдоль каменных перил потерянно бродили группки людей, снабженные связками ярких магазинных пакетов и поникшими видеокамерами.

Ну конечно же! Центр. Потоки дефилирующих туристов, умело направляемые ненавязчивыми заклятиями туда, куда нужно тем, кто оплачивает этот заказ. Над прохожими стелилось золотистое, дразнящее марево, распадаясь на отдельные ручейки и снова стекаясь в единый поток; цепляет, слегка туманит взгляд и морочит голову... На аборигенов не действует вообще, потому что они заняты своими делами. А вот для тех, кто просто гуляет безо всякой цели, рассеян или плохо знает город, это в самый раз.

Хмыкнув, я потратил все-таки несколько монет на приобретение карты в сувенирной лавке (на стилизованной под старину карте зубастые многоногие киты, выползающие из озера, атаковали оцетинившийся копиями храм на берегу), и город сдался, выпрямив улицы и открыв десяток новых переходов, зданий и мостов.

Например, вот эту небольшую площадь, в центре которой маячило старинное, вытянутое по вертикали здание, сложенное из традиционного черного камня. Машин почти нет, зато полно пешеходов. Сама площадь перед зданием Представи-

тельства вымощена разноцветной плиткой. Каждый сегмент дорожной мозаики имеет неповторимую форму и, по сути, является элементом гигантской головоломки, оценить масштабы и красоту которой способны разве что каменные грифоны, примостившиеся на крыше здания. Но грифоны за десятилетия своего проживания наверху наверняка уже успели насытиться великолепием мозаики вдоволь, и оттого взгляд их стал равнодушен и тускл, и даже клювы брезгливо отвернуты.

Внизу, возле ступеней главного входа, припаркована единственная на всю площадь машина. Но зато какая! Белоснежная «домината» с огненной вязью именной подписи на левом крыле. Неплохо живут местные маги...

Сам не знаю зачем, я сбавил шаг, рассматривая здание. А что, если войти? В конце концов, мою лицензию никто не отменял, и попросить конклав Черных магов о содействии я имею полное право...

– Говорят, если найдешь особенную плитку на этой площади и расковыряешь ее, то из-под нее можно вытащить «око-страж», – донесся справа приглушенный, но восторженный голос. – Тут их полно должно быть.

– А на кой тебе «око»?

– В машину поставлю. На той неделе снова чуть не угнали.

– Дешевле приличную охранную систему поставить, тем же магом наговоренную, чем ковырять площадь прямо на глазах у Черных. А то они тебе такое око засадят – до смерти

через зад смотреть будешь.

– Что ты понимаешь! Эти охранки сплошь и рядом вскрывают. На любого умельца и мага находится другой умелец и маг. А «око-страж» никому не удастся обмануть. Причем у Черных оно лучше, потому что старая и ручная работа. Сейчас таких не делают.

Я скосил глаз. За столиком на открытой веранде чинного ресторанчика восседала компания, глазевшая на здание напротив. Еще несколько таких же веранд разместилось по периметру площади. Владельцы грамотно рассудили, что туристам (и не только из Белых территорий) будет небезынтересно глянуть на гнездо Черных магов, с комфортом расположившись за столиком и прихлебывая горячие напитки. Хотя, возможно, идея не имела бы такого успеха, окажись площадь чуточку меньше диаметром.

Что ж, воспользуемся предложением...

Полноценные обеды здесь не подавали, видимо руководствуясь эстетическими соображениями, но на пирожное с кофе рассчитывать было можно.

Компания за соседним столиком дружно снялась с якоря и двинулась наискось через площадь, старательно таращась под ноги. Похоже, проблема охраны имущества перевешивала здравый скепсис, свойственный большинству людей.

«Страж-око» им... Небось местные дорожные рабочие замаялись уже плитку заново выкладывать.

– А еще говорят, у них тут в каждой колонне по покойнику

замуровано... – занявшая опустевшее место семейная пара продолжила традицию пересказывания баек.

Ну допустим, не в каждой колонне, а всего в двух крайних с фасада. По старинной традиции при закладке здания один-два мага добровольно (изредка под нажимом коллег) отдавали свою жизнь во благо общего дела. Как там формула? Каждой стихии свою жертву. «Плоть – Камню, дыхание – Воздуху, кровь – Воде, жизнь – Огню...» Или Огню что-то другое?

– И что же они тут не черные? – осведомилась одутловатая женщина в кепке у своего упитанного супруга, дожевывающего здоровенный эклер.

– Кто – не черный? – поперхнулся муж пирожным. – Тут все маги как есть Черные.

– Сестра говорила, что они и на лицо черные должны быть. А мы за целый день ни одного такого не видели. Ну кроме того парня, который турист из Бенин, так он и не маг вовсе.

– Ну ты... И сестра твоя, – выдохнул муж невнятно, не сыскав достойных эпитетов. – Те, что лицом черные, живут на западе. А эти все местные. Здесь сроду не водилось темнокожих.

– Так отчего ж их черными зовут?

– Да оттого, что волшба Черная!

– Ну и где она Черная? Тут же все как у нас, только город побольше. А люди такие же. И реклама такая же. И магази-

ны... Мы же вот только утром купили тебе «хрусты», какие ты дома на завтрак любишь. Они тут, правда, дороже, а так те же самые.

– Да при чем тут «хрусты»?.. – Муж раздраженно заперхал, подавившись пирожным. – Магия, она же внутри. Мы не видим, как тут все устроено. А на поверхность выходит то, что надо людям. А людям всем надо одно и то же. Вот оно и выглядит одинаково.

– Ну а тогда разница в чем?

– Я же говорю тебе... – Он умолк, махнул рукой и запищал в рот остатки пирожного, прекращая дискуссию. Кажется, объяснять взаимосвязь между Черной магией, темной кожей и наличием в магазинах одинаковых продуктов показалось ему слишком трудоемким процессом.

К Представительству подкатил приземистый «драгун», грубоватостью и резкостью обводов действительно смахивающий на отставного военного. Вокруг автомобиля трепетала такая мощная аура, что странно, как простенький «драгун» все еще не рассыпался на составные части. Автомобиль уверенно пристроился возле элегантной «доминаты». Из салона выскользнул худощавый шатен среднего возраста, только взглянув на которого я спрятал глаза, сосредоточившись на своей чашке. И наглухо «закрылся», хотя знал, что это бесполезно.

– А я думала, у магов только хорошие машины, – разочарованно сказала мужу все та же женщина за соседним сто-

ликом. – Подруга моя, Ольна, – помнишь? – хвасталась, что ее ухажер дешевле, чем «саламандр», ничего и не хотел покупать. А он даже не маг, а секретарь в какой-то фирме при Белых.

– Дура, – припечатал безапелляционно муж. – Это ж и не маг вовсе. Не видно, что ли?

Взор «не мага», мельком оглядевшегося вокруг, словно наждаком прошелся по окрестностям. Только что не скрежетал, соприкасаясь с живым и неживым. Девушка слева неуютно поежилась. Ребенок зашелся криком. Официант едва удержал поднос. Качнулся тент над головами... Да нет, это всего лишь ветер. Показалось.

А затем «немаг» уставился в нашу сторону. Как-то укоризненно. Да так, что даже самодовольная подруга Ольны неуверенно заерзала на месте. И, к ее величайшему и нескрываемому неудовольствию, владелец «драгуна» зашагал напрямик к нам.

Я проглотил остатки кофе, избавляясь от мерзкого привкуса бессилия и поверх чашки наблюдая, как неприметный шатен приближается. Уверенным, упругим шагом человека, который знает, что его ждут. И неотвратимо, как и положено неприятностям.

Говорят, Стоян Лев, по прозвищу Ловчий, никогда не пользуется магическим даром по каким-то своим причинам. И его легендарная способность выслеживать людей, находить вещи и предсказывать события не имеет никакого от-

ношения к колдовству. А природная его наблюдательность превосходит все «страж-очи», вместе взятые...

Подсыпают они что-то в свой кофе, что ли, если всех, кто испробовал напитка, тянет мусолить слухи и байки?

– Разрешите? – осведомился негромкий хриповатый голос.

Я кивнул. А что еще оставалось делать?

Лев неспешно устроился напротив, заказал чашку кофе и задумчиво отхлебнул, рассеянно глядя сквозь празднующих по площади людей. На меня он не смотрел. Все-таки не узнал? Или не заинтересовался?

Ну и бес с ним. Не собираюсь я тут трепетать, догадываться о его намерениях и ждать своей участи. Как не собираюсь заходить в Представительство. Хватит с меня новых встреч.

Приняв решение, я попытался было встать, но так и остался на месте, зацепившись за взгляд обернувшегося Ловчего. Ни малейшего магического принуждения не было в этих глазах, но их выражение удержало меня на месте прочнее иных приказов-заклятий.

– Спешите? – дружелюбно спросил Ловчий как ни в чем не бывало.

– Да, пожалуй, – согласился я.

– Уделите мне несколько минут...

Я уныло, с мимолетной завистью обозрел площадь и туристов, созерцавших ленивую зевоту каменных грифонов наверху. Часы под сводом крыши отбили прожитый час. С каж-

дым ударом в воздух выплескивались горсти искрящихся цветных звездочек. В давние времена, по слухам, звездочки превращались в мелкие монетки, но указом какого-то рачительного градоначальника сия забава была прекращена, поскольку пагубно воздействовала на бюджет города, порождая инфляцию...

Но все равно красиво. Не так эффектно, как возле «Детского мира», но радует глаз.

А вот человек, устроившийся напротив, совсем глаз не радует.

Ощущение близкой опасности накатило внезапно, смяло оцепенение, высвобождая углы и пружины защитных рефлексов. Уже случившаяся беда. Здесь. Сейчас. Прямо передо мной. Словно упала защитная стена, обнаружив спрятанное за ней чудовище. Человек напротив был смертельной угрозой.

Раскрытая ладонь Ловчего остановилась буквально в паре сантиметров перед моей рукой, не успев соприкоснуться, но отклонив направление удара. Завидная скорость, и ни малейшего проявления чувств на лице.

– Стоп. Не надо резких движений.

Худошавый, невысокий человек с обманчиво мягкими серыми глазами аккуратно, я бы даже сказал, деликатно уклонился чуть в сторону, чтобы моя кисть с пальцами, сведенными в убийственный *выверт*, оказалась левее его переносицы.

Со звоном упала наземь ложечка. Мы оба автоматически проследили за ней и лишь потом снова посмотрели друг на друга. Взгляды скрестились, надавили, оценили... Нет, мне не пробить с ходу этот щит.

– Здравствуйте, господин Стокол, – спокойно произнес Ловчий, выдержав паузу.

– Здравствуйте, господин Лев, – выдохнул я, расплетая сведенные судорогой пальцы.

Ловчий слегка улыбнулся:

– Узнали? Польщен.

Как ни странно, но опознать этого человека вблизи оказалось сложнее, чем издалека. Он часто попадал в новости, хроники и газеты, но никогда крупным планом. И мало кто вообще примечал его лицо – спокойное, немного заостренное к подбородку, с впалыми, хорошо выбритыми щеками, узкими губами (уголки горестно опущены) и широко расставленными, безмятежными глазами цвета старого льда. И, как за толстой ледяной коркой, за непроницаемостью его глаз таилось что-то давнее, тяжелое и глубокое.

Я никогда не встречался с этим человеком лично. Но я обязан ему возвращением своего собственного имени. И не мог не вспомнить его, хотя раньше видел только в чужих репортажах.

– Узнал, когда вы выходили из машины... – признался я.

От Ловчего исходило ощущение слежавшейся, плотной силы. И сила эта казалась непривычной. Словно от долгого

неупотребления она перешла в иное качество. И отличалась от обычной силы, как, например, тяжелая вода от простой воды. Составляющие те же, а суть другая...

– Тогда опустим формальности, – усмехнулся Лев, продемонстрировав краешки белоснежных клыков.

– Опустим, – согласился я. – Мне следует добровольно забраться в ваш мешок для охотничьих трофеев?

– Что?.. Ах, нет. Охота еще не объявлена. Но заказ я получу, как только вернусь в Представительство. А посему у вас есть небольшая фора... Впрочем, нет, у вас есть большая фора, поскольку я откажусь от заказа. Но другие не откажутся.

– Я удивлен. Почему?

– Почему не откажутся?

– Почему вы откажетесь?

– Я нахожу людей и вещи. Иногда не те, что мне заказывали. Иногда не то, что мне хотелось бы. И совсем редко я нахожу то, что никому не хотелось бы найти. Так что мне знакома ваша ситуация. А еще, комбинируя людей с вещами, я предсказываю события... И то, что я вижу, мне не по душе. Мне не нравится то, что случится, если вас поймают Белые ли, Черные ли – неважно. И еще меньше мне нравится то, что случится, если вас не поймают... Но то, что произойдет, если найденное вами так и окажется сокрытым навсегда, меня пугает в сотни раз сильнее...

– Вы знаете, что я нашел?

– Догадываюсь.

– Завидую. Потому что я лично понятия не имею, о чем идет речь. Поделитесь знанием?

– Ни в коем случае. Потому что если вы так ничего и не поймете и ничего не достигнете, у всех будет второй шанс. Можно будет попробовать снова. Но если вы, зная все, ошибетесь, второго шанса не будет.

– Вы говорите загадками.

Издержки профессии. Трудно говорить внятно, когда о многом приходится умалчивать. И еще труднее, когда мало что известно. – Он снова горько усмехнулся. – Но одно могу сказать наверняка: вы приняли разумное решение не наносить визит местным коллегам, хотя они будут весьма огорчены вашим отсутствием.

– Передайте им мои сожаления.

– Непременно. Но перед тем как мы распрощаемся, я бы предложил вам задержаться еще буквально на несколько минут. Я не настаиваю, но думаю, вам будет интересно...

– Что именно?

– Увидите.

Пытаясь справиться с собственным замешательством, вызванным этим странноватым диалогом, я принял его предложение и остался, ожидая неведь чего. Мелькнула и пропала мысль о западне. Нет, если бы Ловчий хотел схватить меня, то он давно бы это сделал. А он просто сидит рядом, с видимым безразличием просеивая взглядом толпу, и вертит

в пальцах короткую черную папиросу.

– Как вы меня нашли?

– Ну не так много людей в этом городе таскают с собой на прогулки гобелены стоимостью в целое состояние... Вы сильно шумели прошедшей ночью в поместье у господина Магрица. Отмечали встречу?

– Выясняли отношения.

Лев покосился на меня. Искорки интереса мелькнули в непроницаемых глазах, как отсветы спрятанного глубоко подо льдом костра.

– Магриц вернулся только сегодня утром и, насколько мне известно, до сих пор пытается навести порядок в своем хозяйстве после вашего визита.

– Надеюсь, это его развлечет.

– Любопытно... А ведь охранная система дома Магрицев вот уже несколько веков считается эталонной. Когда-нибудь, при более благоприятных обстоятельствах, не сочтите за труд рассказать, как вам удалось оттуда выбраться.

– С удовольствием, – согласился я, не особенно пытаясь скрыть злорадную мстительность интонации. И в свою очередь спросил: – Почему вы заметили меня, а другие – нет?

– Потому, что предположение, что вы вернетесь в город, они сочли маловероятным, хотя подстраховались и на этот случай. А я имею дурную привычку считать все варианты одинаково возможными. Ну и еще потому, что они ждут мага, а я ждал Троя Стокола. И не могу не заметить, что все

ваши ходы легко просчитываются.

– Вы знаете, куда я пойду дальше?

– Разумеется. К ближайшей точке перехода. Вам надо попасть на Архипелаг. Иначе как через Врата это не сделаешь. И думаю, подобный ход событий могу предсказать не только я.

Я неопределенно повел плечами.

– Взгляните, – внезапно велел Ловчий, кивнув на Представительство.

Поскучневшие было зеваки зашевелились, наблюдая, как к зданию подъезжают еще автомобили. Все-таки люди, превращаясь в туристов, теряют изрядную толику своего интеллекта и ждут от заурядных событий чего-то фантастического. Ну чего они ждут? Хотят лишний раз убедиться, что маги с виду ничем от людей не отличаются. Или они думают, что из машины выберется Полночный Жрец в полном облачении?

«Жрец», разумеется, не появился (а с чего ему появляться, если последние представители этого странного культа доживали свой век в пустыне Аби под неусыпным присмотром этнографов?), а поднимавшиеся по ступеням люди оказались самыми обычными деловыми господами и одной дамой, коими и положено начинять представительский транспорт. Человек восемь в хорошо сшитых одеждах, выдержанных в строгих тонах. Возле городской администрации или Торговой Палаты полно таких. И разочарованные туристы

неохотно потянулись в разные стороны. Зато теперь я замер, уподобляясь недавним зевакам.

Двоих из тех, кто направлялся к лестнице в Представительство, я знал. Нет, даже троих...

Во-первых, чернявого господина с широкими желтоватыми залысинами, выбравшегося из крайнего автомобиля и суетливо кутавшегося в пальто. Водитель, придерживающий дверцу, терпеливо ждал, пока Никош справится с вещами, аккуратно подхватывая и возвращая владельцу поочередно оброненные шарф, перчатки и портфель. А во-вторых... Нет, патрона Никоша я бы сразу не узнал, тем более со спины. С Бложевым мы встречались всего лишь несколько раз, и ни разу я его не видел в движении. Так что господина заместителя главы Белых города Звенницы я заметил последним, когда тот уже входил в двери, да и то потому, что неподалеку находился его подчиненный. А вторым я узнал хмурого, долговязого человека в очках без оправы, сменившего привычную доху на дорожное пальто, но оставившего на лице излюбленное раздраженное неудовольствие. Доктор Август Нота, не дожидаясь никого, широкими шагами поднялся по лестнице и скрылся во чреве здания.

Никош засеменял по ступеням, нагоняя остальных. Задержался, видно пытаюсь вспомнить, а не оставил ли он нечто важное в машине. Обернулся...

Я запоздало спохватился, но скрываться было уже поздно. Наоборот, любые метания сейчас только привлекли бы

внимание. И долгие секунды я обмирал, ожидая удивленно-го возгласа... Обошлось. Никош равнодушно мазнул по мне близоруким взглядом, не узнавая и вряд ли вообще замечая, переговорил с водителем и устремился за всеми.

– Кстати, обязательно купите сегодняшнюю газету, – посоветовал внезапно Ловчий.

– Газету? – машинально переспросил я, кажется подхватив привычку к уточнению у местных. Но ответа не последовало, и, когда я обернулся, Ловчего уже не было. Растворился, и все тут.

«Беспрецедентное событие...»

Сегодняшней ночью была ограблена уникальная коллекция Флаина Магрица, известного во всем мире собирателя древних артефактов. В момент ограбления сам хозяин дома отсутствовал, но со слов его управляющего, господина Робара Агана, события происходили следующим образом: некий молодой человек (предположительно маг), сославшись на давнее знакомство с господином Магрицем, проник в его дом и, воспользовавшись своими силами (либо наведенными каким-то третьим лицом чарами), напал на Робара Агана, обезвредил его, а затем вскрыл коллекцию артефактов, похитив оттуда несколько бесценных предметов, среди которых – старинный гобелен ручной работы. До сих пор остается неясным, каким образом грабителю удалось взломать защиту сокровищницы, ранее считавшуюся абсолютно непри-

ступной. Более того, скрываясь от преследования, вор нанес значительные повреждения уникальному поместному ландшафту дома Магрицев. Пострадала также часть прилегающего к дому шоссе...»

Не вор, а монстр какой-то... На бульдозере приехал и ландшафт перекопал.

«...Со слов управляющего Р. Агана, грабителем является человек, действительно лично знакомый его хозяину. Это некий Т. С, молодой маг, происходящий из одной известной фамилии, а также воспитанник одной из самых старых магических школ. Много лет назад именно благодаря содействию Флаина Магрица была устроена дальнейшая жизнь этого человека. И тем сильнее недоумение самого господина Флаина Магрица, получившего за свое гостеприимство и доверие такую черную неблагодарность...»

Неблагодарность, говорите... Чернее ночи...

«...В настоящий момент подозреваемый находится в розыске. Его изображение и особые приметы распространены по всем каналам связи. Надежда вернуть ценные артефакты остается...»

Я скрипнул зубами, дочитав статью, занимавшую всю первую полосу самой толстой из только что купленных газет. С цветными снимками скорбного Агана, дома Магрица и изрядно пострадавшего пустыря вокруг него (выглядело и впрямь впечатляюще; особенно ров и зияющие раскрытыми глотками гигантские ямы на пустоши).

И что это за «предметы» я уволок из Магрицева жилища?

Я оторвался от газеты и угрюмо осмотрелся. Вопреки опасениям, никто не спешил кидаться ко мне с воплями «держите вора!». Народ возле вокзала торопился по делам. Мужчина в костюме купил газету в том же автомате, что и я, мельком глянул на первую страницу и сразу же сунул приобретение в портфель, устремившись к такси. Барышня, торгующая мороженым, скучно зевнула над разложенным на лотке газетным листом.

Но беспокойство не уходило. Опять бежать и прятаться. Из похитителя я превратился в грабителя. Легко и незаметно. Не прилагая к этому ни малейших усилий. Исключительно благодаря хлопотам и содействию добросердечных людей, одним из которых является милейший Флаин Магриц.

Беззвучно, но от души выругавшись, я машинально перелистал газету до конца, мало интересуясь напечатанным в ней, но лишь для того, чтобы собраться с мыслями. Впрочем, снимок над заметкой на пятой странице невольно привлек внимание. Несколько мгновений я задумчиво таращился на изображение смеющейся синеглазой девушки в искрящемся бальном платье, которую аккуратно обнимал за плечи мрачноватого вида мужчина. Подпись: «Милан Торжич с дочерью Ксенией». На втором снимке этот же мужчина с уже откровенно хмурым выражением лица в сопровождении телохранителя поднимался к дверям банка: «...деловой визит Милана Торжича в Белглав... Контракт на поставки...»

Насмешливая девушка в «единороге»... Залитое кровью, почти прозрачное лицо девчонки в подземельях... И вот эта восхитительная светская красавица на фото... Ксения.

«Спасибо, что вернулся за мной».

Знакомое щемящее чувство шевельнулось в душе. Сожаление? Похоже... От чего-то неслучившегося или, наоборот, случившегося, но не так, как хотелось бы.

Я оборвал снимок по краю и сунул в карман, старательно избегая даже мысленного «зачем?». Просто пусть будет. И, поспешно пытаясь замазать неловкость, перерыл оставшиеся газеты, пестревшие аналогичными заголовками об ограблении Магрица, оттеснившими с первых страниц даже сообщения о похищении Белой Королевы у соседей. Одно мое мифическое преступление перекрыло другое. Можно гордиться... Заодно я наткнулся на объяснение, отчего подробности об украденном гобелене не вынесены в начало. В одном из мелких местных изданий, в разделе слухов и домыслов, скромно помещалась небольшая ехидная статья на эту тему.

«...Украденный гобелен, со слов владельца, представляет собой ценность скорее эстетическую, чем историческую. Магриц избегает рассказывать подробности. Но, по нашим сведениям, похищенный гобелен может иметь гораздо большую ценность, если домыслы о сокровищнице Магрицев верны и там мог храниться гобелен уникальнейший, за которым вот уже много десятилетий охотится Всемирный Музей. Гобелен этот относится к первому веку до начала Эпо-

хи либо к первым векам нашей Эпохи и представляет собой полотно ручной работы в традиции «ло». Имя мастера не установлено, предположительно Лорар Целот. Батальное полотно на мифологическую тему, изображающее, вероятно, финальную битву Предвечной войны. Стоимость предмета по последней оценке экспертов аукциона в Кроссвааде около восьми тысяч. Так что ценность данного гобелена неоспорима и велика. Отчего же господин Магриц избегает рассказывать подробности об украденной вещи? В осведомленных источниках высказывается мнение, что кража гобелена – это своего рода восстановленная справедливость, поскольку еще дед ныне здравствующего Флаина Магрица был замешан в темной истории, связанной с данным предметом искусства, и, как утверждают, получил его незаконным путем. Есть версия, что гобелен этот из наследия Великого Мага. Правдивы эти слухи или нет, нам неизвестно, но никто из Магрицев ни разу не выставлял сей гобелен на всеобщее обозрение, и экспертные оценки проводили камерно...»

Занятно.

Укрывшись от любопытных взглядов в кабинке туалета на вокзале, я не без труда развернул слипшееся и испачканное полотно несчастного гобелена и тихо присвистнул. После всех ночных приключений мне так и не удалось снова рассмотреть свое неожиданное приобретение, зато теперь белое сияние люминесцентных светильников выявило произошедшие с реликвией изменения. Не только оттого, что

гобелен стал грязен и отсырел. А потому, что блеклые краски внезапно расцвели, проступили резкие очертания людей и предметов, словно с масляной картины смыли разводы акварели. Похоже, на поверхность гобелена нанесли маскирующий магический слой, который смылся во время вчерашнего сумасшествия.

Воины белые, воины черные (лицо каждого воина кажется живым и уникальным, как на фото), незнакомые стяги и штандарты над головами, золотое солнце в черном ободке и угольная луна в сверкающей серебром короне, смутно угадываемые горы на заднем плане...

Говорите, ценность эстетическая, а не историческая? И мерзавец «Т. С.» коварно проник в дом с целью наживы. И украл целый мешок «предметов», завернув в драгоценный гобелен. Что ж... Тогда воспользуемся плодами нажитого. Тем более что мне понадобятся деньги для путешествия. Раз уж меня объявили вором, значит, извлечем из этого максимум пользы...

Провернулся в глубине души колючий шар совести. Шевельнулся и затих. Слишком много обвинений сразу, чтобы размышлять и смаковать. Сейчас надо выживать.

Покачиваются прозрачные колокольцы, еле слышно звеня, реагируя на эманации магических течений. Золотая, янтарная, палевая древесина словно течет, изгибаясь в замысловатых, путаных узорах резьбы. Отражаются огни в сине-

ватом зеркале металла. Беззвучны и глубоки тени в складках тканей, и кажется, что вытканые на них листья и цветы шевелятся. Изящные, тонкие и упругие, как иглы дикобраза, ветки серебряного дерева сплетены в сложные знаки: «покой», «молчание», «весна» – и подвешены в воздухе, составляя вместе композицию, прочесть которую мне не удастся из-за скудных познаний в языке ушедшего народа сумрачных.

Красиво.

Зря я сюда зашел.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – поинтересовалась средних лет женщина, в костюме, выдержанном в том же стиле, что и весь интерьер антикварного магазина.

Вопрос ее бесплоден и звенит как обожженная глина. Она уже издалека успела оценить и мой внешний вид, и потрепанный сверток в руках. И потому за ее плечом высится охранник с обманчиво отсутствующим выражением лица.

Мое собственное лицо полыхало, словно под кожей пропустили раскаленные нити. В какой-то степени от неловкости и от досады по поводу этой самой неуместной неловкости. Но в большей степени от установленных в каждом углу «проницателей», которые чуют нанесенную на мою физиономию личину. Хорошо, хоть шум не поднимают. В каждом уважающем себя магазине предусмотрены «проницатели», способные различать даже малейшие магические уловки. Но в определенного рода магазинах также понимают, что

не все люди хотели бы демонстрировать свое лицо окружающим, и совсем необязательно по противозаконным причинам.

– У меня есть вещь... Я хотел бы... – проговорил я, но уже понял, что это бесполезно.

Женщина с тщательно скрываемым, но оттого еще более отчетливым презрением покосилась на так и не успевший развернуться гобелен и с отменной холодной вежливостью произнесла куда-то мимо меня:

– Боюсь, ваша вещь не представляет интереса для нашего магазина. Сожалею.

Зашипел лед чужого высокомерия, разбиваясь о мои горящие скулы.

– В самом деле, извините. – Я поудобнее перехватил тяжелый гобелен. За нами по полу потянулись разводы грязи. – Ваш магазин, как я вижу, предпочитает торговать фальшивками, вроде вот этого бесского подсвечника...

– Эта вещь уникальна... – От неожиданности ледяная маска женщины треснула, и оттуда выплеснулось искреннее негодование.

– Наймите эксперта получше, – буркнул я, направляясь к выходу. – Бесски ненавидят открытый огонь, поэтому никогда не пользуются свечами.

Уже на улице я стиснул зубы от нового приступа мутной досады. Нашел время и место сверкать познаниями. Тоже мне знаток бесского искусства. Надо было еще лекцию про-

честь на тему «Хороший торговец антиквариатом должен знать, что не все серебро блестящее, или как под неприглядной внешностью распознать сокровище». Незачем было вообще сюда соваться.

С остервенением я поскреб пылающие щеки и потер щиплющие глаза, а потом, выудив из кармана баллончик с личиной, вчитался в этикетку: «Перед нанесением желательно смазать кожу любым питательным кремом». Вздохнул и поболтал упаковкой, прислушиваясь к плеску. Еще больше половины осталось. Можно навестить пару-тройку магазинов. Только, подозреваю, результат будет тот же.

Вообще зря я опасался, что на меня набросятся стражи порядка, едва я попытаюсь продать находящийся в розыске предмет. Конечно, времени прошло мало, и никто еще не успел толком сориентироваться, да и описание гобелена Магриц придержал, но такой унылой апатии я не ожидал. Из первого антикварного магазина меня выпроводили, не позволив и рта открыть. Во втором выслушали без интереса и, мельком оглядев гобелен, сухо посоветовали отнести его в ломбард или комиссионную лавку. В третьем предложили примерно одну тысячную от его стоимости с условием оплаты эксперта из моего кармана. Никто не всплескивал руками в восхищении, и никто не бросался вызвать полицию. Вряд ли все они были некомпетентны, скорее никому просто в голову не приходило рассмотреть во влажном, темном полотне редчайшую вещь. Тем более в районе, где привыкли иметь

дело с добропорядочными гражданами.

Поэтому я навестил еще парочку антикварных лавок рангом помельче и подальше от центра. Потом еще...

Город надевал ожерелья ночной иллюминации, затмевая и растворяя мерцание звезд на небе. Перебирал бусы придорожных фонарей, нанизанных на нити дорог. Перекатывал торопливо потоки автомобильных фар. Смешивал коктейли из ярко полыхающих разноцветных реклам и молочных оттенков витрин. Выкладывал мозаику из освещенных окон домов.

Улицы затопили люди, беззаботные и серьезные, целеустремленные и лениво дефилирующие, послушные постепенно тающему зову рекламы, все больше молодые с виду или кажущиеся такими в лукавой игре городского освещения.

– Эй, парень, не желаешь? – от сумрака отпочковалась неразборчивая фигура, ухитряющаяся оставаться смутной даже в сиянии витрины соседнего гастронома. – Есть «полынный поцелуй». И «букет феи». И еще «орочья сушь»...

– Аспирин есть? – вяло осведомился я, пытаюсь совладать с ломотой в висках и переносице. То ли от беспорядочной остаточной волшбы, стелющейся в пространстве словно едкий дым, но скорее от накатывающей усталости и болезни.

– Аспирин? – поразился продавец. – И чего? От него тоже лучшеет?

– Мне лучшеет.

– Не, у меня все по старинке. Ты бы к извратам сходил, тут, за углом... Ну или в аптеку.

К извратам я не пошел, углядев справа от дворца Малой Комедии (закрыт на реставрацию) скромную вывеску очередной антикварной лавки. Уныло встряхнув почти пустой баллончик, я махнул рукой и поплелся через улицу. Все равно от этой *личины* мало проку. «Проницатели» и видеокamеры видят через нее, а для людей мой нынешний жалкий облик равносителен полноценной искажающей маске. Вряд ли они запомнят что-то большее, чем мрачного бродягу в потертой кожаной куртке с куском темного полотна.

Негромко тренькнул надтреснутый колокольчик над дверью. Пахнуло теплом, оттененным запахами старого дерева и лака. Качнулся причудливый жестяной фонарь над моделью старинного фрегата. Отсветы пробежали по металлическим зрачкам усеявших бархат разнокалиберных монет, лежавших в витрине возле входа. В первый момент мне показалось, что в полуосвещенном магазинчике никого нет, но тут же плавно шевельнулась фигура возле дальних полок и поплыла вдоль прилавка, неслышно и неспешно, как глубоководная рыба.

Продавца (или хозяина?) лавки ничуть не удивил поздний визит взъерошенного парня с явно больным взглядом и глупой историей о якобы случайно найденном гобелене. Склонившись над расстеленным на прилавке полотном и водя над ним крючковатым носом, старик задумчиво повторил:

– Значит, говорите, случайно нашли... В оставшихся после дальнего родственника вещах...

– Угу, – угрюмо подтвердил я, размышляя о том, что, если и этот продавец откажется купить гобелен, я пойду в ближайший ломбард и продам его как бабушкин настенный коврик. Лишь бы успеть до закрытия.

– И давно родственник помер? – хмыкнул старик, изучая краешек реликвии через лупу.

– Месяц назад, – брякнул я утомленно.

– Ну... – Старик поднял на меня насмешливые глаза неопределенно-темного цвета. – В таком случае покойного пути к вечным вершинам господину Флаину Магрицу. Надо же, какое огорчение с ним приключилось. А ведь буквально с час назад его показывали в вечерних новостях, и выглядел он вполне свежим. Хотя кто их знает, этих Черных магов. Все они немного некроманты...

Следующий вдох застыл где-то на полпути к легким, растопырившись твердыми углами.

Так. Нарвался. Как раз тогда, когда меньше всего этого ожидал. Чувство опасности оцепенело, задавленное болезненным оцепенением, – и вот результат. Сухощавый, крючконосый старик с острыми, буравящими глазками насадил меня на свой иронический взгляд как жука на булавку.

– А мне сегодня соседка-гадалка предсказала нежданную добычу, – продолжая рассеянно поглаживать ткань гобелена, молвил старик. – Кто бы мог подумать...

Дернуть гобелен на себя и метнуться вон. Он все равно не успеет перескочить через прилавок.

– Только не надо делать резких движений, – пронизательно поспешил предупредить продавец. – У меня порог из «стынь-камня» сделан. А прилавок «одоленью» окован. Закаровывал сам Кимон Врад. Покалечитесь.

– Никаких лишних движений я делать не собираюсь. – Я разомкнул наконец сведенные судорогой челюсти. – Вы покупаете вещь, или я ухожу.

Старик покивал.

– Ах, молодость, молодость... Тороплива и неосторожна. Я ведь не первый у вас сегодня, верно? Вы напрасно пытались продать его таким образом. Никто в этих районах у вас его не купит. Либо они слишком глупы, чтобы распознать сокровище, либо побоятся связываться с Магрицем. А вот я куплю. И даже предложу вам выбор. Или вы без шума принимаете мою цену... мм, скажем, сотни три, чтобы вы не слишком расстраивались...

– Или?

– Или я нажимаю вот тут тревожную кнопку – и сюда прибежит очень много людей. Поверьте, этот вариант даже мне не слишком нравится...

Ударить? Снести эту понимающую ироническую полуулыбку с его лица?.. Он ведь знает, что некуда мне деваться. А я знаю, что не смогу ударить старика... Даже если бы над прилавком не мерцала тонкая вязь «одоленю», усиленная чу-

жим заклятием. Хотя зря он так на нее надеется. Пробить можно...

Можно!

Глухая, темная горечь плеснулась внутри. Язык снова ожег знакомый металлический привкус. Притихшая было боль встрепенулась, пронзая виски и переносицу. Кровото-чащая, пустая каверна магического резерва стремительно наполнялась злым огнем невоплощенных образов. И яд расте-кся по жилам вместо привычного ощущения силы.

Еще немного, и...

Нет!

Стараясь не расплескать этот ядовитый огонь, удержать его в себе, не позволяя даже капле скользнуть наружу, до костяного стука стиснув зубы и при этом пытаясь двигаться максимально быстро, я качнулся назад, выхватывая одной рукой из кармана почти пустой баллончик с *личинкой*, а дру-гой рукой дергая на себя злосчастный гобелен. «Одолень» над прилавком не распознала угрозы в едва тлеющих про-стеньких чарах. В том-то и недостаток «одолени», что у нее строго ограниченный набор «опасных» предметов. Лезвия, пистолеты, кулаки и даже газовые баллончики... Но не бал-лончики с личинами. Да и какая в них опасность для жизни?

Мерцающая взвесь ударила в лицо старика, заставив того отшатнуться с проклятиями и зажмуриться, закрывая глаза ладонями. К счастью, сам магазинчик был размером мал, так что от прилавка до выхода шага четыре. И можно не бежать и

не делать резких движений, тогда «стынь-камень» пропустит без проблем. Отыгранных секунд должно хватить, главное – не поддаваться панике...

Зато снаружи можно и поддаться. Прижав к себе хлопающее полотно, я понесся по темным улицам, не разбирая дороги. Шарахаясь от неподвижных фонарей и шумных, ярко освещенных трамваев. Огибая пешеходов и мучительно стараясь даже не соприкоснуться случайно ни с кем, чтобы бушующее во мне смятенное, яростное пламя не перекинулось на других.

И когда постепенно густеющая тьма переулков, лишенная почти всех огней, внезапно распалась на человеческие силуэты, обступившие меня и что-то хрипло бормочущие («...закурить... эй, ты чего...»), бешеный огонь все-таки выплеснулся наружу, порождая какую-то иную магию... Наверное, страшную, потому что люди внезапно метнулись в россыпь, оставив после себя острый мускусный запах испуга.

А я остался стоять посреди узкой улицы, глотая раскаленной глоткой колючий воздух и слепо таращась перед собой. Окостеневшую память растопило злое пламя, позволив прочесть строки вчерашней ночи. Или, может, аналогия ситуации сработала.

Я вспомнил...

Незнакомый широкий двор, расчерченный серебристым светом отмытой недавним дождем луны. Перекладина каче-

лей, неподвижные туши припаркованных машин, откуда-то доносится смутная музыка. Вокруг многоэтажные дома, в редких окнах еще горит свет, над парой подъездов тлеют светляки ламп, но сам двор не освещен. Единственный тусклый фонарь вымыл из мрака угол дома и кусок тротуара – ничем не примечательные, слепые, безликие, как в тысячах подобных районов.

Да и был бы здесь указатель с названием улицы или номера дома – что мне это даст?

Незнакомый, по-ночному недобрый, чужой город.

Я попытался реанимировать гобелен, но ткань обвисла вяло и безжизненно. Тяжелая, намокшая, пахнувшая паленой шерстью и сыростью тряпка. Дотянула до города – и то хорошо...

Что-то мелькнуло на периферии зрения. Нечто темное на темном. Быстрое, достаточно большое. А может, померещилось от усталости. Горячка боя успела выветриться, пока стремительно мертвеющий гобелен тянул своего пассажира до города. Даже эмоции остались там, на пустоши. А за мной увязались, свинцом пригибая к земле, утомление, апатия и подоспевшая боль. Подернувшие, как пепел на догорающем кострище, неутоленную ярость и жажду мести. Вроде и тлеет, но уже по инерции, выгорая...

Повалиться бы здесь прямо на мостовую и лежать до утра. Все равно сил не осталось. Ни физических, ни магических... Но нет, бреду куда-то без определенного направления, воло-

ча за собой реликвию.

И натыкаюсь... Все правильно. Из темноты, стоило обогнуть дом, выплывают ленивые фигуры... Нечленораздельно говорящие тела. Разболтанная походка. Вонь перегара от дешевого пойла и курева.

«Закурить есть?»

«Эй, куда прешь!»

«А где такое одеяло взял...»

«...А ну дай сюда...»

«...Да ты на кого руку поднял...»

«...Ну щас...»

Я даже не успел их пересчитать. Внутренние предохранители наконец перегорели напрочь. Что-то взорвалось во мне слепой, черной вспышкой. На дотлевающий костер дохнул ветер безумия, и сдетонировали свежее разочарование от только что проигранного боя, злость от предательства, старый-старый, дремучий страх и давно, казалось, ушедшая на дно памяти боль...

Такая же ночь, такие же равнодушные чужие стены вокруг, такие же пахнувшие спиртом тени. Бессилие, боль и ужас...

Завертелась сумасшедшая карусель, когда на мгновения проступали и тут же размазывались оскаленные лица, когда мешались хрип, ругань, невнятный вой и глухие удары, когда летели брызги крови и стеклянное крошево разбитых бутылок...

Их оказалось много, человек восемь. И они не были так уж пьяны. И даже мой священный воинский азарт не компенсировал бы численный перевес. Но в какой-то момент я внезапно осознал, что на помощь мне пришел некто, кто выдергивает противников из круга нападающих. Одного, затем второго... Как раз в тот момент, когда этот второй был готов вонзить бутылочную розетку мне в печень.

Но рассмотреть оказавшего услугу я смог лишь позже.

Последний неприятель повалился на асфальт от прямого удара в челюсть. А я еще постоял несколько секунд, свесив руки, покачиваясь и пытаюсь сосредоточиться. Затем, прижимая болезненно ноющую кисть, я побрел меж скорчившихся тел за угол, где сложно шевелился мрак, туда, откуда доносились странные звуки.

Сразу за поворотом некто в темном опустился на колени над лежащим навзничь человеком. Большая часть человека скрыта склонившейся к нему фигурой, но вытянутые ноги безвольно и как-то жалко подрагивают в такт несколько птичьим движениям нагнувшегося. Сосущие звуки пробирают до озноба.

Я делаю следующий шаг, и вампир оборачивается, демонстрируя словно выбеленное известкой, плоское лицо с чертами карикатурно-человеческими. Глаза мерцают красным, холодным, неживым светом, как огонек светофора. Подбородок измазан темными, лаково отблескивающими потеками.

Тварь слегка улыбается, глядя на меня. Выражение ее лица спокойное и дружелюбное. Эдакий добродушный сосед по столику в ресторане.

«...Много пищи... хорошая охота... ты помог мне, я помог тебе... – щекочет мозг бесполоый голос. – ...Ты тоже голоден... тебе нужны силы... бери, здесь много... ешь... пища...» Голос назойливо сверлит сознание, и я осознаю, что действительно невозможно голоден и что мне нужна пища, чтобы восстановить силы, и нужна она прямо сейчас.

Вампиры – твари быстрые. Но этот не успел даже отпрянуть, когда я прыгнул на него, вонзая в сердце кусок стекла от бутылки и одновременно загоняя в разрастающуюся рану остатки своего магического резерва. И впился пальцами в пергаментную, холодную кожу чудовища, запуская пальцы в расплзающуюся плоть. На лице умирающей твари обиженное изумление – «я же помог тебе!...»

Я выщедил его досуха. Не в прямом, конечно, смысле. Мне пользы от человеческой ли, вампирьей ли крови не было никакой. Но вампиры перерабатывают кровь в магическую энергию, позволяющую им существовать. Я забрал всю энергию из своей жертвы.

Хотя, по сути, какая разница? Жизнь есть жизнь. В крови ли она или в незримой субстанции...

С тихим, едва уловимым шелестом посыпался на асфальт сухой прах. Машинально отряхнув припорошенные ладони, я поднял валявшуюся на асфальте куртку одного из нападав-

ших и напялил ее на себя, пытаюсь унять дрожь. Ее владелец слабо двигается слева, пытаюсь отползти подальше. От меня. Он увидел мое лицо и обмочился. Влажная дорожка тянется за ним, различимая даже в ночном сумраке.

Я несколько мгновений смотрю на него и на остальных, слабо копошащихся вокруг. От них несет грязью, потом и слепым ужасом. И живым теплом. Бестелесный голос уже распавшегося существа снова соблазнительно шепчет: «... пища-пища...»

Кажется, я побежал, волоча за собой гобелен.

А потом меня долго рвало. Выворачивало от гнилостного мертвого привкуса чужой жизни, от запаха и вида крови, от ощущения распадающейся в руках плоти, от беспросветной тоски, от ненависти и отчаяния... А еще позже я тащился через ночь и город, пока не набрел на скамейку среди деревьев.

Вампирова энергия лишь слегка залатала дно каверны, образовавшейся на месте магического резерва. Как вода заливает дно ущелья. Но вода эта пахла стывшим болотом. Я потратил ее всю на создание обогревающего периметра, когда добрался до парковой скамейки. И мне все время казалось, что даже магия пахнет кровью...

Вот оно что.

Я машинально потер разбитые костяшки своих пальцев. Чужая куртка висела неудобно и не грела, а леденила, как

свежесодранная шкура. Хотелось немедленно от нее избавиться. А еще больше хотелось избавиться от золы, оставшейся после прогоревшего пламени в душе. Золы горькой и жгучей. Золы воспоминаний, в которых я узнавал и не узнавал себя.

Убегали, нет, неторопливо текли прочь черные, чеканные узоры лесов, еще покрытые золотой накипью, подернутые багрянцем, пурпуром, а иногда темной хвойной зеленью, прихотливо прошитые стежками извилистых серебристых речек или прорезанные дорогами. Стелились колкими одеялами равнины, расчерченные квадратами полей, сбиваясь складками оврагов и вздымаясь буграми пологих холмов.

Поезд никуда не спешил. Стучал себе колесами по стыкам рельс, сбавлял ход возле каждого моста даже над самыми крошечными речушками, останавливался в особенно приглянувшихся ему местечках. То возле сонного городка, все крыши которого были остроконечны, словно шляпы цветочных человечков, и украшены разнообразными флюгерами. То возле одинокой насупленной станции, затерянной в чистом поле, где единственный ее обитатель – свирепый с виду человек с волчьими желтыми глазами и заросший волосами по самые скулы – предлагал пассажирам на продажу янтарных оттенков мед. Мед брали охотно. Случалось, поезд замирал у ничем не примечательного с виду столба. А уж каждый населенный пункт размером больше двух домов он одаривал своим присутствием не меньше десяти минут...

От Белглава до соседнего крупного города Радо на хорошей машине по шоссе ехать часов пять. Но задумчивый по-

езд раскланивался с каждым встречным селением, и потому его путь занимал времени раза в два больше.

Да и куда ему спешить? Торопливые люди выбирали другой транспорт.

– ...Я вот цветы пересаживала, – рассказывала товарке женщина в клетчатом платке. – Так возьми плаксу-то и сломай. Ох, я горевала не хуже той плаксы. Так и сидим в два ручья заливаемся. Сосед заглянул, взял бедолагу, пошептал над нею, веревочкой завязал – и, представляешь, прижилась! Вот ведь, то ли руки золотые, то ли сердце.

– Из колдунов, что ли?

– Какой там колдун в нашей-то глуши! Просто умеет он с растениями. Ни у кого такого палисадника нет, как у него. Чисто загляденье, врать не стану! И вроде делаем то же самое, что и он. Он-то нежадный, все покажет и расскажет. Ан все равно не выходит.

– А у нас колдун еще в начале лета поселился, – похвасталась вторая горделиво. – На практику, говорят. Да еще не просто колдун, а из этих, что с покойниками дела водит. Народ-то сперва распереживался, а потом, как колдун начисто повывел всех крыс, мышей и тараканов, так все нарадоваться не могут. Не поверишь, уж кого только не звали, даже «дудочника» из Яблонева выписывали – все без толку. А этот враз вывел. Половину, говорят, для своих опытов переловил, а остальные сами сбегли...

– Может, и нам кого пригласить? А то мышей в этом году

страсть как много. Говорят, к холодной зиме...

Дипломированный некромант как эффективное средство от мелких грызунов... А тараканы-то ему зачем?

Я попытался устроиться поудобнее, но за пять часов пути все удобные позы уже были опробованы и отвергнуты, а мест для сна в поездах ближнего следования не предусматривалось. Можно было бы расположиться на двух сиденьях сразу, благо что вагон почти пустовал, но мешали неподвижные подлокотники. Поэтому по соседству от меня с максимальным комфортом разместился злосчастный гобелен, пакет со скудным пайком и чужая куртка. Малодушный порыв избавиться от нее я подавил как сентиментальный и непрактичный. Взять другую негде, а замерзнуть при такой погоде можно запросто... Но все равно я стянул куртку с себя, как только представилась возможность.

Так или иначе, Ловчий оказался прав. Попытка получить альтернативу очевидному развитию событий не удалась. Гобелен стоимостью целое состояние по-прежнему составлял мне компанию, а изъятых денег хватило, чтобы оплатить проезд только до ближайшей из возможных точек. Ну и на набор продуктов в дорогу. Невелико приобретение. Даже на грабеже мне нажиться не удалось...

– ...Да кто его знает, когда порчу наведут, а когда само так складывается! – продолжали между тем делиться знаниями в околوماгических сферах собеседницы впереди. – Вот возьми племянницу мою, Делину. Как ни бьется, а замуж никак

не выйдет. Мать ее уж и к ворожее водила...

– А та?

– Пошептала, руками поводила, яйцо в стакан била. Нет, говорит, порчи. Видать, девка дура...

– Прям так и сказала?!

– Ну она сказала, что иным и порчи не надо...

Проглотив очередную порцию аспирина, я попытался задремать. Еще час или два – и мы окажемся на границе между округами, возле фермы под названием Баклагы, около которой (как уверял справочник) находились Врата. Иллюзий я не питал, скорее всего, меня там ждали. Но вряд ли целым полком десантников. И кто знает, возможно, шанс проскользнуть все же был.

Нет, от таких размышлений точно не заснуть. Да и чужая болтовня мешает. А еще больше мешает боль, все активнее пробивающаяся наружу. Аспирин уже почти не помогает. Болезнь растекалась, наливая конечности свинцом, превращая мышцы в студень, забивая легкие колючей проволокой и наполняя череп тупой, непрекращающейся ломотой. Глупо было надеяться, что приключения прошедших дней, и особенно ночей, пройдут для меня без последствий... Во всех смыслах.

Вздыхнув, я запустил пальцы в коробку с «Золотыми колечками». Туристка возле Представительства в Белглаве была права. Производители меньше всего интересовались магической доминантой в том или иной районе, и ассортимент

в магазинах практически не зависел от зоны влияния, в которой они находились. И, узрев на полке гастронома Белглава памятные еще по Звеннице «колечки», я прихватил пачку в дорогу. И уныло хрустел ими всю дорогу, прикончив более существенные продукты в первые же полчаса после покупки. Жаль, вкуса почти не ощущается...

– А вот у нас на днях был случай... – Тетки не иссякали, развлекая заодно присутствующих.

Немногочисленные присутствующие, утомленные однообразием и скукой, делали вид, что не слушают. Кроме теток в вагоне размышлял, уткнувшись в окно, дедок в брезентовой хламиде, обнимающий завернутые в плащевку снасти. Рыбак, наверное... В конце вагона томились городского вида родители с чадом. Чадо – малокровный пацан лет семи – тарасился вокруг с унылой, плаксивой гримасой. Впереди лицом ко мне, но с другой стороны вагона лениво ворковала парочка... То есть это поначалу я решил, что это обычная парочка. А потом, присмотревшись, разглядел над рыжей светлокожей девушкой рваные темные, с отливом в красное, всполохи... Надо же, суккуб. И, похоже, смуглый парень рядом прекрасно знал, кем является его спутница, потому что на шее у девушки висело ожерелье с вплетенным Ключом.

Что-то твердое царапнуло палец, и с некоторым недоумением я выудил из коробки золотое с виду кольцо, украшенное семью сверкающими камешками. Ах, ну конечно! Сюр-

приз для потребителя – кольцо фей. Игрушка, но вполне симпатичная... А что мне с ним делать? И я машинально осмотрелся, надеясь обнаружить подходящий объект для вручения подарка. Единственный имеющийся в наличии ребенок уставился на меня с такой откровенной неприязнью, что отдавать ему кольцо мне показалось делом неоправданно рискованным. Эдак и без пальцев остаться можно... А дарить кольцо суккубу было бы поступком странным со всех точек зрения. Поэтому я просто кинул его на сиденье напротив. Авось кто найдет, пока оно не превратилось в купон.

Поезд между тем, распрощавшись с поселком со звучным названием Осот-Грязьва, слегка прибавил скорость, чуя близкую границу между округами. Следующая станция – Баклаги – еще находилась в ведении Белглава, а сразу за ней начинались административные владения города Радо.

Что ж, посмотрим...

И, как всегда это случается, в самый последний момент я все-таки задремал, чуть не пропустил свою станцию, вскочил в последний момент и, наскоро подхватывая вещи, устремился к выходу. Что-то мелкое отвалилось и покатило по полу. Некогда искать...

– Эй, эй, молодой человек! – догнал меня уже в дверях обеспокоенный возглас.

Я дернулся, приложившись локтем и, шипя, обернулся, ощущая, как пружина внутри снова сжимается до упора. Оказалось, ко мне всего лишь поспешает говорливая тетка в

клетчатом платке, что-то зажав в горсти.

– Вы потеряли. – Она с торжествующей улыбкой вручила мне кольцо фей, которое я оставил на сиденье, и обеспокоенно спросила, заглядывая в лицо: – Вам нехорошо?

– Спасибо, все в порядке, – хрипло пробормотал я, неуклюже запихивая игрушку в карман. Лишь бы никто не успел заметить, как мои пальцы самопроизвольно сложились в убивающий *выверт*.

Впрочем, один человек все-таки заметил. Из окна вагона медленно скользящего мимо поезда на меня неотрывно смотрел старикан в брезентовой хламиде. Плащевка на его снастях слегка развернулась, обнажая стеклянно и металлически поблескивающие крюки, смахивающие на акульки гарпуны. С таким снаряжением ловят не рыб, а охотятся на инкубов и суккубов. И уж точно охотнику на ночных тварей известно, что такое выверт. То-то он не спускал с меня изумленно-встревоженного взгляда, пока не потерял из виду.

Станции Баклаг, как таковой, не имелось. А имелась бетонная платформа, к которой на железном штыре крепилась вывеска с названием. Ни скамеек, ни навесов, ни тем более каких-либо строений. Лишь напротив указателя высится странноватого вида конструкция, смахивающая на скрученный судорогой металлический скелет, кое-как облепленный отваливающейся глиной и опутанный волосяными веревками. На одном из глиняных кусков сохранился грубо выре-

занный глаз. Оберег? Абстрактная скульптура? Своеобразное у них тут чувство прекрасного...

Вдоль железной дороги проложена автомобильная трасса, но машин не видно. Да и само состояние дороги утверждает, что построили ее давно, однако пользовались мало, и лишь поэтому покрытие сохранилось в приличном состоянии без всякого ремонта. А вокруг только лес, лес и лес: с одной стороны – глухой, а за платформой – рассеченный ответвлением от шоссе. Узкая дорога бескомпромиссно углублялась в чащу.

Ну что ж, при таком выборе трудно принять неверное решение. Хотя я и подозревал, что любое из принятых мною решений не приведет ни к чему хорошему.

И подозрение это стремительно перерастало в уверенность с каждым шагом. Вроде бы ничего не происходило. Дорога уверенно бежала через приветливый смешанный лес. День выдался снова ясным, и солнце наполняло пространство золотым теплом. Тишина, слегка разбавленная щебетом птиц и шелестом крон, навевала покой и безмятежность... Но было что-то в этой безмятежности нарочитое. Вымученное и едва сдерживаемое. Готовое к нападению.

Вспомнилось выражение физиономии проводника, которому я предъявлял билет. «Баклагги? А вы уверены, что вам туда?.. Уж больно место... недоброе. Но раз вы уверены... – Он хмыкнул, возвращая билет. – Небось из экстремалов?»

Через пару минут от начала путешествия я наткнулся на

застывший возле дороги трактор. Точнее, на его остов, потому что ни колес, ни начинки двигателя у бедняги уже давно не было. И сам он уныло коротал свой век, ржавея под соснами. На дверце, покрытой облупившейся краской, еще можно было прочесть надпись: «Баклажинское экспериментальное хозяйство».

Стоило миновать эту своеобразную веху, как чувство покоя схлынуло безвозвратно. Все осталось тем же самым, но теплый свет внезапно показался льдистым и тусклым. Золото листвы выцвело, превратившись в блеклую жесть. Птицы разом умолкли, лишь ветер сухо постукивал ветвями, тормоза кроны деревьев. Потянуло горьковатой гнилью. Только что мирный и меланхоличный лес внезапно наполнился ощущением глухой, безысходной тоски и лютой злобы. Что-то дремало в этом лесу, ожидая своего часа. Стелилось между стволами ледящей дымкой. Запускало щупальца под каждую ветвь. Плело сети. И ненавидело все и вся.

Ощущение, что тебе смотрят в спину, стало плотным и почти осязаемым. Даже волосы на затылке шевелились. Но оборачиваться бесполезно – не успеешь.

Еще через десяток шагов дорогу перегородила толстая, багрового оттенка, пульсирующая сторожевая жила с многочисленными отростками, неприятно смахивающая одновременно на артерию и на многоножку. От жилы шел ток свежей, резко пахнувшей медью силы. И положили это охранное заклятие совсем недавно. Хотели согнать с дороги? Наверня-

ка. И цели своей они добились. Мгновение поколебавшись, я свернул на обочину и двинулся прямо через лес, обходя периметр барьера по дуге и стараясь смотреть под ноги, чтобы ненароком не пережать какой-нибудь из отростков, прячущихся в листьях.

И словно окунулся в студеное озеро, настолько вымерзшим и безжизненным стал приветливый с виду лес. И никакого отношения эта стужа не имела к тем, кто положил здесь охранку. Даже ее багровые жгуты вели себя в ворохе листьев смиренно и вяло, как сонные зимние змеи. Нечто притаившееся в этом лесу было старым, поселившимся здесь давно и властвовавшим полным правом победителя...

Вот бес!.. Я шарахнулся в сторону, едва не налетев на взметнувшееся из-под корней *жугло*. Черный сгусток заклятия распался на тысячи колючек, облепивших подвернувшееся на его пути дерево. Дерево разом закаменело, осыпав к подножию ворох твердых, как кость, пластинок-листьев.

Говорят, когда-то это заклятие придумали археологи для мгновенной консервации нужных им тел и предметов. Только с тех пор миновала пара-тройка войн... Даже не знаю, пользуются ли археологи своей задумкой до сих пор.

Застыв на одной ноге, я тщательно осмотрелся, дабы не влипнуть повторно. Теперь понятно, зачем меня согнали с дороги. И теперь понятно, почему заклятие не сработало так, как надо. Где-то на уровне глаз на одной из веток дерева покачивалось свернутое из прутьев кольцо, крест-накрест

перевитое разноцветной просмоленной пряжей. Похоже на «ловца снов», но система наложения нитей иная. От него тянуло тем самым «злым» запахом. Кольцо отклонило заряд жугла. Повезло? Как знать. Один хищник отбивает добычу у другого...

И дальше я двинулся с упавшей втрое скоростью, но зато с усиленным десятикратно вниманием, выхватывая взглядом то причудливого вида изломанные фигурки, привешенные на суровых нитках к ветвям, то глиняные выщербленные колокольчики с вырванными язычками, вместо которых болтались птичьи косточки, то ключья «невестиных волос», невесомыми прядями которых играл ветер... Лес жил своей непонятной жизнью, и на ее фоне даже зазубрины стржня или начерченный на земле знак Охоты казались привычными и практически родными, из мира сегодняшнего и ясного. И, судя по малочисленности примет века нынешнего, те, кто недавно ставил здесь свои отметки, тоже чувствовали себя неудобно. Под одним из деревьев я даже наткнулся на почти полностью распавшийся узел гарпий. Похоже, творец слишком торопился, когда вязал его, или сбежал, не доделав.

Так... А это что? Я уже настолько настроился на встречу со странным, что, узрев среди деревьев автомобиль, ошарашено замер, разглядывая его и подозревая некую каверзную ловушку. Но выдавший виды, потрепанный «кентавр» смиренно стоял посреди небольшой прогалины, присыпанный облетевшими листьями, и всем своим видом демонстрировал

исключительную благонадежность.

Лес за машиной слегка разределся. Там, кажется, была когда-то дорога. Только очень старая и почти исчезнувшая со временем. «Кентавру», чтобы прорваться сюда, потребовалось буквально капотом прокладывать себе путь через подлесок. То-то у него такая царапина на левой двери. Да и побит, бедняга, изрядно. Кувыркались они на нем, что ли?

А вот обойти автомобиль издалека не представлялось возможным. Слева стволы опутывал «плющ» из арсенала полицейских служб, а справа землю разрывала короткая, но глубокая балка, откуда торчали каменные остроконечные столбы и несло сладковатой, мертвящей вонью.

Я осторожно приблизился к машине, внутренне напряжившись и готовясь отразить любое нападение. Шаг, еще шаг... На лаковом синем боку «кентавра» пристроился размытый солнечный зайчик. Все стекла в машине целые, колеса, полуутопленные в листве, накачаны. Машинально проведя ладонью по капоту, я убедился, что он холоден, влажен и припорошен трухой, словно автомобиль простоял здесь не один час. Но не больше пары дней. Салон заперт, внутри никого нет, только валяется смятый плед. А еще вокруг машины притаился не замеченный мною поначалу витой шнур сторожевого заклятия; изрядно потрепанного, между прочим. То ли машину неоднократно пытались вскрыть, то ли сам лес изъедал чужую магию, как коррозия.

За «кентавром» тянулись почти затянувшиеся колеи, уво-

дящие в сторону шоссе. Кто-то прибыл оттуда, оставил здесь машину и... И где он сейчас?

Я прикрыл глаза, попытавшись просканировать пространство на поиск живого, доверяясь не столько магии, сколько интуиции и внутреннему чутью... Нет, бесполезно. Лес давил своей темной, непроглядной массой. Различить здесь чье-то присутствие все равно что искать рыбу в штормовом океане.

Зато далеко впереди проступило синеватое мерцание Врат, коему даже аура колдовского леса не помеха. Судя по оттенку, Врата и впрямь привязаны к Воздуху. Справочник не соврал.

Наверняка придется прыгать с обрыва, пытаясь попасть в створ...

Я вздохнул и, обогнув смиренного «кентавра», двинулся по направлению к Вратам, выверяя каждый шаг, стараясь смотреть одновременно на все четыре стороны (и еще под ноги), пробуя на вкус воздух, касаясь леса вокруг и слушая, слушая, слушая... Ощущение взгляда в спину только что не жгло шкуру. Еще немного – и дымиться начну. Причем казалось, что взгляд двоится. Один – недобрый, зыбкий, обволакивающий со всех сторон, принадлежал лесу, и за время своей прогулки я уже успел привыкнуть к нему, а вот второй появился позже, прицепился, как крюк, где-то возле машины. Одиночный и пристальный. Так мог смотреть только человек. Несколько раз я резко оборачивался, пытаясь захва-

тить наблюдателя врасплох, и пару раз мерещилась смутная тень среди стволов. Но каждый раз никаких явных следов не обнаруживалось, и я шел дальше, выплевывая сквозь зубы нарастающее раздражение попеременно с ругательствами.

Еще шагов через двадцать земля в прямом смысле ушла из-под ног, и я провалился в яму. Заскользил вниз, судорожно пытаюсь ухватиться за рассыпающиеся черными склизкими хлопьями стенки. Почва – податливая, неприятно мягкая словно разлагающаяся плоть, – покорно крошилась под пальцами, не позволяя зацепиться... Каким-то чудом я ухватился за древесный корень, опасно затрещавший под моим весом, и повис, впившись в шершавую плеть.

Пахло сырой землей, древесиной и тленом. А еще сухими травами, камедью и воском. Воцарившуюся тишину разбавлял шорох сыплющейся земли и неприятно-пронзительный, хотя и на пределе слышимости, звук. Ноющий и дробный, будто прошивающий множеством незримых мелких игл зуммер. Аж зубы заныли... Далеко вверху отверстие колодца стремительно затягивалось плетенкой прутьев, корешков и травы. Процеженного через быстро зарастающую решетку света едва хватало, чтобы оглядеться.

Прямо напротив, на изгибе другого корня, торчащего из рыхлой стенки, сидела тряпичная, грязная до невозможности кукла, одетая в пестрое платьице. На непропорционально большой голове были нарисованы закрытые глаза, сверху грубо прошитые толстой ниткой крест-накрест, и нарисован

широкий рот, перехваченный косыми стежками. Кукла тарасилась, несмотря на сомкнутые и зашитые веки, тяжело и изучающе.

От непрерывного зудения чесались десны. То ли из-за подточенной болезнью остроты восприятия, то ли из-за природной неуклюжести, но я шагнул напрямик в ведьмино дупло. Не столько даже ловушка, сколько традиционный ведьмовской накопитель силы.

Не спуская глаз с отвратительной куклы, я принялся аккуратно спускаться. Лезть вверх прямо здесь смысла не имело, земля осыпалась быстрее, чем я взбирался. Но внизу должен быть лаз, через который можно выбраться в соседний колодец, где, возможно, деревьев побольше и почва лучше укреплена. В иных лесах вся земля пронизана ходами, как спелое яблоко червоточинами.

Лаз и в самом деле отыскался, едва проходимый и, видимо, давно брошенный. Возле него висела на стене, приколотая ножом, вторая кукла с выпотрошенным брюхом. Из брюха ее торчали неопрятные, слипшиеся клочья седых волос вперемешку с сухой травой. Глаза и рот куклы испачканы багровыми кляксами. А нож имел странную форму, черное, не тронутое ржавчиной лезвие и почти полностью истлевшую рукоять.

Забираться в темную, заросшую нору мне активно не хотелось, но пришлось. И пришлось ползти вперед, с трудом продираясь через сплетение упругих корней и раскапывая

земляные заплывы. Когда я останавливался, чтобы передохнуть и одолеть приступ клаустрофобии, то слышал, как позади едва различимо шуршит что-то мелкое.

Ход привел в другую яму, где было светлее и где на глиняной, укрепленной корнями стене сохранился слепок раскинувшего руки человека, пронзенный вторым черным ножом, собратом того, что распотрошил куклу. Из этого колодца выбраться удалось, благо что и стенки поплотнее, и корней побольше. Перемазавшись грязью с ног до головы, я выполз наверх и некоторое время обессиленно валялся на земле, тяжело дыша, словно только что завершил марафонскую дистанцию. В глазах плыли красные круги, голова кружилась, горло пульсировало саднящей болью... Эдак я недалеко уйду, вяло подумал я, кое-как поднимаясь и пытаюсь сориентироваться. Лес слева казался светлее и реже, как истершееся до утка полотно. Что ж, посмотрим...

Мельком оглянувшись, я заметил, что тряпичная кукла, вылезшая вслед за мной из колодца, уселась на его краю и смотрит вслед. Глаза под кривыми стежками были открыты и полны лютого разочарования. Прямой прежде рот выгнулся усмешкой.

...Лес внезапно кончился. То есть он продолжался дальше, срываясь с обрыва, как водопад, безудержным потоком кустарника и подлеска, а затем карабкался по противоположной стенке наверх, чтобы снова затопить все пространство до горизонта. Но гигантский овраг разорвал землю, и

влево от него лес сдавал свои позиции, превращаясь сначала в распадок, а затем в обширную долину. Дальше, у горизонта, на севере и западе, он снова поднимался, окаймляя равнину и превращая ее в своеобразный заповедник. Только отчего-то деревья на севере издали казались то ли сизыми, то ли серыми...

Прямо у моих ног земля круто уходила вниз, опущенная по отвесу травой, кустами, а кое-где разглаженная проплешинами скалистой поверхности и песочными разводами. Дна не различить. Противоположный край оврага маячил в паре сотен шагов.

Зато отсюда открывался замечательный вид на долину, россыпь строений, нанизанных на ленты дорог (видимо, обещанная ферма Баклагы) и окруженных разноцветными полотнищами то ли полей, то ли лугов, огражденных, но одинаково заросших и заброшенных. Дома уже успели осесть и развалиться. Пожарная вышка опасно накренилась, грозя вот-вот рухнуть. А возле дороги лежит опрокинутый набок грузовик.

Над поселком уныло реяли темные охвостья разрушенных чар. Очень давних, судя по оттенку, и очень мощных. Но все равно изодранных в клочья.

Не нравится мне здесь...

По утверждению справочника, Врата располагались в этом районе. Чуть дальше поселка. Значит, придется перебраться на другую сторону.

Я двинулся вдоль кромки оврага, стараясь придерживать-ся тени деревьев. Снизу, со дна расщелины, тянуло колким, угрюмым морозцем, словно там вилась ледяная поземка. Деревья, растущие внизу оврага, казались больными, изломанными и неестественно черными, будто обугленными. Влево, по направлению к селению, овраг заметно сужался и исчезал. Справа, в лесу, он, наверное, тоже где-то заканчивался, но угадать, как далеко придется идти, не представлялось возможным. И все равно я выбрал путь вправо. Не хотелось выходить на открытое пространство.

Впрочем, далеко я не ушел. Застыл, пытаясь рассмотреть странное «пятно» почти прямо на своем пути. Чтобы двигаться дальше, мне пришлось бы пройти между этим «пятном» и обрывом. Не самая заманчивая перспектива... Склонились ветки корявой вербы, прикрывая «ничто». Как маскировочная сеть над волчьей ямой. И при этом в воздухе стелился поразительно неуместный запах печеной картошки...

Я остановился, колеблясь и присматриваясь. От «пятна» во все стороны веером разбежались сторожевые нити смутно знакомого мне плетения. Слишком тонкие, почти неосязаемые, словно паутина в воздухе, и оттого замеченные буквально в последний момент. Одна из них застыла передо мной, задрав кончик вверх и чутко покачиваясь, как насто-рожившаяся змея. Две позади тоже зашевелились, подпол-зая.

Обойти или ударить?

Я привычно собрал пальцы в коготь. На один удар хватит даже жалких резервов моей силы. Выжечь как можно большее пространство и...

– Трой! – раздался из пустоты знакомый голос.

Нити разом дрогнули, прытко сплетаясь в сложное кружево. «Пятно» ломко заколебалось, подернулось трещинками и внезапно раскололось. И оттуда, из ложбинки между корнями вербы, торопливо поднялась фигурка с растрепанными светлыми волосами. И замерла, пытливо рассматривая меня.

Так, кажется, у меня уже начался бред...

– Трой? – На этот раз Ксения произнесла мое имя с вопросительной интонацией. Без удивления, но выжидательно.

«Привет!» – хотел сказать я, потому что ничего разумного мне с ходу в голову не пришло. «Глазам не верю!..» «Откуда ты здесь?..» Вот кого я точно не ждал здесь встретить, так это Ксению. И внезапная горячая радость всплеснулась внутри, щекотная и непривычная.

Но вместо приветствия или вороха бессмысленных изумленных восклицаний я только беззвучно пошевелил губами, тщетно силясь соорудить приемлемую фразу. Голос исчез напрочь. Распухшая, воспаленная глотка не пропускала наружу ни единого звука, кроме невнятного хрипа.

И лицо Ксении дрогнуло неприязненно. Она явно ждала чего-то другого. Потому что отшагнула назад, выставив перед собой ладонь с растопыренными пальцами. И, чуть склонив голову влево, потребовала:

– Кто ты? Назовись!

«Не узнаёшь?» – возмутился я. Я, конечно, слегка поистрепался за последние пару дней, но не настолько же. Однако даже недоумение выразить членораздельно не удалось. Изжеванные болезнью связки не желали слушаться. И тогда я перешел на язык жестов... Мол, я это! Разве можно сомневаться?..

Оценить свои способности к мимическому искусству и завершить запланированное объяснение не удалось в силу объективных причин. За спиной справа обозначилось движение. Легкий ток воздуха и резкое чувство опасности заставили меня мигом развернуться, принимая прыгнувшего на спину противника относительно защищенным боком, где размещался свернутый гобелен.

Тяжелый незнакомец сбил с ног, и мы покатались по вороху палых листьев, едва не сверзившись с края обрыва, награждая друг друга ударами. В первый момент мне удалось перекинуть незнакомца через себя и подмять, но он нанес такой знатный удар по голове, что искры брызнули из глаз. Тугая черная боль плеснулась в черепе, вызвав в глазах ярко-алые вспышки. Меня повело в сторону, однако противник не успел воспользоваться преимуществом.

Поворот... Захват... Он всхрапнул, забившись, ухитрился извернуться... Моя едва поджившая кисть огрызнулась вспышкой острой боли, предупреждая, что не готова к подобным фокусам...

– Стойте! Да прекратите же! Герд! Трой! Остановитесь!.. – Знакомый голос пробился наконец через азартное сопение и шорох нещадно сминаемой листвы. – Герд, это же человек! Ты что, не видишь?..

Почему-то именно последняя загадочная фраза побудила моего противника внезапно отшатнуться. Мы расцепили захват, отвалились в стороны и недоверчиво уставились друг на друга. Точнее, он уставился, а я тщетно старался сфокусировать взгляд на его расплывающемся силуэте.

Лицо парня, названного Ксенией Гердом, показалось мне знакомым. Где-то я его встречал раньше. Вот только от его затрещины все в глазах плывет, а мысли смешались в чехарду, поэтому сразу вспомнить не удалось. Впрочем, симпатии он мне уже сейчас не внушал.

– Если он человек, то чего молчит? – агрессивно осведомился Герд, перехватывая попытавшуюся было приблизиться Ксению.

Я предпринял героическое усилие и процедил через осипшую глотку почти осмысленное:

– Горло болит.

– А... – Опешивший Герд удивленно моргнул. – Извини, не понял сразу. Мне-то померещилось, что ты ворожить собрался... Ксюш, он руки поднял, я и решил прыгнуть, пока не поздно...

Ксения досадливо поморщилась и, светлея лицом, шагнула навстречу.

– Я его еще возле дороги заметил, – ворчал, поднимаясь на ноги, уязвленный Герд. – По лесу вел, думал, вроде человек... А потом он исчез в один миг. Так только перевертыши делают... Я бегом сюда, думаю, посмотреть, все ли в порядке, а он уже здесь, весь в земле, молчит и руки поднял... Что я еще мог подумать?

– Познакомьтесь, – предложила Ксения. – Это Трой, а это Герайд. Я вам обоим друг о друге рассказывала...

– Извини, – снова повторил Герайд, первым протягивая руку. – Обознался. Перевертыши часто в людей перекидываются. Только говорить не могут. Вот я и...

– Нас перевертыши ночью навещали. Вот он и нервничает с тех пор. – Ксения слегка улыбнулась.

Я коснулся его ладони, и узнавание, словно вспышка, полыхнуло в памяти, разом прояснив сознание. Наши взгляды скрестились и только что искры не высекли. Он тоже вспомнил. Беззвучное, но жгучее «Ты!» повисло в воздухе между нами.

Я видел этого парня тогда на Перегибе, когда пространство раскалывалось неудержимо и страшно. Видел его растерянное лицо, измененное буйством света и тени, но все равно узнаваемое. Он примчался слишком поздно, когда сдерживать Периметр извне было бессмысленно. Это из-за него... Точнее, в какой-то степени и по его вине я угодил в нынешнюю передрагу.

Так вот, значит, из-за какой девушки он задержался...

– Нас заметили, – вдруг произнесла неестественно спокойным голосом Ксения, смотревшая куда-то через овраг.

На ее куртке, одежде Герайда и на моей одежде вразнобой заплясали разнокалиберные солнечные зайчики, выписывающие замысловатые траектории, только на первый взгляд казавшиеся хаотичными. Я почти сразу ощутил, как наливаются горячей тяжестью конечности и неудержимо слипаются глаза.

Мы попадали на землю. Ни одного человека на той стороне оврага видно не было, но магу необязательно торчать на виду, чтобы плести чары. Достаточно того, что мы находимся в поле его зрения.

«Кто там?» – знаками спросил я лежащую рядом девушку.

– И сами бы хотели узнать, – зачем-то шепотом отозвалась она. – Когда мы приехали, они уже были здесь... – Теперь, когда девушка оказалась совсем рядом, стало заметно, что выглядит она неважно. Глаза потускнели и под ними залегли глубокие тени, губы потрескались и обметаны белым, жесты скупы, и казалось, что каждое движение причиняет девушке боль.

«Зачем?» – снова попытался спросить я. Могу поспорить, она поняла вопрос, но сделала вид, что не слышит его и что ее отвлекло нечто на другом берегу оврага.

Но там ничего не происходило. Лес на той стороне также подступал почти вплотную к краю разлома. Никакого движения, кроме мерного плеска ветвей, не было. Листва почти

вся опала, но той, что осталась, вполне хватило бы, чтобы скрыть и одного, и десять человек.

– Даже если и заметили, – рассудительно проговорил Герайд, чуть приподнимаясь на локтях и озираясь, – то вполне возможно, что мы их не заинтересовали. Возможно, они ждут кого-то конкретного...

Ксения мельком покосилась на меня, намереваясь что-то сказать, и вдруг побелела смертельно, до прозрачности молочной сыворотки, поникла, обморочно закатывая глаза и прикрыв голову странно вывернутыми ладонями, словно попытавшись сдержать нечто падающее сверху. И следом за ней, в ту же секунду я ощутил тупой, оглушающий болью удар, казалось, прямо по мозгу. В глазах почернело. Захрипел Герайд.

Невидимка с другой стороны оврага послал в нашу сторону чудовищной силы ментальный импульс, в народе именуемый просто и незамысловато – «катком», потому что, обладая минимальной прицельностью при максимальной убойности, он способен сокрушить все живое на своем пути.

– ...Жив? – Нечто бесформенное заслонило мне свет и дышало прямо в лицо.

Ага, это «нечто» – Герайд. Я слегка отвернул голову и обнаружил дохлого воробья, лежащего возле левого уха... Наверное, на дереве сидел, бедняга.

– Может, они и ждут кого-то конкретного, – произнесла издали Ксения слабым голосом, – но готовы убивать вся-

кого, кто подошел слишком близко...

Я приподнялся, разыскивая ее глазами. Девушка перебралась поглубже в заросли, под защиту деревьев, и теперь сжимала виски, мучительно кривя рот.

– Уходим! – выдохнул Герайд, споро отползая в сторону и выдергивая из-под корней вербы припрятанный рюкзак. Из той же ложбинки посыпалась сизо-черная от золы картошка, на разломе казавшаяся сахарной. У меня немедленно рот наполнился слюной. Даже цепенящее действие чужой волшбы рассыпалось от приступа острого голода.

Благородный Герайд поставил Ксению на ноги, подхватил под руку и потащил ее в глубь леса. Я бесцеремонно сцапал картошку и, пошатываясь, устремился вслед за ними, запихивая корнеплод в рот. Строптивая Ксения почти сразу же высвободила свою руку. Безропотной картофелине пришлось покориться своей участи.

– Много их? – догнав девушку, прохрипел я. На бегу оказалось легче говорить, пусть и шепотом.

– Не знаю. Мы видели четырех магов, но слишком близко не подходили... – отозвалась мельком Ксения, сосредоточенная на вынутой из кармана пластмассовой расческе, на которую она наговаривала что-то неразборчивое. Договорила и кинула расческу через плечо. При этом лицо ее болезненно исказилось.

Даже бежала она неловко, скованно. Возможно, это объяснялось только что перенесенным ударом, но, похоже, что-

то подтачивало ее уже давно... Когда мы расставались, она выглядела лучше, несмотря на все наши приключения. Перехватив мой изучающий взгляд, она неожиданно невесело улыбнулась. Выморочной, пугающей улыбкой человека, внутри которого все кричит от нестерпимого страдания.

– Ты на себя посмотри... – сказала Ксения, угадав ход моих мыслей, и добавила: – Это лес. Здесь плохо очень. Особенно ночью.

«Что вы здесь делаете?» – снова хотел спросить я, но на этот раз неудачно. Впрочем, Ксения догадалась и отмахнулась:

– Поговорим, когда поспокойнее будет...

Бежавший впереди Герайд несколько раз хмуро и озабоченно оглядывался на нас, рискуя кувырнуться через какую-нибудь корягу. Вел он через лес уверенно, и я догадывался, куда именно. Через некоторое время между деревьев обозначился просвет и приземистый корпус «кентавра», терпеливо ожидающего владельца.

Привалившись к его помятому боку, мы попытались отдышаться.

– Слышите? – Ксения чутко повела головой.

Со стороны оврага накатывал смутный шум. Треск, невнятный гул, шипение... И ощущение глухой, безысходной и беспросветной тоски, от которой хотелось упасть на землю и раствориться в дерне.

– *Муть* гонят, – догадался Герайд, хлопая по куртке в

поисках ключей и заодно обирая с себя заметно поблекшие солнечные пятна, отваливающиеся жестяными бляшками. – Лес сейчас взбаламутят, кретины... Сами же пожалеют... Поехали! – Двери машины одновременно приглашающе распахнулись.

Ксения нырнула в салон с юркостью белки. Герайд занял место водителя. И они оба нетерпеливо уставились на меня.

– Чего ты ждешь?

Я мгновение раздумывал, прислушиваясь к нарастающему шороху и треску, а потом прыгнул в машину вслед за ними. Вернуться я всегда успею...

Предусмотрительный Герайд оставил машину, предварительно развернув ее носом к выезду. Неказистый «кентавр» громогласно взревел и понесся вперед, прыгая на ухабах и изредка зарываясь носом в древесный подрост, в котором запыла давно брошенная дорога. При каждом прыжке Ксения судорожно цеплялась за сиденье, но молчала, стиснув зубы. Я тоже молчал, но по причине прозаической. Не вырвало бы... Вот был бы конфуз...

Ближе к краю чащи дорога стала ровнее. Нас перестало кидать из стороны в сторону, и все слегка оживились.

– Гонятся? – нетерпеливо осведомился Герайд, выворачивая руль, чтобы объехать здоровенную промоину.

– Не знаю... Вроде бы нет. – Ксения с сомнением смотрела назад. – Муть все глушит...

Вопросы толклись во мне как колючки, растопырившись

иголками и зазубринами. Но ни один так и не смог преодолеть глотку в членораздельном виде. Я сипел и едва не булькал. Даже занятый дорогой Герайд отвлекся на мгновение и озадаченно оглянулся. Ксения невольно улыбнулась, наблюдая за моими терзаниями.

– Не нервничай, – сжалилась она, пряча улыбку. – Возле Врат выставлена охрана... Ты ведь тоже туда стремишься?

«Тожe?» – перехватил я. Она рассеянно качнула головой, глядя через заднее стекло, как смыкается за «кентавром» лес и дорога становится неразличимой.

– Когда мы прибыли сюда вчера днем, то все подступы к Вратам уже перекрыли. Это несложно, там всего одна тропа... Мы не знаем, кто там и кого они ждут. Но эти люди заполнили ловушками все вокруг, и половина этих ловушек смертельна... Так что на близкое знакомство мы не решились. Хотели выждать немного, чтоб оценить ситуацию... И тут появился ты.

– Я же говорил, что не нас они ждут. Наверняка это его знакомые. – Герайд бросил на меня мрачный взгляд. – То-то всполошились, когда он прибыл...

– Они всполошились, когда вы затеяли драку на самом виду, – возразила сердито Ксения.

– Пока они объедут овраг, у нас есть шанс оторваться.

– С чего ты взял, что они на той стороне все? Мы могли кого-то и не заметить...

– Скорее всего, они держатся вместе, – Герайд, шурясь,

потерся щекой о плечо. – Мы в этом лесу провели одну ночь, и то... – Он мельком скривился. – А они здесь, похоже, давно. Думаю, лес согнал их поближе друг к другу. И выжрал три четверти расставленных ловушек... – Он повернулся, кося глазом: – Видел истукана на полустанке? Это был голем. Они его оставили встречать сошедших с поезда. Тебе повезло, что, когда ты проходил мимо, лес уже расправился с ним...

Я вспомнил изувеченный металлический скелет, облепленный глиной, смахивающий на странную скульптуру. Мысленно поежился.

«Кентавр» выпрыгнул из-под сени деревьев, когда прямо за его капотом уже осыпалась труха с ветвей и мутная мгла запустила щупальца между стволами, едва не вцепившись в бампер. Со стороны казалось, что иссиня-черный туман внезапно ожил и ползет по лесу, сминая оцепеневшие деревья как спички.

Солнечный свет больно ударил по глазам. Машина юзом пошла по шоссе, чуть не перескочив его, выровнялась и понеслась прочь.

– Все, – облегченно констатировал Герайд, – из леса не выползет...

Над чащей клубилось свинцовое марево. Клок тумана вывалился из прогалины вслед за автомобилем и стремительно таял под лучами солнца. Мелькнула пустынная железнодорожная платформа и поворот к ферме.

– Сейчас доберемся до какого-нибудь тихого места и решим, что делать дальше...

– Не успеем, – негромко возразила глазастая Ксения, печально глядя назад. – Я же сказала, что не все на той стороне...

По шоссе нас догонял автомобиль. Над нами, распластав крылья, то припадая к земле, то взмывая к небу, неслись два планера класса «дракон». Воздух перед их мордами клубился и тек словно раскаленный. Значит, оба всадника включили на полную мощность искажающие контуры, и, значит, практически любая волшба против них бессильна.

Но Ксения попробовала. Быстро распотрошив рюкзак, она добыла очередную расческу – на этот раз массажную щетку, – провела пальцем извилистую линию между зубцами, беззвучно проговаривая что-то губами, а затем выбросила расческу в окно.

Шоссе перед машиной вспучилось бугром, и оттуда стремительно полезли бесчисленные сверкающие узкие, как копы, лезвия высотой три-четыре человеческих роста. Автомобиль рыскнул в сторону, едва не вылетел на железнодорожное полотно, но скатился с насыпи.

– А с зубной щеткой ты что можешь сделать? – У меня от изумления даже голос прорезался.

– И не спрашивай, – хмыкнула Ксения.

Однако оба «дракона» не заметили препятствия. Тот, что находился выше, просто пролетел поверху, а нижний ринул-

ся напрямик, и блестящие иглы покорно гнулись и плавились, как оловянная проволока под сильным жаром перед его кабиной.

– Ну и бес с ними, – проворчал нервно Герайд, поглядывая на преследователей в зеркало заднего вида. – Все равно планер здесь не посадишь...

– А они и не станут их сажать, – пробормотал я шепотом, наблюдая, как перед мордами «драконов» начинает закручиваться пока еще едва различимые вихри. Постепенно вытягиваясь по вертикали, они выпускали к земле длинные гибкие стволы, всасывая пыль, щебень железнодорожной насыпи, траву и ветки... Темнеющий упругий ус зацепил кряжистый клен возле дороги и легко вырвал его, втянув в свою карусель. Второй вспарывал асфальтовое покрытие шоссе на своем пути, выхватывая целые пласты... Из безобидных воздушных завихрений они на глазах превращались в смертоносные смерчи. В сердцевине каждого билась черная гибкая змейка раскормленного селекционного демоноида. Помесь воздушного элемента с земным.

– И десантники будут? – спросил ошеломленно Герайд, едва не выпустив руль из рук. – Это ж как надо кому-то насолить... Давайте кто-нибудь на мое место. Мне нужны свободные руки. Попробую разбить их...

– Нет, – просипел я. – Хуже будет. Из каждой части появится еще по одному... Или гони быстрее, или поворачивай в лес.

– Спятил? На машине мы там не проскочим. Да и они ринутся за нами...

– Попробуй проскочить. А лес, сами же говорили, жрет чужую магию... Или притормози, я выпрыгну и уведу их за собой. У вас будет время убраться подальше.

– Ну конечно... Много ты от них набегаяешься пешком, – хмыкнул Герайд. – И с чего ты взял, что они погонятся именно за тобой?

– С твоей подсказки, – пожал я плечами. – А ты увезешь Ксению подальше...

– Смотри, какой герой, – с отвращением отозвалась Ксения, отрываясь от созерцания смерчей. – И сомнение выше крыши... А может, это вовсе и не за тобой гоняются?

– Тем лучше, – не стал спорить я. – Тогда я имею полное право спасти свою шкуру... Тормози!

– И не подумаю, – свирепо огрызнулся Герайд, дернув плечом. – Неважно, за кем они гонятся, все равно свидетелям не дадут уйти... В лес, говоришь?.. Ну держись, лошадка...

– Подожди! – вмешалась Ксения. – Там впереди должна быть просека. Помнишь, мы проезжали?

– Не успеем, – с сомнением отозвался Герайд, но терпеливый «кентавр», вполне оправдывающий свое наименование, уже несся по шоссе, выкладываясь до предела.

Смерчи догоняли. Казалось, что они даже не особенно спешат. А куда нам деваться? С одной стороны лес, с дру-

гой стороны достаточно крутая железнодородная насыпь... На фоне танцующих, грациозных вихрей даже планеры казались игрушечными, но при этом бешеная воздушная круговерть совершенно не задевала их. В прозрачных кабинах, стилизованных под драконьи морды, сидело по одному пилоту. Снизу можно было различить только силуэты. И тонкие, почти прозрачные, иллюзорные нити, протянутые между демоноидами и их создателями... Единственное уязвимое место этого тандема. Всего один точный удар. Но на такой скорости и с такого расстояния не попасть...

Зато лесу не надо было целиться. Внезапно один из «драконов», неосторожно оказавшийся над краем древесной щетины, нелепо дернул крыльями, завертелся, теряя высоту, и еще в полете разом смялся, как картонная игрушка. А затем рухнул на деревья. Потерявший управление смерч ринулся было за своим создателем, врезавшись в чашу гигантской газонокосилкой, взметывая вверх сотни обрубленных ветвей и ворохи листвы, но почти сразу же схлопнулся. Только по вершинам прошла волна пыльного воздуха...

Нас толкнуло остаточным воздействием. Незнакомая сила пахла родниковой водой, древесиной и гнилью.

– Что там? – встревоженно спросил Герайд. – Лес?

Ему никто не ответил. Пилот второго планера, не решившись последовать за напарником, сделал круг над шоссе, напротив того места, где пал его коллега, и вдруг обезумел. Прозрачные нити управления набухли, как вены, наливаясь

пурпуром. Подвластный ему демоноид вырос сразу раза в три, едва ли не захватывая низко ползущие облака. Борозда, остающаяся за ним, распахивала шоссе покрытие, будто жирный чернозем. Лес вокруг гнулся и колыхался.

– Быстрее! – вскрикнула Ксения, расширенными глазами глядя на гигантскую воронку.

Герайд издал обрадованное восклицание, заметив просеку в сплошной массе деревьев. Вправо от шоссе в лес уходила дорога. «Кентавр» выписал лихую дугу, скрежеща тормозами и шинами, и устремился под защиту деревьев.

Мы ощущали себя в безопасности буквально считанные секунды. Надежда, что пилот планера не сунется следом, памятуя о судьбе своего коллеги, растаяла, так и не оформившись до конца. Потому что пилот сверху видел то, что не видели мы...

Лес сразу же кончился. Его и не было толком – так, полоска, перемычка между чащей справа и зарослями слева. Рачительным владельцам фермы показалось удобнее проложить дорогу именно здесь, чтобы иметь дополнительный выезд на поля за селением. И, миновав узкую лесополосу, мы снова выскочили на открытое пространство. А двигавшийся следом смерч даже подновил и расширил порядком заброшенную просеку, продергав часть деревьев, будто сорняки с грядки.

Ферма и овраг оказались далеко справа. До леса слева добираться еще дальше. Ближе всего – заросли напротив, но

чтобы добраться до них, надо напрямик пересечь всю долину по бездорожью, полям и оросительным канавам...

Герайд шипел, как раскаленный утюг, пуская под днище машины очередной бугор. Нас встряхивало так, что шелкали зубы. Рессоры машины отчаянно стонали...

Воздух пах грозой. Запах электричества от близкого демонаида перебивал даже вонь горячего и пыли. Чудовище практически наступало на бампер. Теперь уже приходилось задирать голову, чтобы рассмотреть его размытую макушку и угловатые очертания спящего вокруг планера. Но стоило высунуться из машины, как лицо опаляло нестерпимым колючим жаром. При этом ветер скреб кожу. Даже лак на капоте «кентавра» стал шероховатым и матовым.

Щурясь и сплевывая набившийся в рот песок, я рухнул обратно на сиденье. Бессмысленно... Мне не хватает собственных сил, чтобы попытаться достать любую из управляющих нитей. Слишком силен ток хаотической энергии, исходящей от демонаида. Он отклонит одиночный удар, а на второй резерва все равно не хватит...

С сухим треском горсть щебня срикошетила от заднего стекла машины, оставив после себя паутину трещин. Ксения, тоже выглянувшая было наружу, с глухим вскриком отшатнулась в глубь салона, прижимая ладонь к царапине над бровью. Лицо ее исказилось болью и досадой.

– ...Не выходит! – невнятно пожаловалась она. – Трясет...
Никак не могу попасть...

Герайд прорычал что-то сквозь зубы. Из-за забивающей уши свистопляски его реплику разобрать толком не удалось. Кажется, он просил девушку больше не высовываться.

Очень разумная просьба. Ей высовываться как раз ни к чему...

Я приблизился к неистойой Ксении, пытавшейся унять кровь с таким решительным видом, что сразу становилось ясно – в ее намерения мирное ожидание своей участи в безопасном салоне автомобиля не входит. Пока не поздно, следовало перехватить инициативу.

– Ксень, мне нужна твоя помощь...

К счастью, ни долго объяснять, ни уговаривать ее не пришлось. Даже напротив, темно-синие от избытка эмоций и боли глаза внезапно просияли лазурью. И в них явственно расцвело облегчение.

– Вы что там затеяли? – встревожился Герайд, пытаясь обернуться. Машину тряхнуло так, что мы попадали друг на друга.

– Веди ровнее, – свирепым шепотом велел я, представив, что то же самое случилось бы на несколько минут позже. И повторил, обращаясь к Ксении, заключительную фразу: – ... сразу, как только сожму руку. И ни мгновением позже.

Она сосредоточенно кивнула.

От непрерывной болтанки меня порядком мутило, но выброс адреналина в кровь позволил мобилизовать все резервы организма и собраться, оставив болезнь на потом. Высу-

нувшись на половину корпуса из окна (к счастью, у «кентавра» большие окна), я постарался устроиться как можно удобнее, чтобы гасить вибрацию и толчки... Уши разом заложило. Ветер вцепился в новую жертву, обрадованно дернул, попытавшись выдрать из безопасной норы. В месиве воздуха, пыли, мусора выбрать нужные линии оказалось не так просто, хотя набухшие багровые нити управления проступали даже через мутную плоть демоноида, словно пульсирующие артерии. На глаза расчет минимален, веки уже шершавы от набившегося песка... Остается рассчитывать на инстинкт и на то, что стрелки называют «целиться сердцем».

Демоноид ликовал. Озон, пыль, нерожденный дождь... Песня свободы и голода...

Жгучая, тугая плетеная нить пляшет от напряжения, как вольтова дуга, изгибается, трепещет... На одном конце стиснувший зубы, гневный человечек. На другом – смеющаяся тварь, полустихия-полудемон.

Протягивая руку словно в другое измерение, я отыскиваю узкую, теплую ладонь, послушно сомкнувшую пальцы вокруг моего запястья. Легким, надежным кольцом.

На долю секунды обе багровые дуги управляющих нитей перекрестились, сошлись в точке прицела.

«Бей!»...

Ветер мгновенно срывает с губ приказ, машинально продублированный вслух, и уносит прочь. Кольцо невидимых пальцев вокруг моего запястья сжимается в ответ, и через

меня бьет чужая сила... Точно в прицел, в схождение двух дуг... Сверкающая, искристая, пахнувшая мятой и снегом, выжигающая раскаленным добела металлом и леденящая студеным горным потоком... Чужая и одновременно знакомая, как давнее воспоминание...

В перекрестье багровых дуг распустился ослепительный цветок. Управляющие нити разом лопнули. Безумный ликующий рев обрушился на нас, оглушил, забивая уши рокотом и воем. Казалось, что смерч застыл на долю мгновения, а затем принялся вращаться в обратную сторону, теряя куски своей плоти. Воздух вперемешку с землей взбили гигантским миксером. В глотке запершило от трухи, и мучительный кашель вывернул наизнанку. Судорожно вцепившись в скользкое от пыли железо, я пытался удержать равновесие, глотая новые порции мутной взвеси. Меня неожиданно сильно рвануло внутрь машины за мгновение до того, как тяжелый «кентавр» подхватило и проволокло по воздуху шагов на двадцать.

Хрясь!.. Бум!.. Затрещали отчаянно рессоры... Захлебнулся и затих двигатель.

Навалилась тишина.

– А вот не зря продавец советовал мне «кентавр»... – охрипло пробормотал Герайд, с усилием разжимая пальцы, вцепившиеся в руль. – Терпеливая, сказал, техника...

Оседали тучи пыли. С глухим шорохом сыпались мелкие комья, выданные с корнем пучки травы и разнообразный

мусор. С грохотом рухнула на капот и скользнула вниз доска с заливчатски торчащим здоровенным гвоздем. Заднее стекло помутнело и наполовину раскрошилось; через дыру в нем можно было увидеть взъерошенное поле, обломки одинокого сарая и планер, на бреющем полете уходящий к дороге... А еще автомобиль, неторопливо объезжающий свежесозданную рытвину (кажется, это был тот же самый, что и на шоссе).

– И вон там, – шепотом подсказала Ксения, кивнув в сторону оврага.

Оттуда не спеша поднималась стайка бумажных змеев.

И мы понеслись дальше. «Кентавр» и впрямь оказался терпеливой и упорной скотинкой. Прыгал по ухабам, скрипя всеми членами, пыхтел перегревшимся двигателем, но разваливаться не спешил.

То, что издалека показалось мне сизым или серым лесом на севере, при сближении превратилось в плантацию «русалочьей пряжи». Зараженные паразитом деревья – черные, высохшие, покрытые длинными клочьями белесых и серебристых волокон, – виселись правильными, искусственно выпрямленными рядами. И подлесок почти отсутствовал. Так что «кентавру» даже не пришлось искать дорогу. Мы просто втиснулись между стволами и помчались по упругой болотистой земле... Впрочем, это сильно сказано. На самом деле – поползли, периодически съезжая в промоины. Автомобиль преследователей упорно держался на хвосте, порядком дей-

ствуя на нервы.

– Направо!.. Левее!.. Смотри, куда едешь!.. Осторожно!..

Герайд, отмахивался от советов, сыпля заклятиями для расчистки пути вперемишку с ругательствами, отчего чары не срабатывали или срабатывали не так, как надо. Чем глубже мы забирались в заросли, тем плотнее обступали деревья, тем гуще становилась «русалочья пряжа», тем больше деревьев, облепленных паразитом, не выдерживали его вес и валялись поперек пути. Проезд сужался, и вскоре пришлось протискиваться между стволами, обдирая остатки краски с машины. Ксения перебралась за руль, чтобы мы с Герайдом могли в случае необходимости выталкивать машину.

Преследователи настигали. Выпрыгнув в очередной раз, чтобы качнуть засеивший в рытвине «кентавр», мы едва успели сигануть за его корпус, почуяв в сыром, насыщенном сладковатой гнилью воздухе привкус серы еще до того, как нас опалило жаром *ширекругов*, пущенных невидимым магом. Вспыхнули и занялись сухим зеленоватым пламенем волокна «пряжи». Затрещала влажная труха деревьев. Огонь тек вниз и разливался новыми широкими кольцами.

Роща вздрогнула. Между деревьями пополз невнятный, нечеловеческий шепот. Все вокруг напряглось и беспорядочно зашевелилось. Из земли толчками выплеснулась черная жидкость. *Ширекруги* растревожили нечто дремавшее в этих зарослях.

Несколько мгновений мы, ошалело стирая с лиц грязь,

прислушивались, а затем «кентавр» внезапно пополз наклонно, скатываясь в ложбину, понесся вниз тяжело и неотвратно, увлекая за собой пласты влажного дерна и нас обоих, попадавших и покотившихся следом за ним.

Видимо, я все-таки ударился головой... И от удара окончательно утратил связь с реальностью, потому что дальнейшие события воспринимал тяжело и с мучительным, тягостным запаздыванием, как в бреду...

Кажется, мы выталкивали «кентавра», оскальзываясь и переругиваясь... Кажется, Ксения плела из «пряжи» странного вида косы, и по пальцам ее текла кровь... Кажется, земля раскрывалась перед нами тысячами зловонных глоток...

Отчетливо помню, как оживший «кентавр» скачет, не разбирая пути, между деревьями и на водительском месте никого нет... Еще помню, как Герайд пытается наложить неприкасаемость на машину (а мы с Ксенией бурно протестуем, но звуки гаснут в вязком воздухе и искажаются до неузнаваемости) – и через пару минут заклятый автомобиль прочно и надолго заклинивает между стволами, а наложенное на него заклинание становится видимым и смахивает на корявую, шипастую броню, которую приходится отдирать кусками, чтобы протиснуться...

...Над массивной круглой столешницей из каменной древесины покачивается кованый старинный фонарь, отбрасывая причудливые тени на ее черную и гладкую от тысяч прикосновений поверхность. Если присмотреться, половина этих теней сливается с узором на поверхности стола, рождая знакомые и полужнакомые очертания рун. При желании руны можно сложить в слова и фразы... Только желания нет.

Натопленная печь истекает томным, обволакивающим жаром. Из прорехи в крыше прямо над головой тянет холодом. В печи за приоткрытой дверцей лениво возится огневица. А через дыру в крыше в дом заглядывает, щурясь лунным глазом, равнодушная ночь.

Пахнет хлебом, сухими травами, яблоками, дегтем и дымом...

– ...Это все равно как лиса сменила бы шкурку и стала бы рысью... – Женский хриловатый, чуть шершавый голос тклет в тишине нить неспешного разговора. – Даже отрасли она себе кисточки на ушах и научись лазать по деревьям, разве это сделало бы ее рысью? Или если бы одуванчик захотел стать ландышем. Разве прижился бы он в тени? Ему придется поменять свою суть, чтобы стать иным... А разве человек может сменить свой характер, свой нрав, самого себя, если захочет?..

– Человек не одуванчик. Если захочет – сможет. – Второй голос моложе, звонче – игла, за которой тянется нить беседы.

– Наверное, так... Но тогда это будет совсем другой человек... Цвет своей силы сменить легко. Достаточно стать другим человеком. Все остальные способы – шарлатанство.

– Вам же удалось...

– Нет. Мне удалась подделка... Как иногда одному художнику удается сделать вещь в манере другого. Но этот способ годится лишь для тех, кто настолько ничтожен, что способен только к копированию, не имея собственного почерка... Либо для тех, кто настолько талантлив, что способен перенять любую манеру. Но тогда его собственный дар станет ежедневно убивать его, ища выхода... Кто готов к такой жизни? У меня не хватило сил...

Узор чужого разговора легко касается поверхности сознания, скользит мимо и прочь, не оставляя даже ряби. Как рисунок опавших листьев на поверхности пруда. А под черным блестящим зеркалом клубится непроглядная, стылая муть... Стоит пошевелиться, как эта тошнотворная мгла поднимется со дна.

Я сижу за столом, уронив голову на руки. Прямо возле локтя стоит глиняная кружка. Ноздри щекочет дурманящий аромат. В кружке тепло, вкусно и терпко... Но даже дотянуться до нее сил нет.

На стене напротив, на книжной полке, опасно покосившейся под тяжестью здоровенных фолиантов, устроился сы-

тый черно-белый кот. Кот жмурит человеческие голубые глаза и задумчиво усмехается.

Дышать тяжело, словно песок и пыль сгинувших смерчей так и осели в глотке и легких. И кашель пробивается мучительный, злобный. Задавить его не удастся. Голоса извне стихают ненадолго и возвращаются, меняя интонацию.

– ...Больницу.

Слово тревожное и неприятное. Оно, как гарпун, пронзает и баламутит стоячую воду сознания. Я дергаюсь, озираясь на источник беспокойства... Реальность рассыпается ощущениями, расслаивается на невидимые течения. Здесь холодно, здесь – тепло. Здесь зыбко, здесь спокойно. Здесь темно, а здесь прозрачно до звона...

Большая комната, завешенная глубокими, складчатыми тенями. Больше скрыто, чем на виду. Фонарь над столом избирательно выхватывает из тьмы предметы. Корзину с белыми налитыми яблоками с атласно-гладкой кожицей. Они источают одуряющий аромат. Домотканый половичок на полу, украшенный узором «сумеречных птиц». Правой ногой я касаюсь его краешка, и проклятые птицы одновременно заснули, спрятав голову под крыло... Плохи мои дела. Птицы чувствуют близкую смерть.

...Тени передвигаются. Вот один из смутных силуэтов, омытый светом фонаря, светлеет и превращается во встревоженную Ксению. Широко распахнутые глаза – черные цветы на снегу... Пахнет лимонной мятой.

– ...Выпей, – глиняная кружка оказывается в моих руках, перебивая аромат мяты.

Жидкость в кружке горячая, пряная и горькая.

– Не надо... в больницу, – выговорил я, с отвращением выплевывая колючее, беспокоящее слово.

Они меня не слышат, потому что ни звука не пробивается через растрескавшиеся губы, саднящие от горького напитка.

Из сумрака выступает вторая тень. Невысокая пожилая женщина с темной, глянцевогой кожей, аккуратно собранными седыми волосами и с выматывающим взглядом. От нее исходит мощь и незримая опасность – абстрактная, как от смертоносного оружия. И как оружие – она невзрачна.

– Воспаление легких, скорее всего, – говорит женщина задумчиво. – И целый букет к нему в комплекте... К тому же к нему пришит призрак. Тени тянут жизнь из живых...

– Призрак? – непонимающе и недоверчиво переспросила Ксения.

– ...Ему нужен сильный и опытный целитель.

– Нельзя в больницу, – тихо отозвалась Ксения.

– Ну тогда он погибнет.

– Нет.

Это «нет» звучит странно. В нем нет растерянного протеста неизбежному. Напротив, в нем полно несокрушимой решимости. Женщина тоже слышит это, иначе с чего вдруг она так печально качает головой:

– Ты не сможешь, – сказала она. – Белые – искусные

врачеватели, но здесь необходим специалист-целитель. Ты врач? Нет? А можешь предложить нечто большее, чем магия? Жизнь взамен на жизнь. Понимаешь? Ведь энергию жизни можно взять из немногих источников.

– Каких?

– Другая жизнь. Или то, что рождает ее... Любовь. Каким из этих источников ты можешь воспользоваться?

Ксения молчит. Молчание ее зыбкое и опасное, как тонкий лед над рекой. Под ним ворочается нечто незримое, смутное, готовое прорваться и разрушить все на своем пути.

– Я смогу, – негромко решает девушка. Тихий хруст льдин, разбегающихся трещинами. Плеск черной, обжигающей воды.

Женщина легко усмехнулась и снова покачала головой:

– Похвально. Впрочем, есть способы попроще. Если вы останетесь на несколько дней, я могу помочь вашему... мм... другу.

Наружная дверь распахивается, и на пороге появляется угрюмый и взъерошенный Герайд с охапкой дров в руках.

– Мы спешим, – сказал он, услышав последние слова женщины.

– Мы останемся, – одновременно с ним говорит Ксения и морщится.

Входная дверь закрылась, отсекая студеную ночь снаружи. Но ощущение, что холод остался в комнате, становится явственным. Герайд хмурится и ссыпает дрова возле печи.

Ксения зябко поводит плечами, машинально кутаясь в чужую шаль с бахромой. В прореху в потолке насмешливо тарачится блеклая луна с отточенными кромками косоногого лезвия. Пугающе широк ее серп... Слишком мало времени.

Я предпринимаю почти успешную попытку подняться на ноги.

– Нельзя... несколько дней...

Деревянный пол уходит из-под ног. Лицо женщины становится сумрачным.

– Ладно... – Голос женщины отдаляется и гаснет. – Попробуем по-другому...

Плеск темных огней. Вспышки оранжевого... Монотонный речитатив царапает слух: «...через тропы, через небо... Красная нить свяжет черную нить... Там, где смерть, где болезнь, хода нет...» Нестерпимый визг глохнет, захлебываясь... Резко пахнет свежей кровью. Тугая широкая лента лаково отблескивающей черной и густой жидкости бьет о землю, пятная алыми брызгами снег... Мечутся тени... Мутный нечеловеческий глаз мертво закатывается под веко с белесыми ресницами...

«Где кровь, там жизнь...»

Трепещущий ком студенистого мяса пронзает раскаленная спица... Боль, как фейерверк, брызжет, искрится, тает...

Темный, безразмерный океан мерно качает на ленивых волнах... Небо над ним исчерчено смутно тлеющими руна-

ми. Невидимая исполинская рука снова и снова выписывает вязь новых фраз. Жизнь. Мост. Дорога. Верх. Смерть. Возвращение...

«...Приди, Огонь, возьми боль...»

Бешеный огонь заполняет реальность белым жгучим телом. Истончаются и рассыпаются черные, растопыренные иглы смертоносного ежа, поселившегося внутри... А заодно растворяются все защитные стены, и мир снаружи становится болезненно близким, ранящим. Цвета слепящи. Звук громогласны. Запахи нестерпимы. Прикосновения тяжелы...

Шквал впечатлений уже невыносим, и что-то с треском рвется, позволяя погрузиться еще глубже, соскользнуть туда, где темно и тихо... Где бродят пепельные тени.

Из прошлого.

Лицо будто отлитое из смолы – неподвижное, плоское, смутно знакомое, с чертами едва ли человеческими. Без возраста, без пола. Из прорезей глаз бьет наотмашь звездное сияние. Прожигает насквозь, раздирает, пытается высветить что-то в глубине...

А затем другой удивленный и пытливый взгляд.

«Что ты носишь в себе, мальчик?»

– Как они появились-то, так мы и ждали неприятностей, – сердито жаловался новый голос, снова женский, громкий и слегка дребезжащий, будто жесть. – Еще свояк на днях гово-

рил, что они шебуршат там чего-то, а значит, жди беды. Вот ведь неймаются-то людям... Вроде и маги там были пришлые, не иначе они квашню-то и замесили... И вот на тебе. Ночью дом Явека повалило, чудом выскочить успели! А у него жена на сносях, родит вот-вот, как теперь без крыши? Лес гудит, тропы, чисто пряжа, попутаны, плясуны скачут, шершевники совсем распоясались. Баклаги-то и те пузыряются. Девкам за околицу и носу сунуть невозможно. А уж как мужиков-то ломает, не мне тебе рассказывать. Когда совсем невоготу стало, меня послали. Я вот, пока дошла, весь подол о колючки изодрала, а ведь не было здесь сроду никаких терновников...

– Я поняла, Ниня. Передай Стану, что я подойду к вам попозже, не беспокойся.

– Уж не откажи, Веранна. Только на тебя у нас вся и надежда. Медку там, яичек мы уже подобрали, так что и гостинец готов.

– Я приду, ступай пока.

– Иду, иду... У тебя гости, никак? Навестил кто или клиенты прибились?

– Гости, – неопределенно подтвердила Веранна.

Я открыл глаза, зажмурился, пережидая вспышку рези. Из дыры в потолке, из окон лился безудержный солнечный свет, и давешняя замаскированная тенями комната посветлела, раздвинулась и переменилась до неузнаваемости. Казавшаяся громоздкой и вычурной, мебель съежилась и деликатно выстроилась вдоль стен. Странные предметы утрати-

ли свою загадочность и прикинулись обыденными украшениями, подсвечниками, подставками. Мерцавшие золотыми обрезам и переплетам в медной оковке фолианты потускнели и занавесились клочьями пыльной паутины. Даже кот свернулся клубком в одном из кресел, прикрыв свои странные глаза, и ничем не отличался от миллионов домашних питомцев. Только запахи остались... Запах и вкус древней молчаливой силы, поселившейся в этом доме.

Снаружи звякнуло.

– Ну так мы ждем, – повторила настырная обладательница жестяного голоса.

– Ждите, – терпеливо согласилась Веранна.

Разговор, доносящийся из-за окна, стихает. Приподнявшись на локтях, я успеваю заметить, как две женщины сворачивают на тропу, уводящую к лесу. Одна из них мне знакома по аккуратно собранным в узел седым волосам. Вторая торопливо семенит, одной рукой набрасывая на голову клетчатую шаль, а в другой тащит короткий цеп, одновременно смахивающий и на предмет сельскохозяйственного инвентаря, и на орудие убийства последователей культа Ча.

Возле тропы стоит покосившийся каменный идол, на котором сушится перевернутая корзина.

Подняв руку, чтобы протереть все еще слезящиеся от света глаза, я обнаружил кусок бечевки, обмотанный вокруг левого запястья. Бечевка завязана неравномерными узлами и испятнана затвердевшими бурыми и черными мазками. В

центре каждого узла тлеет алая точка наговора. Обжигают, как угольки, если коснуться.

Любопытно...

Поднявшись на ноги, я заглянул в ближайшее зеркало, висевшее в простенке, полюбовался на замысловатые загогулины, частью уже осыпавшиеся, нарисованные буро-черной смесью на моей груди. Знаки все еще дышали и слегка пощипывали кожу. Пришлось извернуться, чтобы увидеть такие же на спине. На шее висел незнакомый амулет – кусок кожи, проткнутый обугленной и запаянной булавкой, на игле которой разместились три цветные бусины. Амулет источал сухое, ровное тепло, как нагретый солнцем камень.

Кроме меня зеркало отразило еще и печального вида бледного молодого человека, который читал в одном из кресел. В том, где как раз сейчас спал кот. Человек рассеянно улыбнулся мне, приветственно кивнул и углубился в свою книгу. «Велеречивые размышления», – машинально прочитал я название, наклонив голову набок.

Заботливо вычищенная и сложенная одежда обнаружилась на той же лавке, на которой я недавно лежал под слоем теплых одеял. Все, кроме штанов, которые остались на мне, и куртки, исчезнувшей бесследно.

Ну и бес с ней...

Наступив на коврик с вытканными «сумеречными птицами», я не без облегчения убедился, что крылатые твари распахнули крылья и жизнерадостно разомкнули клювы, прося

крошек. Я бы и сам не отказался от каких-нибудь крошек. Чувствовал я себя бодрым, сильным и способным на героические подвиги, но чрезвычайно голодным.

В солнечной луже на столе греется румяный ржаной хлеб. В банке рядом солнце застыло и сахаристо искрится, превратившись в мед. В фарфоровой миске под стеклянным колпаком млеет желтое масло. А в глиняном горшке томится янтарного оттенка рассыпчатая каша...

Пшенная. Терпеть не могу.

Зевающий кот лениво, из-под полуприкрытых век, наблюдал, как я одеваюсь, проглатываю краюху хлеба со стола, наскоро намазанную маслом вперемешку с медом, ложкой жадно черпаю кашу, которую с детства не выношу, но от которой заставляю себя оторваться невероятным усилием воли, и выхожу за дверь...

Прерывистая дробь далекого дятла накладывалась на равномерный стук, доносящийся из-за дома. Перекликались невидимые птицы. Поскрипывал ворот колодца, и звякала позеленевшая цепь, вытягивая ведро с водой. Оказавшись снаружи, ведро, побряхтывая, вперевалку отправилось к дому.

Я посторонился, пропуская его.

Несмотря на солнце, морозец кусал щеки и нос. Осень перестала притворяться теплой и уверенно превращалась в зиму. Ночью образовался иней, подернув сединой золото опавшей листвы и зелень упрямой травы, и от того все вокруг ка-

залось ярким и избыточно контрастным. Сложенные из старых бревен стены дома пугающе темны. Красная кирпичная дорожка глянцево-яркая, как на открытке. В черной, вывороченной земле опустевшего палисадника деловито роются озябшие древесные гномы, подкапывая корни чертополоха. На макушке растения вздрагивают и сухо постукивают друг о друга кислотно-розовые ершистые бутоны.

Дом окружал немолодой лес. Слева выныривала из чащи и справа вновь убегала в нее асфальтированная, но порядком раздолбанная дорога. На обочине маячил синий «кентавр», разрисованный широкими мазками инея. Вокруг дома ограды нет, но во дворе высились слегка покосившиеся каменные столбы с грубо вытесанными лицами и узорами. От столба к столбу тянулась местами порванная, но все еще добротная плетенка защитного контура. Сами идолы источали глухой, темный жар. А в центре площадки, окруженной камнями, вычерчен седым, остывшим пеплом угловатый контур незнакомого знака, в центре которого еще дымится здоровенное кострище. На подтаявшем снегу еще сохранились подмерзшие кровавые пятна...

Над кострищем мерцало едва различимое марево остаточной магии.

Машинально разворошив носком ботинка золу, я наткнулся на закопченную нижнюю челюсть. Кажется, свиную... Только зубы уж больно острые. Клыки длиной с палец.

За домом обнаружились опрятные хозяйственные постройки, а равномерный звук стал громче и отчетливее. Небольшой туристский топорик лихо колот корявые серые колоды на празднично-золотистые поленья. Мрачноватый домовой с неудовольствием покосился на меня и побрел собирать щепки в корзину.

– ...Я не понимаю, чего ты ждешь. – Усталый голос Герайда донесся справа, из-за поленницы. – Чего мы ждем? Он в безопасности, и ему наша помощь теперь не нужна. Или ты все еще считаешь, что должна ему?

– Я хочу с ним поговорить, – отвечает негромко невидимая Ксения.

– И сколько ты готова ждать? А если он не очнется несколько дней?

– Это важно, Герд, пойми.

– Я понимаю, – тускло произнес Герайд. – Все, что касается его, становится жизненно важным...

– Ну раз ты все так понимаешь, то какой смысл дальше разговаривать? – сухо отзывается Ксения.

– Ксюш, на самом деле я просто перестал понимать, что для тебя важно. И ты еще больше все запутываешь...

Домовой сопит и тарашится на меня со свирепым раздражением – я наступил на приглянувшуюся ему щепку. Делаю шаг в сторону и вижу Ксению и Герайда, пристроившихся на завалинке. Капюшон куртки Ксении сброшен, но она отвернулась в сторону леса, и рассмотреть можно лишь краешек

щеки и пряди волос, заложенные за розовое от мороза ухо. Зато Герайд сразу замечает меня.

– Привет! – сказал я.

– Смотри-ка, – хмыкает Герайд, – он действительно умеет разговаривать.

– Твою куртку Веранна сожгла. – Ксения, повеселев, обернулась. – Она сказала, что лучше тебе шкуру ядошипа носить, чем ее. Вреда будет меньше. Как ты?

– Прекрасно. А вы?

Герайд насупился. Странно, но разглядеть его толком удастся лишь сейчас. Наши предыдущие встречи проходили либо под покровом темноты, либо в суетной спешке, так что только теперь я смог обстоятельно изучить Ксениного избранника. Темноволосый парень, наверное, на год-два старше меня. Не так чтобы высок, не так чтобы плечист... Если бы во время нашей памятной драки на краю оврага меня не глодала болезнь, думаю, я без особых усилий справился бы с ним... И черты лица самые обычные.

Я поймал себя на том, что еще немного – и закончу свои размышления стандартным «и что она в нем нашла?». В облике Герайда я не желал видеть ничего примечательного. И неудивительно.

– Веранна сказала, что сможет поставить тебя на ноги, – проговорила Ксения, слегка наклонив голову и рассматривая меня. – Вчера ты был так плох, что я сомневалась. И рада, что напрасно. Ей это удалось.

– Ценой чьей-то жизни? Или любви? – Словно бес дернул меня за язык.

– Нет, – неожиданно серьезно ответила Ксения. – Она принесла в жертву вепря.

– Кого? – опешил я, вспомнив челюсть, найденную в кострище.

– Выманила его из леса... Он был красивый. Жаль.

Я уязвленно приподнял брови. Герайд внезапно удовлетворенно ухмыльнулся, и сбавивший было темп топорик снова задорно застучал по деревяшкам, разбрызгивая золотистую щепу.

– Вот поэтому люди и предпочитают иметь дело с Белой магией, – проворчала грустно Ксения.

– Но зато, когда им нужна не цивилизованность, а гарантия эффекта, они обращаются к Черным, – возразил Герайд. – Просто Черная магия идет самым прямым путем, добиваясь своих целей. Для того чтобы вернуть к жизни одного, требуется погибнуть другому. А значит, нужна жертва... В вепре было достаточно жизненной силы. В конце концов, люди тысячелетиями едят животных, исходя примерно из тех же соображений.

– Я знаю, что и с какой целью было проделано вчера, – сердито отозвалась Ксения. – И я рада, что Трой жив и здоров...

– Спасибо, – скромно вставил я.

– ...Но это не значит, что методы Черных должны вызы-

вать у меня восторг.

– Ладно, – отмахнулся Герайд. – Мы с тобой вечно спорим на эту тему...

Домашняя интонация, с которой он это произнес, царапнула не хуже отлетевшей из-под топора щепки. И могу поспорить, что Герайд заметил это. Ксения тоже заметила и внезапно заботливо обратилась ко мне:

– Ты не мерзнешь без куртки?

Мне бы больше польстила ее забота, если бы при этом Ксения не покосилась на Герайда, явно оценивая произведенное впечатление. Ну детский сад, честное слово. Вот только почему и меня тянет ввязаться в эту возню? И чтобы не поддаваться на провокации собственных эмоций, я заговорил на отвлеченную тему:

– Так, значит, эта Веранна из Черных? Она должна обладать редкой силой, если смогла вытянуть обряд в одиночку.

– Мы немного помогли ей, – ответила Ксения, неохотно отводя вызывающий взгляд от Герайда. – Но думаю, она бы и так справилась. Ты не узнал ее? Это же Веранна Полынь. Или Веранна Отступница. Только она не из Черных. Она предпочитает вообще не называть свой цвет.

– Погоди, – оторопел я. – Она же умерла!

– Одни говорили, что она умерла. Другие, что просто исчезла однажды, – сказал Герайд. – Ее клан предпочитает считать Веранну мертвой... Я слышал, что, по некоторым версиям, она поселилась в глуши.

– Мы вчера случайно наехали на ее дом, – пояснила Ксения. – А может, и неслучайно. Тогда это был единственный путь через то безумие, в которое превратился лес...

И они оба наперебой, но неожиданно дружно принялись рассказывать мне конец вчерашней эпопеи, который я слушал не очень внимательно, пытаюсь выудить из памяти зыбкие обрывки чужого разговора... Что-то о лисах, меняющих шкуру, и о цветах силы. А ведь Веранна Отступница, рожденная в Черном клане Полыни, получила свое прозвище именно за удачную попытку выдать себя за Белого мага. Ради любимого, кажется... Печальная случилась история. И от роду этой седой женщине, должно быть, целый век, не меньше...

– Трой, ты слушаешь?

– Что? Да, конечно.

– Ты действительно не мерзнешь? Может, все-таки в дом?

Герайд снова помрачнел. А я согласился. Отчасти из-за того, что на самом деле замерз, а отчасти чтобы увидеть досаду на его физиономии. Ничего не мог с собой поделаться.

– Так о чем ты хотела со мной поговорить? – спросил я, когда мы устроились за столом в доме.

– Ты подслушивал? – возмутилась Ксения.

– Случайно услышал. Теперь подходящее время спросить, что же вы здесь делаете? – Я с удовольствием подставил лицо прикосновениям солнца, льющего свет через дыру в крыше.

Ксения задумчиво прищурилась, наблюдая за зевающим

котом, и не стала делать вид, что не поняла вопроса.

– Долгая история... – Она зябко повела плечами.

– Можно тезисно. Или ты снова не намерена мне ничего объяснять?

Ксения хмыкнула. Поднялась со своего места, взяла что-то с книжной полки и положила на столешницу передо мной. Смятая бумага, газетный обрывок и давешнее волшебное кольцо, сверкнувшее в солнечных лучах словно настоящая драгоценность.

– Из карманов твоей старой куртки. Я подумала, что ты захочешь это сохранить...

Газетный обрывок со снимком семейства Торжич. Смятая бумага была прощальной запиской самой Ксении. Только лежала она не в куртке, а в кармане брюк и потому уцелела во время бегства из дома Магрица.

Девушка задумчиво покатила кольцо пальцем.

– Красивое...

– Это просто игрушка, – рассеянно сообщил я. – Можно выбросить... – И сразу ощутил, как нечто изменилось. По лицу Ксении мелькнула быстрая тень, и выражение его стало на несколько едва уловимых мгновений растерянным. Или мне показалось? Выглядела она сейчас намного лучше, чем прошедшей ночью. Но все равно забыть давешнюю обморочную ее улыбку было нелегко.

Однако солнце больше не грело так безмятежно...

– Так ты скажешь, что задержало вас возле Баклаг? Куда

смотрел этот твой... герой?

– А по его виду похоже, что он в восторге? – В голосе Ксении обозначился ледок.

Мы одновременно взглянули в окно, наблюдая, как хмурый Герд собирает дрова, которые и без его помощи прекрасно укладывались в поленницу, и изо всех сил старается не поворачивать голову в нашу сторону. Так старается, что у него наверняка даже шея занемела.

– Я сама попросила привезти меня, – неохотно призналась девушка.

– Зачем?

– Хотела оказать тебе услугу. Предупредить, чтобы ты не совался в гости к Флаину Магрицу...

Я воззрился на нее. Ошарашено и недоверчиво.

– Откуда ты... про Магрица?.. Я же ничего вообще... – Я осекся, глядя на ее измученное, белое и как-то разом просевшее, словно весенний снег, лицо.

– Я же предупредила, это долгая история. Не думаю, что тебе она понравится.

– А чем мне может не понравиться история, где прекрасная дева спешит, чтобы предупредить меня о... А собственно, о чем?.. И Магриц Магрицем, но он остался в Белглаве, надеюсь. А что вы делаете в лесу?

Ксения крепко сжала рот, прислушиваясь к каким-то своим внутренним ощущениям. Так переживают приступ мигрени. Или неприятное воспоминание. Не смертельно, но бо-

лезненно.

– Если вкратце, – выдохнула она наконец, – то один человек рассказал мне нечто нелицеприятное о господине Магрице... А я знала, что ты пойдешь к нему. Потому что... – Она заколебалась, покусывая губы, отчего они обрели гораздо более жизненный цвет.

– Это важный эпизод, – вставил я ободряюще. – Лакуны были бы нежелательны.

Ксения проигнорировала ерничество, потупив взгляд и все еще колеблясь, но все-таки продолжила, пусть и с явной неохотой:

– Тогда... в логове, ты поделился со мной своей силой... Всем известно, насколько это... – она запнулась, подыскивая слово, – как это сближает. И можно прочесть, например, некоторые чувства или стремления... Я знала, что ты идешь в Белглав к Магрицу. А потом, от одного друга...

– От Герайда, – подсказал я сумрачно.

– С чего ты взял?

– Вряд ли ты общалась еще с кем-то.

– Хорошо, допустим, именно от Герда я узнала, что Магриц не тот человек, которому тебе следует доверять.

– Почему?.. Впрочем, это «почему» опустим как неактуальное. А вот откуда твой Герайд мог знать нечто подобное?

Ксения умолкла, мучительно сведя брови. Мне внезапно захотелось ладонью разгладить эту жесткую и такую недевичью складку на лбу. Чтобы и следа от нее не осталось.

– Это не имеет значения для тебя, Трой.

– Еще как имеет, – возмутился я.

– Мы говорили о нас, – ответила Ксения, морщась. Похоже, состоявшийся разговор оказался неприятным. – О нас и о нашем будущем... Все оказалось сложнее, чем даже представляла я... И в разговоре... случайно всплыло имя Магрица. То есть... – Она с явным трудом подбирала слова. Хотела что-то сознательно скрыть или просто не желала ненароком задеть слишком личное?

Я чувствовал, как в глубине меня пришли в движение незримые веса. Покачиваются... Верить, не верить...

– По словам Герда, среди высших кланов Черных разброд мнений. И Флаин Магриц, вопреки всеобщему мнению, не такой уж большой друг Корнилы, как считается...

– Это Магриц сказал Герду? Или Корнил? – осведомился я. Чаша весов «не верю» неуклонно пошла вниз. – Никому не сказали, а вот твоему герою...

Она неожиданно серьезно взглянула прямо мне в лицо. И в ее глазах словно опустилась невидимая, но непроницаемая штора. Ложью были ее слова, полуправдой или правдой, она с этого момента намеревалась стоять на своем.

– Не хочешь верить? Да ради всех богов! Я, в сущности, не обязана тебе ничего объяснять и ни в чем оправдываться. У меня своих проблем до самых небес. Ты оказал мне услугу... – Она осеклась, подумала и поправилась: – Нет... Ты спас мне жизнь и не оставил меня умирать там, под землей.

И если, на твой взгляд, противоестественно, что мне захотелось тебя отблагодарить, то это твои сложности... А я поступила так, как сочла необходимым поступить. – Ксения сцепила пальцы в замок, словно замыкая лишние эмоции, и продолжила спокойнее: – Правда, мы все равно опоздали. Когда мы нашли дом Матрица, то было уже поздно... – Она снова сделала еле заметную, но ощутимую, как ледок на осенней луже, паузу. – Возле дома всю кипело сражение. Кто там с кем сражался, со стороны разобрать было трудно, да и некогда. Шальной вихрь снес с дороги и перевернул машину Герда. Пока мы выбирались, все стихло... Хотя мне померещилось, что ты пролетел прямо над нашими головами...

Ксения поднялась и прислонилась спиной к печи. Зябко шевельнула плечами.

– А потом мы отправились в Баклагги.

– Зачем?

– Подозреваю, затем же, зачем и ты. Хотели воспользоваться тамошними Вратами, но кто-то выставил возле них охрану... Забавно, но я почти не сомневалась, что следует ждать твоего появления. Ты второй раз перебегаешь мне дорогу и притаскиваешь за собой лишних людей...

– С чего ты взяла, что это из-за меня?

– Не знаю, – хмыкнула она. – Показалось. Разве нет?

– Слишком все это странно для случайной встречи. Не находишь?

– В этих краях не так много действующих Врат. Одни воз-

ле Шеймской Долины. Там живет... жил Герд. Их взяли под охрану в первую очередь.

– В Шеймской Долине я точно не был, – пробормотал я.
Ксения рассеянно улыбнулась:

– Нет, там Врата закрыты по другой причине. Мой отец уже знает, куда я направилась. Кто-то из тех, кому я доверяла, продал меня. А мой отец влиятелен во всех пределах... – Она потянулась и подцепила пальцем мятую газетную вырезку, переворачивая снимком вниз. Вздохнула: – Мы очень надеялись на здешние Врата.

– Зачем вам Врата?

– Я же не спрашиваю, зачем Врата тебе?

– Но это и так почти все знают. Я сошел с ума и похитил Белую Королеву. И еще там что-то натворил. Поэтому, пока меня не уничтожили как бешеную собаку, мне нужно попасть на Архипелаг в Трибунал.

– Мне тоже.

– Зачем?

– Затем, чтобы в Совете доказать, что сошла с ума, и попросить о лишении статуса Белого мага.

Я оторопело уставился на нее.

– Повторить? – усмехнулась Ксения, с явным удовольствием наблюдая за моей реакцией.

– Сделай любезность. И если можно, простыми словами...

– Трой, я хочу попросить Совет лишить меня силы. Я понимаю, что в реальности это невозможно, но формально это

допускается. Такие случаи уже были в истории, когда магов лишали статуса.

– Преступников.

– Какая разница. Главное, что для них уже навсегда не имело значения, какого цвета их сила. И, лишившись права применять ее, они могли вести нормальную жизнь...

– Нормальную?

– Обычную. Я не хочу быть магом, Трой. Все, что в моей жизни было плохого, связано с магией. У меня, у тебя, у нас всех с самого детства никогда не было другого выбора, кроме как стать магами. Нас никто не спрашивал, хотим мы этого или нет. Ты хотел быть кем-то еще? Хоть когда-нибудь?

Я пожал плечами. Может быть... Вспомнился учитель Милош и его удрученное: «Вы не там ищите свое предназначение, юноша... Ах, если бы ваш дар сиял чуть менее ослепительно...»

– Во всяком случае, – медленно отозвался я, – я никогда не хотел быть кем-то сильнее, чем маг.

– А я хочу стать просто человеком. Совет может позволить мне это...

– Послушай, но... Нельзя же так. – От растерянности я даже не мог подобрать слов. Впервые передо мной сидел человек, который хотел лишиться главного из сокровищ мира. Того, ради чего я сам готов отдать даже жизнь, если понадобится. И, что самое странное, она совсем не считала это ценностью.

– Почему? – наконец сумел выдохнуть я.

– Потому, что я люблю жизнь. И потому, что я люблю Герда. А он... Его семья, да и моя тоже, никогда не позволят нам просто быть рядом, если все останется как есть. Я же рассказывала тебе, мой отец больше всего на свете желал видеть свою дочь магинею. Я его главная гордость. И он сделает все, чтобы не допустить крушения своих надежд. Семья Герда никогда не допустит, чтобы он связал свою жизнь с Белой. У него и так проблемы с ними, а ты сам знаешь, что в ваших кланах, кланах Черных, слишком сильны семейные связи...

«Я люблю Герда», – полыхнуло, как зарница над горизонтом. Обожгло. Захотелось завопить от боли.

– И он хочет, чтобы ты...

– Не кричи! – сердито поморщилась Ксения. – Я этого хочу. Сама. Он вообще ничего не знает о моем решении. Я соврала, что... Впрочем, это неважно. Не считай других хуже себя. Герд никогда бы не согласился на такую жертву. Но дело-то в том, что для меня это даже не жертва. Я хочу избавиться от того, что мне действительно не нужно. Для Герда, для тебя это ценное качество, и без него вы, наверное, погибнете. Герд талантливый маг, и он любит то, чем занимается... Ради меня он готов был бросить все, разорвать все связи и уйти. Но я думаю, что при этом он будет несчастен. Я так не хочу. Лучше я отдам то, что мне не нужно.

– погоди... Но в конце концов, можно же и с семьей договориться. И у Черных встречаются браки с Белыми. Да по-

что все кланы давно уже пережили старые традиции...

– Чем древнее клан, там сильнее традиции. Особенно если из всего клана осталось два человека. Отец и сын.

Я задумался, пытаюсь вспомнить подобный расклад. Семьи Черных я знал хорошо. Никого подходящего под подобное описание не было.

– Может, тебе и Герду стоит обратиться, например, к Корнилу? Он человек авторитетный, и большинство клановых глав готовы прислушаться к нему...

– Не думаю, что это хорошая идея. – Ксения неожиданно безрадостно засмеялась. – Потому что фамилия Герайда – Магриц. Он сын Флаина Магрица.

Я проглотил идиотское «что-о-о?» вместе с россыпью междометий. И как можно спокойнее возразил:

– У Магрица нет детей. Он сам сказал.

– Законных нет. Видишь ли, мать Герда была ведьма. Да еще и рожденная в Белых землях. Такая связь не к лицу уважаемому Черному магу, не так ли? Они поддерживали отношения, и о семье Магриц по-своему заботился, но официально никогда не признавал ее существование. Зато после смерти жены Магриц готов был признать своего сына... Во всяком случае, до того момента, пока он не связался с Белой магией. Со мной то есть...

Вот это удар был для Флаина Магрица, подумал я мельком, вспоминая лицо своего недавнего знакомого и то, с какой интонацией он говорил о чистоте рядов Черных и Белых.

И об угрозе существованию мирового порядка... Интересно, а Магриц знает, что в Баклагах едва не убил собственного сына? Или это были не его люди?

Я молчал, переваривая.

Из зеркала на нас внимательно и даже сочувственно смотрел бледный молодой человек. Теперь книга на его коленях была другая, но он не читал. Сидел, положив обе руки на раскрытые страницы. Черно-белый кот напротив зеркала тоже дремал на раскрытом томе.

Нет, не дремал. Кончик пушистого хвоста нервно вздрагивает, а прищур глаз светится голубым.

Качались незримые весы. Я могу в это поверить? Как я могу поверить в ЭТО?

Может, есть еще что-то?

– Почему Врата именно возле Баклаг? – наконец по наитию спросил я.

Кажется, Ксения ждала другого вопроса. Потому что набрала воздуха, готовясь к возражениям... и, замешкавшись, ответила после паузы:

– От Белглава они самые близкие.

– Почему же вы не уехали, как только поняли, что Врата под охраной? Вы целую ночь торчали в опасном лесу... Ради чего? – Я нажимал, надеясь зацепиться за краешек того, во что мне хотелось поверить.

– «Линия вероятности» утверждала, что ты будешь там... После того что произошло возле Магрицева дома, мне по-

думалось, что тебе потребуется помощь. И сложила на тебя «линию»... Что ты так на меня смотришь? По-твоему, я не в состоянии предсказывать?

– По-моему, невероятно, что ты стала бы складывать «линию» безо всякого повода... – как можно небрежнее произнес я, боясь спугнуть удачу. – Ксень, я польщен твоим вниманием к моей персоне, но что-то мне подсказывает, что истинная причина гораздо правдоподобней твоего желания спасти и помогать...

Ну возражи же!!

Ксения странно взглянула на меня. Мне немедленно захотелось отшатнуться. Или попросить прощения. У нее был взгляд человека, которого только что ударили, и она еще не решила, что сделать в ответ – бить или заплакать. Губы девушки дрогнули.

– Хорошо, – стеклянным голосом отозвалась она, – расскажу истинную причину. Могу поспорить, в нее ты поверишь сразу... Наша встреча неслучайна, потому что мы специально искали тебя.

Вроде звучит так, как я надеялся, но суть совсем иная.

– Зачем?

– Потому что ты знаешь, где находятся единственные Врата, которые не смогут взять под контроль ни Белые, ни Черные. Это тоже удалось зачерпнуть вместе с твоей силой... Извини, вышло случайно. Но мне... нам нужна твоя помощь, чтобы найти их.

– Вот оно что... Ты права. Вот теперь я тебе верю, – кивнул я, чувствуя, как обрываются и разваливаются внутренние весы. Теперь в них не было никакой необходимости.

Я не лукавил – я действительно ей поверил. Только что-то сломалось внутри. Нечто важное. И тепло сегодняшнего утра обернулось привычной тоскливой пустотой несбывшегося. На этот раз никто не предавал меня, но ощущения вдруг оказались очень похожи. И винить оказалось некого. Я сам вообразил невесть что.

– Корыстный интерес – это ведь именно то, во что тебе легче всего поверить? – с нажимом на «тебе» констатировала Ксения.

– Верно, – подтвердил я. – В последнее время все иные соображения не выдержали испытаний на прочность. Даже... – Я не договорил, скривившись.

– А ты не додумывай за других!.. – тихо, со злостью выдохнула Ксения.

Взгляд ее потемнел и вымерз. Так она не смотрела даже в логове мага. В зрачках словно стыл несокрушенный лед. Я отражался в них мелким и жалким.

Кот вдруг выпрыгнул из кресла и стремительно сиганул прочь. А человек в зеркале поднялся, осуждающе покачал головой и тоже ушел за обрез рамы. Стало очень пусто. Всюду.

Растянутая до предела пружина, надломившаяся еще в Белглаве, наконец лопнула, принеся боль и одновременно

облегчение. Пусть так, и каждому – свое. Щемящее чувство сменилось усталым равнодушием и решимостью покончить со всем побыстрее, не отвлекаясь на ненужные эмоции.

– Хорошо, – кивнул я, не глядя на Ксению (напрасно старался – она тоже смотрела в сторону), – раз у нас теперь полное взаимопонимание и никаких недоговоренностей, то можно выработать план дальнейших действий. И для начала, я думаю, мы можем воспользоваться вашим «кентавром», чтобы добраться до нужного места...

...О чем она говорила с Герайдом, мне никогда не узнать.

– Хорошо, – без особого энтузиазма произнес Герайд, когда я приблизился к «кентавру». – Считай, что мы договорились. Все равно этой рухляди терять уже нечего... – Он пнул колесо и вдруг отшатнулся, озабоченно присматриваясь к поцарапанному и мятому боку своего автомобиля: – Это еще что?

– К одному из вас придет призрак, – послышался из-за наших спин хрипловатый голос. – Мне бы не хотелось, чтобы он шастал вокруг, поэтому я привязала его к машине. Заодно не забудете, когда отправитесь в путь... – Подошедшая Веранна доброжелательно улыбнулась.

– Призрак?

– Тень-на-стене.

– Сейчас это Тень-на-машине, – поправила Ксения, чуть склонив голову и рассматривая невезучего Ноилла, чей смутный силуэт вычертил иней на потрескавшемся лаке две-

рей. Потом добавила с огорченной интонацией: – Бедняга.

Если Веранне и исполнилось лет сто, то сохранилась она на редкость хорошо. Я бы даже не назвал ее старухой. Пожилая женщина лет за пятьдесят. Темная от въевшегося загара кожа, немного непривычное в этих широтах плоское лицо почти без морщин, с мелкими правильными чертами. Опрятная одежда и уверенная походка. Возраст выдают глаза – выражение и цвет, точнее, его отсутствие. Раньше ее глаза были, скорее всего, карие, сейчас приобрели оттенок давно спитого, бледного чая. Только взгляд по-прежнему цепкий, тянущий, тяжелый, как свинцовое грузило с крюком на конце лески... От такого хочется увернуться и затаиться в глубине, под корнями.

– Здравствуйтесь, – преодолев мгновенное неприятие, сказал я.

Веранна еще шире улыбнулась, рассматривая меня. Как ни странно, но улыбка сделала ее лицо теплым и домашним. Неловкость, которую чаще всего начинаешь испытывать, пытаясь сформулировать слова благодарности, растворилась в ней как приторный сахар в чашке кофе.

– Что ж, сегодня ты выглядишь гораздо лучше.

– Вы спасли мне жизнь... – начал было я, но Веранна достаточно резко прервала меня:

– Сочтемся. А пока у меня есть для тебя подарок. Он в доме...

Она обратилась ко всем нам, но приглашение приняли

только я и Ксения. Сумрачный Герайд остался изучать повреждения, нанесенные его «кентавру», и готовить машину в путь.

Подарком оказалась куртка – не новая, но отличного качества. Скорее всего, штучной работы и слегка странного покроя. Рассчитана на достаточно высокого владельца, так что даже рукава оказались нужной длины, только в плечах узковата. Почему-то, взяв ее в руки, я вспомнил человека в зеркале. Того самого, с книгой... А от зеркала взгляд невольно переместился на кота. Кот благосклонно жмурил глаза.

Собирая вещи, я услышал, как под окном Ксения вполголоса переговаривается с хозяйкой дома, вывязывая окончательные узлы на нитях начатого еще прошлым вечером разговора.

– ...Но вы же сумели отказаться от своей силы. И жить вдалеке от всех.

– Я сделала это не совсем по доброй воле. И солгу, если скажу, что не сожалела об этом тысячекратно... А сейчас я привыкла. И Вигер привык, хотя ему пришлось труднее всего. Вот уже много лет мы просто живем здесь. Иногда я помогаю соседям, но помощь моя простая и незатейливая, как у любой деревенской ведьмы. Они бы и сами справились со всеми этими «плясунами», «логовищами» и «лепетухами»... Да и болезни проще лечить таблетками, чем заговорами. А сила... Сила всего лишь инструмент для достижения человеческих целей...

Стоило мне появиться, как они смолкли. Ксения неловко отвернулась, торопливым жестом убирая прядку волос за ухо и отводя глаза. Веранна грустно улыбалась.

А потом мы попрощались и, уезжая, чуяли, что Веранна смотрит нам вслед. Молча, долгим, тянущим взглядом, словно пытаясь снова вытащить что-то наружу.

* * *

Фантастические, причудливых форм и оттенков, источающие немислимые ароматы цветы трепетали под порывами промозглого осеннего ветра. Вдрагивали, клоня нежные головки, теряли лепестки в грязь. Благоухающая завеса то и дело рвалась, и тогда Старик вдыхал, как ключевую студеную воду, сырой, пахнувший землей воздух, да так, что зубы ломило.

Среди диковинных соцветий сгорбилась темная фигура. Еще недавно ее очертания были неразличимы, но теперь волшебная иллюзия, заметно потрепанная ветром, утратила свою силу и убедительность, и очертания реальных вещей проступали через зыбкие образы диковинных растений.

А ведь он поразительно талантлив, в который раз подумал Старик, глядя, как красивая крошечная птица, словно живая, упрямо пытается одолеть силу ветра и тщится зацепиться за дрожащий стебель полурастаявшего цветка. А запахи все еще дразнят обоняние, хотя непогода разошлась не на

шутку.

Жаль, что она всего этого не увидела... Летом она часто ходила сюда посидеть на нагретом полднем валуне, иногда понаблюдать за уроками, а чаще просто поразмышлять в одиночестве. Но осенью здесь было промозгло и неудобно. Она не заглядывала сюда давно. Впрочем, может, оно и к лучшему.

Сидевший на камне среди иллюзорного цветника человек внезапно поднялся на ноги, обернулся, ища взглядом наблюдателя. Криво усмехнулся... Старик не столько различил, сколько почувствовал это.

Младший одним движением руки ликвидировал остатки своего сада, постоял, ежась от жгучего ветра, и все-таки приблизился к Старику.

– Почему он? – непонимающе спросил юноша, глядя в сторону и словно продолжая давно начатый разговор. – Что он может дать ей, чего не могу сделать я? Он принес сегодня какие-то колючки с синими цветами...

– Предснежник, – машинально подсказал Старик.

Младший мотнул головой. Ветер облепил его лоб и скулы светлыми, отросшими прядями, спрятав выражение глаз. Теперь, когда безудержный аромат несуществующих цветов исчез, коварный ветер нес запахи дыма, жареного мяса, отзвуки далекого смеха и звонких голосов. Праздник уже начался.

– Ты не пойдешь? – спросил Старик, задумчиво щурясь

на россыпь золотых огней в ночи.

– Скучно с ними, – отмахнулся Младший. – Лучше... – Он не договорил, снова махнул рукой и двинулся в сторону леса.

Старик провожал его взглядом, одновременно сочувствуя и досадуя. «Скучно». И никто не пришел позвать на Праздник. И девушка выбрала невзрачный предснежник вместо чародейских роз. Знать не желает девчонка талантливого мага, вечно занятого собой. И виной тому не магия, а несносный характер этого самого мага...

В последние годы Старик больше не давал своим ученикам задания, требующие соперничества. Но проглядел, может быть, самое важное из всех заданий, которое подкинуло двум его приемышам судьба. И вот они снова, как в отрочестве, придумывают, изобретают, решают ежедневно, как привлечь внимание русоволосой девчонки, бывшей подруги по играм, как-то незаметно превратившейся в очаровательную девушку... И привыкший быть первым (со своей точки зрения) Младший проигрывал безнадежно и бесповоротно. И друзья расходились по разным дорожкам неотвратимо.

А Старик, поддаваясь чисто человеческим эмоциям, в глубине души радовался выбору своей названной внучки. И понимал ее как никто.

Один был лучшим учеником Старика. Другой был любимым учеником. Такие близкие по значению понятия и такие разные по сути.

«Почему он?»... Это же очевидно, Малыш. Только как объяснить это мальчику, который уверен, что собственное могущество делает его всесильным и неотразимым? Как рассказать, что в невзрачных колючках скромного предснежника волшебства больше, чем во всем чародейском саду?

Старик сожалеюще смотрел вслед своему ученику. Неплохой парнишка. Он ведь мог заставить ее полюбить себя. Мог, но при всей уверенности в собственном могуществе ни разу не пытался этого делать.

Утробно бурчавший и жалующийся на судьбу, на владельцев и на дороги «кентавр» вдруг чихнул, фыркнул и затих. Лязгнули отбитые в последние дни потроха, и машина остановилась. Навалилась тишина. Не открывая глаз, я слышал, как мрачно проворчал что-то нелицеприятное в адрес Вселенной вообще и автомобилестроения в частности Герайд. Затем щелкнула дверь, и машину качнуло, когда он выбирался наружу.

Четвертый раз за последние три часа. Даже терпеливый «кентавр» не вынес последних испытаний без последствий для себя и спотыкался при каждом удобном и неудобном случае. Но, во всяком случае, эти остановки вносили разнообразие в наше путешествие. Герайд с Ксенией болтали, на мой взгляд, слишком активно, обсуждая неведомые мне «реверсивные линии Шелота, изменившие ход Посторонних битв», и «сосуд Безгорода как средство затягивания Мостового Узла». Я так понимаю, это что-то из области альтернативной истории, которой, похоже, увлекались они оба.

Я делал вид, что сплю, развалившись на заднем сиденье. Мы договорились о взаимном одолжении. Они предоставляют мне транспорт, за это я предоставляю им информацию о местонахождении Мертвых Врат. Обычная торговая сделка. В сделку обязательство развлекать друг друга беседами

не входило.

Иногда я действительно задремывал, пристроив под голову подаренную куртку. От нее едва уловимо пахло смутно знакомыми благовониями и специями. И оттого в сон назойливо лезли южные ветры, шелест сухого, белоснежного, раскаленного песка и трепет пестрых тканей, пропитанных такими же ароматами...

Где бродил ее бывший, владелец? Тот, кто отныне обречен жить в облике кота до конца своих дней дольше, чем котам отпущено природой, но меньше, чем хотелось бы тем, кто обрек его на подобное заточение. И все эти годы он будет рядом с любимой... Они жили долго и счастливо и умерли в один день. И не понять – то ли радость это, то ли проклятие.

Хлопнула дверь. Двигатель протестующе поворочал и заработал.

– Хорошо бы нам подвернулась автозаправка, – произнес Герайд. – Например, за тем поворотом...

Шутник. Приподняв голову, я обзрел раскинувшиеся до самого горизонта поля и луга, кое-где встрепанные жидкими рошицами, которые постепенно пришли на смену лесам. В стремлении держаться на всякий случай подальше от более-менее крупных городков и оживленных дорог, утыканных маг-радарами, мы предпочли окольный путь. Так что на автозаправку рассчитывать не приходится. Разве что на очередной поселок, коими, как узелками на старой веревке, была в изобилии усеяна выбранная дорога...

– Может, повернем в это вот... Бронь-Пичево, – прочитала Ксения название на карте.

– Вряд ли в такой глуши найдется «саламандрова кровь», которую уважает «кентавр». А даже если и найдется, то вряд ли здесь в качестве оплаты примут кредитные карты банка «Магпром», – резонно заметил Герайд.

– Вряд ли у них тут проживают маги, – вмешался я неожиданно даже для себя. Наверное, слишком надоело просто валиться бессловесным грузом, и захотелось размяться. – Может, они согласятся на натуральный обмен?

Староста задумался, почесывая выпуклую плешь на макушке, украшенную аккуратно завитыми сплошь серебристыми кольцами остатков шевелюры. А вот усы под широким, слегка вздернутым носом топорщились смоляной, серебром едва тронутой, жесткой щеткой.

– Горючка-то у Грима найдется... Он в позатом годе «луну» купил. Да только на наших дорогах она, почитай, за лето развалилась, а горючего для нее запас и остался. Хоть заправку открывай, да только кто к нам сюда поедет... Но Грим у нас скряга, за так даже спичку горелую не отдаст. Три шкуры сдерет. У вас денег много?

Мы переглянулись удрученно. Заикнулись про магическое содействие в повседневных делах. Староста посмотрел на нас с возросшим любопытством, снова поскреб макушку, маясь сомнениями, вздохнул сожалеюще:

– Право, не знаю, чем вам и помочь... Работы для магов у нас нет, пожалуй. Сами справляемся... Ну вот разве что... – Он оживился, воздел вдохновенно палец, испачканный смолой, и глаза его заблестели. – Точно! Если вы нам небольшое содействие окажете, то я, так и быть, уговорю Грима растрясти мошну. Оно и ему на пользу будет. А то заклевала его сестра... – Староста усмехнулся в усы. – А значит, дело такое. Завелась у нас вдруг ведьма. Пакостит по-маленьку, то скрадет чего, то порчу наведет. А вот кто такая и откуда вдруг проснулась, никто и не может понять. Особенно достается от нее трем нашим кумушкам... Да, в общем, только им и достается. И поговаривают, что вроде одна из них ведьма и есть, только не сознается. Вот нам бы определить, кто из них ведьма, чтобы остальных утихомирить... А то скоро все волосья друг другу повыдергают, дуры несчастные. И соседям житья никакого от них нету. Вот если вы подсобите в таком деле, то в благодарность я не только горючку у Грима, но и урожай яблок у Федоры для вас испрошу, поскольку достали они всех изрядно...

Опознать ведьму? Да запросто!

– Динка! – Старостинский рык заставил вздрогнуть нас и залиться басовитым лаем собаку под окном – здоровенного курчавого пса мутной породы.

Дверь открылась, пропустив в дом крепенькую русоволосую и светлоглазую девочку лет четырнадцати, в распахнутой куртке, клетчатой мужской рубашке и джинсах. Смотре-

ла девчонка на гостей уверенно и открыто, ничуть не смущаясь, но и без вызова, как свойственно подросткам. Кивнула вежливо и деловито обратилась к старосте:

– Савел хотел ограду до Заливной балки передвинуть. Я не разрешила. Там весной все зальет и ограду смоеет. Да и трава там плохая, болотная. Еще баба Паша спрашивала, можно ли капусту в наш погреб перенести, потому что в ее повадилась лазить змеиха. Я сказала, что тебя спрошу, но места у нас там полно. А у Линки корова маститом мается, так она ее прям нам под окна привела...

Все одновременно посмотрели в окна, за которыми и впрямь уже какое-то время слышалось невнятное жалостливое бормотание и позвякивание. Возле старостиного палисадника топталась опечаленная женщина, поглаживающая по черно-белой морде круторогую, упитанную корову. Коровка поводила рогами, вздыхала, скорбно глядя на хозяйку, и меланхолично пожевывала засохшие цветы, добытые в палисаднике.

– Ага, – в замешательстве сказал староста. Отмахнулся: – Погоди с делами... Динк, ты проводи... э-э... – Он крепко задумался, как именно нас обозначить, и остановился на нейтральном: – Господ магов до ведьм наших... То есть я хотел сказать, к теткам Аглае, Эвии и Раиде. Скажи, что я велел. Они поймут зачем.

Девчонка кивнула, выпросила минутку и унеслась, запахивая куртку. Через окно я видел, как она разговаривает с

владелицей коровы и та отрицательно качает головой, всем своим видом демонстрируя упорство человека, решившего стоять на выбранном месте до самого конца.

– Дочка моя, – с нежностью молвил староста. – Последыщ. Умница, нахвалиться не могу. Вот, видали? – Он указал на полку, прибитую стене, где рядом стояли деревянные блюда, украшенные затейливой резьбой. – Ее работа. И из глины может. И вязать, и шить. А уж какие пироги печет – пальцы заодно отхватишь. И дом весь на ней, и хозяйство... А как скотину и зверье приبلудное лечит или там, скажем, пшеницу поднимает! И ведь в охотку все делает. Старшие у меня, два оболтуса, только ее, Динку, и слушают. Да что там свои, чужие, почитай, со всей округи к ней идут то за советом, то за подсказкой... Вот подрастет, жениха ей подыщут получше из агрономов, а помру – ферму ей оставлю. Повезло мне с ней. Как жена померла, так только в Динке вся моя радость...

Умницу Динку «господа маги» и цель их паломничества к домам ведьм не заинтересовали, похоже, вовсе. Выполняя родительскую волю, она вела нас по широкой улице, но мысли ее витали далеко. Видимо, где-то возле измученной маститом коровы и ее упрямой хозяйки. Ксения осталась возле дома старосты, так что в путь отправились мы с Герайдом. Нельзя сказать, что находиться в компании друг друга нас устраивало. Но оба мы чуяли, что надо поговорить. Причем наедине.

– Там, возле Врат... – внезапно, отведя глаза и рассмат-

ривая замысловатой формы колодезный журавль, произнес Герайд. – Это ведь тебя они ждали, верно?

– Верно, – сказал я, изучая бешено вертящийся флюгер на крыше дома, мимо которого мы проходили. Холодный, сырой ветер поднялся еще утром, нагоняя тяжелые снежные тучи. Переждав его знобкие объятия, я в свою очередь спросил: – Твой отец знает, где ты?

Герайд жестко усмехнулся:

– Ты не это хотел узнать. Ты хотел узнать, не намерен ли я выдать тебя своему отцу?

– Можно поставить вопрос и так, – согласился я.

– Я подумаю, – отозвался Герайд равнодушно.

– Там, в машине, лежит гобелен. Он принадлежит Магрицу.

– Похитил папино имущество? – Герайд хмыкнул. – Да у тебя призвание...

– Издержки тяжелого детства.

Он вдруг сбавил шаг, резко развернулся и вцепился в меня недобрый взглядом:

– Что там с вами произошло, в этом подземелье?

– Да никак приступ ревности?! – восхитился я.

– К тебе? – Он презрительно скривился. Слишком презрительно, чтобы это выглядело убедительным. Да еще все испортил, сразу же требовательно осведомившись:

– Чем ты заморочил ей голову?

– Личным обаянием. Хочешь знать подробности – у нее

спроси.

– Я тебя спрашиваю! Это ты вечно втягиваешь других людей в свои игры!

Я оскалился:

– Вечно? Не слишком ли сильно сказано? Мы знакомы пару дней.

– А то о тебе мало болтают, – с отвращением бросил Герайд. И даже перекинулся весь.

– Польщен, – процедил я сквозь зубы, еле сдерживаясь.

Обогнавшая нас Динка остановилась и недоуменно наблюдала, как мы с Герайдом вызверились друг на друга.

– Ты переступаешь через людей, – глухо, не с ненавистью даже, а устало проговорил Герайд. – Тебе все равно, что будет с ними, когда ты закончишь свои игры. Ты знаешь, где сейчас Ромар и чем обернулись для него твои развлечения? У него отобрали стипендию Академии! Чтобы восстановить ее, он вынужден был взять отпуск на год и сейчас работает на Болотах!

– Слушай, ты... – начал было я, но понял, что возразить мне нечего. Хуже того. Мне даже возражать расхотелось. Стало сильно не по себе.

– Это ты слушай!! – Он явно чувствовал, что я заколебался, и нажал: – Мне неинтересно, что вы задумали. Меня не интересуешь ты. Но я буду защищать Ксению!

– Я молчал. Он угрюмо отвернулся:

– Ты хотел знать, не сдам ли я тебя отцу? Не сдам, будь

уверен. Пока. Мне не все равно, что будет с Ксенией. Она хочет пройти через Врата. Пока ты можешь ей в этом помочь – ты представляешь ценность большую, чем мои отношения с Семейей.

– Отговори ее, если хочешь ей помочь, – глухо, через силу все же выговорил я.

Герайд отвернулся, разом ссутулившись:

– Она упрямая.

Указав поочередно на три одинаковых с виду стоящих рядком дома, занятая Динка немедленно унеслась прочь, оставив нас самостоятельно пытаться выяснить, что именно должны были понять и как обитательницы этих домов. Как ни странно, но они действительно поняли. Потратив часа три, мы вернулись к дому старосты с головами, совершенно опухшими от бесчисленных страшных историй про снятое или скисшее молоко, про порченную скотину, про ржавые гвозди в супе и ножи под кроватями, про заикание у младшего сына и косоглазие у невестки...

Три относительно еще молодые женщины, троюродные сестры, но похожие друг на друга темпераментом и повадками как близняшки, наперебой делились с нами своими несчастьями, всю вину за которые они беззастенчиво перекладывали на «эту гримзу и ведьму» Аглаю, Эвию или Раиду – в зависимости от того, с кем в данный момент мы общались. Говорили они охотно, эмоционально и в красках рас-

писывая свои злоключения. Приводили несокрушимые доводы чужой вины и жаждали мщения.

И все бы ничего... Да только ни одна из тетушек не была ведьмой. А пакости они друг другу творили из природной вредности да от скуки.

Унылая корова исчезла от дома старосты, зато там скопилось человек двадцать аборигенов, которые с заметным интересом ожидали нашего возвращения. Среди разновозрастной компании особенно выделялся длинный, вислоусый и насупленный мужик, которого мы мельком видели в доме тетки Эвии и который был представлен Гримом непутевым мужем старшей сестры оной тетки.

– Ну как? – жадно спросил кто-то самый нетерпеливый.

– О да! – сказал Герайд неожиданно звучным голосом, заставившим стоявших слишком близко слегка попятиться. – Дело серьезное. Требуется особый ритуал, чтобы распознать и обезвредить злодейку.

Я приподнял бровь, заинтригованный.

– Э! – опасливо возразил другой абориген. – Может, не надо ритуал-то? Все ж тетки безвредные...

– А женщины и не пострадают, – снисходительно заверил Герайд. – Думается мне, что речь тут идет не о ведьмовстве как таковом, а о вселении злобной сущности в одну из бедных женщин. Возможно, она сама даже не подозревает о своем несчастье. Наше дело изгнать его, и тогда пострадавшая вздохнет спокойно...

И мы, важно ступая по плотному, как ковер, почтительному молчанию, прошествовали в жилище старосты. Лишь когда дверь замкнулась, Герайд пробормотал вполголоса:

– Нам ведь все равно надо заправить машину. А они хотят утихомирить этих взбалмошных дам...

В конюшне за домом старосты отыскалась задумчивая Ксения, наблюдавшая, как встрепанная Динка скребет теркой здорового вороного коня, который был выше девчонки раза в два, но стоял смирно и блаженно жмурил выкаченный лиловый глаз. В соседнем стойле чалая кобыла ждала своей очереди, иногда пытаясь ревниво дотянуться бархатными губами до девчонки.

– ...Раньше они подругами были, – рассказывала Динка, периодически останавливаясь, чтобы смахнуть прилипшую к влажному лбу прядку. – Еще со школы, говорят, дружили. Моя мама с сестрой тети Раиды за одной партой сидела. А тетя Эвия моему отцу троюродная племянница... Сроду за ними никакого колдовства не замечали. А тут вот повелось – что ни день, так новая напасть... Жалко, если кто-то из них и впрямь ведьма.

– Ты плохо относишься к колдовству? – спросила Ксения.

Динка дернула плечом:

– Вовсе нет. Только тогда они уже не помирятся никогда.

Ксения вопросительно оглянулась на нас. Герайд изобразил чудовищную гримасу, долженствующую означать безумную усталость, а затем попросил у «любезной хозяйки» три

свежих яйца, белых и желательно одинаковой формы.

«Любезная хозяйка» слегка зарделась и принесла целое лукошко одинаковых крупных и белоснежных яиц, словно выточенных из алебаstra.

Примерно через час толпа возле дома старосты выросла раза в четыре, а в конце улицы показались три виновницы торжества в сопровождении родичей. Мне из окна было удобнее всего наблюдать за людьми, перешептывающимися, возбужденными, провожающими каждого посетителя дома жадными взглядами. Староста и двое его великовозрастных сыновей, которых Герайд, взявший на себя руководство процессом, попросил покинуть место таинства, а проще сказать, выйти из комнаты, держались чуть в стороне и напускали на себя загадочность.

– В этом мешке лежат три яйца, – говорил Герайд первой претендентке, вошедшей в комнату, молодой женщине с розовыми, тугими щеками и блестящими, живыми, как у белки, глазами. Кажется, это ее звали Раида. – Все, как вы можете убедиться, белые. Но если рука ведьмы возьмет одно из них – яйцо сразу же почернеет. Рискнете попробовать?

– А что ж не попробовать, – бойко отозвалась женщина. – От моих рук еще ни одно яйцо не почернело. Вот возьму и всем покажу, что никакая я не ведьма. А ведьма Аглая, которая у меня давеча шторы на окнах так заколдовала, что они на палец короче стали. Или Эвия, которая на днях племяшке моей доброго здоровья пожелала, а на следующий день дев-

чонка-то и затемпературила...

– Берите, – поспешно велел Герайд, протягивая ей мешок.

Женщина уверенно запустила руку, покопалась, выбирая, и вынула ладонь с аккуратно зажатым в ней яйцом. Она смотрела на свою добычу, а поскольку стояла ко мне спиной, заметить быстрое движение все равно бы не успела.

– А... – сдавленно выдохнула пораженная Раида. – Как же это? Да что же это?.. – Она ошарашено рассматривала черную, как уголь, скорлупу вынутого яйца.

– Что ж... – траурным голосом констатировал Герайд. – Вот все и открылось!

– Но я... Я же не... – Женщина растерянно положила черное яйцо на стол, отдернув руки, будто обожглась.

– Вы могли и не знать о своем даре, – пояснил Герайд и продолжил, подпустив в голос вкрадчивости: – Скажите, ведь это вы положили гвоздь в суп, что варила невестка Аглаи?

Несчастливая женщина вскинулась, прижимая стиснутые кулаки к груди. Приоткрыла рот, тут же сомкнула губы, опасаясь выпустить наружу рвущиеся слова.

– Не беспокойтесь. – Герайд сочувственно взял ее за локоть. – То, что сейчас открылось, не уйдет за пределы этой комнаты. Никому не нужно знать, кто именно ведьма...

Женщина воспряла на глазах.

– При одном условии, что вы никогда впредь не станете делать ничего подобного. Боритесь со своей темной сущно-

стью. Иначе люди снова станут задавать вопросы.

– Но как же... Может, изгнать как-нибудь?.. Я ж не одолею сама...

– Одолеете! – грозно возразил Герайд, насупив брови. – Изгнать никак нельзя, можно погубить и вас. Но средство для утихомиривания я вам дам. Как только почувствуете, что тянет совершить что-нибудь эдакое вредное, так сразу ложку и хлебните...

Притихшая Раида, сжимая в руках пузырек с настойкой успокоительного пустырника, вышла за дверь. Шум снаружи усилился. Я видел, как женщину окружают многочисленные родственники, от которых она рассеянно отмахивается, поглощенная своими размышлениями, но не уходит, пристроившись неподалеку от подруг по несчастью.

С двумя оставшимися претендентками спектакль с меняющими окраску яйцами был повторен с тем же результатом. Запас настойки пустырника из закромов хозяйственной Динки опустел. Нельзя было не отдать должное выдумке Герайды. Какое бы из яиц ни вынимали женщины, я перекрашивал его в черное, так что все они решили, что являются ведьмами, хотя и не осознавали этого раньше. И теперь наговаривать на бывших подруг не рискнут. Как и рассказывать окружающим о своей тайне. И родственники, и соседи наконец вздохнут спокойно. Ведь нас нанимали не для того, чтобы найти ведьму, а для того, чтобы вернуть тишину утомленным окружающим.

...Радость Грима, получившего обратно родственницу невредимой и присмирившей, оказалась все-таки не так велика, чтобы выделить нам больше пары канистр «саламандровой крови». Да и то кряхтел и жался он долго, пока довольный староста громогласно не пристыдил его, ссылаясь на данное обещание.

Когда мы возвращались с канистрами к машине, вяло и из последних сил отбиваясь от бесчисленных завлекательных предложений старосты и еще пары селян, увязавшихся за нами «подсобить господам магам», то собравшиеся там люди уже разошлись. На крыльце сидела только сосредоточенная Динка, лечившая дворняге отдавленную в столпотворении лапу. Осторожно пальцами девочка оглаживала заскорузлую от грязи лапу псины, а над ее ладонями клубилось золотистое, подрагивающее марево... Оборванная, невнятная, путаная, но вполне отчетливая вязь исцеляющих чар.

Ведьм в поселке не было. Зато обнаружилась начинающая магиня.

Мы с Герайдом одновременно запнулись и переглянулись.

– Она знает? – тихо спросил Герайд.

– Вряд ли, – покачал я головой. – Смотри, линии плавают... Скорее всего, у нее случайно выходит.

– Надо ей рассказать.

Я поморщился, наблюдая, как девчонка что-то приговаривает терпеливо лежащей дворняге и собака вздергивает уши с висячими кончиками, внимательно прислушиваясь. А по-

том задал вопрос, который меньше всего ожидал от себя:

– Зачем ей это знать?

– То есть как это – зачем? Она же маг.

– Приглядишься повнимательнее – видишь рисунок ее чар?

– Слабенький, конечно... Но она же только начинает.

– Ты знаешь, какой рисунок был у тебя во младенчестве? Эта девчонка станет посредственным магом. Но может остаться здесь, выйти замуж, нарожать детей, унаследовать папину ферму и заниматься тем, что ей, похоже, очень нравится...

Он изучающе посмотрел на меня и спросил:

– Скажи, а ты бы предпочел остаться на своей ферме...

или откуда ты там?

Я пропустил подковырку мимо ушей и пожал плечами:

– У меня никогда особого выбора не было. Я рос в семье магов.

– Не увиливай. Предпочел бы?

– Нет, – сквозь зубы признал я, изгоняя из памяти ненужные эмоции ушедшего.

– Тогда почему ты хочешь отобрать у нее шанс?

– А может, это ты хочешь отобрать у нее шанс стать счастливой? – Что я несу?! Почему я спорю о том, что давно решено для меня. Только потому, что тянет возражать Герайду по любому поводу? Или... А вслух я закончил: – Год-два все равно ничего не изменят. Скорее всего, отец пошлет ее учиться в город после школы. Там ей скажут. Тогда она и

решит...

Герайд покусал губы, провожая взглядом компанию, увлеченно тащившую заработанные нами канистры и, похоже, забывшую об их новых владельцах. Я невольно представил, как обвисают встопорщенные усы старосты, когда он услышит эту новость. В немагических семьях, случается, рождаются маги. И обычно это радость для всех. Но отчего-то мне кажется, что староста не обрадуется... А Динка? Что я знаю о ней, чтобы решать ее судьбу? Тем более что для меня решение данного вопроса однозначно.

Вспомнилось и лицо Ксении. «Я хочу избавиться от того, что мне действительно не нужно...»

...– Ксюш, а ты бы согласилась провести всю свою жизнь в глуши, например на ферме?

Прежде чем ответить, Ксения обернулась ко мне и одарила долгим укоризненным взглядом, который я встретил с самым безмятежным видом, и демонстративно пожал плечами. Ничьих тайн я не выдавал. Герайд случайно набрел на дилемму и теперь катает ее как котенок клубок, все больше запутываясь.

– Именно на ферме? – переспросила Ксения после паузы. – Думаешь, наше будущее так перспективно?

– Да нет. – Герайд слегка раздосадовано скривился. – Ты бы хотела никогда не узнать, что родилась магом?

– Ах вот ты о чем... – Теперь взгляд Ксении, брошенный

мою сторону, был рассерженным. Кажется, она всерьез подозревала меня. Но ответила сдержанно: – Так неправильно ставить вопрос. Можно быть счастливым в глуши на ферме. А можно и не быть. И от наличия магического дара это никак не зависит.

– Ты хочешь сказать, что даже маг на ферме может быть счастлив?

– На ферме... В городе. С семьей. С любимой работой... Люди странные существа. Никогда не знаешь, чего они хотят от жизни...

Когда-то в Белых пределах...

Макс валялся на спине, заложив руки за голову и терзая зубами сухую былинку. Кончик стебелька вздрагивал метелкой, усыпанной семенами.

– ...Понимаешь, – травинка шевельнулась, – я даже не знаю, как это описать. Я рядом с ней счастлив дальше некуда. Даже страшно становится.

– Отчего же страшно? – Рора краем глаза наблюдала за движением бестолковой травинки в изгибе таких знакомых губ.

– Боюсь, что она исчезнет, – сознался Макс, перекатываясь на бок и глядя на девушку расширившимися глазами. В них и впрямь встрепенулось беспокойство. – Не могу понять, что со мной. Когда она близко, мне хочется веселиться, кувыркаться, делать глупости...

– Все влюбленные такие же, – слегка принужденно пожала плечами Рора, отводя взгляд. Над головой плыли облака – пухлые, самодовольные, безразличные. По земле за ними бежали зыбкие тени.

– Наверное... – согласился задумчиво Макс.

– Кому знать, как не тебе. Ты ж у нас известный покоритель сердец во всей школе.

Макс помолчал, мимолетно поморщившись. Измятая травинка, прощально взмахнув кисточкой, улетела в кусты.

– Оказалось, что я ничего и не знаю... Ничего подобного со мной еще ни разу не было.

Он не заметил, как напряглась сидевшая рядом Рора. И спросила как можно небрежнее:

– А разве, когда мы с тобой встречались...

Макс встрепенулся, потянулся и обхватил девушку за талию:

– Рор, ну мы же совсем детьми были тогда! Ты мой самый старый и лучший друг еще со страшно подумать каких времен! – Он смеялся. – Ты самая замечательная, самая красивая...

– Конечно. – Рора улыбнулась в ответ, но в глазах ее был ледок. – Разве она такая же красивая, как и я?

– Да ты что, ревнуешь? – поразился Макс, уставившись на девушку во все глаза. – К другим ты не ревновала!

– Вот еще! – Рора уязвленно повела точеным плечом. – Просто не понимаю, чем она тебя так заворожила. Она же обыкновенная. Даже не особенно красивая.

– Ну ты неправa, – покачал головой Макс. – Она красивая. Она умная, она... Даже не знаю, как объяснить. Я ж говорил, что рядом с ней хочется смеяться до упаду. Рядом с ней светло и легко. Она как солнце! Я с ней как безумный. А когда она уходит, мне становится тоскливо и жутко...

– Тебе не кажется это странным? – Словно бес уселся на кончик языка Роры.

– Почему – странным?

– Ну она не такая уж красавица, а ты как привороженный носишься за ней. Будто влюбленный щенок, только что слюны не текут.

– Я счастлив, – буркнул озадаченный Макс.

– Ты знаешь, говорят, будто она ведьма.

– Что?

– Даже ее мать сошла с ума, когда узнала об этом.

– Погоди... что ты такое говоришь?

– То, что слышал.

Макс сел прямо. Лицо его, словно тенями от облаков, накрыло серым.

– Ты... ты хочешь сказать... хочешь сказать, что она заколдовала меня?

– Ну... – Рора вдруг ощутила, что перегнула палку, но сразу отступить не смогла. – Ведьмы не умеют колдовать. Но присушить могут...

Макс почернел, вскочив на ноги. Только что смешливый и беспечный, он вдруг стал темен и опасен, как пыльный смерч, несущий в сердцевине колючие разряды. Рора, растерявшись, смотрела на него снизу вверх.

– Я позвоню, – бросил Макс и, резко развернувшись, зашагал прочь.

Вечером зазвонил телефон. Звонок был не первым за день и звучал обычно, но Рора дернулась, словно ее прошило током. В переливах мелодии ей слышалось отчаяние.

– ... Не понимаю, кто ему наговорил таких гадостей! – Подруга не плакала, но голос ее был ломким, неровным. – Как он мог подумать, что я... что я так с ним поступила? Как же он мог подумать...

Рора прижимала потную трубку к уху. Кончики пальцев, сжимающие скользкую пластмассу, похолодели. Теперь она уже искренне сожалела о том, что натворила, поддавшись минутной зависти.

– Ну не переживай так! – бормотала она, вслушиваясь в оцепенелую паузу на другом конце линии. – Он передумает. Или появится другой... Да что он тебе, этот Макс? Ну всем известно, что он бабник.

Только колкое потрескивание эфира.

– Да... – наконец глухо послышалось в трубке. – Только он не передумает. Он такое мне говорил... – Тихий, прерывистый вздох.

Рора вдруг снова не выдержала и осторожно обронила в сухое молчание:

– Скажи, а ты действительно никогда не...

Молчание пошло морозными, колючими изломами мгновенного льда:

– Никогда.

И гудки звонко посыпались по выстуженной поверхности.

Двухэтажный, раздобревший от хорошей жизни и ухода особняк Подипола высился на одноэтажной улочке как нелепая тыква на грядке с помидорами. Окна на первом этаже светились пурпуром, пропущенным через плотные шторы. Над входной дверью покачивался фонарь на декоративной цепи, бросавший пляшущие тени на капот приземистого автомобиля, припаркованного на подъездной дорожке. То ли у хозяина были гости, то ли он сам поленился загнать его в гараж. В унисон с фонарем над крыльцом качались фонари вдоль улицы – здоровенные матовые шары, потому казалось, что фонарные столбы дружно кивают.

– Ты всерьез намерен туда пойти? – снова спросила Ксения, пряча лицо от ветра в капюшон, отчего ее голос прозвучал зловеще, как традиционно водится в триллерах. – Думаешь, он не заметил нашего прошлого визита?

Ах да, она же не присутствовала при процессе вскрытия сейфа...

– Еще как заметил, – усмехнулся я. – Вон даже охранную систему поменял... – И кивнул на россыпь бледно-зеленых точек во взъерошенной, пожухлой траве и на деревьях вокруг жилища господина лауреата.

В доме напротив распахнулась дверь, выплескивая в дождливо-снежную тьму теплый свет и веселые голоса. Мы

тревожно дрогнули, хотя ничем противозаконным пока не занимались, а мирно стояли на тротуаре, делая вид, что бе-седуем.

Если бы не непогода, то прохожих на улице Звонарей бы-ло бы определенно больше. А так в зыбкой, посверкивающей дождем и разбавленной мокрым снегом ночи мелькнуло че-ловека три-четыре, вобравших головы в свои воротники и капюшоны и целеустремленно спешащих к теплым очагам. С одной стороны, хорошо, с другой не слишком: на таком фоне трудно выглядеть естественно...

Особенно в глазах раздраженных плохой погодой стра-жей порядка, совершающих очередной обход вверенных им территорий и наверняка мечтающих задержать кого-нибудь, чтобы с полным правом вернуться хоть ненадолго в участок. Вон как раз идет парочка...

Я и опомниться не успел, как дрожащая от озноба Ксения внезапно прильнула ко мне, обхватив руками, и сладостраст-но впилась в губы... Блестящие глаза, оказавшиеся совсем близко, смеялись. В них плясали отраженные искры качаю-щихся фонарей. Я моментально согрелся, вдыхая знакомый запах ромашки и ощущая, как теплеют губы и щеки замерз-шей Ксении.

Чужие шаги, чавканье грязи вперемешку со снежной кру-пой, снисходительное хмыканье... Приближаются, отдаля-ются...

– Все уже, – слышался из-за границ Ксениного капю-

шона, а может, с другого края Вселенной угрюмый голос Герайда. – Ушли они уже. А я вашим убедительным спектаклем достаточно наслаждался.

Дождь упал между нами мокрым занавесом, отсекая друг от друга. Ксения, мельком улыбнувшись, поправила упавший капюшон. Мрачный Герайд держал над головой газетный, изрядно потрепанный лист. Штаны его до колен были мокры и изгвазданы... Спешил.

– Вот, – буркнул он недовольно, – принес вам посмотреть...

Газета оказалась местной и старой, за прошедшую среду. На промокших насквозь страницах с трудом читались несвежие новости о вторжении в дом Лавра Подипола, уважаемого жителя города Правого Наберега, о полицейском расследовании, позволившем установить, что орудовала шайка грабителей во главе с неизвестным...

Я ухмыльнулся, рассматривая собственный профиль. Точнее, даже не профиль, а макушку, часть скулы и носа. Снимали сверху как раз в тот момент, когда я запустил загребущие лапы во вскрытый сейф.

Газета выражала сожаление по поводу того, что вторая камера, установленная над сейфом, и ее записи были безвозвратно уничтожены взрывом, чему виной непредусмотрительность самого Подипола, не пожелавшего вывести записывающее устройство за пределы кабинета...

– Так ты, значит, его еще и ограбил? – поразилась Ксения,

разглядывая снимок.

– Это он меня ограбил, – проворчал я, вспоминая переведенную на счет лауреата сумму. И в отместку зачитал вслух: – По словам полиции, в доме также обнаружались следы пребывания как минимум еще одного человека, скорее всего, женщины, но ее изображение не сохранилось...

– К счастью, – констатировала мрачно Ксения. – В таком ракурсе я выгляжу неудачно.

– Зато Трой будет выглядеть еще удачнее на полицейском снимке анфас и в профиль, когда его возьмут при вторичной попытке проникновения в чужой дом, – пообещал Герайд.

– Нас обоих, – поправила Ксения.

– Ты с ума сошла, – сказали мы с Герайдом одновременно, кажется впервые с момента встречи придя к согласию хотя бы по одному поводу.

– Нет, не сошла, – нахмурилась Ксения. – Я примерно догадываюсь, Трой, куда именно ты хочешь вновь заглянуть, хотя не совсем понимаю зачем... Одному тебе не справиться.

Один раз справился, подумал я, но промолчал. Неизвестно, справился бы я, если бы не эта упрямая девчонка, которую надо было вытащить во что бы то ни стало. Которую хотелось вытащить во что бы то ни стало.

– Куда заглянуть? – безнадежным тоном вздохнул Герайд. – Надеюсь, вы не Врата в этом доме нашли?

– Тут есть подсказка, – ответил я, стирая с лица пахнущую

талым снегом воду. В покрое подаренной куртки капюшон не предусматривался, и за шиворот натекло порядком ледяной воды. Так что перспектива снова лезть в чужой дом уже не казалась такой неприятной. Про то, что будет дальше, я пока старался не думать...

Несколько минут мы ожесточенно, хотя и приглушенно, спорили, переступая в снежно-грязевом месиве, хватая друг друга за мокрые полы и стараясь рассмотреть лицо собеседников в качающихся отсветах терзаемых ветром фонарей, чтобы убедиться в доходчивости своих аргументов. Ксения была упряма. Герайд раздражен. Я раздосадован. Только снежная крупа, возле земли превращающаяся в воду, падала с небес с мерным и монотонным шуршанием, с одинаковой щедростью усеивая и нас, и крыши продрогших домов с затеплившимися в них уютными огнями; скатывалась с празднично освещенного шпиля ратуши, торчащего над улицами; барабанила по блестящим сонным машинам, притихшим на обочине дороги...

В конце концов договорились, что я ищу способ проникнуть в дом, проникаю, а затем в случае успеха приглашаю остальных желающих, если таковые найдутся. Если что-то пойдет не так, то пострадаю я один. А пока «таковые» будут ждать меня в машине.

– В случае чего обещаю не сдавать подельников даже под бесчеловечными пытками, – сооротив суровую мину, поклялся я и двинулся вокруг дома.

Ложь оказалась легкой и безвкусной, как обезжиренное масло. Никого приглашать я не намеревался. Незачем Ксении второй раз даже приближаться к этому аду.

Осмотреться вокруг мы уже успели, так что предварительная оценка уязвимых мест вражеской крепости была произведена, согласно нашим способностям к диверсионной деятельности. Нельзя сказать, что очень удачно, но кое-какие наметки имелись. К тому же, находясь дома, хозяин по беспечности или из-за самоуверенности не задействовал охранную систему полностью...

Перебраться через декоративную живую ограду (от холода плети ползучего стража, обычного защитника домов от посторонних, заострившие и едва шевелились), обогнуть постройку, стараясь держаться подальше от освещенных мест и скоплений зеленых огоньков...

Ага, а вот и фирменная глиняная лягушка, притаившаяся в траве, блестящая от воды, с налипшими на уродливую морду хлопьями снега... Разинула пасть, готовясь издать негодующий вопль, и... разлетелась вдребезги. Я потер онемевшие пальцы. Добротю сделано неведомым умельцем из охранной фирмы. Казалось, что я раздолбал эту несчастную игрушку собственным кулаком, хотя даже не прикоснулся...

Так, теперь куда?.. Переступая через спящие, мертвые и активные жгуты сторожевых линий (вот ведь перепугался, господин лауреат! Из нитей сторожевок можно десяток свитеров навязать), я добрался до окон первого этажа, прики-

дывая план дома... Теперь оборвать волоски, соединявшие стены и рамы, и щупом вывернуть защелку внутри... Проклятие, руки озябли и скользят по мокрому железу, никак не подцепляя краешек ставня... Свирепо, с наслаждением, громкогласно заскрипело... Я облился потом, моментально согревшись. Нет, ничего. Только ветер теребит деревья, заставляя ветки скрестись и стучать...

В плотной, слежавшейся темноте угадать очертания помещения было поначалу сложно, но запахи пыли и полироли подсказали, что я проник туда, куда нужно. Монотонно барабанит дождь снаружи. Где-то вверху невнятно, на пределе слышимости бубнят голоса. Зато совсем близко шуршат мыши, на которых мое вторжение произвело минимум впечатления. Заскучавшая в подвале старая мебель доверчиво ластилась, норовя подставить ножку, спинку или пропахший влажным сукном бочок, пока я пробирался через завалы. Звякнуло что-то металлическое. Хрустнули под подошвой стекляшки. Некто вцепился в воротник костлявым пальцем...

Мысленно ругнувшись, я все-таки запалил огонек, прикрывая его сведенными в горсть ладонями, и огляделся. Пространство разом утратило всю таинственность и потеряло в размерах. Костлявый палец принадлежал накренившейся, растопыренной вешалке. В зеркале прямо напротив отражался смутный, угольно-черный силуэт с огнем в руках. Силуэт принадлежал кому угодно, только не человеку...

Я моргнул. Нет, мерещится.

Скукожились и заползли под вещи тени. Сами предметы выстроились в струнку и притихли выжидательно. Даже голоса сверху умолкли...

Давешний люк, прикрытый старым ковром, просвечивал через разноцветную тяжелую ткань чернильным прямоугольником. Повторяя его очертания на ковре, подрост жесткий, колючий ворс, возвышавшийся на добрый палец. Сдвинув эту пакость краем ботинка, я убедился, что закрепы не тронуты, аккуратно вскрыл их и спустился вниз, ненароком наступив на валявшийся возле лестницы рабский браслет.

...Через пять минут, давясь от отвращения к себе, я выбрался обратно наверх и некоторое время сидел, скорчившись в противоположном конце подвала, дыша через стиснутые зубы, стараясь сдержать тошноту и пережить мучительное осознание собственной трусости. Панический ужас, растекшийся во мне как чернила в банке с водой, постепенно терял интенсивность окраски, но не исчезал, отравляя своим присутствием. Вторая попытка закончилась так же. Третья тоже. Четвертая закончилась тем, что наверх я выполз на четвереньках, поскуливая.

Я не вернусь туда. Никогда и ни за что. А если вернусь – останусь там навсегда, сожженный собственным безумием.

Расположившись как можно дальше от люка, обдающего невесомым, но смертоносным дыханием, я пытался унять постыдную дрожь и болезненную слабость. Даже злость не

помогала. Только травила душу еще больше.

Все чувства обострились до предела. Я слышал, как снаружи мерно шелестит дождь, все увереннее превращаясь в снег. Чавкает грязь под ногами пешехода. Далеко по дороге проехал автомобиль... Цокают коготками по камню мыши. Точит дерево червь... В доме вразнобой тикают десятки часов. Из гостиной доносятся голоса, шорох тканей... Вскрик! Невнятно-женское: «Нет, не надо!..»

Я вскочил на ноги, с размаху распахнул дверь (если бы она оказалась заперта, я бы вынес ее, не заметив), беззвучно прыжками по толстому ковру пересек холл, устремившись на свет...

Скопившееся напряжение нашло выход.

В гостиной горели декоративные витые свечи, распространяя удушливый сладковатый аромат. На столике высилась ополовиненная бутылка вина, пара стаканов и лежал толстенный, окованный бронзой фолиант, раскрытый на стилизованном анатомическом рисунке. Плотные страницы сально лоснились. На спинке дивана, разметав рукава, валялась светло-голубая курточка с вразнобой нашитыми трепещущими бабочками. Такие куртки предпочитали вот уже пару последних сезонов девочки-подростки...

Кроме чада свечей по гостиной расползлась мутноватая, липкая, приторная аура похоти, осязаемая как растекшаяся в воздухе патока.

– Нет!.. Я не хочу... – протестующее вскрикнул девичий

голосок. Что-то успокаивающе заворчал низкий голос. Колыхались занавеси на дверном проеме в конце гостиной.

Плохо соображая, что именно собираюсь сделать, но с твердым намерением сделать что-нибудь, и немедленно, я вломился в альков, едва не запутавшись в пропитанных благовониями занавесях. И узрел примерно то, что ожидал: господин Подипол (более грузная версия парадного портрета) в пурпурного оттенка домашнем костюме, с тщательно уложенной снежной шевелюрой алчно навис над щуплой, полураздетой, светловолосой девчонкой, опрокинутой на мягкий диванчик и упирающейся вытянутыми тонкими обнаженными руками в плечи мужчины. На полу валялся еще один бокал; разлитую багровую лужицу стремительно впитывал светлый пушистый ковер.

Я зарычал и прыгнул. Подипол ахнул, взмахнув руками и заваливаясь навзничь от удара. Девчонка пискнула испуганно и прытко откатилась в сторону. Огни десятков свечей, расставленных в разнокалиберных подставках, заметались, и по шторам, всплескивая длинными конечностями, заскользили страшные тени...

– Ты... – судорожно кашляя, задыхался ошеломленный Подипол, возясь на полу. – Да как ты... Полиция!.. Кто ты... Да я тебя... Да ты на кого...

Девчонка скреблась в уголке, напяливая одежду. Мне вдруг показалось, что она хихикнула. Но оборачиваться было некогда, потому что Подипол неожиданно предпринял

попытку атаковать, взревев и вздымаясь с полу с тяжелой вазой наперевес.

– Щенок!.. Да как ты посмел...

Я метнул молнию, ощущая смутную радость от того, что наконец мне доступны привычные действия. Бессильный и изнемогающий там, в подвале, зато здесь уверенный и всемогущий...

Ваза брызнула, засыпав агрессора дождем мелких осколков. По инерции Лавр еще сделал несколько шагов и налетел на упругую стенку, толкнувшую его назад. Ошеломленный не столько разлетевшейся вазой и возникновением препятствия в воздухе, сколько самим фактом проявления волшебства, Подипол осел на пол, приоткрыв рот и изумленно таращась на меня. Упитанное лицо подергивалось конвульсивными гримасами и обвисало, как резиновая маска. Ключья похотливой приторной ауры вокруг его взлохмаченной головы постепенно наливались оранжевой яростью и желтовато-черным подспудным страхом.

– Сидеть, – твердо скомандовал я.

Он заерзал. Пришлось для убедительности обернуть его струйкой силы и исключительно для пушного внешнего эффекта придать ей вид рассерженной змеи толщиной с пожарный брандспойт. Змея разинула пасть и зашипела. Подипол обмяк, ошалело и недоверчиво глядя на нее.

– Полиция... – шепотом промямлил он.

А мне вдруг стало неловко. В происходящем была ка-

кая-то неправильность. Но чувство оформиться не успело, потому что из-за плеча послышался запыхавшийся голос Ксении:

– Да у тебя, похоже, к этому человеку личная антипатия... То ограбление, то нападение...

В дверном проеме, в обрамлении занавесей, пытаюсь отдышаться, стояли Ксения и Герайд с монтировкой наперевес и недоумевающе озирали учиненное разорение. Но больше меня поразили не они, а светловолосая девчонка, которая никуда не спешила убегать, а устроилась в кресле в углу, закинув ногу на ногу, и с явным удовольствием наблюдала за происходящим. Заметив, что я смотрю на нее, девчонка ухмыльнулась.

– Мы увидели тени... – неопределенно пояснила Ксения. – Они так прыгали, что мы подумали... Что происходит?

– Берите... – торопливо бормотал спеленатый Подипол. – Все берите... Тут много ценных вещей...

– А говорил, что маг, – насмешливо сказала девчонка, затягиваясь добытой откуда-то сигаретой. Голос у нее звучал по-прежнему тонко, но интонации в нем проскальзывали совсем не детские.

Ксения и Герайд продолжали вопросительно смотреть на меня. Все в этой комнате тарацились на меня и чего-то ждали. Пляшущие огоньки свечей искажали черты и рождали странные тени, отчего угадать выражение лиц оказалось не

так легко. Я досадливо щелкнул пальцами, разбрызгивая по комнате десяток светящихся шаров, изгнавших обманную полутьму. Затем стало еще светлее, когда стоявший возле дверного проема Герайд повернул выключатель. Альков сладострастия немедленно обратился разворошенной скучной комнатой, полной нелепых вещей. А сидящий на усыпанном осколками полу злодей стал испуганным и растерянным немолодым человеком, привалившимся к дивану в неловкой позе.

– Я услышал крик, – сказал я, пытаюсь вернуть злость, безвозвратно ушедшую, как впитавшееся в ковер вино. – Этот тип пытался...

– Она сама! – неожиданно взвыл Подипол. – Она сама согласилась!.. Я заплатил...

– Мог бы и побольше, – подала голос «девчонка». Теперь, при свете, она утратила свою подростковость. Худая, невысокая и щуплая, облаченная в одежду, которую обычно предпочитают старшеклассницы, она могла сойти за подростка лишь в полутьме. Ей было лет за двадцать.

– Зачем же ты кричала? – с досадой возмутился я.

– Это игра... – прохрипел пунцовый Подипол, тщетно пытаясь уползти в сторону.

– Он попросил, – равнодушно пояснила «девчонка». И с интересом осведомилась: – Эк ты его окрутил. А ты настоящий маг? Или тоже... фокусник?

– Фокусник, – устало подтвердил я.

– Так что здесь происходит? – снова поинтересовалась Ксения. – Ты подался в поборники нравственности?

– Ты ничего не знаешь... – хмуро буркнул я и вышел из комнаты, увлекая за собой на редкость молчаливого Герайда и сбитую с толку Ксению.

...Раздраженно, избегая деталей, но по возможности убедительно я рассказал о произошедшем в подвале. Человек, обладающий серьезной магической силой, скорее всего, не сможет войти туда. Во всяком случае, дважды. Как ни странно, но Ксения мгновенно поняла, о чем я говорю, и кивнула, болезненно морщась. Герайд, похоже, не поверил, спустился в подвал, пробыл там несколько минут и вернулся в задумчивости.

– Как же вы прошли там? – спросил он, и впервые в его голосе прозвучало уважение.

– Нужно или полностью израсходовать свой резерв... Или обладать чудовищной силой, способной противостоять давлению хотя бы временно... – Я мельком вспомнил ощущение безудержного счастья от осознания своей мощи там, возле черного шара. Казалось, что можно вывернуть Вселенную наизнанку... А потом пришлось ползти обратно, как разможенная чьей-то ступней гусеница, волочащая за собой свои внутренности.

– Значит, мы зря сюда... – разочарованно начала Ксения. Я отрицательно качнул головой.

– Есть одна идея...

Из комнаты спокойно вышла «девочка». Огляделась скупающе, сняла с диванной спинки свою куртку – бабочки бойко затрепетали крылышками, – потушила окурков в мраморной пепельнице и безразлично спросила:

– Ну так я могу идти? Или господа маги тоже захотят во что-нибудь поиграть?

Никто не ответил, и она, пожав плечами, двинулась к выходу. По наитию я поднял руку и зацепил уходящую девушку. Потянул клочок из марева ее ауры и оборвал. Девушка вздрогнула, зябко повела плечами, попыталась обернуться, но, так и не закончив движение, вышла. Хлопнула входная дверь.

– Это незаконно, – едва слышно заметила Ксения, пристально глядя на меня. – То, что ты только что сделал, противозаконно.

– Вламываться в чужой дом тоже незаконно, – огрызнулся я нервозно. – Ты хотела, чтобы она рассказала кому-нибудь о произошедшем? Теперь она ничего не вспомнит.

Ее взгляд вспарывал меня как консервный нож. Тлеющее раздражение нарастало, готовясь выплеснуться мутной истерической волной. Какого беса я все время оправдываюсь и поджариваюсь под чужими осуждающими взорами?

Из комнаты за гостиной вдруг потянуло сухим холодом. Запахло давленными клопами и жженым пером. Воздух за клубился и подернулся морщинками, как пенка на молоке... Мы, переглянувшись, дружно бросились к проходу между

комнатами.

Оставленный без присмотра «злодей» времени не терял. Все еще стянутый брюзгливо шипящей змеей, он ухитрился доползти до стоявшего возле ложного камина высокогорлого сосуда, украшенного угловатыми значками пиктограмм, повалить его на пол и что-то шептал над рассыпавшимся из горлышка землистым порошком. От порошка валил сизый, быстро тающий дым и тянуло этим самым жженым пером и клопами. Заметив нас, Лавр дико вскрикнул и заметался. От его дыхания порошок закрубился, забиваясь в ноздри, и Подипол судорожно захрипел, пытаюсь вдохнуть...

Послав проклятие в адрес упорного лауреата, но воздержавшись от подкрепляющего его воздействия, я рассек пути и *накрыл* сосуд с дымящимся содержимым. Краем глаза я увидел, как Герайд умело выплетает по периметру комнаты запирающее заклятие, чтобы выбравшийся из сосуда и уже успевший частично восстановиться демон не вырвался наружу. Ксения молча протянула скорчившемуся Подиполу стакан с водой.

– Я... не... понимаю, что вам... надо, – прерываясь на глотки, пожаловался Подипол.

– Мне надо, чтобы вы навелили одно место... – сказал я, подивившись отсутствию всякой краски в своем голосе. – Это недалеко...

– Что? – выдохнула Ксения встревоженно.

Я не видел ее. Я смотрел на Подипола, проникая, и он

представился мне сгустком пульсирующих густой кровью жгутов, сплетенных с невесомыми разноцветными течениями. Здесь бьется ярко – сердце. Здесь черный, подгнивающий комок – больная печень. Здесь трепещет зеленовато – недоверие. А здесь растекается желтое и бурое – ужас... Плоть и сознание. Плоть тяжела и неповоротлива, но каждое ее волокно сцеплено с подвижным и легким, а значит, управляемым... А вот это скользкое, упорное, гибкое и неподатливое – его воля. Поразительно, а ведь этого человека не так легко подчинить, хотя, казалось бы, он полон страха, но все равно стойко сопротивляется...

– Трой! – доносится откуда-то из иного измерения. – Что ты творишь?

– Не мешай. – Я отмахнулся.

Подчинить можно, но там, внизу, где распадаются связи, этот человек выскользнет из-под моего контроля как угорь. Я не смогу им управлять. Нужно что-то сильнее. Чтобы парализовать сопротивление полностью... Браслет! Рабский браслет остался в подвале...

Я опрометью кинулся вниз, скатился с лестницы, нащупывая омерзительное ворсистое кольцо. Оно покорно, будто только того и ждало, подвернулось под шарящую руку. Пощекотало пальцы округлым боком. Передернувшись от омерзения, я схватил его и побежал обратно.

Дорогу в холле мне заступила напряженная Ксения:

– Ты с ума сошел?

– У нас нет другого выхода. Ты хочешь попасть к Вратам?

– Любой ценой? Нет. Что ты теряешь в случае неудачи?

Свой статус? Свою силу?

– Это пустяк?

– А что ты потеряешь в себе, если он умрет там?

Я поморщился досадливо, не впуская беспокойство в душу. Там, в доме Магрица, возможно, уже умер кто-то... Хотя тогда этот кто-то пытался променять свою жизнь на мою.

– Да ничего с ним не случится, – сердито пообещал я. – Он обычный человек. И ему нужно всего лишь несколько минут, чтобы прийти... Я выведу его обратно. Хотя он и не стоит того, чтобы его выводили. Ты же ничего про него не знаешь.

– И знать не хочу, – твердо сказала Ксения. – Жаль мне только, что, оказывается, я ничего не знаю и про тебя...

Я оскалился. Меньше всего меня сейчас интересовали нотации. С висевших в холле часов на меня, язвительно улыбаясь, смотрела луна. И тот глаз, что раньше прятался в тени, сейчас готов был открыться. Еще немного... Отодвинув девушку в сторону, я зашагал через гостиную. Мельком заметил сосредоточенного Герайда, высматривающего что-то в окно. Он не оглянулся.

Подипол так и сидел возле ложного камина, привалившись к стене и тяжело дыша. Лицо его, перепачканное земной пылью, болезненно кривилось. Он скосил на меня покрасневшие глаза, заметил браслет в руке и неожиданно за-

трясся всем телом:

– Нет!.. Нет-нет!.. Пожалуйста, нет...

– Трепет людей доставляет тебе удовольствие, господин маг? – тихо спросили за моей спиной. – Ты теперь всемогущ и неудержим, господин маг.

И в памяти проступил холодноватый, свежий блеск наступающего утра. Чумазое, но веселое лицо Ксении... Желтый, дырчатый сыр на вилке... Ромашки на голубом конверте... «Я маг». «Я устал быть немагом»... «И сила в тебе не твоя. Чужая. И пока ты ее не истратишь до капли, она владеет тобой, а не ты – ею»... А в сущности, про какую силу тогда она говорила? Про магию? Или про то, что является движущей силой моих поступков? И есть ли эта сила, если я сам, по доброй воле, притащил проклятый браслет из подвала и готов нацепить его на смертельно напуганного человека? Чтобы заставить его...

Ох, не чужая это сила. Самоуверенная, беспощадная... Моя.

Не оборачиваясь, я осторожно положил браслет на каминную полку (нестерпимо захотелось обтереть руки обо что-нибудь). Подипол следил за ним затравленным взглядом.

– Этот человек прекрасно знает, что это такое, – сказал я угрюмо. – Он сам не раз использовал его в своих... э-э... играх.

Подипол осел как мартовский сугроб. И без того испещренное морщинами лицо сейчас оплыло вниз тяжелыми

складками. Теперь он смотрел только на меня. Страх – разнообразный, неодинаковый по плотности – плавал в его провалившихся глазах. Страх происходящего. Страх произнесенного. Страх того, что может произойти.

– А ведь верно... Не нужно быть магом, чтобы заставить кого-то выполнить твою волю, – бросая в чуткое молчание за спиной, произнес я. – Начальники это хорошо знают... Ты считаешь, что аморально принуждать этого человека магией. Хотя как раз это было бы для него наиболее душевно комфортным. Он бы считал себя жертвой... Что ж, тогда я могу убедить этого человека сотрудничать добровольно.

Тишина за спиной стала вопрошающей. Подипол прекратил трястись и настороженно прищурился. Этот человек обладал на редкость гибкой психикой и легко восстанавливался после любого удара. Теперь он вновь изготовился к обороне, подтягивая внутренние, изрядно потрепанные гарнизоны своей самоуверенности.

– Господин Подипол, вы окажете нам... мм... окажете мне большую услугу, если пройдете в указанное мной место и сделаете несколько необходимых несложных действий. Не стану скрывать от вас – путешествие это, хоть и краткое, сопряжено с определенной опасностью. Но думаю, вы вернетесь живым и невредимым, если будете в точности выполнять инструкции. После этого мы разойдемся и никогда не вспомним друг о друге.

Подипол не сводил с меня лихорадочно заблестевших

глаз.

– П-почему... – Он облизнул пересохшие губы. – Почему я должен оказывать вам какие-то услуги?

Я невольно усмехнулся. Все-таки он силен. Вот уже и встрепенулся, сидит прямее, пытаюсь обрести утраченное достоинство. И уже из взгляда исчезло затравленное выражение, сменившись выжидательным и оценивающим. Видимо, он уже чуял нечто, что еще не осознавал я сам.

– Потому, что во время своего прошлого визита в ваш дом я забрал из сейфа диски с весьма любопытными записями...

Подипол дернулся и оцепенел. Вытаращился, сияясь выдать хоть слово. Руки заскребли по полу, собирая ковер жесткими складками.

– Ты!! – сипло выдохнул наконец его перекошенный рот. – Так это был ты... Полиция уже... – Он осекся и сразу же, без перехода, прошипел: – Не знаю, о чем ты говоришь... Щенок, – добавил он с наслаждением.

– Знаешь, – возразил я жестко. – Хочешь посмотреть? На процесс обретения силы юными адептками...

– Не... не может быть! Все уничтожено пожаром... Деньги и... Все!

– Я сохранил вашу коллекцию, – уверенно солгал я. – Вытащил заранее... Хотел сообщить полиции, но решил прибегнуть к такой вот случай. Видите, пригодилось...

– Не докажете! Ничего не докажете! Монтаж! Сейчас на компьютерах и не такое сляпают...

– А родители тех девочек тоже поверят, что это монтаж? – Спиной я почувствовал, как напряглась озадаченно Ксения. – Магические кланы поверят? А если я отнесу это в газеты?.. Ваша жизнь – это ваша репутация, не так ли, господин лауреат Мионской премии, Наставник и Учитель, а также магистр Черной и Белой магии?

Он снова растекся, как медуза на песке, пожирая меня ненавидящим взглядом.

В общем, мы договорились в конце концов.

– Скажи, – вдруг спросила негромко Ксения уже в холле, под часами, неутомимо и беспощадно отсчитывающими оставшийся до конца срок. – А если бы этот человек не был таким мерзавцем... ты бы все равно принудил его?

– Не знаю, – ответил я. Помолчал, глядя на безразлично усмехающуюся луну на часах. Ложь жгла как уголь в ладони. Терпеть можно, но зачем? И я поправился: – Да, скорее всего.

Она кивнула, не глядя на меня. Качнулись русые пряди, закрывая лицо. Она не убрала их привычным жестом.

Подипол молчал, пока мы вскрывали дверь в Логово. Втроем это оказалось проще, но как только в каменной кладке появилась узкая, с волосок, щель, мы опрометью бросились наверх, отползли, стыдясь смотреть друг на друга. Страх – темный, всепоглощающий – гнал нас оттуда. И не только страх, но еще и нестерпимое, жесткое давление, име-

ющее плоть и запах. Не отвратительный, но непереносимый для живых. Так могла бы пахнуть смерть. Или обратная сторона всех вещей.

Как мы смогли пройти этим путем тогда?

– Тебе еще нужна помощь? – сдавленным голосом спрашивает Ксения.

Я отрицательно качаю головой. Мне не нужна помощь. И свидетели мне тоже ни к чему.

Ксения, побелев и пошатываясь, двинулась прочь из подвала. Герайд подхватил ее, помогая подняться. Я со всхлипом втянул пыльный воздух, испытывая почти непреодолимое желание устремиться за ними. Теперь, когда дверь в Логово была открыта, оставаться рядом с ней было равносильно нахождению возле доменной печи. Только затапливало все вокруг опаляющей, нестерпимой стужей.

Как я и ожидал, Подипол, хоть и явно чувствовал себя не в своей тарелке, перенес происходящее легче всех остальных. Он даже нашел в себе мужество на насмешку, наблюдая за нашими конвульсиями. Он явно чуял что-то. И это что-то его пугало, но пока умеренно.

– Идите, – угрюмо велел я, указав на люк. – И не пытайтесь избавиться от моего присутствия. Поверьте, будет хуже. Если вы останетесь там в одиночестве, никогда не найдете дорогу обратно и сгорите в считанные часы...

– Не знаю, что за цель у вас, юноша, – неожиданно мягким голосом, но с прежней жесткой насмешкой на губах произ-

нес Подипол, глядя на меня. – Но, стремясь к этой цели, вы уничтожаете то, что должно быть для вас важнее... Эта де-вушка... Напрасно вы позволили ей присутствовать. Теперь, что бы вы ни делали, она будет помнить о...

– Идите, – сквозь зубы процедил я и толкнул его. Слегка, хотя мне хотелось ударить изо всех сил.

Подипол замешкался на краю люка, таращась вниз, во тьму. Обернулся напоследок, рассматривая меня все с тем же понимающим превосходством. Мерзавец.

Как только он спустился вниз, я предпринял усилие и сосредоточился. Мир вокруг потек и приобрел некую аморфность. Теперь можно было протянуть... нет, не руки, но то, что ощущалось как мои собственные невероятно длинные конечности, и запустить пальцы в пористую желто-розовую губку чужого мозга, нащупать упругие, подвижные шарики глазных яблок, проникнуть в чужое, источающее удушливые миазмы тело...

Слиться. Видеть его глазами. Чувствовать его боль и постепенно нарастающую тревогу. Двигаться вместе с ним... Направлять.

Зеленовато-черный мир распахнулся, заново принимая незваных гостей. Я слышу... нет, скорее, просто ощущаю, как смутный страх Лавра прорывается, будто гнойник, и человек надсадно орет, повалившись ниц и царапая камень галереи... Зеленое сверкание, угольная тьма, искаженное пространство наваливается на него, сбивая с ног и лишая рас-

судка... Оглушающее давление накатывает, пытаюсь смять дерзкого человечешку, и, не находя сопротивления, просто проникает через него...

На несколько мгновений я сам теряю самообладание. За это время Подипол успевает переползти к краю обрыва, вытянутый чужим голодным зовом снизу... И утянуть его обратно стоит невероятных усилий.

Стоп! Спокойно... Не смотри. Не думай. Просто иди...

Насмерть перепуганный Лавр (в сознании он воспринимает себя гораздо более юным, чем он есть на самом деле; практически это мой ровесник) сейчас скорчился где-то внутри, норовя свернуться зародышем. Он не ждал такого... он не знал, что такое бывает...

Тем лучше. Главное, что тело его вполне способно двигаться.

Вверх... Вниз... Вывернутое пространство искажает перспективы, и вспомнить пройденный когда-то путь так же невозможно, как восстановить дорожку, проделанную струйкой песка, осыпавшейся с вершины бархана...

Прямая стрела, простертая над пропастью... Я шарахаюсь. Покорный Лавр тоже.

Никаких ориентиров... Растерянность сменяется отчаянием. Я чувствую, как порча буквально пожирает струны, соединяющие меня с бредущим по тускло освещенным галереям Подиполом. И кто-то или что-то другое, более сильное, норовит перехватить управление несчастной марионеткой...

Слишком мало времени. Контакт вот-вот разорвется... Где же?..

Вот! Смахивающие на стилизованный цветочный рисунок черные капли на камнях. Когда-то это была кровь. Сейчас звездчатые капли поросли черным, шевелящимся мхом. Отсюда надо повернуть и идти...

Навалив непослушное чужое тело на закрытую дверь, я едва успеваю дернуть его обратно, потому что за дверью провал в никуда. Нет, ошибка... Вот эта дверь. Как я сразу ее не заметил? Она же светится призрачным, дымчатым сиянием...

Обессиленный, Подипол буквально падает в округлый зал с тысячами мутных окошек. Мне кажется, что я сам падаю там же, и щекотная теплая струйка крови течет по подбородку...

Тысячи стеклянных глаз смотрят через пространство и время. Один из них глядит туда, куда нужно. Я помню его. Я видел это мельком в сознании умирающего мага. Может, случайно, но, скорее всего, он намеренно показал его мне. Зачем? Не знаю... Каменистую равнину, линию горизонта которой рвали вершины далеких гор, а на переднем плане покосились две каменные стелы, я видел здесь, в этом зале, через мутный глаз волшебного окна... И я видел ее наяву. Я знаю это точно. Но в моей жизни столько раз встречались расчерченные горными вершинами горизонты, что наверняка я не угадаю...

Подипол вдруг валится с глухим, утробным стоном прямо на груды пергаментов на полу. Ему плохо. Ему больно. Ему страшно. Простые эмоции бьются в его сознании как рыбы, пойманные в сеть. Безмозглые, ничего не соображающие, сражающиеся за свою жизнь рыбы. Вполне способные разнести эту сеть в клочья...

Тысячи нитей, связывающих меня с Подиполом, пляшут так сильно, стремясь сорваться и ускользнуть, что я снова ненадолго теряю контроль, ныряя в теплую реальность как в ароматную воду... И слышу свое имя, вплетенное в чужой далекий разговор:

«...ты знакома с ним считанные дни. Ты не знаешь его. Ксюш, он переступит и через тебя, если ему понадобится... Ты хочешь ему верить, но он воспользуется и твоей верой, если пожелает...»

Ненависть, глухая, безадресная, разом приводит меня в чувство. Не к Герайду, в сущности. Скорее, ко всем тем, кто превратил меня в жертву, а теперь превращает в монстра... А может быть, не к ним, а к себе самому...

Что ты теряешь в случае неудачи? Право зваться магом – и только. Или право на жизнь, если кто-то из странных охотников, кто желает выдрать из меня несуществующую тайну, все-таки успеет первым?

Нет, некогда... Сейчас некогда.

Пока я отвлекался, Лавр распластался на полу и пытался закопаться под груды бумаги, ища защиту. Я поднимаю его

на ноги. Он беззвучно скулит. Ему еще не так плохо, как он думает. На самом деле его пока давит собственный ужас от того, что он видит. Но физически он справляется. Внутренних магических барьеров в нем нет, и царящая здесь сила просто неспособна сокрушить его. Только подточить и уничтожить со временем. Но для этого нужно время...

«Рисуй!» – командую я беззвучно.

«Не могу... Не умею...» – в панике мысленно верещит он.

Заставляю взять в негнушующую руку один из карандашей, предусмотрительно положенных в карман, и поднять с пола первый попавшийся пергамент. Волоча ноги, Подипол бредет вдоль стеклянных глаз, выискивая нужное. То ли у меня, то ли у него темнеет в глазах, и обнаружить искомое удастся лишь с пятой попытки. Дрожащими руками, ломая один карандаш за другим, он принимается выводить корявые линии, пытаясь точно срисовать очертания гор...

Была у меня мысль попытаться заставить его сложить нужную головоломку. Но потом я осознал, что это бессмысленно. Во-первых, Подипол умрет раньше, чем закончит рисунок. Во-вторых, нам самим придется ждать внутри, чтобы воспользоваться выходом. А в-третьих... где гарантия, что эта местность еще существует?

Последний карандаш обламывает грифель, проделав в бумаге рваную дыру. Лавр комкает все свои рисунки, пытаясь запихать за пазуху. И на четвереньках ползет к выходу. Попытки заставить его снова принять вертикальное положение

бесполезны. Да у меня уже и сил не осталось. Я сам, словно в бреду, плохо соображаю, что делаю. Мне кажется, что это я тащусь, медленно и безнадежно, как муравей по футбольному полю... И мучительно ломит виски. И чужой, недобрый взгляд сверлит голову насквозь, пытаюсь перехватить управление уже мной самим. А по следам крадутся Тени, вымораживая спину и затылок...

...Что-то теплое прикасается, обволакивает, позволяет вдохнуть. Краем сознания я ощущаю, как тонкие, теплые пальцы переплетаются с моими, вливая новые силы. Карабкающийся по бесконечному полю муравей внезапно обретает крылья...

– Все, уже все... – прошептал знакомый... нет, почти родной голос.

Рядом кто-то дышит – тяжело, с подвыванием и хрипом, но уверенно. Приоткрыв глаза, я вижу скрючившегося в углу Лавра Подипола, который жадно глотает воздух. Глаза его круглы и налиты кровью. Рот перекошен. Пальцы тискают скомканную бумагу.

Я перевожу взгляд и замечаю Ксению, сидящую рядом. Наши пальцы еще переплетены, однако почему-то в этом нет ничего интимного. Как ни странно, но сейчас это воспринимается как необходимый узел, сцепивший спасательную веревку.

– Теперь мы квиты, – проговорил я. – На этот раз ты вытянула нас наружу...

Она рассеянно улыбается.

– Вы... за это... ответите... – неожиданно бормочет Лавр, в который раз поражая меня своей живучестью. Воистину этот человек как червяк. Раздави его, а он все равно способен ползти и думать о насущном.

Я еще не успел до конца вынуть незримые руки из сознания лауреата, сейчас напоминающего снежную метель – темно, холодно, круговерть неясных образов, можно заблудиться и умереть. Добыть оттуда что-то нужное не так просто. Но я справляюсь, вытаскивая тающий комочек.

Ничего не вспомнишь. К своему счастью.

На этот раз Ксения молчит. Забирает из рук оцепеневшего Подипола ключья пергаментов, машинально перелистывая их.

– Ты за этим его туда посылал?

– Горы. Ты узнаёшь эти горы?

– Это горы? – с сомнением спрашивает Ксения, всматриваясь в каракули.

– Нужно... – Договорить я не успел. Ощущение неминуемой катастрофы обваливается внезапно, как лавина, накрывая с головой. Ксения вздрагивает, глядя куда-то мимо, сквозь стены и крышу. Я чувствую, как пространство наполняется напряжением и застывает, мелко сотрясаясь, будто исполинский студень. И все в нем увязает и теряет способность освободиться...

Дробный перестук шагов. В дверях подвала появляется

Герайд.

– Они уже близко! Окружают район... Слышите?

Мы слышим. Чужие беззвучные, но проникающие через все препятствия голоса вливаются в уши, рождая сонливость и желание не двигаться... «Вам не причинят вреда... Трой Стокол, вы слышите нас?.. Оставайтесь на своих местах...» Реальность подергивается золотистыми искрами... Плывет...

– Быстрее! – пробормотал Герайд. – Еще есть шанс...

Барахтаясь в золотом неводе, в который распустились одиночные искры, мы проломились наверх и устремились прочь из дома. Небо над Набрегом цвело малиновыми и голубыми пятнами, которые не скрадывал даже непрерывный снег.

– Там ребята серьезные пришли, – проворчал Герайд, скидывая руки и запуская вверх *перепут*, смявший *невод*. Я дублирую его заклятие, углубляя дыру, и мы проскальзываем в образовавшуюся прореху. Ксения спотыкается и болезненно вскрикивает. И одновременно с этим за домами полыхает белоснежная зарница, на фоне которой даже снег становится черным, как на негативе.

Подхватив с двух сторон девушку – руки ее горячие, как в лихорадке, а глаза черны и страшны, словно она видит нечто недоступное нам, – мы устремились к единственной нашей надежде. К терпеливому «кентавру», которого Герайд подогнал почти к самому дому Подипола. Впрочем, небольшое

расстояние (всего лишь до другой стороны улицы) превращается в томительный марафон, потому что кто-то из незримых пока соперников прочел *замедлитель*, и мы еле переставляем ноги, увязая в воздухе, как жуки в банке с клеем...

Я выплевываю заклятия как непристойные ругательства, потому что губы немеют и лицевые мышцы словно парализованы. И пытаюсь исполнить хоть один пасс правильно свободной рукой, хотя конечность непослушна и неподатлива... Снег рождает аморфные фигуры, попытавшиеся поднять нас. Это не моя работа, это кто-то из противников подчиняет водные стихии...

– Откуда они взялись? – спросил я, когда мы ввалились в салон «кентавра». Оттого что часть мышц все еще парализована, вопрос звучит невнятно.

– ...Ждали, – отрывисто, но уже от того, что занят попытками завести машину, ответил Герайд. – Система сторожей вокруг дома... Высшая защита.

Вот оно что. Пока я разбирался с охранной системой вокруг дома Подипола, вторая система, более чуткая и гораздо лучше замаскированная, поставленная высококласным магом, посылала сигнал тревоги... Не так сложно предположить, кому именно. То ли они знали, что я вернусь. То ли поставили на всякий случай.

«Кентавр» сорвался с места и заскользил по снежной каше дороги. Добравшись до конца улицы, мы уткнулись в мерцающий барьер, резко повернули, разнеся чей-то дворик,

перескочили на соседнюю улицу... Вскрикнула Ксения. Зашипел Герайд, тяжело ударившись о приборную доску, когда пришлось тормозить перед очередным препятствием... Какие-то белые мелкие твари попытались пробить стекло... Машина отчаянно взревела, ускользя в очередной поворот...

– ...гонят нас куда-то, – процедил Герайд, пытаясь вытереть слезящиеся глаза.

Всей погони было едва ли несколько минут. Нас умело выдавили из города, чтобы не пострадали местные жители. Мы не сразу поняли, что все наши удачные повороты и увертки всего лишь скольжение по грамотно созданному коридору...

А потом город вдруг остался позади, и перед нами растеклась равнина, почти неразличимая за беспрерывно сыплющимися снежными хлопьями. Одна уцелевшая фара «кентавра» высвечивала сбитую в складки землю, по которой быстро ехать невозможно. И кольцо чужой, сплетенной воедино воли сжималось...

Не знаю толком, что произошло дальше. Дорога, точнее, ее видимость здесь шла под уклон, а нанесенный снег вперемешку с грязью превратили ее в каток. Тормоза у «кентавра» барахлили давно, а сейчас отказали начисто. В какой-то сильно запоздавший момент мы поняли, что почти неуправляемую машину занесло безнадежно. И что темнота, раскрашенная белыми хлопьями, наваливается, как душная перина. И что верха и низа уже не различить...

– Держи-итесь!!

И что под нами внезапно кончилась земля. А внизу тускло блеснула водяная лента, подернутая слоем стремительно тающего и вновь падающего снега.

...Ощущение свободного полета, когда желудок подскакивает к глотке...

Я мельком вспомнил крутой обрыв, что видел в подозрительную трубу с другого берега реки Бережной.

И, честно скажу, не успел ни испугаться, ни отреагировать. И остальные не успели. Все произошло слишком быстро. Тяжелая машина должна была камнем рухнуть в студеную воду, и никакой магии не успеть подхватить и удержать на весу подобную махину... Дело даже не в магии, а в том, что человеческие реакции слишком медлительны...

В багажник «кентавра» что-то глухо, но сильно ударило. Машину дернуло и круто бросило вперед и вниз, будто некий исполин поддал несчастному «кентавру» напоследок под задний бампер. Нас бросило друг на друга, и тоже вперед и вниз. Звучно лязгнули зубы...

– Все?

Но прошла секунда, вторая, третья... Завозился придавленный нами Герайд. Затрещало под тяжестью лобовое стекло, которое теперь оказалось внизу...

– Мы не падаем, – тихо, будто боясь спугнуть удачу, констатировала Ксения. Ее лицо было совсем близко от моего, и щеку согревало дыханием. И я внезапно обнаружил, что

держу ее за локоть, будто пытался предотвратить падение...

– Это гобелен, – вспомнив глухой удар в багажнике, сообщил я. – Он нас держит... Хорошая штука. Жаль, что срабатывает только в экстремальных ситуациях.

Мы зависли над медленной рекой, постепенно дрейфуя над ее течением. Машина сильно накренилась вниз капотом, отчего мы втроем повалились друг на друга, цепляясь за переднее сиденье, приборную доску и опираясь на вот-вот готовое разлететься лобовое стекло. Мимо плыли черно-белые безжизненные берега. Те, кто преследовал нас, или растерялись, или еще не поняли, что произошло, или искали нас на дне реки...

– Ну раз такое дело, может, вы с меня слезете? – задуманным голосом осведомился Герайд.

Возмущенно потрескивал костерок, дымя и жалуясь на отсыревшую пищу и с неохотой принимаясь обглаживать подброшенные в его жаркое чрево ветки. Входил во вкус, оживлялся, азартно пытаясь достать языками хлопья сыплющегося снега и распространяя вокруг дымное тепло. Наслаждался до следующей порции влажного топлива. Как мы наслаждались покоем до следующего шквала событий.

За пределами освещенного круга мир утрачивал цвет и перспективу. За стеной снега при желании можно было различить лишь смутные, серые тени и зыбкие силуэты, как на недодержанном снимке. Звуки гасли почти все, кроме самых

близких, – плеск тяжелой, холодной воды, шелест обрушивающегося с ветвей мокрого снега, поскрипывание зависшего в воздухе гигантским нетопырем «кентавра»...

– А он не рухнет? – обеспокоенно спросила Ксения, когда мы решили так и оставить его над водой.

– Ты еще спроси, а не выдохнутся ли у гобелена батарейки... – отозвался изрядно помятый и побитый, а оттого слегка нервный Герайд.

«Кентавр» покорно вытерпел и это издевательство. Пожалуй, я переменял свое мнение относительно его названия. Сроду кентавры не отличались подобной покорностью... Оставили мы его висеть потому, что, деактивировав непредсказуемый гобелен, мы рисковали, он мог перестать действовать, а второй попытки сброситься с обрыва никому предпринимать не хотелось.

Любопытно, отчего он вообще пробудился? Тоже почувал во мне формулу чужой силы, или его создатель вложил в свое творение очень странный способ запуска?.. Шутник.

Свалив свою охапку мокрого и грязного хвороста (а иного на этом крошечном островке посреди реки, где росла жидкая рощица из десятка рябин, и не водилось), я устроился поближе к огню и выудил из-за пазухи сбереженные клочья пергамента. Нетерпение давно глодало меня, но времени обстоятельно рассмотреть добычу все не находилось. То погоня мешала, то безумный полет вдоль русла реки Бережной, по границе Черных и Белых территорий, то попытка устро-

иться на отдых посреди разлившейся и совсем уже не бережной реки на маленьком островке... Кто его знает, что будет дальше.

Плотная, приятная на ощупь поверхность пергаментов лоснилась.

М-да... А ведь даже по этим кривым каракулям можно угадать рисунок горной гряды. Больше того, можно даже точно назвать место, где стоял художник. Я был там не один раз в своей жизни... Практически любой маг, обучавшийся в Академии, был там хотя бы единожды. Почему я сразу не догадался? Потому что сейчас пустошь застроена и обжита. И стел в Мемориале уже давно нет. Разбились...

– Нашел, что искал? – Падающий снег крал звуки, и Ксению я услышал, лишь когда она остановилась рядом и прибавила к моей охалке собранных веток свою порцию.

– Да... Пожалуй.

– Можно посмотреть?

Я колебался мгновение, перед тем как отдать ей мокрые от снежинок пергаменты. Она заметила это сомнение и слегка сощурила глаза, пытаясь спрятать изучающий взгляд.

– Ты говорил, что эти зубцы – горы?... – задумчиво произнесла она, просматривая один лист за другим. Добавила разочарованно: – Н-нет, не узнаю...

Конечно. Она же никогда не училась в Академии.

– А ты узнал?

– Нет, – солгал я, прежде чем спохватился, что делаю. По

найтию. И продолжил, чтобы уже в свою очередь скрыть заминку. – Но знаю, где можно найти ответ... Надо попасть в Академию.

– Далеко... Что ты делаешь? – изумилась Ксения, когда я бросил разрисованную пачку в огонь. Обрадованное пламя, получившее сухую пищу, встрепенулось. Листки стремительно скукоживались, сворачиваясь по краям, чернели, исчезали.

– Теперь они ни к чему. Память у меня хорошая... – ответил я как можно небрежнее. Потому что второй раз подойти незаметно не мог позволить никому. И приближение Герайда услышал за пару шагов. А показывать рисунки ему я не собирался. Он узнает очертания горной гряды так же легко, как и я.

И тогда зачем я буду им нужен? И каким образом я смогу попасть в Академию раньше их... То есть раньше его?

Герайд ссыпал хворост в общую кучу. Присел напротив, протягивая к огню озябшие руки, и флегматично сообщил:

– На правом берегу какое-то волнение... Да и с левого тянет... – Он сделал неопределенный жест. – Ничего особенного, но висит что-то в воздухе...

– Так быстро не найдут, – ответил я с несколько показным равнодушием. И добавил, словно очередной бес уселся на кончике моего языка: – Если, конечно, никто им не подскажет, где искать.

Повисла пауза. Объемная, выразительная, горячая... Не

поймешь, отчего снег испаряется, не долетая до земли, – то ли из-за костра, то ли из-за накала напряжения между собеседниками.

– Ты что-то хочешь сказать? – бесцветно осведомился Герайд, обращаясь к нему огню словно к собеседнику.

– А разве того, что я сказал, еще недостаточно?

– Я не так догадлив. Развей свою мысль.

– Видишь ли, мне все еще кажется странным внезапное появление чужаков возле дома лауреата. Ты ведь не спускался в подвал...

– То есть ты готов обвинять кого-либо другого, вместо того чтобы признать, что оплошал сам, когда не заметил дублирующую охранную систему?

– Я не мог не заметить ее.

– Позволь? – Он неожиданно поднялся, обошел костер и наклонился ко мне. Я едва удержался от того, чтобы не вскопичить, когда он протянул руку и снял что-то с моего рукава. Развернул ладонь – там тускло поблескивала глиняная, с остатками лака крошка, отлетевшая от керамической жабы в саду Подипола.

– Только маг мог разбить ее. Ты сам дал знать, что идешь... – Бросил крошку в костер, нарочито спокойным голосом сообщил: – Пожалуй, пойду еще веток соберу. А то неуютно здесь как-то... – и канул в белой метельной мути.

Нахохлившаяся, как больная птица, Ксения выжидающе смотрела на меня:

– Зачем ты так?

– Как?

– Знаешь, мне отчего-то кажется, что ты намеренно хочешь разозлиться на него, чтобы легче было сделать... что? – Она не спускала с меня внимательного, беспокойного взгляда. В зрачках отражался костер, и казалось, что глаза ее огненные.

– Почему я должен ему доверять? Он был наверху, пока мы оставались в подвале.

– Мне ты тоже не веришь? Хотя зачем же я спрашиваю. Конечно, не веришь. Разве можно верить тем, с кем связан корыстными интересами. Верно?.. – Она помолчала и тихо добавила: – Неужто ты думаешь, что я стремилась к человеку, которого не знаю? И неужто я могла бы полюбить того, кто способен на предательство?

«Ты его действительно любишь?» – хотел спросить я, но лишь молча облизнул снежинки с запекшихся губ, скравших непрозвучавший вопрос. Я не желал слышать «да». И боялся услышать «уже нет».

В путь мы снова отправились той же ночью. Во-первых, на островке оставаться не хотелось – неуютно, сыро и холодно. Во-вторых, никто не мог с уверенностью сказать, что преследователи отказались от мысли заполучить нас. В-третьих, я подгонял всех. Время утекало быстрее воды. Я буквально каждым клочком шкуры ощущал налившееся мерт-

венной белизной яблоко луны, хоть и упрятанное за плотный слой туч, но обжигающее не хуже полуденного солнца.

Двигаться решили все время вдоль границ между Белой и Черной зоной, хотя для этого периодически приходилось выписывать дуги и зигзаги, потому что никто не вычерчивал эти границы строго по линейке. Но на скорости, с какой сокращалось расстояние, это почти не сказалось. Гобелен-самолет оказался резв и равнодушен к погоде. Он несся с быстротой небольшого самолета и обещал доставить нас в нужное место максимум к полудню. Никаких сногсшибательных приключений в этой традиционно считающейся повышенно опасной территории нам пережить не удалось. Разве что не покидало странное ощущение, смахивающее на переживание мухи, стремительно летящей между исполинскими молотом и наковальней.

...Когда показались шпили Ночного Собора, мы испытали не радость, а глухое облегчение. К тому моменту мы попросту задубели в насмерть выстуженном, продуваемом всеми ветрами и искусанном ночным морозом салоне «кентавра». Даже наговоренное до хрипоты в три глотки обогревающее заклятие не помогало. Ветер сносил его еще до того, как последнее слово срывалось с губ заклинателя.

Старый город, один из самых старых на планете, расположившийся в предгорье, на ничейной земле. Ни Черные, ни Белые не претендовали на его территорию. И Черные, и Белые одинаково вольно вели себя на его землях. И, как ни странно, в этом самом магическом из всех городов на свете увереннее всего чувствовали себя обычные люди, привыкшие относиться к царящему вокруг буйству с равнодушием и обстоятельностью людей, живущих на склоне вулкана. Может, и снесет однажды, но пока тепло, сухо и полно горячих минеральных ключей.

Над городом высилась Академия, разместившаяся на возвышении. Сложенная из белого и черного камня, она смахивала на исполинскую птицу. Два основных корпуса лежали на склонах холма, словно распростертые крылья, а центральный корпус, выполненный в виде башни с удлиненным шпилем, походил на птичью остроклювую голову, устремленную к небесам...

В одном из старейших городов процент молодого населения был самым высоким в мире. Здесь каждый третий был студентом, абитуриентом, посетителем подготовительных курсов, соискателем или начинающим исследователем. Кроме самой Академии здесь же располагалось множество других, в том числе и немагических учебных заведений, так

что молодежи на улицах города хватало. И большая часть коренных горожан кормилась, как население курортных побережий, сдачей комнат внаем и обслуживанием всей оравы приезжих.

Я с невольной тоской посмотрел на молчаливую Академию, где давно уже шли занятия, где дремали на лекциях или пытались уцелеть на практических занятиях с заглотами мои сокурсники... Позвонить кому-нибудь из приятелей? Девчонкам, с которыми встречался?.. Вряд ли толком осознавая, что делаю, я свернул к уличному телефону, но тут же остановился. Что я им скажу? Людям, с которыми приятно провести вечер-другой, но...

– Мы здесь надолго? – осведомился Герайд, грея все еще белые от холода руки об одноразовую чашку с кофе, на которое мы набросились, едва прибыв в город.

– Нет, – ответили мы одновременно с Ксенией. И вопросительно посмотрели друг на друга.

Герайд приподнял бровь, криво усмехнувшись:

– Заботиться о ночлеге не стоит? А то я знаю одно хорошее недорогое место... В бытность мою студентом я снимал там угол.

Я с ностальгией припомнил собственную комнату в четырехэтажном старинном, мрачноватом доме на перекрестке улиц Венчальной и Косой. Возвращаться туда сейчас точно не следовало...

Над городом стелилось марево чужой волшбы, плелись

причудливые узоры, едва сдерживаемые усиленными защитными системами, настолько древними и могучими, что даже шальные студенческие изыски они расценивали как легкий сквознячок, а любые попытки нарушить покой магами высокой квалификации натыкались на противодействие чудовищное, незыблемое и монолитное, как скалы. Никто уже не помнил, кто ставил такую защиту над городом, одни говорят, что конклав Мерцающих, другие, что кто-то из древних магов, а по мнению библиотекаря Ахава, защиту ладил сам Великий – и не для города, а для того чтобы охранять место финального поединка... Так или иначе, но ни разу за всю его историю город не был покорен силой магии.

– Я плохо знакома с Академградом, – призналась Ксения, рассматривая карликовую виверну, свернувшуюся на каменном барельефе дома напротив. Рассерженный хозяин, высунувшись в окно, пытался согнать ее шваброй, но не дотягивался. Виверна зевала и презрительно косилась.

– У тебя есть время с ним познакомиться, – отозвался я рассеянно.

Она неожиданно взяла меня за локоть:

– У меня время есть. Его нет у тебя... Во всяком случае, его осталось слишком мало на изыскания. Мне кажется, что этот город и есть конечная цель. И горы тут есть... Ты ведь не в библиотеку сюда приехал?

Я покусал губы, раздумывая. И высвободил локоть:

– Потерпи. Я уточню еще пару моментов и все расскажу.

Встретимся на смотровой башне в Академии часа через два. Герайд знает, как туда попасть.

– Для того чтобы активировать Мертвые Врата, понадобится много крови. Больше, чем может позволить себе отдать один человек. Где ты хочешь взять столько?

– Есть у меня идея. Надо навестить одну старую знакомую... Что ты так на меня смотришь? Ты о чем подумала? – Я невольно засмеялся, хотя и несколько уязвленный.

Дом Леаниной тетки почти не изменился, с тех пор как я последний раз переступал его порог и не думал, что когда-нибудь вернусь. Все так же вились плети винограда, дававшего плоды обильные, но терпкие и почти горькие. Из них получалось отменное вино – крепкое, горько-сладкое, томное. Но сейчас виноградные лозы украшали разве что багряные, сухие, подмороженные листья, припорошенные снегом.

Щербатую ступеньку так никто и не починил.

Запрокинув голову, я несколько мгновений смотрел на чердачное окошко, забранное рамкой из каменных лепестков. Само окошко, разбитое на сегменты деревянными планками, походило на сердцевину цветка.

На стук никто не ответил. Мог поклясться, что слышал движение за дверью, скрип ступеней... но, возможно, я все-таки ошибся. Да и на улице, хоть и окраинной, шума хватало. Галдели птицы, сражаясь за корку хлеба. Где-то урчал теле-

визор. Скрежетали качели, с которыми пытался сладить закутанный шарфом до глаз карапуз под умиленным присмотром мамыши...

На двери дома был вырезан «запирающий» знак, но его давно не обновляли, так что он выцвел и сыпался, как ветхий вензель.

Чтобы проверить, не показалось ли мне движение внутри, я поднял раскрытую ладонь, намереваясь прикоснуться к поверхности двери... И рука зависла в воздухе, потому что дверь как раз в этот момент распахнулась, а стоявшая на пороге девушка, скользнув рассеянным взглядом по обращенной к ней раскрытой ладони, подняла на меня глаза.

– Здравствуй, – негромко сказала Леана.

Я смутно представлял, что скажу ее тетке. Я был готов даже зачаровать ее, чтобы получить нужный ключ. А вот что сказать Ленке, молча, без удивления глазевшей на меня с какой-то болезненной покорностью, я не знал.

– Я не думала, что все пойдет именно так... – произнесла она, будто продолжая когда-то начатый разговор.

– Лен, – мучаясь неловкостью, сказал я, – да какая теперь разница?..

– А разве ты не... – Она смешалась.

– Что – я не... Погоди, ты решила, что я поквитаться пришел? – искренне поразился я.

...Вино в этом доме оставалось таким же, как раньше. И солнечные пятна вычерчивали дополнительные линии на

клетчатой скатерти на кухне. Только раньше скатерть была розово-бежевой, а теперь сине-голубой, с корабликами.

– ...мне хотелось показать тебе, каково это чувствовать бессилие перед чужим превосходством. И каково это быть просто человеком...

– Разве я не просто человек? – невольно спросил я.

– Ты маг. И мне показалось, что ты посмеялся надо мной... Я знаю, я ошибалась, но так давно носила в себе всю эту мерзость, что, когда ты появился снова, я... Не знаю, что на меня нашло. И не знаю, почему я поверила этим людям. Они знакомые моего... – она запнулась, бросив смятенный взгляд исподтишка, но твердо продолжила: – Моего друга. Он влиятельный человек. Я слышала, что они пытаются при помощи каких-то древних ритуалов обрести магическую силу, собственно, на этой почве мы и познакомились... Но он никогда не пытался втянуть меня в свои игры. И мне надо было заподозрить неладное, когда он предложил помочь мне слегка подшутить над тобой... Я же не знала, что они пойдут так далеко! Он сказал, что средство всего лишь на несколько минут лишит тебя силы, чтобы ты понял... – Она поморщилась и махнула рукой.

Я молчал, путаясь в собственном ощущении вины и раздражения от несвоевременности происходящего. Я виноват перед Ленкой. И знал, что она права. Тогда давно я не признался бы даже себе, что действительно в глубине души ощущал свое превосходство. Глупо, но это правда.

А она просто почувствовала это и оборонялась как сумела. И теперь не может объяснить, что заставило ее поступать так...

– Это он тебе подарил? – неожиданно для самого себя спросил я, кивнув на алый кулон, все еще выглядывающий из разреза ворота.

– Сказал, что он сможет защитить меня... – едва слышно произнесла Леана. – Тоже неправда? – Она стянула кулон и небрежно бросила его в мусорную корзинку.

Тишина, плотная, густая, заполнила кухню. Барахтаться в ней можно до окончания времен. Ленка молчит долго, тягуче. Я сражаюсь с нетерпением.

– Не так все это было... – глядя на сцепленные на столешнице пальцы, наконец признаётся тихо она. – Магия тут вообще ни при чем. Это я так, для оправдания... Ты обманул меня тогда. Просто обманул. И мне захотелось отомстить тебе за обман...

Как странно... Вот ведь болело и тревожило еще недавно. А сейчас неважно и неинтересно. Хочется побыстрее прекратить, чтобы не мучилась эта по-настоящему огорченная девчонка. И чтобы можно было уйти и заняться своими делами, потому что время уходит и потому что там, в городе, осталась та, кто мне важнее тысячекратно.

– Ты спешишь, – вдруг обронила она догадку едва слышно. – А я... Знаешь, я как второстепенный персонаж. Остаюсь на обочине.

– У тебя своя жизнь.

– Мне кажется, что я в какой-то момент потеряла в ней что-то важное. И теперь не могу найти. И все, что пытаюсь делать, кажется мне недостаточно важным по сравнению с другими вещами.

Я не знал, что ей сказать.

– Лен, – не в силах больше сдерживаться, произнес я, – а как поживает твоя тетя? Она все еще работает в больнице?

Тетя продолжала трудиться там же, где и раньше. Запирала двери, проветривала помещения, инвентаризировала количество щеток для смахивания паутины и склянок из лабораторий. Иногда она приносила ключи домой, когда забывала отдать вахтерам. Недоумевающая Леана молча показала мне место, где тетка хранила их, – на столике возле входа. Невелика ценность. Кому нужны подсобные больничные помещения?

Я снял ладонью отпечаток нужного ключа, сохранившийся даже на пустом сейчас столике, сформировал зримый образ, чтобы было что показывать мастеру, и через час в первой же слесарной мастерской мне сделали нужный ключ.

Пробило полдень. Из декоративных воротец на часовой башне Академии вереницей заскользили бронзовые фигурки. Каждая своим путем, в зависимости от времени суток, месяца, сезона.

Рыцарь в отливающих золотом доспехах рубанул ме-

чом, рассекая день надвое... Следом кувыркнулся акробат. Вспорхнула, изогнув шею, птица...

Зрители зааплодировали.

На смотровой площадке обзорной башни Академии, как всегда, толклось множество туристов. Сюда пускали всех желающих. Для их удобства и для того, чтобы не мешать студентам и преподавателям, на башню был сооружен отдельный вход с подъемниками, и непрерывная пестрая лента экскурсантов безостановочно вилась по истертым ступеням или наполняла кабинки прозрачных лифтов, как конфетти.

Только летом, в самое пекло, когда старый камень обжигал, как раскаленный металл, а бронзовые фигуры драконов дышали нестерпимым жаром, словно их живые прототипы, желающих подняться наверх становилось немного меньше.

Сейчас здесь, несмотря на морозец и изрядную высоту, было даже теплее, чем внизу.

– ...Если вы посмотрите налево, то увидите шпили Ночного Собора, памятника архитектуры седьмого века... Направо Судебная Палата, здание, известное не столько своим нынешним статусом, сколько легендой, согласно которой в этом доме князь Миротвор собрал единственный в своем роде Совет Двойных магов...

Слушатели с шуршанием переместились влево, зачарованные мановением руки экскурсовода. Взгляды уже слегка остекленели.

– Если вы посмотрите вниз, то вашему взгляду предстанет

знаменитая площадь Тринадцати арок, представляющая высокую художественную ценность...

Я усиленно вертел головой, пытаюсь в толпе высмотреть Ксению и Герайда. Толпа плотная, подвижная, непрерывно сменявшая цвета, смахивала на детскую головоломку. Вот образовалась щель – мне вдруг померещилось, что лицо бесстрашно сидящего на каменных перилах человека знакомо – но тут же прореха сомкнулась. Тревога вонзилась как щепка под кожу. Вроде пока и безопасно, но раздражает.

– Прямо вы можете увидеть Мемориал с высоты птичьего полета. Сегодня нам еще предстоит экскурсия в это удивительное место, но пока вы можете оценить масштаб и красоту произведения неизвестного зодчего...

Туристы послушно сгрудились, примолкли и сосредоточенно посапывали, оценивая масштаб и красоту. Трудно сказать, насколько высокую художественную ценность представляла собой испепеленная земля, спекшаяся до плотности гранита, усыпанная разновеликими камнями и окруженная по периметру остатками сооружений, сильно смахивающих на скамьи, крутым каскадом сбегающие вниз. То ли амфитеатр, то ли поле для игры в мяч... В центре груди источенных непогодой каменных глыб. Никто в них теперь не смог бы угадать очертаний исполинских стел. Вот уже много веков это просто беспорядочно рассыпанные, бесформенные валуны.

– ...Финальный поединок между Черным и Белым мага-

ми, битва между сторонниками их и противниками, когда земля кипела под ногами, когда небо плакало, когда солнце стало черным и брат слепо шел на брата...

Ух ты! Наизусть цитирует...

Сейчас по черно-пепельной поверхности Мемориала перемещались вездесущие экскурсанты, смахивающие на цветное драже, перекатывающееся в миске для угля. Ночью там не будет никого...

– ...Стражи, охраняющие территорию Мемориала вот уже много веков, – экскурсовод умело влил в голос толику драматичности. Особо впечатлительные слушатели затаили дыхание. – Никто до сих пор не знает, что они представляют собой и какие цели преследуют, защищая это пустынное в общем-то место. Но даже сильным магам не удавалось противостоять им. И после заката солнца территория Мемориала считается закрытой...

Ну это не совсем правда, подумал я, в который раз рассматривая черную чашу посреди буро-желтой, а местами еще зеленой равнины, кое-где тронутой блесками нерастаившего снега. Какое-то время натиск загадочных Стражей удастся сдерживать. И не раз предпринимались попытки исследовать сердце Мемориала ночью... Но никаких особых отличий от дневного облика памятника там не было обнаружено. Камни молчали и при свете дня, и в темноте.

Оторвав взгляд от достопримечательностей, я наконец заметил Герайда и напряженную, заметно встревоженную Ксе-

нию, которые высматривали что-то внизу, на площади перед Академией.

– ...Думаешь, я могу не узнать своего отца? – сердито говорила Ксения, когда я приблизился к ним.

– Слишком высоко, – успокаивающе возразил Герайд.

Она вздернула подбородок вверх, оборачиваясь и намереваясь протестовать; увидела меня. А я вдруг снова засек того знакомца, что недавно восседал на перилах, а теперь не спеша шел к нам, ловко лавируя между зеваками.

Все так же безмятежно заостренное к подбородку лицо, только щеки впали чуть глубже, видимо, от усталости, а может, просто выбриты хуже, зато уголки узких губ приподняты и готовы изобразить почти дружелюбную улыбку.

– Рад приветствовать вас, господин Стокол, – не обращая внимания на замерших Герайда и Ксению, проговорил Ловчий. Серые, ледяные глаза его были воспалены и пробиты кровавыми прожилками. Недосып?

– День добрый, господин Лев, – со всем возможным безразличием отозвался я.

– Пришли насладиться видами? – слегка усмехнулся он. – Я смотрю, вас тянет к архитектурным древностям...

– А что тянет вас? – осведомился я. – Неужто моя скромная персона?

Ловчий улыбнулся. Широко и весело, а оттого странно и жутковато. Как будто и впрямь улыбнулся узкими губами, например, настоящий лев.

– Мы ведь с вами прояснили наши отношения? Своих слов я обратно не беру... В данный момент меня занимает совсем другая персона. Ничуть не менее интересная. На поиски которой меня подрядили Белые и весьма уважаемый бизнесмен, приходящийся этой юной особе родителем... – Ловчий повернул голову и посмотрел на неприязненно сощурившуюся Ксению.

Ага. Не раздумывая, я всадил кулак прямо в челюсть Ловчего, бессовестно воспользовавшись тем, что он открылся. Острый, выбритый подбородок дернулся вверх. Взмахнув руками, Лев повалился назад, и я еще успел увидеть его изрядно ошеломленные, полные боли, но при этом смеющиеся глаза.

А потом мы втроем понеслись прочь. Благо что ни Ксении, ни Герайду не требовалось время на размышления и оценку ситуации. Амбалы на выходе пытались загородить нам дорогу, но не успели. Кого-то опрокинули. Среди туристов случился взрыв возмущения и всеобщий переполох. Отчасти вызванный брошенной в толпу иллюзорной шутихой – громкой, но совершенно безопасной, а отчасти тем, что туристы, попадая на башню Академии, отчего-то становились чрезвычайно впечатлительными и нервными... Не иначе рассказы экскурсоводов действуют.

– Я же сказала, что видела отца, – уже внизу, пытаясь отдышаться в каком-то переулке, сердито заявила Ксения. – Он в городе. И теперь он точно знает, что я тоже здесь.

– Ничего, – утешил я. – Нам бы только ночь простоять... – И внес свое предложение по поводу рационального способа проведения предстоящего времени суток.

Стало тихо.

– Куда? – переспросил после выразительной паузы Герайд.

– В банк крови, – с наслаждением повторил я. Смотреть на его озадаченную физиономию было потешно. – В городе есть один из самых больших в мире банков крови. Оттуда получают всю донорскую кровь для больниц и для Академии. Или откуда, ты думал, берут ее студенты Черных магов для практических занятий? Или, скажем, Белые целители? Из городского населения выкачивают? Ты ведь и сам учился запускать *веретено*?

– Я думал, из... – неуверенно предположил Герайд, почесал затылок и кивнул: – Да, логично.

– Одолжу литров пять, никто особенно не расстроится...

Как я ни возражал, Ксения и Герайд решили принять участие в мероприятии. «Чтобы больше унести», – объяснил Герайд озабоченно. А мне показалось, что они просто не хотят упускать меня из виду. Потому что мы все остро сознавали, что финал уже близок. Что все кончится вот-вот.

Проникновение в банк крови при Первой городской больнице оказалось не таким трудным, как я ожидал. Усиленная защита здесь стояла от вампиров, и только. То ли никому другому в голову не приходило покушаться на запасы до-

норской крови, то ли авторитет Академии действовал, служа лучшей защитой.

Забив пакетами с кровью обычные магазинные пакеты, мы выбрались наружу и облегченно перевели дух. Студеный, неподвижный воздух заливал ночные улицы прозрачным гелем. Звуки вязли. Свет фонарей размывало. Силуэты домов таяли, сливаясь с ночным небом. Белесые, бесснежные тучи накрыли город ветхой пеленой, готовой разорваться и явить земле черное небо, усыпанное по-зимнему яркими и мелкими звездами. И луну – сытую, круглощекую... Где-то далеко, ближе к центру города, плескалась музыка и разноголосица. Там над крышами вставало оранжевое марево.

– До рассвета еще несколько часов, – сказал я, прижимая к себе скользкий и хрустящий от мороза пакет. – Тогда Стражи уйдут, а туристы еще не придут.

– Так мы идем в Мемориал? – без особого удивления, даже с некоторым разочарованием спросил Герайд. – То есть эти твои Мертвые Врата расположены в Мемориале? И я всерьез подумал, что ты знаешь, о чем говоришь... – с отвращением выдохнул он. Казалось, даже в выдохнутом им белесом облачке пара обозначились колкие закорючки.

– А чем тебе Мемориал не угодил?

– Да бред все это! Неужто ты не смотрел ни одного труда по истории Мемориала? Да почти каждый второй следователь считал своим долгом назвать местом расположения первых Врат именно этот несчастный пустырь. И каких только

доводов не приводили! Да только никому так и не удалось не то что активизировать эти мифические Врата, просто доказать их присутствие... – Он махнул рукой, выронив часть пакетов. – Вот бес, а я-то действительно подумал, что тебе что-то известно...

– Подними, – угрюмо велел я, кивнув на пакеты. – Это все-таки человеческая кровь...

– Я тоже слышала что-то такое, – тихо подтвердила Ксения.

Я пожал плечами.

– Никто ведь не заставлял вас нанимать меня в проводники? Вас не устраивает мой вариант, поищите свой.

– Теперь, когда мы по твоей милости потеряли столько времени? – ощерился явно выведенный из равновесия Герайд. – Когда теперь в городе Ловчий? Когда столько людей... – Он махнул рукой, заметив выражение лица Ксении.

– погоди, – Ксения зябко ежилась. – У нас время есть... Трой, а у тебя его нет совсем. Даже ждать рассвета нельзя.

– Полнолуние завтра, – угрюмо напомнил я.

– Полнолуние сегодня ночью, в три двадцать одну, – с заметным сожалением возразила она. – Ты неправильно посчитал. На Академии есть часы с календарем. Я хотела тебе показать, но мы так быстро оттуда ушли...

Я пораженно смотрел на нее. Не может быть... Или может?

Танцовщица в часах изображала луну. Она вращала боль-

шое бронзовое зеркало, подставляя свету сначала четверть диска, затем половину... Запоздало вспомнилось, как победно сиял в ее поднятых руках совершенно круглый золотой глаз, отражая солнце.

– Тогда... – разом осипшим голосом проговорил я, – у меня вообще не осталось времени на болтовню. Пойдете вы со мной или нет, не имеет значения.

– А Стражи? – язвительно осведомился Герайд. – Им ты тоже скажешь, что у тебя нет времени?

Я скрипнул зубами, с наслаждением представляя, как хорошо было бы закончить начатую еще тогда над оврагом в Баклагах драку с этим ухмыляющимся типом. Расставить все точки во всех предложениях.

Но даже на это у меня не осталось времени. Я забрал пакеты из рук угрюмого Герайда, развернулся и зашагал вдоль улицы. За спиной остался ожесточенный спор. А потом...

– Я пойду с тобой, – догнав, заявила запыхавшаяся Ксения. – Вдруг получится.

– Стражи, – напомнил я сумрачно.

– Втроем проще с ними сладить, – беспечно отмахнулась она.

Насупленный Герайд, сжав зубы, шел следом. Всем своим видом он выражал протест и почти внятное: «Я ни в грош не ставлю твою ценность как проводника, но эту девушку я с тобой одну не отпущу». Все-таки определенную долю уважения его поведение вызывало.

Уже в сумерках Мемориал становился странным. То, что днем было плоским и ясным, к вечеру, обрастая тенями, делалось многомерным, таинственным. А ночь бескомпромиссно заливала каменную чашу плотной, отравленной тьмой. Зыбкой и коварной. Мемориал будто разом стряхивал с себя приметы времени, становясь незыблемым, грозным и не терпящим праздных гуляк.

– Зря мы сюда пришли. – Герайд, конечно, не мог промолчать.

– Трудно дышать, – пожаловалась Ксения тихонько. – Здесь всегда так?

– Ночью всегда...

Искрошенные, истертые миллионами подошв ступени во тьме казались невредимыми, а трещины сливались в явственный, черный на черном, сложный узор. Стоило перевалить через границу Мемориала, как мороз проколол горячий воздух словно стальными иглами. Пахло смертью.

– Вон они...

Стражи неспешно текли вдоль дальней границы, со стороны заката. Окоем каменной чаши слегка светился, отражая городские огни, и по тонкой светлой нити скользили черные ломаные фигуры.

Не зря говорят, что Мемориал не построили, а буквально подняли из земли. Наспех. Может, оттого изнутри чаша будто скомкана, и не ступени под ногами, а частые складки, уже

обросшие колючим ворсом инея.

– К центру...

Плоское, спекшееся дно памятника даже днем не выглядело ровным, а сейчас бугрилось, проваливалось трещинами, подкатывалось под ноги валунами. Поблескивали плоские сколы камней, окованные панцирем льда. Льдом же взялись тусклые зеркальца луж.

Ближе к центру глыбы стали отчетливо угловатыми. Ни времени, ни непогоде не удалось окончательно сгладить резкие изломы разрушенных стел. Я запнулся ненадолго, остановившись и озираясь. Бежавшая следом Ксения с размаху налетела мне на спину, отшатнулась и замерла, беспокойно дыша рядом. Перестал топтать Герайд.

Далеко на башне прозвенело трижды.

Стражи приблизились. Стало заметно, как воздух вокруг них непрерывно мерцает, затвердевая, и подергивается белесыми, тонкими стрелочками на изгибах. А потом рассыпается прозрачной чешуей... Мне хотелось зажмуриться. Каждый нерв отзывался на присутствие Стражей. Запах смерти... Его нельзя передать. Он пронзителен и страшен, его боль неосязаемая, но всепроникающая.

– Сюда! – с силой выдохнул я.

Время среди этих камней не властно ни над существующим, ни над тем, чего уже нет. Стелы были разрушены в битве, но отпечаток их вплавлен в реальность. Наверное, когда здесь идет снег, то снежинки огибают прозрачную арку несущую

шествующих ворот.

Герайд вдруг выругался невнятно, но с чувством, и сразу же черное полотно ночи заткала вязь огненных линий. Поставленная *сетка* надулась полусферой. Силуэты Стражей чуть исказились.

Разумно. В поддержку начинания Герайда я выстроил *нерушимую стену*, только шагов на сто раньше сетки. Герайд бешено зыркнул в мою сторону.

– Вот эти камни... Любые ворота иницируют кровью. У нас ее достаточно... Надеюсь, – добавил я вполголоса.

Полыхнуло зеленым. Стражи ощупывали *нерушимую стену*. Нет, Стражи раздирали ее...

– Они еще далеко, – напряженно бросил Герайд. – Но их тянет сюда... Быстрее!

– Вот погоди, выпью чашечку кофе... – сквозь зубы прошипел я, пытаясь вскрыть проклятый пакет с кровью, который оказался плотным, да еще и скользким от мороза.

Луна, словно в насмешку, выглянула в прореху между тучами. Ледяная, круглая, самодовольная... Здесь, над Мемориалом, она казалась неестественно большой и пугающе яркой, высвечивая потаенные уголки не хуже прожектора. Так что даже зыбкие силуэты Стражей, беззвучно стягивающих кольцо вокруг нас, казались отчетливыми и объемными. Только что тени не отбрасывали...

Зато, чтобы найти клапан на пакетах с кровью, приходилось едва ли не подносить их к носу да еще потом елозить

ногтями по холодному пластику, чтобы подцепить край.

– Сетка их почти не держит, – флегматично констатировала Ксения, мельком глянув поверх своего пакета вдаль и, разомкнув клапан, вылила густое содержимое на камни.

Кровь текла лениво, собираясь в лаково отблескивающие темные озерца. Запах в морозном воздухе висел как на бойне... И ничего.

– Что дальше? – тихо спросила Ксения, когда последний пакет опростали и отбросили в сторону, в груды таких же.

Врата молчали. Ни отзвука... Ни ощущения... С таким же успехом можно было вылить эту кровь на любой мощеной площади.

Я с ненавистью глянул на ухмыляющуюся луну. Казалось, что на ее щекастой физиономии нарисованы часы и беспощадная стрелка отсчитывает последние минуты... Ничего уже не успеть. И речь теперь идет не о времени, оставшемся до суда, и не о моем статусе мага, а о нашей жизни... Стражи никого не выпускают со своей территории.

– Ну добился? – зло выплюнул Герайд. – Всегда все хочешь сделать по-своему, верно? И любой ценой доказать свою правоту...

– Я ничего никому не доказывал, – огрызнулся я, положив ладони на замерзшие гладкие камни. Пальцы быстро коченели, и только... Правый мизинец угодил в пятно крови, и я чувствовал, как стремительно густеет и застывает пролитая жидкость.

Что-то пошевелилось? Коснулось, будто погладило изнанку души. Что-то знакомое... Отзвук присутствия... Холод, пустота и боль. Нет, это не Врата...

– Этого недостаточно. – Ксения присела рядом, хотя ее явно мутило от запаха. – Кровь – это просто жидкость. Сила ее в том, что ее проливает кто-то ради чего-то... А эта кровь мертва, она по сути своей так же действенна и безлична, как физраствор. Здесь не хватает компонента жизни...

– Предлагаешь принести жертву? – устало спросил я.

– Да приносили здесь жертвы! – воскликнул в сердцах Герайд. – Десятки раз. Нет здесь никаких Врат и никогда не было... На что ты надеялся?

– Тебя я за собой не звал, – рявкнул я.

– Ты же знал, что она пойдет за тобой! – заорал Герайд в бешенстве, прыгая на край застывающей кровавой лужи, так что брызги разлетелись.

Ксения шарахнулась. Лицо ее казалось мучнисто-белым и неживым, а глаза, распахнутые до предела – глянцево-черными, подвижными, нефтяными.

Абстрактная ненависть неожиданно обрела фокусировку. Разочарование вперемешку со скопившейся яростью поднялись со дна сознания мутным, ослепляющим валом...

В следующую секунду я обнаружил, что намертво вцепился в ненавистного мне человека и ненависть моя оглушающая и велика, словно этого парня я мечтал убить всю жизнь... И даже отраженная в зрачках противника льдистая луна – но-

вый повод для его гибели...

Потому что он прав. Потому что он тысячу раз прав. Я не должен был вести Ксению за собой. Я должен был любой ценой остановить ее еще за Мемориалом. Но тогда я так верил, что все делаю правильно...

Но этот мерзавец все равно не смеет говорить это!

– Нужна жертва? – выдохнул я в его искаженное лицо. – Сейчас будет... – И, поскольку обе руки были заняты, ударил лбом ему в переносицу, услышав хруст.

Герайд глухо охнул. Глаза сощурились, наливаясь темной и болью. Даже искра-луна исчезла...

– С-сукин сын... – негодуяюще прохрипел он. – Нашел время...

От неожиданности я разжал руки. Вот чего угодно я ждал от него, только не этой фразы, полной отвращения. Но даже ответить не успел, потому что полыхнула белая, бьющая по глазам вспышка и нас раскидало в стороны, на камни... Болезненно вскрикнула Ксения.

Полуслепой, я кое-как поднялся, пытаюсь через танцующие в глазах цветные пятна рассмотреть ее. И увидел девушку, скорчившуюся возле кровавой лужи... Нет, к счастью, это не ее кровь.

– Ксень, что...

Она отмахнулась и от меня, и от склонившегося Герайда. Лицо ее смяла такая невыносимая мука, что я почти физически чувствовал ее, как гигантского ежа со стальными и ле-

дяными иглами, пронзавшими каждую частицу тела...

– Дураки... – с чувством выдохнула Ксения через стиснутые зубы. – Я... не... могу... держать их долго... а вы драться...

Кого? Хотел было спросить я, но осекся. Кого еще здесь можно было держать, кроме Стражей? Так вот почему они так медленно двигаются, словно преодолевая незримые барьеры. Я ведь видел, что они сделали с моей *нерушимой стеной* и как легко прошли сквозь *сетку* Герайда. И если они до сих пор не рядом, значит... Как? – мучительно захотелось мне закричать, но вместо этого снова опустился на колени перед окровавленными обломками стел. Эта девочка отыгрывает для нас минуты... Я должен что-нибудь придумать.

Нечто живое?.. Кто-то живой... Не мертвый... Вселить жизнь в мертвое... Недостающий компонент...

Ноилл!

Прикосновение стало отчетливым и резким. Я едва не заорал от безумного колючего холода, который, казалось, просто родился где-то во мне, и принялся сковывать плоть и обращать в лед кровь. В Мемориале не было стен, на которых могла бы возникнуть Тень. И ни один из проклятых камней не держал теней. Так что Ноилл воспользовался мной самим, чтобы прийти на зов...

– Я обещал тебе пристанище. – Я еле выдавливал слово за словом сквозь сведенные судорогой челюсти. – Я нашел для тебя новое жилище... Иди! – И опустил раскрытую ладонь

в вязкую кровь.

Ликующий, беззвучный, но ощутимый, как ударная волна, вопль сотряс реальность. А в следующее мгновение у моих ног разверзлась бездна. И мне померещилось, что я сижу не над мерзлыми камнями, залитыми темной кровью, а на краю пропасти и меня неудержимо влечет вперед, туда... В пасть.

Мерцало призрачное зеркало посреди камней...

Чтобы активизировать Мертвые Врата, не нужны живые жертвы. И кровь живая не нужна. А нужна кровь пустая и тень человека. Чтобы пройти по другой стороне... По стороне смерти.

– Как ты это... – Изумленный голос пробился как ручеек в снегу, промывая все большее пространство. Пропасть качнулась и отплыла на расстояние. Или это я отошел? Привкус незнакомой пряной волшбы таял, сменяясь резким запахом крови.

– Неважно, – услышал я собственный голос. – Теперь надо...

Страж лавиной обрушился сверху. Как тысячи острых, ранивших камней. Залепил глаза ледяным песком... Закричала Ксения. Зарычал Герайд. Я и сам завопил, не столько от страха, сколько пытаюсь убедиться, что могу хоть что-то протолкнуть через глотку...

Снова полыхнуло белым. В глазах расцвели огненно-красные цветы. Но дышать разом стало легче. И даже боковым

зрением можно было увидеть, как разметало подтянувшихся до опасной черты Стражей. И Ксению с воздетыми руками, на ладонях которой плясало кипенно-белое пламя... И то, что она вот-вот упадет в обморок. И еще то, что Герайд исчез...

Ошалело поведя глазами, я обнаружил его неподалеку среди камней. То ли отбросило, то ли Страж уволок.

А еще, подслеповато щурясь, я различил цепочку вполне живых огоньков наверху, по периметру Мемориала. Огоньки плясали, ерзали и метались. Там двигались люди с фонариками и факелами.

Ксения опустила руки, сделала шаг в сторону и, кашляя, повалилась ничком. Из носа потянулись черные струйки крови. Девушка явно ничего не различала вокруг. И, к счастью, не видела лежащего Герайда.

Ошеломленные ударом, Стражи вновь зашевелились, переходя в наступление. Теперь их уже ничего не удерживало...

Я перехватил девушку и проговорил прямо в бескровное, отрешенное лицо, надеясь, что она еще понимает.

– Прыгай! Мы с Гердом за тобой.

– ...Ты первый, – не столько услышал, сколько прочитал я по ее бледным губам. – Время истекло... Я чувствую...

– Успею! – как можно увереннее возразил я и помог ей подняться на ноги, не давая оглянуться. – Помни, куда ты хочешь попасть. Мы следом... – Ее потянуло из моих рук.

Незримое зеркало Врат качнулось, принимая путницу...

Я запоздало спохватился, что ничего не знаю о Мертвых Вратах. И что не стоило посылать в неизвестность Ксению первой. Мало ли куда уведет этот путь... Но и оставаться ей здесь было нельзя. Потому что Стражи сомкнули круг. Даже луна, казалось, утратила яркость... Воздух подернулся мутью.

Я едва различал Герайда, который пытался приподняться, а сгорбленный Страж раз за разом валил его наземь...

Пропасть дышала в спину, манила, суля спасение. Нельзя задерживаться...

«Время истекло...»

Искаженное яростью лицо врага: «Он в безопасности, и ему наша помощь не нужна...», «...он переступит и через тебя, если пожелает...» и полное отвращения: «...нашел время...» Ксения не знает, что он отлетел так далеко... Она никогда не узнает, что...

Я ощерился и молча понесся к Стражу и его жертве. Успеть, пока остальные твари не дотянулись. Потом разберусь, как я отношусь к этому парню. И потом набью ему морду... А сейчас и впрямь некогда!

К счастью, часть Стражей отвлекли идущие по периметру люди. К счастью, Стражи обладали плотью, пусть и эфемерной. И, к счастью, этой эфемерности хватало, чтобы наносить им ущерб...

Поддерживая друг друга, как два пострадавших от тап-

ка таракана, мы мучительно долго ползли к Вратам, поочередно волоча товарища по несчастью... И даже жгучий холод Врат показался нам... мне, во всяком случае, упоительно комфортным.

Мгновенное ощущение падения и полета в никуда... Привкус мерзлой земли, крови, ключевой воды и горячего песка, канифоль и ладан... Солнечный свет, бархатная тьма, зеленоватые отблески и чужой, бесконечно усталый, понимающий взгляд... Все вместилось в краткий миг перехода.

А потом твердая поверхность больно ударила по ступням.

Темнота упала со всех сторон, ослепила, пронизала насквозь, словно пытаюсь вымыть остатки света даже из души. Одновременно казалось, что тьма эта подвижна, многоглаза и многорука и тысячи ее рук обшаривают сознание в поисках неведомого... Ощущение мерзкое, но избавиться от него невозможно, потому что любая попытка магического сопротивления вязнет в этой тьме, как в сухой крупе. Внутренние барьеры рушатся один за другим под напором... нет, не напором, а бесплотным проникновением, излучением, просвечивающим насквозь...

Недавние и далекие воспоминания неожиданно поднимаются из глубин сознания, сплетаются в немых сочетаниях, частью выпячиваются, словно яркие шары, а частью истаявают беззвучно и бесследно...

В былые мои визиты в Трибунал ничего подобного не про-

исходило. Тогда здесь были люди. Просто люди с в меру про-
ницательными глазами и умами. Сильные и слабые маги. По-
своему справедливые судьи...

А сейчас только вязкая тишина и мрак, который опутыва-
ет не хуже кандалов, не давая двигаться.

И голос...

Утонув в этой безумной тьме и тиши, я не сразу осознаю,
что слышу Голос, который роняет звучные, разноцветные,
рождающие эхо слова, от которых по тишине и темноте идут
волны и всполохи, как при северном сиянии:

– ...Трой Стокол, Черно-Белый маг, объявляется лишен-
ным своего статуса на время разбирательства совершенных
им преступлений против общества в целом и, в частности,
против сообщества магов. В связи с тем что он не восполь-
зовался своим правом презумпции невиновности Тройю Сто-
колу или его представителю вменяется в обязанность опро-
вергнуть доводы обвинения. Если он не сможет предоста-
вить суду доказательства своей невиновности, Трой Стокол
лишается статуса мага на веки вечные...

Не успел, горячо стучало в ушах. Не успел. Время вы-
шло... Всего лишь несколько минут... Прикрыв глаза, я на
обратной стороне век видел выжженные алым цифры – три
двадцать восемь...

Если бы не вернулся за Гердом, успел бы?..

– ...Ни лиц, ни голосов, ни впечатков сил, дабы не иметь
соблазна благодарить или мстить тем, кто присутствует на

этом разбирательстве. Лишь тот, кто сам назовет свое имя, будет услышан обвиняемым...

Тьма отползла, отступила перед вспыхнувшим светом. Но свет этот был так ярк, что слепил не хуже любого мрака. Реальность разделилась пополам. И «линия» Терминатора прошла через меня.

Я отныне вижу только свет и мрак. Белое и Черное.

Слишком поздно.

Все голоса безличны. Они говорят непрерывно, спорят. Их суэта скользит по грани сознания.

– ...Совет не предназначен для принятия решений по каким-либо уголовным или гражданским делам. Прерогатива Совета разрешение споров между магами по вопросам, так или иначе имеющим касательство к области магий. А также оценка действий, нанесенных магическим вмешательством, и причиненного ущерба магами лицам, не имеющим магического звания. В том числе и защита прав и достоинства людей, не обладающих магическим даром, от посягательств, исходящих от магов. Прошу противные стороны не забывать об этом...

– ...Нарушение соглашения между Белым и Черным Кругом, самовольное уклонение от выполнений обязательств... причинение ущерба уважаемому Флаину Магрицу...

– ...Совершенное нарушение не соответствует наказанию!.. Да, безусловно Трой Стокол покинул место ссылки, однако есть ряд смягчающих обстоятельств...

Эх, Ленка. Укоризненное лицо и солнечные зайчики в карих глазах. Когда они успели так выцвести? «... Второстепенный персонаж в твоей, да и в своей жизни...» Перед тобой я действительно виновен, что не разыскал тогда, не сказал столько важного...

Так странно, я думал, что ты искалечила меня. А оказалось – выправила и все поставила на свои места.

– ...Также сторона защиты имеет сведения, что господин Флаин Магриц сам спровоцировал нападение на Троя Стокола, в связи с чем...

Фразы рассыпаются на слова, кружатся, будто сухие, никчемные листья. Задевают ломкими кромками:

«...сторона обвинения...», «...сторона защиты...», «...предписание...», «...причинение морального и материального вреда как лицам магического, так и лицам не магического сообществ...».

Очень хочется заткнуть уши. Но это бессмысленно, потому что неузнаваемые, обезличенные голоса проникают прямо в сознание, минуя органы чувств. Возьмется внутри, словно черви, выгрызая спокойствие.

– ...Также заявляем протест по поводу нарушения соглашения между Белой и Черной стороной о статусе Черно-Белого мага, поскольку в предоставленном свидетелем предмете, а именно в браслете из стеклянного серебра, содержался яд, предназначенный для убийства носителя этого предмета, что не оговорено...

Интересно, а кто в конце концов нашел браслет? Хотя нет, неинтересно. Какая, в сущности, разница?

– ...В таком случае Белая сторона также заявляет протест в связи с двойной сущностью приставленного к Черно-Белому магу агента. Как стало известно, Лука Обр является носителем раздвоенной души, и вторая личность данного человека также предназначалась для исполнения смертного приговора...

Я оторопело заморгал. Чужие голоса продолжали переговариваться, метая друг в друга доводы и контрдоводы. Мне казалось, что незримая «линия» Терминатора распиливает меня пополам в прямом смысле. На того, кто был до, и того, кем стану после... Если стану, конечно.

Мгновения текли неостановимо, превращаясь в часы.

– ...Таким образом, в деле об уклонении мага Троя Стокола от выполнения предписанных ему Трибуналом обязанностей по возмещению Белой стороне ущерба, нанесенного ранее, суд принимает предоставленные защитой смягчающие обстоятельства. Также Трибунал полагает, что сторона обвинения не привела суду достаточных доказательств причастности Троя Стокола к так называемому исчезновению Белой Королевы, однако...

Я задержал дыхание, предчувствуя недоброе.

– Однако Трибунал признаёт, что...

И снова, снова, снова... От сверкающей белизны слепит в глазах. От кипучего мрака мутится сознание. Не могу боль-

ше все это слушать. Вдруг подумалось, что теперь и здесь, когда решается моя судьба, все высветилось иначе, чем казалось. И то, что рвало сердце еще недавно, сейчас не имеет значения.

Лишат меня силы? Не так важно, как думалось. Потому что то, что отныне ценно для меня, не зависит от магии.

А от чего зависит?

– ...Есть среди собравшихся те, кто скажет слово в защиту Троя Стокола? – Вопрос прокатывается между светом и тьмой.

Правильно! Вот как раз от этого и зависит...

– Я, глава Круга Черных, Атан Корнил, выступаю в защиту Троя Стокола от имени всех членов клана...

– Я, Герайд Магриц, выступаю в защиту Троя Стокола от своего имени...

Я невольно вострепнулся. Но дальше последовало то, что поразило еще больше. Послышался голос хоть и чужой по звучанию, но все равно до боли знакомый:

– Я, Ксения Торжич, Белая Королева, выступаю на стороне защиты Троя Стокола, а также прошу Совет лишить меня статуса мага и разрешить мне воспользоваться своим правом передать его вышеупомянутому Трою Стоколу, если решение суда все-таки будет не в его пользу.

– Почему? – Беззвучный шепот оглушает, как набат. Мягкий, сильный удар по ушам. – Почему, девочка?

– Потому, что я хочу стать просто человеком. Свобод-

ной женщиной. И сама брать на себя обязанности, а не служить носителем предназначения. Потому, что отчасти я виновна в том, что Трой Стокол угодил в эту историю. Потому, что Трой может быть магом, оставаясь человеком. И потому, что он способен вовремя вернуться... – Даже тьма не могла скрасть задумчивую улыбку Ксении. А тишина не посмела утаить последние, едва различимые слова: – А еще потому, что готова отдать ему все... Я его люблю.

Темнота и тишина стали теплыми, безопасными и уютными, как объятие родного человека.

– Трой Стокол, Совет признает вас невиновным по пунктам обвинения, представленным суду Кругом Белых магов. Все обвинения опровергнуты свидетелями и защитой. Данное решение окончательно и обжалованию не подлежит...

Я едва успел перевести дыхание, как прозвучало зловещее «однако». Ненавижу это слово.

– ...Однако Совет находит вас виновным по следующим пунктам обвинения: нарушение предписания Трибунала и самовольное оставление места ссылки, что должно быть компенсировано Белой стороне. Условия и сроки будут оговорены отдельно. Следующий пункт обвинения состоит в нанесении вреда здоровью посредством магического вмешательства гражданину Лавру Подиполу, о чем свидетельствует предоставленная пострадавшим жалоба. Совет выносит решение лишить мага Троя Стокола статуса мага на срок до пяти лет...

И снова прозвучало «однако». Может, не так уж и плох этот оборот?

– Однако, принимая во внимание пожелание свидетеля Ксении Торжич о передаче своего статуса и учитывая сопутствующие смягчающие обстоятельства, а также помощь, оказанную магическому и научному сообществу обвиняемым, Совет принимает решение о немедленном возвращении полного статуса мага Трою Стоколу с обязательством компенсировать моральный ущерб, нанесенный пострадавшему гражданину Лавру Подиполу...

Голос говорил еще что-то, но я уже не слышал. Облегчения не было. Только смертельная усталость.

А потом свет перетек во тьму, смешиваясь.

Солнце, уже низкое, едва вскарабкавшееся на небосклон, разметенный ветром от туч, светило ярко и вызывающе, пытаясь согреть многовековые, промороженные насквозь камни Мемориала. Раскрашивало их желтыми бликами. Ласкало изломанные и выветрившиеся грани...

Словно какие-то струны разом лопнули после прошедшей ночи, и теперь Мемориал утратил свое строгое величие. Мареву древней силы над площадью его развеялось вслед за ночными тучами. Анфилада ярусов потекла, посыпавшись и лишаясь четких очертаний. Камни, прежде пепельно-черные, становились скучно-серыми, и ленивый ветер гонял между ними снежную поземку.

Только дышали Врата. Уже не действующие, но и не Мертвые. Как иногда случается с древними памятниками – знаешь, что это всего лишь гранит, но кажется, что он отвечает на прикосновение. Хотя в этих камнях и впрямь нашел пристанище призрак...

– Так, значит, – задумчиво грызя сухую былинку, выдержанную из зазора между камнями, спросил я, – ты и есть Белая Королева. Это многое объясняет.

Ксения засмеялась:

– Что, например?

– Ну например, почему ты такая самоуверенная, – вздохнул я. – А еще почему тебе было так плохо в Логове... Отчего я раньше не догадался?

– Оттого, что о Белых Королевах почти никто ничего не знает.

– Как же... Я вот слышал, что Королева Белых древняя, чуть ли не тысячелетняя старуха. – Я оценивающе покосился на нее. – Не могу не заметить, что для своего возраста ты прекрасно выглядишь.

Ксения снова засмеялась. Чуть смущенно и даже виновато, но весело и заливисто. Как ни разу с тех пор, как мы встретились.

– Белая Королева – это просто звание. Так именуют всех девочек, родившихся с уникальной силой... Меня вот тоже угораздило. Усилия моего отца не прошли даром... – Она мимолетно поморщилась. – Поэтому ни он, ни Белые нико-

гда бы не позволили мне отказаться от статуса.

– Разве плохо быть Белой Королевой?

– Плохо, – подтвердила она серьезно. – Представь, что тебе ежедневно, ежечасно приходится испытывать нечто противоестественное... Нет, даже физиологически-отвратительное, вроде непрекращающейся рвоты... Это как болезнь, утомительная и постыдная, от которой ты всю жизнь мечтаешь вылечиться и жить, как все нормальные люди... А кто-то пользуется твоей слабостью, чтобы получать свои выгоды, и от этого все становится еще отвратительнее...

Я отыскал ее пальцы, спрятавшиеся в рукавах куртки. Холодные, тонкие, так и кажется, что от тепла они растают бесследно.

– Ты прости меня, – тихо произнесла Ксения. – Я виновата перед тобой. Это действительно я втянула тебя в эту историю...

– Чепуха, – легкомысленно возразил я. Теперь я мог позволить себе роскошь быть беспечным по отношению к произошедшему. – Это история сама втянула нас...

– Это же я убедила их, что Белую Королеву похитил ты, – выжидательно глядя на меня, пояснила Ксения.

Я вопросительно поднял бровь. В этой истории многое уже стало на свои места. Но еще не все. Значит, настало время прояснить темные моменты.

– Мы ведь даже не были знакомы...

– Были. Причем дважды. В первый раз мы познакомились

с тобой... то есть я познакомилась с тобой, пока ты отбывал свое наказание в Звеннице. Помнишь невидимку в первой машине? Гордись, тебя сочли достаточно серьезным и непредсказуемым магом, чтобы тратить драгоценное время Белой Королевы на сопровождение твоих походов...

Я вспомнил. Неутомимый и безразличный к происходящему пассажир первой машины, вокруг которого стоял такой плотный кокон магической ауры, что если бы сила светила и излучала тепло, то окружающие бы были испепелены в считанные доли мгновения, как при вспышке сверхновой.

Ну может, я слегка и преувеличил...

– ...А второй раз мы познакомились с тобой в Галерее вольных художников. Помнишь девушку по имени Саня, к которой ты обещал заглянуть на будущую выставку?

– Саня... – повторил я, всматриваясь в лицо Ксении и мысленно проклиная себя за слепоту и идиотизм. Да, конечно, облик Сани был личиной, вот поэтому я потом так и не смог вспомнить лица рыжеволосой девчонки, но повадки, походка, жесты и многие мелочи были Ксениными...

Так вот почему в Галерее стояла такая сверхпрочная магическая защита. И я сам проломил ее в то давнее утро. Кре-тин.

– Давай я расскажу все по порядку...

...Уже несколько лет Ксения Торжич вела двойную, нет, тройную жизнь. Одна была светской жизнью дочери богатого промышленника. Вторая – утомительная жизнь Белой Коро-

левы. А третья, самая любимая, художницы Сани в Галерее. Про последнюю не знал никто. Выкроить несколько часов в неделю, чтобы сбежать от обязанностей и заниматься любимым делом, было непросто. Но в конце концов Ксения не зря слыла Белой Королевой, и выстроить нужную ей защиту было делом техники. И такая отдушина давала ей иллюзию нормального существования, а также того, что однажды она сумеет порвать с двумя первыми жизнями навсегда...

Причина для такого разрыва с каждым годом становилась все отчетливее. Она хотела уйти... Она перебирала и отбрасывала тысячи способов, понимая, что просто сбежать в никуда – это по-детски.

Но вот однажды появился Герайд. И тысячи причин для ухода слились в одну... Наверное, она все-таки любила его. И еще то, что он собой олицетворял, – свободу.

В Галерее вольных художников вместе с Ксенией работала и Леана Глетчер. Близкой дружбы не получилось, но девушки симпатизировали друг другу. Как-то раз Ксения услышала разговор Лены с одним ее приятелем – они стоваривались пригласить в Галерею и разыграть старого знакомого Ленки, некоего мага по имени Трой, который недавно прибыл в город и с которым у Ленки давние отношения. К тому времени Ксения отбывала скучную обязанность по сопровождению мага по имени Трой Стокол, и сопоставить эти два эпизода было несложно. Вот тогда она и решила воспользоваться моментом.

План был прост. Наверняка Трой Стокол согласится на предложение Леаны и прибудет в Галерею. И наверняка придумает, как это сделать втайне от всех. А значит, какое-то время никто из его окружения не будет точно знать, где именно он находится. И значит, можно создать его двойника, который в это время возникнет в покоях Белой Королевы, изобразит ее похищение и уведет возможную погоню за собой. Повадки и облик Троя Ксения успела изучить за долгие часы наблюдений, так что создать убедительную куклу было несложно.

– Понимаешь, я сама дала им повод обвинять тебя. Я же не знала, что все так далеко пойдет. Я думала, пока они будут искать тебя, я смогу переждать в Галерее, а потом, когда ты вернешься и докажешь свою невиновность, они окончательно потеряют след... Мне и в голову не приходило, что Ленка сможет затеять такое. И еще меньше я ждала, что именно устроят Белые... – сплетя пальцы с моими, признавалась Ксения. – Вечером в Галерее я нашла только Ленку, которая была в истерике и рассказывала что-то невнятное, но я поняла, что все пошло не так, как она хотела, и что ее, может быть, неумный, но безопасный розыгрыш обернулся для тебя большими неприятностями... Вот тогда я кинулась следом за тобой и теми, кто тебя уволок. Пришлось потратить время на поиски, но все-таки я разыскала поместье. Правда, опоздала, но ты был жив, и все, что я могла для тебя сделать, так это освободить...

Я вспомнил распавшиеся веревки и мелькнувшую тень в окне.

– И за монетки извини...

– Какие монетки?

– На билет на электричку. Я хотела задержать тебя в пригороде как можно дольше... Тот мальчишка, помнишь? Которого ты чуть не зашиб молнией?..

И это я, похолодев, вспомнил.

...К величайшему изумлению Ксении, Трой Стокол, вместо того чтобы возвращаться и тем самым доказывать непричастность к похищению Белой Королевы, пропажа которой уже была обнаружена, вдруг объявился в Галерее. Да еще и вел себя странно...

Озадаченная Ксения попыталась связаться со своими и вдруг выяснила удивительные вещи. Службы безопасности ее дома уже знали, что Трой Стокол не имеет отношения к похищению Белой Королевы. Но он все равно обвинялся в этом...

– Потому что им был нужен повод для преследования, – подсказал я мрачно. – Не могли же они во всеуслышание объявить, что Трой Стокол увидел нечто ненужное в Бурой Башне и потому его надо обезвредить как можно быстрее.

– Да, – согласилась Ксения. – Только я тогда об этом не знала. Я поняла, что вольно или невольно подставила тебя под удар. И неважно, причиной тому была только моя задумка или что-то еще...

– Не тревожься. Думаю, вы мне с Ленкой спасли если не жизнь, то свободу на тот момент. Если бы ваши выдумки не вытащили меня сразу после визита в Башню, очень может быть, что я исчез бы по пути от места событий до Павильона...

Потом дороги Ксении и Троя разошлись ненадолго. Галерею Ксении пришлось покинуть, потому что гостивший там Трой нарушил защиту безопасного убежища. Ничего не понимающая и еще не оценившая серьезности ситуации, но решившая воспользоваться сложившимися обстоятельствами и тем, что часть сил отвлечена на поиски пропавшего Троя, Ксения закончила кое-какие местные дела, прежде чем исчезнуть...

– Мы снова встретились с тобой в доме Авроры.

– Познакомившись в третий раз. И ты снова вытащила меня из ловушки...

Ксения мельком улыбнулась.

– Ты двигался параллельным маршрутом со мной. Я тоже хотела добраться до Врат в доме подруги. Но когда увидела тебя, мокрого с ног до головы, то поняла, что Врата замкнуты. И направилась в аэропорт...

– Та безумная вспышка – была твоя работа? Мне показалось, что я видел кого-то знакомого.

– Я решила, что это погоня за мной, и просто перепугалась. Я тогда еще не знала, что это твои преследователи настроены так серьезно...

– Позже мы сошлись уже в подземельях.

– Единственный путь, по которому могли пойти мы оба, не привлекая внимания. Правда, ты привел за собой Псов...

Дальнейшие наши приключения были совместными. Сильный маг способен скрыть свою силу. Так что Ксения успешно изобразила средненькую Белую магиню, а я принял это как должное. Почему? Надо будет поразмышлять на досуге об этом.

– Ответь мне теперь на один вопрос. Но на этот раз честно, – сказал я, выбросив истерзанную былинку прочь. – Что вы с Гердом делали возле Баклаг?

– Ждали тебя... – отозвалась Ксения негромко. – Почти все, что я сказала раньше, – правда... Я действительно заглянула в тебя, когда ты отдал мне часть своей силы... Трой, я знаю, какой ценой ты вытащил меня оттуда...

Я поморщился.

– ...Но дело даже не в этом. Я слишком много увидела, чтобы позволить тебе просто исчезнуть из моей жизни... И мы слишком много времени провели вместе там, где нет места неправде... – Она говорила это, глядя в сторону. – Я не могла допустить, чтобы ты попал в беду. Я опоздала предупредить тебя о Магрице. И построила «линию» вероятности, чтобы знать, где ты будешь дальше...

Ксения повернулась, взглянув на меня сияющими глазами:

– Понимаешь, я...

И я потянулся навстречу, не дав договорить. Все и так понятно, а снова поцеловать ее мне хотелось невероятно и уже давно.

– Не помешаю, молодые люди?

Пропади ты пропадом, как некстати!! Мы прынули друг от друга.

Позади, на крошащихся камнях верхнего яруса, стоял Лука. Такой же, как всегда. Непроницаемо улыбающийся. Желтоглазый. Громадный. С темной, глянцевої кожей.

Я едва подавил непреодолимое желание вскочить и заслонить собой Ксению. Тем более что в ладони Луки, как и в день нашей последней встречи, был телефон.

– Спокойно! – Лука развел руки, верно оценив брошенный мной взгляд. – Это обычный телефон. И все уже кончилось.

– Что тебе надо?

– Поговорить. Вернуть нашим отношениям былую доброжелательность.

– После того как ты пытался убить меня?

– И это спрашивает тот, кто первым напал на меня? – искренне возмущился Лука. – И спутал все карты?

– То есть?

– То есть ты сам лишил себя защиты тогда возле Башни, когда вывел меня из игры. Видишь ли, в мои обязанности входило не только защищать мир от тебя, но и тебя от внешнего мира. И в частности, от Белых, Черных и прочих...

На площадь Четыреждыженатого приходил не я, ты же слышал... – Лука с неудовольствием сознался: – До того момента даже я не знал, что он сидит во мне... Вторая ипостась, надо же... Ты вывел меня из строя, и этим воспользовались другие. Те, кто слышал наш разговор, успели к месту встречи раньше меня.

– Так. Теперь и ты по порядку.

– Ну тогда зайдем издалека...

...Среди Черных и среди Белых давно уже сложились всяческие союзы и объединения. Как внутри каждой стороны, так и между ними. Часть выступала за вечное разграничение полномочий и стабильность нынешнего мира. Другая часть, напротив, за смешение магий, прекращение бессмысленного, по сути, разделения, потому что понимающие люди давно осознали, что корень любой магии один и развод существует для удобства властвования отдельных личностей или кланов.

Представители и той и другой стороны не находили общего языка. И давно искали способ доказать правоту своей позиции и доказать, например, первичность Белой или Черной магии.

Но есть и одна совсем крамольная версия. Согласно ей, дело было совсем не так...

Наметившееся еще в последние годы обучения расхождение между друзьями постепенно превратилось в пропасть. Старик подмечал это еще с тех пор, как оба его питомца старались избегать разговоров о прежнем товарище, когда навещали учителя. А затем Старик покинул разросшийся и ставший слишком шумным поселок и поселился в сторожке, в лесу, и все равно регулярно получал отголоски слухов, сведений, рассказов об успехах и неудачах своих бывших учеников. И, слушая, хмурился. Бывшие друзья, оба одаренные, нашли свои пути в этом мире. Жаль только, что пути эти были диаметрально противоположными.

Один, говорят, выбрал путь мага. Другой – властителя дум и мечей.

За каждым из них шли друзья, сторонники, просто попутчики, и оттого и без того потрепанный войнами мир вновь раздирало на две части. И снова магия, как отравка, пропитывала души людей. И снова человеческие страсти, как яд, насыщали и разъедали любую волшбу, превращая равнодушную силу в гремучую смесь...

Говорят, один действительно стал незаурядным магом и великие силы спешили служить ему (Старик недоверчиво усмехался, слушая это). Говорят, за другим люди шли на смерть и человеческая воля одолевала любые прочие силы

(Старик задумчиво улыбался)...

Когда мир снова был на пороге чудовищной катастрофы, когда два властителя осознали, что на одной земле им двоим недостаточно места (а разве не так всегда происходит?) и последняя, решающая битва уже опаляла думы соперников, кто-то из мудрых, а может, самых трусливых предложил решение – поединок между двумя вождями. Один на один.

Да, это были легендарные времена. Тогда такое было возможно...

Арбитром между противниками единогласно был выбран последний Великий Маг. Кому еще, как не ему, рассудить своих бывших учеников? И в кои-то веки два ученика согласились друг с другом и пришли вместе в сердце леса просить Великого оказать им честь быть судьей на поединке.

В урочный день, в урочный час была назначена последняя встреча. И выбрано место, подальше от людских поселений, в горной долине, где после отгремевшего сражения между ледовыми и огневыми магами ничто живое уже не смело поднять голову. Вокруг поля поставили защитный периметр, способный задержать любое негативное воздействие как изнутри, так и извне.

Каждому из противников было выделено время на подготовку. Каждый получил право использовать то оружие и те методы, которые сочтет нужным.

Великий Маг дал свое согласие судить поединок с условием, что сам позаботится о судьбе проигравшего.

Пафос пафосом, но простые зрители тоже спешили наслаждаться небывалым зрелищем. Никакая опасность или торжественность момента не могли помешать им устроиться поудобнее. И зрители возвели и оккупировали насыпь вокруг центра событий. И никакая сила, ни магическая, ни чародейская, не смогли бы лишить их удовольствия присутствовать и наблюдать.

Как никакая сила не смогла бы прогнать и тех, кто был причастен к этим событиям, хоть и не участвовал в них непосредственно. Среди зрителей, но держась отчужденно, находилась высокая русоволосая женщина, окруженная кольцом стражи. Стояли неподалеку молчаливые, внимательные воины с обветренными, неподвижными лицами, а рядом с ними насмешливые студенты и степенные преподаватели – такие разные, но и те и другие едва сдерживали внутреннее напряжение, ожидая появления своего вождя. Горожане и хуторяне, торговцы и солдаты, музыканты и шлюхи...

Старик задумчиво щурился, рассматривая разноцветное море. У его Старшего определенно было больше сторонников... Нет, правильнее будет – соратников и друзей. Смелый воин, изобретательный полководец, умный политик и, по всеобщему мнению, благородный человек, он притягивал к себе людей разных и удивительно непохожих. Впрочем, и у Младшего их хватало. Чужая сила привлекает порой эффективнее благородства. И не только трусливых и хитрых – иногда и слишком категоричных или стремящихся к скорым

плодам...

– Скажите, господин Маг, а это правда, что вы были его учителем? – осмелился спросить служка, подававший Старику чашку с водой. Паренек был юн, лопоух и восторжен сверх меры. Слишком молодой, чтобы помнить об ушедших временах, когда даже Князь не решился бы вот так запросто задать дурацкий вопрос Великому.

Но кто теперь помнит о былых титанах? Теперь другие кумиры.

– Правда, – отозвался Старик, не сразу догадавшись, о ком из них идет речь. Кажется, этот паренек из поклонников Младшего. Юный чародей, наверное.

– О! – Глаза паренька расширились в восхищении. – Так это вы открыли его магический дар?

– Магический дар? – машинально переспросил Старик. – У которого?

Мальчик посмотрел на Старика странно. Во взгляде его изумление смешалось с сомнением. «А не выжил ли старик из ума, если задает такие вопросы?» – читалось в ясных, простодушных глазах служки.

– Магический дар есть только у одного, – сказал Старик с заметным запозданием. – Только к его открытию я не имею никакого отношения... – Юный служка уже находился вне пределов досягаемости этих загадочных, с привкусом горечи слов.

...Двое вышли на поле. На огромной площадке они ка-

зались одинаково маленькими; сближались неторопливо до условленной черты. Один был облачен в белую одежду, другой в черную, чтобы все могли даже издали отличать соперников, потому что иных отличий уже почти и не разобрать. Со временем оба они стали почти одного роста, одинаково плечисты, одинаково уверены в поступи. Шевелюра обоих выгорела от солнца и поседела, хотя по возрасту они едва перешагнули порог зрелости...

Сблизились, обменялись рукопожатиями, перекинулись несколькими словами и поклонились трибуне, где находился Старик, затем трибуне, где замерла русоволосая женщина, и затем зрителям...

...Подробности сражения ушли в вечность. Попеременно верх брал то один, то другой. Не зря им обоим дали время на подготовку, поэтому даже поле битвы играло на руку то одному, то другому сражающемуся. Магический шторм наткнулся на выстреливающие из-под земли рассекатели ветра, созданные механиками. Огненная лава уходила в вырытые в земле ямы. Огнебои разбивались о щит противника. В свою очередь стрелы относило в сторону, ножи разлетались в воздухе, меч рассекал фантомов...

Один был великим воином и искусным стратегом. Он неплохо изучил сильные и слабые стороны соперника и вычислял его действия на несколько шагов вперед. И пока маг плел заклинание, воин успевал подобраться ближе и напасть. Или отразить силу заклятия обратно, в создателя его. Ско-

рость воина, его рефлексy и умение реагировать на происходящее были исключительными...

Второй же успешно пользовался хлещущей через край энергией, норовя оглушить, залить, уничтожить противника безумными силами, подвластными ему, ориентируясь на масштаб, а не на искусность. Но как плюющий огнем дракон, он не успевал отвернуться от надоедливой мошки-драконоборца, вездесущего и неутомимого... Маг, наверное, мог победить, потому что за его спиной стояли могучие силы, но поскольку он все еще был человеком, по скорости реакции другой человек мог вполне успешно соперничать с ним. И какая, по сути, разница, что сразит соперника – огненный столб высотой до небес или хорошо отточенная сталь возле ребер?

Исковерканная боем земля содрогнулась от очередного удара... Нет, это не маг. Это его противник запустил странную штуковину, сооруженную его другом-изобретателем, и рядом с магом образовалась огромная воронка, а разлетевшиеся камни рикошетом били по защитному периметру...

Взрвели ликующие зрители, но невредимый маг выбрался из *глухого кокона* и в свою очередь направил в сторону недруга *хохочущего демона*. Снова содрогнулась земля...

...Мало кто видел, что происходит там, за дымной сплошной завесой.

Но внезапно воцарилась тишина.

Двое кружили друг против друга. Заляпанные грязью и

гарью, их костюмы давно утратили свой изначальный цвет, так что разобрать, кто из них кто, не мог ни один зритель. Они вращались вокруг невидимой оси, намертво сцепившись взглядами, и тишина царила такая, что даже на верхних трибунах можно было слышать, как скрипит и чавкает грязь, под ногами соперников.

Одно малейшее движение... Едва один утратит контроль над соперником...

Кажется, что один движется чуть скованнее, медленнее, будто пытаюсь преодолеть незримые путы. Но и второй несвободен. Удерживать противника в узах не так легко...

Один на один, как и было задумано с самого начала. Рефлексы бойца и навыки мага... Или просто один человек против другого пытается отстоять свою правду?

Один поскользнулся, второй вскинул руку... В звенящей тишине вскрикнула русоволосая женщина. Кажется, только ей удавалось отличать противников. И они оба отвлеклись на этот вскрик, дернулись, потеряли мгновения... Путы распались. Двое покатались по земле... Захват!

...Не только русоволосая женщина знала, кто из противников кто. Соперников различал и сидевший на месте судьи мрачный Старик. Только он видел то, что недоступно было никому на всем свете. Как то один, то другой одолевал врага, но отчего-то не наносил последнего удара. Как у одного из них была секунда, чтобы убить противника, когда тот отвлекся на голос любимой женщины, но он не воспользовался

своим преимуществом. Как двое сцепившихся противников сошлись в позиции безнадежной и абсолютно патовой. Воин извернулся и взял противника в такой захват, что малейшее движение сломало бы тому шею. Но маг все еще удерживал своего врага в чародейских путах, не давая себя убить, зато через какое-то время, когда силы его соперника иссякнут, маг смог бы одолеть его почти без усилий.

Кто его знает, о чем думали эти двое. Только Старик видел, как маг неожиданно снял заклятие с противника. А воин, имевший возможность сломать соперника, внезапно разжал захват.

Среди поля боя, взрывая истерзанную почву, вдруг поднялись, вырастая из-под земли, как невозможные деревья, две каменные стелы, между которыми замерцало призрачное зеркало. И один из бывших противников поднялся на ноги и, не оборачиваясь, прошел через него. Навсегда исчезнув из реального мира. Потому что одним из условий этого поединка было то, что проигравший навсегда уходит из мира через Врата, созданные Великим.

А тот, что остался, был изуродован схваткой настолько, что даже родные не смогли бы его узнать...

– Так кто же победил? – растерянно спросил служка.

Вопрос навсегда повис в воздухе.

...Кто из них ушел? Воин, осознавший, что маг сильнее? Или маг, который увидел, что в случае его победы он останется один, в окружении сторонников, но не друзей. Что лю-

бимая женщина все равно не станет его, даже если он докажет свое превосходство. А его единственный друг останется лежать на этом поле навечно? И что никогда его сила не поможет достичь того, что действительно нужно ему, а значит, смысла в этой силе он больше не видел?

Это только в легендах все заканчивается с финальным поединком. А в жизни людей здесь все только начинается. Сторонники воина и сторонники мага объявили, что именно их предводитель одержал победу. И что другая сторона нарушила все договоренности. И что по цвету своего предводителя они теперь будут зваться Белыми или Черными. Кто-то поверил таким утверждениям, кто-то нет. Одни встали под обретшие цвет знамена, другие предпочли уклониться...

И началась война... Новая, первая из череды подобных... Те, кто знал истину, молчали. Или их не смели слушать.

* * *

– Сведения о том, что основателем клана мог быть совсем даже и не маг, ни Черным, ни Белым не нужно. Это ж потрясение устоев не только в магических кругах, но и во всем мире, – проговорил Лука.

– А при чем тут Башня?

– Согласно легенде, Великий Маг, наставник двух соперников, после окончания их сражения поднял над полем Врата, через которые побежденный навсегда ушел из мира и по-

селится в Бурой Башне.

– Кто из них?

– А вот это так и остается загадкой до сих пор. Башня хранит свою тайну. Точнее, ее хранит ее обитатель. Или ее обитатели. Говорят, однажды туда пришел и победитель... Вот уже много веков маги и люди пытаются проникнуть за стены Башни, чтобы услышать... хоть что-нибудь. Но ни магам, ни людям Башня не желает говорить ничего. По преданию, ее обитатель согласен разговаривать только с тем, кто и маг, и простой человек одновременно. Для кого сила всего лишь инструмент для достижения человеческих целей. Кто не отказывается от своего дара, но умеет не использовать его тогда, когда в этом нет необходимости. Кто не имеет цвета. И не имеет корысти.

Лука потер подбородок.

– Мы давно подбирали кандидатов. Попытки найти Ключ к Башне велись не один век. Были люди, были маги... Появился ты. Черно-Белый.

– Случайно появился? – вставил тихо я. – Много лет назад неподалеку от этой Башни разбились мои родители.

– А ты уцелел.

– Вот именно.

– Не спеши искать виноватых. Возможно, те, кто ждал в Башне, воспользовались ситуацией...

– А может, спровоцировали ее.

Лука пожал плечами, бесцельно вертя в ладонях свой те-

лефон. Между прочим, одна из самых свежих моделей, представленных пока только на Белой стороне.

– Что ж, мы тоже воспользовались ситуацией, решили попробовать и твою кандидатуру. Правда, пришлось потрудиться. Все-таки Башня расположена на Белых территориях, а ты, скорее, относился к Черным. Но подкинуть тебе идею с экспериментом, а потом подсказать Совету нужную форму наказания оказалось делом техники...

– Значит, тебя приставили для наблюдения?

– В том числе и для наблюдения.

– ...«Сила всего лишь инструмент для достижения человеческих целей»... – процитировал я мрачно. – Откуда вы знали, кого выбрать?

– А мы и не знали. В таких вещах проще действовать экспериментально, натываясь на интересные феномены. И кажется мне, что не мы выбрали тебя для визита в Башню, а кто-то другой.

– Кто?

– Обитатели Башни. Или Великий Маг. Очень может быть, что они знали о тебе больше, чем ты сам. Или чем знали мы.

Я подумал и спросил:

– Но ведь я ничего не видел?.. То есть почти ничего.

– Видел... В Трибунале твоя память была развернута как книга. Это обычная, хотя и бесцеремонная процедура. И тогда тайна, за которой гонялись Черные и Белые, была про-

читана...

– И что же? Кто он, этот обитатель Башни? Маг или человек?

Лука помолчал, улыбаясь рассеянно. И поднялся на ноги, возвысившись над нами темной башней, заслоняющей солнце.

– А вот об этом я рассказывать не уполномочен. Тайна пусть остается тайной. Никому сейчас не нужны ответы на подобные вопросы. Все, что ты узнал, занесут в Книгу Памяти, чтобы не утратить в веках... А практической пользы из этого знания не извлечет никто. – Он усмехнулся. – Собственно, именно в этом и состояла суть моей миссии.

– Как не стыдно, – укоризненно сказал я. – Закапыватели истин!

– Ничего. Некоторым истинам вовсе незачем высовываться оттуда, где они похоронены. Башня опустела. Логово Великого Мага разрушилось. Мертвые Врата больше не ведут никуда. А сегодняшний мир пусть занимается разрешением проблем нынешних. Рано или поздно, когда уже никому не будет интересно, кто первой и круче, Белые или Черные, наши потомки прочтут Книгу Памяти. И то, что сегодня может стать бомбой, тогда будет всего лишь исторической диковиной.

– Такое время наступит?

– Поживем – увидим...

И Лука зашагал прочь, легко прыгая по камням, направ-

ляясь к Академии. Я смотрел ему вслед, раздумывая. Говорите, в Книге есть ответы на все вопросы? Или лучше вернуться в Бурую Башню?

Солнце неудержимо клонилось к зубцам гор. Туристы волновались за пределами обезлюдевшего и обветшавшего Мемориала. В прозрачном воздухе кружили острокрылые птицы...

Где-то в городе собирал вещи для отъезда и запаковывал отцовский гобелен мрачный Герайд. Возможно, его потери в этой истории самые болезненные... Где-то там же переживал поражение и пытался что-то предпринять для отмены необратимого решения отец Ксении. Куда-то спешил, посмеиваясь, проницательный Ловчий с синяком на физиономии, а возможно, он уже выписывал круги вокруг гостевого домика в усадьбе вице-губернатора Глова. Где-то свирепствовал доктор Нота, лишившись возможности изучать интересующий его объект, и отдыхал от забот Риво Никош. Где-то там же выясняли отношения Корнил с Магрицем, Черные и Белые, союзы и альянсы, пытаюсь выработать новые стратегии для решения своих задач, а давно принявшая свое решение Веранна беседовала с котом...

Где-то и кто-то вносил строку за строкой в Книгу Памяти для потомков или для вечности, если у людей так никогда и не появится желание взглянуть на эти страницы.

Как это все сейчас далеко.

– Какие планы у тебя на вечер? – осведомился я.

– Так и не удалось мне осмотреть достопримечательности славного Академграда, – произнесла Ксения, рассеянно наблюдая за птицами. – Потратит ли знаменитый Черно-Белый маг свое драгоценное время на проведение экскурсии для бедной простой художницы?

– Этот разноцветный маг готов потратить на развлечение бедной художницы целую жизнь, если она согласится.

– Не будем заглядывать так далеко, – засмеялась Ксения. – Пока я бы хотела увидеть его на своей выставке весной... Ну и еще получить обратно то волшебное колечко фей. Оно так нарядно блестит...

А, плевать на любопытствующих туристов. И плевать на настырное солнце, таращившееся с небес. Теперь для нас не имеют значения никакие небесные светила, и наше время мы станем отсчитывать сами. А пока пусть оно остановится, чтобы миг соприкосновения губ и взглядов длился бесконечно...